

САРА ЛАРК

Земля
белых облаков

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Annotation

Две девушки на палубе корабля. Впереди - неизвестность. Красивая и образованная Гвинейра даже не предполагает, чем закончится ее путешествие в Новую Зеландию. Хелен получила несколько писем от незнакомца и... решила стать его женой. Она плывет к жениху, даже не зная кто он...

- [Сара Ларк](#)
 - - [Отъезд](#)
 -
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [Что-то вроде ненависти...](#)
 -
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [ПРИБЫТИЕ](#)

- - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

Сара Ларк

Земля белых облаков

Оригинал : Sarah Lark « Im Land der weißen Wolke »

Отъезд

ЛОНДОН, ПОУИС, КРАЙСТЧЕРЧ 1852 год

«Англиканская церковь Крайстчерча (Новая Зеландия) ищет благопристойных молодых женщин, имеющих опыт ведения домашнего хозяйства и обращения с детьми и желающих вступить в христианский брак с порядочными и обеспеченными членами нашей общины».

Взгляд Хелен на мгновение задержался на неприметном объявлении, напечатанном на последней странице церковной газеты. Учительница быстро пролистала ее, пока дети молча выполняли очередное грамматическое упражнение. Хелен с удовольствием почитала бы книгу, но нескончаемые вопросы Уильяма не давали ей сосредоточиться. Вот и теперь склоненная голова одиннадцатилетнего мальчика снова взметнулась и из-под копны каштановых кудрей показалось озадаченное детское лицо.

— Мисс Дэвенпорт, в третьем абзаце... там нужно писать «чтобы» или «что бы»?

Хелен со вздохом отодвинула газету в сторону и уже в который раз начала объяснять, что «чтобы» — это союз, употребляющийся для присоединения придаточного цели к главному предложению, а «что бы» — это местоимение с частицей. Уильям, младший сын ее работодателя Роберта Гринвуда, был милым, но не очень смышленным мальчуганом. Ни одно задание он не мог сделать без помощи Хелен и, казалось, забывал все ее объяснения быстрее, чем она успевала договорить до конца. Единственный талант Уильяма заключался в умении смотреть беспомощным детским взглядом и щебетать тонким мальчишеским сопрано, вызывая у взрослых безграничное умиление. Особенно хорошо у него получалось это с матерью. Когда мальчишка прижимался к ней и говорил, как здорово было бы поиграть во что-нибудь вместе, Люсинда сразу же отменяла все назначенные Хелен дополнительные занятия. Неудивительно, что Уильям до сих пор так и не научился хорошо читать. Да и самые простые грамматические упражнения были для него непосильным заданием. А уж о том, что однажды мальчик окажется в стенах такого престижного колледжа, как Итон или Оксфорд, чего желал его отец, не стоило и мечтать.

У шестнадцатилетнего Джорджа, старшего брата Уильяма, наигранно беспомощное выражение лица последнего не вызывало ни малейшего сочувствия. Он лишь многозначительно закатил глаза и ткнул в учебник, где предложение, над которым Уильям корпел уже полчаса, было указано в

качестве примера. Джордж, высокий, немного угловатый юноша, уже давно справился со своим переводом с латыни на английский. Он всегда выполнял задания быстро, хотя и не без ошибок, — классические предметы нагоняли на него скуку. Джордж никак не мог дождаться того дня, когда его примут в фирму отца, занимавшуюся импортом и экспортом различных товаров. Он мечтал о путешествиях в далекие страны и открытии новых рынков в колониях, которых у Великобритании при правлении королевы Виктории буквально с каждым часом становилось все больше и больше. Джордж, без сомнения, был прирожденным коммерсантом. Он уже сейчас демонстрировал прекрасные дипломатические качества и умел целенаправленно использовать свое природное обаяние. Порой Джорджу удавалось смягчить даже строгую учительницу Хелен и уговорить ее немного сократить занятие. Подобную попытку юноша предпринял и сегодня, после того как Уильям наконец-то понял, как нужно писать правильно или, по меньшей мере, откуда можно списать. Хелен потянулась к тетради Джорджа, чтобы проверить и его работу, но юноша небрежно отодвинул ее в сторону.

— Ох, мисс Дэвенпорт, неужели вы действительно хотите перечитывать это по второму разу? Этот день слишком хорош для того, чтобы учиться! Давайте лучше немного поиграем в крокет... Вам стоит поработать над техникой удара, иначе на следующем празднике вы снова все время проторчите на краю площадки и никто из молодых людей не обратит на вас внимания. Так вам никогда не удастся выйти замуж за графа и придется до конца своих дней мучиться с такими безнадежными учениками, как наш Уилли!

Хелен закатила глаза и выглянула в окно. Вид затянутого тучами неба заставил ее наморщить лоб.

— Хорошее предложение, Джордж, но на улице, кажется, собирается дождь. Пока мы приберемся здесь и спустимся в сад, он наверняка начнется. Думаешь, промокнув до нитки, я обрету в глазах благородных джентльменов более привлекательный вид? И с чего это ты вообще решил, что я хочу выйти замуж?

Хелен попыталась придать своему лицу как можно более равнодушное выражение. Это было для нее нетрудной задачей: работая гувернанткой в семьях высших кругов Лондона, очень быстро учишься скрывать свои настоящие эмоции. В доме Гринвудов Хелен была чем-то средним между членом семьи и обычной гувернанткой. Она ела за одним столом с хозяевами и нередко принимала участие в устраиваемых у них праздниках и увеселительных мероприятиях, однако опасалась открыто выразить свое

мнение и привлекать к себе излишнее внимание. Поэтому о том, чтобы Хелен беззаботно прохаживалась между молодыми людьми во время игр в саду, не могло быть и речи. Она старалась держаться подальше от них, вежливо беседовала с дамами и украдкой присматривала за своими воспитанниками. Конечно, порой взгляд девушки на секунду задерживался на лицах юных джентльменов, а изредка она даже позволяла себе немного помечтать, представляя, как прогуливается по собственному парку с каким-нибудь симпатичным виконтом или баронетом. Но ведь Джордж не мог этого знать!

Юноша пожал плечами.

— Ну, вы же зачем-то читаете подобные объявления! — дерзко ответил он и, снисходительно усмехнувшись, показал рукой на церковную газету. Хелен сразу же пожалела, что оставила лежать ее на своем столе. Конечно же, заскучавший Джордж не мог не поинтересоваться, что читает его учительница, пока она помогала Уильяму разобраться в упражнении.

— К тому же вы отлично выглядите, — добавил юноша, решив сгладить свою резкость комплиментом. — Так почему бы вам не выйти замуж за какого-нибудь баронета?

Хелен закатила глаза. Она знала, что ей следовало бы отчитать юношу, но вместо этого только улыбнулась. С таким обаянием и находчивостью Джордж, несомненно, в будущем будет пользоваться успехом у представительниц прекрасного пола, да и в целом умение тонко льстить пригодится ему на светских мероприятиях. Однако так ли уж много пользы принесет это Джорджу в Итоне? Кроме того, Хелен не обращала внимания на такие глупые комплименты. Она знала, что ее трудно было назвать образцом классической красоты. Черты ее лица были правильными, но не очень приметными: рот узковат, нос немного заострен, а спокойные серые глаза смотрели на мир немного скептически и, пожалуй, слишком серьезно для того, чтобы пробудить интерес богатого молодого бонвивана. Самой большой гордостью Хелен в ее внешности были длинные гладкие шелковистые волосы насыщенного каштанового цвета, отливавшие на солнце медно-красным. Разве что эти роскошные волосы могли кого-нибудь очаровать, если бы Хелен позволила им свободно развеяться на ветру. Некоторые девушки частенько делали так во время пикников и праздников под открытым небом, на которые Хелен разрешалось приходить вместе с Гринводами. Набравшись мужества, юные леди жаловались своим кавалерам, что умирают от жары, и под этим благовидным предлогом снимали шляпку или же просто делали вид, что ее случайно сдуло ветром, когда молодые люди катали их в лодке по пруду Гайд-парка. Затем они как

можно незаметнее распускали ленты, встряхивали головой, позволяя шпилькам высыпаться из прически, и поражали взор спутника своими роскошными локонами.

Хелен никогда бы не отважилась на такой поступок. Будучи дочерью священника, она получила строгое воспитание и с самого детства носила волосы заплетенными в косу и аккуратно заколотыми. К тому же Хелен пришлось рано повзрослеть: ее мать умерла, когда девочке было двенадцать, и ведение домашнего хозяйства, как и забота о трех младших детях, свалились на хрупкие плечи старшей дочери преподобного отца Дэвенпорта, которому было не до возни в детской и в кухне. Он был поглощен работой на благо своей общины, занимался переводами и толкованием религиозных текстов. На Хелен он обращал внимание только в тех случаях, когда она проявляла интерес к его деятельности. Для девочки же бегство в расположенный под крышей кабинет отца было единственным способом укрыться от криков и беготни младших братьев. Когда они только взялись за букварь, Хелен уже могла читать Библию на греческом. Прекрасным каллиграфическим почерком девушка переписывала тексты проповедей отца и наброски его статей для информационной газеты, которую читала огромная община Ливерпуля. Времени для других развлечений у нее не было. И если Сьюзен, младшая сестра Хелен, ходила на благотворительные ярмарки и церковные пикники лишь для того, чтобы познакомиться с молодыми людьми из общины, то Хелен приходилось стоять за прилавком, печь торты и разливать чай.

В результате Сьюзен уже в семнадцать вышла замуж за сына известного врача, в то время как Хелен после смерти отца была вынуждена пойти в гувернантки. Значительная часть ее жалованья уходила на оплату обучения младших братьев, один из которых должен был стать юристом, а другой медиком. Наследства, оставленного отцом, не хватило для того, чтобы дать им возможность получить подобающее образование, к тому же ни один из братьев не старался сократить срок своей учебы и получить диплом как можно раньше. С гневом Хелен подумала о том, что на прошлой неделе Саймон снова с треском провалил один из экзаменов.

— Баронеты обычно женятся на баронессах, — немного резковато ответила она Джорджу. — А что касается этого... — она показала на газету, — то я читала статью, а не объявления.

Джордж ничего не ответил, но многозначительно усмехнулся. Статья была о том, как лечить артрит с помощью тепла, и наверняка представляла большой интерес для пожилых прихожан, но мисс Дэвенпорт явно не страдала от ломоты в суставах.

Все же, взглянув на часы, учительница решила закончить послеобеденный урок. Меньше чем через час должны были подать ужин. И если Джорджу, как и Хелен, требовалось не больше пяти минут, чтобы переодеться, причесаться и спуститься к столу, то вытащить Уильяма из перепачканного чернилами костюма и привести его в приличный вид всегда было долгой процедурой. Хелен была благодарна небесам, что хотя бы за внешний вид Уильяма приходилось отвечать не ей. У мальчика была своя няня.

Юная учительница завершила урок общими словами о пользе грамматики, которые оба мальчика слушали вполуха. Уильям радостно вскочил, тотчас же позабыв о своих тетрадях и учебниках.

— Мне еще надо побежать и показать маме, что я нарисовал! — заявил он, по всей видимости намекая, что убирать за ним придется Хелен. Она ведь не могла допустить, чтобы он помчался к матери в слезах и жалобно поведал ей о какой-нибудь вопиющей несправедливости со стороны бессердечной учительницы.

Джордж мельком взглянул на корявый рисунок брата, который его мать наверняка сразу же сопроводит множеством похвал и восхищенных вздохов, и лишь бессильно пожал плечами. Затем юноша быстро собрал свои вещи и вышел из комнаты. Хелен перехватила его почти сочувствующий взгляд и поняла, что до сих пор думает о словах мальчика. «Если вы не найдете себе мужа, вам придется до конца своих дней мучиться с такими безнадежными учениками, как наш Уилли». Хелен взяла в руки церковную газету. Она уже собиралась выбросить ее, но внезапно передумала и с почти вороватым видом спрятала газету в карман.

Роберт Гринвуд не мог уделять слишком много времени семье, однако ужин с женой и детьми был для него чем-то вроде священной обязанности. Присутствие юной гувернантки его ничуть не смущало. Напротив, он частенько вовлекал мисс Дэвенпорт в разговор и интересовался ее мнением о последних событиях в мире, литературе и музыке. Во всем этом мисс Дэвенпорт разбиралась куда лучше его супруги, чье классическое образование оставляло желать лучшего. Интересы Люсинды ограничивались ведением домашнего хозяйства, потаканием младшему сыну и участием в женских комитетах различных благотворительных организаций.

В этот вечер Роберт Гринвуд, как и всегда, встретил появление учительницы радушной улыбкой, вежливо поприветствовал Хелен и помог ей усесться за стол. Девушка ответила ему такой же искренней улыбкой, стараясь при этом показать, что она предназначена обоим супругам.

Миссис Гринвуд ни в коем случае не должна была подумать, что гувернантка флиртует с ее мужем. Тем более что Роберт Гринвуд, высокий и стройный, с узким лицом и умным взглядом пытливых карих глаз, без сомнения, был очень привлекательным мужчиной. Коричневый костюм-тройка с золотой цепочкой от часов подчеркивал превосходную осанку мистера Гринвуда, а своими манерами он ни и чем не уступал джентльменам из дворянских семей, с которыми ему приходилось иметь дело. Однако в высших кругах Лондона к Гринвудам относились неоднозначно, поскольку они были выходцами из низов. Отец Роберта создал свое процветающее предприятие, начиная практически с нуля, и сын теперь пытался приумножить благосостояние семьи и снискать большее уважение в обществе. Для этого он и женился на Люсинде Рейфорд, дочери обнищавшего дворянина, который, по слухам, спустил все свое состояние, играя в карты и на скачках. Брак с представителем буржуазного сословия не слишком радовал Люсинду, и она старалась завоевать симпатии общества, демонстрируя всем свое богатство. Праздники, которые устраивала эта семья, по сравнению с приемами других уважаемых членов лондонского общества, всегда отличались особой помпезностью. Приглашенные дамы наслаждались этой роскошью, что, однако, ничуть не мешало им украдкой посмеиваться над миссис Гринвуд.

Вот и сегодня, несмотря на то, что это был рядовой семейный ужин, Люсинда позаботилась о том, чтобы выглядеть празднично. Она вышла к столу в элегантном платье из сиреневого шелка и с роскошной прической, над которой горничной, по всей видимости, пришлось потрудиться не менее часа. Теперь Люсинда увлеченно болтала о встрече женского комитета местного приюта для сирот, куда она ходила сегодня днем, однако благодарных слушателей эта тема не нашла, поскольку Хелен и мистера Гринвуда мало интересовали подобные мероприятия.

— А вы чем занимались в такой чудесный день? — наконец-то спросила мисс Гринвуд, обращаясь к остальным членам семьи. — Тебя, конечно же, и спрашивать не стоит, Роберт, вероятно, ты снова работал, работал и работал, — продолжила Люсинда, одарив мужа взглядом, который выражал великодушную снисходительность к любимому супругу.

Миссис Гринвуд считала, что муж уделяет ей и ее общественной деятельности слишком мало внимания. Роберт невольно поморщился. Видимо, у него на языке вертелся какой-то колкий ответ, поскольку именно его работа кормила всю семью и позволяла Люсинде участвовать во всевозможных женских комитетах. Во всяком случае, Хелен очень сомневалась, что миссис Гринвуд занималась благотворительностью,

потому что обладала блестящими организаторскими способностями, — скорее всего, дело было в щедрости мужа, который позволял ей тратить деньги на подобные прихоти.

— У меня состоялся интересный разговор с одним производителем шерсти из Новой Зеландии, и... — начал Роберт, взглянув на старшего сына, но Люсинда продолжала говорить, широко улыбаясь своему любимцу Уильяму:

— А вы, мальчишки? Играли в саду, не так ли? А ты, Уилли, наверняка снова обыграл Джорджа и мисс Дэвенпорт в крокет?

Хелен напряженно уставилась в свою тарелку, однако успела заметить, как Джордж в своей обычной манере возвел глаза к небу, словно призывая невидимого ангела спасти их всех от необходимости выслушивать умиленную болтовню его матери. В действительности Уильяму лишь пару раз удалось обойти старшего брата по очкам, да и то, когда Джордж был сильно простужен. Обычно даже Хелен прокатывала мяч через воротца удачнее Уильяма, хоть и делала это намеренно неуклюже, чтобы дать мальчугану возможность выиграть. Миссис Гринвуд ценила такое поведение гувернантки, в то время как мистер Гринвуд отчитывал Хелен каждый раз, когда замечал, что она играет вполсилы.

— Мальчик должен усвоить, что жизнь не любит слабаков! — строго говорил он. — Сначала он должен научиться проигрывать. Потому что лишь тот, кто умеет проигрывать, в будущем может победить!

Хелен очень сомневалась, что Уильям когда-нибудь в чем-то победит, однако ее сочувствие к бедному мальчику мгновенно улетучивалось, как только он открывал рот.

Вот и сейчас Уилли капризно произнес:

— Ах, мама, мисс Дэвенпорт совсем не разрешала нам играть, и мы целый день сидели в доме! Только и делали, что учились...

Услышав это, миссис Гринвуд тотчас же наградила Хелен неодобрительным взглядом.

— Это правда, мисс Дэвенпорт? Вы ведь прекрасно знаете, что детям необходим свежий воздух! В таком возрасте они не могут весь день корпеть над учебниками!

Внутри Хелен кипела буря, но она не посмела обвинить любимца Люсинды во лжи. К счастью, в разговор вмешался Джордж.

— Чушь все это! — заявил юноша. — Уильяму, как всегда, разрешили погулять после обеда. Но на улице моросило, и он сам не захотел выходить из дома. И все же няне удалось ненадолго вытащить его в парк. Однако в крокет мы поиграть не успели.

— Зато Уильям порисовал, — попыталась разрядить обстановку Хелен. Она надеялась, что миссис Дэвенпорт начнет восхищаться рисунком сына и забудет о неудавшейся прогулке.

Однако Люсинда не поддавалась на эту уловку.

— И все же, мисс Дэвенпорт, учтите: если в обед погода оставляет желать лучшего, нужно делать перерыв в послеобеденных занятиях. В тех кругах, где однажды будет вращаться Уилли, физическое развитие не менее важно, чем духовное!

Похоже, Уильям наслаждался тем, как мать отчитывает его учительницу, и Хелен снова вспомнила об объявлении в церковной газете...

Казалось, Джордж читал мысли Хелен. Игнорируя мать и младшего брата, он вернулся к последнему замечанию отца. Хелен часто замечала, что мистер Гринвуд и его старший сын понимают друг друга с полуслова, и не раз восхищалась их умением увести разговор в сторону. Однако сегодня замечание Джорджа заставило ее густо покраснеть.

— Кстати, мисс Дэвенпорт интересуется Новой Зеландией, папа.

Хелен судорожно сглотнула, когда взгляды всех присутствующих за столом обратились к ней.

— Вот как? — невозмутимо спросил Роберт Гринвуд. — Вы хотите уехать отсюда? — Он улыбнулся. — В таком случае должен заметить, что Новая Зеландия — это довольно неплохой выбор. Там не слишком жарко и нет малярийных комаров, как, например, в Индии. Никаких кровожадных туземцев, как в Америке. Никаких потомков выселенных преступников, как в Австралии...

— Действительно? — спросила Хелен, радуясь тому, что снова может перевести разговор на нейтральную тему. — Разве в Новую Зеландию не ссылали каторжников?

— Нет, конечно. — Мистер Гринвуд покачал головой. — Практически все местные общины были основаны добропорядочными британскими христианами, и с тех пор ничего не изменилось. Разумеется, я не хочу сказать, что там совсем нет подозрительных личностей. В поселениях китобоев на западном побережье можно встретить всяких проходимцев, да и местные овцеводы не все как один честные люди, однако Новую Зеландию никак нельзя назвать сборищем отбросов общества. К тому же это очень молодая колония. Она стала самостоятельной всего несколько лет тому назад...

— Но тамошние аборигены опасны! — вмешался Джордж. Очевидно, юноша хотел блеснуть своими знаниями — особую слабость, как успела заметить Хелен, он питал к сражениям и отлично помнил подробности всех

битв, о которых читал или слышал. — Ведь там какое-то время тому назад было несколько вооруженных конфликтов, разве нет, па? Разве не ты рассказывал, что у одного из твоих партнеров сожгли всю шерсть?

Мистер Гринвуд с одобрительной улыбкой кивнул сыну.

— Правильно, Джордж. Но это уже в прошлом, по сути, все закончилось еще десять лет назад, хотя небольшие стычки возникают и сегодня. К тому же речь шла не о самом присутствии колонистов. Что касается последних, то новозеландские туземцы всегда были уступчивыми. Недоразумения были связаны скорее с продажей земли — не исключено, что при этом наши колонизаторы и вправду обвели вокруг пальца вождя какого-то племени. Но с тех пор как королева назначила губернатором Новой Зеландии нашего славного капитана Гобсона, сражения между местным населением и колонистами прекратились. Гобсон — гениальный стратег. В 1840 году ему удалось уговорить сорок шесть вождей подписать договор, в котором они признали себя подданными королевы. С того времени британцы имеют право преимущественной покупки во всех сделках, касающихся продажи земли. К сожалению, не все обрадовались такому повороту событий, да и поселенцы, вероятно, не всегда ведут себя мирно. Поэтому небольшие стычки все еще имеют место. Но в целом там довольно безопасно... так что не стоит бояться, мисс Дэвенпорт! — добавил мистер Гринвуд и подмигнул Хелен.

Миссис Гринвуд наморщила лоб.

— Покинуть Англию? Вы ведь это не всерьез, мисс Дэвенпорт? — недовольно спросила она. — Неужели вы и вправду собираетесь откликнуться на это невообразимое объявление, которое священник опубликовал в приходской газете? Несмотря на настойчивую рекомендацию женского комитета не делать этого!

Хелен почувствовала, что снова заливается краской.

— Что за объявление? — спросил Роберт, повернувшись к гувернантке.

Однако та сидела, опустив глаза, и не спешила отвечать.

— Я... я не знаю, что именно там имеется в виду, — после паузы произнесла она. — В газете была лишь небольшая заметка...

— Одна из общин Новой Зеландии ищет девушек, которые хотели бы выйти замуж за местных колонистов, — объяснил отцу Джордж. — Судя по всему, в этом жарком раю не хватает женщин.

— Джордж! — возмущенно воскликнула миссис Гринвуд.

Мистер Гринвуд расхохотался.

— Жаркий рай? Нет, климат там не слишком отличается от

английского, — поправил он сына. — Однако ни для кого не секрет, что в заокеанских колониях мужчин действительно намного больше, чем женщин. За исключением разве что Австралии, где оказалась почти вся женская половина отбросов английского общества: мошенницы, воровки и про... хм... девушки легкого поведения. Что же касается добровольного переселения, наши дамы оказались гораздо менее авантюрными созданиями, чем мужчины. Они переезжают туда только в одном случае: если приходится следовать за мужьями. Типичная черта слабого пола!

— Именно! — согласилась с супругом миссис Гринвуд.

Хелен предпочла промолчать. Она вовсе не была уверена в безусловном превосходстве мужчин. Достаточно было взглянуть на Уильяма или вспомнить о затянувшемся обучении ее братьев, чтобы убедиться в обратном. У Хелен даже была книга феминистки Мэри Уолстонкрафт^[1], которую она тщательно прятала в своей комнате, — заметь ее миссис Гринвуд, она тотчас же уволила бы гувернантку.

— Находиться на грязных эмигрантских судах без мужской защиты, снимать жилье у враждебно настроенного местного населения и, чего доброго, быть вынужденной заниматься мужской работой — все это противоречит женской природе. А посылать порядочных христианских девушек за океан, чтобы выдавать их замуж за неизвестных колонистов... это напоминает мне торговлю живым товаром!

— Ну, они ведь не отправляют девушек в полном неведении, —插вила Хелен. — Это объявление, несомненно, предусматривает предварительную переписку. И в нем было указано, что речь идет о добропорядочных и обеспеченных мужчинах.

— А я-то думал, вы совсем не заметили этого объявления, — сострил Роберт Гринвуд, однако его снисходительная улыбка смягчила остроту этой реплики.

Хелен опять покраснела.

— Я... э-э-э... я только мельком пробежала ее глазами...

Джордж ухмыльнулся.

Миссис Гринвуд, похоже, вовсе не заметила смущения гувернантки. Ее интересовал другой аспект новозеландской жизни.

— Намного более острой, чем так называемая нехватка женщин в колониях, мне кажется проблема с недостатком прислуги, — заявила Люсинда. — У нас в сиротском комитете по этому поводу сегодня состоялась долгая дискуссия. Очевидно, даже лучшие семьи, проживающие в... как называется это место? Крайстчерч? В общем, как бы там оно ни называлось, эти люди не могут найти себе порядочных и расторопных слуг.

Особенно тяжело приходится с горничными.

— Что, в свою очередь, является одним из признаков нехватки женщин в целом, — заметил мистер Гринвуд, и Хелен подавила улыбку.

— В любом случае наш комитет решил послать туда нескольких сирот, — продолжала миссис Гринвуд. — У нас есть четыре или пять послушных девочек, которым около двенадцати лет, то есть они достаточно взрослые, чтобы начать самостоятельно заботиться о своем пропитании. Здесь мы вряд ли сможем найти для них место. Английские семьи предпочитают нанимать девушек постарше. А вот в Новой Зеландии они будут нарасхват...

— Это намного больше напоминает мне торговлю людьми, чем банальное посредничество при браке, — сказал Роберт.

Люсинда наградила мужа ядовитым взглядом.

— Мы действуем исключительно в интересах этих девушек! — воскликнула она, сжимая свою салфетку.

Хелен не очень-то верилось в правдивость слов своей хозяйки. Вероятно, в приюте не особенно заботились о том, чтобы обучить сирот хотя бы самым основным умениям горничной. Поэтому бедняжек могли нанять только в качестве помощниц кухарки, а кухарки, конечно же, предпочитали иметь под рукой сильных крестьянских девушек, а не двенадцатилетних заморышей из приюта.

— В Крайстчерче у этих девушек есть все шансы получить хорошее место. И, само собой разумеется, мы отправляем их только в дома добропорядочных семей.

— Ну конечно, — усмехнулся Роберт. — Не сомневаюсь, что вы будете вести с будущими работодателями девушек такую же подробную переписку, как и заинтересованные в замужестве дамы со своими будущими супругами.

Миссис Гринвуд возмущенно нахмурила брови.

— Ты не воспринимаешь меня всерьез, Роберт! — упрекнула она мужа.

— Разумеется, я воспринимаю тебя всерьез, дорогая, — улыбнулся мистер Гринвуд. — Я вполне уверен в чистоте намерений сиротского комитета. Кроме того, вы наверняка не оставите своих воспитанниц без присмотра. Возможно, среди заинтересованных в браке девушек найдется какая-нибудь достойная доверия особа, которая присмотрит за сиротами на корабле, если комитет оплатит ей стоимость путешествия...

Миссис Гринвуд ничего не ответила, а Хелен снова уставилась в свою тарелку. Она почти не притронулась к роскошному жаркому, над которым

кухарке, вероятно, пришлось повозиться не меньше половины дня. Однако пытливый и немного насмешливый взгляд, которым мистер Гринвуд сопровождал свою последнюю реплику, Хелен не могла не заметить. Слова хозяина породили в голове гувернантки массу вопросов. К примеру, до этого она даже не задумывалась о том, что переезд в Новую Зеландию нужно кому-то оплачивать. Можно ли без стеснения попросить об этом потенциального супруга? Или это уже обязывало девушку стать его женой, даже если она еще не дала окончательного ответа?

Нет, вся эта история с Новой Зеландией была чистой воды сумасшествием. Хелен нужно выбросить ее из головы. Наверное, ей не суждено иметь семью. Или все же...

Нет, не стоит и думать о такой безумной затее!

Но в действительности несколько последующих дней Хелен Дэвенпорт только об этом и думала...

— Хотите сразу посмотреть отару или сперва выпьем по стаканчику?

Лорд Теренс Силкхэм поприветствовал посетителя крепким рукопожатием. Рука Джеральда Уордена оказалась не менее твердой, чем его собственная. До этой встречи лорд Силкхэм даже не мог сказать, как должен выглядеть человек, которого в кардиффском объединении овцеводов называли «овечьим бароном» из-за океана. Однако представший перед взором Силкхэма мужчина произвел на него неплохое впечатление. Одет он был соответственно уэльской погоде, но при этом очень элегантно. Ладно скроенные бриджи из хорошего сукна, дождевик английского производства... Ясные голубые глаза на крупном, несколько угловатом лице, часть которого скрывалась под широкими полями типичной для этой местности шляпы. Из-под нее выбивались густые каштановые волосы, остриженные не длиннее и не короче, чем было принято носить в Англии.

В общем, ничто во внешности Джеральда Уордена не напоминало лорду ковбоя с обложки одного из дешевых романов, которыми подчас зачитывалась прислуга Силкхэмов и — что приводило супругу лорда в ужас — даже их непутевая дочь Гвинейра! Авторы подобной бульварщины описывали кровавые битвы американских колонистов с ненавистными аборигенами, а на безвкусных иллюстрациях были изображены юнцы с растрепанной копной волос, в ковбойской шляпе, кожаных штанах и странной формы сапогах с закрепленными на них преувеличенно длинными шпорами. Кроме того, эти молодчики ловко обращались со своим кольтом, который всегда носили в свисавшей со слабо затянутого пояса кобуре.

Однако сегодняшний гость лорда Силкхэма не принес на поясе никакого оружия. Вместо этого он достал из кармана фляжку с виски и, отвинтив крышку, протянул ее хозяину дома.

— Думаю, для начала этого будет достаточно, — промолвил Джеральд Уорден приятным низким голосом мужчины, привыкшего отдавать распоряжения. — А продолжить можно будет после того, как я увижу овец, то есть во время переговоров. Ну а сейчас предлагаю отправиться в путь, пока снова не начался дождь. Вот, пожалуйста.

Силкхэм кивнул, поднес фляжку к губам и сделал большой глоток. Первокласный скотч! Не какое-нибудь дешевое пойло. Это тоже произвело на рослого рыжеволосого лорда определенное впечатление. Он кивнул

Джеральду, взял свою шляпу и хлыст и негромко свистнул. Словно ожидая этого сигнала, из углов конюшни, где они прятались от непогоды, выскочили три резвые пастушеские собаки, белые в черных и коричневых пятнах. Очевидно, им не терпелось примкнуть к наездникам.

— Вы не привыкли к дождливой погоде? — спросил лорд Теренс, вскакивая в седло. Слуга привел крепкую охотничью лошадь Силкхэма, пока тот приветствовал Джеральда Уордена. Лошадь гостя на вид казалась довольно бодрой, хотя этим утром ей пришлось преодолеть неблизкий путь из Кардиффа в Поуис. Конечно же, Джеральд взял ее напрокат, но наверняка из лучших конюшен города. Еще одна причина, почему его начали называть «овечьим бароном». Уорден явно происходил не из дворян, но производил впечатление богатого человека.

В ответ на вопрос лорда он засмеялся и так же ловко вскочил на своего гнедого красавца.

— Напротив, Силкхэм, напротив...

Лорд Теренс проглотил ставший в горле ком, однако решил не обижаться на гостя за это фамильярное обращение. Там, откуда приехал этот человек, милордов и миледи, вероятно, не водилось.

— У нас дождь идет примерно триста дней в году. Собственно говоря, погода в Кентербери очень похожа на здешнюю, во всяком случае летом. Зима мягкая, но и ее хватает, чтобы на овцах успела нарасти первоклассная шерсть. А густая трава! Ее у нас навалом, Силкхэм! Гектар за гектаром, куда ни глянь... Равнины Кентербери — это рай для овцевода.

В такое время года в Уэльсе тоже нельзя было пожаловаться на недостаток хорошей травы. Сочная зелень бархатным ковром покрывала холмы до самых гор. Дикие пони тоже радовались этому буйству и больше не спускались в долину, чтобы подкрепиться на выгонах Силкхэма. Его нестриженные овцы наедались вдоволь. Пребывая в прекрасном расположении духа, мужчины осмотрели отару овцематок, которых лорд держал недалеко от дома.

— Роскошные животные! — похвалил их Джеральд Уорден. — Крупнее, чем ромни-марш и шевиот. При этом они должны давать не менее качественную шерсть!

— Уэльская горная^[2], — кивнул Силкхэм. — Зимой они какое-то время свободно бегают в горах. Так что им не страшны никакие холода. А где находится ваш хваленый овечий рай? Простите, но лорд Бейлиф сообщил мне только то, что вы приехали из-за океана.

Лорд Бейлиф был главой объединения овцеводов. Именно он свел Силкхэма с Уорденом. «Овечий барон», как он назвал его в своем письме,

намеревался раздобыть пару племенных животных, чтобы облагородить собственное стадо овец, которых он разводил за океаном.

Уорден громко расхохотался.

— Да, это довольно размытое понятие! Дайте-ка угадаю... вы, вероятно, думали, что ваши овечки окажутся на Диком Западе и в скором времени будут продырявлены стрелами индейцев? В таком случае вам не о чем беспокоиться. Как бы там ни было, животные останутся на территории Британской империи. Мои владения расположены в Новой Зеландии, на Южном острове в районе Кентербери. Бескрайние пастбища! Похожи на здешние, только больше, Силкхэм, неизмеримо больше!

— Ну, у нас здесь тоже не какая-нибудь мелкая ферма, — ответил уязвленный лорд Теренс. Что себе возомнил этот выскочка! Отзываться о владениях Силкхэма так, словно это обычное мелкое поместье! — У меня около тридцати гектаров пастбищ.

Джеральд Уорден широко усмехнулся.

— Киворд-Стейшн охватывает около четырех сотен, — хвастливо заявил он. — Правда, там еще не все расчищено под пастбища, так что нам предстоит немного потрудиться. И все же это прекрасные уголья. А если ко всему этому еще и получить потомство от лучших племенных овец, однажды эти владения окажутся золотой жилой. Ромни-марш и шевиот, скрещенные с уэльской горной, — о, поверьте мне, за этим кроется будущее овцеводства!

Здесь Силкхэм не собирался спорить со своим гостем. Он был одним из самых успешных овцеводов Уэльса, если не всей Британии. Несомненно, животные из его стада улучшат любую популяцию. Тем временем лорд уже заметил первых представителей стада, которых он собирался предложить Уордену. Это были молодые, еще не ягнвившиеся овцы. И в придачу к ним два молодых барана с прекрасной родословной.

Лорд Теренс свистом подозвал собак, которые сразу же бросились сгонять разбредшихся по огромному выгону овец в одну линию. Для этого они окружили животных на достаточно большом расстоянии и стали почти незаметно направлять их к мужчинам. В то же время собаки вовсе не заставляли стадо бежать. Как только животные начинали передвигаться в нужном направлении, они ложились на землю и в таком положении караулили, пока одна из овец не выбивалась из общего ряда. Как только это случалось, ближайшая собака тотчас же подгоняла ее обратно к стаду.

Джеральд Уорден восхищенно наблюдал за тем, насколько самостоятельно действовали собаки лорда.

— Невероятно. Что это за порода? Овчарки?

Силкхэм кивнул.

— Бордер-колли. У них это в крови, поэтому они практически не нуждаются в обучении. Хотя те, которых вы видите здесь, не показывают ничего выдающегося. Вам стоит посмотреть на Клео. Прекрасная собака! Выигрывает одно состязание за другим! — Лорд оглянулся. — А где же она? Собственно говоря, я планировал взять ее с собой. По крайней мере я пообещал это жене. Чтобы Гвинейра снова не... О нет!

Силкхэм продолжал озиаться в поисках собаки, но вместо нее заметил лошадь с наездником, которая стремительно приближалась к ним со стороны особняка. При этом всадник и не думал объезжать выгоны по специальным дорожкам или хотя бы открывать ворота и проезжать через них. Крепкая гнедая перескакивала все ограждения, возникавшие на ее пути. Вскоре Уорден заметил небольшую черную тень, которая из всех сил старалась не отставать от лошади и наездника. Местами она перепрыгивала через заборы, местами проскальзывала под ними. В итоге это размахивающее хвостом лохматое нечто обогнало всадника и, оказавшись перед осматриваемым стадом, сразу же возглавило троицу пастушьих собак. Казалось, овцы читают мысли новоприбывшей собаки. Как по команде они образовали цельную группу и послушно остановились перед мужчинами — и все это с предельным спокойствием. Затем овцы под присмотром трех прежних собак снова опустили головы в траву, в то время как маленькая черная бордер-колли бросилась к Силкхэму, надеясь получить от него похвалу. Ее добродушная морда сияла от радости. Однако собака почти не смотрела на мужчин. Ее взгляд то и дело задерживался на скакавшем рядом всаднике, лошадь которого постепенно перешла на шаг и остановилась точно за спинами мужчин.

— Доброе утро, папа! — сказал наездник звонким голосом. — Мы привели к тебе Клео. Я подумала, что она может тебе понадобиться.

Джеральд Уорден обернулся и уже собирался похвалить элегантный парфорс^[3] юноши, но застыл с открытым ртом, когда заметил дамское седло, закрытую темно-серую амазонку и огненно-рыжую копну небрежно склотившихся на затылке волос. Возможно, перед этим они были уложены в одну из тех причесок, которые подобало носить благовоспитанным девушкам, но, вероятно, наспех. В противном случае даже при такой бешеной скачке волосы всадницы не смогли бы настолько растрепаться.

Лорд Силкхэм смотрел на дочь с куда меньшим восхищением. При этом он не забыл представить ее своему гостю.

— Мистер Уорден, моя дочь Гвинейра. И ее собака Клеопатра, так называемая причина ее прибытия. Что ты здесь делаешь, Гвинейра? Если

мне не изменяет память, твоя мать говорила о послеобеденном уроке французского...

Обычно лорд Теренс не следил за распорядком дня дочери, но мадам Фабиан, которая преподавала Гвинейре французский язык, страдала от сильной аллергии на собак. Поэтому леди Силкхэм всегда напоминала супругу, чтобы перед занятием он увел Клео куда-нибудь подальше, что на самом деле было не так уж легко. Собака ходила за хозяйкой по пятам, и отвлечь ее можно было лишь каким-нибудь особо интересным заданием.

Гвинейра грациозно пожала плечами. Осанка девушки была безупречной; в то же время она держалась в седле раскованно и уверенно, небрежно сжимая в руках поводья своей маленькой, но крепкой кобылы.

— Да, мы собирались заниматься. Но у бедной мадам случился ужасный приступ астмы. Нам пришлось уложить ее в постель, она не могла вымолвить и слова. И почему это снова с ней? Мама всегда так заботится, чтобы рядом не было ни одного животного...

Гвинейра попыталась придать своему взгляду бесстрастное и даже слегка сочувствующее выражение, но выразительное лицо девушки не могло скрыть ее маленького триумфа. Теперь Уордену представилась возможность рассмотреть девушку поближе. У нее была почти белая кожа, небольшая россыпь светлых веснушек на милом сердцевидном личике, которое могло показаться совсем невинным, если бы не полные губы, придававшие чертам Гвинейры некую чувственность. Огромные глаза девушки были необычного голубого оттенка. Индиго, вспомнил Джеральд Уорден. Вот как назывался этот цвет в наборе красок, с которым его сын проводил большую часть свободного времени.

— А не случилось ли так, что Клео пробежала через гостиную после того, как служанка убрала оттуда все до единой собачьи шерстинки, чтобы мадам могла спокойно выйти из своей комнаты?

— Не думаю, — ответила Гвинейра с мягкой улыбкой, отчего ее глаза приобрели более теплый оттенок. — Перед уроком я лично отвела Клео в конюшню и приказала, чтобы она дожидалась там твоего прихода. Когда я вернулась, она все еще сидела у стойла Игрэн. Может быть, она что-то почувствовала? Порой чуткость собак...

Лорд Силкхэм вспомнил темно-синее бархатное платье, в котором Гвинейра спустилась к ланчу. Если она отводила собаку в конюшню в том же наряде и приседала, отдавая ей указания, на подоле платья должно было остаться достаточно шерстинок, чтобы вывести мадам из строя как минимум на три недели.

— Мы еще поговорим об этом, — сказал Силкхэм, надеясь, что роль

обвинителя и строгого судьи возьмет на себя его супруга. Сейчас, в присутствии посетителя, ему не хотелось разделять Гвинейру под орех.

— Как вам овцы, Уорден? Оправдали ваши ожидания?

Джеральд Уорден знал, что сейчас ему хотя бы ради приличия следует пройти от одного животного к другому, оценивая качество шерсти, строение тела и размер каждого из них. В действительности он ничуть не сомневался в том, что Силкхэм предлагает ему первоклассных овец. Все они были крупными, имели вполне здоровый и упитанный вид, а по шерсти было видно, что она начинала отрастать сразу же после стрижки. Кроме того, лорд Силкхэм никогда не стал бы обманывать заокеанского покупателя. Это было ниже его достоинства. Скорее он отдаст Джеральду своих лучших животных, чтобы сохранить славу прекрасного овцевода и в Новой Зеландии. Поэтому Джеральд не спешил отрывать взгляд от необычной дочери Силкхэма. Она пробуждала в нем куда больший интерес, чем племенные животные.

Гвинейра, не прося никого о помощи, ловко соскочила с лошади. Такая прекрасная наездница, как она, вероятно, и в седло могла забраться без подстраховки. В сущности, Джеральда больше удивило, что девушка выбрала дамское седло; было очевидно, что она предпочитает ездить в мужском. Скорее всего, просто побоялась, что это переполнит чашу терпения отца. Лорд Силкхэм был явно не рад неожиданному появлению дочери, а ее пренебрежительное отношение к французской гувернантке наверняка казалось ему неподобающим для настоящей леди.

Джеральду девушка, напротив, очень понравилась. Он с одобрением рассматривал ее хрупкую, но уже округлившуюся в нужных местах фигурку. Гвинейра, несомненно, обладала всеми внешними достоинствами настоящей женщины, хотя и была совсем юной. Наверняка ей исполнилось семнадцать. Впрочем, поведение Гвинейры можно было назвать скорее детским: взрослые леди обычно не проявляли так много интереса к лошадям и собакам. Однако обращалась она с животными, в отличие от большинства девушек ее возраста, уверенно и без лишних сантиментов. Сейчас Гвинейра, весело смеясь, отпихнула от себя морду лошади, которая уже хотела потереться своей благородной головой о плечо хозяйки. Кобыла была намного мельче коня лорда Силкхэма; довольно крепкая и приземистая, она, однако, казалась элегантной. Ее изогнутая шея и короткая спина напомнили Джеральду строение тела испанских и неаполитанских лошадей, которых ему предлагали в числе прочих во время этой поездки на континент. Однако для объезда Киворд-Стейшн они показались ему слишком крупными и в то же время недостаточно

выносливыми. Он не был уверен даже в том, что они смогут преодолеть верховую тропу, ведущую от пристани до Крайстчерча. Но эта лошадь...

— У вас милый пони, миледи, — отметил Джеральд Уорден. — Я с восхищением наблюдал за ее прыжками. На охоту вы тоже ездите на этой лошади?

Гвинейра кивнула. При упоминании о ее кобыле глаза девушки засияли, в них читалась почти та же гордость, которую она испытывала по отношению к любимице Клео.

— Это Игрэн, — без смущения ответила она. — Уэльский коб, типичная для нашей местности порода. Твердо стоит на ногах. Прекрасный выбор и для верховой езды, и в качестве упряжной лошади. Они вырастают на свободе, среди гор, — добавила Гвинейра, показывая на изрезанную ущельями горную цепь, тянувшуюся за выгонами. В таких суровых условиях могли выжить лишь самые крепкие и выносливые животные.

— Но явно не типичная для дам лошадь, не так ли? — с улыбкой спросил Джеральд. Он уже успел повидать, как обычно ездят юные английские барышни. Большинство из них предпочитало грациозных чистокровных лошадей.

— Это зависит от того, умеет ли дама ездить верхом, — парировала Гвинейра. — Во всяком случае мне не на что жаловаться... Клео, сколько можно виться под ногами, отойди хоть на минутку! — крикнула она своей собаке, после того как чуть не споткнулась об нее. — Отличная работа, все овцы на месте! Но, честно говоря, это было совсем не трудное задание. — Девушка повернулась к Силкхэму: — Может, приказать Клео загнать баранов, папа? Она явно заскучала.

Но лорд Силкхэм сначала хотел показать гостю своих молодых овец. Да и Джеральду пора было проявить больший интерес к животным и провести тщательный осмотр. Гвинейра тем временем позволила своей лошади пойти подкрепиться на выгоне и возилась со своей собакой. В конце концов лорд кивнул дочери.

— Ну хорошо, Гвинейра, покажи мистеру Уордену, на что способна твоя любимица. Я вижу, что тебе не терпится похвастаться. Пойдемте, Уорден, нам придется немного проехать верхом. Молодые бараны сейчас пасутся на холмах.

Как и ожидал Джеральд, Силкхэм и не думал помогать дочери взобраться в седло. Гвинейра справилась с этой нелегкой задачей, поставив левую ногу в стремя, а затем элегантно перебросив правую через рог седла. И все это с необычайной грацией и уверенностью. Лошадь девушки стояла недвижимо, словно статуя. Когда же она тронулась с места, Джеральд

оценил ее точные, красивые движения. И девушка, и лошадь произвели на Уордена сильное впечатление, да и маленькая трехцветная собачка очаровала его не меньше. По пути к холмам, на которых паслись бараны, он узнал, что Гвинейра сама тренировала свою любимицу и последняя заняла первое место в нескольких различных состязаниях среди пастушьих собак.

— Хозяева других собак из-за этого терпеть меня не могут, — объяснила Гвинейра с невинной улыбкой. — А женское объединение уже подняло вопрос о том, прилично ли девушке участвовать в таких соревнованиях. А что здесь может быть неприличного? Я лишь стою рядом и разве что иногда открываю те или иные ворота.

И в самом деле, достаточно было всего нескольких жестов и негромко произнесенной команды, чтобы выдрессированные пастушьи собаки лорда начали свою работу. Сначала Джеральд Уорден вообще не видел овец на огромном выгоне, ворота которого Гвинейра с легкостью открыла, не выбираясь из седла. И здесь ее маленькая кобылка имела свои преимущества; Силкхэму и Уордену было бы гораздо сложнее дотягиваться до задвижки со своих высоких лошадей.

Клео и остальным собакам понадобилось всего несколько минут, чтобы собрать стадо, хотя юные бараны вели себя гораздо более норовисто, чем спокойные овечки. Некоторые из них выбивались из общей группы и даже пытались наступать на пастушьих собак, что, однако, ничуть не пугало последних. Выполнив задачу, Клео радостно завиляла хвостом и по первому зову снова присоединилась к своей хозяйке. Все бараны теперь стояли вместе на сравнительно небольшом расстоянии от наездников. Силкхэм показал Гвинейре на двоих из них, и Клео с молниеносной скоростью отделила эту пару от остального стада.

— Вот их я отобрал для вас, — объяснил лорд Силкхэм гостю. — Лучшие племенные бараны с прекрасной родословной. Позже я могу показать вам производителей. Оставив этих двоих для себя, я наверняка завоевал бы с их помощью немало наград. Но поскольку я решил продать их вам... Полагаю, вы упомянете мое имя в Новой Зеландии. Для меня это важнее, чем победа на очередном конкурсе в Кардиффе.

Джеральд Уорден с серьезным видом кивнул.

— Можете в этом не сомневаться. Роскошные животные! Я уже не могу дождаться, когда получу потомство от них и моих шевиот! Но нам стоит поговорить и о собаках! Не то чтобы у нас в колонии не было пастушьих псов... Однако за такую собаку, как ваша Клео, и неплохого кобеля ей в пару я готов выложить кругленькую сумму.

Гвинейра тем временем ласково поглаживала собаку по спине.

Услышав последнюю фразу, она резко обернулась и гневно посмотрела на наглого новозеландца.

— Если вы хотите купить мою собаку, то разумнее для вас было бы вести переговоры со мной, мистер Уорден! Однако я сразу могу сказать: вы не получите Клео ни за какие деньги. Она моя! Без меня она никуда не поедет. К тому же вам от нее не будет никакой пользы, поскольку она слушается не каждого.

Лорд Силкхэм неодобрительно покачал головой.

— Гвинейра, как ты себя ведешь? — строго спросил он. — Разумеется, мы можем продать мистеру Уордену пару собак. Это необязательно должна быть твоя любимица. — Лорд посмотрел на гостя. — Я посоветовал бы вам взять пару щенков из последнего помета, мистер Уорден. Клео не единственная собака, которая приносит нам медали.

«Не единственная, но лучшая», — подумал Джеральд. А у него в Киворд-Стейшн как раз и должно быть все самое лучшее. И на выгонах, и в доме. Если бы эту необычную девушку, наследницу знатной семьи, можно было заполучить так же легко, как пару племенных животных! И пока трое всадников неспешно направлялись обратно к особняку Силкхэмов, в голове Уордена начал вызревать новый план...

К ужину Гвинейра оделась и причесалась с особой тщательностью. После истории с мадам она больше не хотела привлекать к себе лишнего внимания. Мать уже успела задать ей жару. Впрочем, нравоучения леди Силкхэм Гвинейра давно знала наизусть. Если она и дальше будет так себя вести и проводить большую часть времени не за уроками, а в конюшнях и седле, то никогда не найдет себе мужа. Признаться, французский Гвинейры и вправду оставлял желать лучшего. То же можно было сказать и о ее способностях к рукоделию. Вышивками и вязанием девушки вряд ли можно было бы украсить дом. Обычно священник старался дать возможность мисс Гвинейре Силкхэм незаметно уйти с благотворительной ярмарки, в то время как остальных девушек просил принести на продажу побольше вещей. Подготовка к празднествам и длительное обсуждение с кухаркой темы «Лосось или судак?» тоже не были ее сильной стороной. Гвинейра ела все, что подавали на стол; какой вилкой или ложкой нужно есть то или иное блюдо, она знала, но в глубине души считала все эти тонкости ужасной глупостью. Зачем часами заниматься сервировкой и украшением стола, если все, что стоит на нем, будет съедено в течение нескольких минут? А эта история с цветами! Несколько месяцев назад украшение гостиной и столовой комнаты цветами стало одной из

домашних обязанностей Гвинейры. Но, увы, ее вкус в большинстве случаев не соответствовал общепринятому. Например, когда девушка нарвала полевых цветов и распределила их по вазам так, как ей хотелось, леди Силкхэм, увидев результаты стараний дочери, едва не лишилась чувств. Особенно ей стало плохо после того, как она обнаружила в одном из букетов паука. С тех пор Гвинейра всегда срезала цветы под присмотром садовника, причем только в розарии поместья Силкхэмов, и расставляла их вместе с мадам.

Однако сегодня девушке удалось избежать этой неприятной обязанности. В гостях у Силкхэмов был не только Джеральд Уорден, но и старшая сестра Гвинейры Диана, которая приехала с мужем. Диана любила цветы и со дня замужества очень много времени уделяла созданию самого пышного и ухоженного розария во всей Англии. Сегодня она привезла матери свои лучшие цветы и сразу же по привычке поместила их в вазы и корзины. Гвинейра вздохнула. Вряд ли когда-нибудь ей сделать это так же красиво. Если мужчины при выборе жены действительно обращают внимание на такие умения, Гвинейре, вероятно, придется умереть старой девой. Однако на самом деле девушке казалось, что и ее отцу, и мужу Дианы Джеффри все эти штучки с цветами были безразличны. Да и вышивку Гвинейры до этого времени ни один мужчина, кроме не слишком-то восхищенного пастора, не удостоил своим вниманием. Почему же, в таком случае, молодые люди не могли восхищаться ее настоящими талантами?

К примеру, на охоте Гвинейра могла бы вызвать всеобщее восхищение, потому что преследовала лису куда быстрее и успешнее остальных охотников. Но это, похоже, вызывало у мужчин так же мало расположения, как и ее умелое обращение с пастушьими собаками. Конечно же, мужчины хвалили ее, но взгляд у них при этом был скорее неодобрительный, и на вечернем балу они приглашали на танец других юных дам.

Однако такое отсутствие интереса вполне могло быть связано и с небольшим приданым Гвинейры. Впрочем, девушка и не питала иллюзий — жениху последней из трех дочерей не стоило рассчитывать на крупную сумму. Тем более что брат Гвинейры тоже пока что сидел на шее у отца. Джон Генри учился в Лондоне. Гвинейре оставалось лишь задаваться вопросом, чему именно. Пока Джон жил в поместье Силкхэмов, науки давались ему еще хуже, чем младшей сестре, а счета, которые он присылал из Лондона, были слишком большими, чтобы речь могла идти только о покупке учебников. Отец всегда беспрекословно оплачивал их и в лучшем случае бормотал себе под нос что-то вроде «жизнь еще заставит его взяться за ум», однако Гвинейра прекрасно понимала, что брат проматывает ее

приданое.

И все же девушка не очень беспокоилась по поводу своего будущего. Сейчас ей жилось неплохо, а энергичная леди Силкхэм когда-нибудь обязательно найдет супруга и для младшей дочери. Уже сейчас, когда Силкхэмы устраивали приемы, круг их гостей ограничивался лишь знакомыми семейными парами, у которых совершенно случайно были неженатые сыновья подходящего возраста. Порой родители даже приводили молодых людей с собой, но гораздо чаще являлись одни, а еще чаще на чай заглядывали лишь дамы. Такие вечера Гвинейра особенно ненавидела, поскольку ей приходилось демонстрировать перед гостями свои умения хозяйки. Под их пристальными взглядами она должна была искусно сервировать стол и разливать чай. При этом Гвинейра однажды облила кипятком леди Бронсуорт. А все потому, что именно в ту секунду, когда девушка пыталась управиться с чайником, мать, и глазом не моргнув, соврала, что пирог к чаю пекла сама Гвинейра.

После чаепития нужно было браться за вышивку, причем леди Силкхэм на всякий случай подсовывала Гвинейре свою собственную, почти законченную работу, выполненную в технике пти-пуан^[4], а сама заводила с гостьей беседу о последней книге мистера Бельвер-Литтона^[5]. На Гвинейру подобная литература действовала лучше любого снотворного; ей еще ни разу не удалось дочитать хотя бы одну из этих огромных книг до конца. И все же девушка знала пару выражений, таких как «весьма поучительно» и «впечатляющая экспрессивность», которых ей вполне хватало, чтобы раз за разом отвечать на вопросы о том, понравилось ли ей чье-то очередное творение.

Помимо этого дамы, конечно же, говорили о сестрах Гвинейры и их замечательных мужьях, выражая надежду, что Гвинейра в скором времени сделает такую же хорошую партию. Сама же Гвинейра с трудом могла сказать, хотелось ей этого или нет. Их зятя казались ужасно скучными, а муж Дианы и вовсе годился ей в отцы. Ходили слухи, что именно из-за этого Бог не благословил эту пару детьми, хотя Гвинейра не очень-то понимала, какая тут связь. Впрочем, старых баранов-производителей тоже выбраковывали... Девушка захихикала, представив чопорного мужа Дианы Джеффри в одном ряду с бараном Цезарем, которого ее отцу пришлось с сожалением исключить из числа своих лучших производителей.

А супруг Ларисы Джулиус! Он был наследником одной из благороднейших семей Англии, но выглядел ужасающе серым и бескровным. Гвинейра припомнила, как после первого знакомства с ним

отец пробормотал себе под нос что-то об «инцесте». И все же у Джулиуса и Ларисы уже родился сын, который, правда, походил скорее на призрака, чем на нормального ребенка. Нет, это были не те мужчины, о которых втайне мечтала Гвинейра. Может, в колониях женихи были получше?

Этот Джеральд Уорден из Новой Зеландии показался Гвиней-ре вполне энергичным мужчиной, хоть и слишком старым для такой юной девушки, как она. И все же он разбирался в лошадях и не пытался помочь ей взобраться в седло. Наверное, в Новой Зеландии вовсе не считалось чем-то неприличным, если девушка ездила в мужском седле. Порой Гвинейра мечтала, читая какой-нибудь дешевый романчик из тех, что ей приносила служанка. Как чудесно было бы проехаться наперегонки с одним из подтянутых американских ковбоев! Или с замиранием сердца следить, как он проверяет оружие перед очередной пистолетной дуэлью. Да и женщины там, на Диком Западе, нередко хватались за оружие! Гвинейра же, выбирая между прекрасным розарием Дианы и окруженной индейцами крепостью, не раздумывая ни секунды, предпочла бы второе.

Однако сейчас девушка пыталась втиснуть себя в корсет и зашнуровать его еще туже, чем тот, что был на ней утром. Гвинейра ненавидела эту пытку, но, посмотрев на себя в зеркало, улыбнулась. Талию девушки можно было назвать осиной. Ни одна из ее сестер не была такой стройной. А шелковое платье небесно-голубого цвета как нельзя лучше подходило Гвинейре. Оно придавало синим глазам девушки особый блеск и прекрасно оттеняло огненно-рыжий цвет ее волос. Как жаль, что Гвинейре приходилось закалывать эту красоту. И сколько работы для бедной горничной, которая уже стояла наготове с расческами и шпильками в руках! Волосы Гвинейры были кудрявыми от природы, а в условиях влажного климата Уэльса они вились еще сильнее, поэтому уложить эту копну локонов в аккуратную прическу было не так-то просто. Гвинейре зачастую приходилось сидеть на стуле по несколько часов, пока горничная в конце концов полностью справлялась со своей задачей. А сидеть смирно для этой девушки было одной из самых больших мук.

Вздохнув, Гвинейра опустила на стул перед туалетным столиком и приготовилась по меньшей мере полчаса томиться от скуки. Но затем взгляд девушки упал на тонкую книжечку, которую кто-то положил рядом со щетками и гребнями. «В руках краснокожего» было написано на ее обложке.

— Я подумала, что так миледи будет легче скоротать время, — сказала горничная и улыбнулась отражению Гвинейры. — Но эта книга очень жуткая! Мы с Софи полночи не могли уснуть после того, как прочитали

друг другу несколько глав!

Однако рука Гвинейры уже потянулась к роману. Напугать ее было непросто.

Джеральд Уорден тем временем скучал в гостиной. Мужчины решили выпить по рюмке перед ужином. Лорд Силкхэм только что представил Уордену своего зятя Джеффри Ридлуорта. Лорд Ридлуорт, объяснил он гостю, служил в Индии, был удостоен множества наград и два года назад вернулся обратно в Англию. Диана Силкхэм была его второй женой. Первая умерла в Индии. Уорден не решился спросить, от чего, но не думал, что причиной смерти женщины стала малярия или укус ядовитой змеи. Это бы значило, что она была куда более подвижной и энергичной, чем супруг, который все время службы в Индии, похоже, провел исключительно в местах расквартирования. О стране он мог сказать лишь то, что там было очень шумно и грязно. Местных жителей он считал преступным сбродом, особенно магараджей^[6], а за городом было полно тигров и змей.

— Как-то одна из этих тварей заползла прямо к нам в комнату, — с отвращением рассказывал Ридлуорт, покручивая свои ухоженные усы. — Я, конечно же, сразу ее застрелил, хотя кули^[7] говорил, что она не ядовита. Но разве таким людям можно доверять? А как обстоит с этим делом у вас, Уорден? Ваша прислуга следит, чтобы эти мерзкие гады не пробирались в дом?

Джеральд усмехнулся, подумав, что даже тигр нанес бы зданию меньший ущерб, чем выстрелы Ридлуорта. Он не верил, что этот маленький упитанный полковник мог с первого раза попасть в голову змеи. В любом случае мужчина явно сделал большую ошибку, когда решил отправиться в Индию.

— Видите ли, наши слуги... э-э-э... не всегда обладают необходимыми умениями, — сказал Джеральд. — По большей части это аборигены, которым покамест чужд английский образ жизни. К тому же им не приходится иметь дела со змеями и тиграми. В Новой Зеландии не водятся змеи. Изначально там и млекопитающих почти не было. Первых коз, овец, кур, собак и лошадей на острова завезли миссионеры и колонисты.

— И что же, там совсем нет никаких диких животных? — недоверчиво спросил Ридлуорт. — Бросьте, Уорден, вы же не хотите сказать, что до переселения колонистов Новая Зеландия выглядела так же, как и на четвертый день сотворения мира?

— Там много птиц, — сообщил Джеральд Уорден. — Больших, маленьких, плотных, тощих, летающих и нелетающих... Ах да, еще у нас

водится несколько разновидностей летучих мышей. Помимо этого, конечно же, насекомые, но они тоже не представляют особой опасности. В общем, вам придется постараться, если вы хотите погибнуть в Новой Зеландии, милорд. Разве что вы столкнетесь с парочкой вооруженных ружьями грабителей.

— А если не ружьями, так мачете, кинжалами или кривыми саблями, да? — со смехом спросил Ридлуорт. — Честно говоря, для меня остается загадкой, как кто-то добровольно решает переселиться в эти дикие земли! Я был ужасно рад, когда наконец-то смог уехать из колонии.

— По большей части наши маори вполне мирные, — спокойно ответил Уорден. — Забавный народ... пронизанный духом фатализма и смирения. Они поют, танцуют, вырезают разные поделки из дерева и не знают никакого серьезного оружия. Нет, милорд, я уверен, что в Новой Зеландии вам было бы скорее скучно, чем страшно.

Ридлуорт уже хотел с горячностью заявить, что и во время своего пребывания в Индии ни разу ничего не испугался, но в эту секунду в гостиную вошла Гвинейра. Не увидев здесь ни матери, ни сестер, девушка озадаченно завертела головой.

— Я слишком рано? — спросила она, вместо того чтобы, следуя правилам приличия, сначала поздороваться с зятем.

Последний, похоже, не на шутку оскорбился такому поведению девушки, в то время как Джеральд не мог отвести от нее восхищенного взгляда. Гвинейра и до этого показалась ему симпатичной, но сейчас, в ослепительном вечернем наряде, дочь Силкхэма предстала перед ним настоящей красавицей. Голубой шелк оттенял белизну ее нежной кожи и красную медь волос. Строгая прическа подчеркивала тонкие благородные черты лица. А эти дерзкие губы и сверкающие синевой глаза, во взгляде которых отражались живой ум и независимый характер их обладательницы! Джеральд был потрясен.

Однако такой девушке здесь было не место. Уорден не мог представить ее рядом с таким мужем, как Джеффри Ридлуорт. Гвинейра была скорее из того типа женщин, которые без страха носили на шее змей и укрощали тигров.

— Нет, нет, ты как раз вовремя, дитя мое, — сказал лорд Теренс, посмотрев на часы. — Это твоя мать и сестры задерживаются. Вероятно, они снова загуляли в саду...

— А вы разве не ходили с ними в сад? — спросил у девушки Джеральд Уорден. Ему было легче представить на природе Гвинейру, чем ее мать, которая показалась ему суховатой и скучающей женщиной.

Гвинейра пожала плечами.

— Я не слишком увлекаюсь розами, — призналась она, хоть и понимала, что наверняка вызовет этим очередной неодобрительный взгляд со стороны Джеффри и, конечно же, отца. — Если бы это были овощи или хотя бы цветы без колючек...

Джеральд Уорден захохотал, не обращая никакого внимания на недовольные лица Силкхэма и Ридлуорта. С каждой минутой эта девушка нравилась «овечьему барону» все больше. Конечно же, она была не первой, кого Уорден во время этой поездки на родину награждал одобрительным мужским взглядом, однако ни одна из встречавшихся ему юных английских леди не вела себя так естественно и раскованно, как Гвинейра.

— Ну-ну, миледи, — поддразнил ее Джеральд. — Вы решили сразу же предупредить меня о недостатках английских роз? Неужели за их прекрасной белой кожей и огненными волосами могут скрываться шипы?

Выражение «английская роза», которое применялось для обозначения красавицы с типичной для британских островов внешностью — светлой кожей и рыжими волосами, — было известно и в Новой Зеландии.

Гвинейре, услышавшей подобный вопрос, следовало бы смутиться, но она лишь улыбнулась.

— Во всяком случае, безопаснее приближаться к ним в перчатках, — парировала она и краем глаза заметила в дверях гостиной застывшую с открытым ртом мать.

Леди Силкхэм и ее старшая дочь леди Ридлуорт только что вошли, но успели услышать последнюю часть диалога между Уорденом и Гвинейрой. Очевидно, они обе не знали, что шокировало их больше — наглость Уордена или остроумный ответ Гвинейры.

— Мистер Уорден, моя дочь Диана, миссис Ридлуорт.

Леди Силкхэм сочла лучшим решением сделать вид, будто не заметила этой неловкости. Было ясно, что этот мужчина совершенно не умеет вести себя в приличном обществе, но ведь он пообещал ее мужу выложить кругленькую сумму за отару овец и пару щенков. Сумму, которая немного увеличит приданое Гвинейры и поможет миссис Силкхэм побыстрее выдать ее замуж, пока эта дерзкая девчонка не успела нажить себе дурную славу.

Диана с достоинством поприветствовала заокеанского гостя. Ее усадили справа от Джеральда, о чем последний очень быстро пожалел. Ужинать в компании Ридлуортов было невообразимо скучно. Уорден вставлял в разговор короткие реплики и делал вид, что слушает подробные рассказы Дианы о разведении роз и благоустройстве сада, и продолжал

украдкой наблюдать за Гвинейрой. За исключением того, что девушка была дерзка на язык, ее манеры можно было назвать безупречными. Она знала, как следует вести себя в обществе, умела поддерживать светскую беседу, хотя и не старалась скрыть, что ужасно скучает в обществе Джеффри. На вопросы сестры о ее успехах в изучении французского и самочувствии мадам Фабиан Гвинейра отвечала с самым невинным видом. Сама мадам очень сожалела, что из-за приступа не могла спуститься к ужину и поболтать со своей любимой ученицей Дианой.

Лишь за десертом лорд Ридлуорт вернулся к своему вопросу. Очевидно, его тоже начала раздражать скучная застольная беседа. Диана и ее мать как раз перешли к обсуждению общих знакомых, которых они находили «очаровательными людьми», а их сыновей «прекрасными юношами», вероятно подходившими на роль будущего мужа Гвинейры.

— Вы так и не рассказали, каким образом очутились за океаном, мистер Уорден. Вероятно, вас направили туда с государственным заданием? Может быть, даже в качестве одного из помощников доблестного мистера Гобсона?

Джеральд Уорден с улыбкой покачал головой и позволил лакею снова наполнить его бокал. Вино было прекрасным, но Джеральд старался не увлекаться им. Позже у него еще будет возможность вдоволь насладиться вкусом отменного скотча, которым угощал своих гостей лорд Силкхэм. А если Уорден хочет получить хоть малейший шанс повернуть свой план, лучше сохранять голову ясной. Однако пустой бокал сразу бы бросился в глаза остальным. Поэтому Джеральд кивнул слуге, но сперва потянулся к стакану с водой.

— Я переехал в Новую Зеландию лет на двадцать раньше, чем Гобсон, — ответил он. — В то время, когда на островах было еще неспокойно. Особенно в поселениях китобоев и охотников на тюленей...

— Но ведь вы овцевод, — перебила Уордена Гвинейра. Наконец-то за столом начали говорить о чем-то интересном! — Вы хотите сказать, что охотились на китов?

На губах Джеральда промелькнула мрачная усмешка.

— Но я и вправду занимался китобойным промыслом, миледи. Три года на «Молли Мелоун»...

Рассказывать об этом в подробностях Уорден не собирался, но теперь наморщил лоб.

— Ах, будет вам, Уорден! Вы слишком хорошо разбираетесь в овцах, чтобы я мог поверить в эту историю. Среди китобоев такому не научишься!

— Конечно, — ответил Джеральд, пропустив лесть Силкхэма мимо

ушей. — Дело в том, что я родом из Йоркшира. Мой отец был пастухом...

— А вам, наверное, хотелось приключений! — снова раздался звонкий голос Гвинейры. Глаза девушки блестели от возбуждения. — И однажды ночью, когда землю застилал густой туман, вы сбежали из дома, покинули страну и...

Джеральд Уорден снова посмотрел на дочь Силкхэма очарованным взглядом. Эта девушка была именно такой, какую он искал, несмотря на ее избалованность и наивные представления о жизни.

— Видите ли, я был десятым из одиннадцати детей в семье, — продолжил он, не сводя глаз с Гвинейры. — И мне вовсе не хотелось провести всю жизнь, выпасая чужих овец. Отец решил отдать меня в пастухи, как только мне исполнилось тринадцать. Но я вместо этого нанялся юнгой на корабль. Так и увидел полмира. Побережья Африки, Америки, мыс Фарвель... Мы доплыли до самого Норвежского моря, а затем отправились к берегам Новой Зеландии. Там мне понравилось больше всего. Ни змей, ни тигров... — Джеральд подмигнул лорду Ридлуорту. — Почти неосвоенная земля, а климат в точности такой же, как дома. В конце концов, в глубине души мы все стремимся вернуться к своим корням.

— А затем вы начали охотиться на китов и тюленей? — еще раз недоверчиво спросила Гвинейра. — Вместо того чтобы сразу начать разводить овец?

— Овцы не возникают из воздуха. И задаром их тоже не достанешь, юная леди, — с улыбкой ответил Джеральд Уорден и добавил: — О чем мне сегодня в очередной раз пришлось вспомнить. Чтобы иметь возможность купить отару у вашего отца, надо забить не одного кита! А земля хоть и была недорогой, но бесплатно вожди маори ее не отдавали...

— Маори — это аборигены? — с интересом спросила Гвинейра.

Джеральд Уорден кивнул.

— Маори означает «охотник на моа». Моа были огромными птицами, но охотники, по всей видимости, были слишком рьяными... Так или иначе, но моа вымерли. А себя мы, колонисты, обычно называем «киви». Киви — это тоже птица. Очень любопытная, назойливая и подвижная. От киви так просто не отделаешься. Они повсюду, в каждом уголке Новой Зеландии. И даже не спрашивайте меня, кому пришло в голову назвать нас в честь этой птицы!

Собравшиеся за столом рассмеялись, а громче всех лорд Силкхэм и Гвинейра. Леди Силкхэм и Ридлуорты были скорее неприятно удивлены тем, что им приходится сидеть за одним столом с бывшим подпаском и

китобоем, пусть даже ему и удалось стать «овечьим бароном».

Леди Силкхэм поспешила закончить трапезу и вместе с дочерьми вернулась в гостиную, хотя Гвинейре совсем не хотелось покидать мужское общество. Наконец-то они заговорили о чем-то интересном, а не об одних и тех же представителях английского общества и неимоверно скучных розах Дианы. Уж лучше бы она вернулась к себе в комнату, где ее ждал недочитанный роман «В руках краснокожего». Индейцы как раз похитили дочь одного из офицеров кавалерии. Но Гвинейре предстояло выпить по меньшей мере две чашки чая в обществе сестры и матери. Вздохнув, она опустилась в кресло.

Тем временем лорд Теренс пригласил мужчин в свой кабинет и предложил им сигары. Джеральд Уорден и в этом деле оказался знатоком. Он выбрал сигару одного из лучших кубинских сортов. А вот лорд Ридлуорт взял свою скорее наугад. Затем все трое еще полчаса обсуждали последнее решение королевы касательно сельского хозяйства. Уордену эти полчаса показались вечностью. Силкхэм и Ридлуорт единодушно сожалели о том, что королева сделала основную ставку на индустриализацию и развитие внешней торговли, вместо того чтобы укреплять позиции традиционных отраслей британской экономики. Джеральд Уорден ограничился лишь парой общих замечаний. Во-первых, он не слишком разбирался в этой теме, а во-вторых, ему было все равно. Новозеландец снова оживился лишь после того, как Ридлуорт с сожалением покосился на шахматную доску, стоявшую на приставном столике.

— Жаль, что нам не удастся закончить партию сегодня, но я бы не хотел заставлять нашего гостя скучать, — заметил лорд.

Джеральд Уорден прекрасно понимал, к чему он клонит. Любой джентльмен на его месте оказал бы Ридлуорту любезность и под вымышленным поводом удалился в свою комнату. Но Джеральд не был джентльменом. Он уже достаточно долго играл эту роль, к тому же надо было потихоньку переходить к делу.

— Почему бы нам вместо этого не поиграть немного в карты? — с невинной улыбкой предложил он. — В гостиных офицеров из колоний наверняка тоже играют в блек-джек, не правда ли, Ридлуорт? Или вы предпочитаете какую-нибудь другую игру? Может быть, покер?

Ридлуорт с ужасом посмотрел на «овечьего барона».

— Прошу вас! Блек-джек... покер... в такое играют в портовых кабаках, но никак не в компании джентльменов.

— А я бы с удовольствием разыграл партейку, — неожиданно сказал

Силкхэм. При этом было видно, что лорд согласился на предложение Джеральда не из вежливости, — он и вправду с тоской покосился на карточный столик. — В армии я часто играл, но сейчас у меня редко собирается компания, в которой можно было бы не только поговорить о тонкостях разведения лошадей и овец, но и немного поразвлечься. Эй, Джеффри! Хочешь сдавать первым? Ну, не будь таким скупым. Я знаю, у тебя неплохое жалованье. Посмотрим, удастся ли мне сегодня отыграть у тебя часть приданого Дианы!

Лорд перешел на слегка фамильярный тон. Во время ужина он выпил немало вина и уже успел расправиться с первой порцией скотча. Теперь он жестами поторапливал мужчин занять места за карточным столом. Джеральд Уорден с радостью опустился в кресло. Ридлуорт все еще никак не мог прийти в себя и смириться с таким поворотом событий. Против воли он взял карты в руки и начал неуклюже их перемешивать.

Джеральд отставил свой стакан в сторону. Сейчас нужно было сохранять предельную ясность ума. Уорден с удовольствием отметил, что порядком захмелевший лорд Теренс сразу же начал с высоких ставок. Джеральд охотно позволял ему выигрывать партию за партией. Через полчаса перед лордом Силкхэмом и Джеффри Ридлуортом высились внушительные кучки купюр и монет. Последнего это обстоятельство заставило немного оттаять, хотя он по-прежнему не выглядел особо радостным. Силкхэм продолжал с довольным видом подливать в стаканы виски.

— Смотрите не проиграйте деньги на покупку моих овец! — крикнул он Джеральду. — Только что вы, по-моему, лишились пары прекрасных щенков!

Джеральд Уорден улыбнулся.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанского, — ответил он и в очередной раз повысил ставку. — Ну что, Ридлуорт, вы продолжаете игру?

Полковник тоже был нетрезв, но природная осторожность мешала ему расслабиться. Джеральд Уорден знал, что рано или поздно выведет его из игры и, может быть, даже обойдется малыми потерями. Когда Ридлуорт еще раз решился поставить свой выигрыш на кон, Джеральд понял, что пора действовать.

— Блек-джек, друг мой! — почти извиняющимся тоном промолвил он, выкладывая на стол второго туза. — Должна же когда-то и моя полоса неудачи подойти к концу! Еще партию? Давайте, Ридлуорт, вы еще можете отыграть свои деньги и даже удвоить сумму!

Ридлуорт с недовольной миной на лице поднялся с кресла.

— Нет, я выхожу из игры. Нужно было сделать это три минуты назад. Ну да ладно, как нажито, так и прожито. Но больше вам от меня ничего не достанется. Да и тебе, дорогой тесть, пора выходить из игры. Так ты, по крайней мере, останешься в небольшом выигрыше. Как говорится, лучше синица в руках...

— Ты брюзжишь, точно моя жена, — заплетающимся языком ответил Силкхэм. — И что значит «в небольшом выигрыше»? Я, в отличие от тебя, последний раз спасовал. Так что все, что я выиграл, пока при мне. И моя счастливая полоса еще не кончилась! Сегодня вообще мой день! Вам так не кажется, Уорден? Мне чертовски везет!

— В таком случае, дорогой тесть, желаю вам приятно провести время, — холодно произнес Ридлуорт и вышел из кабинета.

Джеральд Уорден облегченно вздохнул. Теперь ему никто не помешает.

— Ну что же, попытайтесь удвоить свой выигрыш, Силкхэм! — подзадорил лорда «овечий барон». — Сколько у вас сейчас в общей сложности? Пятнадцать тысяч? Черт подери, вы облегчили мой карман на десять с лишним тысяч фунтов! Если вы выиграете у меня столько же, то получите за свою отару двойную цену!

— Но... если я проиграю, то потеряю все. — Лорд явно колебался.

Джеральд Уорден в ответ лишь пожал плечами.

— Ну, в этом и заключается риск. Однако мы можем сделать так... Я сдам по одной карте и буду играть в открытую. Вы же сначала посмотрите на свою карту и сами решите, продолжать нам игру или нет. Но я, конечно, тоже буду иметь право отказаться играть после того, как увижу свою первую карту, — улыбнулся гость.

Силкхэм нерешительно потянулся к своей карте. Разве это было не против правил? Джентльмену не пристало искать подстраховки и бояться риска. Сгорая от стыда, лорд все же осторожно взглянул на карту.

Десятка! Лучше этого мог быть только туз. Джеральд, который держал банк, открыл свою карту. Дама, то есть всего три очка. Не очень удачное начало. Новозеландец нахмурил брови и, похоже, задумался, стоит ли начинать игру.

— Недолго же продержалось мое везение, — вздохнул он. — А что у вас? Играем или нет?

Силкхэму внезапно очень захотелось продолжить игру.

— Пожалуй, я возьму еще одну карту! — заявил он.

Джеральд Уорден разочарованно посмотрел на свою даму. Он долго медлил, но затем протянул лорду вторую карту.

Восьмерка пик. В общей сложности 18 очков. Хватит ли этого? На лбу Силкхэма выступили капельки пота. Брать еще одну карту было слишком рискованно. Как говорится, лучше недобор, чем перебор.

Оставалось лишь блефовать. Лорд попытался придать своему лицу непроницаемое выражение.

— Мне достаточно, — лаконично объявил он.

Джеральд открыл еще одну карту. Восьмерка. Итого пока одиннадцать. Новозеландец снова потянулся к колоде.

Силкхэм отчаянно надеялся, что следующим выйдет туз. Тогда у Джеральда будет перебор. Но и в противном случае шансы лорда на победу были не так уж плохи. Лишь восьмерка или десятка могли спасти «овечьего барона».

Джеральд вытащил третью карту — король.

Новозеландец резко выдохнул.

— Эх, мне бы сейчас дар предвидения... — вздохнул он. — Но в любом случае я не могу себе представить, чтобы вы набрали меньше пятнадцати... Нет, этого не может быть. Поэтому рискнем!

Силкхэм вздрогнул, когда Джеральд потянулся за последней картой. Опасность перебрать очки была огромной. Уорден перевернул карту. Четверка червей.

— Девятнадцать, — подсчитал «овечий барон». — Пас! Карты на стол, милорд!

Силкхэм покорно открыл свои карты. На одно очко меньше. Всего одно очко...

Похоже, Джеральд Уорден думал о том же.

— Вы были на волосок от победы, милорд! Вы просто обязаны отыграться! Знаю, я кажусь вам ненормальным, но мы не можем остановиться сейчас. Еще одну игру!

— У меня больше нет денег, — покачал головой Силкхэм. — Я ведь проиграл не только свой выигрыш, но и то, что ставил. Если мне не повезет еще раз, я окажусь в затруднительном финансовом положении. Нет, ни о каком продолжении игры и речи быть не может.

— Прошу вас, милорд! — простонал Джеральд, перемешивая карты. — Чем больше риск, тем интереснее играть! А что касается вашей ставки... подождите... придумал! Мы можем сыграть на овец! На тех, которых вы собираетесь продать мне. Даже если вам не повезет, вы ничего не потеряете. Ведь если бы я не приехал сейчас, чтобы купить этих животных, денег за них у вас все равно бы не было!

Джеральд Уорден подкупающе улыбнулся и изящной дугой

перебросил колоду карт из одной руки в другую.

Лорд Силкхэм одним глотком допил свой виски и предпринял попытку подняться на ноги. Он немного пошатывался, но речь его все еще была довольно разборчивой.

— Да, вам бы это подошло как нельзя лучше, Уорден! Двадцать лучших племенных овец туманного Альбиона за пару карточных трюков? Нет, я выхожу из игры. Я и так проиграл немаленькую сумму. Может быть, у вас в колонии и принято играть до последнего, но мы здесь предпочитаем поступать рассудительно!

Джеральд Уорден взял бутылку с виски и снова наполнил стаканы.

— Вы представлялись мне более решительным человеком, — с досадой заметил он. — Вернее, более смелым. Но это, наверное, потому, что я привык жить среди киви — у нас, в Новой Зеландии, мужчиной считается лишь тот, кто не боится пойти на риск.

Лорд Силкхэм нахмурился.

— Не думаю, что Силкхэм можно обвинить в трусости. Мы всегда храбро сражались, верно служили короне и...

Было видно, что лорду непросто одновременно находить нужные слова и держаться на ногах. Он снова опустился в кресло. Однако Силкхэм был еще не совсем пьян. Он мог поставить этого авантюриста Уордена на место!

— Мы в Новой Зеландии тоже служим короне, — засмеялся Джеральд. — Колония развивается и оказывает все большее влияние на экономику страны. Со временем мы с лихвой вернем Англии все, что она в нас инвестировала. К счастью, королева в этом деле куда смелее вас, милорд. Она ведет свою игру и в итоге выигрывает. Ну же, Силкхэм! Неужели вы решили сдаться? Пара удачных карт — и вы фактически продадите своих овец за двойную цену!

С этими словами Уорден выбросил на стол две закрытые карты. Лорд сам не знал, что заставило его взять эту пару в руки. Риск был слишком большим, но мысль о победе казалась такой заманчивой. Если он и вправду выиграет, то обеспечит Гвинейре приданое, которое удовлетворит даже самых завидных женихов страны. Медленно приподнимая краешек карты, Силкхэм уже представлял свою дочь баронессой... или даже придворной дамой...

Десятка. Хорошо. Вот бы и вторая карта... Сердце Силкхэма едва не выпрыгнуло из груди, когда он обнаружил под десяткой бубен десятку пик. Двадцать очков. Чтобы перебить такую сумму, нужно обладать чертовским везением.

Лорд окинул противника ликующим взглядом.

Джеральд Уорден снял с колоды первую карту. Туз пик. Силкхэм простонал. Впрочем, это еще ничего не значило. Следующая карта могла оказаться двойкой или тройкой. А затем Уорден бы очень рисковал перебрать.

— Вы все еще вправе остановить игру, — сказал Джеральд.

— Ну нет, друг мой, мы так не договаривались, — засмеялся Силкхэм. — Если вы хотите отказаться от игры, это ваше право. А мы, Силкхэмы, не привыкли отступать.

Джеральд медленно потянулся за второй картой.

Силкхэм внезапно пожалел, что сдавал не он, а Уорден. С другой стороны... он внимательно наблюдал, как «овечий барон» перемешивал карты, и не заметил ничего подозрительного. Что бы сейчас ни произошло, обвинить гостя в мошенничестве лорд не мог.

Джеральд Уорден перевернул карту.

— Мне очень жаль, милорд.

Взгляд Силкхэма застыл на лежавшей перед ним десятке бубен. Туз — одиннадцать очков, плюс десятка... Итого — двадцать одно.

— Что ж, мои поздравления, — выдавил из себя лорд. В его стакане еще оставалось немного виски. Силкхэм осушил его одним глотком. Джеральд собрался налить ему снова, но лорд решительно накрыл стакан рукой.

— Мне уже хватит, спасибо. Пора заканчивать... и с выпивкой, и с игрой. Приданое дочери я уже проиграл. Не хватало еще пустить по миру сына. — Голос Силкхэма дрогнул. Он снова попытался подняться с кресла.

— Я вот что подумал... — начал Джеральд, невозмутимо наполняя свой стакан. — Гвинейра — ваша младшая дочь, не так ли?

— Да, — с горьким вздохом кивнул лорд. — Двух старших я уже выдал замуж. Вы даже не представляете, во сколько мне это обошлось! Я и раньше опасался, что третья свадьба меня разорит, а сейчас, когда я проиграл половину своего капитала, в этом не осталось никаких сомнений.

Лорд уже собрался уходить, но Джеральд покачал головой и снова поднял бутылку с виски. Янтарно-желтая жидкость медленно потекла в стакан Силкхэма.

— Нет, милорд, — сказал Уорден. — Мы не можем это так оставить. Мне вовсе не хотелось вас разорять и уж тем более лишать малышку Гвинейру приданого. Давайте сыграем еще один, последний раз. Я поставлю на кон выигранных у вас овец. И если на этот раз победите вы, они снова станут вашими.

С губ Силкхэма слетел безрадостный смешок.

— А что поставлю я? Остаток своей отары? И не мечтайте!

— Нет, но как насчет... руки вашей дочери?

Джеральд Уорден произнес это очень спокойно, но Силкхэм подскочил как ужаленный.

— Вы совсем спятили! Неужели вы всерьез вздумали свататься к Гвинейре? Девушка годится вам в дочери!

— Да, и будь она моей дочерью, я был бы безмерно счастлив! — Джеральд попытался придать своему голосу и взгляду как можно больше тепла. — Конечно же, я прошу руки Гвинейры не для себя, а для своего сына Лукаса. Юноше двадцать два года, он отлично сложен, хорошо воспитан, образован и к тому же мой единственный наследник. Я думаю, они с Гвинейрой были бы замечательной парой.

— Зато я так не думаю! — грубо ответил Силкхэм, пошатнулся и упал обратно в кресло. — У Гвинейры прекрасное происхождение. Она вполне может стать женой барона!

Джеральд Уорден рассмеялся.

— Почти без приданого? И не пытайтесь мне возражать, я успел присмотреться к девушке. Она, увы, не относится к тем невесткам, о которых мечтают матери баронетов.

Лорд Силкхэм снова вскочил.

— Гвинейра — красавица!

— Согласен, — кивнул Джеральд. — Она наверняка является украшением любой охоты. Но что касается официальных приемов... Гвинейра — дитя природы, милорд. Вам придется заплатить двойную цену, чтобы выдать девушку замуж.

— Я вызываю вас на дуэль! — в ярости выпалил Силкхэм.

— Это тоже своего рода дуэль, — ответил Уорден, протягивая лорду карты. — Ну же! На этот раз сдаете вы.

Силкхэм схватил со стола стакан. Он был в полном замешательстве. То, что происходило здесь, противоречило всем правилам приличия. Лорд не мог поставить на кон свою дочь. Этот Уорден совсем рехнулся! С другой стороны... фактически такая сделка не имела силы. Карточный долг — это долг чести, но девушка не могла быть надежной ставкой. Если Гвинейра скажет «нет», никто не сможет заставить ее подняться на корабль и отправиться в Новую Зеландию. К тому же вряд ли все это зайдет так далеко. На сей раз он выиграет. Должно же и ему хоть раз повезти!

Силкхэм перетасовал колоду, но не так аккуратно и тщательно, как обычно, а торопливо, почти не глядя на карты, словно ему хотелось

поскорее закончить эту унижительную игру.

Почти в бешенстве лорд бросил Уордену одну карту. Остальную колоду он продолжал сжимать в дрожащей руке.

Новозеландец спокойно перевернул карту. Туз червей.

— Это... — Силкхэм запнулся, но вместо того, чтобы продолжить, вытащил карту для себя. Десятка пик. Не так уж плохо. Лорд аккуратно снял следующую карту и попытался как можно спокойнее передать ее Уордену, но его руки так тряслись, что карта упала на стол, прежде чем новозеландец успел протянуть к ней руку.

Однако Джеральд не собирался играть втемную. С невозмутимым выражением лица он пододвинул валета червей к тузу.

— Блек-джек, — раздался его спокойный голос. — Надеюсь, вы сдержите свое слово, милорд.

Переступив порог церкви Святого Климента, Хелен прислушалась к учащенно бьющемуся сердцу. А ведь она была в бюро настоятеля не впервые и обычно чувствовала себя в этих стенах так же уютно, как когда-то в кабинете отца. К тому же преподобный отец Торн был старым другом покойного. Год назад этот священник помог Хелен устроиться гувернанткой у Гринвудов, а ее братьям и вовсе позволял несколько недель жить в его доме, пока сначала Саймон, а потом и Джон не получили по комнате в своих студенческих корпорациях. Юноши ликовали, когда смогли уехать от священника, а вот Хелен обрадовалась этому гораздо меньше. В то время как Торн и его супруга не требовали с молодых людей никакой платы и даже немного присматривали за ними, проживание в общежитиях студенческих корпораций стоило денег и позволяло студентам самим планировать свое времяпрепровождение, что не очень-то хорошо отражалось на их успеваемости.

Хелен часто с горечью рассказывала об этом преподобному отцу. Почти каждый раз, когда у нее выдавался свободный вечер, девушка заходила в гости к Торнам.

Но сегодня Хелен ожидало не привычное чаепитие со священником и его семьей, а кое-что другое, и девушке было немного странно, что в ответ на ее несмелый стук не прозвучало раскатистое «Входите с Богом!», которым отец Торн обычно приветствовал своих прихожан. Вместо этого из бюро раздался уверенный женский голос. В бюро преподобного отца в этот вечер находилась леди Джулиана Бреннан, супруга лейтенанта в отставке из штаба Уильяма Гобсона, одного из основателей англиканской общины Крайстчерча и столпов лондонского общества. Дама ответила на письмо Хелен и назначила девушке встречу. Ей непременно хотелось своими глазами увидеть всех «благопристойных, имеющих опыт ведения домашнего хозяйства и обращения с детьми» женщин, которые откликнулись на ее объявление, прежде чем знакомить их с «порядочными и обеспеченными членами» общины Крайстчерча. К счастью, у леди было довольно много свободного времени. Хелен, располагавшей лишь одним выходным в две недели, не очень-то хотелось просить миссис Гринвуд о дополнительной отлучке. Однако леди Бреннан сразу же согласилась на предложение девушки встретиться этим пятничным вечером.

Теперь она провела Хелен внутрь и одобрительно кивнула, когда

девушка еще у порога присела в реверансе, однако почти сразу же прохладно добавила:

— Оставьте это, дитя мое, я ведь не королева.

Хелен залилась краской. При этом девушка заметила сразу два сходства между строгой королевой Викторией и такой же немного полной и одетой в темное платье леди Бреннан. Обе они, похоже, улыбались только в самых чрезвычайных ситуациях и, расценивая жизнь как посланное Богом бремя, всем своим видом демонстрировали, сколько им довелось выстрадать. Хелен постаралась принять такой же строгий и степенный вид. Перед тем как войти в комнату, девушка еще раз взглянула в зеркало, дабы убедиться, что по дороге сюда, несмотря на дождь и ветер, из ее закрученных в тугий узел волос не выбилось даже крошечной пряди. Большая часть ее строгой прически была скрыта простой темно-синей шляпкой, которая с трудом могла защитить девушку от дождя. Сейчас эта шляпка была насквозь мокрой. А вот не менее промокшее пальто Хелен лучше было бы оставить в прихожей. Под ним скрывалась синяя суконная юбка и тщательно накрахмаленная светлая блуза с рюшами. Девушке очень хотелось произвести на леди Бреннан благоприятное впечатление. Она ни в коем случае не должна была посчитать ее легкомысленной авантюристкой.

— Значит, вы хотите переселиться в колонию? — сразу же перешла к делу леди. — Вы — дочь священника, устроены в хорошей семье, насколько я понимаю. Что же влечет вас за океан?

Хелен заранее тщательно продумала ответ на этот вопрос.

— Меня влекут вовсе не приключения, миледи, — сказала она. — Я довольна своим местом, хозяева относятся ко мне очень хорошо. Но, имея возможность каждый день наблюдать то счастье, которое царит в их семье, я поняла, что и сама хочу однажды оказаться в уютном семейном кругу, среди любящих меня супруга и детей.

Девушка надеялась, что ее объяснение не показалось даме слишком неправдоподобным. Она сама едва не прыснула от смеха, когда с серьезным видом произносила заученные фразы. Гринвудов с трудом можно было назвать образцом семейной гармонии. А уж получить такого наследника, как Уильям, было последним, чего хотела бы Хелен.

Однако миссис Бреннан, похоже, вполне устроил ответ девушки.

— А вы не думали о том, чтобы завести семью здесь, на родине? — спросила она. — Считаете, что в Англии вы не найдете мужа, который бы соответствовал вашим требованиям?

— Не знаю, такие ли большие у меня требования, — осторожно начала Хелен. В действительности позже она собиралась более подробно

расспросить миледи о том, что представляют собой «порядочные и обеспеченные члены» общины Крайстчерча. — Но мое приданое уж точно большим не назовешь. У меня не получается много откладывать, миледи. До настоящего времени я оплачивала обучение двух братьев, и на это уходило почти все мое жалованье. Кроме того, мне уже двадцать семь и я вряд ли могу похвастаться тем, что у меня остается достаточно времени на поиски супруга.

— А разве братьям больше не понадобится ваша поддержка? — поинтересовалась леди Бреннан. Вероятно, ей показалось, что с помощью переезда Хелен надеется избавиться от своих семейных обязанностей. Отчасти это было правдой. Девушка была по горло сыта необходимостью финансировать непутевых братьев.

— Мои братья вот-вот закончат свое обучение, — сказала Хелен. Здесь ей даже не пришлось врать: если Саймон провалит еще один экзамен, его исключат из университета, да и с Джоном дела обстояли не лучше. — Однако я не думаю, что после этого они смогут помочь мне с приданым. Судья-стажер и ассистент врача получают не такое уж большое жалованье.

Леди Бреннан кивнула.

— А вы не боитесь, что затоскуете по семье? — угрюмо спросила она после непродолжительной паузы.

— Моей семьей будут мой супруг и, даст Бог, наши дети, — твердо заявила Хелен. — Я собираюсь помогать мужу по хозяйству и превратить наше заокеанское жилье в уютный домашний очаг. Так что у меня не будет времени, чтобы тосковать по родине.

— Вижу, вы настроены решительно, — заметила леди Бреннан.

— Я надеюсь, что Господь направляет меня по верному пути, — смиренно промолвила Хелен и опустила голову.

Вопросы по поводу мужчин подождут. Главное, чтобы эта закутанная в черные кружева дракониха ее одобрила! Если мужчинам из Крайстчерча устраивают такую же строгую проверку, бояться ей нечего. Как бы там ни было, но леди Бреннан, похоже, немного оттаяла. Она даже в двух словах рассказала девушке об общине Крайстчерча.

— Это развивающееся поселение, основанное добропорядочными колонистами, которые были отобраны миссионерами англиканской церкви. В скором времени город должен стать резиденцией епископа. Запланировано строительство кафедрального собора, а также университета. Не думаю, что вам будет там чего-то недоставать, дитя мое. Даже улицы Крайстчерча названы в честь английских епископств.

— А река, которая течет через город, называется Эйвон, как и река в

родном городе Шекспира, — добавила Хелен.

В последние дни девушка вплотную занялась изучением всей доступной ей литературы о Новой Зеландии, из-за чего навлекла на себя гнев миссис Гринвуд. Уильям чуть не умер от скуки в Лондонской библиотеке, пока Хелен объясняла юношам, как ориентироваться в ее огромных залах. Джордж, конечно, догадался, что это была не настоящая причина посещения библиотеки, но ничего не сказал матери, а вчера даже вызвался в свободное время отнести взятые Хелен книги обратно.

— Верно, — улыбнувшись, подтвердила леди Бреннан. — Вам стоит хотя бы раз увидеть Эйвон в один из жарких летних дней, когда множество людей стоят на берегу и наблюдают за регатой. Сразу чувствуешь себя точь-в-точь как в старой, доброй Англии...

Эти рассказы успокоили Хелен. Разумеется, девушка твердо решила попытаться счастья в колонии, однако это не значило, что в ней проснулся дух первооткрывателя. Она надеялась переселиться в небольшой уютный городской домик и со временем обрести на новой родине дружеский круг общения — пусть не такой большой и завидный, как у Гринвудов, но в него будут входить приятные и надежные люди. Возможно, ее «порядочный и обеспеченный» муж окажется небольшим чиновником или коммерсантом. Хелен была готова дать шанс каждому.

И все же, выйдя из бюро с письмом и адресом некоего Говарда О'Кифа, фермера, проживающего в Холдоне, район Кентербери, Крайстчерч, Хелен начала сомневаться в правильности своего решения. Она никогда не жила за городом, и лишь раз ей довелось провести несколько дней в Корнуолле, куда Гринвуды поехали навестить своих друзей. Тот визит прошел самым лучшим образом и оставил после себя лишь приятные впечатления.

Однако мистер Мортимер никогда не говорил о своем доме как о крестьянском дворе, да и самого себя называл не просто «землевладельцем», а...

«Фермером-джентльменом», наконец-то вспомнила Хелен и сразу же почувствовала небольшое облегчение. Да, вот как говорили о себе знакомые Гринвудов. Вероятно, Говард О'Киф тоже являлся одним из таких фермеров-джентльменов. Хелен не могла себе представить, чтобы уважаемый представитель общины Крайстчерча был простым крестьянином.

Хелен хотелось прочесть письмо О'Кифа как можно быстрее, но она призвала себя к терпению. О том, чтобы открыть его в прихожей бюро

преподобного отца Торна, и речи быть не могло, а на улице письмо бы обязательно намокло под дождем. Поэтому девушка понесла письмо домой нераспечатанным и пока могла радоваться ровному красивому почерку на конверте. Нет, написавший эти строки явно не был малограмотным крестьянином! Хелен задумалась, не стоит ли взять извозчика, но, поскольку поблизости не было ни одного, отбросила эту мысль. В результате девушка едва не опоздала к ужину. Раздевшись в прихожей, Хелен с письмом в кармане поспешила к столу, стараясь делать вид, что не замечает любопытных взглядов Джорджа. Юноша был вовсе не глуп и умел сопоставлять факты! Он наверняка догадывался, где Хелен провела вторую половину дня.

Миссис Гринвуд, напротив, ничего не заподозрила и не стала расспрашивать Хелен о подробностях ее визита к священнику.

— Ах да, мне тоже надо будет в ближайшие пару недель заглянуть к преподобному отцу, — рассеянно сказала она. — Поговорить по поводу сирот, которых мы отправляем в Крайстчерч. Комитет отобрал шесть девушек, но преподобный отец посчитал, что половина из них слишком юные, чтобы ехать в такую даль без присмотра. Я ничего не имею против нашего доброго пастора, но порой он как будто не от мира сего! Он просто не понимает, сколько денег уходит на содержание этих сирот, в то время как там они могли бы обрести свое счастье...

Хелен никак не прокомментировала слова миссис Гринвуд, да и у мистера Роберта в этот вечер, похоже, не было настроения заводить спор с женой. Очевидно, он наслаждался мирной атмосферой, которая царила за столом и объяснялась, прежде всего, тем, что Уильям сегодня по-настоящему устал. Поскольку уроков не было, а няня мальчика отпросилась, сославшись на очень важные дела, играть с ним в мяч поручили самой юной служанке. Девушка здорово погоняла Уилли по саду, но в конце благоразумно позволила ему выиграть. Поэтому теперь любимец миссис Гринвуд сидел за столом со спокойным и счастливым выражением лица.

Хелен тоже сослалась на усталость, чтобы избежать необходимости продолжать беседу после ужина. Обычно девушка из вежливости проводила в компании Гринвудов еще около получаса и, сидя у камина, что-нибудь вышивала, пока Люсинда рассказывала о бесконечных заседаниях, которые проводили женские комитеты Лондона. Однако сегодня Хелен сразу же направилась в свою комнату и еще по дороге туда засунула руку в карман, чтобы нащупать заветный конверт. Наконец девушка с торжественным видом уселась в кресло-качалку — единственный предмет

мебели, который она перевезла в Лондон из дома отца, — и развернула письмо.

Уже с первых строчек оно поразило Хелен своей деликатностью и теплотой.

«Уважаемая сударыня,

я с трудом решаюсь обратиться к Вам, настолько непостижимым мне кажется то, что я смог привлечь ваше драгоценное внимание. Выбранный мною для этого способ, безусловно, необычен, однако я живу в очень молодой стране, где мы хоть и придерживаемся старых добрых традиций, но вместе с тем вынуждены находить новые и порой чрезвычайные решения тревожащих нас проблем. В моем случае такой проблемой является глубокое одиночество и тоска, которая порой лишает меня сна. Конечно, я живу в хорошем доме, но ему не хватает тепла и уюта, который может быть создан лишь женской рукой.

Окружающие меня земли поражают необычайной красотой своих просторов, однако всему этому великолепию не хватает чего-то самого главного, что привнесло бы в мою жизнь свет и любовь. Одним словом, я мечтаю о человеке, который разделит бы со мной все светлые и темные стороны моего существования, который бы радовался тому, как развивается моя ферма, и был готов помочь в трудные минуты. Да, я мечтаю о женщине, готовой соединить свою судьбу с моей. Сможете ли Вы стать такой женщиной? Я молю Бога о любящем, чутком существе, сердце которого способны смягчить эти слова. Но Вы наверняка хотите узнать обо мне что-то помимо моих мыслей и желаний. Что ж, меня зовут Говард О'Киф, и у меня, как Вы, должно быть, уже догадались, ирландские корни. Но это давняя история. Я уже не припомню, сколько лет мне пришлось скитаться по миру, который далеко не всегда был ко мне добр. Да, моя дорогая, я уже давно не безусый юнец. Мне пришлось многое пережить и выстрадать. Однако здесь, в Кентербери, у подножия Новозеландских Альп, я обрел вторую родину. Моя ферма небольшая, но овцеводство имеет в этой стране прекрасные перспективы, и я уверен, что смогу прокормить семью. Мне бы хотелось, чтобы моя жена была мудрой и доброй женщиной с умелыми руками, чтобы она воспитывала наших детей согласно всем христианским заповедям. А я буду добросовестно и всеми силами поддерживать ее в этом, как и положено любящему супругу.

Если случилось чудо и Вы, читая эти строки, разделяете часть моих желаний и стремлений, прошу Вас, напишите мне! Для меня каждое Ваше слово будет как глоток воды для умирающего в пустыне, и уже то, что

Вы согласились прочесть это послание, навсегда отвело Вам место в моем сердце.

Ваш покорнейший слуга
Говард О'Киф»

На глаза Хелен навернулись слезы. Как прекрасно умел писать этот мужчина! С какой точностью он выражал то, о чем так часто думала Хелен! В ее жизни тоже не хватало чего-то самого главного. Она тоже хотела иметь место, где можно было бы чувствовать себя по-настоящему уютно, обрести собственную семью и дом, в котором она была бы полноправной хозяйкой. Конечно, при этом она думала скорее о городском особнячке, нежели о ферме, однако в жизни всегда приходится идти на небольшие компромиссы. И уж тем более, когда решаешься на такие крутые перемены. К тому же Хелен очень нравилось в загородном доме Мортимеров. Она с удовольствием наблюдала, как миссис Мортимер по утрам, заливаясь звонким смехом, всплывала в гостиную с корзинкой свежих яиц и пестрым букетом садовых цветов. Хелен, которая обычно вставала довольно рано, помогала миссис Мортимер накрыть на стол и съедала с ней по бутерброду со свежим маслом и жирным молоком. Мортимеры держали коров. Мистер Мортимер также произвел на Хелен самое приятное впечатление. Перед завтраком он, как правило, объезжал окрестности верхом и возвращался с этой прогулки свежим, покрасневшимся и проголодавшимся от утренней прохлады. Таким же жизнерадостным и привлекательным Хелен теперь представляла своего Говарда. Мой Говард! Как замечательно это звучало! Как чудесно было чувствовать, что у нее теперь есть кто-то близкий! Пританцовывая от счастья, Хелен кружилась по своей крохотной комнатке. Стоило ли забирать с собой в новый дом отцовское кресло-качалку? Как увлекательно представлять, что однажды, сидя в нем, Хелен будет рассказывать детям об этом мгновении, когда она впервые прочла слова их отца, которые сразу же поразили ее до глубины души...

«Уважаемый мистер О'Киф,
с огромной радостью я сегодня прочла Ваши полные искренности строки, способные согреть любое сердце. Мне тоже было непросто решиться на такое знакомство, но я верю, что Бог не зря сводит людей, которых разделяют тысячи миль. Пока я читала Ваше письмо, эти мили как будто растаяли. С каждой строчкой расстояние между нами казалось мне все меньшим и меньшим. Возможно ли, что мы уже не раз встречались в наших снах? Или это просто похожие мысли и мечты делают нас такими

близкими? Я уже тоже не юная девочка. Смерть матери заставила меня рано повзрослеть и приучила к ответственности. Так что я вполне могу управиться с ведением большого домашнего хозяйства. Я растила и воспитывала братьев и сестру, а сейчас работаю гувернанткой в одном из домов Лондона. Днем работа не дает мне скучать, но по ночам я ощущаю в своем сердце щемящую пустоту. Я живу среди постоянно хлопочущей прислуги, в большом шумном городе, но вопреки всему этому я чувствовала себя обреченной на одиночество, пока не решила откликнуться на объявление о переезде в Новую Зеландию и прочесть Ваше письмо. И все же я пока не уверена, что мне хватит смелости откликнуться на Ваш зов и покинуть Англию. Я бы хотела немного больше узнать о стране, которая стала Вам второй родиной, и о Вашей ферме, но прежде всего — о Вас самом, Говард О'Киф! Я буду очень рада, если мы сможем продолжить нашу переписку. Если бы только Вы тоже почувствовали во мне родственную душу! Я надеюсь, что, читая эти строки, Вы ощутите прилив теплоты и уюта, которым я готова окружить моего любящего супруга и, даст Бог, целый дом прекрасных детей в Вашей новой стране!

С верой в лучшее,
Ваша Хелен Дэвенпорт»

Девушка на следующее же утро отнесла письмо на почту, и еще несколько дней ее сердце невольно начинало учащенно биться, как только она замечала перед домом почтальона. Хелен не могла дождаться конца утреннего занятия, чтобы поспешить в гостиную, где экономка каждый день оставляла письма для Гринвудов и их гувернантки.

— Вовсе не обязательно так торопиться, он еще не мог написать, — заметил Джордж однажды утром, три недели спустя, когда Хелен снова с раскрасневшимся лицом начала собирать учебники, как только почтальон промелькнул в окне. — Рейс в Новую Зеландию длится около трех месяцев. Три месяца туда и три месяца обратно, и это если получатель сразу же ответит на письмо, а корабль не станет задерживаться у берегов колонии. Как видите, может пройти больше полугода, прежде чем вы получите ответ.

Шесть месяцев? Хелен могла бы и сама догадаться; теперь же она испугалась. Учитывая такие сроки... сколько же времени может пройти, пока они с мистером О'Кифом придут к какому-то соглашению? И откуда Джордж...

— С чего ты взял, что я жду письмо из Новой Зеландии? И кто такой «он»? — строго спросила учительница. — Подчас ты ведешь себя уж

слишком дерзко! Видимо, я задаю очень мало, раз тебе нечем заняться. Ну ничего, это легко исправить.

Джордж звонко расхохотался.

— Вероятно, я умею читать ваши мысли! — ничуть не устыдившись своей бесцеремонности, продолжил он. — По крайней мере стараюсь. И все же некоторые из них мне пока неизвестны. Это мне следует спросить у вас, кто «он»? Офицер Ее Величества из дивизии Уэллингтона? Или заокеанский «овечий барон»? Лучше всего, конечно, если он торговец из Крайстчерча или Данидина. Тогда мой отец мог бы не упускать вас из виду и я всегда бы знал, как идут ваши дела. Однако мне, разумеется, не стоит быть столь любопытным, особенно в вопросах романтических отношений. Так что давайте, накажите мою наглость дополнительным заданием. Я смиренно примусь за его выполнение, а сверх того еще и присмотрю за Уильямом, чтобы у вас было достаточно времени спокойно выйти, спуститься вниз и просмотреть почту. •

Хелен покраснела до корней волос, но постаралась справиться с волнением.

— Да уж, буйная у тебя фантазия, — промолвила она. — Я всего лишь жду письмо из Ливерпуля. Одна из тетушек заболела...

Джордж усмехнулся.

— Передайте ей от меня пожелания скорейшего выздоровления, — сухо сказал он.

Джордж оказался прав. С момента встречи Хелен с миссис Бреннан прошло уже около трех месяцев, а ответ от О'Кифа все еще не пришел. Девушка начала терять надежду. Однажды она получила записку от преподобного отца Торна. Он просил Хелен в свой ближайший выходной зайти к нему на чай. Ему нужно было обсудить с ней один важный вопрос.

Хелен приготовилась к худшему. Вероятно, речь шла о Джоне или Саймоне. Одному Богу известно, что они снова могли натворить! Вполне возможно, что на этот раз терпению их декана пришел конец. Хелен, волнуясь, задавалась вопросом, что будет с ее братьями, если их и вправду отчислят из университета? Ни один из них не был приучен к физическому труду. А значит, юноши могли устроиться на работу разве что служащими в бюро, где поначалу им придется выполнять самую незначительную, а следовательно, низкооплачиваемую работу. На такое Саймон и Джон ни за что не согласятся. Хелен снова ужасно захотелось оказаться где-то на другом конце земли. Почему этот Говард до сих пор не ответил ей? Почему корабли ходят так медленно, если люди уже изобрели паровой двигатель и больше не зависят от попутных ветров?!

Священник и его супруга приняли Хелен так же тепло, как обычно. Был прекрасный весенний день, и миссис Торн устроила чаепитие в саду. Хелен глубоко вдыхала аромат цветов и наслаждалась тишиной. Парк Гринвудов был куда больше крохотного сада пастора и располагался в более тихой части города, но там у девушки не было ни одной спокойной минуты.

А с Торнами, напротив, можно было просто сидеть и молчать. Все трое неспешно пили чай, ели огуречные сэндвичи и домашние пирожные. Но спустя какое-то время преподобный отец Торн все же перешел к делу.

— Хелен, я хочу поговорить с вами начистоту. Надеюсь, вы на меня не обидитесь. Разумеется, все происходящее здесь беседы конфиденциальны, особенно между миссис Бреннан и ее юными... посетительницами. Но мы с Линдой, конечно же, знаем, о чем идет речь. И нам нужно было бы совсем ослепнуть, чтобы не заметить вашего визита к ней.

Слушая священника, Хелен то краснела, то бледнела. Так вот о чем он хотел поговорить! Отец Торн наверняка считал, что она опозорит своего покойного отца, если бросит семью и работу, чтобы уплыть за океан и стать женой какого-то незнакомца.

— Я...

— Хелен, мы вовсе не собираемся вас совестить, — дружелюбно промолвила миссис Торн и мягко коснулась руки девушки. — Я прекрасно понимаю причины, которые могут подтолкнуть молодую женщину к такому шагу, и мы ни в коем случае не осуждаем деятельность миссис Бреннан. В противном случае преподобный отец не предоставил бы в ее распоряжение свой кабинет.

Хелен немного успокоилась. Значит, ей не собираются устраивать выговор? Но что тогда от нее нужно Торнам?

Почти через силу преподобный отец снова обратился к девушке:

—• Я знаю, что мой следующий вопрос чрезвычайно бестактен, и с трудом решаюсь его задать. И все же, Хелен, скажите... ваш визит к миссис Бреннан уже дал какие-то результаты?

Хелен закусила губу. Зачем, ради всего святого, преподобному отцу понадобилось это знать? Может, ему известно о Говарде что-то такое, что необходимо было знать и ей? Господи, а что, если он оказался мошенником? От такого позора ей никогда не отделаться!

— Я ответила лишь на одно письмо, — сухо произнесла она. — Больше пока ничего не произошло.

Священник быстро прикинул, сколько времени прошло от момента встречи Хелен с миссис Бреннан и сегодняшним днем.

— Ну конечно же, Хелен, за такой срок ничего и не могло произойти. Даже в том случае, если бы всю дорогу судно сопровождал попутный ветер, а молодой человек поджидал бы ваш ответ практически у пристани и отправил бы свое следующее письмо ближайшим рейсом. Обычно почтовая связь между Англией и такой отдаленной колонией, как Новая Зеландия, осуществляется очень медленно. Я знаю об этом не понаслышке, поскольку состою в длительной переписке с одним священником из Данидина.

— Но... если вы об этом знаете, то что же вам тогда угодно? — не выдержала Хелен. — Если между мной и мистером О'Кифом действительно завяжется переписка, она может продлиться год и даже больше, прежде чем мы придем к какому-либо решению. Пока же...

— Мы подумали о том, чтобы немного ускорить этот процесс, — перешла к сути проблемы миссис Торн, которая по натуре была гораздо более деловой, чем ее супруг. — Собственно говоря, преподобный отец хотел поинтересоваться... тронуло ли письмо этого мистера О'Кифа ваше сердце? Легко ли вам представить, что ради этого мужчины вы будете способны совершить такой длительный переезд и сжечь за собой все мосты?

Хелен пожала плечами.

— Письмо было чудесным, — призналась она, и на ее губах невольно заиграла улыбка. — Я постоянно перечитываю его, каждую ночь. И... да, мне легко представить свой переезд в эту далекую страну. Это мой единственный шанс обрести семью. Я искренне верю, что меня направляет Провидение... что именно оно заставило меня прочесть это объявление... и что благодаря ему я получила письмо от мистера О'Кифа, а не от кого-либо другого.

Миссис Торн кивнула.

— Возможно, Господь и вправду направляет вас на верный путь, дитя, — мягко сказала она. — Мой муж как раз хотел предложить вам...

Хелен не знала, танцевать ей от радости или страшиться собственной смелости, когда час спустя она вышла от Торнов и направилась обратно к дому Гринвудов. Внутри у девушки все кипело от волнения, ведь теперь было совершенно ясно: пути к отступлению больше нет. Примерно через восемь недель от берегов Англии отправлялся корабль в Новую Зеландию. Ее корабль.

— Речь идет о сиротах, которых миссис Гринвуд и ее комитет твердо решили отправить за океан. — Хелен помнила объяснение преподобного отца слово в слово. — Они еще совсем дети: самой старшей девочке всего

тринадцать, а младшей едва исполнилось одиннадцать. Девочек пугала до полусмерти одна мысль о поступлении на работу в большой дом, даже если он будет расположен в Лондоне. А теперь их и вовсе отсылают в Новую Зеландию к совершенно незнакомым людям! Кроме того, мальчишки из приюта не придумали себе развлечения лучше, чем дразнить и запугивать бедняжек страшными историями. Они целыми днями говорят о кораблекрушениях и пиратах, которые похищают детей. Теперь младшая из девочек убеждена, что рано или поздно окажется в желудке у какого-нибудь каннибала, а старшая бредит тем, чтобы после продажи на рынке невольников оказаться в доме султана.

Хелен засмеялась, но лица Торнов оставались серьезными.

— Нам такие выдумки тоже кажутся смехотворными, но девочки в них верят, — вздохнула миссис Торн. — Не говоря уже о том, что безопасным этот переезд не назовешь. В Новую Зеландию по-прежнему ходят лишь парусные суда, поскольку пароход не способен преодолеть такое огромное расстояние. А значит, путешествие будет зависеть от попутных ветров. На судне может начаться мятеж, пожар или эпидемия... Поэтому я очень хорошо понимаю страхи этих детей. С каждым днем их опасения только растут, ведь час отплытия неумолимо приближается, и вот-вот перейдут в нездоровую истерию. Старшая девочка уже попросила, чтобы перед отъездом ее соборовали. Дамам из комитета этого, конечно же, не понять. Они не представляют, сколько страданий приносит их решение бедным детям. А я вижу их, и с каждым днем меня все больше мучают угрызения совести.

— То же я могу сказать и о себе, — вставил преподобный отец. — Поэтому я решил предъявить женскому комитету ультиматум. Де-факто приют принадлежит общине, а это значит, что его номинальным начальником являюсь я. Дамы не могут отослать детей без моего разрешения. А это разрешение я дам лишь в том случае, если детей будет кто-то сопровождать. И вот здесь в игру вступаете вы, Хелен. Я предложил дамам за средства общины оплатить переезд одной из девушек, откликнувшихся на объявление англиканской церкви Крайстчерча. А за это она присмотрит за сиротами на корабле. Пожертвование, равное необходимой сумме, уже сделано.

Миссис Торн и преподобный отец посмотрели на Хелен, ища в ее взгляде одобрения. Девушка подумала о мистере Гринвуде, которому еще несколько недель назад пришла в голову подобная мысль, и спросила себя, кто же сделал это пожертвование? Однако в конечном счете это было не так уж важно. Сейчас девушку намного больше волновали другие вопросы.

— И этой сопровождающей должна стать я? — нерешительно промолвила она. — Но я... я же говорила, что еще не получила ответа от мистера О'Кифа...

— У других девушек дела обстоят точно так же, Хелен, — заметила миссис Торн. — Кроме того, все они еще очень юные, немногим старше наших сирот. Опыт общения с детьми есть только у одной, которая, по ее собственным словам, работает няней. При этом я спрашиваю себя, какая порядочная семья доверит своих детей двадцатилетней воспитательнице? Да и вообще... некоторые из этих девушек показались мне... весьма сомнительными особами. Леди Бреннан тоже пока не уверена, что рекомендует всех обратившихся к ней барышень на роль потенциальных жен колонистов. Вы же, Хелен, напротив, вполне благонадежная девушка. Я без всяких сомнений готова доверить вам детей. Да и вы практически ничем не рискуете. Даже если дело не дойдет до свадьбы, молодой женщине с вашим образованием и способностями не составит труда найти себе новое место.

— Первое время вы сможете жить в доме знакомого мне священника в Крайстчерче, — добавил преподобный отец Торн. — Я уверен, он сможет устроить вас учительницей в хорошую семью, если мистер О'Киф окажется... хм... не вполне честным человеком. Но как бы там ни было, решать вам, Хелен. Действительно ли вы хотите покинуть Англию или мысль о переселении в колонию была лишь мимолетной фантазией? Если вы сейчас скажете «да», то 18 июля взойдете на борт корабля «Дублин», который отправляется из Лондона в Крайстчерч. Если же вы ответите «нет»... что ж, будем считать, что этого разговора просто не было.

Хелен глубоко вдохнула.

— Да, — сказала она.

Гвинейра отреагировала на новость о необычном сватовстве Джеральда Уордена намного спокойнее, чем предполагал ее отец. Стоило ему сделать один лишь намек на то, что Гвинейра может выйти замуж за сына новозеландского «овечьего барона», как его супруга и старшая дочь закатили истерику. При этом они, похоже, не могли определить, что было худшим проклятием — мезальянс или переезд в заокеанскую глушь. Поэтому лорд Силкхэм уже приготовился выслушивать рыдания и упреки младшей дочери. Но Гвинейру история о роковой карточной игре скорее позабавила.

— Конечно же, ты не обязана уезжать, — сразу же добавил лорд. — Подобное требование противоречит всем правилам приличия. Но я пообещал мистеру Уордену, что по меньшей мере приму его предложение во внимание...

— Ну-ну, отец! — поддразнила Силкхэма Гвинейра и шутливо погрозила ему пальчиком. — Карточный долг — это долг чести! Так просто тебе не отвертеться. В худшем случае придется выплатить ему мою цену золотом или подарить еще парочку овец. Последнему он будет даже больше рад. Попробуй договориться!

— Гвинейра, тебе стоит отнестись к этому серьезнее! — начал увещевать девушку лорд Силкхэм. — Само собой разумеется, что я пытался отговорить Уордена от этой безумной затеи...

— Да? — с любопытством спросила Гвинейра. — И сколько же ты ему предложил?

Лорд Теренс заскрежетал зубами. Он знал, что это дурная привычка, но Гвинейра постоянно выводила его из себя.

— Разумеется, я ничего ему не предлагал. Я взывал к его пониманию и чувству собственного достоинства. Но у Джеральда Уордена эти качества, похоже, не слишком развиты... — С этими словами лицо лорда помрачнело.

— Значит, ты собираешься вот так спокойно выдать меня замуж за сына какого-то мошенника! — весело констатировала Гвинейра. — Но если серьезно, отец, то как, по-твоему, я должна поступить? Отклонить предложение Уордена? Или с неохотой его принять? Мне следует быть исполненной достоинства или покорной? Плакать или кричать? А может, устроить побег?! Тогда твоя честь не пострадает вовсе. Если я скроюсь в ночном тумане, это ведь будет не твоя вина! — При мысли о таком

волнующем приключении в глазах Гвинейры заплясали озорные искорки. Хотя бежать в одиночку было куда менее интересно, чем быть похищенной...

Силкхэм сжал кулаки.

— Гвинейра, я тоже не знаю, что делать! Разумеется, твой отказ поставит меня в неловкое положение. Однако мысль о том, что ты выйдешь замуж лишь ради спасения чести отца, для меня не менее мучительна. Я никогда не прощу себе, если твой брак окажется несчастным. Поэтому я прошу тебя... ну... как бы это сказать... проверить серьезность намерений Уордена и отнестись к нему с некой долей благосклонности.

— Ну хорошо, — пожав плечами, ответила Гвинейра. — Проверим, так уж и быть. Но ведь для этого нужно позвать сюда моего потенциального свекра, не так ли? И маму, наверное, тоже... Хотя нет, ее нервы этого не выдержат. С мамой мы поговорим позже. Итак, где мистер Уорден?

Джеральд Уорден ждал в соседней комнате. Ему все, что разыгрывалось сегодня в доме Силкхэмов, казалось весьма забавным. Леди Сара и леди Диана в общей сложности уже шесть раз посылали прислугу за нюхательными солями; кроме того, они по очереди жаловались на внезапное чувство тревоги и слабость. Горничные не присели ни на минуту. В настоящий момент леди Силкхэм полулежала в гостиной, приложив ко лбу пузырь со льдом, в то время как леди Ридлуорт в одной из гостевых спален умоляла супруга сделать что-нибудь ради спасения Гвинейры, в крайнем случае вызвать Уордена на дуэль. Полковник, разумеется, был не в восторге от подобной перспективы. Он лишь презрительно поглядывал на новозеландца и, судя по всему, хотел лишь одного: как можно быстрее покинуть владения тестя.

Сама же виновница суматохи, по всей видимости, отнеслась к предложению Уордена спокойнее всех. Конечно же, Силкхэм отказался сообщить дочери неожиданную новость прямо при Джеральде, но истерика такой темпераментной девушки, как Гвинейра, вряд ли смогла бы пройти незамеченной... Однако же из кабинета лорда, как ни странно, не донеслось ни единого вскрика. Когда же Уордена пригласили в кабинет, он застал Гвинейру без слез, но с горящими щеками. Чего-то похожего Джеральд и ждал: несомненно, его предложение оказалось для девушки сюрпризом, но не слишком шокирующим. Она направила взгляд своих прекрасных синих глаз на мужчину, который таким необычным образом добивался ее руки для своего сына, и с интересом уставилась на него.

— Возможно, у вас есть с собой фотография?

Гвинейра не собиралась ходить вокруг да около, а сразу же перешла к делу. Сегодня она показалась Уордену еще более обворожительной, чем вчера. Строгая синяя юбка подчеркивала стройную фигурку девушки, а блуза с рюшами придавала ей более взрослый вид. Зато копна роскошных рыжих локонов дочери Силкхэма на этот раз предстала перед Джеральдом во всей красе. Горничная лишь связала две пряди волос на затылке синей бархатной лентой, чтобы кудри не лезли Гвинейре в лицо. В остальном же они свободно спускались по плечам и спине девушки почти до самой поясницы.

— Фотография? — растерянно переспросил Джеральд Уорден. — Нет, фотографии нет... разве что план... и несколько эскизов, поскольку я еще хотел обсудить некоторые детали внешнего оформления дома с одним английским архитектором...

Гвинейра расхохоталась. Она вовсе не выглядела потрясенной или напуганной.

— Я спрашиваю вас вовсе не о доме, мистер Уорден! А о вашем сыне! Э-э-э... Лукасе Уордене. У вас нет с собой его дагерротипа или фотографии?

Джеральд Уорден покачал головой.

— К сожалению, нет, миледи. Но уверен, Лукас вам понравится. Моя покойная жена была красавицей, а все говорят, что Лукас — ее точная копия. Он высокий, выше меня, но стройнее. У него пепельно-русые волосы, серые глаза... и он прекрасно воспитан, леди Гвинейра! Его образование стоило целого состояния. Лучшие гувернеры из Англии... Подчас мне кажется, что мы даже слегка... э-э-э... переусердствовали в этом. Лукас... хм... короче, общество от него в восторге. И Киворд-Стейшн вам тоже наверняка придется по душе, Гвинейра! Наш дом возведен в лучших традициях английской архитектуры. Это не обычный деревянный домик, как у большинства колонистов, а настоящий большой особняк из серого песчаника. Поверьте, он прекрасен! И мебель я тоже заказывал в Лондоне, в лучших столярных мастерских. Я даже посоветовался с декоратором, чтобы все было в лучшем виде. Вам там понравится, миледи! Конечно же, прислуга в Киворд-Стейшн не так хорошо обучена, как ваши горничные, но маори послушны и схватывают все на лету. И мы можем разбить рядом с домом розарий, если вам...

Джеральд осекся, увидев нахмуренный лоб Гвинейры. Похоже, идея с розарием ей не понравилась.

— Я могу взять с собой Клео? — поинтересовалась девушка. Услышав свое имя, лежавшая под столом бордер-колли подняла голову и уже

знакомым Джеральду преданным взглядом посмотрела на хозяйку.

— А Игрэн?

Джеральд Уорден не сразу понял, что речь идет о кобыле Гвинейры.

— Гвинейра, как ты можешь сейчас говорить о лошади! — вмешался помрачневший лорд Силкхэм. — Ты ведешь себя как ребенок! Речь идет о твоём будущем, а тебя волнуют какие-то игрушки!

— Ты считаешь моих животных игрушками? — вспыхнула Гвинейра, не на шутку обиженная таким замечанием. — Овчарку, которая выигрывает все соревнования, и лучшую охотничью лошадь в округе?

Джеральду гнев девушки был лишь на руку.

— Миледи, вы можете взять с собой все, что пожелаете! — поспешил вмешаться он. — Ваша кобыла станет красой и гордостью моих конюшен. Однако в этом случае нам стоит подумать о том, чтобы подыскать для нее подходящего жеребца.

А собака... ну, вы же сами прекрасно знаете, что я заинтересовался ею еще вчера...

Похоже, девушка по-прежнему сердилась, но ей удалось взять себя в руки и даже пошутить.

— Ах, вот в чем дело, — промолвила Гвинейра с лукавой усмешкой, но взгляд ее оставался таким же холодным. — Все это сватовство понадобилось вам лишь для того, чтобы заполучить лучшую овчарку моего отца! Теперь мне все понятно. И все-таки я подумаю над вашим предложением. Возможно, вы будете относиться ко мне с большим уважением, чем мой отец. Во всяком случае вам, мистер Уорден, удастся отличить скаковую лошадь от игрушки. А сейчас позвольте мне удалиться. И тебя, отец, тоже прошу пока не беспокоить меня. Я хочу подумать обо всем этом в спокойной обстановке. Скорее всего, мы увидимся за чаем.

Гвинейра выскочила из кабинета отца. Внутри нее все кипело от ярости. Теперь, когда ее никто не видел, глаза девушки наполнились слезами. Как и всегда, когда ей случалось сердиться или помышлять о мести, Гвинейра отослала горничную и, задернув полог, свернулась калачиком в дальнем углу своей огромной кровати. Клео еще несколько секунд принималась к двери, чтобы убедиться, что служанка действительно ушла, а затем проскользнула под пологом и прижалась к хозяйке, пытаясь хоть как-то ее утешить.

— По крайней мере теперь нам известно, кем мы являемся для моего отца, — прошептала Гвинейра, погладив мягкую шерстку Клео. — Ты — всего лишь игрушка, а я — ставка в карточной игре.

Поначалу, когда отец сообщил ей обо всей этой истории, Гвинейра отнеслась к ней куда менее серьезно. Девушку скорее развеселило, что ее отец тоже был не без грешка, к тому же это сватовство показалось ей шуточным. С другой стороны, отец явно бы рассердился, если бы она не захотела выслушать предложение Уордена! Не говоря уже о том, что он в любом случае загубил будущее своей дочери; в конце концов, что бы там ни решила Гвинейра, овцы достались бы Уордену! А ведь деньги, полученные от продажи этой отары, должны были стать ее приданым.

К счастью, Гвинейра не была одержима мыслью о браке, скорее даже наоборот: ей очень нравилось в усадьбе отца и больше всего она мечтала о том, чтобы однажды возглавить его ферму. Она бы наверняка справилась с этой задачей лучше брата, которого в загородной жизни привлекали лишь охота и скачки с препятствиями. В детстве Гвинейра часто мечтала о таком радужном будущем: она останется вместе с Джоном Генри на ферме и будет заботиться обо всем, позволяя ему жить в свое удовольствие. Тогда брат и сестра считали это отличной идеей.

— Я стану профессиональным наездником! — говорил Джон Генри. — И буду разводить лошадей!

— А я позабочусь об овцах и пони, — заверяла отца Гвинейра.

Пока дети были маленькими, лорд Силкхэм смеялся над этим и называл дочь «своей маленькой управляющей». Но чем старше они становились, чем почтительнее работники фермы отзывались о Гвинейре и чем чаще Клео побеждала на соревнованиях овчарку Джона Генри, тем меньше лорд Силкхэм был рад видеть в конюшнях свою дочь.

А сегодня он вообще заявил, что считает все, что делала для него дочь, игрой! Гвинейра с яростью вцепилась в подушку, но затем задумалась. Неужели лорд Силкхэм и вправду так думал? Или же... Что, если отец считает ее, Гвинейру, серьезным конкурентом своего единственного сына и наследника? Или как минимум помехой для его превращения в настоящего хозяина фермы. В таком случае Гвинейру здесь ждало незавидное будущее! Независимо от того, обеспечат ее приданым или нет, отец постарается выдать ее замуж до того, как Джон Генри закончит колледж, то есть в ближайшие несколько месяцев. Мать тоже торопила его; ей хотелось как можно быстрее приковать свою непутевую дочь к камину и пьльцам. А при нынешнем финансовом положении Силкхэмов Гвинейре не стоило рассчитывать на хорошую партию. Супругой лорда с такими обширными владениями, как ферма ее отца, она уже наверняка не станет. Хорошо, если ей достанется хотя бы такой муж, как лорд Ридлуорт. Не исключено, что дело и вовсе сведется к браку с каким-нибудь вторым или третьим сыном

из дворянской семьи, работающим врачом или адвокатом в Кардифе, и переезду в его скромный городской дом. Гвинеира подумала о ежедневных чаепитиях, скучных беседах с соседями, заседаниях благотворительных комитетов... и содрогнулась от ужаса.

Но ведь был и другой выход — принять предложение Джеральда Уордена!

До этого переезд в Новую Зеландию был для Гвинееры игрой воображения. Весьма забавной, но неосуществимой фантазией. Одна лишь мысль о том, чтобы связать свою жизнь с мужчиной, живущим на другом краю земли... мужчиной, для описания которого даже собственный отец не смог найти больше двух десятков слов, казалась ей нелепой. Однако теперь девушка всерьез задумалась о Киворд-Стейшн. О ферме, на которой она может стать хозяйкой, женой колониста, прямо как в тех захватывающих романах, которые ей подсовывала горничная! Безусловно, Уорден многое приукрасил, когда описывал великолепие своего особняка и его гостиных. В конце концов, он хотел произвести на ее родителей хорошее впечатление. Вероятно, его ферма все еще достраивается и расширяется. В противном случае Уорден не стал бы договариваться с ее отцом о покупке овец! Гвинеира могла бы работать и обустривать ферму вместе с мужем, помогать ему с овцами. На огороде она бы выращивала различные овощи вместо скучных роз с их шипами. Девушка уже видела, как она, вытирая пот со лба, идет за плугом, в который впряжен сильный вол, и ступает по впервые возделываемой земле.

А Лукас... ну, он хотя бы был молод и, по словам его отца, весьма недурен собой. О большем девушке не стоило и мечтать. Тем более что в Англии ей бы тоже пришлось выйти замуж отнюдь не по любви.

— Что ты думаешь по поводу Новой Зеландии? — спросила Гвинеира свою любимицу, почесывая ей брюшко. Клео восторженно посмотрела на хозяйку и как будто бы улыбнулась.

Гвинеира улыбнулась в ответ.

— Ну что ж! Решение принято единогласно! • — хихикнула девушка. — Хотя... нам нужно еще спросить Игрэн. Но спорим, что она тоже скажет «да», когда я обмолвлюсь насчет обещанного жеребца?

Отбор приданого Гвинееры вылился в долгий ожесточенный поединок между девушкой и леди Силкхэм. После того как леди немного отошла от своих обморочных приступов, вызванных решением дочери, она с привычным усердием принялась за подготовку к свадьбе. При этом она, разумеется, непрерывно и многословно высказывала свои сожаления по

поводу того, что торжество состоится не в имении Силкхэмов, а где-то «в глуши». И все же леди восприняла красочные описания особняка Уорденов в Кентербери с большим одобрением, нежели ее дочь. Кроме того, мать Гвинейры радовало, что Джеральд принимал живое участие во всех вопросах, связанных со свадьбой и приданым.

— Разумеется, у вашей дочери должно быть роскошное свадебное платье! — воскликнул он, когда Гвинейра отказалась от чудесного наряда с морем рюш и длинным шлейфом, заявив, что она собирается ехать на церемонию венчания верхом и все это великолепие будет ей лишь мешать.

— Мы проведем венчание либо в церкви Крайстчерча, либо, к чему лично я склоняюсь больше, в рамках домашней церемонии на моей ферме. В первом случае венчание, конечно же, будет выглядеть торжественнее, но найти подходящее место и хорошую службу для последующего праздничного приема будет не так-то просто. Поэтому, я надеюсь, мне удастся уговорить преподобного отца Болдуина приехать в Киворд-Стейшн. Там я могу принять гостей в соответствии с правилами хорошего тона. Избранных гостей, разумеется. На свадьбе будет присутствовать лейтенант-губернатор, самые важные представители британских властей, крупные предприниматели — вся верхушка светского общества Кентербери. Поэтому платье Гвинейры должно быть безупречным. Ты будешь прекрасно выглядеть, дитя мое!

Джеральд легонько похлопал Гвинейру по плечу и удалился, чтобы поговорить с ее отцом о перевозке овец и лошадей. Мужчины единодушно решили больше никогда не вспоминать ту роковую карточную игру. Лорд Силкхэм отправлял отару овец и собак за океан в качестве приданого дочери, в то время как леди Силкхэм старалась преподнести знакомым помолвку Гвинейры с Лукасом Уорденом как весьма удачный союз с одной из старейших семей Новой Зеландии. В каком-то смысле это было правдой: родители матери Лукаса были одними из первых колонистов Южного острова. А если, несмотря на все старания леди Силкхэм, в гостиных ее друзей и шептались по поводу свадьбы Гвинейры, до ее матери и сестер эти сплетни не доходили.

Гвинейру же возможные пересуды волновали меньше всего. Она с огромной неохотой посещала многочисленные чаепития, во время которых ее так называемые «подруги» с наигранным восторгом отзывались о ее переезде, утверждая, что это «захватывающее» событие, а потом начинали вслух мечтать о своих будущих мужьях из Поуиса или какого-нибудь крупного города. В те же дни, когда никаких визитов не намечалось, мать Гвинейры настаивала на том, чтобы девушка пересмотрела все

предложенные ей ткани для платья, а затем несколько часов неподвижно стояла перед портнихами. Леди Силкхэм приказала им снять мерки для нескольких вечерних и повседневных нарядов, заботясь о том, чтобы ее дочь во время поездки выглядела элегантно, как и подобает настоящей леди. Она никак не могла поверить, что первые несколько месяцев в Новой Зеландии Гвинейре понадобится скорее легкая летняя одежда, чем зимние вещи. Однако на другой половине земного шара, не уставал повторять Джеральд, времена года менялись местами.

Кроме того, новозеландцу постоянно приходилось выступать в роли посредника, когда между матерью и дочерью вспыхивал очередной спор о том, что нужнее — еще одно вечернее платье или третье платье для верховой езды.

— Не может быть, — взволнованно доказывала Гвинейра, — что в Новой Зеландии мне придется целыми днями наносить визиты соседям и участвовать в бесчисленных чаепитиях, как здесь, в Кардифе! Вы сказали, что это юная страна, мистер Уорден! Еще не до конца освоенная! Там мне не понадобятся шелковые платья!

Джеральд Уорден улыбнулся обеим женщинам.

— Мисс Гвинейра, не беспокойтесь, в Киворд-Стейшн вы будете окружены таким же утонченным обществом, как и здесь, — начал он, хотя и знал, что это беспокоило скорее леди Силкхэм, чем Гвинейру. — Однако расстояния между усадьбами там намного больше. Ближайший сосед, с которым мы поддерживаем дружеские отношения, живет в сорока милях от нас. В таких условиях на чай друг к другу не походишь. Кроме того, строительство дорог пока находится на начальном этапе. Поэтому мы предпочитаем ездить в гости верхом, а не в карете. Но это вовсе не значит, что наше светское общество является менее цивилизованным, чем английское. Вам скорее следует настроиться на продолжительные визиты, поскольку совершать однодневные поездки в Новой Зеландии чересчур хлопотно. А для этого вам, конечно же, понадобится соответствующий гардероб, — заметил Джеральд. — Кстати, я уже забронировал места на корабле. Мы отправляемся восемнадцатого июля. Судно называется «Дублин» и следует от Лондона до Крайстчерча. Часть трюмов уже подготовили для перевозки животных. Хотите сегодня после полудня поехать со мной и посмотреть на жеребца для вашей Игрэн, мисс Гвинейра? Мне кажется, за последние дни вы почти не выходили из гардеробной.

Мадам Фабиан, французская гувернантка Гвинейры, больше всего

волновалась по поводу культурной отсталости колоний. Она на всех доступных ей языках сожалела, что Гвинейра не сможет продолжить свое музыкальное образование, тем более что игра на фортепьяно была единственным занятием светской дамы, к которому девушка имела хоть немного таланта. Но и здесь Джеральду удалось сгладить острые углы: разумеется, в его доме есть фортепьяно — покойная миссис Уорден прекрасно играла и постоянно занималась с сыном. По словам отца, Лукас был великолепным пианистом.

Удивительным образом именно мадам Фабиан удалось добиться от Джеральда более подробного рассказа о будущем муже Гвинейры. Преданная искусству учительница просто умела задавать правильные вопросы: когда речь заходила о концертах и книгах, театрах и картинных галереях Крайстчерча, в разговоре сразу же всплывало имя Лукаса. Похоже, жених Гвинейры был очень культурным и художественно одаренным молодым человеком. Он рисовал, музицировал и вел постоянную переписку с британскими учеными, в которой речь главным образом шла об исследовании необычного животного мира Новой Зеландии. Этот интерес будущего супруга Гвинейра, пожалуй, могла разделить; что же касается остальных склонностей Лукаса, они ее скорее пугали. От наследника «овечьего барона» девушка ожидала куда меньшей тяги к искусству. Пальцы ковбоев, о которых Гвинейра так любила читать, уж точно никогда не касались клавиш фортепьяно. Но, возможно, Джеральд Уорден и здесь все немного приукрасил? Безусловно, «овечий барон» хотел представить свое поместье и семью в лучшем свете. На самом же деле жизнь в Новой Зеландии окажется более суровой и захватывающей! Так что, когда пришло время собирать чемоданы и коробки для переезда, Гвинейра даже не вспомнила о своих нотах.

Миссис Гринвуд отнеслась к увольнению Хелен на удивление спокойно. После каникул Джорджа все равно собирались отправлять в колледж, поэтому в услугах гувернантки он уже не нуждался, а Уильям...

— Что касается Уильяма, я собираюсь подыскать ему более снисходительную воспитательницу, — заявила миссис Гринвуд. — Он еще совсем ребенок, и с этим нужно считаться!

Хелен старалась держать себя в руках и усердно поддакивала хозяйке, хотя все мысли девушки были заняты новыми воспитанницами, которых ей придется опекать на борту «Дублина». Миссис Гринвуд великодушно позволила гувернантке посетить воскресное богослужение и познакомиться с сиротами. Как и ожидала Хелен, они были хрупкими, недокормленными и

запуганными. Все девочки носили чистые, но уже залатанные в нескольких местах серые платья, и даже у старшей из них, Дороти, под одеждой не прорисовывалось и намека на женские формы. Девочке едва исполнилось тринадцать, и десять из этих тринадцати лет она вместе с матерью провела в приюте для бедных. Сначала женщина где-то работала, но где именно, девочка уже не помнила. Она знала лишь, что однажды мать заболела и спустя некоторое время умерла. С тех пор Дороти жила в сиротском доме. Мысль о поездке в Новую Зеландию нагоняла на нее смертельный ужас, однако, с другой стороны, она была готова сделать все возможное, чтобы прийти по душе своим будущим работодателям. Она начала учиться читать и писать только в сиротском приюте, однако изо всех сил старалась наверстать упущенное. Хелен для себя решила, что будет заниматься с Дороти на корабле и поможет ей восполнить пробелы в образовании. Она сразу же почувствовала симпатию к хрупкой темноволосой девочке, которая могла превратиться в настоящую красавицу при условии, что ее будут хорошо кормить и не давать повода ходить ссутулившейся и смотреть на всех с покорностью забитой дворняжки. Дафна, вторая по старшинству сирота, была немного смелее. Она долго жила на улице вместе с другими беспризорниками, и наверняка лишь благодаря удаче ее не уличили в воровстве, а нашли под мостом, где заболевшая и отощавшая девочка лежала без сознания. В приюте с Дафной обходились строго. Учительница считала, что огненно-рыжие волосы девочки — это признак чрезмерной жизнерадостности, и наказывала ее за каждый озорной взгляд. Дафна была единственной из шести сирот, которая сама вызвалась на переезд в Новую Зеландию. А вот Лори и Мэри, близнецов из Челси, необходимость этого путешествия вовсе не радовала. Обе девчушки были добрыми и услужливыми, когда понимали, что от них требуется, однако не слишком умными. Лори и Мэри верили каждому слову жестоких мальчишек, которые целыми днями рассказывали им о чудовищных опасностях морского путешествия, и не могли понять, почему Хелен так легко согласилась на переезд. А Элизабет, двенадцатилетняя мечтательная девочка с длинными светлыми волосами, напротив, считала решение учительницы отправиться за океан ради неизвестного мужчины очень романтичным.

— О, мисс Хелен, это будет как в сказке! — восхищенно шептала она. Элизабет немного шепелявила, из-за чего ее постоянно дразнили, и поэтому почти никогда не говорила громко. — Принц, который ждет свою возлюбленную! Он наверняка очень сильно тоскует и каждую ночь видит вас во сне!

Хелен рассмеялась и попыталась высвободиться из цепких объятий самой младшей из своих подопечных, Розмари. Рози было одиннадцать лет, но на вид Хелен не дала бы ей и десяти. Как кому-то могло прийти в голову, что этот испуганный ребенок способен самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, оставалось для девушки загадкой. До этого Розмари ни на шаг не отходила от Дороти. Теперь же, когда рядом появилась дружелюбная взрослая девушка, Рози, недолго думая, переметнулась к ней. Хелен было приятно чувствовать маленькую ручку девочки в своей, хотя она понимала, что поощрять столь сильную привязанность не стоит: дети уже получили работу в Крайстчерче и учительница ни в коем случае не должна давать Рози надежду, что после переезда девочка сможет остаться с ней. Тем более что будущее самой Хелен пока что было довольно туманным. Ответа от Говарда О'Кифа она так и не получила.

И все же Хелен приступила к подготовке своего приданого. Все свои небольшие сбережения она потратила на два новых платья и несколько комплектов нижнего, постельного и столового белья. За небольшую доплату девушке также разрешили взять на корабль свое любимое кресло-качалку, и Хелен потратила несколько часов, чтобы аккуратно его упаковать. Чтобы немного справиться с волнением, девушка рано начала собираться в дорогу и закончила все основные приготовления еще за четыре недели до начала путешествия. Однако малоприятную необходимость уведомить о своем отъезде родных она откладывала чуть ли не до самого отъезда. Когда же Хелен наконец сообщила семье неожиданную новость, все вышло примерно так, как она себе это представляла: сестра была шокирована, а братья не на шутку рассердились. Поскольку Хелен больше не могла оказывать им материальную помощь, юноши были вынуждены снова переехать к преподобному отцу Торну. Хелен же считала, что такая перемена пойдет Джону и Саймону лишь на пользу, и довольно откровенно высказала им свое мнение.

Что же касается сестры, Хелен ни на миг не поверила в искренность ее длинного письма. Разумеется, Сьюзен почти на страницу расписала, как сильно будет скучать по сестре, а в некоторых местах чернила даже размыло слезами, которые, однако, были вызваны скорее тем, что оплата обучения Джона и Саймона теперь ложилась на ее плечи.

Когда же Сьюзен и ее муж наконец-то прибыли в Лондон, «чтобы еще раз все обсудить», Хелен пропустила наигранные причитания сестры мимо ушей и объяснила ей, что переезд вряд ли что-нибудь изменит в их отношениях.

— Чаше, чем пару раз в год, мы и раньше друг другу не писали, —

немного резко сказала девушка. — Ты слишком занята своей собственной семьей, да и меня в скором времени ждет что-то похожее.

Ах, если бы за этими словами скрывалось нечто большее, чем ее мечты!

Однако Говард по-прежнему хранил молчание. И лишь за неделю до отъезда Хелен, которая уже давно перестала каждое утро высматривать почтальона, Джордж принес ей конверт с множеством разноцветных марок.

— Вот, мисс Дэвенпорт! — взволнованно промолвил юноша. — Можете вскрыть его прямо сейчас. Обещаю, что не буду подсматривать и никому об этом не скажу. Я поиграю с Уильямом, о'кей?

Хелен в это время была с воспитанниками в саду, занятия на сегодня уже закончились. Уильям развлекался тем, что бесцельно катал мяч по площадке для крокета.

— Джордж, что это еще за «о'кей»? — по привычке одернула юношу Хелен, торопливо выхватывая из его рук заветное письмо. — Откуда ты вообще взял это слово? Из бульварных романчиков, которые читает прислуга? Ради всего святого, хотя бы не оставляй их лежать где попало. Если Уильям...

— Уильям не умеет читать, — перебил гувернантку Джордж. — В отличие от моей матери нам с вами это прекрасно известно, мисс Дэвенпорт. Но я больше не буду говорить «о'кей», обещаю. Вы будете читать письмо?

Хелен насторожило необычайно серьезное выражение, застывшее на лице юноши. Она ожидала от Джорджа скорее привычной лукавой усмешки.

Однако чего ей было бояться? Даже если мальчик доложит матери, что Хелен в рабочее время читает свои личные письма... через неделю она уже будет в открытом море... если только не окажется, что...

Хелен дрожащими руками разорвала конверт. Если мистер О'Киф больше не проявляет к ней интереса...

«Моя безмерно уважаемая мисс Дэвенпорт!

Слова не способны передать, как сильно меня тронули Ваши строки. Я не выпускаю Ваше письмо из рук с тех пор, как несколько дней назад его получил. Оно сопровождает меня везде; во время работы на ферме и редких поездок в город я время от времени нащупываю его в кармане и каждый раз утешаюсь и безумно радуюсь тому, что где-то далеко для меня бьется Ваше сердце. Должен признаться, что в самые темные часы моего одиночества я украдкой прикладываю его к губам. Этот лист бумаги,

которого касались Ваша рука и Ваше дыхание, для меня так же свят, как те немногие вещи, которые напоминают мне о семье и до сих пор бережно хранятся в моем доме.

Но как нам быть дальше? Уважаемая мисс Дэвенпорт, больше всего на свете мне бы сейчас хотелось воскликнуть: «Приезжайте! Давайте оставим наше одиночество в прошлом! Сбросим старую кожу из мрачных сомнений и отчаяния, чтобы вместе начать новую жизнь!»

Здесь все замерло в ожидании первых запахов весны. Еще немного — и трава зазеленеет, а на деревьях распустятся почки. Как бы мне хотелось насладиться этой красотой и опьяняющим чувством пробуждения жизни вместе с Вами! Но чтобы осуществить эту мечту, увы, недостаточно одних лишь высоких светлых чувств, так что позвольте поделиться с Вами моими вполне прозаичными соображениями. Я бы с радостью прислал Вам деньги на переезд прямо сейчас, уважаемая мисс Дэвенпорт — ах, что уж там, милая Хелен! Однако мне придется подождать, пока не обьягнутся овцы, чтобы примерно подсчитать, какой доход сможет принести моя ферма в этом году. В конце концов, я ни в коем случае не хотел бы начинать нашу совместную жизнь с долгов.

Сможете ли Вы с пониманием отнестись к этим обстоятельствам, уважаемая мисс Дэвенпорт? Захотите ли подождать, пока я смогу со спокойным сердцем позвать Вас к себе? Поверьте, мне этого хочется больше всего на свете.

Бесконечно преданный Вам
Говард О'Киф»

Сердце Хелен забилося с такой силой, что ей впервые в жизни не помешали бы нюхательные соли. Говард вовсе не отвернулся от нее! Он ее любил! А теперь она могла сделать ему приятный сюрприз! Вместо письма он получит ее саму! Девушка была бесконечно благодарна преподобному отцу Торну! И леди Бреннан! И даже Джорджу, который принес ей это чудесное письмо...

— Вы... вы уже дочитали, мисс Дэвенпорт?

Погрузившись в свои мысли, Хелен не заметила, что юноша все еще стоит рядом с ней.

— Хорошие новости?

Однако Джордж не выглядел так, словно собирался разделить с учительницей ее радость. В его глазах читался скорее испуг.

Хелен обеспокоенно посмотрела на воспитанника, но затем, не в силах сдержать своей радости, восторженно ответила:

— Лучшие новости из всех, которые я когда-либо получала!

Джордж даже не улыбнулся.

— Значит... он и вправду собирается на вас жениться? Он... не советует вам остаться здесь? — глухо спросил юноша.

— Но, Джордж, с чего бы ему советовать мне остаться? — От внезапно свалившегося на нее счастья Хелен совсем позабыла, что недавно она без устали повторяла ученикам, что не отвечала ни на какое объявление. — Мы отлично подходим друг другу! Он в высшей степени образованный и культурный молодой человек, который...

— Более культурный и образованный, чем я, мисс Дэвенпорт? — перебил учительницу юноша. — Вы уверены, что он лучше меня? Умнее? Начитаннее? Потому что... если дело касается любви, то... он совершенно точно не может любить вас больше, чем я...

Джордж резко отвернулся, испугавшись собственной смелости. Хелен пришлось взять мальчика за плечи и развернуть его к себе, чтобы заглянуть ему в глаза. Почувствовав ее прикосновение, он вздрогнул.

— Господи, Джордж, что ты такое говоришь? Что ты можешь знать о любви? Тебе всего шестнадцать! Ты мой ученик! — воскликнула ошеломленная Хелен и в эту же секунду поняла, что говорит вздор. Разве шестнадцатилетние не могли испытывать глубоких чувств? — Послушай, Джордж, мне никогда и в голову не приходило сравнивать тебя с Говардом, — снова начала она. — А уже тем более рассматривать вас в качестве конкурентов. В конце концов, я даже не знала, что...

— Вы и не могли этого знать! — В умных карих глазах Джорджа загорелась искра надежды. — Мне нужно было... нужно было сказать вам об этом раньше. Еще до этой истории с Новой Зеландией. Но я все не решался...

Хелен с трудом удержалась от улыбки. Ее воспитанник казался таким юным и ранимым, таким серьезным в своей детской влюбленности! Ей нужно было понять это раньше! Оглядываясь назад, учительница понимала, как много знаков указывали на романтические чувства юноши.

— Все нормально, Джордж, — попыталась успокоить его Хелен. — Ты и сам осознавал, что слишком юн для таких признаний, и в привычных обстоятельствах никогда бы не заговорил о своих чувствах. А сегодняшний разговор мы просто забудем...

— Я на десять лет младше вас, мисс Дэвенпорт, — перебил ее Джордж. — И к тому же ваш ученик... но я уже далеко не ребенок! В ближайшее время я поступлю в колледж и через пару лет стану уважаемым коммерсантом. И тогда никому уже не будет дела до моего возраста и

возраста моей супруги.

— Но это важно для меня, — мягко произнесла Хелен. — Я хочу выйти за человека моего возраста, который бы годился мне в мужа. Мне очень жаль, Джордж...

— Откуда вы знаете, что этот новозеландец соответствует всем вашим представлениям? — Голос юноши задрожал. — Почему вы его любите? Это ведь первое письмо, которое вы от него получили! Он написал, сколько ему лет? Разве вы можете знать, как он ведет себя за столом, как одевается? И есть ли что-то, о чем вы с ним сможете говорить по вечерам? Вспомните, со мной и моим отцом у вас всегда складывался хороший теплый разговор. Если вы подождете меня... всего пару лет, мисс Дэвенпорт, пока я закончу обучение! Пожалуйста, мисс Дэвенпорт! Прошу вас, дайте мне шанс!

В порыве чувств юноша схватил гувернантку за руку.

Хелен поспешила высвободить ее из крепких пальцев Джорджа.

— Мне очень жаль, Джордж, — повторила она. — Дело не в том, что ты мне не нравишься, отнюдь. Но я твоя учительница, а ты мой ученик. Из нас не получится пары... тем более что очень скоро ты сам выбросишь всю эту историю из головы.

Хелен на минуту задумалась. Знал ли Роберт Гринвуд хоть что-нибудь о слепой влюбленности своего сына? Может быть, он проявил такую небывалую щедрость и оплатил ее путешествие в первую очередь потому, что хотел убедить юношу в безнадежности его безумных чувств?

— Я никогда не выброшу ее из головы! — пылко воскликнул Джордж. — Как только я стану совершеннолетним и смогу обеспечивать собственную семью, вы получите от меня официальное предложение руки и сердца. Только бы вы согласились подождать, мисс Дэвенпорт!

Хелен покачала головой. Нужно было заканчивать этот разговор.

— Джордж, даже если бы я и любила тебя, у меня нет возможности ждать. Я действительно хочу завести семью и поэтому не должна упускать этот шанс. Шанс, который дает мне Говард. Я хочу стать ему хорошей и верной женой.

Джордж с отчаянием посмотрел на Хелен. На его узком лице отразились все муки отвергнутой страсти, и девушке на секунду показалось, что она уже видит за этими незрелыми юношескими чертами лицо взрослого мужчины, которым однажды станет Джордж. Прекрасного умного мужчины, который не будет давать необдуманных обещаний... мужчины, который умеет держать свое слово. Сейчас же Хелен больше всего хотелось обнять и утешить юношу, но об этом не могло быть и речи.

Девушка молча ждала, пока Джордж возьмет себя в руки. Ей казалось,

что из глаз юноши сейчас польются детские слезы, но Джордж смотрел в лицо учительницы спокойным и твердым взглядом.

— Я всегда буду любить вас! — заявил он. — Всегда. Где и кем бы вы ни были. Где и кем бы я ни был. Я люблю вас! И только вас! Никогда не забывайте об этом, мисс Дэвенпорт.

«Дублин» даже со спущенными парусами выглядел впечатляюще. Хелен и сиротам показалось, что он был не меньше большого особняка. И действительно, следующие три месяца на нем собиралось провести значительно больше людей, чем был способен вместить даже самый населенный приют для бедняков. Хелен также надеялась, что судно находится в хорошем состоянии и вероятность возникновения на нем пожара или обвала минимальна. Во всяком случае мореходность всех кораблей, которые направлялись в Новую Зеландию, должна была проверяться самым тщательным образом. Владельцы судна обязаны были продемонстрировать государственным проверяющим, что каюты пассажиров хорошо вентилировались и на борту имелось достаточное количество провианта. Часть продовольствия догружали сегодня. Глядя на стоящие у причала бочки с солониной, мешки с мукой и картошкой и ящики галет, Хелен представляла, какое питание ждет ее эти три месяца. Она уже слышала, что корабельный рацион не отличается разнообразием, — по крайней мере для тех, чьи каюты были расположены на средней палубе. Пассажиров первого класса, разумеется, обслуживали совсем по-другому. Для них, по слухам, на борт даже взяли кока.

За посадкой «обычных» пассажиров следили грубоватый на вид офицер и судовой врач. Последний внимательно посмотрел на Хелен и ее подопечных, потрогал лоб каждой из сирот, вероятно показавшихся ему не вполне здоровыми, и заставил их показать языки. Не обнаружив ничего подозрительного, врач кивнул офицеру, после чего тот начал искать имена девушек в списке.

— Каюта номер один в кормовой части судна, — наконец-то объявил он и жестом показал, чтобы Хелен и дети быстрее проходили дальше.

Все семеро на ощупь пробирались по узким темным коридорам, которые располагались в глубине судна и к тому же были забиты взволнованными людьми и их пожитками. Хелен взяла с собой не так уж много вещей, но и от скромной дорожной сумки у девушки постепенно начали затекать руки. Багаж сирот был и того меньшим: в каждом из их узелков лежало лишь нижнее белье и одно сменное платье.

Наконец они нашли каюту, и девочки со вздохом облегчения протиснулись в нее. А вот сама Хелен не очень-то обрадовалась при виде крохотной комнатки, которая должна была на целых три месяца стать их

жилищем. Из мебели в низенькой темной каюте был лишь стол, стул и шесть коек, которые, к ужасу Хелен, оказались еще и трехъярусными. А значит, одного спального места не хватало. К счастью, Мэри и Лори привыкли спать вместе. Они сразу же заняли одну из средних коек и крепко прижались друг к другу. Девочки все еще испытывали страх перед морским путешествием, а множество людей и шум на корабле только усилили его.

Хелен же скорее смущал назойливый запах овец, лошадей и других животных, который проникал в каюту с нижней палубы. Именно под ней были расположены временные загоны для овец и свиней, а также стойла для коровы и двух лошадей. Хелен считала такие условия неприемлемыми и собиралась жаловаться. Она приказала девочкам ждать ее в каюте и снова поднялась на палубу. К счастью, на свежий воздух можно было выбраться и более коротким путем, чем тот, по которому они только что пришли: прямо напротив каюты Хелен располагалась лестница, ведущая наверх.

Тем временем матросы успели соорудить широкие сходни, по которым на корабль заводили животных. Однако самих моряков нигде не было видно; в отличие от трапа на другом конце корабля, за этим никто не наблюдал, хотя и здесь на каждом шагу сустились семьи переселенцев, которые втаскивали на борт свои пожитки и со слезами и причитаниями обнимали остающихся в Англии родственников. Давка и шум были невыносимыми.

Но затем толпа отхлынула от сходней, по которым на борт поднимали животных. И вскоре Хелен поняла почему: на корабль заводили двух лошадей, одна из которых была напугана. Невысокий мускулистый мужчина — покрытые синими татуировками руки выдавали в нем моряка — изо всех сил пытался удержать животное на месте. Хелен спросила себя, за какую провинность ему могли поручить такое трудное и чуждое его профессии задание? По тому, как неловко бедняга обращался с сильным вороным жеребцом, было видно, что ему никогда не доводилось иметь дела с лошадьми.

— Ну, иди же, вороной черт! Я не могу ждать здесь вечно! — рычал он на животное, но пользы от этих криков было мало. Жеребец еще сильнее попятился и сердито повел ушами. Похоже, он твердо решил, что его копыто ни за что не ступит на опасно раскачивающиеся доски.

Вторая лошадь, которую вели за первой, показалась Хелен более спокойной. Да и женщина, державшая ее за поводья, казалась куда увереннее моряка. К немалому удивлению Хелен, это была совсем юная хрупкая девушка в элегантном дорожном костюме, которая нетерпеливо переминалась с ноги на ногу возле крепкой гнедой кобылы. Поскольку

жеребец, похоже, не собирался продвигаться вперед, девушка решила взять дело в свои руки.

— Так у вас ничего не выйдет, дайте его мне!

Хелен изумленно наблюдала, как незнакомка, недолго думая, передала поводья своей кобылы одному из стоявших за ней пассажиров и сменила матроса. Хелен ждала, что жеребец вырвет поводья из рук юной леди; в конце концов, даже сильный моряк удерживал его с большим трудом. Однако животное тотчас же успокоилось, когда девушка ловким движением укоротила узду и начала ласково с ним разговаривать.

— Ну-ну, Мэдок, всего несколько шагов — и мы уже на борту! Я пойду вперед, а ты — за мной. И даже не пытайся вырываться!

Хелен с затаенным дыханием смотрела, как жеребец ступает за юной леди — с неохотой, но очень грациозно. Девушка хвалила животное и одобрительно похлопывала его по спине, пока они вместе не оказались на твердом полу палубы. Жеребец фыркнул, забрызгав слюной темно-синий бархатный костюм девушки, но она этого, кажется, даже не заметила.

— Ну, где вы там застряли с моей кобылой?! — немного грубовато, как для дамы, крикнула она стоявшему внизу матросу. — Игрэн вам ничего не сделает! Просто ведите ее за собой!

Гнедая кобыла действительно оказалась спокойнее юного жеребца, хотя и она немного приплясывала на ходу. Матрос держал ее поводья за самые концы. При этом у него было лицо человека, поджигающего фитиль динамитного заряда. И все же мужчине удалось завести лошадь на корабль, и теперь Хелен могла обратиться к нему с жалобой, что она и сделала, когда матрос и девушка проводили животных мимо ее каюты.

— Вероятно, здесь нет вашей вины, но кто-то же должен с этим разобраться. Мы не можем жить рядом со стойлами. Запах животных просто невыносим! А что, если они выберутся из трюма? Я не хочу постоянно бояться за наши жизни!

Матрос лишь пожал плечами.

— Ничего не поделаешь, мадам. Таков приказ капитана. Животных нужно перевозить в трюме. А распределение кают всегда происходит одинаково: мужчин селят ближе к носу, семьи — посередине, а женщин — на корме. А поскольку вы здесь единственные женщины, которые путешествуют без сопровождения, поменяться каютами вам не с кем. Придется довольствоваться тем, что есть.

Тяжело дыша, мужчина бросился за кобылой, которая теперь, по всей видимости, спешила догнать свою хозяйку и жеребца. Девушка по очереди завела лошадей в соседние стойла и надежно привязала их там. Когда она

снова показалась перед Хелен, ее синий бархатный костюм был весь в сухих травинках и соломинках.

— Ужасно непрактичный материал! — посетовала девушка, пытаясь отряхнуть юбку и рукава костюма, но вскоре бросила эту бесполезную затею и повернулась к Хелен.

— Мне жаль, что животные доставляют вам неудобства. Но подняться наверх они не смогут, сходни сейчас уберут... хотя для самих животных это опаснее. Если корабль начнет тонуть, я не смогу вывести Игрэн из трюма! Но так распорядился капитан. По крайней мере стойла будут каждый день очищать от навоза. А овцы не так уж сильно пахнут, когда у них сухая шерсть. Кроме того, к их запаху постепенно привыкаешь...

— Я никогда не привыкну жить в хлеву! — вздернув подбородок, заявила Хелен.

Девушка в синем костюме рассмеялась.

— А где же ваш пионерский дух? Вы ведь сами решили переехать в колонию, не так ли? Знаете, я бы с радостью поменялась с вами каютой. Но я сплю на самом верху. Мистер Уорден забронировал места в каюте класса люкс. Это все ваши дети?

Она взглянула на девочек, которые благоразумно сидели в каюте, но затем, услышав голос Хелен, осторожно приоткрыли дверь и теперь с любопытством выглядывали в коридор. Смелее всех была Дафна. Она с интересом рассматривала лошадей и элегантную одежду юной леди.

— Нет, конечно, — ответила Хелен. — Я лишь буду присматривать за ними в течение поездки. Они сироты... А это все ваши животные?

Девушка снова засмеялась.

— Нет, только лошади... вернее сказать, одна из лошадей. Жеребец принадлежит мистеру Уордену. Овцы тоже его. Кому принадлежат остальные животные, я не знаю, но стоит выяснить: возможно, коровы доятся, тогда мы будем каждый день поить детей свежим молоком. Мне кажется, это пошло бы им на пользу.

Хелен грустно кивнула.

— Да, девочки совсем отощали. В приюте их не очень хорошо кормили. Надеюсь, они смогут пережить это длинное путешествие. Все так много говорят об эпидемиях и детской смертности. Но у нас на борту хотя бы есть врач. Думаю, он хорошо разбирается в своем деле. Ах да! Меня зовут Хелен Дэвенпорт.

— Гвинейра Силкхэм, — промолвила в ответ юная леди. — А это Мэддок и Игрэн... — Она представила животных так, словно они были людьми. — А Клео... куда же она снова запропастилась? А, вот. Уже

заводит новых друзей.

Хелен проследила за взглядом Гвинейры и увидела маленькое лохматое существо, которое дружелюбно виляло хвостом и как будто улыбалось ей. Однако его большие зубы при этом выглядели довольно устрашающе. Хелен испугалась, увидев рядом с животным Розу. Малышка прижималась к собаке так же доверчиво, как обычно обнимала Хелен.

— Розмари! — встревоженно вскрикнула Хелен.

Девочка вздрогнула и отпустила собаку.

Клео удивленно посмотрела на Хелен и, словно пытаясь успокоить ее, подняла вверх одну из передних лап.

Гвинейра засмеялась и, в свою очередь, попыталась успокоить новую знакомую.

— Вы можете без опасений позволить малышке играть с собакой. Клео любит детей и никогда не причинит им вреда. Но мне нужно идти. Мистер Уорден, наверное, уже заждался. Кроме того, мне следовало бы сейчас еще немного побыть со своей семьей, которая ради этого приехала в Лондон. Снова эта чепуха. Я видела их каждый день на протяжении семнадцати лет. И этим все сказано. Но теперь моя мать беспрестанно плачет, а сестры причитают за компанию. Отец корит себя за то, что по его милости я отправляюсь в Новую Зеландию, а брат смотрит на меня с такой завистью, словно вот-вот задушит. Дождаться не могу, когда мы уже отчалим. А вы? Вас никто не пришел проводить?

Гвинейра огляделась по сторонам. Палуба кишела заплаканными и причитающими людьми. Последние подарки, приветы и напутствия... Для многих семей это было разлукой навсегда.

Хелен покачала головой. Она приехала сюда сама на извозчике. Кресло-качалку, единственную громоздкую часть ее багажа, она отослала на корабль еще вчера.

— Я еду к мужу в Крайстчерч, — сказала Хелен, словно это объясняло отсутствие провожающих. Она меньше всего хотела, чтобы эта богатая и, судя по всему, привилегированная юная леди начала ее жалеть.

— Вот как? Значит, ваша семья уже в Новой Зеландии? — с интересом спросила Гвинейра. — Надеюсь, при случае вы поподробнее расскажете мне об этом, потому что сама я еще ни разу... Ох, мне и вправду надо спешить! До завтра, дети, не страдайте от морской болезни! Пойдем, Клео.

Гвинейра уже повернулась, чтобы уйти, но маленькая Дороти робко ухватила ее за краешек юбки.

— Мисс, простите, мисс, но ваш костюм совсем грязный. Ваша мама наверняка вас отругает.

Гвинейра засмеялась, но затем обеспокоенно опустила взгляд на свою одежду.

— Ты права. Она не на шутку разозлится! Я просто невозможна. Даже попрощаться с семьей не могу без скандала.

— Я могу почистить его, мисс. Я знаю, как обращаться с бархатом!

Дороти услужливо взглянула на Гвинейру и несмело указала ей на стоявший посреди каюты стул.

Гвинейра опустилась на него.

— Где ты этому научилась, малышка? — изумленно спросила она, когда Дороти, ловко орудуя одежной щеткой Хелен, начала очищать ее жакет. Вероятно, девочка видела, как их сопровождающая складывала свои вещи в один из узких шкафчиков, расположенных у каждой койки.

Хелен вздохнула. Покупая дорогую щетку, она не планировала использовать ее для того, чтобы очищать костюм незнакомой девушки от следов навоза.

— В наш приют в качестве пожертвования часто присылают ношеную одежду. Но мы не оставляем ее себе, а продаем. А перед этим одежду, конечно же, нужно почистить, так что мне довольно часто приходилось заниматься этим. Вот, мисс, теперь ваш костюм снова выглядит роскошно! — с робкой улыбкой произнесла Дороти.

Гвинейра поискала в кармане мелочь, чтобы отблагодарить девочку, но так ничего и не нашла — костюм был совершенно новый.

— Я принесу вам что-нибудь завтра, обещаю! — заверила она Дороти, направляясь к дверям каюты. — А ты однажды станешь прекрасной хозяйкой. Или горничной в очень хорошем доме! Увидимся!

Гвинейра помахала Хелен и девочкам рукой и проворно взбежала на мостик.

— Она и сама не верит тому, что говорит! — воскликнула Дафна и плюнула девушке вслед. — Такие люди постоянно что-то обещают, а потом уходят и ищи-свищи. Надо сразу же требовать от них что-нибудь за свои услуги, Дот! А то так и будешь работать задаром!

Хелен возвела глаза к небу. Как там говорилось? «Самые усердные, порядочные и благовоспитанные девушки»? Как бы то ни было, сейчас ей следовало вмешаться и проявить строгость.

— Дафна, ты сейчас же это вытрешь! Мисс Гвинейра ничего вам не должна. Дороти сама предложила ей свою помощь. Это был знак вежливости, а не услуга. И юным леди не пристало плевать! — сказала Хелен, озираясь в поисках ведра.

— Но мы же не леди, — захихикали Лори и Мэри.

Хелен строго взглянула на них.

— Когда вы прибудете в Новую Зеландию, то станете ими, — пообещала она. — По меньшей мере вести себя вы будете так, как должно леди!

Нужно было решительно браться за их воспитание.

Гвинейра вздохнула с облегчением, когда последние трапы, связывавшие «Дублин» с причалом, наконец-то убрали. Прощание с семьей получилось тяжелым, на одни лишь слезы матери ушло три носовых платка. Картину дополняли причитания сестер и сдержанное, но угрюмое лицо отца; казалось, он отправляет Гвинейру не к будущему мужу, а на смертную казнь. Но больше всего на нервы действовал смотревший на нее с неприкрытой завистью брат. Он бы, наверное, с радостью обменял все свое наследство на такое приключение! Гвин подавила истерический смех. Как жаль, что Джон Генри не мог стать женой Лукаса Уордена.

Но теперь «Дублин» медленно отчаливал от берега. Над головой девушки что-то громко зашумело. Матросы поднимали паруса. Уже сегодня вечером судно покинет Ла-Манш и направится в сторону Атлантического океана. Гвинейра бы с радостью прямо сейчас спустилась к лошадям, но это было бы совсем неприлично. Поэтому она покорно стояла на палубе и махала своей широкой шалью собравшимся на причале родственникам, пока берег почти не скрылся из виду. Джеральд Уорден отметил, что девушка не пролила и слезинки.

А вот маленькие воспитанницы Хелен горько рыдали, да и в целом атмосфера на средней палубе была намного напряженнее, чем около кают богатых пассажиров. Для бедных эмигрантов это путешествие, скорее всего, было прощанием навсегда, к тому же большинство из них ждало куда более неопределенное будущее, чем Гвинейру и ее попутчиков с верхней палубы. Утирая девочкам слезы, Хелен нащупала в кармане письмо от Говарда. Ее на новой родине хотя бы ждали...

И все же в первую ночь на борту Хелен спалось довольно плохо. Овцы еще не высохли; чувствительный нос девушки по-прежнему улавливал запах навоза и влажной шерсти. Дети не могли заснуть целую вечность и просыпались от каждого шороха. Когда Роза в третий раз забралась под одеяло к Хелен, девушке не хватило духу и, прежде всего, сил отправить малышку обратно на ее собственную койку. Лори и Мэри спали, крепко обнявшись, а Дороти и Элизабет Хелен нашла следующим утром прильнувшими друг к другу в углу под койкой Дороти. Только Дафна спала спокойно и крепко; если ей что-то и снилось, это, наверное, были хорошие

видения, потому что девочка улыбалась во сне, когда Хелен начала ее будить.

Первое утро на море оказалось неожиданно ясным. Мистер Гринвуд предупреждал Хелен, что первые недели путешествия может штормить, поскольку между Ла-Маншем и Бискайским заливом море обычно было беспокойным. Но сегодня погода предоставила эмигрантам отсрочку. Солнце после дождливого дня проглядывало сквозь дымку, и серебристо-серое море поблескивало в его мягком свете. «Дублин» неторопливо продвигался вперед по гладкой водной поверхности.

— Я больше не вижу никакого берега, — испуганно прошептала Дороти. — Если случится кораблекрушение, этого никто не увидит! Мы все утонем!

— Начни наш корабль идти ко дну в лондонском порту, ты бы все равно утонула, — заметила Дафна. — Ведь ты не умеешь плавать и, пока матросы будут спасать людей с верхней палубы, наверняка захлебнешься.

— Ты тоже не умеешь плавать! — ответила Дороти. — Ты бы утонула так же, как и я!

— Нет, не утонула бы! — засмеялась Дафна. — Однажды в детстве я свалилась в Темзу, но мне удалось по-собачьи догрести до берега. Дубина в воде не утонет, как говорил мой старик...

Хелен решила прервать этот разговор, причем не только из педагогических побуждений.

— Так говорил твой отец, Дафна! — поправила она. — Пусть даже он не очень приятно выражался. А теперь прекрати нагонять на других девочек страх, иначе у них пропадет аппетит. А мы как раз собрались принести завтрак. Итак, кто пойдет со мной на камбуз? Дороти и Элизабет? Замечательно. А Лори и Мэри тем временем наберут воды для умывания... да, да, барышни, мы будем умываться. Настоящая леди и в дороге должна соблюдать порядок и чистоту!

Когда Гвинейра через час спустилась на среднюю палубу, чтобы посмотреть на своих лошадей, ее взору представилась странная картина. Сама палуба была почти пуста, большинство пассажиров еще завтракали или предавались грустным думам у себя в каютах. Но Хелен и девочки вытащили свой стол и стул наружу.

На стуле восседала Хелен, гордо и прямо, как истинная леди. Перед ней на столе находился воображаемый столовый прибор, состоящий из жестяной миски, погнутой ложки, вилки и столового ножа. Дороти в эту секунду как раз подавала Хелен очередное блюдо, снимая его с

воображаемого подноса, в то время как Элизабет управлялась со старой бутылкой так, словно в ней было дорогое вино, которое нужно было аккуратно налить в бокал.

— Что это вы делаете? — озадаченно спросила Гвинейра.

Дороти присела в реверансе.

— Мы упражняемся в том, как нужно вести себя за столом, мисс Гвин... Гвин...

— Гвинейра. Но вы можете спокойно называть меня Гвин. А теперь скажи мне еще раз, в чем вы упражняетесь?

Гвинейра подозрительно покосилась на Хелен. Вчера гувернантка показалась ей вполне нормальной девушкой, но теперь мисс Силкхэм не была уверена, что ее новая знакомая в своем уме.

Хелен немного покраснела под взглядом Гвинейры, но быстро взяла себя в руки.

— Сегодня утром я обнаружила, что поведение девочек за столом оставляет желать лучшего, — сказала она. — Складывается впечатление, что в приюте они жили, как животные в зверинце. Дети едят руками и набивают себе полный рот, словно завтракают последний раз в жизни!

Дороти и Элизабет пристыженно опустили глаза. На Дафну же это замечание не произвело никакого впечатления.

— Вероятно, если бы они не делали так, им бы вообще ничего не доставалось, — заметила Гвинейра. — Когда я вижу, какие они худые... Но зачем все это? — Она еще раз показала на стол.

Хелен поправила нож, чтобы он лежал идеально ровно.

— Я показываю девочкам, как должна вести себя за столом настоящая леди, и в то же время учу их основам сервировки стола, — объяснила она. — Мне с трудом верится, что их примут в такие дома, где они смогут исполнять обязанности одной только горничной или кухарки. Положение с прислугой в Новой Зеландии, насколько я знаю, довольно плачевное. Поэтому во время путешествия я постараюсь научить детей всему, чему только смогу, чтобы они могли действительно принести какую-то пользу своим будущим работодателям.

Хелен одобрительно кивнула Элизабет, которая аккуратно наливала воду в ее чашку, подставив под носик чайника салфетку, чтобы не пролить на скатерть и капли.

— Пользу? — скептически спросила Гвинейра. — Эти дети? Я еще вчера хотела спросить, зачем их отправляют за океан, но теперь мне все ясно... Я ведь не ошибусь, если скажу, что приют решил избавиться от лишних ртов, потому что в Лондоне никто не хочет нанимать в горничные

таких юных, отощавших от постоянного недоедания девушек?

Хелен кивнула.

— Они там трясутся над каждой копеечкой. Содержать ребенка еще один год, кормить, одевать и оплачивать его обучение стоит около трех фунтов. Билет до Новой Зеландии стоит четыре фунта, но зато они избавляются от детей раз и навсегда. В противном случае Розмари и близняшек им бы пришлось содержать по меньшей мере два года.

— Но билет за полцены можно получить лишь на ребенка до двенадцати лет, — возразила Гвинейра, что немало удивило Хелен. Неужели эта девушка и вправду интересовалась, сколько стоил проезд в каюте средней палубы? — А место горничной девушка может получить не раньше, чем ей исполнится тринадцать.

Хелен закатила глаза.

— На практике можно получить место и в двенадцать лет, хотя Розмари я бы не дала и девяти. Но вы правы, за Дороти и Дафну нужно было бы уже платить полную стоимость. Почтенные дамы из сиротского комитета для этой поездки, вероятно, немного убавили им лет...

— А как только мы причалим к берегам Новой Зеландии, девочки тотчас же чудесным образом повзрослеют и станут тринадцатилетними! — рассмеялась Гвинейра и запустила руки в карманы своего широкого домашнего платья, сверху которого была накинута лишь легкая шаль. — Да, мир не такое уж доброе место. Вот, девочки, я принесла вам кое-что пожевать. Сервировка — это прекрасно, но сытым от нее не станешь. Берите!

Девушка с радостной улыбкой протянула детям несколько кексов и сдобных булочек. Сироты сразу же забыли о только что выученных манерах и бросились к лакомству.

Хелен попыталась если не восстановить нарушенный порядок, то хотя бы разделить угощение поровну. Гвинейра сияла.

— Хорошо я придумала, не так ли? — спросила она Хелен, когда жующие дети уселись на краю одной из спасательных шлюпок. При этом они старались не забывать о наставлениях воспитательницы и откусывали от булочек маленькие кусочки, а не запихивали их в рот целиком. — На верхней палубе столы сервируют, как в гранд-отелях. Увидев эти горы еды, я сразу же вспомнила о ваших бедных малышках и решила поделиться с ними своим завтраком. Вы ведь не против, правда?

Хелен кивнула.

— От предусмотренного для нас продовольствия они вряд ли смогут поправиться. Порции тут не очень большие, к тому же мы должны

приносить еду из камбуза сами. Поэтому старшие девочки присваивают себе половину еды еще по дороге в каюту. Вдобавок ко всему в семьях эмигрантов с нашей палубы есть несколько наглых мальчишек. Пока что они еще не освоились здесь, но подождите, пройдет два-три дня, и эти сорванцы начнут преграждать девочкам дорогу и требовать с них плату за проход! Однако надеюсь, что мы как-нибудь переживем следующие несколько недель. А еще я попытаюсь научить этих детей хоть каким-то умениям. Это больше, чем кто-либо когда-нибудь для них делал.

Пока сироты ели и играли с Клео, две юные женщины, оживленно болтая, прогуливались по палубе. Гвинейре хотелось побольше узнать о своей новой знакомой. В конце концов Хелен рассказала ей о своей семье и работе у Гринвудов.

— Значит, на самом деле вы еще не жили в Новой Зеландии? — немного разочарованно спросила Гвинейра. — Кажется, вчера вы сказали, что вас там ждет муж.

— Ну... мой будущий муж, — заливаясь краской, пролепетала Хелен. — Я... Вам, наверное, это покажется глупым, но я еду за океан, чтобы стать женой мужчины, которого я знаю лишь по паре писем... — Девушка пристыженно опустила глаза. Безрассудность ее решения становилась очевидной каждый раз, когда Хелен рассказывала о нем кому-то другому.

— Значит, наши истории довольно похожи, — мимоходом заметила Гвинейра. — Только мой жених мне даже не писал!

— Похожи? — удивилась Хелен. — То есть вы тоже собираетесь выйти замуж за незнакомца?

Гвин пожала плечами.

— Ну, как сказать... он не совсем незнакомец. Его зовут Лукас Уорден. По сути, это его отец попросил для него моей руки... — Девушка закусил губу. — Да, по сути... — повторила она. — Так что, с точки зрения приличий, здесь все улажено. Но что касается Лукаса... я не уверена, захочет ли он вообще жениться. Отец юноши не сказал мне, спрашивал ли он его об этом...

Хелен засмеялась, хотя Гвинейра говорила вполне серьезно. За последние недели Гвин поняла, что Джеральд Уорден не слишком часто интересуется мнением других. «Овечий барон» принимал решения быстро и самостоятельно, а на вмешательство других порой отвечал весьма несдержанно. За три недели своего пребывания в Европе Джеральду удалось сделать довольно многое; помимо покупки овец и заключения нескольких сделок с импортерами шерсти, он получил консультацию у нескольких архитекторов и экспертов по строительству фонтанов и добыл

жену для своего сына. И все это было сделано без суеты, но с молниеносной скоростью. В целом Гвинейре нравился решительный подход Уордена к делу, но порой он ее немного пугал. При всей своей любезности и услужливости ее будущий тесть отличался взрывным характером, а деловые вопросы решал с каким-то скрытым лукавством, которое больше всего не нравилось лорду Силкхэму. По его мнению, при покупке Мэдока новозеландец наверняка каким-то хитрым способом околпачил бывшего хозяина жеребца. Насколько честно велась карточная игра за руку Гвинейры, Силкхэм тоже не мог сказать. Порой Гвинейра спрашивала себя, в какой степени похож на Джеральда его сын? Обладает ли он такой же деятельной натурой? Как он управляет фермой, пока отец в отъезде? Не менее эффективно и бескомпромиссно? Или Джеральд так быстро уладил свои дела именно по той простой причине, чтобы максимально сократить свое пребывание в Европе и вернуться домой, пока Лукас не успел запустить Киворд-Стейшн?

Как бы там ни было, сейчас Гвин вкратце, упустив некоторые подробности, рассказала Хелен о деловых отношениях Джеральда с ее отцом, которые в итоге закончились сватовством.

— Я знаю лишь, что выхожу замуж за будущего хозяина процветающей фермы с четырьмястами гектарами земли и пятидесяти тысячным поголовьем овец, которое со временем увеличится, — подытожила девушка. — И то, что мой тесть поддерживает светские и деловые отношения с лучшими домами Новой Зеландии. Очевидно, он богат, иначе не смог бы позволить себе совершить такую поездку. А вот о моем будущем супруге мне практически ничего не известно!

Хелен внимательно слушала Гвинейру, но вряд ли могла ей посочувствовать. Девушка с болью поняла, что ее новая подруга знает о своей будущей жизни куда больше, чем она сама. Говард ничего не рассказал ей ни о размерах его фермы, ни о количестве животных, ни о своем круге общения. О финансовом положении будущего супруга Хелен знала только то, что хоть за ним и не числится долгов, позволить себе такие большие расходы, как покупка билета на корабль до Новой Зеландии — даже самого дешевого, — он мог с трудом. И все же он писал чудесные письма! Снова залившись краской, Хелен вытащила из кармана несколько потрепанных от постоянного перечитывания листов и протянула их Гвинейре. Обе девушки уже устали от ходьбы и присели на край спасательной шлюпки. Гвинейра внимательно пробежалась глазами по строкам.

— Н-да, писать он умеет... — сдержанно промолвила она и снова

сложила листы вдвое.

— Вы находите это подозрительным? — испуганно спросила Хелен.
— Вам не нравятся его письма?

Гвинейра пожала плечами.

— Они и не должны нравиться мне. Честно говоря, они кажутся немного напыщенными. Но...

— Что?.. — не вытерпела Хелен.

— Мне просто кажется... в общем, я бы никогда не подумала, что фермер может писать такие красивые письма, — сказала Гвинейра и отвернулась.

Ей эти письма показались более чем странными. Разумеется, Говард О'Киф мог быть образованным мужчиной. В конце концов, отец Гвинейры был и фермером, и джентльменом; в Уэльсе это не казалось чем-то особенно необычным. Но при всей своей образованности лорд Силкхэм никогда не употреблял таких вычурных и поэтических выражений, как этот Говард. Кроме того, при обсуждении предстоящей свадьбы среди благородных людей принято, что называется, выкладывать карты на стол. Будущие супруги должны знать, что их ждет, а в письмах Говарда Гвинейра не нашла никаких сведений о его благосостоянии. Ей также показалось странным, что он ничего не спрашивал о приданом Хелен, и в то же время нигде прямо не говорилось, что фермер от него отказывается.

Разумеется, он не рассчитывал, что Хелен сядет на ближайший корабль до Новой Зеландии, чтобы побыстрее оказаться в его объятиях. Возможно, вся эта угодливость нужна была лишь для того, чтобы произвести на Хелен хорошее впечатление. И все же она казалась Гвинейре подозрительной.

— Он просто очень чувствительный, — попыталась оправдать будущего супруга Хелен. — Он пишет именно так, как мне нравится, — добавила она со счастливой улыбкой и погрузилась в собственные мысли.

В ответ Гвинейра улыбнулась девушке.

— Ну и хорошо, — сказала она, но про себя решила, что при первой удобной возможности спросит будущего тестя о Говарде О'Кифе. В конце концов, он тоже разводил овец. Вполне возможно, что мужчины знали друг друга.

Но эта возможность представилась Гвинейре не так скоро, потому что совместные завтраки, обеды и ужины, за которыми обычно принято задавать подобного рода вопросы, первое время отменялись из-за волнения на море. Хорошая погода, стоявшая в первый день путешествия, оказалась обманчивой.

Как только они вошли в воды Атлантического океана, ветер резко переменялся и «Дублин» стал пробираться вперед сквозь бури и дождь. У многих пассажиров начались приступы морской болезни, и поэтому они отказывались от еды или, по крайней мере, предпочитали есть в своих каютах.

Джеральд Уорден и Гвинейра чувствовали себя вполне нормально, но, поскольку официальные обеды не проводились, они зачастую ели в разное время. Гвинейра делала это намеренно; ее будущий тесть наверняка не одобрил бы то, что девушка заказывает горы еды, чтобы затем отнести ее воспитанницам Хелен. Гвин же, напротив, больше всего хотелось накормить маленьких пассажиров со средней палубы. Во всяком случае детям был необходим каждый кусочек, который они получали, — хотя бы для того, чтобы не замерзнуть совсем. Конечно же, лето было в разгаре и воздух, несмотря на дождь, был довольно теплым, но, когда море становилось бурным, вода проникала в каюты средней палубы и все в них пропитывалось влагой, так что не оставалось ни одного сухого места. Хелен и девочки мерзли в своих тонких отсыревших платьях, но все равно каждый день в установленное время гувернантка занималась со своими воспитанницами. Для других детей путешествие проходило без каких-либо уроков. Судовой врач, в обязанности которого входило обучение детей, пока они не могли посещать школу, сам страдал от морской болезни и щедро лечил себя джином из дорожной аптечки.

Да и в остальном обстановка на средней палубе была малоутешительной. В той части, где располагались каюты для семей и мужчин, в бурную погоду постоянно заливало туалеты. В придачу ко всему большинство пассажиров мылись очень редко или не мылись вовсе. При такой погоде Хелен самой не очень хотелось этого делать, но она настаивала, чтобы девочки каждый день использовали часть воды для поддержания гигиены тела.

— Я бы с радостью постирала нашу одежду, но она просто не высохнет, это безнадежно, — пожаловалась она Гвинейре, на что та пообещала подыскать в своем гардеробе сменное платье хотя бы для Хелен. Ее собственная каюта отапливалась и была прекрасно изолирована. В нее даже в самую сильную бурю не проникала влага, которая могла бы испортить мягкие ковры и элегантную мягкую мебель. Гвинейра испытывала угрызения совести, но не могла предложить Хелен с детьми переселиться к ней. Джеральд ни за что бы не разрешил ей этого. Поразмыслив, девушка решила хотя бы пару раз привести к себе Дороти и Дафну — под предлогом, что она хочет отдать им кое-что из своей одежды.

— Почему бы тебе не проводить занятия внизу, в отсеке для животных? — поинтересовалась Гвинейра, когда в очередной раз увидела дрожащую от холода Хелен на главной палубе, где девочки по очереди зачитывали ей отрывки из «Приключений Оливера Твиста». Здесь было холодно, но, по крайней мере, сухо, а свежим воздухом дышалось куда приятнее, чем затхлой сыростью крохотной каюты.

— Там каждый день убирают, — продолжила Гвинейра. — Матросы, конечно, не рады этому заданию и проклинают мистера Уордена, но он постоянно проверяет, чтобы за овцами и лошадьми хорошо ухаживали. А ответственный за провиант очень тщательно следит за содержанием убойных животных. В конце концов, он меньше всего хочет, чтобы они начали чахнуть или умирать, иначе ему придется выбрасывать мясо за борт.

Как выяснилось, свиньи и птица были живым провиантом для пассажиров первого класса, а коров действительно каждый день доили. Однако пассажирам со средней палубы, таким как Хелен и девочки, ничего из этих свежих продуктов не доставалось — пока однажды Дафна не увидела, как один из мальчишек ночью тайком доил корову. Без зазрения совести она донесла на воришку, но не раньше, чем успела понаблюдать за ним и запомнить движения его рук. С тех пор девочки каждый день лакомились свежим молоком. А Хелен предпочитала делать вид, что ничего не замечает.

Дафна с восторгом поддержала предложение Гвинейры. Воруя яйца и молоко, она уже давно заметила, насколько теплее было в импровизированных стойлах под палубой, чем в их каюте. Крупные тела коров и лошадей нагревали трюм, а соломенная подстилка была мягкой и зачастую более сухой, чем матрасы на койках. Сначала Хелен пыталась возражать против этой идеи, но довольно скоро сдалась. Она успела провести в помещении для животных три недели занятий, прежде чем их обнаружил ответственный за провиант. Заподозрив Хелен в краже еды, он с ругательствами выставил ее и девочек из трюма.

Тем временем «Дублин» достиг Бискайского залива. Море успокоилось, а погода стала теплее. Пассажиры второго класса вздохнули с облегчением и начали потихоньку выносить свою одежду и постельное белье из кают, чтобы дать им просохнуть на солнце. Люди благодарили Бога за тепло, но команда предупреждала: совсем скоро они достигнут Индийского океана и начнут проклинать невыносимую жару.

Теперь, когда первая, наиболее трудная, часть путешествия была позади, на борту «Дублина» началась настоящая светская жизнь.

Судовой врач наконец-то приступил к своим обязанностям учителя, так что детям эмигрантов было чем заняться и они меньше донимали друг друга, родителей и, прежде всего, воспитанниц Хелен. Последние на уроках просто блистали, и девушка ими очень гордилась. Сначала она обрадовалась, что у нее появится немного свободного времени для себя, но затем предпочла присутствовать на занятиях и присматривать за детьми. Одной из причин стало то, что уже на второй день болтушки Мэри и Лори вернулись из класса с новостями, весьма беспокоившими Хелен.

— Дафна целовалась с Джейми О'Харой! — воскликнула запыхавшаяся Мэри.

— А Томми Шеридан хотел обнять Элизабет, но она сказала, что ждет принца, и все начали смеяться, — добавила Лори.

После этого Хелен сразу же решила поговорить с Дафной, но не добилась от нее и капли раскаяния.

— За это Джейми угостил меня куском хорошей колбасы, которую они купили еще в Лондоне, — спокойно объяснила девочка. — К тому же это длилось всего секунду, да он и целоваться-то как следует не умеет!

Хелен ужаснулась тому, что Дафна, очевидно, обладает куда более глубокими познаниями в этой сфере. Она строго отчитала девочку, хотя и предполагала, что ничего этим не добьется. Однако при должном старании отношение Дафны к морали и приличиям со временем можно было поменять в лучшую сторону. Поначалу же помогал лишь контроль. Поэтому Хелен сначала просто присутствовала на занятиях, а затем начала принимать довольно активное участие в проведении уроков и подготовке к воскресному богослужению. Судовой врач не знал, как ее благодарить, — роль учителя и священника была ему явно в тягость.

Почти каждую ночь на средней палубе звучала музыка. Люди примирились с тем, что навсегда покинули родную страну, а может, просто находили утешение в английских, ирландских и шотландских народных песнях. Некоторые пассажиры взяли с собой на борт музыкальные инструменты; то тут, то там раздавались грустные мелодии скрипок, флейт и гармоник. По пятницам и субботам на палубе устраивали танцы, и Хелен

снова приходилось не сводить глаз с Дафны. Она охотно разрешала старшим девочкам слушать музыку и с часок наблюдать за танцами, но потом они должны были отправляться спать, чему Дороти обычно была только рада, в то время как Дафна постоянно выдумывала какие-то отговорки и даже пыталась дожидаться, когда Хелен заснет, чтобы снова выскользнуть из каюты.

У пассажиров первого класса культурная жизнь была намного тоньше и разнообразнее. На палубе устраивались концерты и игры, а в столовой проходили роскошные ужины. Джеральд Уорден и Гвинейра сидели за одним столом с семейной парой из Лондона. Младший сын супругов служил в гарнизоне Крайстчерча и теперь планировал остаться жить в Новой Зеландии. Молодой человек собирался жениться и начать торговать шерстью. Для этого он попросил отца уже сейчас предоставить ему часть будущего наследства, которую он хотел использовать в качестве стартового капитала. Мистер и миссис Брюстер — деятельные и решительные люди, не так давно разменявшие пятый десяток лет, — немедленно купили билеты на ближайший рейс до Новой Зеландии. Прежде чем отдавать сыну довольно значительную сумму, мистер Брюстер хотел собственными глазами увидеть местность, где собирался осесть юноша, и — прежде всего — будущую невестку.

— Питер пишет, что она наполовину маори, — задумчиво произнесла миссис Брюстер, — и красива, как одна из этих южных девушек, которых иногда можно увидеть на картинах. Но я даже не знаю, туземка...

— Это может очень помочь ему с выделением земельного участка, — заметил Джеральд. — Один мой знакомый получил в подарок дочь вождя, а в придачу к ней — десять гектаров прекрасных пастбищных угодий. Он сразу же влюбился в девушку, — добавил Уорден и многозначительно подмигнул.

Мистер Брюстер громогласно расхохотался, в то время как улыбки миссис Брюстер и Гвин скорее можно было назвать вымученными.

— Кстати, подружка вашего сына вполне может оказаться его дочерью, — продолжил Джеральд. — Сейчас ей должно быть около пятнадцати, вполне взрослая, как для аборигенки. Кстати, метиски порой бывают настоящими красавицами. А вот чистокровные маори... в общем, они не в моем вкусе. Слишком маленькие, коренастые, да еще эти татуировки... Но каждому свое. О вкусах, как говорится, не спорят. •

Из разговора Брюстеров с Джеральдом Гвинейра наконец-то узнала кое-какие подробности о своей новой родине. До этого «овечий барон» в основном говорил об экономических возможностях, животноводстве и

пастбищах Кентербери, а теперь девушка впервые услышала, что Новая Зеландия состоит из двух крупных островов. При этом и Крайстчерч, и Кентербери расположены на Южном острове. Она узнала о горах и фьордах, о похожих на джунгли дождевых лесах, селениях китобоев и золотых приисках. Гвинейра вспомнила, что Лукас, по словам его отца, исследовал флору и фауну страны, и сразу же сменила мечты о том, как она будет пахать и сеять рядом с мужем, на еще более захватывающую фантазию об экспедициях в неисследованные участки острова.

Однако спустя какое-то время и любопытство Брюстеров, и желание Джеральда рассказывать исчерпались. Уорден хорошо разбирался в природе Новой Зеландии, но животные и земли интересовали его только с экономической точки зрения. О семье Брюстеров, похоже, можно было сказать то же самое. Им важнее всего было знать, безопасен ли район, в котором собирался поселиться их сын, и какой доход могло принести основанное там предприятие. При детальном обсуждении этих вопросов всплывали имена различных коммерсантов и фермеров. Гвинейра, решив использовать представившуюся возможность, наконец осуществила давно продуманный план и словно бы мимоходом спросила о некоем «фермере-джентльмене» по имени О'Киф.

— Возможно, вы его знаете. Он тоже должен жить где-то в районе Кентербери.

Реакция Джеральда поразила девушку. Ее будущий тесть побагровел, а его глаза, казалось, вот-вот вылезут на лоб.

— О'Киф? Фермер-джентльмен? — Джеральд словно выплюнул эти слова и презрительно хмыкнул. — Я знаю мерзавца и головореза по имени О'Киф! — прорычал он. — Подонка, которого нужно как можно скорее отправить обратно в Ирландию. Или в Австралию, в колонию каторжников, где ему самое место! Фермер-джентльмен! Не смешите меня! Гвинейра, живо признавайтесь, откуда вам знакомо это имя.

Девушка подняла руку, пытаясь унять внезапный гнев Джеральда, а мистер Брюстер поспешил долить в его бокал новую порцию виски, которое, по всей видимости, оказывало на овцевода успокаивающее действие. Миссис Брюстер крики Уордена заставили испуганно вжаться в спинку стула.

— Это наверняка какой-то другой О'Киф, — поспешила сказать Гвинейра. — Я спрашивала о фермере, с которым обручена одна английская гувернантка со средней палубы. Она сказала, что он является одним из уважаемых членов общины Крайстчерча.

— Вот как? — недоверчиво спросил Джеральд. — Странно, что я его

не знаю. Фермер-джентльмен, живущий недалеко от Крайстчерча, который, как и этот проклятый сукин сын... о, простите, леди... которому не повезло иметь такую же фамилию, как у этого подозрительного субъекта, сразу бы мне запомнился.

— О'Киф — довольно распространенная фамилия, — поспешила заверить Уордена миссис Брюстер. — Вполне вероятно, что в районе Крайстчерча живут два О'Кифа.

— К тому же мистер О'Киф, с которым обручена Хелен, пишет очень красивые письма, — добавила Гвинейра. — Он, должно быть, очень образованный молодой человек.

Джеральд громко расхохотался.

— Ну, в таком случае это точно не тот О'Киф. Старый Гови и имя-то свое написать без ошибки не может! Но мне не нравится, Гвин, что ты проводишь время на средней палубе! Держись подальше от пассажиров второго класса и от этой так называемой гувернантки тоже. Вся эта история кажется мне подозрительной, так что не разговаривай с ней больше!

Гвинейра нахмурила брови. Остаток ужина она сердито молчала. Позже, уже в каюте, гнев девушки разгорелся еще сильнее.

Что себе возомнил этот Уорден? Он довольно-таки быстро перешел от «миледи» к «леди Гвинейра», а потом и вовсе к этому короткому «Гвин», начал бесцеремонно тыкать и отдавать приказы! Черта с два она перестанет общаться с Хелен! Эта молодая женщина была единственной на всем корабле, с кем Гвинейра могла откровенно поговорить о том, что ее волнует. Несмотря на разное положение в обществе, обе девушки с каждым днем становились все более близкими подругами.

Кроме того, Гвин очень привязалась к шести маленьким воспитанницам Хелен. Особенно к серьезной Дороти, но и мечтательная Элизабет, и крошка Роза, и немного плутоватая, однако умная и живая Дафна тоже нашли место в ее сердце. Она была готова взять к себе в Киворд-Стейшн сразу всех шестерых и всерьез намеревалась попросить Джеральда нанять хотя бы одну новую горничную. Конечно, сейчас говорить с ним об этом было не самое время, но впереди их ждала еще не одна неделя путешествия, и со временем Уорден, несомненно, успокоится. Намного больше головной боли Гвинейре доставляло то, что она только что узнала о Говарде О'Кифе. Хорошо, О'Киф довольно распространенная фамилия, и в одной местности спокойно могли жить два разных О'Кифа. Но два разных Говарда О'Кифа?

Чем же так насолил Джеральду будущий муж Хелен?

Гвин хотела поделиться своими мыслями с Хелен, но затем передумала. Какой прок в том, чтобы подрывать душевное спокойствие девушки и разжигать ее страхи? В конце концов, все ее рассуждения основывались практически ни на чем.

Тем временем на борту «Дублина» стало тепло и даже жарко. Зависшее на безоблачном небе солнце нещадно палило. На первых порах эмигранты радовались такой перемене погоды, но теперь, по прошествии почти восьми недель путешествия, настроение пассажиров резко ухудшилось. Если холод первых недель делал людей скорее апатичными, то жара и душный воздух кают их по-настоящему раздражали.

Пассажиры средней палубы начали ссориться друг с другом и заводить из-за всякого пустяка. Дело дошло до первых драк между мужчинами, в том числе между пассажирами и членами судовой команды. Чаще всего стычки возникали, когда кто-то считал, что его обделили едой или водой. Судовой врач не скупился на джин, которым он промывал ссадины и приводил пассажиров в более спокойное расположение духа. Почти из всех семейных кают целыми днями слышались крики; вынужденное безделье действовало людям на нервы. Лишь Хелен удавалось сохранять спокойствие и поддерживать порядок среди своих воспитанниц. Она, как и прежде, занимала девочек бесконечными уроками, обучая их навыкам, которыми должна владеть прислуга знатной семьи. У Гвинейры голова шла кругом, когда она слушала подробные объяснения Хелен.

— Господи, как же мне повезло, что я не стала хозяйкой огромного дома! — в шутку поблагодарила она судьбу. — С этой ролью я бы точно не справилась. Я бы постоянно забывала половину обязанностей! И у меня язык бы не повернулся, чтобы ежедневно приказывать служанкам начищать все серебро! Ведь это совершенно напрасный труд! И зачем, спрашивается, нужно так идеально ровно складывать салфетки? Их же все равно каждый день используют...

— Это вопрос красоты и этикета! •— строго ответила Хелен. — Кроме того, тебе очень скоро придется за всем этим следить. Потому что, как я слышала, тебя в Киворд-Стейшн ждет большой особняк. Ты сама сказала, что мистер Уорден приказал построить его в английском стиле, а оформлением интерьеров занимался специалист из Лондона. По-твоему, он отказался от столового серебра, подсвечников, подносов и фруктовых ваз? А столовое белье наверняка является частью твоего приданого!

Гвинейра вздохнула.

— Лучше бы я вышла замуж за фермера из Техаса. А если серьезно, я

думаю... я надеюсь... что мистер Уорден все преувеличил. Он пытается выглядеть джентльменом, но под всем этим внешним манерничаньем скрывается довольно грубая натура. Вчера он обыграл мистера Брюстера в блек-джек. Хотя точнее было бы сказать, что Джеральд обчистил его как липку! В итоге остальные господа обвинили Уордена в мошенничестве, после чего он вызвал лорда Баррингтона на дуэль! Говорю тебе, сцена вышла хуже, чем в портовом кабаке! В конце концов самому капитану пришлось просить джентльменов успокоиться и не доводить дело до кровопролития. Так что, вероятнее всего, на месте вымышленного особняка посреди Киворд-Стейшн стоит обычный деревянный дом и мне придется самой доить коров.

— Да, такая жизнь тебя бы устроила! — засмеялась Хелен, которая за эти недели хорошо изучила характер подруги. — Но не тешь себя иллюзиями. Ты была, есть и останешься леди, даже если тебе — в чем я очень сильно сомневаюсь — придется каждое утро и вечер проводить в коровнике. Тебя, Дафна, это тоже касается! Необязательно ходить разболтанной походкой и так широко расставлять ноги, как только я отворачиваюсь от тебя. Вместо этого ты могла бы заняться прической мисс Гвинейры. Видно, что ей не хватает хорошей горничной. Seriously, Гвин, твои волосы вьются так, словно над ними поработали раскаленными щипцами. Ты что, никогда их не расчесываешь?

Под руководством Хелен, которое время от времени дополнялось замечаниями Гвинейры о последних тенденциях моды, Дороти и Дафна довольно быстро превратились в умелых камеристок. Обе девушки вели себя учтиво и научились помогать леди одеваться и делать различные прически. Однако порой Хелен сомневалась, можно ли отправлять Дафну в комнаты Гвинейры одну, поскольку не доверяла девушке. Гувернантке казалось, что Дафна могла при первой же возможности что-нибудь стащить у хозяйки. Но Гвинейра успокоила подругу.

— Не знаю, честная ли она, но глупой Дафну точно не назовешь. Если она что-то здесь украдет, это выплывет наружу. Ведь кто, кроме нее, мог это сделать? Да и где ей прятать краденое? Пока все мы здесь, на корабле, она будет вести себя как следует. В этом я нисколько не сомневаюсь.

Третья из старших сирот, Элизабет, тоже была услужливой, любезной и вдобавок к этому кристально честной девушкой. Однако особо умелой и ловкой горничной она не оказалась. Ей больше нравилось читать и писать, чем работать руками. Попытки сделать из нее хорошую служанку доставляли Хелен много хлопот.

— Ей скорее нужно было бы продолжать и дальше ходить в школу, а

потом, как мне кажется, поступить в учительский институт, — заметила она по поводу Элизабет. — Ей бы это больше пришлось по душе. Она любит детей и отличается терпением. Но кто заплатит за ее обучение? И есть ли в Новой Зеландии подобные институты? Хорошей служанки из нее не выйдет. Если ее попросят помыть пол, она наверняка затопит половину комнаты, а о другой половине попросту забудет.

— Возможно, из нее получится неплохая няня, — задумчиво произнесла практичная по натуре Гвин. — Которая, вероятно, в скором времени понадобится и мне...

Хелен от этого замечания сразу же залилась краской. О детях и, в первую очередь, о том, что предшествует их появлению, она, вспоминая о предстоящем браке, старалась не думать. Одно дело — восхищаться отточенным стилем писем Говарда и таять от его обещаний вечной любви... Но мысль о том, что ее будет обнимать совершенно незнакомый мужчина... Хелен смутно представляла, что происходило ночью между женщиной и женщиной, и ждала этого скорее с ужасом, чем с радостью. А вот Гвинейра с такой беззаботностью говорила о рождении детей! Всегда ли она столь спокойно относилась к этой теме? Может, она знает о ней гораздо больше Хелен? Девушка задавалась вопросом, как, не выходя за рамки приличий, подойти к этому вопросу. Разумеется, заговорить об этом Хелен могла лишь в том случае, если никого из ее воспитанниц не будет поблизости. Со вздохом облегчения гувернантка заметила, что Роза играет с Клео прямо у их ног.

Однако и в противном случае Гвинейра не смогла бы ответить на волнующие Хелен вопросы. Она открыто говорила о появлении детей, но никогда не задумывалась о предстоящих ночах с Лукасом. Девушка понятия не имела, что ее ждало, а ее мать лишь смущенно намекнула, что в обязанности жены входит покорно сносить все это, чтобы потом, если угодно Богу, быть вознагражденной детьми. И хотя порой Гвин спрашивала себя, можно ли рассматривать кричащего краснощекого младенца в качестве награды, иллюзий на этот счет она не питала. Джеральд Уорден хотел, чтобы невестка как можно скорее родила ему внука, так что Гвинейре в любом случае придется в ближайшем времени обзавестись ребенком — даже если она совершенно не знала, как это делается.

Путешествие затягивалось. Пассажиры первого класса изнывали от скуки; все уже давно успели познакомиться, обменяться любезностями и рассказать друг другу все, что можно, о себе и своей жизни. А вот эмигрантам со средней палубы приходилось бороться с настоящими

тяготами жизни на корабле, которые с каждым днем становились все обременительнее. Скучное однообразное питание приводило к болезням и истощению, каюты вследствие своей тесноты и постоянной жары кишели насекомыми. Тем временем за бортом начали периодически показываться дельфины, крупные рыбы и акулы. Мужчины со средней палубы пытались добыть их на ужин с помощью гарпунов и других рыболовных снастей, но подобные попытки редко бывали удачными. Женщины тосковали по возможности поддерживать хотя бы минимальный уровень гигиены и собирали дождевую воду, в которой купали детей и стирали одежду. Однако Хелен результаты этих стараний казались малоутешительными.

— От этой воды вещи становятся еще грязнее! — проворчала она, покосившись на мутную жидкость, которой была наполнена одна из шлюпок.

Гвинейра пожала плечами.

— По крайней мере нам не нужно ее пить. А еще нам повезло с погодой. Так сказал капитан. До сих пор ни одного дня безветренной погоды, хотя мы постепенно входим в... в штилевую зону. Здесь часто царит полное затишье, и на корабле может полностью закончиться запас пресной воды.

Хелен кивнула.

— Матросы рассказывают, что эту местность также называют «конскими широтами». Потому что раньше лошадей на борту часто приходилось забивать, чтобы не умереть с голоду.

Гвинейра гневно засопела.

— Прежде чем заколоть Игрэн, я лучше съем всех матросов! — заявила она. — Но, как я уже говорила, пока что нам сопутствует удача.

Однако, к несчастью, вскоре удача отвернулась от пассажиров «Дублина». Ветер продолжал дуть в нужном направлении, но корабль охватила коварная лихорадка. Первым на высокую температуру пожаловался один из матросов, но никто не отнесся к его словам серьезно. Судовой врач распознал опасность лишь после того, как к нему привели нескольких детей с жаром и сыпью. И с этого дня болезнь начала распространяться по средней палубе с быстротой молнии.

Сначала Хелен надеялась, что ее подопечных лихорадка не тронет, поскольку, не считая времени, которое девочки проводили в совместных занятиях с другими детьми, они почти ни с кем не общались. Кроме того, благодаря постоянным угощениям Гвинейры и воровству Дафны сироты были крепче и здоровее, чем дети эмигрантов. Но затем у Элизабет начался

сильный жар, а вскоре после нее заболели Лори и Розмари. Дафна и Дороти перенесли болезнь в довольно легкой форме, а Мэри удивительным образом не заразилась, хотя все это время продолжала делить койку с сестрой, крепко обнимала ее и, похоже, заранее оплакивала. При этом у Лори лихорадка была не такой уж сильной, в то время как Элизабет и Розмари несколько дней находились между жизнью и смертью. Судовой врач лечил их джином, как и всех остальных больных. При этом родители детей сами решали, использовать это средство для наружного или внутреннего применения. Хелен лечила девочек обтираниями и компрессами, с трудом добиваясь некоторого снижения температуры. А вот в большинстве эмигрантских семей алкоголь исчезал в желудках отцов, что делало и без того напряженную атмосферу на судне по-настоящему взрывной.

В итоге от лихорадки умерли двенадцать детей. Во всех уголках средней палубы слышались стоны и рыдания. Однако трогательная панихида, на которую пришли почти все пассажиры «Дублина», по приказу капитана проводилась на главной палубе. Гвинейра со слезами на глазах начала играть на фортепьяно, хотя ее способности к этому явно оставляли желать лучшего. Без нот она была беспомощна. В конце концов ее сменила Хелен, а некоторые из пассажиров средней палубы подыграли ей на своих инструментах. Пение и плач людей раздавались над морем, и в первый раз богатые и бедные эмигранты по-настоящему объединились друг с другом. Все скорбели о безвременно ушедших, и еще несколько дней после панихиды на корабле царил мирная атмосфера. Капитан, спокойный и умудренный жизнью человек, приказал проводить воскресные службы только на главной палубе и сразу для всех пассажиров. Погода этому больше не препятствовала. Было ясно и скорее жарко, чем холодно. Лишь огибая мыс Доброй Надежды, корабль еще раз попал в шторм, но дальнейшее путешествие проходило спокойно.

Хелен тем временем разучивала с детьми церковные песни. В одно из воскресений, когда выступление хора прошло особенно хорошо, мистер и миссис Брюстер вовлекли девушку в разговор с Джеральдом и Гвинейрой. Они, не скупясь на похвалы, поздравили Хелен с прекрасными учениками, и в итоге Гвинейра использовала эту возможность, чтобы официально представить подругу своему будущему тестю.

Девушка немного побаивалась, что Уорден опять расшумится, но на этот раз он сохранял спокойствие и вел себя весьма учтиво. Он обменялся с Хелен обычными фразами вежливости и даже похвалил пение детей.

— Так, значит, вы собираетесь выйти замуж... — пробормотал он после приветствия, не зная, что еще сказать.

— Да, сэр, если будет угодно Богу, — кивнула Хелен. — Я надеюсь, что Господь направляет меня на путь к счастливому браку... Кстати, возможно, вы знаете моего будущего мужа? Говард О'Киф из Холдона, Кентербери. Он держит ферму.

Гвинейра затаила дыхание. Вероятно, ей следовало рассказать Хелен, какую вспышку гнева у Джеральда вызвало упоминание имени ее жениха! Но беспокойство девушки оказалось напрасным. Сегодня Джеральд прекрасно владел собой.

— Надеюсь, что ваша вера не обманет вас, — сказал он и криво улыбнулся. — Порой Господь довольно странно распоряжается судьбами своих невинных овечек. А что касается вашего вопроса... нет, о джентльмене по имени Говард О'Киф я никогда не слышал.

Тем временем «Дублин» пересекал Индийский океан — предпоследний, самый долгий и опасный отрезок путешествия. Море было довольно спокойным, но маршрут судна проходил посреди океана, и пассажиры уже несколько недель не видели суши. По словам Джеральда Уордена, до ближайшего берега оставались еще сотни миль.

Тем временем жизнь на борту вошла в привычную колею. Благодаря тропической погоде пассажиры перестали ютиться в тесных каютах и большую часть времени проводили на главной палубе. Помимо богослужений здесь проходили совместные концерты и танцевальные вечера. Мужчины со средней палубы продолжали доступными им способами ловить рыбу и в конце концов преуспели в этом деле. Они били акул и барракуд гарпуном, а также ловили альбатросов, сбрасывая с корабля веревки с большими рыболовными крючками и рыбой в качестве приманки. Запах жарившейся на решетках рыбы и птицы витал над палубой, заставляя тех, кто не принимал участия в ловле, пускать слюнки. Хелен, однако, почти всегда угощали. Ее очень уважали как учительницу, поскольку за время путешествия практически все дети со средней палубы научились читать и писать лучше своих родителей. Кроме этого, небольшую порцию рыбы или мяса частенько выклянчивала себе Дафна. Стоило Хелен отвернуться, как девочка тут же оказывалась среди мужчин, восхищалась их мастерством и мило надувала губки, добиваясь всеобщего внимания. Юные рыбаки, стараясь заслужить ее расположение, демонстрировали свою отвагу с помощью безрассудных поступков. Дафна с наигранным восторгом хлопала в ладоши, когда они снимали рубашки,

башмаки и носки, чтобы под негодующие крики матросов спуститься за борт на веревке. При этом и Хелен, и Гвинейре казалось, что в действительности Дафна не интересуется ни одним из юношей.

— По-моему, она только и ждет, когда за ним увяжется акула, — сказала Гвинейра, увидев, как молодой шотландец очертя голову прыгнул в воды океана и «Дублин» потащил его за собой, словно насаженную на крючок приманку. — Могу поспорить, что, если вдруг парень окажется в акульей пасти, Дафна без малейших угрызений совести придет за своим куском мяса.

— Хорошо, что наше путешествие мало-помалу подходит к концу, — вздохнула Хелен. — Иначе мне пришлось бы превратиться из учительницы в тюремного надзирателя. Скажем, эти закаты... они прекрасны и романтичны, но юноши и девушки проникаются этой атмосферой не меньше нас. Элизабет целыми днями мечтает о Джейми О'Хара, который потерял благосклонность Дафны, как только у его семьи закончился запас колбасы. Дороти ежедневно атакуют несколько молодых людей, предлагающих вместе полюбоваться, как мерцает в лунном свете ночное море.

Играющая соломенной шляпкой Гвинейра звонко рассмеялась.

— А вот Дафна ищет своего принца не на средней палубе. Вчера она попросила меня разрешить ей полюбоваться закатом с верхней палубы под предлогом, что оттуда наверняка открывается более красивый вид. При этом она все время поглядывала на виконта Баррингтона, словно акула на приманку.

Хелен закатила глаза.

— Ее нужно как можно скорее выдать замуж! Ох, Гвин, мне становится ужасно страшно при мысли о том, что через две или три недели придется оставить их у совершенно незнакомых людей! Что, если я больше никогда их не увижу?

— Всего две минуты назад ты не могла дождаться, когда сможешь от них отделаться! — засмеялась Гвинейра. — Как бы там ни было, твои подопечные умеют читать и писать. Так что ты сможешь обмениваться с ними письмами. И со мной тоже! Если бы я только знала, насколько далеко Холдон находится от Киворд-Стейшн! И то, и другое место расположено в районе Кентербери, но где именно? Мне так не хочется потерять тебя, Хелен! Как хорошо было бы, если бы мы смогли иногда навещать друг друга!

— Ну конечно же, мы сможем навещать друг друга! — уверенно произнесла Хелен. — Говард должен жить недалеко от Крайстчерча, иначе

он бы не состоял в его общине. А мистеру Уордену наверняка часто приходится бывать в городе по делам. Так что мы обязательно будем видеться, Гвин!

Теперь поездка действительно подходила к концу. «Дублин» пересекал расположенное между Австралией и Новой Зеландией Тасманово море, а пассажиры средней палубы только и делали, что спорили, насколько близко корабль подошел к цели их путешествия. Некоторые еще рано утром, до восхода солнца, собирались на палубе, чтобы первыми увидеть берег их новой родины.

Элизабет была в восторге, когда однажды Джейми О'Хара разбудил ее с этой целью, но Хелен строго приказала девочке оставаться в постели. От Гвинейры она знала, что земля покажется на горизонте только через два или три дня и капитан своевременно проинформирует их об этом.

В итоге пассажиры «Дублина» увидели берега Новой Зеландии почти ближе к полудню: с помощью корабельной сирены капитан за считанные секунды собрал всех на главной палубе. Гвинейра и Джеральд, как и можно было ожидать, оказались в первом ряду, но сначала не увидели ничего, кроме облаков. Длинная белая полоса, словно слой ваты, скрывала землю из виду. И если бы матросы не сказали эмигрантам, что там, за облаками, находится южный остров, последние не обратили бы на эту завесу особого внимания.

Лишь когда корабль подошел ближе к городу, в тумане вырисовались очертания гор — острые скалы, за которыми снова громоздились облака. Выглядело это странно, так, словно горы парили в сияющей ватной белизне.

— Здесь что, всегда такой туман? — немного разочарованно спросила Гвинейра.

При всей красоте открывшегося перед пассажирами вида нельзя было не учитывать, насколько влажно и холодно будет на перевале, отделяющем Крайстчерч от пристани для кораблей дальнего следования. Портовый город, объяснил ей Джеральд, называется Литтелтон. Но он только начинает застраиваться, и даже к ближайшим домам можно попасть лишь после утомительного подъема. В Крайстчерч обычно добираются либо пешком, либо на лошади — при этом в некоторых местах тропа настолько сужается, становясь опасной, что лошадей по ней приходится вести за уздечку, что под силу лишь тому, кто хорошо знает эту местность. От этого тропа и получила название Брайдл-Пас — Тропа Узды.

Джеральд покачал головой.

— Нет, пассажирам подходящих к берегу кораблей очень редко открывается такой вид. Уверен, это счастливый знак... — Мысль о том, что он почти дома, заставила его улыбнуться. — Во всяком случае, говорят, что именно такой увидели эту землю люди, сидевшие в самом первом каноэ, которое доставило их из Полинезии в Новую Зеландию. Поэтому на языке маори Новая Зеландия называется *aotearoa*— земля большого белого облака.

Хелен и ее воспитанницы с восхищением наблюдали за этим чудом природы.

Однако Дафна казалась немного обеспокоенной.

— Здесь совсем нет домов, — растерянно промолвила она. — Где доки и портовые здания? Где колокольни церквей? Я вижу только облака и скалы! Это совершенно не похоже на Лондон.

Хелен попыталась приободрить девочку улыбкой, хотя в глубине души и сама испытывала смутное беспокойство. Она тоже была дитем города, и этот избыток природы оказался для нее скорее неприятным сюрпризом. И все же Хелен были знакомы различные английские пейзажи, в то время как девочки видели только улицы большого города.

— Конечно же, это не Лондон, Дафна, — объяснила учительница. — Города здесь намного меньше, чем в Англии. Но в Крайстчерче тоже есть церковь с колокольней, а вскоре там возведут и большой кафедральный собор, как в Вестминстерском аббатстве! Домов не видно, потому что мы причалили не прямо к городу. Нам нужно будет... э-э-э... немного пройти, и тогда...

— Немного пройти? — Услышав слова Хелен, Джеральд Уорден громогласно рассмеялся. — Я могу лишь надеяться, мисс Дэвенпорт, что ваш замечательный жених пришлет вам мула. Иначе вам придется еще сегодня стоптать подошвы этих туфелек до дыр. Брайдл-Пас — высокогорная тропа, скользкая и петляющая в тумане. А когда туман поднимается, становится чертовски жарко. Но посмотри, Гвинейра, вот и порт Литтелтона!

Радостное волнение Джеральда передалось и остальным пассажирам «Дублина», когда за туманом показалась уютная грушевидная бухта. По словам Джеральда, это был природный порт вулканического происхождения. Бухту окружали горы, среди которых теперь можно было заметить несколько домов и сходни пристани.

— Не пугайтесь, — попытался успокоить Хелен судовой врач. — В последнее время между Литтелтоном и Крайстчерчем налажено челночное сообщение. Вы легко сможете нанять мула. Так что вам вовсе не нужно

будет взбираться по тропе пешком, как первым поселенцам.

Хелен задумалась. Она-то могла нанять себе мула, но что делать с девочками?

— Как... как далеко находится Крайстчерч? — нерешительно спросила она, наблюдая, как «Дублин» стремительно приближается к берегу. — И нам придется самим нести весь багаж?

— Это уж как вы сами пожелаете, — снова вмешался Джеральд. — Можно отправить его на лодке вверх по Эйвону. Но это, конечно же, стоит денег. Большинство эмигрантов сами переносят свои вещи через Брайдл-Пас. Это двенадцать миль пути.

Хелен сразу же решила, что переправит по реке лишь свое любимое кресло-качалку. Остальной багаж она, как и другие переселенцы, понесет сама. Она могла пройти двенадцать миль... конечно же, могла! Пусть даже ей никогда прежде не приходилось этого делать...

Тем временем главная палуба опустела; пассажиры ринулись собирать и упаковывать свои пожитки. Теперь, когда они были почти у цели, люди хотели как можно быстрее покинуть корабль. На средней палубе царила такая же суматоха, как и в день отплытия.

В каютах первого класса все было намного спокойнее. Здесь багажом занималась прислуга, а на берегу господа собирались поручить его доставку одной из транспортных компаний, которые переправляли грузы и людей вглубь страны с помощью мулов. И все же мистер Брюстер и леди Баррингтон уже тряслись при мысли о переезде через горы. Они не привыкли передвигаться верхом и к тому же были наслышаны об опасностях, поджидающих их в пути. Гвинейра, напротив, не могла дожидаться, когда она сядет на свою любимицу Игрэн, из-за чего между ней и Джеральдом разгорелся ожесточенный спор.

— Мы останемся здесь на ночь? — удивленно спросила девушка, когда Уорден сообщил, что они отправляются в скромную, недавно построенную гостиницу в Литтелтоне. — Зачем?

— Затем, что мы закончим выгрузку животных не раньше вечера, — объяснил Джеральд. — И мне еще нужно найти погонщика, чтобы перегнать стадо через перевал.

Гвинейра, непонимающе глядя на него, тряхнула головой.

— Зачем вам погонщик? Я могу помочь вам перегнать овец. К тому же у нас есть две лошади. Так что нам даже не придется искать мулов.

Джеральд громко расхохотался.

— Вы собираетесь в одиночку перегнать стадо через горы, юная леди? — не преминул вмешаться лорд Баррингтон. — Верхом, как американский

ковбой? — Очевидно, ему это показалось самым смешным из того, что он слышал за последние недели.

Гвинейра закатила глаза.

— Разумеется, я не собираюсь гнать стадо своими силами, — ответила она. — Это сделают Клео и другие собаки, которых мистер Уорден купил у моего отца. Конечно, молодняк еще не до конца обучен, но ведь и стадо состоит всего из тридцати овец. С таким количеством Клео при необходимости управится и сама.

Услышав свое имя, бордер-колли сразу же выскочила из угла, где она до сих пор лежала. Виляя хвостом, собака подбежала к хозяйке и уставилась на нее горящими преданностью и восторгом глазами. Гвин погладила ее и объявила, что корабельная скука закончится уже сегодня.

— Гвинейра, — сердито обратился к ней Джеральд, — я покупал этих овец и собак в Англии, а потом вез их через половину земного шара не для того, чтобы теперь позволить им свалиться в первую попавшуюся пропасть! — Уорден ненавидел, когда кто-то из членов его семьи выставлял себя на посмеище. Но еще больше он раздражался, когда кто-то пытался оспаривать или игнорировать его указания! — Ты не знаешь, что такое Брайдл-Пас. Это трудный и очень опасный перевал! Ни одна собака не сможет перегнать через него овец, да и тебе не так-то просто будет проехать там верхом. На сегодняшнюю ночь я уже договорился о загоне для стада. Завтра утром я найму людей для переправки лошадей, а ты пересядешь на мула.

Гвинейра упрямо задрала подбородок. Она терпеть не могла, когда кто-то недооценивал ее или ее животных.

— Игрэн может справиться с самой сложной горной тропой и держится на ногах лучше любого мула, — твердо сказала она. — А Клео еще ни разу не потеряла ни одной овцы, и сегодняшний не станет исключением. Вот увидите, этим вечером мы будем в Крайстчерче!

Мужчины снова рассмеялись, но Гвинейра была настроена очень решительно. В конце концов, она хозяйка лучшей овчарки Поуиса! А кобы в течение тысячелетий совершенствовали свою ловкость и отточенность шага! Гвинейре не терпелось показать мужчинам, на что способны ее любимцы. В этом новом для нее мире она не собиралась играть роль благовоспитанной светской дамочки, которая беспрекословно подчиняется любому приказу мужчины!

У Хелен все плыло перед глазами, когда она около трех часов пополудни наконец-то ступила на землю Новой Зеландии. Шаткий причал показался ей таким же ненадежным, как и сходни «Дублина», но она,

стараясь сохранять равновесие, быстро шагала по нему, пока не оказалась на берегу. Ощувив под ногами твердую почву, девушка испытала такое облегчение, что едва не упала на колени, чтобы поцеловать землю, как это сделала миссис О'Хара и некоторые из эмигрантов. Девочки Хелен и другие дети пассажиров второго класса резво бегали и пританцовывали вокруг взрослых. Стоило большого труда уговорить их, чтобы все, кто пережил это нелегкое путешествие, смогли вместе произнести благодарственную молитву. Только Дафна по-прежнему выглядела разочарованной. Несколько домиков, окружавших порт Литтелтона, не соответствовали ее представлениям о городе.

Хелен договорилась о перевозке своего кресла-качалки еще на корабле. Теперь она, с дорожной сумкой в руке и зонтиком от солнца на плече, шла по широкой подъездной дороге, ведущей наверх, к первым домам. Девочки со своими скромными узелками бодро следовали за что подъем не казался Хелен опасным, хотя и был довольно трудным. Если дальше не станет хуже, они вполне смогут осилить дорогу до Крайстчерча пешком. Однако сейчас они находились в центре Литтелтона. Здесь были паб, магазин и небольшая гостиница, вид которой не внушал Хелен доверия. К тому же позволить себе остановиться там могли только обеспеченные люди. Пассажиры средней палубы, которые не собирались сразу же отправляться в Крайстчерч, могли переночевать разве что в примитивных бараках или палатках. Многие переселенцы использовали эту возможность. У некоторых эмигрантов были родственники в Крайстчерче, которых они попросили прислать мулов, как только станет известно о прибытии «Дублина».

В глубине души Хелен надеялась, что один из стоявших перед пабом мулов был предназначен для нее. Конечно же, Говард не мог знать о ее прибытии, но священнику из Крайстчерча, преподобному отцу Болдуину, сообщили о шести девочках-сиротах, которых отправили из Англии на борту «Дублина». Возможно, он принял какие-то меры, чтобы облегчить детям путь. Хелен обратилась с этим вопросом к погонщикам мулов, но они ответили, что не получали никаких особых распоряжений. Им было приказано забрать с корабля вещи отца Болдуина и встретить Брюстеров, о девочках же священник не упоминал.

— Ну что же, дети, нам не остается ничего, кроме как пойти туда пешком, — смирившись, сказала Хелен. — И лучше всего отправиться в путь прямо сейчас. Чем раньше мы выйдем из Литтелтона, тем быстрее прибудем в Крайстчерч.

Палатки и бараки, в которых можно было остановиться на ночь,

показались Хелен не лучшей альтернативой. Разумеется, мужчины и женщины спали в них отдельно, но в комнатах не было дверей, запорев которые можно было чувствовать себя в относительной безопасности. А недостаток женщин в Литтелтоне наверняка был не меньшим, чем в Крайстчерче. Кто знает, что могло прийти в голову мужчинам, когда семь одиноких девушек буквально подавали себя им на блюде.

Поэтому Хелен решила отправиться в дорогу вместе с теми эмигрантскими семьями, которым тоже нужно было как можно скорее добраться до Крайстчерча. Среди них было и семейство О'Хара. Джейми решил показать себя рыцарем и помочь Элизабет, взяв у нее узелок, однако мать строго-настрого запретила ему это делать — ирландцам нужно было перенести через горы все предметы домашнего обихода, так что каждому из них хватало своей ноши, которую они тащили на плечах. По мнению решительной миссис О'Хара, подобные проявления вежливости в данном случае были чрезмерной роскошью.

Пройдя несколько миль под солнцем, Джейми, должно быть, полностью разделил точку зрения матери. Туман, как и предсказывал Джеральд, рассеялся, и теперь Брайдл-Пас лежал в теплых лучах весеннего солнца. Переселенцам это по-прежнему казалось непостижимым. Дома, в Англии, сейчас должны были начаться первые осенние дожди, но здесь, в Новой Зеландии, только начинала проклевываться зеленая трава, а солнце с каждым днем поднималось все выше. Собственно говоря, температура воздуха была весьма приятной, однако длительный подъем в теплой дорожной одежде заставлял эмигрантов истекать потом, поскольку они часто надевали на себя как можно больше вещей, чтобы не нести их в руках. Даже мужчины довольно быстро выбивались из сил и устраивали очередную передышку. Три месяца вынужденной бездеятельности на борту «Дублина» ослабили людей, в том числе самых выносливых. К тому же с каждой милей дорога становилась все более крутой и опасной. Девочки плакали от страха, когда им приходилось идти по краю кратера. Мэри и Лори при этом так отчаянно цеплялись друг за дружку, что еще больше рисковали сорваться в пропасть. Розмари не выпускала из рук юбку Хелен и прятала голову в ее складках, когда рядом с ними внезапно разверзлась пугающая пропасть. Сама Хелен давно сложила свой зонтик от солнца. Он больше устраивал ее в качестве трости, к тому же у нее не было сил элегантно и женственно нести его на плече. Цвет лица сегодня заботил девушку меньше всего.

После первого часа пути переселенцы чувствовали себя уставшими и очень хотели пить, но радовались тому, что хотя бы две мили были уже

позади.

— Там, на горе, продают освежающие напитки, — попытался утешить девочек Джейми. — Во всяком случае, так нам сказали в Литтелтоне. А по пути вверх должны попадаться места, где можно устроить небольшой привал. Главное — добраться до верхней точки перевала, и тогда все самое трудное останется позади.

С этими словами мальчик бодро зашагал дальше, а девочки послушно последовали за ним по каменистой тропе.

У Хелен во время подъема не было времени оглядываться по сторонам, но и того, что она увидела, было достаточно, чтобы прийти в уныние. Горы были голыми, серыми, вокруг — почти никакой растительности.

— Вулканические породы, — прокомментировал мистер О'Хара, которому однажды приходилось работать на горных разработках.

А вот Хелен почему-то вспомнились «горы преисподней» из баллады, которую иногда пела ее сестра. Именно таким — пустым, бесцветным и бескрайним — ей представлялся ад.

Джеральд Уорден действительно смог выгрузить своих животных лишь после того, как на берег сошли все пассажиры. Однако это ничего не меняло, поскольку работники транспортной компании все равно не успели подготовить мулов к отъезду раньше этого времени.

— Мы будем на месте еще до наступления темноты! — заверили они английских леди, помогая им взбираться на животных. — Здесь около четырех часов езды. Так что мы доберемся до гостиницы Крайстчерча около восьми. Как раз к ужину.

— Вот видите! — сказала Гвинейра Джеральду. — Мы можем присоединиться к ним. Хотя сами мы, конечно, добрались бы до города быстрее. А так Игрэн волей-неволей придется тащиться за мулами.

Пока Джеральд следил за выгрузкой овец, Гвинейра назло ему оседлала лошадей. Уордену пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы сдержаться и не накричать на нее. Тем более что он и без того был в плохом настроении. Ни один человек здесь не умел обращаться с овцами; загонь не были подготовлены, и отара живописно рассыпалась по холмам Литтелтона. После стольких недель, проведенных в тесном трюме корабля, животные не могли нарадоваться свободе и скакали по реденькой травке поселка, словно ягнята. Джеральд обругал двух матросов, которые помогали ему при выгрузке, и строго приказал им собрать всех овец и следить за ними до тех пор, пока не соорудят временный загон. Однако

моряки считали, что их задача уже выполнена. Дерзко заявив, что они матросы, а не пастухи, мужчины отвернулись от Уордена и направились к пабу, двери которого открылись всего несколько минут назад. После длительного воздержания им ужасно хотелось опрокинуть по стаканчику. Овцы Джеральда их не интересовали.

Внезапно в воздухе раздался громкий свист, заставивший испуганно обернуться не только леди Баррингтон и миссис Брюстер, но и погонщиков мулов вместе с Джеральдом. Но еще большим шоком для них стало то, что свист этот исходил не от какого-нибудь уличного сорванца, а от благородной юной дамы, которую все до этой секунды считали скромной и воспитанной. Но теперь перед ними открылась другая Гвинейра. Увидев сложности Джеральда с овцами, девушка поспешила прийти будущему тестю на помощь. Пронзительный свист был сигналом для Клео, которая с радостью бросилась выполнять поручение хозяйки. Словно маленькая черная молния, бордер-колли металась по холмам, окружая овец и собирая их в отару. Казалось, какая-то невидимая рука заставляет животных сбиваться в стройные ряды и направляет их к Гвинейре, которая спокойно ждала, когда Клео закончит свою работу. Шесть юных псов Джеральда, которых должны были доставить в Крайстчерч на лодке, услышав запах овец, начали так яростно метаться по сколоченному из легких деревянных реек большому транспортному ящику, что в считанные секунды развалили его, вырвались на волю и тотчас же бросились к стаду. Но прежде чем овцы успели испугаться, собаки как по команде легли перед ними в траву. Нетерпеливо почесываясь и не сводя своих умных глаз с отары, собаки продолжали оставаться на местах, готовые мгновенно вскочить, если какой-то из овец вздумается выбиться из общего строя.

— Вот видите, — невозмутимо промолвила Гвинейра, обращаясь к Джеральду. — Молодняк прекрасно справляется со своими обязанностями. С помощью вон того крупного кобеля мы разведем здесь таких овчарок, о которых англичане смогут только мечтать. Ну что, в путь, мистер Джеральд?

Не дожидаясь ответа Уордена, Гвинейра вскочила на свою кобылу. Игрэн возбужденно перебирала ногами. Ей тоже не терпелось размять их после долгого путешествия на корабле. Матрос, который держал за поводья юного жеребца Уордена, вздохнув от облегчения, поспешил подвести беспокойное животное к хозяину.

Джеральд не знал, сердиться ему или восхищаться. Представление Гвинейры было впечатляющим, однако это не давало девушке права игнорировать его распоряжения! В то же время Джеральд не мог

остановить Гвинейру, продолжая настаивать на своем, — ему не хотелось терять лицо перед Брюстерами и Баррингтонами.

С явной неохотой Уорден принял у матроса поводья Мэдока. «Овечьему барону» не раз приходилось проезжать по перевалу Брайдл-Пас, и он прекрасно знал все опасные места этого пути. Выступать в дорогу ближе к вечеру всегда было рискованной затеей. Даже когда не нужно было гнать перед собой стадо овец, а вместо строптивого жеребца под наездником был надежный выносливый мул.

С другой стороны, Джеральд понятия не имел, где он мог разместить овец в Литтелтоне. Его бестолковый сын в очередной раз забыл распорядиться, чтобы в порту для животных подготовили какой-нибудь загон. А теперь попробуй найти дурака, который согласился бы начать такую работу за пару часов до наступления темноты! Джеральд со злостью вцепился в поводья жеребца. Когда уже Лукас начнет думать хоть о чем-то, что происходит за пределами его комнаты!

Разъяренный Джеральд поставил ногу в стремя. Разумеется, в течение своей бурной жизни «овечий барон» научился обращаться с лошадьми, однако они не были его любимым средством передвижения. Преодолеть Брайдл-Пас на молодом жеребце было для Джеральда непростым испытанием, и он почти ненавидел Гвинейру за ее выходку! Бунтарский дух девушки, который так нравился Джеральду, пока он был направлен на ее отца, теперь начинал все больше его раздражать.

Гвинейра, которая с довольным лицом уверенно восседала перед Уорденом на своей кобыле, даже не подозревала, какие мысли проносятся в голове ее будущего свекра. Девушка скорее радовалась тому, что он и слова не сказал о мужском седле, которое она накинула на спину Игрэн. Ее отец наверняка раздул бы вокруг этого целый скандал. А Джеральд, кажется, даже не заметил, как неприлично при этом задралась юбка Гвинейры, обнажив ее ноги чуть ли не до середины икры. Сначала Гвинейра пыталась одергивать платье, но вскоре совершенно о нем забыла. Все ее внимание было направлено на необходимость сдерживать Игрэн, которой сейчас больше всего хотелось обогнать мулов и проскакать весь путь по Крайстчерча галопом. Зато собаки почти не требовали присмотра. Клео прекрасно понимала свое дело и с невероятной ловкостью гнала стадо по горной дороге, которая постепенно сузилась до тропы. Молодые собаки следовали за ней ровной цепочкой.

— Почти как мисс Дэвенпорт с ее подопечными, — взглянув на них, пошутила миссис Брюстер.

Хелен была на пределе сил, когда спустя два часа после выхода из Литтелтона слышала за собой стук копыт. Дорога все еще шла в гору, и вокруг, как и прежде, простирался все тот же пустынный горный пейзаж. Один из переселенцев пытался приободрить остальных. Он несколько лет служил на корабле и побывал здесь в 1836 году, будучи участником одной из первых экспедиций на острова Новой Зеландии. Пробираясь через Порт-Хиллс в группе капитана Родеса, он настолько влюбился в живописные равнины Кентербери, что решил переселиться сюда вместе с женой и сыном. Теперь он заверял свою обессиленную семью, что подъем уже скоро кончится. Еще несколько поворотов — и они достигнут высшей точки перевала.

Однако ведущая туда тропа по-прежнему была узкой и крутой, так что погонщики мулов не могли обогнать пешую группу переселенцев. Недовольно ворча, они растянулись цепочкой и медленно ехали за ними. Хелен задавалась вопросом, не было ли среди наездников Гвинейры. Гувернантка слышала спор девушки с Джеральдом, и ей было интересно, кто из них взял верх. Интуиция подсказывала Хелен, что дело наверняка решилось в пользу Гвинейры. В какой-то момент в воздухе отчетливо запахло овцами, а когда дорога стала еще круче и путникам пришлось замедлиться, до Хелен донеслось протестующее бление.

Спустя несколько минут люди наконец-то достигли вершины перевала. На небольшой площадке их ожидали торговцы, разбившие там палатки с освежающими напитками и едой. Это было традиционным местом отдыха, откуда переселенцы могли спокойно взглянуть на раскинувшиеся перед ними пейзажи новой родины. Но Хелен не спешила осматривать местность. Вместо этого она, еле передвигая ноги, подошла к одной из палаток и взяла себе большую кружку имбирного пива. Выпив ее до дна, девушка направилась к застывшим на краю площадки эмигрантам.

— Как красиво! — восторженно прошептала Гвинейра. Она все еще сидела на лошади, любуясь открывшимся перед ней прекрасным видом.

Хелен же досталось место в третьем ряду, но и такого ограниченного обзора вполне хватило, чтобы поумерить воодушевление девушки. Горный ландшафт постепенно сменялся нежно-зелеными пастбищами, среди которых извивалась небольшая речушка. На противоположном берегу раскинулось селение — Крайстчерч, который, однако, был совсем не похож на цветущий город, каким его себе представляла Хелен. Отсюда действительно можно было разглядеть колокольню небольшой церквушки, но где же обещанный кафедральный собор? Разве этот город не должен был в скором времени стать резиденцией епископа? Хелен рассчитывала

увидеть хотя бы строительную площадку, на которой его должны были возвести, но пока что не заметила ничего похожего. Крайстчерч представлял собой всего лишь скопление разноцветных домов, большинство которых были построены из дерева и лишь некоторые из песчаника, о котором говорил мистер Уорден. Селение очень напоминало Литтелтон — маленький портовый городок, который они оставили позади. Очевидно, здесь переселенцев ожидала весьма скромная общественная и культурная жизнь.

Гвинейра, в отличие от Хелен, окинув город беглым взглядом, не унывала. Да, он был крохотным, но девушка выросла среди деревень Уэльса и привыкла к виду подобных селений. Основное внимание Гвинейры было обращено на раскинувшиеся за Крайстчерчем земли: бесконечные луга в косых лучах солнца, а за ними — величественные горы с покрытыми снегом вершинами. Они явно находились за множество миль отсюда, но воздух был таким чистым, что до них, казалось, можно было дотронуться. Несколько детей, захваченных этим зрелищем, непроизвольно протянули к ним свои ручонки.

Окрестности по своему виду очень напоминали ландшафты Уэльса и некоторых других графств Англии, где пастбища перемежались с холмами и были ограничены горами, поэтому Гвинейре и многим иным переселенцам эти земли показались почти родными. И все же здесь все казалось более чистым, обширным и масштабным. Никаких загонов и изгородей, одна сплошная зеленая равнина, на которой лишь кое-где виднелись небольшие домики. Гвинейру переполняло ощущение свободы. Здесь девушка могла бесконечно галопировать на своей Игрэн, а для овец имелись огромные территории для выпаса. Никогда больше ей не придется задумываться о том, хватит ли животным травы и не нужно ли сократить поголовье. Земли здесь было в избытке!

Гнев Джеральда испарился, когда он увидел сияющее лицо девушки. Оно отражало ту же радость, которую Уорден испытывал каждый раз, когда возвращался домой. Гвинейра наверняка будет чувствовать себя здесь как дома. Может быть, девушка и не полюбит Лукаса, но эта земля наверняка завладеет ее сердцем!

Хелен пришла к выводу, что лучше постараться принять новую родину такой, какая она есть. С одной стороны, это было совсем не то, что она себе представляла, а с другой — все уверяли ее, что община Крайстчерча стремительно развивается. Со временем город наверняка вырастет. Когда-нибудь здесь будут и школы, и библиотеки, и она, Хелен, возможно, внесет свой посильный вклад в их развитие. Говард, как ей показалось, был

довольно прогрессивным и культурным мужчиной; он непременно поддержит ее в подобных начинаниях. Да и вообще, в первую очередь она должна любить не страну, а своего супруга. Девушка решительно отбросила ненужные мысли и повернулась к своим подопечным:

— Ну что, дети! Вы немножко отдохнули и освежились, пора продолжать путь. К тому же теперь, когда мы идем под гору и видим перед собой цель, нам будет гораздо легче. Давайте устроим небольшое соревнование! Кто первым окажется у ближайшего постоялого двора, получит дополнительный стакан лимонада!

До постоялого двора оказалось рукой подать. Первые дома находились у самого подножия гор. Теперь дорога стала шире, и всадники смогли обогнать пешеходов. Клео умело гнала стадо мимо путников, а Гвин следовала за ней на пританцовывающей Игрэн. До этого, пока дорога была действительно опасной, кобы вели себя безупречно. Юный Мэдок не менее грациозно, чем его невеста, взбирался по крутым каменистым тропам, и Джеральд почти сразу же почувствовал себя намного увереннее, чем перед началом путешествия. Он решил забыть неприятный эпизод с Гвинейрой. Пусть сегодня девушка смогла добиться своего, но в дальнейшем это не повторится. Маленькой валлийской принцессе придется обуздать свой дикий нрав. В том, что это произойдет, Джеральд почти не сомневался: во-первых, Лукас потребует от своей жены безупречного поведения, а во-вторых, Гвинейру воспитывали как будущую супругу джентльмена. Конечно, охота и дрессировка собак привлекали девушку гораздо больше скучных женских обязанностей, но со временем она покорится своей судьбе.

Путники достигли реки Эйвон в сумеречном свете заходящего дня. Первыми на другой берег переправили тех, кто ехал верхом. После этого оставалось еще предостаточно времени, чтобы погрузить на паром овец, прежде чем туда ступили пешие эмигранты, поэтому спутники Хелен были недовольны лишь тем, что паром оказался загажен овечьим навозом.

Лондонские сироты, которым из рек до этого дня была знакома лишь грязная зловонная Темза, зачарованно смотрели на прозрачную как стекло воду. Хелен тем временем ничего не волновало; ей хотелось только одного — как можно быстрее очутиться в нормальной постели. Оставалось надеяться, что преподобный отец примет ее с радушием. Он должен был приготовить для девочек хоть какой-то ночлег; невозможно, чтобы их уже сегодня разослали в дома будущих хозяев.

Остановившись перед гостиницей с конюшней, уставшая Хелен стала

спрашивать у прохожих, как пройти к дому священника. При этом она увидела, как из конюшни вышли Гвинейра и мистер Уорден. Они проследили за тем, чтобы их животные были помещены в хорошие стойла, и теперь направлялись в гостиницу, где их ждал праздничный ужин. Хелен смотрела на подругу с нескрываемой завистью. Как бы ей хотелось оказаться сейчас в чистом отельном номере, привести себя в порядок, а после этого спуститься к накрытому столу! Но впереди ее ожидало блуждание по улицам Крайстчерча и разговор с преподобным отцом. Стоящие за ее спиной девочки недовольно ворчали, а самые младшие и вовсе плакали от усталости.

К счастью, дорога к церкви оказалась не такой уж длинной — пока что в Крайстчерче не было длинных дорог. Хелен с девочками пришлось пересечь всего три улицы, чтобы подойти к дому пастора. В сравнении с домом отца Хелен и домом Торнов, это небольшое, выкрашенное в желтый цвет здание казалось убогим, да и стоящая рядом церковь производила не лучшее впечатление. И все же входную дверь священника украшал красивый латунный молоточек в форме львиной головы. Дафна взялась за него и громко постучала.

После минутного ожидания дверь открылась и в проеме показалась угрюмая девушка с широким лицом.

— Что вам нужно? — недружелюбно спросила она.

Все девочки, кроме Дафны, испуганно отскочили назад. Хелен подошла ближе к двери.

— Прежде всего, я хотела бы пожелать вам доброго вечера, мисс! — решительно произнесла она. — А затем мне бы хотелось поговорить с преподобным отцом Болдуином. Меня зовут Хелен Дэвенпорт. Леди Бреннан должна была упомянуть обо мне в одном из своих писем. А это девушки, которых преподобный отец просил привезти из Лондона и которым здесь обещали предоставить место.

Девушка в дверях кивнула, и ее лицо немного смягчилось. Однако на приветствие она не ответила, а лишь неодобрительно покосилась на сирот.

— Мама ожидала, что вы придете завтра. Сейчас я ее позову.

Девушка обернулась и уже собралась скрыться в доме, но Хелен снова ее окликнула:

— Мисс Болдуин, чтобы добраться сюда, нам с детьми пришлось оставить позади восемнадцать тысяч миль. Вам не кажется, что было бы намного вежливее сначала впустить нас в дом и предложить где-нибудь присесть.

Девушка нахмурилась.

— Вы можете войти, — сказала она. — Но девчонки пусть останутся здесь. Кто знает, каких паразитов они могли подцепить во время путешествия в каюте второго класса. Не думаю, что мама будет рада, если они занесут их в наш дом.

Внутри Хелен все кипело от гнева, однако она сдержалась.

— В таком случае я подожду на улице. Нам с девочками пришлось делить одну каюту. Если у них есть паразиты, то и у меня тоже.

— Как хотите, — невозмутимо ответила девушка, скользнула обратно в дом и закрыла за собой дверь.

— Настоящая леди! — с усмешкой промолвила Дафна. — Должно быть, что-то в ваших уроках я поняла не так, мисс Дэвенпорт.

Хелен следовало бы отчитать девушку, но у нее почти не было сил. А если миссис Болдуин окажется такой же «доброй христианкой», как и ее дочь, учительнице понадобится собрать свою волю в кулак и проявить хоть немного бойцовского духа.

Однако жена священника, которая появилась довольно быстро, старалась вести себя дружелюбно. Она была не такой высокой и полной, как ее дочь. В отличие от широкого и плоского, ничего не выражающего лица дочери, в ее чертах скорее было что-то ястребиное: маленькие, близко посаженные глаза, растянутые в ниточку тонкие губы...

— Вот так сюрприз, мисс Дэвенпорт! Но миссис Бреннан действительно писала о вас, причем в очень позитивном ключе, если вы позволите мне такое замечание. Пожалуйста, проходите в дом, Белинда как раз готовит для вас гостевую комнату. Н-да, девочек нам тоже придется приютить хотя бы до утра. А впрочем... — Женщина ненадолго задумалась, мысленно пробегая глазами список их будущих работодателей. — Лэвендеры и миссис Гоудвинд живут поблизости, так что я, наверное, прямо сейчас пошлю кого-то сообщить им о прибытии девушек. Возможно, они захотят принять их уже сегодня. Остальные могут переночевать в хлеву. Ну что же вы стоите на пороге, мисс Дэвенпорт? Заходите в дом. На улице становится все холоднее!

Хелен вздохнула. Она бы с радостью приняла это приглашение, но в подобной ситуации об этом не могло быть и речи.

— Миссис Болдуин, девочкам тоже холодно. Они прошли пешком не меньше двенадцати миль и крайне нуждаются в кровати и горячем ужине. А пока девочки не устроятся в домах своих работодателей, за них отвечаю я. Об этом мы условились с руководством сиротского приюта, и за это мне заплатили. Поэтому сначала покажите мне, пожалуйста, где будут ночевать девочки, а после этого я с радостью воспользуюсь вашим гостеприимством.

Миссис Болдуин нахмурилась, но ничего не сказала. Вместо этого она вытащила из кармана широкого передника, который носила поверх дорогого домашнего платья, большой ключ и пошла нежданных гостей за угол дома. Здесь находился хлев со стойлами для лошади и коровы. Сложенное рядом сено пахло довольно приятно и было накрыто парой одеял. Хелен поняла, что ей придется покориться неизбежному.

— Вы все слышали, девочки. Сегодня вам придется спать здесь, — обратилась она к детям. — Аккуратно расстелите свои простыни, иначе потом вся ваша одежда будет в сене. Что касается умывания, в кухне наверняка есть вода. Я позабочусь о том, чтобы вам принесли пару ведер. А позже я еще зайду, чтобы убедиться, что вы приготовились ко сну как добропорядочные христиане! Сначала умывание, а потом молитва!

Хелен хотелось, чтобы ее голос прозвучал с привычной строгостью, но сегодня она слишком устала. Ей самой не хотелось бы раздеваться в этом хлеву и умываться холодной водой. Поэтому гувернантка не собиралась так уж строго следить за выполнением гигиенических процедур. Да и девочки, похоже, не восприняли ее распоряжение всерьез. Вместо того чтобы ответить обычным «да, мисс Хелен!», они бросились к учительнице с дальнейшими расспросами:

— А нам дадут что-нибудь поесть, мисс Хелен?

— Я не могу спать на соломе, мисс Хелен, меня тошнит от ее запаха!

— И здесь наверняка есть блохи!

— Нам нельзя пойти с вами, мисс Хелен? А эти люди, которые еще, может быть, придут? Они заберут нас, мисс Хелен?

Хелен вздохнула. В течение всей поездки она пыталась подготовить девочек к тому, что в день прибытия им придется расстаться. Но разбивать их маленькую группку прямо сейчас казалось ей неразумным. Вместе с тем учительнице не хотелось настраивать миссис Болдуин против себя и детей. Поэтому ее ответ прозвучал уклончиво:

— Сначала расположитесь тут и немного отдохните, девочки. Все остальное как-нибудь уладится, не беспокойтесь.

Она ласково погладила Лори и Мэри по их белокурым головкам. По лицам девочек было видно, что они на исходе сил. Дороти уже готовила постель для Розмари, которая почти валилась с ног. Хелен одобрительно кивнула.

— Я еще загляну к вам, — повторила она. — Обещаю!

— Эти девушки производят впечатление неженков, — скривившись, промолвила миссис Болдуин. — Надеюсь, они принесут своим будущим хозяевам хоть какую-то пользу.

— Они еще совсем дети! — вздохнула Хелен. Разве ей уже не приходилось обсуждать это с миссис Гринвуд и лондонским сиротским комитетом? — В сущности, лишь две из них достаточно взрослые, чтобы быть принятыми на работу. Однако они послушные и смышленные девочки. Не думаю, что кто-нибудь на них пожалуется.

Кажется, этот ответ немного успокоил миссис Болдуин. Она провела Хелен в гостевую комнату, где впервые за этот день молодую женщину ждал приятный сюрприз. Комната была светлой и чистой, с обоями в цветочек и гардинами в загородном стиле, а кровать — широкой и удобной. Хелен с облегчением вздохнула. Да, она очутилась в сельской местности, но не совсем вдали от цивилизации. В довершение ко всему в комнату вошла широколицая дочь священника с большим кувшином теплой воды и вылила ее в таз для умывания.

— Наверное, сначала вам захочется умыться и переодеться с дороги, мисс Дэвенпорт, — сказала миссис Болдуин. — А после этого мы ждем вас к столу. Ужин совсем простой, мы ведь не ждали гостей. Надеюсь, вас устроит тушеная курица с картофельным пюре...

Хелен улыбнулась.

— Я настолько голодная, что, кажется, готова съесть даже сырую курицу с сырой картошкой. А девочки...

— О девочках позаботятся! — заявила мисс Болдуин. Похоже, она начинала терять терпение. — Увидимся в столовой, мисс Дэвенпорт.

Хелен не спеша умылась, распустила волосы и снова уложила их в аккуратную прическу. Затем она задумалась, стоит ли ей переодеваться. У девушки было всего несколько платьев, к тому же два из них нуждались в стирке. Свою лучшую одежду Хелен предпочла бы оставить для встречи с Говардом. С другой стороны, она не могла спуститься к ужину с семьей священника в потрепанном и пропитанном потом дорожном платье. В конце концов девушка решила переодеться в платье из темно-синего шелка. Первый ужин на новой родине требовал хотя бы небольшой торжественности.

Еда уже стояла на столе, когда Хелен наконец-то появилась в столовой

Болдуинов. Обстановка этой комнаты тоже превзошла ее ожидания. Буфет, стол и стулья были сделаны из массивного тикового дерева и украшены искусной резьбой. Либо Болдуины привезли эту мебель из Англии, либо в Крайстчерче имелись прекрасные столяры-краснодеревщики. Последнее предположение утешило Хелен. Наверняка она сможет ужиться и в деревянном домике, лишь бы он был хорошо обставлен.

Хелен было неловко за свое опоздание, однако все, кроме хмурой дочери священника, которой не помешало бы наличие хороших манер, сразу же встали и вежливо поприветствовали гостью. Кроме миссис Болдуин и Белинды за столом находились сам преподобный отец и молодой викарий. Преподобный отец Болдуин, высокий худой мужчина, имел крайне суровый вид. Одет он был тоже строго — в темно-коричневый полотняный костюм-тройку, который казался слишком торжественным в обстановке семейного ужина. Он даже не улыбнулся, когда пожимал руку Хелен. Вместо этого отец Болдуин пристально посмотрел девушке в глаза и поспешил осведомиться:

— Значит, вы дочь священника? — Его звучный голос как нельзя лучше подходил для того, чтобы произносить речи с церковной кафедры.

Хелен кивнула и начала рассказывать о Ливерпуле.

— Я знаю, что обстоятельства, которые привели меня в ваш дом, довольно необычны, — покраснев, промолвила она. — Но мы все следуем по тропам, уготованным нам Господом, и эти тропы не всегда бывают проторенными.

Преподобный отец Болдуин задумчиво кивнул.

— Вы правы, мисс Дэвенпорт, — с важным видом согласился он. — Кому, как не нам, об этом знать. Я тоже не слишком рассчитывал на то, что моя церковь отправит меня на другой край земли. Но это многообещающее место. С Божьей помощью мы превратим его в прекрасный оживленный город, населенный добропорядочными христианами. Вы, должно быть, знаете, что в будущем Крайстчерч станет епископской резиденцией...

Хелен кивнула. Теперь она поняла, почему преподобный отец согласился последовать в Новую Зеландию, хотя из предыдущей реплики становилось ясно, что расставание с Англией далось ему нелегко. Похоже, преподобный отец Болдуин был довольно честолюбивым человеком, однако не имел связей, без которых в Англии ни один священник не мог получить титул епископа. Однако здесь, в колонии, Болдуин, несомненно, питал кое-какие надежды на этот счет. Хелен не могла не признать, что священник обладал умом и талантами стратега, но был ли он настолько же хорошим пастырем?

Юный викарий, сидевший рядом с преподобным отцом, произвел на Хелен более приятное впечатление. Он искренне улыбнулся девушке, когда Болдуин представил его как Уильяма Честера, а рукопожатие молодого человека было теплым и дружеским. Хрупкого телосложения, с бледным, ничем не примечательным лицом со слегка заостренными чертами, длинноватым носом и широким ртом, Честер обладал довольно скромной внешностью. Однако карие глаза викария были выразительными, живыми и умными.

— Мистер О'Киф мне о вас очень много рассказывал! — произнес он, подсев к Хелен, и начал щедро накладывать в ее тарелку пюре и кусочки мяса. — Он так радовался вашему письму. Могу поспорить, что он будет тут в ближайшие дни после того, как узнает о прибытии «Дублина», в надежде получить следующую весточку. И как же он обрадуется, когда вместо письма обнаружит здесь вас!

Викарий Честер выглядел таким довольным, словно он сам поспособствовал знакомству этой пары.

— В ближайшие дни? — озадаченно спросила Хелен. Она была твердо уверена, что познакомится с Говардом уже завтра. Неужели так сложно было послать кого-нибудь к нему с запиской?

— Ну да, новость о прибытии корабля не может дойти до Холдона за один день, — заметил Честер. — С недельку вам точно придется подождать. А впрочем, может все выйдет и быстрее! Джеральд Уорден ведь тоже прибыл сегодня на «Дублине»? Его сын недавно говорил, что он уже в пути. Если Джеральд уже здесь, то скоро о возвращении корабля будет знать вся округа.

— А пока ваш жених не прибыл, мы рады приютить вас здесь! — сказала миссис Болдуин, хотя на ее лице не было и следа радости.

Где-то внутри Хелен начало зарождаться беспокойство. Разве Холдон находится не рядом с Крайстчерчем? Сколько еще ей нужно проехать или пройти, чтобы оказаться в доме Говарда?

Девушка уже собиралась спросить об этом, когда дверь в столовую резко распахнулась. Не спросив разрешения войти и даже не поздоровавшись, Дафна и Розмари влетели в комнату. Обе девочки уже успели распустить волосы перед сном; из каштановых локонов Розы торчало несколько сухих травинки. Непослушные рыжие пряди Дафны обрамляли ее лицо, словно пляшущие языки пламени. А когда девушка взглянула на уставленный едой стол Болдуинов, в ее глазах вспыхнули недобрые искорки. Хелен тотчас же почувствовала угрызения совести. Судя по выражению их лиц, девочек еще не кормили.

Но сейчас обеих сирот беспокоило вовсе не отсутствие ужина. Розмари подбежала к Хелен и вцепилась в ее юбку.

— Мисс Хелен, мисс Хелен, они забирают Лори! Пожалуйста, вы должны что-то сделать! Мэри кричит и рыдает! И Лори тоже!

— Элизабет тоже собираются увести! — закричала Дафна. — Пожалуйста, мисс Хелен, сделайте что-нибудь!

Хелен вскочила на ноги. Если даже Дафна, которая обычно являла собой воплощение невозмутимости, была так взволнована, в хлеву сейчас наверняка разыгрывалось что-то ужасное.

Учительница с беспокойством посмотрела на сидевших за столом Болдуинов и викария.

— Что происходит?

Миссис Болдуин закатила глаза.

— Ничего, мисс Дэвенпорт. Я ведь уже говорила вам, что двум из будущих работодателей мы можем сообщить о прибытии сирот уже сегодня. И теперь они пришли забрать девушек. — Она вытащила из кармана исписанный листок бумаги. — Вот: Лори Эллистон будет служить у Лэвендеров, а Элизабет Вине — у миссис Гоудвинд. Все правильно. Я вообще не понимаю, почему из-за этого поднялся такой шум, — добавила она, строго взглянув на Дафну и Розмари.

Малышка Роза заплакала. Глаза Дафны снова вспыхнули недобрым огнем.

— Лори и Мэри — близнецы, — пояснила Хелен. Девушка была в ярости, но пыталась держать себя в руках. — Их водой не разольешь! Не понимаю, как можно направлять их в разные семьи! Здесь, должно быть, вышла какая-то ошибка. И Элизабет, разумеется, тоже не хочет уходить, не попрощавшись. Пожалуйста, преподобный отец, давайте пойдем и во всем разберемся!

Хелен решила, что больше не будет иметь дела с бессердечной миссис Болдуин. Теперь дети находились под опекой преподобного отца, и он просто обязан был позаботиться об их интересах.

Немного помедлив, священник неохотно поднялся.

— Никто ничего не говорил нам о близнецах, — сказал он устремившейся к хлеву Хелен. — Конечно же, мы догадались, что девушки сестры, но мы никак не можем отправить их обеих в один и тот же дом, — продолжал объяснять он, следуя за ней степенной походкой. — У нас здесь почти нет английской прислуги. Десятки семей ожидают своей очереди, чтобы получить в горничные одну из таких девушек. Мы не вправе отдавать по две горничные каждому работодателю.

— Но поодиночке они не принесут своим хозяевам никакой пользы. Они неразлучны! — воскликнула Хелен.

— И все же нам придется их разлучить, — безапелляционно заявил преподобный отец.

Во дворе перед хлебом стояли телега, запряженная двумя сильными гнедыми лошадьми, которые со скучающим видом ждали, когда им прикажут трогаться, и элегантный экипаж, перед которым пританцовывал резвый пони. Высокий худощавый кучер легко придерживал его за поводья и нашептывал в лошадиное ухо что-то успокаивающее. Однако было заметно, что мужчине и самому не терпелось уехать отсюда. Он то и дело качал головой и поглядывал на двери хлева, из которых доносился непрерывный детский плач. Хелен показалось, что в его взгляде таилось сочувствие.

Среди подушек полукаресы восседала хрупкая пожилая женщина. Она была одета в черное платье, которое еще больше подчеркивало белизну ее аккуратно заколотых и убранных под чепец волос. Кожа женщины тоже была очень светлой, словно фарфоровой, и гладкость ее нарушала лишь едва заметная сеточка крохотных морщин. Рядом с экипажем стояла Элизабет и что-то говорила, то и дело приседая в реверансе. Похоже, пожилая дама была настроена добродушно и приветливо разговаривала с девочкой. Лишь время от времени обе они удрученно посматривали в сторону хлева.

— Джонс, — наконец не выдержала леди и обратилась к своему кучеру, когда Хелен и преподобный отец проходили мимо него. — Вы не можете зайти внутрь и постараться унять эти крики и причитания? Они нам ужасно мешают. Бедные дети скоро выплачут себе все глаза! Выясните, пожалуйста, в чем проблема, и постарайтесь ее решить.

Кучер закрепил поводья на козлах и спрыгнул на землю. Вид у него был не самый радостный. Вероятно, утешение плачущих детей не относилось к числу привычных для него заданий.

Тем временем пожилая леди заметила преподобного отца Болдуина.

— Добрый вечер, преподобный отец! — вежливо поприветствовала его женщина. — Я очень рада, что мы увиделись. Но не смею вас задерживать, поскольку там в вашем присутствии наверняка нуждаются намного больше, — добавила она, показывая рукой на хлев.

Услышав эти слова, кучер со вздохом облегчения вернулся на прежнее место. Если это дело собирается уладить сам преподобный отец, то его помощь уже не требуется.

Болдуин все еще стоял перед пожилой леди. Похоже, он раздумывал,

стоит ли официально представить их с Хелен друг другу, прежде чем идти разбираться с детьми, но затем решительно направился в самую гущу переполоха.

Мэри и Лори, вцепившись друг в друга и громко рыдая, сидели на куче сена, в то время как склонившаяся над ними плотная женщина пыталась их разнять. Широкоплечий, но с виду миролюбивый мужчина беспомощно стоял рядом и смотрел на детей. Дороти, казалось, тоже не знала, что ей делать — продолжать упрашивать незнакомцев не разлучать близняшек или переходить к более решительным действиям.

— Почему вы не возьмете их обеих? — в отчаянии спросила она. — Пожалуйста, вы же видите, что так дело не пойдет.

Похоже, мужчина был того же мнения. Стараясь, чтобы его голос звучал как можно более убедительно, он обратился к супруге:

— Да, Анна, мне кажется, нужно попросить преподобного отца отдать нам обеих девочек. Они еще совсем юные и выглядят такими слабыми. Поодиночке они смогут выполнять разве что самую легкую работу, а вдвоем дети будут помогать друг другу и...

— Если оставить их вместе, они будут днями напролет трещать, как сороки, и ничего не делать! — жестко ответила женщина.

Хелен взглянула в холодные голубые глаза женщины, придававшие ее самодовольному лицу еще более безжалостное выражение.

— Мы заказывали одну служанку, а значит, заберем с собой только одну девушку.

— Тогда возьмите меня! — воскликнула Дороти. — Я и старше, и сильнее, и...

Такое решение проблемы пришлось Анне Лэвендер по душе. Она довольным взглядом окинула куда более крепкую фигурку Дороти.

Однако Хелен покачала головой.

— Это, конечно, по-христиански, Дороти, — сказала она, покосившись на Лэвендеров и преподобного отца, — но так мы проблему не решим, а только отложим ее на день. Ведь завтра придут твои будущие хозяева, и тогда Лори придется уйти с ними. Нет, преподобный отец, мистер Лэвендер, мы должны найти возможность не разлучать близняшек. Я допускаю, что среди семей, где нужны служанки, есть две, которые живут по соседству. Тогда девочки смогут видаться хотя бы в свободное от работы время.

— А еще целыми днями ныть и проситься друг к другу! — перебила учительницу миссис Лэвендер. — Об этом и речи быть не может. Я заберу или эту девицу, или другую. Но только одну.

Хелен беспомощно посмотрела на преподобного отца. Однако священник вовсе не собирався ее поддерживать.

— По сути дела, миссис Лэвендер права, — сурово произнес он. — Чем раньше мы разлучим девочек, тем лучше. Лори и Мэри, послушайте меня. Господь привел вас обеих на эту землю, что уже было большой милостью, — ведь он мог сделать и так, чтобы только одна из вас поехала за океан, а вторая осталась в Англии. Но теперь Господь ведет вас различными тропами. Это не значит, что вы расстанетесь навсегда, вы сможете видеться во время воскресной службы или, по крайней мере, по большим церковным праздникам. Господь заботится о вас и знает, что он делает. А мы должны следовать его заповедям. Ты должна быть хорошей служанкой Лэвендерам, Лори. А Мэри завтра заберут Уилларды. Вы обе окажетесь в очень достойных семьях. Там вас будут кормить, одевать и следить, чтобы вы оставались хорошими христианками. Тебе нечего бояться, Лори, если ты будешь послушной девочкой, отпустишь сестру и пойдешь с Лэвендерами. Но если ты будешь продолжать упорствовать, мистеру Лэвендеру придется тебя высечь.

Однако мистер Лэвендер вовсе, казалось, не принадлежал к тем мужчинам, которые могли ударить маленькую девочку. Он с сочувствием смотрел на близняшек.

— Послушай, малышка, мы живем здесь, в Крайстчерче, — обратился он к рыдающей Лори. — И все семьи в округе время от времени приезжают сюда, чтобы сделать кое-какие покупки или посетить воскресную мессу. Я не знаю Уиллардов, но мы непременно с ними познакомимся. И когда они будут приезжать сюда, мы будем давать тебе выходной, чтобы ты могла целый день гулять с сестрой. Разве это не утешение?

Лори кивнула, но Хелен сомневалась, что девочка действительно понимает, о чем идет речь. Кто знает, где жили эти Уилларды, — то, что мистер Лэвендер даже не слышал о них, было не очень хорошим знаком! Что, если они окажутся вовсе не такими чуткими людьми, как этот мужчина? Захотят ли они вообще брать с собой Мэри, когда будут отправляться в Крайстчерч за покупками?

Однако долгая дорога и нервное потрясение сделали свое дело. У Лори больше не было сил сопротивляться, и она безропотно позволила оттащить себя от сестры. Дороти протянула миссис Лэвендер узелок девочки, а Хелен на прощание поцеловала малышку в лоб.

— Мы все будем писать тебе! — пообещала она.

Лори безучастно кивнула. Мэри продолжала плакать.

У Хелен сжалось сердце, когда она смотрела, как Лэвендеры уводят

малышку за собой. А в довершение всего учительница услышала, как Дафна прошептала на ухо Дороти:

— Я же говорила тебе, что мисс Хелен ничего не сможет сделать! Она очень милая, но прав у нее здесь не больше, чем у нас. Завтра явится ее жених, и ей придется уехать с этим мистером Говардом точно так же, как и Лори со своими Лэвендерами...

Хелен почувствовала, как ее охватывает ярость, которая, однако, улеглась так же быстро, как и вспыхнула, уступив место гнетущему чувству беспокойства. В словах Дафны была доля правды. Что будет, если Говард не захочет брать ее в жены? Или если он ей совсем не понравится? Возвратиться в Англию она не могла. Найти здесь место гувернантки или учительницы? Кто знает, насколько это было возможно...

Эти мысли терзали Хелен. Больше всего ей сейчас хотелось забиться в какой-нибудь угол и поплакать, как она делала, когда была маленькой девочкой. Однако с тех пор, как умерла ее мать, Хелен больше не позволяла себе таких слабостей. И теперь она должна быть сильной и позволить священнику представить ее пожилой даме, которая, по всей видимости, приехала за Элизабет.

Преподобный отец уже успел принять подобающую для этого важную позу. Здесь, на улице, было намного спокойнее, без истерик и драм. Элизабет выглядела вполне веселой и была охвачена радостным возбуждением.

— Мисс Хелен, это миссис Гоудвинд, — представила она женщину, прежде чем преподобный отец успел открыть рот. — Она родом из Швеции. Это далеко на севере, еще дальше отсюда, чем Англия. Там всю зиму лежит снег, всю зиму! Ее муж был капитаном большого корабля и иногда брал ее с собой в плавание. Она была в Индии! И в Америке! И в Австралии!

Миссис Гоудвинд рассмешил пыл ее будущей служанки. У женщины было добродушное лицо, и выглядела она весьма моложаво.

— Хильда Гоудвинд, — с дружелюбной улыбкой промолвила она, протягивая руку Хелен. — А вы, как я поняла, учительница Элизабет? Она бредит вами, вы это знаете? Вами и неким Джейми О'Хара, — подмигнув, добавила женщина.

Хелен тоже улыбнулась и подмигнула ей, а затем представилась полным именем.

— Я правильно поняла, что вы предоставляете Элизабет место? — спросила она после этого.

Миссис Гоудвинд кивнула.

— Если Элизабет не против. Я ни в коем случае не хочу насильно тащить ее за собой, как маленькую девочку, которую только что забрали мужчина и женщина. Это отвратительно! Вообще-то, я думала, что девушки будут гораздо старше...

Больше всего на свете сейчас Хелен хотелось излить душу этой маленькой симпатичной незнакомке. В глазах гувернантки заблестели слезы. Миссис Гоудвинд пристально посмотрела на нее.

— Насколько я понимаю, вам все это тоже не нравится, — заметила она. — И вы, как и ваши девочки, слишком устали. Вы ведь прошли Брайдл-Пас пешком? Возмутительно! Вам должны были прислать мулов. Да и мне следовало приехать завтра. Девочки наверняка хотели бы провести еще одну ночь вместе. Но когда я услышала, что им придется спать в хлеву...

— Я с радостью поеду с вами, миссис Гоудвинд! — просияв лицом, ответила Элизабет. — И уже завтра смогу начать читать вам «Приключения Оливера Твиста». Представляете, мисс Хелен, миссис Гоудвинд не знает этой книги! Я рассказала, что мы читали ее во время путешествия.

Миссис Гоудвинд дружелюбно кивнула.

— Тогда собери свои вещи, дитя, и попрощайся с подружками. Вам ведь она тоже нравится, Джонс, не так ли? — спросила она кучера, который, разумеется, незамедлительно кивнул в ответ.

Однако вскоре после того, как Элизабет со своим узелком уютно устроилась рядом с миссис Гоудвинд и обе продолжили непринужденно болтать, мужчина на минутку отвел Хелен в сторону.

— Мисс Хелен, эта девушка производит хорошее впечатление, но можно ли на нее положиться? Действительно ли она честна и добросовестна? Мне будет смертельно обидно, если миссис Гоудвинд в ней разочаруется. Она так радовалась прибытию маленькой англичанки.

Хелен заверила кучера, что более умной, честной и приятной девушки, чем Элизабет, нельзя себе и представить.

— Насколько я поняла, девочка нужна ей в качестве компаньонки. Но ведь... в таком случае обычно нанимают более взрослых и образованных молодых особ, — заметила она.

Слуга пожал плечами.

— Но такую особу сначала нужно отыскать. К тому же миссис Гоудвинд не может позволить себе платить компаньонке соответствующее жалованье, она ведь и сама получает лишь небольшую пенсию. Все домашнее хозяйство ведем мы с женой. Но моя жена маори, понимаете? Она может выполнять работу горничной и готовить, но не читать вслух или

рассказывать интересные истории. Поэтому мы подумали об английской девушке. Она будет жить у нас с женой и немного помогать по дому, но в первую очередь ее обязанностью будет составлять компанию миссис Гоудвинд. Можете быть спокойны, девочка ни в чем не будет нуждаться!

Хелен кивнула. Она была рада, что хотя бы Элизабет попадет в хорошие руки. Это было крохотным просветом в конце ужасного дня.

— Приходите послезавтра к нам на чай, — пригласила учительницу миссис Гоудвинд, прежде чем лошади тронулись с места, увозя экипаж со двора.

Элизабет радостно помахала на прощание.

А вот у Хелен не было сил даже на то, чтобы возвратиться в хлев и утешить Мэри. Поддерживать беседу за столом преподобного отца ей тоже не хотелось. Конечно, она по-прежнему была голодна, но утешала себя тем, что предназначавшуюся ей еду, вероятно, отдадут девочкам. Молодая женщина вежливо извинилась и отправилась в постель. Завтрашний день вряд ли мог оказаться хуже этого.

На следующее утро яркое солнце взошло над Крайстчерчем и окутало все своими ласковыми теплыми лучами. Из комнаты Хелен открывался захватывающий вид на горную гряду, простиравшуюся за равнинами Кентербери, а улочки маленького города в солнечном свете казались чистыми и уютными. Из столовой Болдуинов доносились запахи свежей выпечки и чая. У Хелен потекли слюнки. Она решила считать такое начало дня хорошим знаком. Конечно же, вчера, после трудного перехода, миссис Болдуин показалась ей недружелюбной и бессердечной, ее дочь — злой и невоспитанной, а преподобный отец — ханжой, который ничуть не заботится о благополучии своих прихожан. В свете нового утра ее мнение о семье пастора наверняка изменится в лучшую сторону. Но сначала нужно было провести девочек.

В хлеву Хелен встретилась с викарием Честером, который тщетно пытался утешить все еще плачущую Мэри. Малышка громко всхлипывала и повторяла имя сестры. Она даже не притронулась к пирожку, который принес ей в утешение юный проповедник, как будто этот кусочек сладкого теста мог облегчить горе девочки. У Мэри был изможденный вид; очевидно, этой ночью она и на минуту не сомкнула глаз. Хелен не представляла, как можно сегодня же отдать ее совершенно чужим людям.

— Если Лори так же много плачет и ничего не ест, Лэвендеры наверняка пришлют ее обратно, — с надеждой промолвила Дороти.

Дафна закатила глаза.

— Ты сама-то в это веришь? Старуха скорее избеет ее или запрет в чулане. А если Лори не ест, она только обрадуется, что немного сэкономила на продуктах для прислуги. У этой ведьмы нет души. Она не человек, а кусок дерьма... О, доброе утро, мисс Хелен. Надеюсь, вам хорошо спалось! — Девочка наградила учительницу полным презрения взглядом и даже не подумала извиняться за «кусок дерьма».

— Как ты сама вчера заметила, — холодно ответила Хелен, — у меня нет никакой возможности сделать что-нибудь для Лори. Но я уже сегодня попытаюсь установить связь с забравшей ее семьей. Так что спала я, конечно же, прекрасно, и ты наверняка тоже. В противном случае это был первый раз, когда ты позволила себе проявить сочувствие к кому-то из своих близких.

— Извините, мисс Хелен, — потупившись, пробормотала Дафна.

Такой ответ удивил Хелен. Неужели ей наконец-то удалось достучаться до сердца девушки?

Ближе к полудню прибыли будущие хозяева маленькой Розмари. Хелен боялась встречи с ними, но на этот раз ее ждал приятный сюрприз. Макларены, низенький полный мужчина с мягким круглым лицом и его не менее упитанная жена, которая со своими румяными щеками и круглыми голубыми глазами немного походила на куклу, пришли пешком и появились на пороге дома Болдуинов около одиннадцати часов. Как выяснилось, им принадлежала пекарня Крайстчерча — свежие булочки и пирожки, запах которых разбудил Хелен этим утром, были их производства. Поскольку мистер Макларен начинал работу еще до рассвета и ложился спать так же рано, миссис Болдуин не хотела беспокоить его вчера, поэтому он узнал о прибытии девочек лишь сегодня утром. Теперь Макларены ненадолго закрыли магазин, чтобы забрать Розмари.

— Господи, да она же совсем ребенок! — удивленно воскликнула миссис Макларен, когда испуганная Роза присела перед ней в реверансе. — Первым делом тебя придется хорошенько откормить, бедная ты тростиночка. Как же тебя зовут?

Говоря это, женщина неодобрительно посмотрела на миссис Болдуин, которая ничего не ответила на этот немой упрек. Повернувшись снова к Розмари, миссис Макларен присела и дружелюбно улыбнулась девочке.

— Роза... — прошептала малышка.

Миссис Макларен погладила девочку по волосам.

— Какое красивое имя. Роза, мы подумали, может быть, тебе захочется жить с нами и немножко помогать мне по хозяйству и в кухне? Ну и в пекарне, разумеется. Ты любишь печь пироги, Розмари?

Рози задумалась.

— Я люблю есть пироги, — ответила она.

Макларены рассмеялись, при этом смех мужа был похож на громкое бульканье, а жена хихикала, как маленькая девочка.

— Прекрасные предпосылки для будущего пекаря! — серьезным тоном заявил мистер Макларен. — Лишь тот, кто хорошо ест, может хорошо готовить! Ну так что, Рози, ты пойдешь с нами?

Хелен облегченно выдохнула, когда Рози ответила мужчине утвердительным кивком. Похоже, для Макларенов не стало неприятной неожиданностью, что вместе с такой служанкой они получили скорее новые заботы, чем помощь.

— В Лондоне мне уже приходилось учить пекарскому делу мальчишку из сиротского приюта, — вскоре объяснил причину своего спокойствия мистер Макларен. Он остался поговорить с Хелен, пока его жена помогала Рози собирать вещи. — Наш хозяин просил прислать ему ловкого четырнадцатилетнего паренька, который быстро втянулся бы в работу. А получил малыша, которому на вид нельзя было дать и десяти. Но он был толковый мальчуган. Хозяйка откормила его, и через какое-то время его приняли в подмастерья. Если наша Рози будет такой же смышленной, мы наверняка не станем жалеть о расходах на ее обучение! — со смехом закончил пекарь и протянул Дороти пакет с выпечкой, которую он принес для девочек.

— Держи, девчушка, но чур делить по-честному! — подмигнул он ей. — Я знал, что вместе с Рози прибыло еще несколько детей, а жена нашего пастора не славится особой щедростью.

Рука Дафны сразу же потянулась к лакомствам. Она наверняка еще не завтракала, либо завтрак был слишком скудным. Мэри же по-прежнему была безутешна и зарыдала еще громче, когда увидела, что Розмари сейчас тоже уйдет.

Хелен решила, что нужно постараться как-нибудь отвлечь ее, и объявила девочкам, что сегодня у них будут такие же занятия, как и на корабле. Пока их еще не забрали будущие хозяева, лучше немножко поучиться, чем сидеть сложа руки. Принимая во внимание то, что они находятся в доме пастора, Хелен выбрала в качестве книги для чтения Библию.

Дафна с унылым видом начала читать историю о браке в Кане Галилейской и была рада закрыть книгу, когда спустя некоторое время в дверях появилась миссис Болдуин. Ее сопровождал крупный неуклюжий мужчина.

— Очень похвально, мисс Дэвенпорт, что вы посвящаете себя воспитанию девочек! — сказала жена пастора. — И все же лучше бы вы потратили это время на то, чтобы наконец-то успокоить этого ребенка, — продолжила она, неодобрительно покосившись на всхлипывающую Мэри. — Однако сейчас это уже все равно. Это мистер Уиллард, он заберет Мэри Эллистон к себе на ферму.

— Она должна будет жить одна с фермером? — возмущенно воскликнула Хелен.

— О Господи, конечно нет! — ответила миссис Болдуин, возводя глаза к небу. — Это было бы против всех правил приличия!

Нет, нет, разумеется, у мистера Уилларда есть жена, а также семеро детей.

Мистер Уиллард с гордостью кивнул. Он производил впечатление хорошего человека. Его улыбчивое лицо носило на себе следы тяжелой фермерской работы, которую приходилось выполнять при любой погоде. Ладони мужчины были большими и мозолистыми, а под одеждой отчетливо вырисовывались накачанные мускулы.

— Старшие сыновья уже всюю помогают мне на полях! — заявил фермер. — Но с мелюзгой моей жене тяжело справляться одной. Вдобавок к этому ей требуется помощь по хозяйству — в доме и хлеву. А служанки-маори ей не по душе. Она говорит, что ее детей должны воспитывать только благопристойные христиане. Так какая из девушек наша? Если можно, мы хотели бы получить служанку покрепче, потому что ее ждет много тяжелой работы!

Мистер Уиллард ужаснулся не меньше Хелен, когда миссис Болдуин в ответ на его вопрос показала рукой на Мэри.

— Эта малышка? Вы, должно быть, шутите, миссис Болдуин! Я пришел сюда за служанкой, а не восьмым ребенком!

— Если девочку не баловать, она вполне способна выполнять тяжелую работу, — сказала жена священника, строго посмотрев на мистера Уилларда. — Лондонский комитет заверил нас, что каждая из девочек достигла тринадцатилетия и вполне готова к работе служанки. Так что, вы забираете девочку или нет?

Мистер Уиллард задумался.

— Моей жене действительно нужна помощь, — сказал он, виновато покосившись на Хелен. — К Рождеству на свет должен появиться еще один ребенок. Тогда она уж точно не сможет управляться одна. Ну что ж, пойдем, малышка. Как-нибудь да управимся. Ну, чего же ты ждешь? И почему ты плачешь? О Боже, только этого мне не хватало!

Мистер Уиллард резко отвернулся от Мэри и поспешил выйти из хлева. Миссис Болдуин впихнула малышке в руку ее узелок.

— Иди с ним. И будь хорошей служанкой! — приказала она.

Мэри без возражений последовала за фермером, но при этом продолжала плакать. Слезы текли и текли по ее бледным щекам.

— Будем надеяться, что хотя бы жена мистера Уилларда проявит к ней немного сострадания, — вздохнул викарий Честер, который так же беспомощно, как и Хелен, наблюдал за разыгрывающимися событиями.

Дафна презрительно фыркнула.

— Проявит она сострадание, как же, когда у нее на шее восемь детей! — сказала она, злобно уставившись на священника. — И каждый год муженек заделывает ей еще одного! Денег не хватает, а он пропивает последние копейки. Вам бы такую жизнь, когда вас самого никто никогда не жалеет, посмотрим, какое бы вы проявили сострадание!

Викарий Честер в ужасе уставился на Дафну. Вероятно, он спрашивал себя, как из этой девушки может получиться покорная служанка для одной из благопристойных семей Крайстчерча. А вот Хелен подобные выходки Дафны уже не удивляли, и она даже поймала себя на мысли, что постепенно проникается пониманием такого поведения девушки.

— Ну-ну, Дафна, мистер Уиллард не кажется мне мужчиной, который пропивает свои доходы, — попыталась утихомирить девушку учительница.

Больше она ничего не смогла ей сказать; в остальном Дафна, без сомнения, была права. Миссис Уиллард не будет щадить Мэри. Ей хватает забот о собственных детях. А маленькая служанка станет для женщины дешевой рабочей силой. Похоже, викарий это тоже понимал. Во всяком случае, он ничего не сказал по поводу дерзости Дафны, а лишь перекрестил ее и поспешил покинуть хлев. Он и так надолго отвлекся от своих обязанностей, и теперь ему грозил выговор от преподобного отца.

Хелен хотела снова открыть Библию, однако, по правде говоря, сейчас ни у нее, ни у девочек не было желания слушать поучительные истории.

— Не терпится узнать, что же еще нас ждет, — сказала Дафна, выразив вслух то, о чем думала и оставшаяся с ней Дороти. — Наверное, остальные хозяева живут за тридевять земель отсюда, раз до сих пор не явились, чтобы забрать своих рабов. Начинать учиться доить коров, Дороти!

Она указала на корову пастора, благодаря которой наверняка еще вчера вечером добыла для себя и подруг несколько литров молока. Миссис Болдуин, конечно же, не стала отдавать детям остатки ужина, а приказала отнести им в хлев лишь жиденькую похлебку и немного черствого хлеба. Что ж, по гостеприимному дому преподобного отца девочки точно скушать

не будут.

— Сколько времени занимает дорога от Крайстчерча до Киворд-Стейшн? — спросила Гвинейра, сидя в столовой гостиницы «Уайт Харт».

Рядом с ней за богато накрытым столом завтракали Джеральд и Брюстеры. Вряд ли эту гостиницу можно было назвать шикарной, но все здесь выглядело вполне прилично, а после напряженного вчерашнего дня простая кровать в номере показалась девушке верхом удобства. Она сразу же провалилась в сон и спала как убитая.

— Ну, это зависит от наездника и лошади, — усмехнулся Джеральд. — Расстояние составляет около пятнадцати миль, так что с овцами мы доберемся туда за два дня. Посыльному же, если он торопится и имеет возможность пару раз сменить лошадей, хватит и двух часов. Дорога грунтовая, но довольно ровная. Хороший всадник может спокойно скакать по ней галопом.

Гвинейра спросила себя, насколько хороший всадник Лукас Уорден и почему, черт возьми, он еще вчера не сел на лошадь, чтобы встретить свою невесту в Крайстчерче? Разумеется, он мог и не знать о прибытии «Дублина». Однако Уорден сообщил молодому человеку дату отплытия судна, и всем здесь было известно, что кораблям, чтобы преодолеть расстояние между Англией и Новой Зеландией, требовалось от семидесяти пяти до ста двадцати дней. На этот раз плавание «Дублина» длилось сто четыре дня. Почему же тогда Лукас не ждал ее здесь? Неужели в Киворд-Стейшн без него не могли обойтись хотя бы несколько дней? Или молодому человеку совсем не хотелось увидеть свою будущую жену? Самой Гвинейре не терпелось отправиться в путь уже сегодня, чтобы как можно быстрее добраться до своего нового дома и предстать перед будущим супругом, которого она еще ни разу не видела. Лукаса должен был снестать такой же интерес!

Джеральд рассмеялся, когда девушка высказала эти мысли вслух.

— Мой Лукас отличается редким терпением, — заметил он, когда немного успокоился. — А также прекрасным чувством стиля и умением устраивать большие приемы. Думаю, он и мысли не допускает, чтобы встретить свою невесту в пропахшей дорожной пылью и потом одежде. В этом отношении он настоящий джентльмен...

— Пропахший, не пропахший — для меня это не имеет значения! — перебила Уордена Гвинейра. — К тому же ваш сын мог бы остановиться

здесь, в гостинице, и переодеться, если думает, что мне так важны эти дурацкие формальности!

— Мне кажется, эта гостиница не соответствует его требованиям, — пробормотал Джеральд. — Подожди еще пару дней, Гвинейра. Уверен, он тебе понравится.

Леди Баррингтон улыбнулась и элегантно отложила свои столовые приборы в сторону.

— Разве не похвально, когда молодой человек проявляет некоторую сдержанность? — спросила она. — В конце концов, мы не какие-то дикари. В Англии вы бы тоже не стали знакомиться с будущим супругом в гостинице. Скорее вас бы представили друг другу за чаепитием в его или вашем доме.

С этим Гвинейра не могла не согласиться, но, отправляясь сюда, она мечтала получить в мужа человека, сочетавшего и себе черты предприимчивого колониста, прирожденного фермера и джентльмена с пытливым умом. Лукас не должен был походить на бескровных виконтов и баронетов, которых ей приходилось встречать на родине!

Однако после недолгих размышлений в сердце девушки вернулась надежда. Вполне возможно, что эта сдержанность была не типичной чертой Лукаса, а последствием его чересчур аристократического воспитания! Юноша наверняка считал Гвинейру такой же скучной, манерной и чопорной, какими были его гувернантки и гувернеры. К тому же она была благородного происхождения. Разумеется, Лукас боялся проявить в ее присутствии малейшую бестактность. Вероятно, он даже немного побаивался свою будущую супругу.

Гвин попыталась утешить себя подобными мыслями, но что-то в этой ситуации все равно казалось ей неправильным. У нее самой любопытство давно бы перевесило страхи и сомнения. Однако Лукас, наверное, был менее смелым, и ему, чтобы раскрепоститься, требовалось определенное время. Гвинейра подумала о своем опыте работы с овчарками и лошадьми: самые робкие и замкнутые животные часто оказывались лучшими из всех — нужно было лишь найти к ним правильный подход. Может, с мужчинами было точно так же? Когда Гвинейра познакомится с Лукасом, он мигом оживится и навсегда забудет о своей глупой сдержанности!

А пока что Гвинейре следовало запастись терпением. Вопреки всем надеждам девушки Джеральд Уорден отнюдь не собирался отправляться в Киворд-Стейшн в этот же день. Ему нужно было уладить пару вопросов здесь, в Крайстчерче, и организовать переправку разной мебели и других предметов домашнего обихода, которые он привез из Европы. Все это,

объявил он разочарованной Гвинейре, займет не меньше двух дней. Девушке же будущий свекор посоветовал как следует отдохнуть, ведь ее наверняка утомила долгая поездка.

Однако Гвинейра скорее устала от вынужденной бездеятельности, и продлевать эту бездеятельность ей хотелось меньше всего. Поэтому она решила сразу же после завтрака выехать на конную прогулку, из-за чего снова чуть не повздорила с Джеральдом. При этом начиналось все довольно мирно: Уорден ничего не сказал, когда девушка попросила, чтобы ей оседлали Игрэн. И лишь когда миссис Брюстер ужаснулась тому, как можно позволять даме выезжать на лошади без сопровождения, «овечий барон» заявил, что о конной прогулке не может быть и речи. Он ни в коем случае не собирался позволять своей невестке что-то неприличное. К сожалению, здесь не было конюхов и уж тем более горничных, которые могли бы проехаться по округе вместе с девушкой. Сам вопрос об этом показался хозяину гостиницы довольно странным: в Крайстчерче, решительно произнес он, обращаясь к миссис Брюстер, ездят верхом не ради удовольствия, а лишь для того, чтобы куда-то добраться. С утверждением Гвинейры, что ее лошади после долгого путешествия в трюме требуется разминка, он не спорил, но составить ей компанию отказался. В конце концов леди Баррингтон предложила, чтобы с Гвинейрой проехался ее сын, который тотчас же согласился, заверив девушку, что будет рад сопровождать ее на Мэдоке. Конечно же, четырнадцатилетний виконт был не самым подходящим компаньоном для юной барышни, однако на этот раз миссис Брюстер предпочла промолчать, чтобы не рассердить леди Баррингтон.

Во время путешествия на борту «Дублина» у Гвинейры сложилось впечатление, что Чарльз — довольно скучный юноша. К счастью, он оказался хорошим наездником, а главное, не слишком болтливым. К примеру, он не стал говорить своей объятый ужасом мамаше, что дамское седло Гвинейры уже давно привезли, когда девушка заявила, что в ее распоряжении, к сожалению, есть лишь мужское. А затем юноша притворился, что не может сдержать Мэдока, и позволил жеребцу стремительно покинуть двор гостиницы, предоставив Гвинейре шанс избежать дальнейших споров о приличиях и последовать за ним. Молодые люди проскакали через весь Крайстчерч резвой рысью и, радостно смеясь, оставили его далеко позади.

— Наперегонки до вон того дома! — крикнул Чарльз и пустил Мэдока галопом. На задравшиеся юбки Гвинейры он даже не взглянул. Скачка по бесконечной равнине пока что захватывала его куда больше, чем

созерцание обнаженных женских ног.

Около полудня юноша и девушка вернулись назад в отличном расположении духа. Лошади довольно фыркали, Клео снова приобрела свой обычный добродушно-улыбчивый вид, а у Гвин даже нашлась минутка, чтобы поправить юбки, прежде чем молодые люди въехали на улицы Крайстчерча.

— Со временем я придумаю какой-то выход, — пробормотала она, тщательно закрывая правую лодыжку, отчего левая сторона юбки, естественно, подскочила еще выше. — Может быть, просто сделать разрез сзади?

— Это будет выходом до первого порыва ветра, — усмехнулся юный компаньон Гвинейры. — И лишь в том случае, если вы не станете пускать лошадь галопом. Иначе ваши юбки взлетят еще выше, и всем станет видно... э-э-э... то, что вы носите под ними. Моя мать от такого зрелища, вероятно, сразу же упала бы в обморок!

— Это точно, — захихикала Гвинейра. — Ах, как бы мне хотелось, чтобы я могла просто надеть штаны. Вы, мужчины, даже не представляете, как вам с этим повезло!

После обеда, как раз в то время, когда в гостинице подавали чай, Гвинейра отправилась на поиски Хелен. Конечно, при этом она рисковала встретиться с Говардом О'Кифом, чего бы явно не одобрил Джеральд. Но, во-первых, она сгорала от любопытства, а во-вторых, Джеральд вряд ли мог заподозрить что-либо дурное в ее желании нанести визит пастору Крайстчерча. В конце концов, этот мужчина будет венчать Гвинейру, и приличия требовали от девушки засвидетельствовать ему свое почтение.

Гвин довольно быстро отыскала дом священника и была принята его семьей с необыкновенным радушием. Миссис Болдуин так подхалимничала перед гостьей, словно последняя была по меньшей мере королевских кровей. Однако Хелен не думала, что такое отношение объяснялось благородным происхождением Гвинейры. Болдуины пытались подольститься не к семье Силкхэмов — для них настоящей светской величиной был Джеральд Уорден! Кроме того, они, кажется, неплохо знали Лукаса. И если о Говарде О'Кифе семья пастора пока что отзывалась довольно сдержанно, то будущего супруга Гвинейры в этом доме засыпали похвалами.

— Очень культурный молодой человек! — заявила миссис Болдуин.

— В высшей степени воспитанный и образованный! Не по годам зрелый и серьезный юноша! — добавил преподобный отец.

— Весьма интересуется искусством! — с сияющими глазами воскликнул викарий Честер. — Начитанный и эрудированный! Когда он в последний раз был здесь, мы всю ночь вели такую увлекательную беседу, что я чуть не опоздал на утреннюю службу!

Гвинейре от подобных комплиментов с каждой секундой становилось все тоскливее. Где же был ее фермер, ее ковбой? Герой ее любимых приключенческих романов? Конечно же, здесь никому не нужно было вызволять женщин из лап краснокожих. Но разве отчаянный герой с револьвером на поясе стал бы вместо этого проводить ночи, беседуя со священником?

Хелен тоже молчала. Она спрашивала себя, почему Честер никогда не пел подобных дифирамбов ее Говарду; кроме того, у нее перед глазами все время стояли заплаканные лица Лори и Мэри. Учительница переживала об остальных девочках, которые по-прежнему ожидали своих хозяев в хлеву. Ее не утешало даже то, что они уже успели снова повидаться с Розмари. Малышка появилась в доме священника около полудня и, присев в реверансе, преисполненная чувства огромной важности того, что она делает, поднесла к столу корзину с булочками. Доставка выпечки была первым заданием, которое ей поручила миссис Макларен, и девочка чрезвычайно гордилась, что она, к всеобщей радости, смогла с ним справиться.

— У Розы довольно счастливый вид, — заметила Гвинейра, которая застала появление малышки.

— Если бы и остальным повезло так же, как ей...

Под предлогом, что ей хочется немного подышать свежим воздухом, Хелен после чаепития пошла провожать Гвинейру, и теперь подруги медленно прогуливались по сравнительно широким улицам, где они наконец-то могли поговорить начистоту. Хелен при этом с трудом держала себя в руках. Стараясь не расплакаться, она рассказала Гвинейре о близняшках.

— И у меня нет ощущения, что со временем они смогут с этим справиться, — подытожила она. — Конечно, говорят, что время лечит всякие раны, но в этом случае... Мне кажется, разлука убьет их, Гвин! Они ведь еще такие маленькие! У меня больше нет сил видеть этих лицемерных Болдуинов! Преподобный отец прекрасно мог и должен был сделать что-то для девочек. У них есть целый список семей, которым нужна английская горничная. Среди них наверняка нашлось бы две семьи, живущие в соседних домах. А они взяли и отправили Мэри к этим Уиллардам. Малышка там не будет знать и минуты отдыха. Семь детей, Гвинейра! И

восьмой младенец на подходе. Очевидно, Мэри, среди всего прочего, придется еще и помогать при родах.

— Жаль, что меня тогда здесь не было! — вздохнула Гвинейра. — Думаю, мистер Джеральд смог бы что-нибудь сделать. В Киворд-Стейшн наверняка не хватает английской прислуги. А мне нужна горничная! Посмотри на мои волосы — вот что получается, когда я пытаюсь заколоть их самостоятельно.

Вид у Гвинейры и вправду был слегка диковатый.

Улыбнувшись сквозь слезы, Хелен развернулась и повела подругу обратно к дому Болдуинов.

— Пойдем, — пригласила она. — Дафна приведет твою прическу в порядок. А если ее и Дороти никто сегодня не заберет, тебе действительно стоит поговорить с мистером Уорденом. Спорим, что Болдуины не посмеют отказать ему, если он скажет, что хочет нанять одну из них?

Гвинейра кивнула.

— А вторую можешь забрать к себе ты! — предложила она. — Любой порядочной женщине нужна горничная, твой Говард должен это понимать. Надо только как-нибудь решить, кто получит Дороти, а кому придется иметь дело с острой на язык Дафной...

Но прежде чем Гвинейра успела сказать, что можно решить этот вопрос с помощью партии в блек-джек, обе девушки дошли до пасторского дома, перед которым стоял какой-то экипаж. Входя во двор, Хелен поняла, что их прекрасный план вряд ли осуществится. Миссис Болдуин уже разговаривала с пожилой супружеской парой, в то время как Дафна послушно ждала в стороне. Сейчас она казалась самой добродетелью. Платье девушки было безупречно чистым, а волосы собраны в аккуратную и строгую прическу, которую Хелен раньше почти не приходилось видеть. Должно быть, Дафна заранее выяснила все о своих будущих хозяевах и тщательно подготовилась к этой встрече. Особое впечатление вид девушки, наверное, произвел на женщину, которая сама была одета очень опрятно и скромно. Из-под ее маленькой шляпки, украшенной крохотной элегантной вуалью, смотрело ясное лицо со спокойными карими глазами. Улыбка женщины казалась открытой и дружелюбной: по всей вероятности, она никак не могла нарадоваться тому, с какой хорошей служанкой ее свел случай.

— Мы приехали из Холдона позавчера, а вчера уже хотели ехать обратно. Но портнихе нужно было внести еще пару изменений в заказанное мной платье, и я сказала Ричарду: давай останемся и поужинаем в гостинице! Ричард был в восторге, что смог увидеть множество

интересных знакомых, вернувшихся на борту «Дублина». И какой же он молодец, что додумался сразу пойти сюда и спросить о нашей девушке!

Женщина обладала очень выразительной мимикой, а затем к ней добавилась и оживленная жестикуляция. Хелен она показалась довольно милой. Ее супруг Ричард производил более солидное впечатление, однако выглядел не менее дружелюбным и добродушным.

— Мисс Дэвенпорт, мисс Силкхэм — мистер и миссис Кендлер, — громко представила девушек и супругов друг другу миссис Болдуин, тем самым прервав увлеченную речь миссис Кендлер, выслушивать которую жене пастора, очевидно, было в тягость. — Мисс Дэвенпорт сопровождала девочек во время переезда. Она может рассказать вам о Дафне намного больше, чем я. Поэтому я сейчас просто оставлю вас и пойду поищу необходимые бумаги, после чего вы сможете спокойно забрать свою девушку.

Миссис Кендлер заговорила с Хелен с такой же радостью, как до этого она беседовала с женой священника. Учительнице не составило труда выведать у супругов, какая работа и условия жизни ожидают Дафну. В придачу к этому они вкратце поведали ей о своей жизни в Новой Зеландии. При этом мистер Кендлер с удовольствием рассказал о первых годах, которые они провели в Литтелтоне, который в то время назывался Порт-Купер. Гвинейра, Хелен и девочки увлеченно слушали его истории о китобойном промысле и охоте на тюленей. Однако сам мистер Кендлер стать китобоем не отважился.

— Нет, нет, это дело для безумцев, которым нечего терять! А у меня тогда уже была моя Оливия и ребятишки — куда уж тут гоняться за гигантскими рыбами, которые в любой момент могут утащить тебя за собой в морскую пучину! Кроме того, мне их немного жаль, животных. Особенно тюленей с их доверчивым взглядом...

Мистер Кендлер предпочел держать мелочную лавку, которая приносила ему очень даже неплохие доходы, так что позже, когда первые поселенцы начали строить дома на равнинах Кентербери, он смог купить приличный кусок земли под ферму.

— Однако я быстро понял, что не желаю иметь дела с овцами, — простодушно признался мужчина. — Мне вообще не нравится животноводство, как и моей Оливии, — добавил он, окидывая жену ласковым взглядом. — Поэтому мы снова продали все и открыли магазин в Холдоне. Это нам по душе — там чувствуешь жизнь и можно неплохо зарабатывать. К тому же город постоянно растет, а значит, у наших ребят прекрасные перспективы.

«Ребята» — трое сыновей Кендлеров — были уже довольно взрослыми, младшему из них было шестнадцать, а старшему двадцать три. Хелен заметила, как сверкнули глаза Дафны, когда мистер Кендлер заговорил о них. Если девушка будет вести себя умно и использует все свое обаяние, один из них наверняка окажется у ее ног. Хелен никогда не удавалось представить свою упрямую и своевольную воспитанницу в качестве послушной служанки, а вот стать уважаемой и обожаемой всеми покупателями мужского пола хозяйкой магазина она вполне смогла бы.

Хелен уже была готова от всей души порадоваться за Дафну, когда во дворе снова появилась миссис Болдуин, на этот раз в сопровождении высокого широкоплечего мужчины с угловатыми чертами лица и пытливыми светло-голубыми глазами. Незнакомец покосился на чету Кендлеров — на миссис Кендлер его взгляд задержался гораздо дольше, чем на ее мужа, — и перевел глаза дальше: на Гвинейру, Хелен и девочек. При этом Хелен явно не привлекла внимания мужчины. Больше всего его, кажется, заинтересовали Гвин, Дафна и Дороти. И все же беглого взгляда незнакомца хватило, чтобы заставить учительницу почувствовать себя не в своей тарелке. Вероятно, это объяснялось тем, что он не посмотрел ей в лицо, как сделал бы джентльмен, а скорее оценивающе осмотрел ее фигуру. А может быть, ей это только почудилось... Хелен недоверчиво взглянула на мужчину, но не смогла найти никакого подтверждения своему беспокойству. Его улыбка была вполне располагающей, хоть и казалась не совсем искренней.

Однако Хелен была не единственной, кого смутил взгляд новоприбывшего. Краем глаза учительница заметила, что Гвин непроизвольно подалась назад, а улыбка на лице миссис Кендлер мгновенно сменилась гримасой отвращения. Мистер Кендлер легко приобнял ее за талию, словно хотел продемонстрировать, что эта женщина принадлежит ему. Заметив это движение, незнакомец усмехнулся.

Повернувшись к девочкам, Хелен увидела, что Дафна выглядит встревоженной, а на лице Дороти застыл испуг. И только миссис Болдуин, казалось, не замечала странной неловкости, которую испытывали ее гости в связи с появлением этого мужчины.

— А вот и мистер Моррисон, — невозмутимо представила она его. — Будущий хозяин Дороти Картер. Подойди и поздоровайся, Дороти. Мистер Моррисон сейчас заберет тебя с собой.

Дороти не сдвинулась с места. Она словно оцепенела от страха. Лицо девочки побледнело, зрачки расширились.

— Я... — задыхаясь, начала Дороти, но ее прервал раскатистый смех

мистера Моррисона.

— Не так быстро, миссис Болдуин, мне нужно сначала посмотреть на этого котенка! Не могу же я привезти в помощницы своей жене первую попавшуюся девицу. Так, значит, ты Дороти...

Мужчина приблизился к девочке, которая по-прежнему стояла без движения и не пошевелилась даже тогда, когда он убрал с ее лица прядь волос и при этом словно бы нечаянно провел рукой по нежной девичьей шее.

— Хорошенькая малышка. Моя жена будет в восторге. А руки у тебя ловкие, крошка Дороти?

На первый взгляд это был безобидный вопрос, но даже неискушенной в любовных делах Хелен было понятно, что мужчину интересуют не только хозяйственные умения девушки. Гвинейра, которая по меньшей мере пару раз встречала слово «похоть» в бульварных романах, сразу же заметила ее в глазах Моррисона.

— Ну-ка, покажи мне свои руки, Дороти...

Мужчина расцепил скованные страхом пальцы девочки и медленно провел рукой по ее правой ладони. Это походило скорее на поглаживание, чем на желание проверить, есть ли на руках Дороти мозоли. Он держал ладонь девочки в своих до неприличия долго. Этого хватило даже, чтобы вывести девочку из оцепенения. Она резко выдернула руку из ладоней мужчины и отскочила на шаг назад.

— Нет! — выкрикнула она. — Нет, я... я не пойду с вами... вы мне не нравитесь!

Испугавшись собственной дерзости, Дороти потупилась.

— Ну-ну, Дороти, ты ведь совсем меня не знаешь!

Мистер Моррисон снова приблизился к девочке, которая съежилась под его вызывающим взглядом и последовавшим за ним упреком миссис Болдуин:

— Что это за поведение, Дороти! Немедленно извинись!

Дороти яростно затрясла головой. Для нее лучше было умереть, чем пойти с этим мужчиной; девочка не могла найти слов, чтобы описать картины, которые рисовало ее воображение, когда она смотрела в его похотливые глаза. Приют для бедняков, ее мать в цепких руках мужчины, которого Дороти должна была называть «дядей»... Она смутно припоминала жилистые жесткие ладони, однажды потянувшиеся к ней, чтобы залезть под платье... Дороти не могла забыть, как она тогда заплакала и попыталась вырваться, но мужчина не отпускал ее. Он продолжал | ладить, подбираясь все ближе и ближе к тем участкам тела, название

которых было стыдно произносить и которые не обнажали даже во время купания. Дороти казалось, что она умрет от стыда, но, к счастью, ее мать успела прийти вовремя, за мгновение до того, как страх и боль достигли своего предела. Она оттолкнула мужчину и защитила девочку. Позже, сжимая Дороти в объятиях, утешая и гладя ее по голове, мать предупредила:

— Никогда больше не допускай такого, Дотти! Не позволяй мужчинам прикасаться к тебе, что бы они ни обещали! Даже смотреть не позволяй так на себя! То, что сейчас произошло, — моя вина. Я должна была заметить, что он глаз с тебя не сводит.

Никогда больше не оставайся здесь наедине с мужчинами, Дороти! Никогда! Пообещай мне это! Обещаешь?

Дороти пообещала и придерживалась этого обещания, пока по прошествии некоторого времени ее мать не умерла. После этого девочку забрали в сиротский дом, где она была в безопасности. Но теперь этот мужчина смотрел на нее так же, как «дядя» из приюта для бедных. Нет, в его глазах было даже больше похоти. И на этот раз она не могла сказать «нет». Она не имела права, она принадлежала ему, сам преподобный отец накажет ее, если она вздумает обороняться. И сейчас ей придется уйти с этим Моррисоном. Остаться с ним наедине в экипаже, а затем в его доме...

Дороти всхлипнула.

— Нет! Нет, я не пойду. Мисс Хелен! Пожалуйста, мисс Хелен, им должны мне помочь! Не отправляйте меня с ним! Миссис Болдуин, пожалуйста... пожалуйста!

Девочка испуганно прижалась к Хелен, а затем отскочила к миссис Болдуин, когда Моррисон с улыбкой подошел ближе.

— Да что с ней такое? — с деланным удивлением спросил он, в то время как жена пастора грубо оттолкнула от себя девочку. — Может быть, она больна? Тогда мы сразу уложим ее в постель...

Девочка почти обезумевшим взглядом уставилась на собравшихся во дворе людей.

— Он дьявол! Неужели никто этого не видит? Мисс Гвин, пожалуйста, мисс Гвин! Возьмите меня с собой! Вам ведь нужна горничная. Пожалуйста, я буду делать все, что вы захотите! Я буду работать бесплатно, я...

В отчаянии девочка упала перед Гвинейрой на колени.

— Дороти, успокойся! — беспомощно произнесла Гвин. — Я обязательно спрошу мистера Уордена...

Похоже, Моррисон начал терять терпение.

— Можно как-нибудь побыстрее со всем этим закончить? — резко спросил он у миссис Болдуин, полностью игнорируя Хелен и Гвинейру. — Эта девушка явно не в себе! Но моей жене нужна помощница, поэтому я все равно ее возьму. И даже не предлагайте мне ждать до следующего раза! Я прискакал сюда не для того, чтобы...

— Вы приехали сюда верхом? — спросила Хелен. — Как же вы тогда собираетесь забрать с собой девочку?

— Посажу ее на лошадь сзади себя, разумеется. Ей понравится. Нужно лишь крепко держаться за меня, малышка.

— Я... я не буду этого делать, — заикаясь, пробормотала Дороти. — Пожалуйста, пожалуйста, не заставляйте меня!

Теперь она стояла на коленях перед миссис Болдуин. Хелен и Гвин в ужасе наблюдали за этой сценой. Мистер и миссис Кендлер полностью разделяли их чувства.

— Это чудовищно! — наконец-то обрел дар речи мистер Кендлер. — Скажите же что-нибудь, миссис Болдуин! Если девочка так сильно не хочет ехать с этим господином, вы должны подыскать ей другое место. При желании она может отправиться с нами. Я уверен, в Холдоне найдется две или три семьи, которым требуется помощь служанки.

Миссис Кендлер решительно закивала, поддерживая мужа.

Мистер Моррисон резко втянул в себя воздух.

— Неужели вы собираетесь потакать прихотям этой девчонки? — удивленно вскинув брови, спросил он миссис Болдуин.

Дороти зарыдала.

До этой секунды Дафна наблюдала за разыгрывающейся сценой практически с безучастным видом. Она прекрасно знала, что предстояло бедной Дороти; она довольно долго жила, вернее, выживала на улице, поэтому куда лучше, чем Хелен и Гвин, понимала, что скрывалось за хищным взглядом Моррисона. В Лондоне такие мужчины, как он, не могли позволить себе служанку. Зато могли найти на берегах Темзы достаточно детей, готовых на все ради куска хлеба. Таких, как Дафна. Она не раз испытывала страх, боль и стыд, пытаясь отделить душу от тела, когда один из таких ублюдков хотел «поиграть» с ней. Она была сильной и могла перенести все. А Дороти это наверняка ломает.

Дафна взглянула на мисс Хелен, которая, по мнению Дафны, слишком поздно начинала понимать: порой быть настоящей леди недостаточно, чтобы изменить свою судьбу. Затем девочка перевела взгляд на мисс Гвин, которой тоже предстояло это понять. Но мисс Гвин была сильной женщиной. При других обстоятельствах, к примеру, в качестве жены

«овечьего барона», она могла бы что-то предпринять. Но пока у нее не было такой власти.

А Кендлеры... Удивительные, милые люди, которые могли дать ей, бывшей беспризорнице Дафне, шанс начать новую жизнь. Проявив немного смекалки и пустив в ход свое девичье обаяние, она могла бы выйти замуж за одного из их сыновей, завести детей, стать приличной женщиной и уважаемой особой... Дафна чуть не засмеялась. Леди Дафна Кендлер — это звучало почти так же, как безумные фантазии Элизабет. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Дафна резко отмела от себя радужные мечты и повернулась к подруге.

— Встань, Дороти! И прекрати хныкать! — прикрикнула девушка. — Ты ведешь себя невыносимо. Если очень хочешь, можем поменяться. Ты иди с Кендлерами, а я пойду с ним... — Она показала на Моррисона.

Хелен и Гвин задержали дыхание. Миссис Кендлер, наоборот, начала жадно хватать воздух ртом. Дороти медленно подняла голову, показав всем свое красное, опухшее от слез лицо. Мистер Моррисон нахмурился.

— Что это еще за чехарда? Кто сказал, что я согласен на обмен служанок? — гневно спросил он. — Мне пообещали вот эту!

С этими словами Моррисон схватил Дороти за руку. Девочка испуганно закричала.

Дафна посмотрела на мужчину, и на ее миловидном лице появилась легкая улыбка. Как будто бы случайно она провела рукой по волосам, высвободив из своей строгой прически прядь огненно-рыжих волос.

— Вы не будете жалеть об этом обмене, — прошептала она и склонила голову набок, позволив локону упасть на плечо.

Дороти бросилась в объятия Хелен.

Моррисон усмехнулся, и на этот раз выражение его лица было искренним.

— Ну что ж, если так... — сказал он и сделал вид, что хочет помочь Дафне вернуть непослушную прядь на место. — Рыжий котенок. Моя жена будет в восторге. Ты наверняка очень хорошая и послушная девушка.

Голос мужчины был мягким как шелк, но Хелен казалось, что в одном его звучании таилось нечто грязное и противное. Остальные женщины, похоже, чувствовали себя так же. Лишь миссис Болдуин, по всей видимости, была невосприимчива к чувствам любого рода. Она нахмурилась и, кажется, всерьез задумалась, следует ли разрешать девушкам меняться хозяевами. Решив, что ничего страшного в этом нет, жена пастора протянула Дороти Картер подготовленные для Дафны бумаги.

Прежде чем последовать за Моррисоном, Дафна обернулась и

посмотрела на свою учительницу.

— Ну что, мисс Хелен? — спросила она. — Я вела себя... как настоящая леди?

Хелен молча заключила девушку в свои объятия.

— Я люблю тебя и буду за тебя молиться! — прошептала она.

Дафна засмеялась.

— За любовь спасибо. А молитвы мне не нужны, — с горечью сказала она. — Подождите, еще неизвестно, что ваш Бог уготовил для вас!

Этой ночью Хелен плакала во сне, а накануне под каким-то нехитрым предлогом не стала спускаться к ужину с Болдуинами. Больше всего ей хотелось побыстрее покинуть дом священника, напоминавший ей клетку, пойти в хлев и прижаться к одеялу, которое там впопыхах забыла Дафна. При виде миссис Болдуин Хелен хотелось кричать, а молитвы преподобного отца казались ей насмешкой над Богом, которому служил ее отец. Нужно было бежать отсюда! Если бы только она могла позволить себе номер в отеле! И если бы можно было, не нарушая приличий, встретиться с будущим мужем тет-а-тет, без посредников и компаньонов! Но ничего, ждать оставалось не очень долго. Дороти и Кендлеры уже направлялись в Холдон, так что завтра Говард узнает о ее приезде.

Что-то вроде любви...

РАВНИНА КЕНТЕРБЕРИ 1852—1854

1

Джеральд Уорден и его спутники продвигались вперед очень медленно, хотя Клео и молодые овчарки гнали овец в довольно резвом темпе. Джеральду пришлось нанять три повозки, чтобы перевезти всю купленную ими мебель и прочие предметы домашнего обихода в Киворд-Стейшн, в том числе щедрое приданое Гвинейры, состоящее из мелких домашних вещей, серебряной посуды, а также дорогого столового и постельного белья. В этом плане леди Силкхэм не поскупилась и при составлении приданого Гвинейры включила в него даже часть своего собственного. Лишь при выгрузке Гвинейра заметила, как много ненужных драгоценностей ее мать распихала по ящикам и сундукам — предметов, которым даже в имении Силкхэмов за тридцать лет ни разу не нашлось применения. Что девушка должна была делать с ними здесь, на краю земли, было неясно, но Джеральд, похоже, относился ко всем этим безделушкам с

большим уважением, чем Гвинеира, и хотел во что бы то ни стало сразу перевезти их в Киворд-Стейшн. Из-за этого ему и Гвин приходилось ехать по довольно грязным после дождя дорогам Кентербери следом за тремя повозками, запряженными тяжелыми лошадьми и мулами, что заметно замедляло продвижение. Резвым скаковым лошадям это было не по душе; Игрэн все утро пыталась обогнать повозки и вырваться вперед.

А вот Гвинеира с удивлением заметила, что совсем не скучает: она была очарована бесконечными лугами, мимо которых они проезжали, шелковистым травяным ковром, на котором овцы с радостью задержались бы немного дольше, и видом величественных гор, цепью тянувшихся вдаль. Несколько последних дней шел дождь, но сегодня небо прояснилось. Погода была примерно такой же, как в день прибытия «Дублина», и горы снова казались настолько близкими, что до них хотелось дотронуться. Земля здесь, вблизи Крайстчерча, была довольно равнинной, но постепенно становилась все более холмистой. Все окрестности занимали простирающиеся до самого горизонта пастбища. Лишь изредка попадались небольшие заросли кустарников или островки скал, которые выныривали из окружавшей их зелени в самых неожиданных местах, словно игрушки, которые в приступе гнева разбросал по равнине ребенок-великан. Время от времени Джеральду и Гвинеире приходилось пересекать ручейки и реки, однако все они были настолько мелкими, что их спокойно можно было перейти вброд. Порой, объехав неприметный холм, девушка неожиданно оказывалась перед маленьким зеркально-чистым озером, в водах которого отражалось голубое небо или верхушки скал. Большинство этих озер, как объяснил Уорден, были вулканического происхождения, но сегодня в этих местах активных вулканов не осталось.

Вблизи рек и озер иногда располагались скромные фермерские домики, вокруг которых мирно паслись овцы. Замечая путешественников, поселенцы, как правило, выходили из домов и сараев в надежде немного поболтать и узнать последние новости. Однако Джеральд в таких случаях обычно ограничивался лишь парой фраз и отметал все предложения остановиться и немного отдохнуть.

— Если мы начнем заходить к каждому из них, то не доберемся до Киворд-Стейшн и послезавтра, — сказал Уорден, когда Гвинеира упрекнула его в резкости.

Сама она с удовольствием заглянула бы в один из этих деревянных домиков, поскольку была уверена, что ее будущий дом выглядел примерно так же. Однако Джеральд делал короткие привалы лишь на берегах рек или в тени кустарников, а в остальном старался продвигаться как можно

быстрее. Лишь вечером первого дня он решил остановиться и переночевать на ферме, которая казалась намного больше и ухоженнее, чем дома поселенцев, которые встречались им с Гвинейрой на пути до этого.

— Бизли — состоятельные люди. Одно время у Лукаса и их старшего сына был один и тот же домашний учитель, и мы до сих пор изредка приглашаем их в гости, — объяснил Гвинейре Джеральд. — Бизли долгое время выходил в море, причем не простым матросом, а помощником капитана. Прекрасный моряк. А вот овцеводство не его конек. Полагаю, в каком-нибудь другом деле он преуспел бы намного больше. Но его жене непременно хотелось иметь ферму. Сама она выросла среди английских равнин. Поэтому теперь Бизли пробует себя в роли животновода. Фермер-джентльмен... — Из уст Джеральда это прозвучало почти презрительно. Затем он усмехнулся. — Ключевое слово тут, конечно же, «джентльмен». Но если они могут себе это позволить, то почему бы и нет? Кроме того, Бизли пытаются вести кое-какую культурно-общественную жизнь. В прошлом году они даже устроили охоту на лис.

— Мне кажется, вы говорили, что лисы здесь не водятся, — наморщив лоб, заметила Гвинейра.

Джеральд усмехнулся.

— Да, и от этого охота, конечно, вышла не такой увлекательной, как настоящая. Но сыновья Бизли — прекрасные бегуны. Они прокладывали след.

Гвинейра не смогла удержаться от смеха. Похоже, этот мистер Бизли был оригиналом и как минимум разбирался в лошадях. Чистокровные жеребцы и кобылы, которые паслись в загоне перед его домом, наверняка были привезены из Англии; садовое оформление подъездной дороги тоже было выполнено в традиционно английском стиле. В действительности Бизли оказался добродушным краснощеким господином, немного напомнившим Гвинейре ее собственного отца. Он тоже скорее проживал на этой земле и распоряжался ею, вместо того чтобы работать в поле, однако ему при этом явно не хватало отточенного в течение многих поколений умения английского поместного дворянства успешно управлять фермой, не выходя из собственной гостиной. Подъезд к дому Бизли выглядел довольно элегантно, а вот ограждения пастбищ для лошадей не мешало бы покрасить. Кроме того, Гвинейре бросилось в глаза, что сами пастбища уже выедены, а бочки с водой давно никто не чистил.

Визиту Джеральда мистер Бизли, как показалось девушке, искренне обрадовался. Он сразу же открыл бутылку своего лучшего виски и начал сыпать комплиментами, восхищаясь попеременно то красотой Гвинейры,

то ловкостью овчарок, то прекрасной шерстью уэльских горных овец. Жена мистера Бизли, ухоженная женщина среднего возраста, тоже радушно поприветствовала Гвинейру.

— Вы должны хоть немножко рассказать мне о последней английской моде! Но сначала я покажу вам свой сад. Мне не раз говорили, что я выращиваю лучшие розы во всем Кентербери. Но я не обижусь, если вы отберете у меня пальму первенства, миледи! Вы ведь наверняка привезли сюда лучшие экземпляры роз из сада нашей матери и всю дорогу бережно ухаживали за ними!

Гвинейра судорожно сглотнула. Даже леди Силкхэм не додумалась до того, чтобы дать дочери с собой несколько розовых кустов. Однако теперь Гвинейра поневоле осматривала цветы миссис Бизли, точь-в-точь такие же, какие ей приходилось видеть в саду матери и сестры. Женщина едва не лишилась чувств от радости, когда Гвинейра мимоходом сказала об этом и упомянула Диану Ридлуорт. Вероятно, сравнение со знаменитой сестрой Гвинейры миссис Бизли воспринимала как наивысшую похвалу. Гвинейре же было несложно сделать ей приятное. Сама Гвин ни в коем случае не собиралась превосходить миссис Бизли в цветоводстве. Гораздо больше, чем розы, ее интересовали местные растения, которые окружали ухоженный сад.

— А, это капустное дерево, — без особого интереса объяснили миссис Бизли, когда Гвинейра спросила ее об одном из них. — С виду оно похоже на пальму, но, насколько мне известно, относится к семейству лилейных. Размножается хуже сорняка. Смотрите, чтобы оно не пролезло в ваш сад, дитя. И вот это тоже...

Женщина показала на цветущий куст, который понравился Гвинейре намного больше, чем розы миссис Бизли. Его огненно-красные цветы, роскошно распусившие свои лепестки после дождя, красиво выделялись на фоне сочных зеленых листьев.

— Рата, — объяснила миссис Бизли. — Дикое растение, встречается во всех уголках острова. Бороться с ним очень сложно. Мне приходится постоянно следить, чтобы рата не проникала в розарий. От моего садовника помощи в этом случае мало. Он не понимает, почему за некоторыми растениями ухаживают, а некоторые уничтожают.

Как выяснилось, вся прислуга семьи Бизли состояла из маори. Только для ухода за овцами семья наняла пару белых работников, которые заверили мистера Бизли, что отлично разбираются в этом деле. Здесь Гвинейра впервые в жизни увидела чистокровного аборигена и сначала даже немного испугалась. Садовник мистера Бизли был невысоким

коренастым мужчиной с темными курчавыми волосами, смуглой кожей и — с точки зрения Гвинейры — изуродованным татуировками лицом. Самому мужчине эти узоры, нанесение которых было весьма болезненной процедурой, по всей видимости, очень даже нравились. Когда Гвинейра немного привыкла к виду садовника, его улыбка показалась ей довольно симпатичной. К тому же он был очень вежлив, поприветствовал женщин низким поклоном и распахнул перед ними ворота сада. Одежда садовника ничуть не отличалась от одежды белых слуг, но Гвинейра полагала, что носить ее было требованием Бизли. До появления на острове колонистов маори наверняка одевались совсем иначе.

— Спасибо, Джордж! — милостиво поблагодарила садовника миссис Бизли, когда он закрыл за ней ворота.

Гвинейра удивилась.

— Его зовут Джордж? — озадаченно спросила она. — Я думала, что... Ваших слуг, вероятно, окрестили и дали им английские имена, не так ли?

Миссис Бизли пожала плечами.

— Честно говоря, я понятия не имею, — призналась она. — Мы не так уж часто присутствуем на службе. Для этого приходилось бы каждый раз ездить в Крайстчерч. Вместо этого я каждое воскресенье провожу для всех членов семьи и прислуги небольшую общую молитву. Все приходят, но почему — по той причине, что они христиане, или потому, что им так велели, — не могу сказать.

— Но если его зовут Джордж... — не унималась Гвинейра.

— Ах, дитя, это имя дала ему я. Язык этих людей мне не выучить никогда. Одни их имена чего стоят! А для него, кажется, не имеет особого значения, как его называют, не правда ли, Джордж?

Мужчина кивнул и улыбнулся.

— Правильный имя Тонгануи! — сказал он и ткнул в себя пальцем, увидев по-прежнему растерянное выражение на лице Гвинейры. — Означает «сын бога моря».

Конечно, христианским это имя нельзя было назвать, но выговорить его, по мнению девушки, было довольно просто. Она решила, что собственным слугам менять имена ни в коем случае не станет.

— Кстати, откуда маори знают английский? — спросила Гвин Джеральда, когда следующим утром они продолжили свой путь. Бизли очень не хотелось отпускать гостей, однако они понимали, что после долгого отъезда Джеральду не терпелось увидеть, хорошо ли идут дела в Киворд-Стейшн. О Лукасе они, не считая обычных похвал, могли

рассказать не так уж много. Во время отсутствия Джеральда его сын, кажется, не покидал ферму. Во всяком случае, в гости к Бизли он не заезжал.

Этим утром Джеральд, похоже, был не в духе. Прошлым вечером они с мистером Бизли прикончили не одну бутылку виски, в то время как Гвинейра, сославшись на усталость после долгой езды верхом, пожелала всем спокойной ночи и рано отправилась спать. Разговоры миссис Бизли о розах утомили девушку, а то, что Лукас — культурный молодой человек и одаренный пианист, у которого к тому же всегда можно взять почитать последние произведения мистера Бельвер-Литтона и других не менее гениальных писателей, она слышала еще в Крайстчерче.

— А, маори... — с неохотой начал Джеральд. — Никогда не знаешь, что они понимают, а что нет. Они постоянно перенимают какие-то слова и фразы у хозяев, а затем аборигенки учат им своих детей. Они хотят быть похожими на нас. И это очень удобно.

— А в школу их дети ходят? — поинтересовалась Гвинейра.

Джеральд рассмеялся.

— Да кто же захочет учить маори? Большинство колонисток безмерно рады, когда им удастся вдолбить хоть немного знаний и хороших манер в головы собственных отпрысков! Разумеется, здесь есть несколько миссионерских поселений, и Библия тоже была переведена на язык маори. В общем, если тебе так сильно хочется обучить пару аборигенов оксфордскому английскому — пожалуйста, я препятствовать не стану!

Не то чтобы Гвинейре так уж хотелось заниматься образованием маори, однако она видела в этом новое поле деятельности для Хелен. Вспомнив подругу, которая по-прежнему была вынуждена гостить у Болдуинов в Крайстчерче, девушка улыбнулась. Говард О'Киф пока что так и не появился, но викарий Честер каждый день повторял, что в этом нет ничего подозрительного. Молодой священник был уверен, что либо новость о прибытии Хелен еще не дошла до ее жениха, либо же Говард не мог покинуть ферму прямо сейчас.

— Что значит «он не может покинуть ферму»? — спросила Хелен. — У него там что, нет прислуги?

На этот вопрос викарий ничего не ответил. Гвин хотелось надеяться, что ее подругу не ждет неприятный сюрприз.

Сама Гвинейра пока что была очень довольна своей новой родиной. Теперь, когда они немного приблизились к горам, ландшафт стал более холмистым и не таким однообразным, однако по-прежнему представлял

собой идеальную местность для разведения овец. Около полудня Джеральд с сияющим лицом сообщил девушке, что они только что въехали на территорию Киворд-Стейшн и теперь передвигались по его собственным угождам. Гвинейре эта земля напоминала Эдемский сад. Здесь было все: море сочной травы, хорошая чистая питьевая вода для животных и даже небольшой тенистый лесок.

— Как я и говорил, здесь еще не вся земля расчищена под пастбища, — объяснил Джеральд, окинув взглядом бескрайние дали. — Но часть леса можно оставить. Тут растут несколько ценных пород деревьев, было бы жаль просто так взять и сжечь их все дотла. Возможно, когда-нибудь мы будем использовать эту древесину, особенно если местная речка окажется пригодной для лесосплава. Но пока мы просто оставим лес нетронутым. Смотри, а вот и наши овцы! В то же время напрашивается вопрос, что они здесь забыли? Их давно уже должны были отогнать на плоскогорье...

Джеральд нахмурил брови. Гвинейра успела достаточно хорошо изучить своего будущего свекра, чтобы понимать: сейчас он думал о том, как наиболее жестоким образом наказать виновных. Обычно Уорден не стеснялся высказывать свои мысли по этому поводу вслух и делал это в самых красочных выражениях, однако сегодня он предпочел сдержаться. Может быть, причина крылась в том, что ответственным за ферму во время отсутствия Джеральда был Лукас? Вероятно, «овечий барон» не хотел очернять сына в глазах его невесты, тем более накануне их первой встречи.

Гвинейра в это время сгорала от нетерпения и любопытства. Ей хотелось поскорее увидеть свой будущий дом, а еще больше — своего будущего мужа. Последние мили пути девушка представляла, как он с улыбкой выходит из главного здания роскошной фермы, примерно такой же, как у Бизли. Тем временем они с Джеральдом уже проезжали первые здания Киворд-Стейшн. Огромную территорию вокруг главного особняка занимали сараи и загоны для овец. Гвинейре это очень понравилось, однако она была удивлена масштабами фермы. В Уэльсе четыре сотни племенных овец ее отца считались довольно большим поголовьем, здесь же количество животных исчислялось тысячами!

— Ну что ж, Гвинейра, теперь мне не терпится услышать, что ты скажешь!

День клонился к вечеру, и губы Джеральда растянулись в радостной улыбке, когда он направил свою лошадь поближе к Игрэн. Кобыла Гвинейры только что свернула с грязной грунтовки на твердую подъездную дорогу, которая проходила мимо небольшого озера и возвышавшегося за ним холма. Через несколько метров путникам открылся вид на главное

здание фермы.

— Вот мы и приехали, леди Гвинейра! — гордо объявил Джеральд. — Добро пожаловать в Киворд-Стейшн!

Гвинейра думала, что она готова к любому сюрпризу, и все же чуть не упала с лошади от удивления. Перед ней в косых лучах солнца посреди бесконечной зеленой равнины на фоне величественных гор возвышался настоящий английский особняк! Конечно же, он был не таким большим, как Силкхэм-Менор, с меньшим количеством башенок и боковых пристроек, и все же это была настоящая усадьба. В сущности, главное здание Киворд-Стейшн выглядело даже красивее, чем родной дом Гвинейры, потому что оно было сразу же тщательно спланировано архитектором, вместо того чтобы множество раз перестраиваться и расширяться, как это происходило с большинством английских домов. Здание, как и говорил Джеральд, было построено из серого песчаника. Посередине дома находился эркер, окна были большими и высокими, перед некоторыми из них виднелись аккуратные балкончики; от главного входа тянулась широкая подъездная аллея с цветочными клумбами, которые, однако, пока не были засажены. Гвинейра решила, что на них будут расти кусты рата. Красные цветы этого растения оживят серый фасад, к тому же за ними будет легко ухаживать.

В остальном же все происходящее казалось Гвинейре красочным сном. Сейчас она наверняка проснется и обнаружит, что никакой игры в блекджек между Джеральдом Уорденом и ее отцом никогда не было. Вместо этого отец добыл ей приданое, продав отару племенных овец какому-то валлийскому дворянину, выдал ее замуж, и теперь она переезжала в один из особняков под Кардифом.

Однако прислуга, которая по английской традиции выстроилась перед домом для встречи хозяина, не совсем вписывалась в представленную Гвинейрой картину. Разумеется, слуги были одеты в ливреи, а служанки носили белые передники и чепцы, однако их кожа была значительно смуглее, чем у англичан, а лица украшали замысловатые татуировки.

— Добро пожаловать, мистер Джеральд! — поприветствовал «овечьего барона» плотный приземистый маори, улыбаясь всем своим широким лицом, ставшим идеальным «полотном» для вытатуированного на нем рисунка. Широким жестом он обвел голубое небо и залитые солнечным светом пастбища. — И добро пожаловать, мисс! Вы видите, сияет *rangi*, небо, от радости, что вы прибыли, и дарит *rara*, земля, улыбку, потому что вы ходите по ней!

Гвинейру до глубины души тронуло это сердечное приветствие. Она

непроизвольно протянула коренастому аборигену руку.

— Это Уити, наш слуга, — представил его Джеральд. — А это наш садовник Хотурапа, горничная Моана и помощница кухарки Кири.

— Мисс... Гва... не... — Моана собралась сделать книксен и вежливо поприветствовать Гвинейру, однако кельтское имя девушки, как оказалось, было для нее произносимым.

— Мисс Гвин, — помогла ей Гвинейра. — Зовите меня просто «мисс Гвин»!

Самой ей было нетрудно запомнить имена маори, и она решила в ближайшее время выучить пару вежливых фраз на их языке.

Значит, это была вся прислуга. Гвинейре показалось, что для такого большого особняка этого явно маловато. А где же Лукас? Разве он не должен был выйти из дома вместе со слугами, чтобы встретить свою невесту, поприветствовать ее и ввести в дом?

— А где... — начала Гвинейра, которой не терпелось познакомиться с будущим мужем, однако ее опередил Джеральд. Похоже, отсутствие Лукаса удивило его не меньше, чем девушку.

— Где там прячется мой сын, Уити? Он мог бы постараться оторвать свою задницу от дивана и выйти сюда, чтобы познакомиться с будущей... э-э-э, я хотел сказать... что мисс Гвин наверняка с нетерпением ожидает, когда он засвидетельствует ей свое почтение...

Слуга улыбнулся.

— Мистер Лукас выехать на лошади, проверять загоны. Мистер Джеймс говорить, кто-то должен одобрять материал, из которого будет новый загон для лошадей. Старый загон очень плохой, лошади убежать. Мистер Джеймс очень сердится. Поэтому мистер Лукас уехать.

— Вместо того чтобы встретить отца и невесту? Хорошенькое начало! — вспыхнул Джеральд.

Гвинейре же такая причина отсутствия Лукаса показалась довольно уважительной. Она бы каждую секунду беспокоилась об Игрэн, если бы ее пришлось оставить в ненадежном загоне. А объезд угодий подходил к образу ее идеального мужчины гораздо лучше, чем бесконечное чтение и игра на фортепьяно.

— Ну что ж, Гвинейра, в таком случае нам остается лишь запастись терпением, — поразмыслив, успокоился и Джеральд. — Может быть, это даже к лучшему. В Англии ты бы тоже не стала знакомиться с будущим супругом в платье для верховой езды и с распущенными волосами...

Сам «овечий барон» считал, что с распавшейся от быстрой езды прической и немного загоревшим на солнце лицом Гвинейра выглядела

изумительно, однако Лукас мог быть совсем иного мнения...

— Кири сейчас покажет тебе твою комнату, а также поможет тебе освежиться, переодеться и уложить волосы. А через час мы все встретимся внизу за чаем. К пяти часам мой сын наверняка вернется домой — он не большой любитель ездить верхом. Так что ваша первая встреча пройдет по всем правилам приличия, как и хотелось бы любой девушке.

Гвинейре, разумеется, хотелось совсем не этого, но она решила покориться неизбежности.

— Может кто-нибудь взять мой чемодан? — спросила девушка, повернувшись к прислуге. — О нет, Моана, для тебя он слишком тяжел. Спасибо, Хотаропа... Хотурапа? Простите, что не сразу запомнила ваше имя. Кстати, как сказать «спасибо» на языке маори, Кири?

Хелен против воли осталась жить у Болдуинов. Какой бы противной ни казалась ей семья священника, другого выхода у молодой женщины не было. Поэтому она старалась не ссориться с Болдуинами и вести себя по возможности дружелюбно. Она сказала преподобному отцу, что может записывать под его диктовку тексты для церковной газеты и относить их в типографию. Миссис Болдуин учительница помогала с покупками и по дому, в частности с шитьем. Кроме этого, она проверяла домашние задания Белинды. Последнее в кратчайшие сроки сделало Хелен объектом жгучей ненависти девушки. Белинде ужасно не нравилось, что ее контролируют, и она не упускала случая пожаловаться матери на нелюбимую гостью. При этом Хелен поняла, как мало, должно быть, в недавно открытой школе Крайстчерча хороших учителей. Она подумывала о том, чтобы устроиться туда на работу, если они с Говардом не поженятся. Однако викарий Честер по-прежнему пытался приободрить девушку, напоминая, что, возможно, пройдет не один день, прежде чем О'Киф узнает о ее прибытии.

— Полагаю, Кендлеры вряд ли станут посылать кого-то к нему на ферму. Скорее всего, они подождут, пока мистер О'Киф приедет за какими-нибудь покупками в Холдон, а это может затянуть дело еще на пару дней. Но когда он узнает, что вы здесь, то сразу же приедет, в этом я не сомневаюсь.

Для Хелен это было очередным поводом для размышлений. За эти дни она уже примирилась с мыслью, что Говард живет не под Крайстчерчем. По всей видимости, Холдон был не предместьем, а самостоятельным и таким же развивающимся городом. К нему Хелен постепенно тоже смогла бы привыкнуть. Но теперь викарий говорил о том, что ферма Говарда находилась далеко за пределами Холдона. Так где же ей придется жить?

Хелен очень хотелось поделиться своими переживаниями с Гвин, которая могла бы, не привлекая особого внимания, выяснить что-нибудь по этому поводу у своего мистера Джеральда. Но Гвин еще вчера отправилась в Киворд-Стейшн. Хелен понятия не имела, где и когда она увидится с подругой в следующий раз.

Однако сегодня днем ее ждало хоть что-то хорошее. Миссис Гоудвинд по всем правилам хорошего тона повторила свое приглашение, и ровно в назначенное время ее экипаж с кучером Джонсом на козлах ждал Хелен перед домом Болдуинов. Джонс радушно улыбнулся учительнице и, как положено, открыл перед ней дверь кареты. Вдобавок к этому кучер заметил, как мило Хелен выглядит в своем новом сиреновом платье. Всю остальную дорогу до дома миссис Гоудвинд он пел хвалебные оды Элизабет.

— Наша миссис стала другим человеком, мисс Дэвенпорт. Вы не поверите. Она как будто молодеет с каждым днем, постоянно смеется и шутит, общаясь с девочкой. А Элизабет такое чудное дитя, она все время старается научиться чему-нибудь новому у моей жены и никогда не бывает в дурном настроении. А как девчушка читает! Господи, я всегда стараюсь найти себе какую-то работу в доме, когда миссис Гоудвинд просит малышку почитать ей вслух. У нее прекрасный голос, и она произносит каждую фразу с выражением, заставляя слушателей все глубже погружаться в историю.

Лекции Хелен о том, как прислуживать и вести себя за столом Элизабет тоже не забыла. Она умело и аккуратно разливала чай по чашкам и подавала к столу выпечку. В новом голубом платье и милом белом чепце девочка выглядела просто обворожительно.

И все же Элизабет не смогла сдержать слез, когда услышала о Мэри и Лори. История с Дафной и Дороти, которую Хелен постаралась преподнести в несколько ином свете, тоже поразила девочку, причем намного сильнее, чем ожидала учительница. Элизабет, конечно, была мечтательницей, но и она выросла на улицах Лондона и понимала, что было нужно Моррисону от своей служанки. Теперь она проливали горячие слезы, представляя, что ожидает Дафну, и молила свою новую госпожу о помощи.

— Мы не можем послать мистера Джонса и забрать Дафну? А близняшек? Пожалуйста, миссис Гоудвинд! Мы обязательно найдем для них какую-то работу. Ведь можно найти какой-то способ вырвать их из лап этих людей!

— К сожалению, нет, дитя, — покачала головой миссис Гоудвинд. —

Они, так же как и я, заключили с сиротским приютом трудовой договор. Поэтому девочки не могут просто так уйти от своих хозяев. А если мы поможем им бежать, то все закончится большими неприятностями. Мне очень жаль, дорогая, но девочкам придется самим бороться за выживание. Хотя после всего, что вы рассказали, — продолжила миссис Гоудвинд, поворачиваясь к Хелен, — я почти не беспокоюсь о малышке Дафне. Она крепкий орешек и сумеет преодолеть любые невзгоды. А вот близняшки... ах, как все это грустно! Налей нам еще чаю, Элизабет. А после мы помолимся за девочек и будем надеяться, что Господь хоть как-нибудь облегчит их участь.

Однако пока Хелен сидела в уютной гостиной миссис Гоудвинд и наслаждалась прекрасным вкусом пирога из пекарни Макларенов, Бог, скорее, решал ее судьбу. Викарий Честер, явно чем-то взволнованный, ожидал учительницу на пороге дома Болдуинов, пока Джонс элегантно помогал ей выбраться из экипажа.

— Где же вы пропадали, мисс Дэвенпорт? Я уже почти потерял надежду представить вас друг другу сегодня. Вы так нарядно одеты, словно чувствовали! А теперь заходите быстрее! В гостиной вас ожидает мистер О'Киф!

Войдя в парадную дверь, Гвинейра оказалась в просторном холле, где гости могли снять верхнюю одежду, а дамы на скорую руку поправить прически. Девушка улыбнулась при виде зеркального шкафа с традиционным серебряным подносом для визитных карточек. Неужели здесь соблюдают подобные формальности? Во-первых, вряд ли кто-нибудь приезжал сюда без предупреждения, тем более незнакомый. А если какому-то заблудшему путнику и случится постучать в двери особняка, то будут ли Лукас и его отец действительно ждать, пока служанка доложит о прибытии незнакомца Уити, а тот, в свою очередь, передаст эту новость хозяину дома? Гвинейра вспомнила фермеров и их жен, которые выбегали из домов лишь для того, чтобы пообщаться с проезжающими мимо незнакомцами, а также нескрываемую радость Бизли, вызванную визитом Джеральда. Никто в этой стране не обменивался визитными карточками и не требовал их от гостей. Да и маори вряд ли были знакомы с этим английским обычаем. Гвинейра спросила себя, смог ли Джеральд объяснить его суть Уити.

За холлом находилась пока что довольно скромно меблированная гостиная — еще одна заимствованная составляющая традиционного британского особняка. Здесь гости могли в уютной обстановке ожидать, пока хозяин дома закончит неотложные дела и спустится к ним. Камин и

буфет с чайным сервизом уже были установлены в комнате, а подходящие к ним по стилю кресла и диван должны были доставить вместе с остальным багажом Джеральда. Гвинейра подумала, что все это будет смотреться очень мило, но для чего тут вообще нужна подобная гостиная, она не понимала.

Служанка-маори по имени Кири быстро провела девушку в полностью готовый салон, обставленный тяжелой английской мебелью. Если бы в одной из его стен не находились большие застекленные двери, ведущие на широкую террасу, он бы казался почти мрачным. Так или иначе, эта комната была оформлена не по последней моде; мебель и ковры в ней имели скорее старинный, антикварный вид. Может, они составляли часть приданого матери Лукаса? Если так, то ее семья была очень состоятельной. Но об этом и так было нетрудно догадаться. Да, вероятно, Джеральд был успешным овцеводом, а в прошлом — отчаянным моряком и, несомненно, самым талантливым карточным шулером, которого когда-либо видели в селениях китобоев, но чтобы построить в глуши такой особняк, как Киворд-Стейшн, требовалось намного больше денег, чем можно было заработать на овцах или китобойном промысле. И, разумеется, немалую роль сыграло наследство миссис Уорден.

— Идти, мисс Гвинейра? — с дружелюбным, но немного обеспокоенным видом спросила Кири. — Я вас должна помогать, но еще делать чай и подавать. Моана не очень хорошо подавать чай, лучше, если мы вернемся раньше, а то она ронять чашка.

Гвинейра засмеялась. Учитывая собственный печальный опыт сервировки, она могла спокойно простить Моане такую неловкость.

— Сегодня чай буду разливать я, — объяснила Гвин удивленной девушке. — Старая английская традиция. Мне приходилось упражняться в этом годами. Это относится к одним из умений, необходимых, чтобы выйти замуж.

Кири удивленно наморщила лоб.

— Вы готовый для мужчины, если уметь делать чай? Для нас важно, чтобы уже хоть раз был кровь...

Гвинейра покраснела до корней волос. Как Кири могла настолько спокойно говорить о самом интимном? С другой стороны, в глубине души Гвинейра была бы рада узнать об этом побольше. Ежемесячные кровотечения у женщин были одной из главных предпосылок брака не только для девушек маори, но и для благородных английских леди. Гвинейра вспомнила, как ее мать вздохнула, когда у девушки впервые пошли месячные.

— Ах, дитя, — сказала она, — вот и тебя настигло это проклятие. Пора нам с отцом начинать подыскивать тебе мужа.

Но как все это было связано, девушка до сих пор не понимала. Гвинейре с трудом удалось сдержать истерический смех, когда она представила, что бы случилось с леди Силкхэм, если бы дочь начала задавать ей подобные вопросы. Когда Гвин однажды попыталась сравнить кровотечения у женщин с течкой своей собаки, матери стало дурно и она послала служанку за нюхательными солями, а потом целый день не выходила из своей комнаты.

Гвинейра оглянулась и посмотрела на Клео, которая, как всегда, следовала за хозяйкой по пятам. Кири присутствие животного в доме, похоже, казалось странным, однако она ничего не сказала по этому поводу.

Из салона навстречу, к покоям членов семьи, вела широкая массивная лестница. К удивлению Гвинейры, отделка ее комнат была практически полностью закончена.

— Комнаты должны быть для жена мистера Джеральда, — объяснила Кири. — Но она потом умереть. Комнаты всегда пустой. Но теперь мистер Лукас приготовить их для вас!

— Эти комнаты приготовил для меня мистер Лукас? — удивленно спросила Гвинейра.

— Да, — кивнула Кири. — Он выбрать мебель на складе и послать за... как это правильно называть? Простыни для окна?..

— Гардины, Кири, — подсказала Гвинейра, которая все еще не могла отойти от удивления.

Мебель покойной миссис Уорден была сделана из светлого дерева, а ковры выполнены в приглушенных розовых, бежевых и голубых тонах. К ним Лукас — или кто-то другой — подобрал нежные шелковые занавески цвета чайной розы с бежево-синей каймой, которыми элегантно задрапировал окна и широкую кровать. Постельное белье состояло из белоснежных наволочек и простыней, а мягкое голубое покрывало придавало комнате особый домашний уют. Рядом со спальней располагались гардеробная и небольшая гостиная, отделка которой также свидетельствовала о прекрасном художественном вкусе оформителя. В ней находились несколько маленьких кресел, чайный столик и шкафчик для шитья. На каминной полке, как и в большинстве английских домов, были расставлены серебряные рамочки, подсвечники и вазы. В одну из рамок был вставлен дагерротипический снимок стройной светловолосой женщины. Гвинейра взяла его в руки, чтобы рассмотреть поближе. Джеральд не преувеличивал: его покойная супруга была настоящей

красавицей.

— Вы теперь переодеваться, мисс Гвин? — спросила девушку Кири, тем самым поторопив ее.

Гвинейра кивнула и вместе со служанкой-маори начала распаковывать свой чемодан. Полная благоговения перед дорогими тканями, Кири аккуратно доставала из него вечерние и дневные наряды Гвинейры.

— Так красиво, мисс Гвин! Такой мягкий и гладкий платя! Но вы худой, мисс Гвин. Слишком худой. Нехорошо для роды!

Похоже, служанка привыкла обо всем говорить без обиняков. Гвинейра со смехом объяснила ей, что она такая худая не от природы, а благодаря корсету. А для шелкового платя, которое она выбрала для сегодняшнего вечера, его нужно было затянуть еще туже. Гвинейра показала служанке, как это делается. Кири старалась изо всех сил, но страх от того, что она может причинить новой хозяйке боль, не позволял девушке справиться с этой задачей.

— Ничего страшного, Кири, я к этому привыкла, — вздохнула Гвинейра. — Как любила повторять моя мама, красота требует жертв.

На этот раз служанка ее поняла и со смущенной улыбкой прикоснулась к своему татуированному лицу.

— А, это как токи, да? Только каждый день.

Гвинейра кивнула. По сути, Кири была права. Старания английских леди добиться осиной талии были такой же неестественной и болезненной процедурой, как нанесение татуировок на лицо маори. Здесь, в Новой Зеландии, Гвин собиралась немного отойти от некоторых английских привычек и обычаев. Во-первых, нужно было приказать одной из служанок перешить ее платя, немного расширив их в талии, чтобы ей больше не приходилось каждый день мучиться с корсетом. А когда она забеременеет...

Кири ловко помогла хозяйке надеть голубое шелковое платя, а вот с прической ей пришлось повозиться. Распутать, а затем аккуратно уложить кудри Гвинейры было нелегкой задачей. К тому же Кири, похоже, делала это в первый раз. В конце концов Гвин самой пришлось помогать служанке, и, хотя результат их совместных усилий получился далеко не идеальным и наверняка заставил бы Хелен схватиться за голову, девушка была уверена, что выглядит замечательно. Большую часть рыжих локонов Гвинейры им с Кири все-таки удалось заколоть, а пара выбившихся прядей, которые теперь обрамляли лицо девушки, делали его черты еще более мягкими и женственными. Кожа Гвин во время поездки немного загорела и приобрела золотистый оттенок, а глаза блестели от предвкушения встречи с будущим супругом.

— Мистер Лукас уже приехал? — спросила она Кири.

Девушка пожала плечами. Откуда ей было знать? Она ведь провела все это время в комнате Гвинейры.

— А какой мистер Лукас, Кири?

Гвинейра знала: будь здесь леди Силкхэм, она бы строго отчитала дочь за подобный вопрос. Настоящая леди не должна позволять слугам сплетничать о хозяевах, а тем более самой подстегивать их к этому! Но Гвинейра никак не могла сдержать свое любопытство.

Кири одновременно пожала плечами и подняла брови, что выглядело немного комично.

— Мистер Лукас? Не знаю. Он *pakeha*. Для меня все одинаковый.

Вероятно, девушку еще никогда не спрашивали о каких-то особых качествах ее работодателя. Заметив разочарованное лицо Гвинейры, служанка задумчиво наморщила лоб.

— Мистер Лукас... милый. Никогда кричать, никогда злой. Милый. Только немножко худой.

2

Хелен не знала, чем обернется ее встреча с Говардом О'Кифом, но понимала, что оттягивать ее не имело смысла. Девушка, взволнованная предстоящей встречей, торопливо разгладила складки на платье и провела рукой по волосам. Снять шляпку или оставить? В прихожей миссис Болдуин было зеркало, и Хелен робко взглянула на свое отражение, прежде чем направиться к ожидавшему ее мужчине. Он в это время сидел на диване спиной к Хелен, поскольку мягкий гарнитур миссис Болдуин был обращен к камину. Таким образом, Хелен удалось выкроить пару секунд, чтобы украдкой оценить свой внешний вид, прежде чем находящиеся в комнате люди заметят ее присутствие. Фигура Говарда О'Кифа показалась ей массивной и напряженной. Он неловко пытался удержать маленькую тонкостенную чашечку из чайного сервиза миссис Болдуин в своих больших жилистых руках.

Хелен уже собиралась тихонько кашлянуть, чтобы привлечь внимание жены пастора и ее посетителя. Однако в это мгновение миссис Болдуин обернулась и сама увидела учительницу. Жена пастора улыбнулась своей обычной деланной улыбкой, однако радость в ее голосе показалась Хелен искренней.

— А вот и она, мистер О'Киф! Видите, я была права, когда сказала, что она скоро придет. Идите сюда, мисс Дэвенпорт! Я хочу вам кое-кого

представить, — почти лукаво произнесла она.

Хелен сделала несколько шагов к дивану. Мужчина так резко вскочил с него, что чуть не смел чайный сервиз со стола.

— Мисс... э-э-э, Хелен?

Хелен подняла глаза на своего будущего мужа. Говард О'Киф был высоким и крупным мужчиной — не толстым, но с широкой костью. Черты его лица тоже были довольно грубыми, но не отталкивающими. Загорелая жесткая кожа свидетельствовала о многолетней работе под открытым небом. Она была покрыта глубокими морщинами, усиливающими любое выражение лица, на котором сейчас застыло удивление, смешанное с восторгом. В серо-голубых глазах О'Кифа читалась немая похвала: Хелен ему явно понравилась. Самой учительнице первым делом бросились в глаза волосы мужчины — темные, густые и аккуратно подстриженные. Вероятно, перед первой встречей с будущей женой он решил заглянуть к цирюльнику. Однако от нее не укрылось, что у Говарда уже появились небольшие залысины. Он был явно старше, чем думала Хелен.

— Мистер... мистер О'Киф... — глухо выдавила она и сразу же захотела вклеить себе за это пощечину. В конце концов, он сразу назвал ее «мисс Хелен», почему же она не решилась сказать ему «мистер Говард»?

— Я... э-э-э... Ну, вот вы и здесь! — неожиданно для Хелен промолвил Говард. — Это... э-э-э, знаете ли, стало для меня сюрпризом.

Хелен задумалась, не скрывалось ли в этой реплике осуждение. Она покраснела.

— Да... видите ли, просто так сложились обстоятельства... Но я... я рада, что мне представилась возможность познакомиться с вами лично.

Она протянула Говарду руку. Он взял ладонь Хелен в свою и обменялся с ней крепким рукопожатием.

— Я тоже рад. Мне жаль, что вам пришлось ждать.

Ах, вот что он имел в виду! Хелен, облегченно вздохнув, улыбнулась.

— Ничего, мистер Говард. Мне сказали, что вы, скорее всего, не сразу узнаете о моем приезде. Но теперь вы наконец-то здесь.

— Да, теперь я здесь...

Говард ответил ей улыбкой, и его лицо сразу стало более мягким и привлекательным. Однако, впечатленная утонченным стилем письма, полученного от Говарда, Хелен ждала более содержательной беседы. А он, судя по всему, был стеснительным человеком. Хелен решила, что ей следует проявить инициативу и попытаться немного разговорить будущего супруга.

— А откуда именно вы приехали, мистер Говард? Я думала, Холдон

расположен под Крайстчерчем. Но это, по всей видимости, другой город. А ваша ферма, вероятно, находится за его пределами...

— Холдон находится у озера Бенмор, — объяснил Говард, как будто Хелен что-то говорило это название. — Не знаю, можно ли его назвать городом. Но там есть пара магазинов, где можно купить все самое важное. То, без чего не обойтись.

— А как далеко отсюда до Холдона? — спросила Хелен и самой себе показалась глупой. Она сидела здесь с мужчиной, за которого собиралась выйти замуж, и разговаривала с ним о расстояниях между селениями и магазинами.

— Если на экипаже, то около двух дней, — поразмыслив, ответил Говард.

Хелен предпочла бы ответ в милях, но ей не хотелось переспрашивать. В разговоре возникла неловкая пауза.

— А как... прошло ваше путешествие?

Хелен облегченно вздохнула. Наконец-то ей задали вопрос, отвечая на который она могла что-либо рассказать. Женщина вкратце описала Говарду свою поездку с девочками.

— Хм. Да, путь сюда неблизкий... — кивнул Говард.

Хелен надеялась, что сейчас О'Киф расскажет что-нибудь о своих путешествиях, но он снова замолчал.

К счастью, в эту минуту к ним присоединился викарий. Пока он приветствовал Говарда, у Хелен появилась возможность перевести дыхание и получше рассмотреть своего жениха. Одежда фермера была простой, но чистой. Он носил кожаные бриджи, в которых ему наверняка не раз приходилось скакать верхом, и вощеную куртку, надетую поверх белой рубашки. Крупная ременная пряжка из латуни была едва ли не единственной дорогой составляющей его гардероба. Кроме того, О'Киф носил на шее серебряную цепочку, к которой был прикреплен какой-то зеленый камень. Поза Говарда до этого была зажатой и неуверенной, но с появлением Честера он немного раскрепостился и расправил плечи, а в его взгляде появилось что-то самодовольное. Движения фермера стали раскованными и почти плавными.

— Может быть, вы расскажете мисс Хелен что-нибудь о вашей ферме? — попытался помочь ему викарий. — О животных, о доме...

О'Киф пожал плечами.

— Хороший дом, мисс. Очень крепкий. Я сам его строил. А животные... ну, у нас есть мул, лошадь, корова, несколько кур... и, конечно же, овцы. Около тысячи.

— Это... это довольно много, — заметила Хелен, ужасно сожалея, что пропускала мимо ушей рассказы Гвинейры об овцеводстве. Она напрочь забыла, какое поголовье овец было у мистера Джеральда.

— Это не много, мисс, но со временем их станет больше. Земли для них хватает, поэтому ферма, надеюсь, будет расти. Так что... как и где мы это сделаем?

Хелен наморщила лоб.

— Что сделаем, мистер Говард? — удивленно спросила она, поправляя выбившуюся из прически прядь волос.

— Ну... — Говард смущенно перекладывал из руки в руку чашку. — Поженимся...

Наконец-то Кири, с разрешения Гвинейры, направилась в сторону кухни, чтобы помочь Моане. Последние минуты перед чаепитием Гвин решила посвятить более тщательному осмотру своих комнат. Они были оформлены безупречно: все, вплоть до туалетных принадлежностей на столике в гардеробной, подчинялось общему стилю. Гвинейра с восхищением рассматривала гребни и щетки с рукоятками из слоновой кости. Мыло пахло розой и тимьяном и наверняка было изготовлено не новозеландскими аборигенами — скорее всего, его привезли из Крайстчерча или из самой Англии. Приятный аромат исходил и от вазы с засушенными цветочными лепестками, которая стояла в гостиной. Гвинейра не сомневалась: даже такая идеальная хозяйка, как ее мать или сестра Диана, не могли бы оформить эти комнаты лучше, чем... Лукас Уорден? Гвинейре не верилось, что всю эту красоту мог создать мужчина!

Тем временем любопытство девушки достигло предела. Она сказала себе, что вовсе не обязательно ждать до самого чаепития; возможно, Джеральд и Лукас уже давно сидят в салоне. Гвинейра пробиралась по устланном роскошными коврами коридорам к главной лестнице, когда услышала возбужденные голоса, которые доносились откуда-то снизу.

— Ты можешь объяснить, почему тебе так срочно понадобилось осматривать пастбища? — сердито спрашивал Джеральд. — Это что, не могло подождать до завтра? Малышка, чего доброго, подумает, что тебе вообще нет до нее дела!

— Прости, отец. — Голос Лукаса прозвучал спокойно и вежливо. — Но мистер МакКензи очень настаивал. И это действительно требовало срочного решения. Лошади сломали ограду загона уже в третий раз...

— Лошади что? — закричал Джеральд. — Три раза проламывали ограду? Это значит, что мои работники три дня занимались лишь тем, что

ловили разбежавшихся коней? Почему ты не уладил это дело раньше? Ведь мистер МакКензи наверняка сразу же предложил починить загон, не так ли? И раз уж мы коснулись этой темы, то скажи мне, почему в Литтелтоне не был подготовлен загон для овец? Если бы не твоя будущая жена и ее собаки, мне бы пришлось целую ночь в одиночку охранять животных!

— У меня было много работы, отец. Мне нужно было успеть закончить портрет мамы для гостиной. И позаботиться о комнатах леди Гвинейры...

— Лукас, когда ты наконец поймешь, что твои картины, в отличие от лошадей, от тебя никуда не убегают? А что касается комнат Гвинейры... ты занимался их оформлением? — Судя по интонации, Джеральд был удивлен не меньше самой девушки.

— А кто еще мог ими заняться? Одна из служанок-маори? Тогда бы Гвинейра, пожалуй, обнаружила там только пальмовые циновки, разложенные вокруг открытого костра! — Теперь голос Лукаса тоже звучал немного раздраженно. Ровно настолько, насколько мог себе это позволить джентльмен в приличном обществе.

— Ну хорошо, — вздохнул Джеральд. — Будем надеяться, что Гвинейра оценит твою заботу. А теперь давай прекратим этот спор, она может появиться с минуты на минуту...

Гвинейра сочла эту фразу руководством к действию. С расправленными плечами и высоко поднятой головой она начала медленно спускаться по лестнице. В таком торжественном выходе девушка часами упражнялась для своего первого бала. Теперь плоды ее тренировок нашли хоть какое-то применение.

Мужчины в гостиной, как и следовало ожидать, прекратили беседу. На фоне темной лестницы, словно нарисованная на холсте, возникла изящная, облаченная в голубой шелк фигура Гвинейры. Нежное лицо девушки сияло, а ниспадающие на плечи локоны в свете стоявших в гостиной канделябров отливали золотом и медью. На губах Гвинейры играла робкая улыбка. Девушка скромно опустила веки, что, однако, не мешало ей посматривать на сидящих внизу мужчин из-под длинных рыжих ресниц. Она просто обязана была увидеть Лукаса, прежде чем их официально представят друг другу.

Но то, что увидела Гвинейра, чуть не заставило ее выйти из роли сдержанной английской леди. Больше всего ей сейчас хотелось широко распахнуть глаза и с открытым ртом уставиться на этот идеальный экземпляр мужчины.

Описывая Лукаса, Джеральд не преувеличивал его достоинств. Сын

«овечьего барона» был воплощением джентльмена и к тому же редким красавцем. Молодой человек был высоким, намного выше Джеральда, стройным и мускулистым. В его фигуре не было ничего от долговязости юного Баррингтона или бессильной хрупкости викария Честера. Лукас Уорден, без сомнения, занимался спортом, хотя и не настолько много, чтобы превратиться в широкоплечего атлета. Его узкое лицо с правильными точеными чертами казалось одухотворенным и, прежде всего, благородным. Гвинейре вспомнились статуи греческих богов, которые стояли вдоль аллеи, ведущей в розарий Дианы. Четко очерченные губы Лукаса были не слишком большими и чувственными, но и не узкими, а из-под длинных густых ресниц на Гвинейру взирали глаза такого чистого серого цвета, который она, пожалуй, видела впервые в жизни. В большинстве случаев серые глаза отливали голубым, у Лукаса же они словно были нарисованы смесью черной и белой красок. Белокурые, слегка выющиеся волосы юноши были острижены довольно коротко — в соответствии с последней модой, царившей в лондонских салонах. Одет Лукас был просто и элегантно; для этой встречи он выбрал серый костюм-тройку из дорогой ткани и блестящие черные полуботинки.

Когда Гвинейра ступила на порог гостиной, молодой человек улыбнулся ей, что сделало его лицо еще более привлекательным. Однако глаза Лукаса оставались серьезными.

Подойдя к девушке, он поклонился и обхватил ее ладонь своими длинными тонкими пальцами, чтобы запечатлеть на ней формальный поцелуй.

— Миледи... Я очарован вашей красотой.

Говард О'Киф озадаченно посмотрел на Хелен. Вероятно, он не понимал, почему его вопрос лишил молодую женщину дара речи.

— Что значит... поженимся? — наконец-то выдавила она. — Я... я думала...

Хелен продолжала нервно сжимать в пальцах выбившуюся из ее прически прядь волос.

— А я думал, что вы приехали, чтобы выйти за меня замуж, — сказал Говард, и его лицо приобрело немного рассерженное выражение. — Значит, мы друг друга неправильно поняли?

— Нет, ну конечно же, нет, — поспешила ответить Хелен. — Просто это так неожиданно. Мы ведь... совсем ничего друг о друге не знаем. Об... обычно мужчина сначала ухаживает за своей бу... будущей супругой, а потом...

— Мисс Хелен, отсюда до моей фермы два дня верховой езды! — сурово произнес Говард. — Неужели вы всерьез ожидаете, что я буду еще несколько раз предпринимать такую поездку лишь для того, чтобы подарить вам букет цветов? Что касается меня, то мне нужна жена. Я увидел вас, и вы мне понравились...

— Спасибо, — заливаясь краской, пробормотала Хелен.

Говард пропустил эту реплику мимо ушей.

— С моей стороны все предельно ясно. Миссис Болдуин сказала мне, что вы заботливая женщина и хорошая хозяйка, и это мне тоже нравится. Больше мне ничего знать не надо. Если у вас еще есть ко мне вопросы — пожалуйста, я с радостью на них отвечу. Но затем нам нужно будет обсудить все... э-э-э... формальные стороны. Нас будет венчать преподобный отец Болдуин, верно? — спросил фермер у викария Честера, который поспешил кивнуть в ответ.

Хелен лихорадочно думала, о чем ей следует спросить Говарда. Что необходимо знать о человеке, за которого собираешься выйти замуж? В конце концов она решила начать с его семьи.

— Вы родом из Ирландии, мистер Говард?

— Да, мисс Хелен, — ответил О'Киф. — Из Коннемары.

— А ваша семья?..

— Мои родители — Ричард и Бриди О'Кифы, кроме меня у них есть еще пятеро детей... или даже больше, не знаю, я рано уехал из дома.

— Потому что у вашей семьи было недостаточно земли, чтобы прокормить стольких детей? — осторожно осведомилась Хелен.

— Можно и так сказать. Как бы там ни было, мне не оставили выбора.

— О... Я искренне сочувствую вам, мистер Говард! — Хелен подавила желание утешительно положить руку ему на плечо. Разумеется, это и были те жизненные невзгоды, о которых он писал в своих письмах.

— И вы сразу же отправились в Новую Зеландию?

— Нет, перед этим мне пришлось немало... э-э-э... поскитаться...

— Да, я могу себе представить, — сказала Хелен, хотя понятия не имела, куда мог отправиться отвергнутый собственной семьей подросток.

— Но ответьте, за все это время... за все это время вы ни разу не задумывались о женитьбе? — снова краснея, поинтересовалась Хелен.

О'Киф пожал плечами.

— Там, где я зарабатывал себе на кусок хлеба, было не так уж много женщин, мисс. Поселения китобоев и охотников на тюленей... Только однажды... — С этими словами лицо фермера немного смягчилось.

— Да, мистер Говард? Простите, я могу показаться вам бестактной и

назойливой... ноя... — Хелен очень хотелось увидеть какое-то проявление чувств, чтобы понять, каким человеком был Говард О'Киф.

Губы фермера растянулись в широкой усмешке.

— Ничего, мисс Хелен. Вы ведь хотите лучше меня узнать. Ну, собственно говоря, здесь практически не о чем рассказывать. Она вышла замуж за другого... что, возможно, является одной из причин, по которым я хочу побыстрее уладить это дело сейчас. Ну, я имею в виду нашу свадьбу...

Хелен была тронута. Значит, это была не бесчувственность, а вполне простительные опасения, что она тоже может бросить его, как и девушка, которую он однажды полюбил. И хотя Хелен до сих пор не понимала, как этот неразговорчивый, сурового вида мужчина мог писать такие красивые письма, теперь ей казалось, что она понимает его немного лучше. Говард О'Киф был трудолюбивым и порядочным мужчиной.

Но хотела ли она так сразу стать его женой? Хелен лихорадочно обдумывала, какие альтернативы у нее есть, если она откажется прямо сейчас выходить замуж за Говарда. Оставаться у Болдуинов она больше не сможет; они явно не поймут, почему она тянет с решением и кормит О'Кифа «завтраками». Да и сам Говард воспримет просьбу о времени на размышление как отказ и, скорее всего, больше не придет. И что потом? Работа в местной школе, где, между прочим, никто не гарантировал ей предоставления места? Учить таких детей, как Белинда Болдуин, и медленно превращаться в старую деву? Такой судьбы Хелен хотелось меньше всего. Конечно, Говард оказался не совсем таким, каким она его себе представляла, но он был прямым и честным мужчиной, предлагал ей дом и новую родину, хотел завести семью и усердно работал, чтобы развивать свою ферму. Требовать большего она от него не могла.

— Хорошо, мистер Говард. Но вы должны дать мне хотя бы один-два дня на подготовку. Ведь свадьба... — начала Хелен.

— Разумеется, мы устроим небольшой праздник! — со слащавой улыбкой перебила ее миссис Болдуин. — Вы ведь наверняка хотите, чтобы на вашей свадьбе присутствовали Элизабет и другие оставшиеся в Крайстчерче девушки. Ваша подруга мисс Силкхэм, конечно, уже уехала...

Говард нахмурил лоб.

— Силкхэм? Уж не эта ли из благородных? Гиневра Силкхэм, которая собирается выйти замуж за сына старого Уордена?

— Гвинейра, — поправила фермера Хелен. — Именно эта. Мы подружились во время путешествия.

О'Киф повернулся к молодой женщине, и его еще недавно дружелюбное лицо побагровело от ярости.

— Чтобы раз и навсегда поставить точку в этом деле, мисс Хелен, я должен сказать, что никогда не позволю принимать в своем доме кого-то из дома Уорденов! До конца своих дней! Да и вы держитесь от этой семейки подальше! Старый Уорден — вор и мошенник, а молодой — тряпка! Что касается этой девицы, то, видимо, она не намного лучше, иначе бы не позволила себя купить! Как по мне, все это отродье следовало бы стереть с лица земли! Так что не смейте приводить ее на мою ферму! Я, конечно, не такой богатый, как старый Уорден, но из ружья стреляю не хуже его!

Гвинейра уже два часа поддерживала светскую беседу, что утомило ее гораздо больше, чем если бы она провела это время и седле или тренируя собак. Лукас Уорден одна за другой касался всех тем, говорить о которых Гвинейру учили в гостинной ее матери, и в то же время предъявлял к своей невесте гораздо более высокие требования, чем леди Силкхэм.

При этом начиналось все довольно мирно и хорошо. Разлить чай Гвинейре удалось элегантно и по всем правилам — несмотря на то, что у нее продолжали дрожать пальцы. Вид Лукаса произвел на девушку слишком большое впечатление. Однако постепенно ее сердцебиение вернулось к привычному ритму. В конце концов, юный джентльмен больше не давал ей повода для подобного волнения. Он не пытался одаривать Гвинейру чувственными взглядами, словно бы невзначай прикоснуться к ее руке, когда они — совершенно случайно — одновременно тянулись к сахарнице, или посмотреть ей в глаза хоть на секунду дольше, чем того требовали правила приличия. Всю беседу взгляд Лукаса, как и рекомендовалось в учебниках по этикету, покоился на мочке левого уха Гвинейры и оживал лишь изредка, когда юноша касался какой-нибудь особо интересной для него темы.

— Я слышал, вы играете на фортепьяно, леди Гвинейра. Над чем вы работаете в последнее время?

— О, моя игра на фортепьяно слишком несовершенна. Я играю только для развлечения, мистер Лукас. Я... боюсь... у меня совсем нет музыкального таланта...

Гвинейра смущенно подняла взгляд и с притворным сожалением нахмурила брови. Большинство мужчин закрыло бы эту тему каким-нибудь рядовым комплиментом. Но не Лукас.

— Я не верю в это, миледи. Если вам нравится играть, у вас наверняка есть способности. Я уверен, что все, что мы делаем с радостью, рано или поздно принесет прекрасные плоды. Вы знаете «Нотную тетрадь» Баха? Менуэты и танцы — это именно то, что вам подойдет! — И молодой

человек улыбнулся.

Гвинейра тщетно пыталась вспомнить, кто написал этюды, которыми ее мучила мадам Фабиан. Однако имя Баха она уже где-то слышала. Кажется, он писал церковную музыку...

— Значит, глядя на меня, вы вспоминаете хоралы? — с лукавой улыбкой спросила она, надеясь превратить разговор в обмен дружескими подтруниваниями и комплиментами, что удавалось ей гораздо лучше глубокомысленных бесед об искусстве и культуре. Однако Лукас, кажется, вовсе не заметил игривого тона девушки.

— Почему бы и нет, миледи? Хоралы должны передавать ликование ангелов, восхваляющих Господа. И кому, как не вам, столь прекрасному созданию, воспевать Творца? При этом в музыке Баха меня особенно очаровывает почти математическое построение композиции в сочетании с неоспоримо глубокой религиозностью. Конечно же, в полной мере прочувствовать красоту этой музыки можно только в соответствующих ей помещениях. Я бы многое отдал за то, чтобы поприсутствовать на органном концерте в одном из больших кафедральных соборов Европы! Это...

— ...непередаваемо, — решила вклиниться в монолог Гвинейра.

Лукас с энтузиазмом кивнул.

После музыки он начал восхищаться современной литературой, в особенности произведениями Бельвер-Литтона, на что получил от Гвин комментарий «весьма поучительно», а затем перешел к своей любимой теме — живописи. При этом молодой человек восхищался как мифологическими мотивами художников эпохи Ренессанса («Поражающая возвышенность!» — прокомментировала Гвин), так и неповторимой игрой света и тени на полотнах Веласкеса и Гойи.

— Свежо, — симпровизировала девушка, которая никогда не слышала этих имен.

После двух часов подобной беседы Лукас, похоже, был в восторге от своей невесты, Джеральд неприкрыто зевал от скуки, а Гвинейра думала лишь о том, под каким предлогом можно было уйти из гостиной. В конце концов она приложила кончики пальцев к вискам и с извиняющимся видом посмотрела на мужчин.

— Боюсь, у меня начинает болеть голова. Такая продолжительная поездка верхом, а теперь еще и жар камина... Мне нужно немного подышать свежим воздухом...

Гвинейра поднялась с дивана. Лукас тут же мгновенно вскочил на ноги.

— Конечно, вам следует полежать и отдохнуть перед ужином. Это моя вина! Из-за столь увлекательной беседы мы слишком затянули чаепитие.

— На самом деле я бы с большей радостью прогулялась, — сказала Гвинейра. — Недалеко, только до конюшен и обратно, чтобы заодно

посмотреть на свою лошадь.

Клео уже радостно прыгала вокруг хозяйки. Она тоже успела заскучать. Радостный лай овчарки заставил усталого Джеральда оживиться.

— Тебе тоже следует пойти, Лукас, — сказал он сыну. — Покажи мисс Гвин стойла и проследи, чтобы пастухи не одаривали ее похотливыми взглядами.

Лукас, вспыхнув, покосился на отца.

— Я попросил бы не употреблять таких выражений в присутствии леди...

Гвинейра попыталась придать своему лицу смущенное выражение. В действительности ей хотелось найти какой-нибудь предлог, чтобы избавиться от сопровождения Лукаса.

К счастью, молодой человек и сам сомневался в этой затее.

— Не знаю, отец. Тебе не кажется, что такая прогулка выходит за рамки приличия? — спросил он. — Не думаю, что нам с леди Гвинейрой следует идти в конюшню вдвоем, без всякого сопровождения...

Джеральд пренебрежительно фыркнул.

— В конюшнях сейчас, вероятно, не менеелюдно, чем в пабе! В такую погоду пастухи наверняка сидят там в тепле и играют в карты!

Ближе к вечеру над Киворд-Стейшн начал моросить дождь.

— Именно поэтому мне и не нравится твое предложение, отец. Ведь завтра утром все на ферме будут сплетничать о том, что хозяйева, нарушая всякие приличия, уединяются в конюшне, чтобы... — Лукас осекся на полуслове. Похоже, молодому человеку было неприятно от одной только мысли, что он может стать объектом подобных пересудов.

— О, не стоит беспокоиться, я прекрасно справлюсь одна! — быстро сказала Гвинейра. Работников она несколько не боялась. Девушке удалось добиться уважения пастухов на ферме отца, а значит, удастся и тут. А их грубая речь сейчас была для нее в сотни раз приятнее, чем продолжение возвышенной беседы с таким джентльменом, как Лукас. По дороге в конюшню он, чего доброго, начнет выпытывать у Гвин, каковы ее предпочтения в архитектуре. — Конюшню я тоже найду.

По правде говоря, Гвинейре хотелось послать кого-нибудь из служанок за пальто, однако она предпочла как можно быстрее попрощаться и покинуть гостиную, пока Джеральду не пришло па ум очередное предложение.

— Мне было очень при... приятно поговорить с вами, мистер Лукас, — с улыбкой заверила она будущего супруга. — Увидимся за ужином?

Лукас кивнул и поклонился девушке.

— Разумеется, миледи. Он будет сервирован в столовой через час с лишним.

Гвинейра бежала сквозь дождь. Она старалась не думать, как сейчас выглядит ее шелковое платье. А ведь всего несколько часов назад небо было таким ясным! Но да, дождь здесь тоже был необходим. Без него бы не росла трава. Влажный климат Новой Зеландии прекрасно подходил для выращивания овец, к тому же Гвинейра привыкла к подобной погоде еще в Уэльсе. Правда, там ей не приходилось бегать в элегантных нарядах по грязи; на ферме ее отца все дорожки, ведущие к хозяйственным постройкам, были вымощены булыжником. В Киворд-Стейшн до этого дело еще не дошло: мощеным был лишь подъезд к парадному входу главного здания. Если бы это зависело от Гвинейры, она бы первым делом велела выложить камнем площадку перед конюшнями, а не роскошную, но редко использовавшуюся подъездную аллею. Но у Джеральда, по всей видимости, были другие приоритеты, а у Лукаса и подавно. Молодой Уорден уже наверняка планировал разбить за домом огромный розарий...

Гвинейра обрадовалась, увидев, что внутри конюшни горит яркий свет: пока еще она не знала, где здесь можно найти переносный фонарь. Теперь, когда девушка подошла еще ближе, откуда-то изнутри деревянного здания стали слышны мужские голоса. Очевидно, здесь и в самом деле грелись пастухи.

— Блек-джек, Джеймс! — с радостным смехом закричал один из них. — Выворачивай карманы, дружище! Сегодня я отыграю у тебя твое жалованье.

Нужно поторопиться, пока мужчины не начали играть на что-нибудь другое, подумала Гвинейра, сделала глубокий вдох и толкнула дверь конюшни. Открывшийся ее взору проход вел налево к стойлам, а с правой стороны расширялся, переходя в каретный сарай, где вокруг костра сидели пятеро мужчин. Все они имели довольно грубый вид и мылись в последний раз, скорее всего, еще вчера. Одни из них носили бороды, другие не брились по меньшей мере дня три. У ног высокого стройного мужчины с загоревшим и немного угловатым, но улыбчивым лицом, свернувшись клубочком, лежали три из привезенных Джеральдом овчарок.

Другой мужчина протянул ему бутылку виски.

— Вот, утешься!

Следовательно, это и был Джеймс, который только что проиграл в карты.

Русоволосый богатырь, который снова начал тасовать колоду, случайно

поднял глаза и увидел Гвинейру.

— Эй, парни, здесь что, завелись привидения? Обычно я вижу таких красивых леди только после второй бутылки виски!

Мужчины громко рассмеялись.

— Какая все-таки красавица явилась в наш скромный приют! — заплетающимся языком сказал мужчина, который только что протягивал проигравшему бутылку виски. — Просто... просто ангел!

В конюшне раздался новый взрыв смеха.

Гвинейра не знала, что ответить на такой комплимент.

— Ну-ка, угомонитесь, вы совсем ее смутили! — вмешался в разговор самый старший из мужчин, который в это время набивал свою трубку. Очевидно, он был еще трезв. — Это не ангел и не призрак, а юная леди из Англии! Мистер Джеральд привез ее сюда, чтобы она и мистер Лукас... ну вы сами знаете! — Он захихикал.

Гвинейра решила взять инициативу в свои руки.

— Гвинейра Силкхэм, — представилась она. Девушка была готова поздороваться за руку с каждым из работников, но никто из них, похоже, не собирался подниматься со своего места. — Я всего лишь хотела посмотреть на свою лошадь.

Клео тем временем осмотрелась в конюшне, поздоровалась с юными овчарками и, помахивая хвостом, начала бегать от одного мужчины к другому, но затем замерла возле Джеймса, который, ловко нагнувшись, погладил ее по голове.

— А как зовут эту юную леди? Роскошная овчарка! Я уже слышан о ней, как и о подвигах ее хозяйки при перегоне овец черед Брайдл-Пас. Позвольте представиться, Джеймс МакКензи.

Молодой человек встал и протянул Гвинейре руку. При этом он пристально посмотрел на нее своими большими карими глазами. Волосы незнакомца были почти такого же цвета, что и глаза, густые пряди немного растрепались, как будто он, нервничая, хватался за них во время карточной игры.

— Эй, Джеймс! Можешь даже не пытаться! — поддразнил его один из работников. — Ты же слышал, она принадлежит молодому хозяину!

МакКензи закатил глаза.

— Не слушайте этих негодяев, их манеры хуже, чем у любого аборигена. Тем не менее все они крещенные христиане: Энди Мак-Эрон, Дейв О'Тул, Харди Кеннон и Покер Ливингстон. Последний также весьма недурно играет в блек-джек...

Покером звали русоволосого, Дейвом — мужчину с бутылкой, а Энди

— темноволосого крепыша, который выглядел значительно старше первых двоих. Самым молодым из всей компании, похоже, был Харди, который сегодня выпил слишком много виски и, раскинувшись, спал на полу.

— Мне жаль, что мы все уже немного навеселе, — прямодушно сказал МакКензи. — Но когда сам мистер Джеральд посылает бутылку в честь своего возвращения домой...

Гвинейра улыбнулась.

— Ничего страшного. Только потом не забудьте затушить огонь. Не думаю, что мистер Джеральд обрадуется, если в честь его возвращения вы устроите здесь пожар.

Тем временем Клео начала прыгать вокруг МакКензи, который сразу же снова нагнулся, чтобы ее погладить. Гвин вспомнила, что мужчина спрашивал, как зовут овчарку.

— Это Клеопатра Силкхэм. А малышей зовут Дейзи Силкхэм, Дорит Силкхэм, Дина Силкхэм, Дэффи Силкхэм, Даймон Силкхэм и Дансер Силкхэм.

— Ого, значит, мы имеем дело с настоящими аристократами! — с деланным испугом воскликнул Покер. — Теперь нам нужно каждый раз им кланяться? — С этими словами мужчина дружелюбно, но решительно отпихнул от себя Дансера, который уже собирался попробовать на вкус его карты.

— Кланяться вам следовало начать уже тогда, когда сюда привели мою лошадь, — невозмутимо ответила Гвинейра. — Ее родословная намного длиннее, чем у всех нас, вместе взятых.

Джеймс МакКензи засмеялся.

— Надеюсь, мне не нужно каждый раз называть животных их полными именами? — лукаво сверкнув глазами, спросил он.

Во взгляде Гвинейры тоже зажегся плутоватый огонек.

— Что касается Игрэн, то вам придется выяснить это самому, — сказала она. — А вот моя собака совсем не гордая. Она отзывается на имя Клео.

— А на какое имя отзывается вы? — спросил МакКензи, с удовольствием, но вовсе не пошло рассматривая фигуру Гвинейры.

Девушка вздрогнула. Она промокла под дождем и теперь начинала мерзнуть. МакКензи сразу же это заметил.

— Подождите, я дам вам что-нибудь. Уже почти лето, но на улице все еще прохладно. — Он потянулся за непромокаемым плащом. — Вот, держите, мисс...

— ...Гвин, — сказала Гвинейра. — Большое спасибо. А где сейчас моя

лошадь?

Игрэн и Мэдок стояли в чистых стойлах с полными яслями, однако, увидев Гвинейру, кобыла начала нетерпеливо перебирать ногами. Медленная утренняя поездка нисколько не утомила выносливую Игрэн, и ей не терпелось снова оказаться под седлом.

— Мистер МакКензи, — сказала Гвинейра, — завтра утром я бы с радостью объездила свою кобылу, но мистер Джеральд считает, что юной даме неприлично совершать конные прогулки в одиночку. Мне не хотелось бы никого утруждать, но, возможно, вы позволите мне сопровождать вас и ваших людей во время какой-то работы? При осмотре пастбищ, например? Мне также хотелось бы показать вам, как следует тренировать молодых собак. У них хорошие природные способности для работы с овцами, но с помощью пары несложных приемов вам удастся намного улучшить их навыки.

МакКензи с сожалением покачал головой.

— Мы бы, разумеется, с радостью приняли ваше предложение, мисс Гвин. Но на завтра мне уже приказано оседлать двух лошадей для вашей прогулки с мистером Лукасом. Он покажет вам ферму. Это ведь намного лучше, чем объезжать угодья вместе с парой невымытых пастухов, не правда ли? — усмехнулся Джеймс.

Гвин растерялась, не зная, что сказать в ответ, и — что еще хуже — она не знала, что думает по этому поводу. Наконец девушка взяла себя в руки.

— Какая приятная новость, — промолвила она.

3

Лукас Уорден был хорошим наездником, хотя верховая езда и не входила в число его любимых занятий. Молодой джентльмен легко и правильно держался в седле, уверенно сжимал в руках поводья и умел удерживать лошадь рядом со своей спутницей, чтобы иметь возможность поболтать во время прогулки. Однако, к большому удивлению Гвинейры, у Лукаса Уордена не было своей лошади, и он не горел желанием испытать нового жеребца, которого купил его отец, в то время как Гвин не терпелось сесть на Мэдока с тех пор, как она впервые увидела его. Но пока что ей этого не позволяли, утверждая, что даме не пристало ездить на жеребце. При этом Мэдок был куда спокойнее своенравной кобылы Гвинейры, хоть и не привык к дамскому седлу. Однако в этом отношении Гвинейра была настроена оптимистично. Пастухи, которые ввиду отсутствия конюха по

очереди выполняли его обязанности, не имели никаких представлений о приличиях. Поэтому сегодня утром Лукасу пришлось напомнить удивленному МакКензи о том, что на кобылу Гвинеиры нужно надеть боковое седло. Для себя молодой человек велел оседлать одну из домашних лошадей, которые были намного крупнее, но легче уэльских кобов. Большинство из них казались довольно резвыми, но выбор Лукаса пал на самое спокойное животное.

— Так я смогу помочь миледи, если она попадет в затруднительное положение и не сможет справиться с собственной лошастью, — объяснил он озадаченному Джеймсу.

Гвинеира закатила глаза. Случись ей и вправду во время прогулки столкнуться с трудностями, Игрэн скроется за горизонтом раньше, чем Лукас успеет ускорить своего спокойного белого жеребца до галопа. Однако этот аргумент был знаком девушке из учебников по этикету, и поэтому она сделала вид, что ценит заботу Лукаса. Сам объезд Киворд-Стейшн Гвинеиры понравился. Лукас болтал с ней об охоте на лис и очень удивился ее участию в соревнованиях среди дрессированных собак.

— Мне кажется, что это довольно... э-э-э... нетрадиционное занятие для юной леди, — мягко упрекнул он Гвинеиру.

Девушка закусила губу. Неужели Лукас уже сейчас пытался ее опекал? В таком случае нужно сразу умерить его пыл.

— Вам придется смириться с этим, — холодно заметила она. — В конце концов, это в такой же степени нетрадиционно, как и согласиться выйти замуж за человека, живущего на другом краю земли. Особенно когда ты даже не знакома со своим будущим супругом.

— Туше! — улыбнулся Лукас, но затем снова напустил на себя серьезный вид. — Я тоже вынужден признаться, что сначала не вполне одобрил поступок отца. Однако здесь действительно непросто найти себе достойную невесту. Поймите меня правильно: Новая Зеландия не была заселена каторжниками, как Австралия, большинство здешних колонистов — весьма порядочные люди. Однако практически всем им... как бы это сказать... не хватает класса, образования, манер... Поэтому я считаю, что мне очень повезло, когда я согласился на эту нетрадиционную помолвку, благодаря которой получил столь очаровательную и необычную невесту! Могу ли я надеяться, что тоже соответствую всем вашим требованиям к будущему супругу, Гвинеира?

Гвин кивнула и попыталась улыбнуться.

— Я была приятно удивлена, обнаружив здесь такого безупречного джентльмена, как вы, — сказала она. — Во всей Англии мне не удалось бы

найти более образованного и воспитанного супруга.

Это было чистой правдой. В кругах валлийского поместного дворянства, где вращалась Гвинейра и ее семья, конечно, встречались образованные молодые люди, однако в гостиных намного чаще разговаривали о скачках, чем о кантатах Баха.

— Конечно же, нам стоит ближе узнать друг друга, прежде чем определиться с датой свадьбы, — продолжил Лукас. — В конце концов, этого требуют правила приличия, о чем я вчера сказал отцу. Он бы с радостью назначил торжество уже на послезавтра.

Сама Гвинейра считала, что они уже вдоволь наговорились, но, конечно же, согласилась с Лукасом и сделала вид, будто безумно рада предложению заглянуть сегодня после обеда в его ателье.

— Разумеется, сейчас я всего лишь рядовой, незначительный художник, но надеюсь, что однажды смогу подняться немного выше этого уровня, — объяснил Лукас, в то время как они с Гвинейрой медленной рысью проезжали между пастбищами, где сама девушка уже давно пустила бы Игрэн галопом. — В настоящее время я работаю над портретом матери, который собираюсь повесить в главной гостиной. К сожалению, мне приходится писать его по дагерротипам, поскольку я почти не помню маму. Она умерла, когда я был еще совсем маленьким. Однако в процессе работы над портретом детские воспоминания постепенно возвращаются и у меня возникает ощущение, что мы с мамой становимся ближе. Это в высшей степени интересный опыт. Ваш портрет я бы тоже с радостью написал, мисс Гвинейра!

Девушка поблагодарила Лукаса и с неохотой согласилась ему позировать. Перед отъездом отец заказал ее портрет, и девушка чуть не умерла со скуки, часами высиживая в одной позе перед художником.

— Больше всего мне не терпится услышать ваше мнение по поводу моих работ! В Англии вы наверняка посетили множество галерей и гораздо лучше осведомлены о последних течениях в мире живописи, чем мы здесь, на другом краю земли!

Гвинейра надеялась лишь на то, что ей удастся выжать из себя пару подходящих слов. По сути, девушка использовала свой обычный запас комментариев еще вчера, но вполне возможно, что картины вдохновят ее на что-нибудь новенькое. По правде говоря, она пока не видела ни одной художественной галереи изнутри, а новые направления в искусстве были ей совершенно безразличны. Семья Силкхэмов, как и семьи их соседей и друзей, в течение веков украшали свои стены множеством картин. Обычно на них были изображены предки и лошади, а мастерство художника

оценивалось только по одному признаку — «сходству». Такие понятия, как «направление света» и «перспектива», о которых Лукас мог говорить часами, Гвинейра слышала впервые.

Зато ее очаровывали пейзажи, мимо которых они проезжали верхом. Утром над Киворд-Стейшн стоял туман; но теперь, когда солнце поднялось выше, туман полностью рассеялся, как будто природа сделала девушке особый подарок. Конечно, Лукас не стал подъезжать слишком близко к горам, на отрогах которых свободно паслись овцы, но местность вокруг самой фермы тоже была изумительно красивой. В озере отражались плывущие по небу облака, а скалистые островки посреди выгонов выглядели так, словно только что пробились сквозь травяной ковер, и напоминали зубы громадного хищника или армию окаменелых великанов, которые в любую секунду могли снова ожить и броситься в атаку.

— Вы не помните историю, где герой сеет на поле камни, из которых затем вырастают солдаты для его войска? — спросила Гвинейра.

Лукас пришел в восторг от такой широкой эрудиции своей невесты.

— Однако это были не камни, а зубы дракона, — поправил он девушку. — Согласно древнегреческой мифологии, Ясон посадил их в землю, а выросшая наутро армия железных воинов поднялась против него. Ах, как же приятно бывает поговорить с людьми, которые получили классическое образование и находятся на одном культурном уровне с тобой, вы не находите?

Гвинейра скорее вспомнила каменные круги, расположенные на территории Уэльса, о которых ее няня любила рассказывать невероятные истории. Если девушке не изменяла память, с их помощью кельтским жрицам удалось заколдовать римских солдат или что-то в этом роде. Но такая история наверняка показалась бы Лукасу недостаточно классической.

Между серыми валунами паслись овцы из огромного поголовья Киворд-Стейшн — недавно обьягнившиеся овцематки. Гвинейра пришла в восторг от вида хорошеньких ягнят. Однако Джеральд был прав: кровь уэльских горных могла еще больше улучшить качество их шерсти.

Лукас удивленно поднял брови, когда Гвинейра объяснила, что этих овец в ближайшее время должен покрыть баран из Уэльса.

— Разве в Англии принято, чтобы юные леди... так... так откровенно... говорили о... размножении животных? — осторожно спросил он.

— А как мне еще о нем говорить? — В сознании Гвинейры овцеводство и правила приличия никак не соприкасались между собой. Она, конечно, понятия не имела, каким образом дети появлялись в утробе женщин, но то, как покрывают овец, девушка наблюдала не раз, и никто

никогда не говорил ей, что в этом есть что-то неприличное.

Лукас слегка покраснел.

— Ну... это ведь... довольно щекотливая тема... Разве дамам пристало ее обсуждать?

Гвинейра пожала плечами.

— Моя сестра Лариса разводит вест-хайленд-терьеров, а моя вторая сестра — розы. Они говорят об этом целыми днями. Так почему же мне нельзя говорить об овцах?

— Гвинейра! — воскликнул Лукас, заливаясь краской. — Ах, давайте просто-напросто забудем об этой теме. Это действительно неприлично, особенно в нашем с вами необычном положении! Уж лучше понаблюдать за играми ягнят. Разве они не прелестны?

Гвинейра привыкла оценивать ягнят скорее с точки зрения выхода шерсти, но, как и все новорожденные животные, они, конечно же, были очень милыми. Она согласилась с Лукасом и не стала спорить, когда он сразу же после этого предложил направиться обратно к дому и таким образом потихоньку завершить конную прогулку.

— Думаю, вы увидели достаточно и теперь можете самостоятельно ориентироваться на территории Киворд-Стейшн, — сказал он, помогая Гвинейре спуститься с остановившейся перед конюшней Игрэн. За эти слова девушка была готова простить Лукасу все его странности. Очевидно, он был вовсе не против того, чтобы его невеста совершала конные прогулки в одиночку! Во всяком случае он не затронул тему «компаньонки» — может быть, потому, что пролистнул эту главу в учебнике по этикету или потому что даже представить себе не мог, что у юной девушки возникнет желание самостоятельно скакать по полям.

Как бы там ни было, Гвинейра сразу же решила воспользоваться этим. Не успел Лукас отойти в сторонку, как девушка поспешила обратиться к старшему из пастухов:

— Мистер Мак-Эрон, завтра утром я собираюсь проехаться одна. Пожалуйста, к десяти часам подготовьте для меня нового жеребца... и наденьте на него седло мистера Джеральда!

Свадьба Хелен с Говардом О'Кифом вышла вовсе не такой уж скромной, как поначалу предполагала девушка. Чтобы не проводить венчание в пустой церкви, преподобный отец Болдуин решил совместить его с воскресным богослужением, в результате чего перед Хелен и Говардом выстроился довольно длинный ряд поздравителей. Мистер и миссис Макларен позаботились об угощении для гостей, а миссис Гоудвинд

прислала цветы для украшения церкви, которые она с помощью Элизабет собрала в роскошные букеты. Мистер и миссис Макларен нарядили Розмари в воскресное платье нежно-розового цвета, в котором она рассыпала перед женихом и невестой лепестки цветов и при этом сама выглядела как маленький розовый бутончик. Мистер Макларен исполнял обязанности шафера, а Элизабет и Белинда Болдуин сопровождали Хелен в качестве подружек невесты.

Хелен надеялась, что благодаря воскресной службе сможет увидеться и с другими девочками, но ни одна из живущих далеко от Крайстчерча семей на нее не явилась. Хозяев Лори тоже нигде не было видно. Хелен была обеспокоена, но не хотела портить этот торжественный день печальными мыслями. Она наконец-то пришла в себя после новости о столь спешной свадьбе и твердо решила, что постарается устроить все как можно лучше. За последние два дня она получше присмотрелась к Говарду, поскольку он остался в городе и заходил к Болдуинам по несколько раз в день. Вспышка гнева, которую вызвало у него упоминание о семье Уорденов, сначала неприятно удивила и даже напугала Хелен, но когда разговор не касался этой темы, Говард казался ей довольно спокойным и уравновешенным человеком. Он использовал вынужденную задержку в Крайстчерче, чтобы сделать все необходимые покупки для своей фермы, а значит, его финансовые дела шли более-менее хорошо. В выходном костюме из серого твида, который он надел на венчание, Говард имел вид преуспевающего человека, несмотря на то что наряд этот был явно не по погоде и заставлял мужчину постоянно потеть.

Сама Хелен была одета в нежно-зеленое летнее платье, которое она еще в Лондоне мысленно «назначила» свадебным. Разумеется, белое кружевное платье смотрелось бы на невесте красивее и торжественнее, однако девушка посчитала его покупку легкомысленным расточительством. В конце концов, роскошное шелковое подвенечное платье она уже больше нигде не смогла бы надеть. Блестящие волосы Хелен сегодня были распущены и свободно спадали ей на плечи — прическа, на которую миссис Болдуин то и дело неодобрительно косилась. Однако миссис Макларен и миссис Гоудвинд настояли, чтобы Хелен появилась на свадьбе именно в таком виде. Они лишь зачесали спадающие на лицо пряди назад, закрепили их с помощью красивой повязки и украсили волосы невесты цветами. Хелен и сама считала, что еще никогда в жизни не была такой красивой, а обычно неразговорчивый Говард даже расщедрился на комплимент:

— Вы выглядите... э-э-э, прелестно, Хелен.

Хелен вертела в руках его письма, которые она по-прежнему всегда носила с собой. Когда же он наконец-то раскрепостится и повторит эти красивые слова, глядя ей в глаза?

Само венчание получилось очень торжественным. Преподобный отец Болдуин оказался превосходным оратором, умевшим заставить общину слушать его речи с открытыми ртами. Когда он говорил о любви, которая должна сопровождать супругов «в горе и в радости», все женщины в церкви прослезились, а мужчины зашмыгали носами. Однако ложкой дегтя в бочке меда для Хелен оказался выбор свидетельницы. Сама невеста хотела, чтобы в ее роли выступила миссис Гоудвинд, однако миссис Болдуин решила, что свидетельницей Хелен должна стать она, а отказать жене преподобного отца было бы очень невежливо. Зато свидетелем был викарий Честер, который казался женщине в высшей степени милым молодым человеком.

Говард приятно удивил Хелен тем, что произнес торжественную клятву уверенно, твердым голосом и без запинки, взирая на стоящую рядом невесту почти нежным взглядом. Самой Хелен не удалось сделать это так же красиво — посреди клятвы она расчувствовалась и начала всхлипывать.

Однако затем раздались звуки органа, община запела, и, выходя из церкви под руку с мужем, Хелен почувствовала себя безгранично счастливой. На улице молодоженов уже поджидала толпа поздравителей.

Хелен поцеловала Элизабет и обнялась с плачущей миссис Макларен. К ее большому удивлению и радости, здесь также оказалась миссис Бизли и все семейство О'Хара, хотя последние вовсе не принадлежали к англиканской церкви. Одновременно смеясь и плача, Хелен пожимала руки знакомым, пока перед ней не осталась одна молодая женщина, которую она видела в первый раз. Хелен оглянулась на Говарда — возможно, женщина была его знакомой? Однако ее супруг уже разговаривал со священником. Последнюю поздравительницу он, по всей видимости, даже не заметил.

Хелен улыбнулась незнакомке.

— Я знаю, это не очень-то вежливо, и все же... вы не могли бы напомнить мне, откуда я вас знаю? В последнее время на меня столько всего навалилось, и я...

Женщина дружелюбно кивнула новобрачной. С детским лицом, невысокого роста, хрупкого телосложения, она обладала непримечательной внешностью. Тонкие светлые волосы незнакомки были аккуратно заправлены под белый чепец, а скромное платье представляло собой обычный выходной наряд местной домохозяйки.

— Вам вовсе не нужно извиняться, поскольку мы не знакомы, —

сказала женщина. — Я лишь хотела представиться, так как... у нас с вами есть кое-что общее. Меня зовут Кристина Лоример. Я была первой.

— Первой в чем? — удивленно спросила Хелен. — Давайте пройдем в тень. Миссис Болдуин накрыла для нас в доме небольшой стол с закусками.

— Я ни в коем случае не хочу навязываться, — быстро проговорила миссис Лоример. — Просто я, можно сказать, ваша предшественница. Я первой приехала из Англии, чтобы выйти замуж за члена местной общины.

— Как интересно! — удивилась Хелен. — А я думала, что первая я. Мне сказали, что на объявление пока никто больше не откликнулся, к тому же я приехала сюда без окончательного соглашения.

Молодая женщина кивнула.

— Я тоже, в той или иной степени. Я не отвечала на объявление. Но мне исполнилось двадцать пять, и у меня просто не было шансов выйти замуж в Англии. Кто бы взял меня в жены без приданого? Я жила с семьей брата, которую ему с трудом, но удавалось как-то прокормить. Я пыталась помочь ему, работая швеей, однако не очень преуспела в этом деле. Я плохо вижу, поэтому на фабриках мне постоянно отказывали. Затем моему брату и его жене пришла в голову мысль переехать из Англии сюда. Но что было делать со мной? И тогда мы решили написать письмо местному священнику. О том, не найдется ли в Кентербери порядочного христианина, который ищет себе жену. Ответ пришел от некой миссис Бреннан. Очень бойкий ответ с множеством вопросов. Она хотела знать обо мне все. Видимо, мои ответы ей понравились, потому что после этого я получила письмо от мистера Томаса Лоримера. И что вам сказать — я сразу же в него влюбилась!

— Правда? — спросила Хелен, которой ужасно не хотелось признаваться, что с ней произошло практически то же самое. — В письмо?

— О да! — захихикала миссис Лоример. — Оно было таким красивым! Я до сих пор еще помню некоторые строки: «Да, я мечтаю о женщине, которая была бы готова соединить свою судьбу с моей. Я молю Бога о любящем чутком существе, сердце которого способны смягчить эти слова».

Глаза Хелен распахнулись от удивления.

— Но... но ведь это из моего письма! — взволнованно воскликнула она. — Именно эти строки написал мне Говард! Я не могу поверить в то, что вы мне рассказываете! Это что, злая шутка?

Маленькая женщина смутилась.

— О нет, миссис О'Киф! Я ни в коем случае не хотела вас обидеть! Я ведь не знала, что они снова это провернули!

— Что провернули? — спросила Хелен, хотя уже и сама начала догадываться, о чем сейчас пойдет речь.

— Ну, всю эту историю с письмами, — продолжила Кристина Лоример. — Мой Томас — прекрасный душевный человек. Лучшего мужа я себе не могу пожелать, правда. Но он столяр, а не оратор. Он не умеет произносить красивые речи и писать романтические письма. Он говорил, что много раз пытался, но ни одно из писем ко мне не показалось ему достойным отправки. Ему ведь хотелось тронуть мое сердце, понимаете. Вот поэтому он и обратился... к викарию Честеру.

— Значит, письма писал викарий Честер? — спросила Хелен, не зная, плакать ей или смеяться. Теперь все стало на свои места: безукоризненный каллиграфический почерк, характерный для священнослужителя, прекрасно подобранные выражения и полное отсутствие практической информации, которое сразу же бросилось в глаза Гвинейре. А также неприкрытая заинтересованность маленького викария в удачном исходе помолвки.

— Никогда бы не подумала, что они снова отважатся на такое! — сказала миссис Лоример. — Потому что, узнав обо всем, я, конечно же, устроила им обоим основательную головомойку.

О, мне так жаль, миссис О'Киф! Я лишила вашего Говарда шанса признаться вам во всей этой истории самому. Но теперь уж я возьмусь за этого викария Честера! Он от меня такое услышит!

Кристина Лоример круто развернулась и решительно направилась прочь, оставив Хелен в глубоком раздумье. Кем был мужчина, за которого она только что вышла замуж? Действительно ли викарий Честер лишь помогал Говарду выразить свои чувства на бумаге или фермеру, в принципе, было все равно, чем заманивать будущую супругу на другой конец света?

Мысль о том, что скоро она узнает ответ на этот вопрос, скорее пугала, чем радовала Хелен.

Повозка уже восемь часов тряслась по неровным грунтовым дорогам. Хелен казалось, что это поездка не закончится никогда. В довершение ко всему бесконечные равнины нагоняли на женщину тоску. Уже больше часа они ехали по пустынной местности, где не было ни одного дома. Кроме того, повозка, на которой Говард вез свою новоиспеченную жену, ее вещи и свои покупки, сделанные в Крайстчерче, была, пожалуй, самым неудобным транспортным средством, на котором когда-либо приходилось ездить Хелен. Спина молодой женщины болела от сидения на жестких досках, а

непрерывно моросящий дождь вызывал у нее головную боль. Говард никак не пытался облегчить жене поездку, и даже не пробовал отвлечь ее разговорами. За последние полчаса он не проронил ни слова и лишь изредка покрикивал на гнедую лошадь и серого мула, которые тащили повозку.

Поэтому Хелен располагала уймой времени, чтобы углубиться в раздумья, которые, увы, были не очень веселыми. При этом история с письмами была самой меньшей из ее проблем. Говард и викарий вчера вместе извинились за этот небольшой обман, считая его вполне простительным прегрешением. Ведь все закончилось как нельзя лучше: Хелен получила мужа, а Говард — жену. Более неприятной была новость, которую женщина услышала вчера вечером от Элизабет. Миссис Болдуин ничего не рассказала Хелен — возможно, из-за стыда или чтобы не беспокоить ее, но Белинда не могла удержать язык за зубами и проболталась Элизабет, что маленькая Лори уже на второй день работы убежала от Лэвендеров. Конечно же, ее быстро нашли и строго отчитали, но следующим вечером девочка снова попыталась бежать. На этот раз ее не просто отругали, но и высекли розгами. А теперь, после третьей попытки бегства, девочка сидела запертой в чулане.

— На хлебе и воде! — с драматизмом закончила историю Белинда.

Этим утром, перед отъездом, Хелен заговорила с преподобным отцом о Лори, и священник, разумеется, пообещал ей, что позаботится о девочке. Но сдержит ли он свое обещание, когда Хелен будет далеко и не сможет каждый день напоминать ему о его обязанностях?

А потом, конечно же, этот отъезд с Говардом. Прошлую ночь Хелен по-прежнему провела в одиночестве на своей кровати в доме Болдуинов. О том, чтобы привести мужа в дом священника, не могло быть и речи, а номер в гостинице Говард не мог или не хотел себе позволить.

— У нас впереди еще целая жизнь, — заявил он и неуклюже поцеловал Хелен в щеку. — Так что не стоит жалеть об одной ночи.

При этих словах Хелен, с одной стороны, почувствовала облегчение, а с другой, была немного разочарована. Во всяком случае, сама она бы предпочла уют гостиничного номера подстилке из одеял в фургоне телеги, на которой им с Говардом, вероятно, придется ночевать в дороге. Хелен положила свою самую красивую ночную сорочку сверху других вещей в дорожной сумке, но где она могла надеть, а затем снова снять ее, девушке было не совсем понятно. Кроме того, уже несколько часов моросил дождь, и ее одежда, как и одеяла, наверняка отсырела. Что бы ни ожидало Хелен этой ночью, такие условия не способствовали тому, чтобы ей это

понравилось!

Несмотря на все опасения Хелен, ночевать на импровизированной постели в фургоне ей не пришлось. Перед самым наступлением темноты, когда женщина до смерти устала и хотела лишь одного — чтобы телега наконец-то перестала трястись, Говард остановил ее перед скромным фермерским домиком.

— У этих людей мы сможем переночевать, — сказал он, по-рыцарски помогая Хелен слезть с повозки. — Со стариной Уилбуром мы знакомы еще с Порт-Купера. Как видишь, он тоже женился и поселился в этих местах.

В доме раздался лай собаки, и Уилбур с женой вышли на улицу, чтобы посмотреть, кто приехал.

Узнав Говарда, невысокий мускулистый мужчина что-то прокричал и бросился его обнимать. Затем товарищи стали хлопать друг друга по спине и вспоминать прошлые совместные приключения. Со стороны казалось, что они были готовы прямо здесь, на дожде, откупорить первую бутылку и начать праздновать встречу.

Хелен беспомощно повернулась к женщине. К ее облегчению, она искренне и дружелюбно улыбнулась.

— Вы, должно быть, новоиспеченная миссис О'Киф! Мы померить не могли, когда слышали, что Говард собирается жениться! Не стойте на пороге, проходите в дом. Вы, наверное, ужасно замерзли. А чего стоит тряска в этой колымаге... вы ведь из Лондона, так ведь? Наверняка привыкли к более удобным экипажам! — Женщина расхохоталась, как будто ее последнее замечание было сказано в шутку. — Меня зовут Маргарет.

— Хелен, — представилась Хелен.

Похоже, здешние жители не придавали слишком большого значения формальностям. Маргарет была чуть выше своего мужа, более худой и выглядела немного удрученной. Одета она была в изношенное и покрытое множеством заплат серое платье. Обстановка фермерского дома, в который она завела Хелен, была довольно простой: столы и стулья из грубо сколоченных досок и открытый камин, также использующийся в качестве очага. Однако еда, которая уже начинала закипать в большом казанке, пахла очень даже аппетитно.

— Вам повезло, я сегодня зарезала курицу, — сказала Маргарет. — Не самую молодую, но суп из нее должен получиться приличный. Подсаживайтесь к огню, Хелен, чтобы немного обсохнуть. Вот кофе, да и

глоток виски у меня для вас, пожалуй, найдется.

Хелен озадаченно посмотрела на фермершу. Молодая учительница еще никогда в жизни не пила виски, но для Маргарет в этом предложении, похоже, не было ничего необычного. Она подала Хелен эмалированную кружку, наполненную крепким черным кофе, который, наверное, целую вечность держали у огня. Хелен не осмелилась попросить сахара или молока, но Маргарет сама услужливо поставила и то, и другое на стол перед гостьей.

— Берите побольше сахара, он пробуждает желание жить. И немного виски!

Алкоголь не ухудшил вкус кофе, а скорее даже наоборот. С сахаром и молоком его вполне можно было пить. К тому же виски помогало прогнать из головы печальные мысли и расслабить ноющие мышцы. С такой точки зрения его можно было воспринимать как лекарство. Поэтому Хелен не стала отказываться, когда Маргарет предложила подлить ей еще немного.

Когда куриный суп был готов, все вокруг в глазах Хелен выглядело немного размытым. Она наконец-то согрелась, и освещенная огнем комната начала казаться ей уютной. Если ей придется в первый раз пережить то, о чем не принято говорить в приличном обществе, это, наверное, будет не так уж плохо.

После супа настроение Хелен улучшилось. Еда была замечательной, однако после нее девушку начало клонить в сон. Хелен сейчас бы с радостью отправилась в постель, хотя Маргарет, по всей видимости, хотелось еще немного поболтать с гостьей.

Говарду, очевидно, тоже не терпелось поскорее закончить ужин. Он вместе с Уилбуром осушил несколько стаканов виски и громко расхохотался, когда последний предложил ему перекинуться в картишки.

— Нет уж, старина, как-нибудь в другой раз. На сегодня у меня запланировано кое-что поинтереснее, и это самым тесным образом связано с прекрасной женщиной, прилетевшей в мои объятия из самой Англии!

Говард галантно поклонился Хелен, которая тотчас же залилась краской.

— В общем, где мы можем уединиться? Это ведь... так сказать... наша первая брачная ночь!

— О, нам следовало осыпать вас рисом! — воскликнула Маргарет. — Но я ведь не знала, что вы только-только обвенчались! К сожалению, не могу предложить вам нормальную кровать. Но в хлеву полно свежего сена, на нем вам будет мягко и тепло. Подождите, я сейчас дам вам простыни и одеяла, ведь ваши, должно быть, совсем отсырели под дождем. И фонарь,

чтобы вам было хоть что-то видно... хотя в первый раз большинство предпочитает делать это в темноте. — Фермерша захихикала.

Хелен была в ужасе. Неужели ей придется провести первую брачную ночь в хлеву?

Корова добродушно замычала, когда Хелен и Говард — она с охапкой простыней и одеял, а он с фонарем в руках — вошли внутрь. В хлеву было относительно тепло. Кроме животных Говарда здесь находились корова и три лошади. Их крупные тела немного согревали помещение, но в то же время наполняли его не самым приятным запахом. Хелен расстелила полученные от Маргарет одеяла на куче сена. Неужели с тех пор, как она жаловалась даже на отдаленное соседство с лошадьми, прошло всего три месяца? Гвинейре бы вся эта история показалась довольно веселой. Хелен же, по правде сказать, не испытывала ничего, кроме страха.

— Где... здесь можно раздеться? — робко спросила она.

— Жена, ты что, совсем глупая? — нахмурил лоб Говард. — Конечно, я сделаю все, чтобы тебя согреть, но это не место для кружевных рубашечек! Ближе к утру здесь станет намного холоднее, к тому же в сене наверняка водятся блохи. Лучше останься в платье.

— Но... но если мы...

Хелен стала пунцовой.

Говард довольно захохотал.

— Предоставь это мне! — сказал он и как ни в чем не бывало стал расстегивать пряжку на ремне. — А теперь живо под одеяло, а то замерзнешь. Помочь тебе расшнуровать корсет?

Очевидно, Говарду не раз приходилось оказывать женщинам подобную услугу. И он, в отличие от Хелен, не казался робким или растерянным — напротив, на лице фермера было написано радостное предчувствие. Однако женщина стыдливо отклонила его предложение. Справиться со шнуровкой она могла и сама. Но перед этим нужно было расстегнуть платье. Довольно нелегкая задача, учитывая, что пуговицы располагались сзади. Хелен вздрогнула, почувствовав на спине прикосновение мужских пальцев. Говард ловко расстегивал одну пуговицу за другой.

— Так лучше? — спросил он, изобразив на лице подобие улыбки.

Хелен кивнула. Ей хотелось лишь одного — чтобы эта ночь поскорее закончилась. И все же новоиспеченная жена фермера с отчаянной решимостью опустила на покрытое простынями сено. Она выполнит свой долг перед мужем, что бы ее ни ждало. Улегшись на спину, Хелен закрыла глаза и натянула на себя одеяло. Вытащив пояс из брюк, Говард

скользнул к ней. Хелен ощутила на своем лице его губы. Муж целовал ее щеки и губы. Ну что ж, это она разрешала ему и прежде. Но затем Говард попытался просунуть свой язык ей в рот. Хелен тотчас же оцепенела и почувствовала огромное облегчение, когда фермер заметил реакцию жены и оставил ее лицо в покое. Вместо этого он поцеловал шею Хелен, стащил ее платье и корсет вниз и начал неуклюже ласкать нежную кожу декольте.

Хелен боялась даже вздохнуть, в то время как дыхание Говарда становилось все более частым и хриплым. Казалось, еще немного — и он начнет задыхаться. Хелен спрашивала себя, нормально ли это, и до смерти испугалась, когда муж просунул руку ей под юбку.

Возможно, на более удобной постели это было бы не так больно. С другой стороны, не исключено, что уютная домашняя обстановка только усилила бы страдания девушки. Здесь же все происходящее казалось ей дурным сном. В хлеву было совсем темно, и одеяла вместе с задранными пышными юбками Хелен закрывали ей вид на то, что делал Говард. Однако ощущать это было не менее страшно! Фермер просунул ей между ног что-то твердое, пульсирующее и живое. Оно было ужасно пугающим и противным и причиняло ей боль. Хелен закричала, когда почувствовала, как что-то внутри нее разорвалось. Она заметила, что из раны сочится кровь, но Говард, казалось, не собирался прекращать ее мучить. Он словно обезумел, стонал, ритмично вжимал женщину в сено и, кажется, даже наслаждался этим процессом. Хелен пришлось изо всех сил стиснуть зубы, чтобы не закричать от боли. Затем она почувствовала волну теплой жидкости, а спустя пару мгновений Говард обмяк, повалившись на нее. Все закончилось. Фермер сполз с Хелен и немного отодвинулся от нее. Его дыхание все еще было учащенным, однако довольно быстро успокоилось. Хелен тихо всхлипывала, поправляя смятые юбки.

— В следующий раз будет уже не так больно, — утешил жену Говард и неловко поцеловал ее в щеку.

Похоже, он был ею доволен. Хелен хотелось оттолкнуть его, но она заставляла себя спокойно лежать рядом. Говард имел право на все, что он только что с ней сделал. Он был ее мужем.

4

Второй день поездки оказался еще более утомительным, чем первый. Хелен было так больно, что она с трудом могла сидеть.

В придачу к этому женщина от стыда не могла смотреть в глаза Говарду. Завтрак в доме Уилбуров был сущей пыткой. Маргарет и ее супруг

не скупилась на двусмысленные шуточки и поддразнивания, которые Говард охотно поддерживал. Лишь ближе к концу трапезы Маргарет обратила внимание на бледность и плохой аппетит Хелен.

— Ничего, в следующий раз будет лучше, дитя! — доверительно прошептала она, когда мужчины вышли на улицу, чтобы запрячь лошадей. — Понимаешь, сначала мужчине нужно тебя открыть. Это больно, и может идти кровь. Но после этого преграда исчезает, поэтому боли больше не будет. Со временем тебе даже понравится, поверь!

Хелен была уверена, что ей этот ужас не понравится никогда. Но раз уж он был по душе мужчинам, женам не оставалось ничего другого, кроме как подчиняться и таким образом доставлять им радость.

— К тому же без этого женщина не может родить ребенка, — сказала Маргарет.

Хелен с трудом представляла, как от этой неуклюжей возни, боли и страха могут появляться дети, но затем вспомнила об историях из античной мифологии. В некоторых из них среди прочего насиловали женщин, после чего те рожали детей. А значит, это вполне нормальный процесс. Ничего неприличного в нем тоже нет; в конце концов, они с Говардом муж и жена.

Хелен заставила себя спокойно заговорить с Говардом и начала задавать ему различные вопросы о ферме и животных. К ответам женщина почти не прислушивалась, а спрашивала лишь для того, чтобы ее муж ни в коем случае не подумал, что она на него злится. Однако Говарду, похоже, такое и в голову не могло прийти. Очевидно, он ни чуточки не стыдился событий прошлой ночи.

Ближе к вечеру Говард и Хелен наконец-то пересекли границу его фермы, которой являлся небольшой ручей с грязным илистым дном. Повозка сразу же увязла в нем, поэтому путникам пришлось слезать и выталкивать ее на другой берег. В результате они поднялись на козлы совсем промокшими, а юбка Хелен заметно потяжелела от налипшей на нее тины. Но когда на горизонте показался фермерский дом, женщина мигом забыла и о грязном платье, и о мучительной боли, и о страхе, который вызывала у нее мысль о предстоящей ночи.

— Вот и приехали, — сказал Говард, остановив повозку перед небольшим срубом из грубо обработанных бревен. — Ты заходи внутрь, а я пойду в конюшню. Нужно проверить, все ли там в порядке.

Хелен застыла на месте. Это и есть ее дом? Даже конюшни Крайстчерча казались ей более уютными, не говоря уже о Лондоне.

— Ну, что же ты стоишь? Дверь не заперта. Воровать здесь некому.

Но даже если бы в округе промышляли воры, из дома Говарда они

ушли бы несолоно хлебавши. Когда Хелен, все еще не в силах промолвить и слова, открыла входную дверь и увидела первую из двух комнат дома, ей в голову пришла мысль, что даже кухня Маргарет по сравнению с ней выглядит роскошной гостиной. Комнатка была обставлена весьма скромно: из мебели тут имелись стол, четыре стула и сундук. Зато, в отличие от дома Маргарет, тут была настоящая печь. Хелен могла утешить себя хотя бы тем, что ей не придется стряпать над открытым огнем.

Приготовившись к самому худшему, женщина открыла дверь, ведущую во вторую комнату, которая, как и ожидалось, оказалась спальней Говарда. Нет, их общей спальней, поправила себя Хелен. И она приложит все усилия, чтобы сделать ее красивой и уютной!

Пока что здесь стояла лишь грубо сколоченная кровать, неряшливо застеленная самым простым жестким бельем. Женщина благодарила Бога за то, что она решила сделать кое-какие покупки в Лондоне. Приобретенные ею наволочки, простыня и пододеяльник сразу же придадут комнате более домашний вид. Как только Говард занесет в дом ее сумки, Хелен первым делом сменит постельное белье.

Говард вошел в комнату, держа корзину с дровами, на которых он разместил несколько яиц.

— Ленивые подонки, вот кто эти маори! — выругался фермер. — До вчерашнего дня они наверняка доили корову, а сегодня не удосужились. Стоит там, бедная, с полным выменем и ревет так, что слышно на всю округу. Ты не можешь пойти ее подоить? Все равно отныне это будет твоим заданием, так что начинай потихоньку осваиваться.

Хелен растерянно посмотрела на мужа.

— Я должна... подоить корову? Прямо сейчас?

— Ну, не оставлять же ее реветь до завтрашнего утра. Она так издохнет небось, — сказал Говард. — Но перед этим тебе лучше переодеться в сухое. Подожди, я сейчас принесу твои вещи. А то ты совсем замерзнешь в холодном доме. Вот, кстати, я принес дрова.

Последнее прозвучало как призыв к действию. Но Хелен сначала нужно было решить проблему с коровой.

— Говард, я не умею доить коров, — призналась она. — Мне еще никогда не приходилось этого делать.

Говард наморщил лоб.

— Что значит «никогда не приходилось»? — спросил он. — В Англии что, нет коров? Ты писала мне, что несколько лет вела хозяйство в доме своего отца!

— Но мы жили в Ливерпуле! В центре города, возле церкви. У нас не

было домашних животных!

Говард злобно уставился на Хелен.

— Тогда тебе придется как можно быстрее этому научиться! Сегодня, так уж и быть, корову подою я. А ты тем временем помой полы. Ветер нанес сюда кучу пыли. А после этого займись печкой. Дрова есть, так что тебе осталось лишь разжечь огонь. Только следи, чтобы дрова были уложены правильно, иначе они закоптят весь дом. С этим-то ты справишься? Или в Ливерпуле нет печей?

Презрительный взгляд Говарда заставил Хелен промолчать. Скорее всего, она еще больше разозлит его, если расскажет, что у них в Ливерпуле всю черную работу по дому выполняла служанка. Заданием Хелен было лишь следить за младшими детьми, помогать отцу в церковных делах и собирать прихожан для совместного чтения Библии. А что бы Говард ответил ей на описание лондонского особняка ее работодателей, Хелен даже представить боялась. Гринвуды держали кухарку, слугу, который следил за печью и каминами, и нескольких служанок, по первому требованию выполнявших любое задание хозяев. А Хелен, несмотря на то что она, как гувернантка, не являлась членом семьи, никогда не приходилось прикасаться к дровам. Не говоря уже о том, чтобы разжигать печь.

Женщина не знала, сможет ли управиться со всем этим сама, однако другого выхода у нее не было.

Похоже, Джеральд очень обрадовался тому, что Лукас и Гвинейра как быстро нашли общий язык. Он назначил свадьбу на второе из четырех предрождественских воскресений. Это была середина лета, благодаря чему часть празднования могла пройти в саду. Однако для этого его нужно было подготовить. Хотурапа и еще двое маори, которых наняли специально для этой работы, с утра до вечера сажали привезенные Джеральдом из Англии семена, рассаду и молодые деревья. Паре новозеландских растений тоже нашлось место в тщательно продуманном Лукасом садово-парковом оформлении особняка. Поскольку клены и каштаны не могли вырасти за неделю или две, молодой человек был вынужден прибегнуть к помощи южных кустарников, пальм никау и тыквенных деревьев, чтобы в короткое время организовать приятную тень для гостей Джеральда. Гвинейру это ничуть не смущало. Ей нравились местные флора и фауна — и это было, пожалуй, единственным общим интересом девушки и ее будущего мужа. Однако исследования Лукаса по большей части ограничивались папоротниками и насекомыми, причем первые росли преимущественно в

дождливой западной части Южного острова.

Гвинейра могла любоваться разнообразием их утонченных форм исключительно благодаря искусно выполненным рисункам Лукаса и иллюстрациям из его учебников. Однако, впервые встретившись с живым представителем новозеландских насекомых, даже боякая Гвинейра с трудом удержалась от крика. Лукас, как заботливый джентльмен, сразу же поспешил ей на помощь. Но у него вид насекомого вызвал не отвращение, а восторг.

— Это же уэта! — заявил он и легонько ткнул в шестиногое чудовище, которое Хотурапа только что выкопал из земли. — Уэты, пожалуй, самые большие насекомые на свете. Они могут достигать восьми, а порой и больше сантиметров в длину.

Гвинейра не могла разделить радости жениха. Может, если бы это существо походило на бабочку, пчелу или шершня... однако уэта напоминала скорее огромного жирного блестящего кузнечика.

— Они относятся к прямокрылым, — начал объяснять Лукас. — А если точнее, к семейству длинноусых прямокрылых. Кроме наземных уэт, которые являются представителями семейства *rhaphidophoridae*...

Лукас знал латинские названия всех видов рода уэта. Однако Гвинейра считала, что имя, которое дали этому насекомому маори, подходило лучше всего. Кири и ее народ называли его *wetapunga*— «богом уродливых существ».

— Они кусаются? — спросила Гвинейра.

Насекомое вело себя не особо активно и вяло продвигалось вперед, когда Лукас подталкивал его палочкой. Однако сзади у него виднелось внушительное жало. Гвинейра на всякий случай предпочитала держаться от него подальше.

— Нет, нет, обычно они ведут себя безобидно. Они могут укусить лишь раз и потом умирают. В каком-то роде это можно сравнить с укусом осы, — объяснил Лукас. — А этот шип сзади... он... означает всего лишь то, что перед нами самка и... — Молодой человек переменился в лице, как и всегда, когда речь заходила о чем-то, связанном с половым размножением.

— Это чтобы откладывать яйца, мисс Гвин, — невозмутимо объяснил Хотурапа. — Эта здесь большой и жирный, значит, скоро откладывать яйца. Много яйца — сто, двести... Лучше не брать в дом, мистер Лукас. Чтобы она не отложить яйца там...

— Ради всего святого! — От одной мысли, что в ее доме поселятся две сотни потомков этого малоприятного насекомого, по спине Гвинейры пробежали мурашки. — Оставь ее здесь. Если она сбежит...

— Не быстро бегать, мисс Гвин. Прыгать. Хоп — и *wetapungana* ваш юбка! — снова объяснил Хотурапа.

Гвинейра на всякий случай отошла еще на полшага назад.

— Тогда я зарисую ее прямо здесь, на месте, — с легким сожалением в голосе сказал Лукас. — Я бы с удовольствием отнес ее в свой кабинет и сравнил с иллюстрациями в каталоге. Но придется ограничиться рисунком. Гвинейра, вам ведь наверняка тоже хочется узнать, какая это уэта, древесная или наземная?

Однако Гвинейре это было совершенно безразлично.

— Почему он не интересуется овцами, как его отец? — спросила она вскоре после этого случая у своих верных слушательниц — Клео и Игрэн.

Пока Лукас делал зарисовки, девушка решила наведаться в конюшню. Сейчас она чистила кобылу скребком. Во время утренней прогулки Игрэн взмокла, и девушка не могла отказать себе в удовольствии собственноручно почистить и разгладить ее шерсть.

— Или, по крайней мере, птицами! — продолжала Гвинейра. — Вероятно, они слишком подвижны, чтобы их можно было спокойно зарисовать.

Местные птицы вызывали у Гвинейры куда большее любопытство, чем шестиногие любимцы Лукаса. Работники фермы уже успели показать девушке несколько видов и немного рассказать о них. По большей части эти люди довольно хорошо изучили природу своей новой родины; благодаря частым ночевкам под открытым небом пастухи знали и бегающих птиц, многие из которых вели ночной образ жизни. Мистер МакКензи представил Гвинейре тезку европейских колонистов, небольшую приземистую птицу киви. Со своим необычным коричневым оперением, больше похожим на шерсть, и слишком длинным для ее телосложения клювом, который она часто использовала в качестве пятой конечности, эта птица показалась Гвин довольно экзотичной.

— Кстати, у нее есть кое-что общее с вашей собакой, — с улыбкой сказал МакКензи. — Она обладает отличным нюхом. Для птиц это редкость.

В последнее время МакКензи часто сопровождал Гвинейру во время ее конных прогулок по окрестностям. Как и ожидалось, девушка быстро завоевала уважение пастухов. Уже первая демонстрация способностей Клео привела мужчин в восторг.

— Господи, да эта собака может заменить двух пастухов! — удивленно воскликнул Покер и нагнулся, чтобы с одобрением потрепать собаку по голове. — Малыши тоже будут способны на такое?

Джеральд Уорден поручил каждому пастуху воспитание одной из новых овчарок. Конечно, было бы лучше, если бы собаку учил тот же человек, который потом собирался с ней работать, однако на практике с молодыми овчарками имел дело лишь мистер МакКензи, которому время от времени помогали Мак-Эрон и юный Харди. Остальным мужчинам было слишком скучно все время повторять одни и те же команды; кроме того, они считали, что выгонять овец на луг исключительно ради тренировки овчарок — это уже чересчур.

МакКензи же, напротив, проявил интерес и неожиданно обнаружил талант к дрессировке животных. Под его руководством юный Даймон в скором времени вполне мог составить конкуренцию самой Клео. Гвинейра постоянно следила за тренировкой собак. Лукас этого явно не одобрял, однако во всем, что касалось овчарок, Джеральд предоставил будущей невестке полную свободу действий. Он знал, что благодаря Гвин собаки каждый день улучшали свои способности и могли приносить ферме еще больше пользы.

— Возможно, нам даже удастся устроить небольшую демонстрацию по случаю свадьбы, — довольно заметил Джеральд, в очередной раз наблюдая за работой Клео и Даймона. — Это должно заинтересовать большую часть гостей. Да что там заинтересовать, остальные фермеры умрут от зависти, когда увидят это!

— Но в подвенечном платье я не смогу как следует продемонстрировать умения собак! — смеясь, ответила Гвинейра.

Ей была приятна похвала Джеральда, однако в его доме она по-прежнему чувствовала себя ужасно беспомощной. Разумеется, пока что она была здесь только гостьей, но предвидела, что в качестве хозяйки Киворд-Стейшн ей придется выполнять те же скучные обязанности, от которых она сходила с ума в доме отца: вести хозяйство большого особняка со слугами и прочим.

При этом никто из прислуги Джеральда не был хорошо обучен. И Англии отсутствие организаторских способностей можно было скрыть, наняв способного дворецкого или экономку, не скупясь на жалованье для прислуги и принимая на работу только людей с лучшими рекомендациями. Тогда домашнее хозяйство велось практически само по себе. Здесь же от Гвинейры ожидали, что обучать слуг-маори всему необходимому будет она, но для этого девушке не хватало энтузиазма и силы убеждения.

— Зачем чистить серебро каждый день? — на днях спросила Моана, и это показалось Гвин вполне логичным вопросом.

— Потому что иначе оно темнеет, — ответила Гвинейра. Эту

обязанность она могла объяснить.

— Но почему брать железо, которое менять цвет? — продолжила Моана, с несчастным видом вертя серебряные столовые приборы в руках. — Лучше брать дерево! Очень просто, вымыть — и он снова чистый! — Девушка взглянула на Гвинейру в ожидании похвалы.

— Потому что посуда... должна быть нейтральной на вкус, — вспомнила слова матери Гвин. — К тому же после пары использований дерево приобретает непрезентабельный вид.

— Тогда просто вырезать новый посуда... — Моана пожала плечами. — Очень легко, могу показывать, мисс!

Резьба по дереву была одним из умений, которыми аборигены Новой Зеландии владели в совершенстве. На днях Гвинейра посетила деревню маори, которая относилась к Киворд-Стейшн. Она располагалась не очень далеко, но была скрыта за скалами и леском, который тянулся по другую сторону озера. Гвинейра, вероятно, никогда бы не нашла ее, если бы не заметила на берегу стирающих белье женщин и целую орду полуголых детей, которые весело плескались в воде. Увидев Гвинейру, маори робко отступили, но во время следующей конной прогулки девушка угостила смуглых голышей конфетами и этим завоевала их доверие. После этого женщины жестами пригласили ее посетить селение, и Гвинейра смогла полюбоваться их жилыми домиками, площадками с жаровней посередине и, прежде всего, обильно украшенным резьбой общинным домом.

Постепенно девушка начала понимать отдельные слова из языка маори.

Ki ora означало «добрый день», *tane* — «мужчина», а *wahine* — «женщина». Гвин также узнала, что маори не говорят «спасибо», а стараются отблагодарить человека каким-нибудь ответным поступком. В качестве приветствия они вместо рукопожатия трутся носами. Такая церемония называлась *hongi*, и Гвинейра упражнялась в ней вместе с хихикающими детьми. Лукас пришел в ужас, когда девушка рассказала ему об этом, а Джеральд заявил:

— Мы ни в коем случае не должны слишком сближаться с этими людьми. Они примитивны и обязаны знать свое место.

— Я считаю, что нет ничего плохого в том, когда люди понимают друг друга, — возразила Гвинейра. — Почему именно примитивные народы должны осваивать язык цивилизованных? Наоборот, для более развитых это намного легче!

Хелен присела рядом с коровой и попыталась уговорить ее вести себя

смирно. Животное выглядело довольно дружелюбным, однако — если Хелен правильно помнила, что рассказывала о коровах на корабле Дафна, — это еще ничего не значило. Нужно было помнить, что некоторые коровы имеют привычку брыкаться во время доения. Но даже самая смирная из них не могла подоить себя сама. Хелен попыталась помочь ей, но у нее ничего не получалось. Как женщина ни сжимала дойки коровы, выдоить из нее больше двух капель молока она не могла. А вот Говард управлялся с этим делом довольно легко. Правда, фермер лишь один раз показал Хелен, как нужно доить; он все еще был не в духе после того, что случилось вчера вечером. Когда Говард вернулся от коровы, печка дымила на весь дом. Хелен, вся в слезах, сидела перед этим железным чудовищем и не знала, что делать. Подмести пол она, разумеется, тоже не успела. Говард с ледяным молчанием разжег печь и камин, затем разбил в сковородку пару куриных яиц и через несколько минут поставил перед Хелен аппетитно пахнущую яичницу.

— С завтрашнего дня готовишь ты! — коротко заявил он, и Хелен поняла, что еще одну подобную неловкость муж ей не простит. В то же время она не могла взять в толк, из чего ей готовить еду. Кроме молока и яиц, в доме не было никаких продуктов, и завтра они наверняка тоже не появятся.

— И печешь хлеб! — добавил Говард. — Зерно лежит в шкафу. Там же найдешь бобы, соль... В общем, сама посмотришь. Я понимаю, что сегодня ты устала, Хелен, но если так пойдет и дальше, то какой мне от тебя прок?

Ночью все произошло точно так же, как и в прошлую ночь. На этот раз женщина надела свою лучшую ночную сорочку и лежала на чистой постели, однако это ничуть не повлияло на ее ощущения. Хелен снова было больно и невыносимо стыдно, выражавшее одну лишь похоть лицо мужа пугало ее, но теперь она хотя бы знала, что все закончится довольно быстро. После этого Говард сразу же заснул.

Этим утром он отправился проверить, все ли в порядке с овцами, сообщив Хелен, что раньше вечера не приедет. Однако по возвращении он рассчитывал увидеть теплую убранную комнату и тарелку сытной еды на столе.

Хелен тем временем не могла управиться даже с утренней дойкой. Когда она в очередной раз с отчаянием ухватила за вымя, у сарая раздалось сдавленное хихиканье. Затем кто-то что-то зашептал. Хелен наверняка бы ужасно испугалась, будь голоса у нее за спиной другими, не по-детски звонкими.

— Выходите, я вас вижу! — выпрямившись, заявила она.

В ответ снова захихикали.

Хелен подошла к приоткрытой двери, но успела увидеть лишь две маленькие темные фигурки, которые с молниеносной скоростью шмыгнули в сторону.

«Ну, далеко эти дети не убегут, — подумала молодая женщина, — уж слишком они любопытные».

— Я ничего вам не сделаю! — крикнула она. — Вы что, хотели украсть пару яиц?

— Мы не красть, мисси! — заявил возмущенный голосок. Вероятно, замечание Хелен оскорбило ребенка. Из-за угла сарая выступило маленькое смуглое существо, одетое в короткую юбочку. — Мы доить корову, когда мистер Говард уезжать!

Ага! Так вот из-за кого Хелен пришлось натерпеться вчера вечером.

— Но вчера вы ее не подоили! — строго произнесла она. — Мистер Говард очень рассердился.

— Вчера *waiata-a-ringa*...

— Танец, — объяснил второй ребенок. На этот раз Хелен разглядела мальчика, на котором из одежды была одна лишь набедренная повязка. — Весь народ танцевать. Нет времени для корова.

Хелен не стала читать детям нотации относительно того, что корову нужно доить каждый день, вне зависимости от праздников и фестивалей. В конце концов, она и сама не знала об этом вплоть до вчерашнего вечера.

— Но сегодня вы можете мне помочь, — сказала молодая женщина. — Вы покажете, как это делается.

— Что... как делается? — спросила девочка.

— Как нужно доить корову, — со вздохом объяснила Хелен.

— Ты не знаешь, как доить?

Дети захихикали громче прежнего.

— Что ты тогда здесь делать? — с усмешкой спросил мальчик. — Красть яйца?

Хелен не смогла удержаться от смеха. Малыш за словом в карман не лез. Но сердиться на него женщина не могла. Оба ребенка показались ей очень милыми.

— Я миссис О'Киф, — представилась она. — Мы с мистером Говардом поженились в Крайстчерче.

— Мистер Говард жениться с *wahine*, которая не умеет доить корову?

— Ну, зато я умею кое-что другое, — со смехом ответила Хелен. — Например, варить конфеты.

Это было правдой, в детстве с помощью конфет ей удавалось хоть как-

то влиять на своих братьев. А утром она видела в доме Говарда сироп. Конечно, с другими компонентами Хелен придется импровизировать, но сейчас ей во что бы то ни стало нужно было заманить малышей в сарай.

— Но только для послушных детей! — добавила она.

Похоже, девочка и мальчик не слишком хорошо понимали, что означало «послушных», но слово «конфеты» они знали. Поэтому Хелен и дети очень быстро пришли к соглашению. Молодая женщина также узнала, что их зовут Ронго и Рети, а живут они в селении маори, расположенном чуть ниже по течению реки. Дети за считанные минуты подоили корову, отыскивали несколько яиц там, где Хелен не стала бы даже смотреть, и, с любопытством поглядывая на нее, проследовали в дом. Поскольку уваривание сиропа для конфет могло продлиться несколько часов, Хелен решила угостить помощников сладкими оладьями. Мальчик и девочка восхищенно наблюдали, как она замешивает жидкое тесто, наливает его на сковородку и переворачивает поджаристые кружочки.

— Как *takaka*, хлеб! — воскликнула Ронго.

Хелен оживилась. Это был ее шанс.

— А ты умеешь его печь, Ронго? Хлеб, я имею в виду. Покажешь мне, как это делается?

Оказалось, что это довольно-таки просто. Для теста требовались лишь мука и вода. Хелен не знала, понравится ли такой хлеб Говарду, но теперь ей хотя бы было чем накормить мужа. К удивлению женщины, кое-что съедобное отыскалось и на запущенной грядке за домом. При первом осмотре Хелен не нашла здесь ничего, что соответствовало бы ее представлению об овощах, а вот Ронго и Рети хватило всего пары минут, чтобы отыскать и с гордым видом протянуть женщине пару неизвестных ей корнеплодов. Хелен приготовила из них рагу, которое вышло на удивление вкусным.

После обеда женщина занялась уборкой комнаты, а Ронго и Рети тем временем изучали ее приданое. Особое внимание детей привлекли книги.

— Это волшебный штука! — с важным видом заявил Рети. — Не трогай, Ронго, иначе он тебя съест!

Хелен рассмеялась.

— Кто тебе такое сказал, Рети? Это всего лишь книги, в них написаны истории. Они не опасны. Если я пораньше закончу с уборкой, то смогу вам что-нибудь прочитать.

— Но истории быть в голове *kuia*, — поучительно заметила Ронго, — тот, кто рассказывать истории.

— Ну, если кто-нибудь умеет писать, истории через его руку перетекают из головы в книгу, — сказала Хелен, — и потом их может читать каждый, а не только тот, кто слышал истории от *kuia*.

— Магия! — сделал вывод Рети.

— Да нет же, — покачала головой Хелен. — Вот смотри, так пишется твое имя. — Она взяла лист почтовой бумаги и написала на ней имена детей: сначала Рети, а потом Ронго. Малыши с открытыми ртами следили за всем, что она делает.

— Видите, теперь вы можете прочесть свои имена. Таким же способом можно записать и все остальное. Все, что можно произнести вслух.

— Но тогда ты иметь власть! — решительно произнес Рети. — Тот, кто рассказывать истории, всегда иметь власть!

Хелен засмеялась.

— Да. Знаете что? Я научу вас читать. А за это вы покажете мне, как доить корову и что растет на грядке. Я спрошу мистера Говарда, существуют ли книги на вашем языке. Я буду учить язык маори, а вы получше усвоите английский.

5

Джеральд не солгал. Свадьба Гвинейры стала самым блестящим светским событием, которое когда-либо проходило в Кентербери. За несколько дней до торжества в усадьбу Уорденов начали прибывать гости с отдаленных ферм и самого Данидина. К тому же на свадьбе должна была присутствовать добрая половина Крайстчерча. Гостевых спален Киворд-Стейшн на всех не хватило, и Джеральд приказал разбить вокруг дома палатки, так что каждому нашлось удобное место для ночлега. Кроме этого, фермер пригласил повара из самой большой гостиницы Крайстчерча, чтобы порадовать гостей привычной и в то же время изысканной кухней. Гвинейра же должна была научить служанок-маори складывать салфетки не хуже лондонских горничных, однако эта задача оказалась ей не под силу. Затем девушка вспомнила о Дороти, Элизабет и Дафне, которые наверняка были прекрасно обучены основным обязанностям прислуги высшего класса. Миссис Гоудвинд с радостью согласилась прислать Элизабет Гвинейре в помощницы, а Кендлеры, хозяева Дороти, были приглашены на свадьбу и могли привезти служанку с собой. А вот о Дафне никто ничего не слышал. Джеральд понятия не имел, где находилась ферма Моррисона, так что у Гвинейры не было никакой надежды связаться с девочкой напрямую. Миссис Болдуин утверждала, что она пыталась это сделать, но ответа от

Моррисона не поступило. Гвинейра снова с грустью вспомнила о Хелен. Может быть, хоть она знала что-то о своей потерявшейся воспитаннице. Но Гвин до сих пор не получала весточки от подруги и не могла найти ни времени, ни сил, чтобы разузнать что-нибудь о ее местонахождении.

Что касается Дороти и Элизабет, то эти девушки производили приятное впечатление. В пошитых по случаю свадьбы строгих синих платьицах с белыми кружевными передничками и чепцами они выглядели очень мило и аккуратно, а в придачу отлично помнили все, чему их научила Хелен. И все же Элизабет от волнения уронила и разбила две тарелки из дорогого фарфора; хорошо, что Джеральд этого не видел, а служанкам-маори было все равно. Гвинейра же сделала вид, будто ничего не заметила. Ее больше волновала Клео, которая неохотно подчинялась Джеймсу МакКензи. Девушка могла лишь надеяться, что демонстрация овчарок пройдет удачно.

Тем не менее погода была замечательной, и поэтому церемония венчания происходила под специально выстроенным балдахином посреди сада, в котором все зеленело и цвело. Большинство растений были доставлены из Англии. Плодородная земля с готовностью принимала в свои объятия всю новую флору и фауну, которую привозили с собой колонисты.

Английское подвенечное платье Гвинейры приковало к себе множество восхищенных взглядов. Больше всех оно поразило Элизабет, которая с восторгом взидала на невесту.

— Мне бы тоже хотелось выйти замуж в таком наряде! — вздохнула она, представляя на месте своего жениха уже не Джейми О’Хара, а викария Честера.

— Тогда ты сможешь взять его у меня для церемонии! — великодушно заявила Гвин. — И ты, разумеется, тоже, Дот!

Дороти как раз закалывала волосы Гвинейры, что получалось у нее гораздо лучше, чем у Кири или Моаны, но не настолько ловко, как у Дафны. Она ничего не ответила на предложение Гвинейры, но Гвин заметила, что девушка с интересом поглядывает на младшего сына Кендлеров. Они были примерно одного возраста, так что через несколько лет из них могла бы получиться неплохая пара.

Все гости сошлись во мнении, что Гвинейра — прекрасная невеста, но и облаченный в свадебный костюм Лукас ничуть не уступал ей в элегантности. На молодом человеке был светло-серый фрак, безупречно гармонировавший с цветом его глаз, да и держался Лукас, как всегда, превосходно. В то время как Гвинейра два раза запнулась, он произнес

торжественную клятву уверенно и хорошо поставленным голосом, ловко надел дорогое кольцо на изящный пальчик Гвин и робко поцеловал ее в губы, когда преподобный отец Болдуин объявил их мужем и женой. Гвинейру этот поцелуй почему-то разочаровал, но девушка сразу же одернула себя. Чего она ожидала? Что Лукас крепко сожмет ее в объятиях и поцелует с такой же страстью, как ковбой благополучно спасенную им героиню из бульварного романчика?

Джеральд был преисполнен гордости за молодую пару. Шампанское и виски текли рекой. Свадебный стол был заставлен изысканными блюдами, а гости веселились и не уставали восхищаться торжеством. Джеральд сиял от счастья, в то время как Лукас имел на удивление спокойный и даже скучающий вид, что немного раздражало Гвинейру. Он мог хотя бы притвориться, что влюблен в свою жену! Но на это не стоило и рассчитывать. Гвин попыталась прогнать мысль о любящем муже как неосуществимую романтическую мечту, и все же безучастное спокойствие Лукаса портило ей настроение. Однако Гвинейра, похоже, была единственной, кто замечал странное поведение новоиспеченного супруга. Гости не уставали хвалить прекрасную пару и восхищались тем, как хорошо жених и невеста смотрятся вместе. Вероятно, Гвин ожидала слишком многого.

Наконец Джеральд объявил о демонстрации овчарок, и гости проследовали за ним к расположенным за домом конюшням.

Гвинейра с грустью посмотрела на Игрэн, которая вместе с Мэдоком паслась на огороженном выгоне. Лошадь уже несколько дней не выходила за его пределы и выглядела хуже, чем обычно. У Гвин не было времени на конные прогулки. Часть гостей, как здесь было принято, остановилась в Киворд-Стейшн на несколько дней, и все это время их приходилось обслуживать и развлекать.

Пастухи выгнали на луг отару овец, а Джеймс МакКензи приготовился отдавать приказы собакам. Первым делом Клео и Даймон должны были пригнать овец, которые свободно паслись на выгоне за домом, на исходную позицию, расположенную прямо перед пастухом. Клео справилась с этим заданием безукоризненно, но Гвинейра заметила, что она опустилась в траву слишком далеко от МакКензи. Гвинейра одним взглядом оценила дистанцию и при этом встретила глазами с собакой: Клео смотрела на хозяйку с вызовом — она не собиралась реагировать на МакКензи. Овчарка ждала приказов только от Гвин.

Из-за упрямства Клео у пастуха могли возникнуть проблемы. Гвинейра стала в первом ряду зрителей, как можно ближе к Джеймсу. Он приказал

собакам собрать стадо, что было наиболее ответственным моментом в подобного рода выступлении, и Клео, вопреки опасениям Гвинейры, с помощью Даймона умело справилась с заданием. МакКензи покосился на Гвинейру, ожидая похвалы. Девушка улыбнулась. Главный работник Джеральда проделал немалую работу, чтобы добиться от Даймона таких результатов. Сама Гвин не смогла бы обучить пса лучше.

Теперь Клео ровной колонной гнала овец к пастуху — однако вместо того, чтобы смотреть на Джеймса, собака не сводила глаз с Гвинейры. На первый взгляд, это не представляло проблемы, и все же... Овчарка ни в коем случае не должна была забегать за линию ворот раньше овец, а главное — ей надо было загнать их туда, где стоял МакКензи. Клео двигалась в размеренном темпе, а Даймон следил, чтобы из стада никто не выбивался. Все шло идеально, пока собаки не подогнали овец к воротам, чтобы направить их за спину пастуха. Клео взяла курс на Гвинейру и замерла в растерянности. Неужели ей и вправду нужно было загнать стадо в толпу людей, собравшихся за спиной хозяйки? Гвинейра заметила замешательство Клео и сразу поняла, что делать. Спокойно подобрав юбки, она отделилась от гостей и подошла к Джеймсу.

— Сюда, Клео!

Собака с молниеносной скоростью направила овец в находившийся по левую руку от Джеймса загон.

После этого собакам нужно было отделить определенную овцу от остального стада.

— Сначала вы! — шепнула Гвин Джеймсу.

МакКензи выглядел таким же растерянным, как и Клео, но улыбнулся, когда Гвинейра подошла к нему. Теперь он свистом подозвал к себе Даймона и указал ему на нужную овцу. Клео спокойно лежала у ног хозяйки, пока молодой пес пытался отогнать овцу в сторону. В итоге Даймон успешно справился с заданием, но при этом ему потребовалось три забега.

— Теперь я! — крикнула вошедшая в раж Гвин. — Вот эту, Клео!

Овчарка сорвалась с места и отделила свою овцу в первом же забеге.

Гости заплодировали.

— Я победила! — с радостным смехом воскликнула Гвинейра.

Джеймс МакКензи посмотрел в ее сияющее лицо. Щеки девушки покраснелись, глаза торжествующе поблескивали, а улыбка могла свести с ума любого мужчину. Всего пару часов назад у алтаря невеста выглядела куда менее счастливой.

Гвин заметила, как сверкнули глаза МакКензи, и пришла в замешательство. Что это было? Гордость? Восхищение? Или то, чего ей весь день недоставало во взгляде мужа?

Тем временем собакам предстояло выполнить последнее задание: по свистку Джеймса загнать овец обратно в сарай.

Животные блестяще справились с этим, и теперь МакКензи оставалось лишь закрыть за ними ворота. Задание считалось выполненным.

— Ну что ж, я пойду... — с сожалением промолвила Гвинейра, когда пастух подошел к воротам.

— Нет, это должен делать победитель, — покачав головой, сказал МакКензи и пропустил вперед невесту, которая совсем не замечала, что подол ее подвенечного платья волочится по пыльной земле. С торжествующим видом Гвинейра закрыла ворота. Клео, которая до самого конца задания терпеливо стояла и наблюдала за овцами, подбежала к хозяйке и начала прыгать вокруг ее юбки. Гвинейра похвалила овчарку и виновато посмотрела на подол своего элегантного белого платья, которое теперь было окончательно и безнадежно испорчено.

— Замечу, что это было чересчур, — недовольно произнес Лукас, когда Гвинейра снова очутилась рядом с ним. Гости, по всей видимости, были в восторге от представления и осыпали девушку комплиментами, но ее супругу такая выходка не понравилась. — Я бы попросил тебя впредь так не поступать!

Между тем на улице стало слишком прохладно, чтобы продолжать празднование в саду, да и по времени пора было начинать танцевальный вечер. В гостиной играл струнный квартет. Лукас отметил, что в его исполнении слишком часто проскакивают ошибки. Гвин их не слышала. Дороти и Кири постарались отчистить ее платье от грязи, и девушка позволила Лукасу закружить ее в вальсе. Как и ожидалось, юный Уорден оказался прекрасным танцором. Джеральд тоже довольно ловко передвигался по паркету. Гвин разок станцевала со свекром, а потом с лордом Баррингтоном и мистером Брюстером. На этот раз Брюстеры приехали с сыном и его юной женой. Хрупкая маори действительно оказалась очаровательной красавицей.

Тем временем снова пришла очередь танцевать с Лукасом, после чего

Гвин поняла, что у нее ужасно болят ноги. В конце концов юный Уорден вывел жену на веранду, чтобы она могла немного подышать свежим воздухом. Гвинейра маленькими глоточками пила шампанское и думала о предстоящей ночи.

Возможности отложить ее у девушки уже не было. Сегодня произойдет то, что, по словам матери, «сделает ее женщиной».

Звуки музыки раздавались и на площадке перед конюшнями. Работники тоже праздновали свадьбу юного хозяина, однако не со струнным квартетом и вальсами — там скрипка, гармоника и похожая на флейту дудочка выводили мелодии народных танцев. Гвинейре стало интересно, не играет ли на одном из этих инструментов МакКензи? И ласково ли он обращался с Клео, которая сегодняшнюю ночь была вынуждена провести в сарае, где ее заперли? Лукас был не в восторге от того, что маленькая подвижная бордер-колли ни на шаг не отставала от его невесты. Возможно, он разрешил бы Гвинейре появиться в гостиной с болонкой, но место пастушьей собаки, по мнению молодого человека, было в сарае. Сегодня Гвин уступила ему; но с завтрашнего дня не собиралась этого делать. А пока за Клео присмотрит Джеймс... Гвинейра вспомнила крепкие загорелые руки, гладившие ее любимицу по голове. Животные любили его... а у Гвин сейчас были другие заботы.

Празднование было в самом разгаре, когда Лукас предложил новоиспеченной супруге попрощаться с гостями.

— Позже мужчины напьются и станут настаивать на том, что они должны проводить нас до самых дверей твоей спальни, — сказал он. — А я не хочу, чтобы тебе пришлось выслушивать сальности, которыми, как правило, сопровождается подобное шествие.

Гвинейра с радостью приняла предложение мужа. Она уже вдоволь натанцевалась и хотела поскорее пережить то, о чем не принято говорить в приличном обществе. Девушке было ужасно любопытно и в то же время немного страшно. Согласно сдержанным замечаниям ее матери, это будет неприятно и больно. Но в приключенческих романах, которые так любила Гвинейра, женщины всегда с восторгом бросались в объятия ковбоя. Ну что ж, пусть это станет для нее сюрпризом.

Гости попрощались с молодыми шумно, но без непристойных шуточек, а Кири сразу же поднялась в спальню, чтобы помочь Гвинейре снять свадебный наряд. Перед дверью Лукас нежно поцеловал девушку в щеку.

— Я ненадолго оставляю тебя, дорогая, чтобы ты могла спокойно

подготовиться.

Кири и Дороти сняли с Гвинейры платье и распустили ее волосы. Кири при этом все время шутила и хихикала, а Дороти всхлипывала и утирала слезы. Кажется, служанка-маори и вправду радовалась за Гвинейру с Лукасом и лишь удивилась тому, что новобрачные так рано покинули праздник. У маори было принято, чтобы молодые делили ложе на глазах у всей семьи. Услышав об этом, Дороти заплакала еще громче.

— Ну и чего ты рыдаешь, Дот? — раздраженно спросила Гвинейра. — Словно это не свадьба, а похороны!

— Не знаю, мисс, но моя мама всегда плакала на свадьбах. Может быть, это приносит удачу?

— Слезы не приносить удачу, смех приносить удачу! — возразила Кири. — Так, вы готов, мисс! Очень красивый мисс! Очень красивый. Мы сейчас идти и стучать к мистер Лукас. Красивый мужчина мистер Лукас! Очень милый! Только немножко худой. — Она снова захихикала и вытолкнула Дороти за дверь.

Гвинейра опустила голову и осмотрела себя довольным взглядом. Ночная рубашка девушки была из тончайшего кружева, и она знала, что выглядит в ней прекрасно. Но что теперь? Гвин не могла ждать Лукаса за туалетным столиком. Если она правильно поняла намеки матери, это должно происходить на кровати...

Гвин легла в постель и укрылась шелковым одеялом. Жаль, что теперь красивой ночной сорочки почти не видно. Но, может, Лукас уберет его, чтобы посмотреть...

Гвинейра затаила дыхание, когда услышала тихий скрип дверной ручки. Лукас вошел в комнату с лампой в руке. Похоже, молодой человек недоумевал, почему Гвинейра не потушила свет.

— Любимая, я думаю, мы... пожалуй, будет приличнее погасить свечи.

Гвинейра кивнула. Облаченный в длинную ночную рубашку, Лукас представлял собой не слишком волнительное зрелище.

В воображении Гвинейры мужское белье всегда выглядело более... более мужским.

Лукас приподнял одеяло и лег рядом с Гвин.

— Я постараюсь не причинить тебе боли, — прошептал он и легонько поцеловал девушку.

Гвинейра не шевелилась, пока муж гладил и покрывал поцелуями ее плечи, шею и груди. Затем Лукас приподнял подол ночной сорочки и сдвинул ее вверх. Его дыхание участилось, и Гвинейра заметила, что ее тоже охватило странное возбуждение, которое разгоралось все сильнее,

пока пальцы Лукаса пробирались к самым интимным участкам тела девушки, которые она сама никогда не решалась исследовать. Мать не разрешала девушке снимать нижнюю сорочку даже во время купания, и теперь она не осмелилась внимательно рассмотреть то, что находилось ниже задранного края ночной сорочки — рыжие волосы, еще более курчавые, чем на голове. Лукас нежно касался ее, и Гвинейра почувствовала, как по ее телу пробежали приятные мурашки. Наконец он убрал руку, лег на Гвин, и она почувствовала между своими ногами его член, который набухал, становился тверже и все сильнее упирался в самую неизведанную часть ее тела. Внезапно Лукас словно наткнулся на какое-то препятствие — и его член обмяк.

— Мне жаль, дорогая, но сегодня был такой напряженный день, — извинился он.

— Но это было очень приятно... — осторожно промолвила Гвинейра и поцеловала мужа в щеку.

— Возможно, нам стоит попробовать еще раз завтра...

— Как хочешь, — сказала Гвин, почувствовав растерянность и в то же время небольшое облегчение. Если выполнение пресловутого супружеского долга происходило именно так, то ее мать явно преувеличивала. То, что делал с Гвинейрой Лукас, трудно было назвать болезненным или неприятным.

— Тогда позволь мне попрощаться с тобой, — сухо промолвил молодой человек. — Думаю, ты предпочтешь спать одна.

— Как хочешь, — повторила Гвинейра. — Но разве не принято, чтобы супруги проводили первую брачную ночь вместе?

— Ты права, — кивнул Лукас. — Я останусь здесь. Кровать достаточно широкая для нас двоих.

— Да, — согласилась девушка и, с готовностью подвинувшись на левый край кровати, свернулась клубочком.

Лукас, вытянувшись, неподвижно лежал на правой стороне.

— Тогда спокойной ночи тебе, любимая!

— Спокойной ночи, Лукас.

Проснувшись утром, Гвинейра увидела, что Лукас уже успел встать с кровати и полностью оделся к завтраку. Уити принес его светлый костюм в гардеробную Гвин.

— Я бы с радостью подождал тебя, дорогая, — промолвил молодой Уорден, стараясь не смотреть на Гвинейру, которая сидела на кровати в кружевной рубашке. — Но полагаю, что будет лучше, если непристойные

шуточки гостей придется выслушивать одному мне.

Девушка не думала, что самые шумные гуляки прошлого вечера проснулись и спустились в гостиную в такую рань, но ничего не сказала по этому поводу.

— Пришли мне, пожалуйста, Кири, а если получится, то и Дороти, чтобы они помогли мне одеться и уложить волосы. Разумеется, сегодня мне не нужно быть наряженной так празднично, как вчера, но должен же кто-то зашнуровать мой корсет, — дружелюбно произнесла Гвин.

Похоже, тема шнуровки смутила Лукаса. Зато Кири уже ждала за дверью. Осталось разыскать лишь Дороти.

— И как, хозяйка? Быть хорошо?

— Пожалуйста, продолжай называть меня «мисс», и все остальные тоже, — попросила Гвинейра. — Это обращение нравится мне намного больше.

— Хорошо, мисс Гвин. Но теперь рассказывать! Как быть? Первый раз не всегда хорошо. Но потом становится лучше, мисс, — поспешила добавить служанка и подала Гвинейре платье.

— Да... это было... хорошо, — пробормотала Гвин, понимая, что немного преувеличивает. То, что делал с ней ночью Лукас, не показалось девушке ни хорошим, ни ужасным. Однако Гвинейре, пожалуй, повезло, что муж был таким легким. Она захихикала при мысли, что служанке, вероятно, нравятся более полные мужчины.

Кири уже успела помочь Гвинейре надеть белое летнее платье, украшенное множеством мелких ярких цветочков, когда в дверях возникла Дороти. Она занялась прической Гвин, а Кири пошла менять постельное белье. Гвин искренне не понимала, зачем это было нужно. Ведь она спала на кровати всего лишь раз. Однако выражать свои мысли вслух девушка не стала. Кто знает, может, это было одним из обычаев маори. Дороти сегодня больше не плакала, но молчала и старалась не смотреть новоиспеченной миссис Уорден в глаза.

— Вы хорошо себя чувствуете, мисс Гвин? — взволнованно спросила она.

— Конечно, — кивнула Гвинейра. — С чего мне чувствовать себя плохо? Мне нравится, как ты уложила их сегодня с помощью этой заколки, Дороти. Тебе тоже нужно научиться этому, Кири!

Но Кири в это время, похоже, была занята другим. С обеспокоенным выражением лица она рассматривала постельное белье. Гвинейра заметила это лишь после того, как отослала Дороти с поручением по поводу завтрака.

— Что такое, Кири? Что ты пытаешься найти в кровати? Мистер Лукас что-то потерял?

Гвинейра подумала о каком-нибудь украшении или обручальном кольце. Оно довольно свободно сидело на тонком пальце ее мужа.

— Нет, нет, мисс, — покачала головой Кири. — Просто... нет крови на простынях... — Девушка смущенно и растерянно посмотрела на Гвинейру.

— А почему там должна быть кровь? — спросила Гвин.

— После первой ночи всегда кровь. Немножко болей, потом кровь, а потом уже хорошо.

Гвин начала догадываться, что она упустила что-то важное.

— Мистер Лукас... очень чуткий и нежный...

— И очень уставший после праздника, — кивнула Кири. — Не грустить, мисс, тогда завтра кровь!

Гвинейра решила, что попробует разобраться с этой проблемой, когда она возникнет снова. А сейчас ей нужно было спускаться в гостиную, где Лукас уже всюду развлекал гостей. Он шутил с женщинами, добродушно улыбался в ответ на подтрунивания мужчин и был безупречно внимательным к Гвин с той самой секунды, как она присоединилась к нему. Следующие часы прошли за привычными светскими беседами и развлечениями, и никто — за исключением безнадежно сентиментальной миссис Брюстер, которая пробормотала: «Вы так мужественно держитесь, дитя! У вас такой веселый вид! Хотя нужно отдать должное мистеру Уордену, он такой внимательный молодой человек!» — не намекал Гвинейре на события сегодняшней ночи.

После обеда, когда гости по большей части отдыхали в своих комнатах, у Гвин наконец-то нашлось время прогуляться до конюшен, чтобы проведать свою лошадь и посмотреть, все ли в порядке с Клео.

Пастухи встретили новую хозяйку громкими приветственными криками.

— А, миссис Уорден! Мои поздравления! Надеюсь, вы хорошо провели ночь? — поинтересовался Покер Ливингстон.

— По всей видимости, лучше, чем вы, мистер Ливингстон, — ответила Гвинейра. Мужчины выглядели изрядно помятыми. — Но я рада, что вы славно выпили за мое здоровье.

Джеймс МакКензи внимательно посмотрел на девушку. Однако взгляд пастуха был скорее испытующим, чем чувственным. Гвин даже показалось, что в нем промелькнуло что-то вроде сожаления, — понять, что кроется в глубоких карих глазах Джеймса, выражение которых менялось каждую секунду, было не так-то просто. Между тем они снова начали лучиться,

когда МакКензи увидел, как Клео приветствует свою хозяйку.

— Ну что, вы получили выговор? — спросил он.

Гвин покачала головой.

— Из-за чего? Из-за нашего с вами соревнования? Нет, что ты! В день своей свадьбы девушка имеет право позволить себе небольшую выходку! — Она подмигнула МакКензи и улыбнулась. — Но с завтрашнего дня муж собирается заковать меня в кандалы. А гости уже сегодня держат меня на коротком поводке. Я постоянно кому-то нужна. Так что я опять не смогу проехаться на Игрэн.

Кажется, МакКензи удивило желание Гвинейры сесть на лошадь, однако он ничего не сказал по этому поводу, а в его глазах появились лукавые искорки.

— Тогда вам просто необходимо найти возможность сбежать от гостей! Что, если завтра в это же время я оседлаю для вас лошадь? Большинство дам предпочитают немного подремать пополудни.

Гвин пришла в восторг.

— Отличная мысль! Но только лучше утром, поскольку после ланча я должна быть в кухне, чтобы проследить за уборкой и подготовкой к чаепитию. Повар настоял на этом — одному Богу известно почему. Так что если вы приготовите для меня Игрэн к шести, то я смогу выехать перед тем, как проснутся первые гости.

Джеймс озадаченно уставился на девушку.

— Но что скажет мистер Лукас, если вы... Простите, это, разумеется, не мое дело...

— И не его тоже, — невозмутимо ответила Гвинейра. — Если это не мешает мне выполнять обязанности хозяйки, я могу ездить верхом, когда захочу.

«Дело ведь не в обязанностях хозяйки», — подумал Джеймс, но промолчал. Ему ни в коем случае не хотелось обидеть Гвинейру. Однако складывалось впечатление, что первая брачная ночь девушки прошла не слишком страстно.

Вечером Лукас снова пришел к Гвинейре. Теперь, когда Гвин знала, что ее ждет, она даже наслаждалась нежными прикосновениями мужа. Девушка вздрагивала, когда Лукас целовал ее грудь, а поглаживание нежной плоти, скрывающейся под треугольником огненных волос, возбуждало еще сильнее, чем в первый раз. Теперь Гвин даже отважилась украдкой взглянуть на член мужа — он был большим и твердым, но снова быстро обмяк. Гвинейру мучило странное ощущение незавершенности,

объяснить которое она толком не могла. Кто знает, возможно, так и должно быть? Со временем она это выяснит.

На следующее утро Гвинейра легонько уколола палец швейной иглой, выдавила из ранки немного крови и растерла ее по простыне. Кири не должна была думать, что они с Лукасом делают что-то не так.

6

Постепенно Хелен в той или иной мере привыкла к жизни с Говардом. Из-за того, что происходило по ночам в постели, она все еще чувствовала себя очень неловко, но днем старалась об этом не вспоминать и вполне нормально общалась с мужем.

Однако и здесь не обходилось без трудностей. У Говарда по поводу жены были определенные ожидания, и он быстро распалялся, если они не оправдывались. К тому же фермер выходил из себя, когда Хелен высказывала какие-нибудь пожелания и требования, к примеру, о необходимости докупить что-то из мебели или кухонной утвари, поскольку кастрюли и сковороды Говарда были такими старыми, закопченными и засаленными, что им не могла помочь даже самая тщательная чистка.

— В следующий раз, когда мы отправимся в Холдон, — сдержанно обещал жене Говард. По-видимому, это место находилось слишком далеко, чтобы ехать туда лишь за парой сковородок, специями и сахаром. При этом Хелен отчаянно жаждала выбраться из этой глуши хотя бы на время. Она все еще боялась жить в окружении дикой природы, несмотря на то что Говард заверял ее, что на равнине Кентербери не водятся опасные животные. Ей не хватало развлечений и остроумных бесед. С Говардом едва ли можно было поговорить о чем-то, кроме работы на ферме. Обсуждать свою жизнь в Ирландии и работу на китобойном судне фермер не желал. Хелен знала то, что ей положено было знать, и Говард не собирался болтать попусту.

Единственным лучиком света в унылом существовании молодой женщины были дети-маори. Рети и Ронго приходили почти каждый день, а после того, как Рети похвастался перед жителями селения, что умеет читать (оба ребенка быстро учились, они уже знали алфавит и даже умели писать собственные имена), к ним присоединились и другие дети.

— Мы тоже хотим учиться магия! — важно сказал один из мальчиков, и Хелен пришлось исписать еще несколько листов бумаги такими странными для нее именами, как Нгапини и Вираму.

Иногда женщине становилось жаль своей дорогой писчей бумаги, но, с

другой стороны, здесь она все равно не могла найти ей достойного применения. Разумеется, Хелен сразу же написала несколько писем родственникам и Торнам в Англию, а также своим воспитанницам. Но поскольку они с Говардом не ездили в Холдон, то отправить эти письма пока не представлялось возможности. При случае Хелен также хотела заказать в Холдоне экземпляр Библии на языке маори. Говард сказал ей, что Святое Писание уже успели перевести, и теперь Хелен хотелось его изучить. Если бы она немного познакомилась с языком маори, то могла бы объясняться с матерями детей. Ронго уже однажды брала ее с собой в деревню, и все люди там оказались очень дружелюбными. Но только мужчины, которые часто работали бок о бок с Говардом или занимались выгоном овец на других фермах, могли произнести несколько слов на ломаном английском. Дети же научились английским словам от отцов. К тому же однажды в селение заезжала пара миссионеров.

— Но они нехороший, — объяснил Рети. — Постоянно тыкать пальцем и говорить: «Ой, ой, грех, грех!» Что такое грех, мисс Хелен?

После этого Хелен расширила тематику уроков и стала начинать их с чтения Библии на английском. При этом местами возникали проблемы. К примеру, история сотворения мира привела детей в замешательство.

— Нет, нет, по-другому! — воскликнула Ронго, чья бабушка была уважаемой рассказчицей. — Сначала быть только *rapatua nuku* — земля и *ranginui* — небо. И они любить друг друга так сильно, что не хотеть разлучаться. Понятно? — Ронго жестом показала, как это было, и Хелен похолодела от непристойности увиденного. Однако ребенок при этом имел вполне невинный вид. — Но их дети хотеть, чтобы появиться мир с птицы, рыбы, луна и остальное. Поэтому они расставаться. И *rara*плакать и плакать, так появляться реки, моря и озера. Но потом он прекратить. А *rangi*плакать до сих пор, почти каждый день...

О том, что слезы *rangi*падают с небес в виде дождя, Ронго рассказывала Хелен и раньше.

— Это очень красивая история, — пробормотала Хелен. — Но вы уже знаете, что *rakeha*пришли из большой чужеземной страны, где люди все исследуют и все знают. И эта история из Библии, которую Бог рассказал израильским пророкам, является правдой.

— В самом деле, миссис Хелен? Бог рассказывать? С нами не говорить никакой Бог! — Рати был очарован.

— Вот видите! — воскликнула Хелен и сразу же почувствовала укол совести. В конце концов, ее молитвы тоже редко бывали услышаны.

Поездка в Холдон, например, все еще не состоялась.

Гости Гвинейры и Лукаса наконец-то уехали, и жизнь хозяев Киворд-Стейшн вошла в нормальное русло. Гвин надеялась, что теперь снова сможет наслаждаться относительной свободой, которой она пользовалась на ферме в статусе гостыи. До определенной степени ей это удавалось: Лукас не давал жене никаких указаний. Он даже промолчал, когда увидел, что Клео снова спит в комнате Гвинейры, в том числе тогда, когда он посещает свою жену. При этом в первые ночи маленькая собачка действительно вела себя беспокойно, поскольку ей казалось, что Гвинейра подвергается нападению. Поначалу она протестовала громким лаем, и приходилось утешивать ее и отправлять обратно на подстилку. Лукас делал это безропотно. Гвин спрашивала себя почему и не могла отделаться от мысли, что муж ведет себя так, словно он в чем-то перед ней виноват.

Как и раньше, при близости с ним она ни разу не почувствовала боли и не потеряла и капли крови. Напротив, со временем Гвинейра научилась в полной мере наслаждаться нежностью мужа и иногда ловила себя на том, что и после ухода Лукаса продолжает ласкать себя, гладить и тереть чувствительные места, отчего внутри все становилось очень влажным. Вот только эта влага была ничуть не похожа на кровь. Со временем девушка стала смелее и начала пробираться глубже, отчего приятные ощущения становились еще более острыми. Гвин была уверена, что ей было бы не менее приятно, если бы Лукас ввел туда свой член, что он явно пытался сделать, однако тот слишком быстро терял свою твердость. Порой Гвин задавалась вопросом, почему он не хочет воспользоваться рукой, как она.

Поначалу Лукас приходил к жене каждую ночь, но со временем начал делать это все реже и реже. Каждый свой визит он начинал с вопроса: «Ну что, любовь моя, не попробовать ли нам сегодня снова?» — и никогда не протестовал, если Гвинейра по какой-то причине отвечала отказом. Так что первое время супружеская жизнь казалась Гвинейре довольно легкой и беззаботной.

А вот Джеральд доставлял ей немало хлопот. Он всерьез настаивал на том, чтобы Гвин взяла ведение домашнего хозяйства в свои руки и осуществляла его на том же уровне, что и в лучших домах Европы. Уити должен был превратиться в сдержанного дворецкого, Моана — в идеальную кухарку, а Кири — в настоящую горничную. Слуги-маори были исполнительными и честными, любили свою новую хозяйку и старались по одному лишь взгляду угадать ее желание. Гвин пришла к выводу, что все должно оставаться так, как есть. Слугам-маори всего лишь не хватало привычки. Девушки, например, отказывались носить в доме обувь. Они

чувствовали себя стесненными. Кири продемонстрировала Гвин мозоли и волдыри, которые появились у нее из-за того, что в течение долгого рабочего дня ей пришлось ходить в непривычных кожаных ботинках. Одежда тоже казалась служанкам-маори непрактичной, и здесь Гвин не могла им возразить. Для лета их форма была слишком жаркой; Гвин и сама потела в своих пышных юбках. Но она, в отличие от девушек-маори, привыкла страдать ради приличия. У них же на этот счет имелось собственное мнение.

Наиболее трудно молодой женщине приходилось в тех случаях, когда Джеральд выражал конкретные пожелания, чаще всего касающиеся меню, которое — в чем была вынуждена признаться Гвинейра — оставалось довольно скромным. Кухня маори не отличалась разнообразием. Моана запекала батат и другие овощи в духовке или на широкой сковороде либо жарила мясо либо рыбу с экзотическими специями. Подчас вкус этих блюд был довольно своеобразным, но отнюдь не плохим. Гвинейру, которая сама готовить не умела, это вполне устраивало. Однако Джеральд решил, что меню необходимо расширить.

— Гвинейра, мне бы хотелось, чтобы в будущем ты уделяла больше времени кухне, — сказал он однажды за завтраком. — Мне не нравятся эти блюда маори, и я надеюсь все-таки отведать приличного ирландского рагу. Ты не могла бы сказать кухарке?

Гвин кивнула, думая об овцах, которых она планировала собрать сегодня утром вместе с МакКензи и молодыми собаками. Часть молодняка покинула горные пастбища и вернулась обратно к загонам. В первую очередь беспорядок в стаде, конечно же, вносили юные бараны. Джеральд приказал пастухам собрать животных и привести назад, что было довольно трудоемким делом. С новыми пастушьими собаками задача облегчалась, и Гвинейра хотела насладиться зрелищем их первой попытки. Это ведь не помешает ей перекинуться парой слов с Моаной по поводу обеда.

— Для приготовления ирландского рагу нужна капуста и баранина, не так ли? — спросила Гвин.

— А что же еще? — буркнул Джеральд.

У Гвинейры было размытое представление о том, как все это смешивают и готовят.

— Баранина у нас еще есть, а капуста... Лукас, у нас в огороде есть капуста? — неуверенно спросила она.

— А чем, по-твоему, являются растущие там кочаны из больших зеленых листьев? — набросился на девушку Джеральд.

— Я... э-э-э...

Гвин давно поняла, что работа в саду и огороде не для нее, пусть она и давала вполне ощутимые результаты в виде овощей и фруктов. У девушки не хватало терпения ждать, пока семена капусты или огурцов превратятся в плоды, и каждый день часами пропалывать сорняки. Поэтому огороду она редко уделяла внимание — Хотурапа и сам неплохо справлялся с этой работой.

Моана растерялась, когда Гвин дала ей задание приготовить капусту и баранину вместе.

— Я такое раньше не делать, — сказала служанка. Слово «капуста» ей вообще ни о чем не говорило. — Какой быть вкус?

— Как... ну, как у ирландского рагу. Просто приготовь это, и ты увидишь, — сказала Гвинейра и поспешила в конюшню, где Джеймс уже оседлал Мэдока. Гвинейра ездила на нем и Игрэн по очереди.

Юные овчарки показали себя с наилучшей стороны. Сам Джеральд не скупился на похвалу, когда половина пастухов уже в полдень вернулась с Гвинейрой. Овцы были успешно собраны, и Ливингстон с Кенноном с помощью трех собак отогнали их обратно в горы. Довольная Клео прыгала рядом со своей хозяйкой, а Даймон — рядом с МакКензи. Девушка и пастух то и дело заливались смехом. Они наслаждались совместной работой, и иногда Гвин казалось, что они с Джеймсом так же прекрасно понимают друг друга без слов, как и с Клео. МакКензи всегда точно знал, какую овцу Гвинейра собирается отделить от остального стада, а какую — загнать в него обратно. Довольно часто Джеймс словно читал мысли Гвин и свистел Даймону за мгновение до того, как девушка открывала рот, чтобы попросить о помощи.

Перед конюшней МакКензи поспешил забрать у Гвинейры жеребца.

— Вам следует идти, мисс Гвин, иначе вы не успеете переодеться к обеду, который мистер Джеральд ожидает с таким нетерпением... он ведь, насколько я понял, заказал блюдо из ирландской кухни?

Гвинейра кивнула, хотя очень сомневалась в успехе предстоящей трапезы. Неужели Джеральд был настолько одержим ирландским рагу, что рассказал о нем даже работникам фермы? Девушка очень надеялась, что «овечьему барону» понравится вкус приготовленного Моаной блюда.

Гвинейре хотелось бы попробовать его заранее, но она опаздывала и успела лишь сменить платье для верховой езды на домашнее, прежде чем семья собралась за обеденным столом. Собственно говоря, Гвин считала, что все эти переодевания совершенно ни к чему. Джеральд, к примеру, всегда появлялся к обеду в той же одежде, в которой наблюдал за работой в конюшнях, загонах и на пастбищах. Лукас же, напротив, считал, что их

домашние трапезы должны проходить по всем правилам этикета, и Гвинейре не хотелось с ним спорить. Сейчас на ней было красивое голубое платье с желтыми оборками на юбке и рукавах. В спешке она наполовину расчесала спутавшиеся волосы и с помощью гребешка соорудила на голове некое подобие прически.

— Ты, как всегда, обворожительна, любовь моя, — заметил Лукас, и Гвин ответила мужу улыбкой.

Джеральд с одобрением наблюдал за молодой парой.

— Самые что ни на есть влюбленные голубки! — радостно заметил он. — А это значит, что нам скоро нужно ожидать наследника, не так ли, Гвинейра?

Гвин не знала, что на это ответить. Они с Лукасом старались, как могли. Если женщины беременели от того, чем молодые супруги занимались по ночам в комнате Гвин, то этого, вероятно, должно было хватить.

Лукас покраснел.

— Мы женаты всего месяц, отец!

— И одного выстрела бывает достаточно, не так ли? — Джеральд оглушительно засмеялся. Лукас выглядел уязвленным, а Гвинейра снова не понимала, о чем идет речь. Что общего имела беременность с выстрелами?

Тем временем в столовую вошла Кири с глубоким блюдом и тем самым положила конец неприятному разговору. По указанию Гвинейры девушка поставила блюдо строго справа от мистера Джеральда и обслужила сначала главу семейства, а затем уже Лукаса и Гвинейру. Все это она проделала очень ловко; Гвинейра не нашла, к чему можно было бы придаться, и одобрительно улыбнулась Кири, когда та заняла свое место у стола.

Джеральд удивленно уставился на жиденский желтовато-красный суп, в котором плавала капуста и куски мяса, а затем взорвался:

— Какого черта, Гвин! Это была первоклассная капуста и лучшая баранина в этом полушарии! Неужели так трудно приготовить нормальное рагу? Но нет, тебе нужно было доверить все этой девчонке, и она приготовила практически то же самое, чем нам приходится давиться каждый день. В следующий раз получше растолкуй ей, как все должно делаться, Гвинейра!

Кири выглядела пораженной, Гвин — задетой. Блюдо показалось ей вполне хорошим на вкус, хотя и несколько экзотичным. С помощью каких специй Моана добилась этого вкуса, оставалось для Гвинейры загадкой. Как и рецепт рагу из баранины, которое так любил Джеральд.

Лукас пожал плечами.

— Отец, тебе бы стоило нанять настоящую ирландскую кухарку, а не поручать это валлийской принцессе. В конце концов, Гвинейра выросла не на кухне, — насмешливо произнес молодой человек и поднес ко рту очередную ложку неудавшегося рагу. Вкус блюда, похоже, его тоже не смущал. Однако Лукас редко придирался к еде, ибо не делал из нее культа. Он всегда завершал обед в хорошем настроении, думая о том, что спустя пару минут вернется к изучению своих книг и написанию картин.

Гвин снова попробовала блюдо и попыталась вспомнить вкус ирландского рагу. В доме ее родителей это блюдо появлялось на обеденном столе довольно редко.

— Мне кажется, его готовят без батата, — сказала она Кири.

Девушка-маори нахмурила лоб. Очевидно, ей тяжело было представить блюдо, в котором не было бы такого ингредиента, как батат.

— Разумеется, рагу готовят без батата! — рявкнул Джеральд, продолжая сердиться. — Кроме того, перед готовкой его не закапывают в землю и не заворачивают в листья или что там еще делают эти аборигенки, чтобы превратить еду в отраву! Растолкуй ей это так, чтобы она поняла, Гвин! Где-то в этом доме должна быть поваренная книга. Может, кто-то сможет перевести ее на их дикарский язык. С Библией-то они быстро управились!

Гвин вздохнула. Она слышала, что на Северном острове женщины-маори использовали для приготовления пищи горячие подземные источники или тепло вулканов. Но в Киворд-Стейшн не было ни того, ни другого, и девушка никогда не видела, чтобы Моана или другие женщины из селения копали ямы для приготовления пищи. А вот идея насчет поваренной книги была действительно хорошей.

Гвин провела все послеобеденное время в кухне с маорийским и английским переводами Библии и поваренной книгой, которая ранее принадлежала покойной супруге Джеральда. Но ее сравнительный анализ не увенчался особым успехом. Наконец девушка сдалась и сбежала в конюшни.

— Теперь я знаю, как сказать на языке маори «грех» и «небесное правосудие», — объявила она мужчинам, листая Библию. Кеннон и Ливингстон уже вернулись с горных пастбищ и ждали своих лошадей, наблюдая, как МакКензи и Мак-Эрон чистят сбрую. — Но вот слова «тимьян» здесь нет!

— Может, заменить его ладаном или миррой? — пошутил МакКензи.

Мужчины расхохотались.

— Скажите мистеру Джеральду, что обжорство тоже грех, — посоветовал Мак-Эрон. — Но лучше на языке маори. Если вы скажете это по-английски, он вам голову снесет.

Вздохнув, Гвинейра оседлала свою кобылу. Сейчас она нуждалась в прогулке на свежем воздухе. Погода была слишком хороша, чтобы тратить ее на копание в книгах.

— От ваших советов тоже никакой пользы! — упрекнула она по-прежнему улыбающихся мужчин, выезжая из конюшни. — Если свекор спросит обо мне, скажите, что я собираю травы. Для его рагу.

Поначалу Гвинейра пустила кобылу шагом. Вид широких равнин, раскинувшихся на фоне горных вершин, как всегда, успокаивал девушку. Горы снова казались ей такими близкими, что появлялось ощущение, будто до них можно было доскакать всего за час. Выбрав одну из вершин в качестве ориентира, Гвинейра помчалась к ним галопом. И лишь спустя два часа, убедившись, что до гор еще скакать и скакать, Гвинейра повернула назад. Такая жизнь ей нравилась! Но что ей делать с кухаркой-маори? Гвинейре срочно требовалась женская поддержка. Однако ближайшая белая женщина жила в двадцати милях отсюда.

Прилично ли было нанести визит миссис Бизли всего лишь через месяц после свадьбы? Или Гвин хватит и короткой поездки в Холдон? До сих пор девушка не посещала городок, хотя уже давно нужно было это сделать. В первую очередь ей необходимо отправить письма, купить пару мелочей и хотя бы раз увидеть кого-то, кроме членов своей семьи, слуг-маори и пастухов. В последнее время Гвинейре все поднадоело, кроме разве что Джеймса МакКензи. Вот он-то и мог бы поехать с ней в Холдон. Вчера он, кажется, сказал, что должен забрать у Кендлеров какой-то заказанный товар. При мысли о поездке у Гвинейры поднялось настроение. Уж миссис Кендлер наверняка знает, как приготовить ирландское рагу...

Игрэн с радостью неслась в сторону дома. После долгой прогулки ей не терпелось вернуться к кормушке. Гвинейра тоже почувствовала, что проголодалась, когда наконец-то соскочила с лошади, чтобы отвести ее в стойло. Из комнаты для работников доносились ароматные запахи мяса и пряностей. Гвин не смогла устоять и с надеждой постучала в дверь.

Было видно, что девушку ждали. Мужчины сидели вокруг костра и передавали по кругу бутылку виски. А в казанке над огнем кипело... ароматное густое рагу?

Все мужчины излучали такую радость, словно праздновали Рождество, а О'Тул, улыбаясь, передал хозяйке миску с ирландским рагу.

— Вот, мисс Гвин. Дайте это служанке-маори. Эти люди очень быстро

учатся всему новому. Надеюсь, ей удастся приготовить такое же неплохое рагу, как это.

Гвинейра с радостью поблагодарила ирландца. Она не сомневалась: это было именно то, что хотел увидеть в своей тарелке Джеральд. Пахло так вкусно, что девушке хотелось попросить ложку и тут же опустошить свою миску. Однако она взяла себя в руки и решила, что не станет прикасаться к бесценному рагу, пока не даст распробовать его Кири и Моане.

Поэтому она надежно примостила миску на тюк соломы, завела Игрэн в стойло, а затем аккуратно вынесла рагу из конюшни. На выходе она чуть не сбила с ног МакКензи, поджидавшего девушку с пучком каких-то листьев, которые он преподнес Гвин с таким торжественным видом, словно это был букет цветов.

— *Taima*, — сказал он с улыбкой и подмигнул девушке. — Вместо ладана и мирры.

Гвинейра, улыбнувшись в ответ, приняла из рук пастуха пучок тимьяна. Она не знала, почему ее сердце при этом было готово выскочить из груди.

Хелен была рада, когда Говард наконец объявил, что в пятницу они едут в Холдон. Нужно было заново подковать коня, что обычно служило поводом выбраться в город. Подумав, Хелен пришла к выводу, что о ее приезде Говард тоже узнал благодаря очередному визиту к кузнецу.

— Как часто нужно подковывать лошадь? — осторожно спросила она.

Говард пожал плечами.

— Обычно каждые шесть или семь недель. Но копыта гнедого растут медленно, так что между заменами подков проходит около двенадцати недель. — Довольный, Говард похлопал своего коня по крупу.

Хелен подумала, что хорошо бы иметь лошадь, у которой копыта растут гораздо быстрее.

— Мне бы хотелось чаще бывать среди людей, — не сдержалась она.

— Ты можешь взять мула, — великодушно произнес Говард. — До Холдона пять миль, так что доберешься туда примерно за два часа. Если отправишься сразу после доения, то легко сможешь вернуться до вечера и еще успеть приготовить ужин.

Хелен знала, что от горячего ужина Говард не отказался бы ни при каких обстоятельствах. Однако угодить ему с едой было довольно легко: Говард проглатывал лепешки с таким же удовольствием, как и блины, яичницу или густой суп. Тот факт, что Хелен едва ли умела готовить что-то

еще, казалось, нисколько его не смущал. Но, тем не менее, Хелен решила разузнать у миссис Кендлер пару новых рецептов. Ей самой их меню казалось несколько однообразным.

— Ты могла бы нарезать курицу, — предложил Говард, когда Хелен сделала соответствующее замечание.

Она пришла в ужас от самой мысли об этом, как и о том, что ей предстоит в одиночку на муле добираться до Холдона, а затем вернуться домой.

— Я сейчас объясню тебе дорогу, — невозмутимо сказал Говард. — А затем можешь спокойно идти запрягать мула...

Ни Джеральд, ни Лукас не имели ничего против того, чтобы Гвинейра поехала в Холдон вместе с МакКензи. Однако Лукас не мог понять, чему так радуется его молодая жена.

— Ты будешь разочарована, любовь моя. Это маленький грязный городок, который может похвастаться лишь одной лавкой да пабом. Никакой культуры, даже церкви нет...

— А как насчет врача? — поинтересовалась Гвинейра. — Я имею в виду, что если я в самом деле однажды...

Лукас покраснел, а на лице Джеральда появилась радостная улыбка.

— Что такое, Гвинейра? Появились первые признаки? Если так, мы, конечно же, вызовем врача из Крайстчерча. На эту акушерку из Холдона полагаться не стоит.

— Отец, пока врач доберется сюда из Крайстчерча, ребенок давно уже успеет родиться, — с иронией заметил Лукас.

Джеральд укоризненно посмотрел на сына.

— Я вызову врача заранее. Он должен будет здесь жить, раз такое дело, и цена не имеет значения.

— А как же другие его пациенты? — спросил Лукас. — Ты думаешь, о них он может просто забыть?

Джеральд фыркнул.

— Это всего лишь вопрос суммы, мой сын. А наследник Уорденов стоит любых денег!

Гвинейра промолчала. Она не обнаруживала никаких признаков беременности, да и откуда было ей знать, как себя чувствует женщина в положении? Кроме того, сейчас она думала лишь о предстоящей поездке в Холдон.

Джеймс МакКензи зашел за Гвинейрой сразу после завтрака. Перед особняком их ждала длинная тяжелая повозка, запряженная парой лошадей.

— Если бы мы ехали на них верхом, то добрались бы до Холдона гораздо быстрее, — заметил Джеймс, но для Гвинейры это не имело никакого значения, она просто сидела на козлах рядом с ним и наслаждалась видом окрестностей. Когда эта дорога станет ей знакома, девушка сможет путешествовать в Холдон верхом самостоятельно. Сегодня же она была довольна и такой поездке. К тому же МакКензи оказался приятным собеседником. Он перечислял ей названия гор на горизонте, а также рек и озер, которые они проезжали. Как правило, он знал их названия и на языке маори, и на английском.

— Вы хорошо говорите на языке маори, не так ли? — восхищенно спросила Гвинейра.

МакКензи покачал головой.

— Мне кажется, на самом деле никто хорошо не владеет языком маори. Местные сами нам все облегчают. Они радуются каждому английскому слову, которое учат. У кого возникнет желание произносить слова вроде taumatawhatangihangakoauauotamatea-turipukakapikimaungahoroukupokaiwhenuakitanatahu?

— Что? — засмеялась Гвинейра.

— Это гора на Северном острове. Даже маори довольно тяжело выговорить ее полное название. Но с каждым глотком виски становится легче, уж поверьте! — Джеймс подмигнул девушке, и его губы растянулись в широкой улыбке.

— Значит, вы выучили это, сидя у костра с маори? — спросила Гвин.

Джеймс кивнул.

— Мне пришлось немало поехать, нанимаясь работником па разные фермы. По пути я часто натыкался на деревни маори, а они очень гостеприимный народ.

— Почему вы не нанялись китобоем? — поинтересовалась Гвин. — Там явно можно заработать больше денег. Мистер Джеральд...

Джеймс усмехнулся.

— Мистер Джеральд также отлично играет в карты, — заметил он.

Гвинейра при этом покраснела. Неужели о карточной игре между Джеральдом Уорденом и ее отцом уже стало известно даже работникам фермы?

— Работая китобоем, состояния не наживешь, — продолжил МакКензи. — К тому же мне не нравится такой промысел. Поймите меня правильно, я не брезгливый, но вся эта возня с жиром и кровью... нет уж. Зато я хорошо стригу овец, я обучился этому в Австралии.

— Значит, в Австралии живут не только каторжники? —

поинтересовалась Гвин.

— Не только. Также потомки каторжников и обычные добровольные переселенцы. К тому же не все осужденные представляют собой страшных преступников. Порой это всего лишь бедняги, которым пришлось опуститься до кражи куска хлеба ради своих детей. Или все те ирландцы, которые восстали против британской власти. Большинство из них очень достойные люди. А преступники есть везде, и в Австралии я встретил их не больше, чем в каком-либо другом месте.

— А в каких местах вы бывали? — с любопытством спросила Гвин, которая всегда находила истории МакКензи очень увлекательными.

Он усмехнулся.

— В Шотландии. Потом приехал сюда. Я настоящий горец. Но не какой-нибудь глава клана, а простой рабочий. Я знаю толк в овцах, а не в длинных мечях.

Гвинейра была несколько разочарована. Шотландский воин был бы ей почти так же интересен, как американский ковбой.

— А вы, мисс Гвин? Вы действительно выросли в замке, как о вас говорят? — Джеймс снова покосился на девушку. Однако он не производил впечатления человека, который верит сплетням. У Гвинейры было такое чувство, будто молодой человек искренне интересовался ею.

— Я выросла в помещичьей усадьбе, — ответила Гвин. — Мой отец — лорд, но не из тех, что заседают в королевском совете, — улыбнулась она. — В некоторой степени у нас с вами есть нечто общее: Силкхэмы также предпочитают иметь дело с овцами, а не с мечами.

— А вам не... простите, если оскорблю вас своим вопросом, но я всегда думал, что... Разве леди не должны выходить замуж за лордов?

Это было довольно нескромно, подумала Гвин, но решила не обижаться.

— Леди выходят замуж за джентльменов, — уклончиво ответила она, но затем ее темперамент прорвался наружу. — И, разумеется, злые английские сплетники уже всем разболтали, что мой муж — «овечий барон» без настоящего дворянского титула. Это, конечно, прекрасно, когда на бумаге тебя относят к породистым лошадям, но на документах не поездишь.

Джеймс так рассмеялся, что едва не свалился с повозки.

— Не говорите такого в обществе, мисс Гвин! Вы попали просто в точку! Но насколько я себе представляю, в Англии было весьма затруднительно подыскать вам джентльмена.

— Претендентов на мою руку было достаточно! — обиженно

парировала Гвинейра. — Да и мистер Лукас до сих пор не жаловался.

— Чтобы пожаловаться на такую жену, как вы, надо быть слепым, глухим и полоумным! — вырвалось у Джеймса, но, прежде чем он успел развить свою мысль, Гвин разглядела на равнине под горным хребтом небольшое поселение, в сторону которого они как раз направлялись.

— Это Холдон? — спросила она.

Джеймс кивнул.

Холдон выглядел в точности как города первопоселенцев, про которых Гвин читала в своих любимых романчиках: торговая лавка, парикмахерская, кузница, постоялый двор и трактир, который, впрочем, назывался «паб». Все это располагалось в пестревших разными красками одно-и двухэтажных домах.

Джеймс остановил повозку у лавки Кендлеров.

— Не торопитесь с покупками, спокойно выбирайте то, что вам нужно, — сказал он. — Я сперва погружу древесину, затем схожу к цирюльнику и в конце пропущу кружку пива в пабе. Спешить нам с вами некуда. Если у вас будет желание, можете выпить чашечку чая с миссис Кендлер.

Гвинейра заговорщически улыбнулась:

— Возможно, она даст мне еще пару рецептов. Недавно мистер Джеральд потребовал приготовить ему йоркширский пудинг. Вам известно, как его готовить?

Джеймс покачал головой.

— Боюсь, это неизвестно даже самому О'Тулу. Так что до скорого, мисс Гвин!

Он протянул ей руку, чтобы помочь спуститься с повозки, и Гвин спросила себя, почему это прикосновение вызывало у нее такие же ощущения, какие она испытывала в те уединенные моменты, когда ласкала себя в спальне...

7

Гвинейра пересекла пыльную сельскую улицу, которая после дождя превращалась в болото, и вошла в галантерейную лавку Кендлеров. Миссис Кендлер была занята тем, что рассыпала разноцветные конфеты по высоким стаканам, но, похоже, она с готовностью прекратила это занятие и радостно поприветствовала Гвинейру.

— Миссис Уорден, какой сюрприз! Какое счастье! У вас есть время выпить чашечку чая? Дороти как раз заваривает чай. Она вон там с миссис О'Киф.

— С кем? — спросила Гвинейра, и ее сердце затрепетало. — Неужели с Хелен О'Киф? — недоверчиво спросила она.

Миссис Кендлер радостно кивнула.

— Ах да, вы же знаете ее еще как мисс Дэвенпорт. Мой муж и я сообщили ее будущему супругу о ее прибытии. Насколько мне известно, он молнией понесся в Крайстчерч и сразу же привез ее с собой. Отправляйтесь в дальнюю комнату, миссис Уорден, а я последую за вами, как только вернется Ричард.

«Дальней комнатой» называлась гостиная Кендлеров, примыкавшая к просторному помещению магазина. Однако она была не частью временного пристанища, в котором обычно жили владельцы лавок. Жилье Кендлеров было со вкусом обставлено дорогой мебелью из редких пород древесины. Солнечный свет падал в комнату через большие окна, за которыми открывался вид на дровяной склад за домом, где Джеймс как раз получал свой заказ. Мистер Кендлер помогал ему грузить дерево на повозку.

А в гостиной действительно была Хелен! Она сидела в обтянутом зеленым бархатом кресле и болтала с Дороти. Увидев Гвин, женщина вскочила на ноги. На ее лице читалось смешанное чувство удивления и радости.

— Гвин! Ты ли это? За сегодняшний день я встретила больше людей, чем за последние двенадцать недель до этого. Я уже начинаю думать, что вижу призраков.

— Мы можем друг друга ущипнуть! — с улыбкой произнесла Гвин.

Подруги обнялись.

— Давно ты здесь? — поинтересовалась Гвинейра, когда Хелен ее отпустила. — Я бы приехала в Холдон намного раньше, если бы знала, кого тут увижу.

— Я вышла замуж почти три месяца назад, — сухо ответила Хелен. — Но в Холдоне я впервые. Мы живем... достаточно далеко за городом...

Прозвучало это не особенно восторженно. Однако прежде чем продолжить разговор, пришлось поздороваться с Дороти. Девушка как раз вошла в комнату с заварником в руках и поставила еще один прибор для Гвинейры. Это дало Гвин возможность повнимательнее рассмотреть свою подругу. Хелен действительно не выглядела счастливой. Она заметно похудела, а ее ранее светлый цвет лица уступил место отвратительному загару. Руки молодой женщины огрубели, а ногти стали еще короче. И даже в одежде произошли перемены к худшему. Разумеется, платье Хелен было тщательно вычищено и накрахмалено, но на подоле виднелись следы ила.

— Наш ручей, — извиняющимся тоном пробормотала Хелен, заметив

взгляд Гвинейры. — Говард снова решил ехать на тяжелой повозке, потому что ему нужно было перевезти материал для забора. Но кони не могут сами перетянуть ее через ручей, приходится толкать.

— Почему вы не постройте мост? — поинтересовалась Гвинейра. В Киворд-Стейшн ей не раз приходилось проезжать по новым мостам.

Хелен пожала плечами.

— Вероятно, у Говарда нет денег. И людей. Не может же он построить мост сам. — Женщина потянулась за своей чашкой. Ее руки немного подрагивали.

— У вас нет людей? — растерянно спросила Гвинейра. — Даже маори? Кто же, в таком случае, занимается фермой? Кто ухаживает за садом, доит коров?

Хелен посмотрела на подругу. Во взгляде ее серых глаз читалась смесь гордости и отчаяния.

— Да кто же...

— Ты? — Гвинейра была потрясена. — Этого не может быть! Разве не ты говорила мне о фермере-джентльмене?

— Вычеркни джентльмена... Впрочем, я не могу сказать, что Говард — непорядочный человек. Он хорошо ко мне относится и много работает. Но он фермер, не больше и не меньше. С этой точки зрения мистер Джеральд был прав. Говард, кстати говоря, ненавидит его, и это взаимно. Наверное, между ними когда-то что-то произошло... — Хелен хотелось сменить тему разговора; она считала неприличным отзываться о муже в подобном тоне. С другой стороны... если она не будет даже намекать на правду, никто ей не поможет!

Однако сбить Гвинейру с толку было не так-то просто. Вражда между О'Кифом и Уорденом была девушке абсолютно безразлична. Ее беспокоила судьба Хелен.

— У тебя хотя бы есть соседи, которые могут как-то помочь тебе или хотя бы посоветовать? Ты же этому совершенно не обучена! — Гвин вернулась к разговору о работе на ферме.

— Я быстро учусь, — пробормотала Хелен. — А соседи... ну да, пара маори. Их дети каждый день приходят ко мне, чтобы я их чему-нибудь научила. Они очень милые. Но... но кроме них вы — единственные белые люди, которых я... вижу со дня моего прибытия на ферму... — Хелен попробовала взять себя в руки, из последних сил сдерживая слезы.

Дороты прижалась к Хелен, чтобы ее утешить. Гвинейра же, будучи более деятельной, уже начала строить планы, как помочь подруге.

— Как далеко отсюда находится ферма? Можно будет проведать тебя?

— За пять миль отсюда, — ответила Хелен. — Но я даже не знаю, в каком направлении...

— Вам нужно это выяснить, миссис О'Киф. Если вы не умеете различать стороны света, то сразу же здесь потеряетесь! — Миссис Кендлер вошла в комнату с пышками, которые пекла и продавала в ее магазине одна женщина из поселка. —

Если считать отсюда, ваша ферма находится на востоке.

И ваша, кстати, тоже, миссис Уорден. Однако они расположены не совсем на одной линии. С главной дороги нужно свернуть. Если хотите, я могу вам объяснить. Или спросите у мужа.

Гвин как раз хотела намекнуть, что никого из Уорденов лучше не спрашивать о том, как добраться к О'Кифам, но Хелен уже воспользовалась возможностью сменить тему разговора.

— А что за человек твой Лукас? Он действительно такой джентльмен, каким его описывают?

Отвлекаясь на секунду, Гвинейра взглянула в окно. Джеймс как раз закончил погрузку древесины и направил повозку к выходу со двора. Хелен заметила, что глаза Гвин заблестели, когда она увидела мужчину на козлах.

— Это он? Тот красивый парень на повозке? — с улыбкой спросила Хелен.

Гвин не сразу смогла оторвать взгляд от Джеймса, но потом пришла в себя.

— Что? Прости, я следила за нашей погрузкой. Человек на козлах — мистер МакКензи, наш главный пастух. Лукас... Лукасу, собственно говоря, сама идея ехать на телеге и грузить дерево без посторонней помощи...

Хелен выглядела уязвленной. Говарду, конечно же, пришлось бы грузить материал для изгороди самому.

Заметив выражение лица Хелен, Гвин поспешила исправиться:

— О, Хелен, конечно же, я не хотела сказать, что это оскорбительно... Я уверена, что мистер Джеральд помогал бы при погрузке. Но Лукас — эстет, понимаешь? Он пишет научные труды, рисует картины и играет на фортепьяно. В конюшнях и загонах для овец он почти никогда не появляется.

Хелен наморщила лоб.

— А если он когда-нибудь унаследует ферму?

Гвинейра была потрясена. Хелен, с которой она познакомилась два месяца назад, такой вопрос никогда не пришел бы в голову.

— Я думаю, мистер Джеральд надеется на другого наследника... — вздохнула она.

Миссис Кендлер с любопытством посмотрела на Гвин.

— Пока что ничего не заметно, — со смехом сказала она. — Но ведь вы женаты всего несколько недель. Мистер Джеральд должен проявить терпение и дать вам немного времени. Какими красивыми женихом и невестой вы были!

За этим последовал восторженный рассказ о свадебном приеме Гвинейры. Хелен слушала молча, а Гвин больше хотелось расспросить подругу, как прошла ее свадьба с Говардом. Да и вообще, было много чего такого, о чем ей не терпелось поговорить с Хелен. Но желательно с глазу на глаз. Миссис Кендлер, конечно, была милой женщиной, но в то же время собирала все ходившие по округе сплетни.

Тем не менее она была настолько любезной, что согласилась поделиться с молодыми женщинами всевозможными рецептами и советами по ведению хозяйства.

— Без дрожжей хлеба не испечь, — сказала миссис Кендлер Хелен. — Вот, возьмите немного у меня. А это средство, которое поможет спасти ваше платье. Нужно замочить в нем грязные места, иначе подол будет безнадежно испорчен. А вам, миссис Уорден, нужны формы для кексов, иначе вы не сможете порадовать мистера Джеральда традиционной английской выпечкой...

Хелен получила даже Библию на языке маори. У миссис Кендлер в запасе было несколько экземпляров: миссионеры когда-то заказывали Библию, но маори не проявили особого интереса.

— Большинство аборигенов не умеют читать, — продолжила миссис Кендлер. — Кроме того, у них есть свои собственные боги.

Пока Говард был занят погрузкой, Гвин и Хелен смогли еще пару минут поговорить наедине.

— Мне нравится, как выглядит твой мистер О'Киф, — заметила Гвинейра. Перед этим она из лавки наблюдала за его разговором с Хелен. Этот мужчина больше соответствовал ее представлениям о деятельном колонисте, чем аристократичный Лукас. — Тебе нравится быть замужем?

Хелен покраснела.

— Не думаю, что это должно кому-то нравиться. Но это... терпимо. Ах, Гвин, теперь мы снова не будем видеться месяцами. Кто знает, приедешь ли ты в Холдон в тот же день, что и мы...

— А разве ты не можешь приехать сюда одна? — спросила Гвин. — Без Говарда? Мне это совсем не трудно. На Игрэн я добирюсь сюда менее чем за два часа.

Хелен вздохнула и рассказала о муле.

— Если бы я умела на нем ездить...

Гвинейра просияла.

— Конечно же, ты сможешь на нем ездить! Я тебя научу! Я загляну к тебе в гости, как только подвернется возможность. Дорогу я уж как-нибудь найду!

Хелен хотела сказать ей, что Говард не хотел бы видеть кого-либо из Уорденов у себя в доме, но сдержалась. Если ее муж и Гвин действительно столкнутся нос к носу, она что-нибудь да придумает. Обычно Говард весь день был занят овцами или уезжал верхом далеко в горы, чтобы отыскать разбежавшихся животных или починить старую изгородь, поэтому очень редко приходил домой до наступления темноты.

— Я буду ждать тебя! — с надеждой произнесла Хелен.

Подруги поцеловались в обе щеки, и Хелен вышла.

— Да уж, у жен мелких фермеров нелегкая жизнь, — вздохнула миссис Кендлер. — Тяжелая работа и много детей. Миссис О'Киф повезло, что ее супруг уже в возрасте. Вряд ли он способен осчастливить ее огромной оравой ребятишек. Да и сама она не настолько юная. Надеюсь, все у них сложится хорошо, ведь на такие одинокие фермы не соглашается ездить ни одна повитуха...

Джеймс МакКензи пришел за Гвинейрой немного позже. Он с удовольствием загрузил ее покупки в повозку и помог ей взобраться на козлы.

— У вас был хороший день, мисс Гвин? Мистер Кендлер сказал, что вы встретили давнюю подругу.

К радости Гвин, МакКензи знал, как добраться до фермы Хелен. Правда, когда хозяйка спросила его об этом, он громко присвистнул.

— Вы хотите поехать в гости к О'Кифам? В пещеру льва? Только не говорите об этом мистеру Джеральду. Он застрелит меня, если узнает, что я рассказал вам, как туда добраться!

— Об этом я могла узнать и от кого-нибудь другого, — невозмутимо ответила Гвин. — Но что между ними произошло? Для мистера Джеральда Говард, похоже, хуже дьявола, и мне кажется, что эта неприязнь взаимна.

Джеймс улыбнулся.

— Точно никто не знает. Ходят слухи, что они когда-то работали вместе. Но потом поссорились. Некоторые говорят, что из-за денег, другие — что из-за женщины. Ваши земли граничат друг с другом, но Уордену принадлежат самые лучшие пастбища, а у О'Кифа — одни холмы и скалы. Кроме того, Говард не пастух, хотя и является выходцем из Ирландии. История отношений Джеральда и Говарда очень... неясная. Подробности

вам смогут рассказать, наверное, лишь они сами, но захочет ли кто-нибудь из них об этом говорить? Ах да, вот и развилка... — Джеймс остановил упряжку возле дороги, ведущей налево в горы. — Вот сюда вам нужно будет свернуть. Можете ориентироваться по скалам. А затем просто следуйте по дороге, она здесь одна. Но порой ее тяжело заметить, особенно летом, когда не так видны следы от повозок. Придется также пересечь несколько ручьев, один из которых почти такой же широкий, как река. Когда вы здесь немного сориентируетесь, то наверняка сообразите, как срезать путь между фермами. Но поначалу, чтобы не заблудиться, вам лучше пользоваться этой дорогой...

Однако Гвинейра очень редко сбивалась с пути. Кроме того, Клео и Игрэн, конечно же, нашли бы обратный путь до Киворд-Стейшн. Поэтому через три дня, пребывая в отличном расположении духа, девушка отправилась проведать подругу. Лукас был не против того, чтобы она поехала в Холдон верхом; сейчас его мысли были заняты другими заботами.

Джеральд не только решил, что Гвин следует серьезнее относиться к обязанностям домохозяйки, он также считал, что Лукас наконец-то должен начать усерднее заниматься фермой. Поэтому Уорден-старший каждый день засыпал сына поручениями, которые ему нужно было выполнять с работниками, и довольно-таки часто это были занятия, заставляющие молодого эстета краснеть, — и хорошо, если только краснеть. От зрелища кастрации молодых баранов, например, Лукасу сделалось так дурно, что от него еще целый день не было никакой пользы, как рассказывал шепотом Харди Кеннон остальным пастухам возле костра. Гвинейра, случайно услышавшая об этом, едва сдержалась, чтобы не рассмеяться. Однако она не могла наверняка сказать, как бы сама чувствовала себя на месте Лукаса. На ферме было полно такой работы, к которой не допускалась даже такая любопытная молодая леди, как Гвин Силкхэм.

В любом случае сегодня Лукас с МакКензи выгоняли баранов на горное пастбище. Там животным предстояло оставаться все лето, после чего их забивали. Лукас уже сейчас ужасался при мысли о том, что осенью ему придется за этим наблюдать.

Гвинейра с удовольствием поехала бы с ними, но что-то удержало ее от этого. Лукасу не стоило видеть, как слаженно она работала с пастухами, — такой конкуренции нужно было избегать любыми способами. У Гвин уже имелся опыт отношений с братом, который, видя успехи Гвин, не мог скрыть своего раздражения. Кроме того, Гвин не хотелось целый день

скакать в дамском седле. Она уже отвыкла сидеть на лошади боком, и спустя несколько часов у нее бы наверняка заболела спина.

Игрэн бежала резвым галопом, и через час Гвинейра была у развилки, ведущей к ферме Хелен. Отсюда ей предстояло проделать нелегкий путь в две мили. Дорога была в ужасном состоянии. Гвинейру пугала сама мысль о том, что по ней можно вести упряжку, к тому же с такой тяжелой повозкой, как у Говарда. Неудивительно, что несчастная Хелен выглядела такой измученной.

Впрочем, для Игрэн поездка не составляла особого труда. Сильная кобыла привыкла к каменистой местности, а необходимость постоянно перебегать ручьи лишь радовала ее, ибо позволяла немного освежиться. По меркам Новой Зеландии день был достаточно жарким, и кобыла то и дело покрывалась мылом. Клео, напротив, при переходе через ручей изо всех сил старалась не замочить лап. Гвинейра не могла удержаться от смеха каждый раз, когда ее любимице это не удавалось и она вследствие неудачного прыжка с плеском падала в холодную воду и скулила, обиженно поглядывая на хозяйку.

Наконец на горизонте появился какой-то дом, однако первые несколько минут Гвинейре было тяжело поверить в то, что этот деревянный сруб на самом деле был главным зданием фермы О'Кифов. И все же именно здесь, по всей видимости, жила ее подруга: в загоне перед домом пасся мул. При виде Игрэн он издал странный звук, походивший вначале на ржание, а потом на рев быка. Гвинейра покачала головой. Странные животные. Она не понимала, как кто-либо мог предпочитать их лошадям.

Девушка привязала кобылу к изгороди и отправилась на поиски Хелен. В хлеву она обнаружила только одиноко стоящую корову. Затем из дома раздался громкий крик. Это однозначно была Хелен; она так испуганно кричала, что Гвин похолодела. В ужасе она бросилась на поиски оружия, которым могла бы защитить подругу, но потом, решив, что справится и с плеткой, поспешила на помощь Хелен.

Однако никого, кроме испуганной подруги, Гвин не увидела. Похоже, Хелен подметала пол и застыла посреди комнаты, потрясенная каким-то страшным зрелищем.

— Хелен! — позвала Гвин. — Что случилось?

Однако Хелен не собиралась отвечать подруге или хотя бы посмотреть в ее сторону. Она, как и прежде, не могла оторвать взгляда от чего-то, скрывавшегося в углу комнаты.

— Вот... вот... вот оно! Ради всего святого, что это? На помощь, оно прыгает!

Хелен в панике попятилась и чуть было не споткнулась о стул. Гвинейра подхватила подругу и оттащила ее от жирной блестящей саранчи, хоть та и прыгала в другую сторону. Существо представляло собой роскошный экземпляр — примерно десять сантиметров в длину.

— Это уэта, — спокойно объяснила Гвин. — Предположительно земляная уэта, однако, возможно, и заблудившаяся древесная. Но точно не гигантская уэта, те не умеют прыгать...

Хелен посмотрела на подругу так, словно та сбежала из лечебницы для душевнобольных.

— И это самец. На случай, если ты захочешь его как-нибудь окрестить... — Гвинейра захихикала. — Не пугайся, Хелен. Они отвратительны, но не причинят тебе никакого вреда. Просто вынеси эту тварь из дома и...

— А... а ее нельзя у... убить? — спросила Хелен дрожащим голосом.

Гвин покачала головой.

— Не стоит и пробовать. Это невозможно. Говорят, даже если их сварить, ничего не получится... хотя этого я еще не пробовала. Лукас может говорить о них часами. Это, так сказать, его любимые животные. У тебя есть стакан или что-то вроде того? — Один раз Гвинейра уже видела, как Лукас ловил уэт, и теперь ловко накрыла огромное насекомое банкой из-под варенья. — Поймался! — обрадовалась девушка. — Если нам удастся закрутить банку, я смогу отвезти его Лукасу в подарок.

— Не шути, Гвин! Я думала, он джентльмен! — Хелен потихоньку приходила в себя, но все еще не могла отвести взгляда от удивительного и отвратительного гигантского насекомого, пойманного Гвинейрой.

— То, что Лукас джентльмен, не исключает его интереса к подобным существам, — ответила Гвин. — У мужчин странные пристрастия...

— И не говори. — Хелен подумала о ночных забавах Говарда. Он предавался им почти каждый день, кроме того времени, когда у Хелен были месячные. Однако они — единственное, чему она хоть немного радовалась с момента замужества, — довольно скоро прекратились.

— Заварить тебе чаю? — спросила Хелен. — Говарду больше нравится кофе, но для себя я купила чай. «Дарджилинг», из Лондона... — В ее голосе прозвучала тоскливая нотка.

Гвинейра осмотрела бедно обставленное помещение. Два шатающихся стула, вычищенная до блеска, но истертая столешница, на которой лежала Библия для маори. Кипящий котел на жалкой печи. Все это не создавало идеальной атмосферы для чаепития. Она подумала об уютном доме миссис Кендлер. Затем решительно покачала головой.

— Заварить чай мы можем и позже. Сначала ты научишься управлять мулом... Я дам тебе... ну, скажем, три урока верховой езды. А после этого встретимся в Холдоне.

Мул оказался не очень-то стоворчивым. Когда Хелен попыталась притронуться к нему, он убежал и кусался. Женщина облегченно вздохнула, завидев Рети, Ронго и еще двоих детей маори. Раскрасневшееся лицо Хелен, ее проклятия и безнадежные попытки поймать мула дали маори очередной повод похихикать, но затем Рети за несколько секунд взнуздal животное. Он также помог Хелен надеть на мула седло, пока Ронго кормила животное бататом. Но после этого женщине уже никто не мог помочь. Взбираться на мула Хелен нужно было самой.

Гвинейра сидела на ограде выгона, пока Хелен пыталась заставить животное везти ее вперед. Дети снова затряслись от смеха, ибо мул не потрудился сделать и шагу. Только после того, как Хелен толкнула его в бок, он издал некое подобие стога и сдвинулся с места. Однако Гвинейра была недовольна.

— Так ничего не получится! Если ты будешь его пинать, он не станет идти вперед, а только разозлится! — Гвинейра, сидевшая на деревянной изгороди как надзиратель, старалась придать своей речи больше выразительности и для этого дирижировала при помощи плетки. Уважение девушки к правилам приличия выражалось лишь в том, что она поджала ноги, пытаясь ловко спрятать их под платьем для верховой езды, что делало ее позу небезопасной. При этом все ее ухищрения были просто-напросто ни к чему. Язвительно ухмыляющиеся дети вряд ли стали бы смотреть на ее ноги, даже если бы их внимание не было полностью занято событиями, которые разыгрывались в загоне. Ведь их матери все время бегали босиком, в укороченных юбках и даже полуголыми.

Но Хелен сейчас об этом не думала. Она была слишком сосредоточена на том, чтобы заставить упрямого мула подчиниться ей. Оставаться на его спине Хелен удавалось на удивление легко — старое седло Говарда было удобным и не позволяло ей сваливаться со спины животного. Однако, к сожалению, ее мул так и норовил сделать по-своему и останавливался возле каждого куста.

— Если его не пинать, он совсем перестанет двигаться! — пожаловалась она и снова ударила шпорами по ребрам мула. — Может... если ты дашь мне палку, я могла бы его бить!

Гвинейра закатила глаза.

— И как только люди нанимали тебя гувернанткой? Бить, пинать... разве так ты обходишься со своими детьми? — Она бросила взгляд на

хихикающих маленьких маори, которым явно нравилась борьба их учительницы с мулом. — Ты должна любить мула, Хелен! Сделай так, чтобы ему нравилось работать па тебя. Ну же, скажи ему что-нибудь приятное!

Хелен вздохнула, задумалась и неохотно наклонилась вперед.

— Какие у тебя красивые, мягкие ушки! — проворковала она и попыталась погладить огромные уши мула.

Мул отреагировал на сближение яростной попыткой укусить ее за ногу. Хелен от страха чуть не свалилась со спины животного, а Гвинейра — от смеха с забора.

— Любить! — пробормотала Хелен. — Он меня, похоже, ненавидит!

Один из старших детей маори сделал замечание, принятое остальными ехидным смехом. Лицо Хелен залилось краской.

— Что он сказал? — осведомилась Гвин.

Хелен кусала себе губы.

— Всего лишь цитату из Библии, — пробормотала она.

Гвин восхищенно закивала.

— Если ты можешь заставить этих озорников добровольно цитировать Библию, то сможешь заставить двигаться даже осла! Мул — твой единственный шанс бывать в Холдоне. Как его, собственно говоря, зовут? — Гвинейра размахивала плетью, но, очевидно, не собиралась предоставить ее в распоряжение подруги, чтобы та могла привести мула в движение.

Хелен поняла, что придется дать мулу имя...

После урока верховой езды подруги все же выпили чаю, и Хелен рассказала Гвин о своих маленьких учениках.

— Рети, старший мальчик, очень живой, но довольно-таки дерзкий. А Ронго восхитительна. В принципе, это милые дети. Весь народ маори очень дружелюбный.

— Ты уже неплохо говоришь на языке маори! — с восторгом заметила Гвин. — Я, к сожалению, знаю только пару слов. Но у меня нет времени учить язык. Я слишком занята.

Хелен пожала плечами, но все равно обрадовалась похвале.

— Я и раньше учила языки, поэтому легче усваиваю язык маори. Кроме того, мне не с кем больше поговорить. Если я не хочу стать отшельницей, мне просто необходимо знать язык местного населения.

— А разве ты не общаешься с Говардом? — спросила Гвин.

— Общаюсь, — кивнула Хелен, — но... но мы... у нас не так уж много

общего...

Внезапно на Гвин нахлынуло чувство вины. Хелен на ее месте наслаждалась бы долгими разговорами с Лукасом об искусстве и культуре, не говоря уже о его игре на фортепьяно и живописи. Гвинейра должна была благодарить судьбу за такого изысканного супруга. Но она чаще всего испытывала в его обществе лишь скуку.

— Женщины в поселке тоже очень отзывчивые, — продолжала Хелен. — Интересно, есть ли среди них повитуха...

— Повитуха?! — воскликнула Гвин. — Хелен! Только не говори, что ты... Это невероятно! Ты беременна, Хелен?

Хелен подняла измученный взгляд.

— Я точно не знаю. Но миссис Кендлер вчера пристально посмотрела на меня и сделала пару замечаний. Кроме того, я иногда чувствую себя... странно. — Женщина покраснела.

Гвин хотелось все знать наверняка.

— Значит, Говард... я имею в виду, он делает то, что необходимо для...

— Думаю, да, — прошептала Хелен. — Он делает это каждую ночь. Не знаю, смогу ли я к этому когда-либо привыкнуть.

Гвин закусила губу.

— А почему нет? То есть... это больно?

Хелен посмотрела на подругу, словно на полоумную.

— Конечно, Гвин. Разве твоя мать не рассказывала тебе об этом? Но мы, женщины, должны терпеть. Почему ты вообще спрашиваешь? Неужели тебе совсем не больно?

Гвинейра медлила с ответом, пока Хелен не сменила тему на менее щекотливую. Но реакция подруги подтвердила догадки Гмин. Они с Лукасом явно делали что-то не так. В первый раз девушка спросила себя, все ли с ней в порядке...

Хелен назвала мула Непумуком и начала задабривать его морковью и бататом. Уже через несколько дней, как только молодая женщина показывалась на пороге дома, мул приветствовал ее оглушительным ревом, а потом с молниеносной скоростью перебежал через весь загон, чтобы дать ей надеть на себя узду, ведь до и после этого ему перепало вкусенького. Гвинейра осталась очень довольна третьим уроком верховой езды, и в один прекрасный день Хелен собралась с духом, оседлала Непумука и направилась в Холдон. Женщина чувствовала себя так, будто пересекла как минимум океан, когда наконец-то направила мула по улице селения. Он сразу же устремился к кузнице, потому что там обычно его ждали

овес и сено. Кузнец оказался дружелюбным мужчиной и пообещал Хелен присмотреть за животным, пока она проводит миссис Кендлер. Миссис Кендлер и Дороти не скупилась на похвалы, а Хелен грелась в лучах своей новой свободы.

Вечером она побаловала Непумука дополнительной порцией овса и маиса. Он дружелюбно пофыркивал, и Хелен вдруг показалось, что считать его милым не так уж и сложно.

8

Лето подходило к концу, и стало заметно, что сезон разведения скота на Киворд-Стейшн прошел успешно. Все овцематки были беременны; новый жеребец оплодотворил трех кобыл, а юный Даймон — всех без исключения половозрелых сук во дворе и некоторых с соседних ферм. Даже животик Клео округлился. Гвинейра радовалась скорому появлению щенков. Что же касалось ее собственных попыток забеременеть, никаких изменений до сих пор не наблюдалось, кроме того, что Лукас теперь заходил к ней ночью только один раз в неделю. И всегда происходило одно и то же: Лукас был вежливым и внимательным и извинялся, когда ему казалось, что он каким-либо образом обидел Гвин. Однако у девушки никогда ничего не болело, да и крови тоже не было, а намеки мистера Джеральда постепенно стали действовать ей на нервы. Через несколько месяцев брака, как утверждал Уорден-старший, молодая здоровая женщина обязательно должна была забеременеть. Это еще больше убеждало Гвин во мнении, что с ней что-то не так. В конце концов она рассказала обо всем Хелен.

— Мне это безразлично, но мистер Джеральд невыносим. Он говорит об этом в присутствии прислуги и даже пастухов. Мол, мне стоило бы меньше шататься по конюшням и больше заботиться о своем муже, тогда бы у нас родился ребенок. Но я же не забеременею от того, что буду смотреть, как Лукас рисует!

— Но он... он ведь регулярно посещает тебя ночью? — осторожно осведомилась Хелен. Сама она была уверена в том, что с ней происходят какие-то изменения, хотя до сих пор никто не подтвердил ее беременность.

Гвинейра кивнула и нервно подергала мочку уха.

— Да, Лукас старается. Наверное, проблема во мне. Если бы я только знала, кого можно спросить...

Хелен пришла в голову мысль. В ближайшем будущем она планировала поехать в селение маори, и там... Женщина не знала почему,

но она не так стеснялась рассказывать аборигенкам о своей возможной беременности, как миссис Кендлер или какой-либо другой колонистке из поселка. Почему бы ей не заговорить и о проблеме Гвинеиры, раз уж есть возможность?

— Знаешь что? Я спрошу местную колдунью или кто она там, — сказала после недолгих раздумий Хелен. — Бабушку маленькой Ронго. Она очень дружелюбна. Когда я последний раз была у нее, женщина подарила мне кусочек нефрита в знак благодарности за то, что я обучаю детей. Маори считают ее *tohunga*, мудрой женщиной. Наверняка она разбирается в женских делах. В худшем случае она лишь прогонит меня, только и всего.

Гвинеира отнеслась к этой затее скептически.

— Вообще-то, я не верю в колдунов, — сказала она, — но попробовать стоит.

Матахоруа, *tohunga* маори, встретила Хелен перед *wharennui*, украшенным резьбой домом для собраний. Это была открытая воздухи и свету постройка, архитектура которой, как Хелен услышала от Ронго, олицетворяла живое существо. Крыша образовывала позвоночник, а обрешетка — ребра. Перед домом, под навесом, стояла жаровня, на которой для всех готовилась еда, так как маори жили в узкой общине. Они спали вместе в больших спальнях домах, которые не были разделены на отдельные комнаты, и мебели у них тоже практически не было.

Матахоруа предложила Хелен присесть на один из камней, которые торчали посреди лужайки перед домом.

— Как могу помочь? — сразу же спросила она.

Хелен начала копаться в своем словарном запасе языка маори, состоявшем в основном из содержания Библии и догм Папы Римского.

— Что делать, если нет зачатия? — осведомилась она, надеясь, что при этом действительно выпустила слово «беспорочное».

Старая женщина засмеялась и вылила на Хелен непонятный поток слов.

Хелен жестом показала, что не понимает.

— Почему нет ребенок? — попыталась перейти на английский Матахоруа. — Ты обязательно получить ребенок! Зимой, когда очень холодно. Я прийти помочь, если ты хочешь. Красивый ребенок, здоровый ребенок!

Хелен не могла в это поверить. Значит, это правда — она родит ребенка!

— Я прийти помочь, если ты хочешь, — снова любезно предложила Матахоруа.

— Благодарю... тебе всегда... рады, — с трудом облекла в слова свою мысль Хелен.

Колдунья улыбнулась.

Однако Хелен необходимо было как-нибудь вернуться к своему вопросу. Она снова попыталась задать его на языке маори.

— Я — зачатие, — объяснила она и, показав на свой живот, залилась румянцем. — Но подруга не зачатие. Что можно сделать?

Старая женщина пожала плечами и снова принялась подробно объяснять что-то на своем родном языке. В конце концов она подозвала Ронго, которая играла неподалеку с другими детьми.

Маленькая девочка подошла к ним и, по всей видимости, была рада помочь учительнице с переводом. Хелен вгоняло в краску то, что приходилось обсуждать такие вещи с ребенком, но Матахоруа, похоже, не считала это чем-то особенным.

— Это она так не мочь сказать, — объяснила Ронго, после того как tohunga повторила еще раз свои слова. — Может быть много причин. У мужчины, у женщина, у два сразу... Нужно увидеть женщина, а лучше оба, мужчина и женщина. А так она мочь только угадывать. А угадывать нет польза.

И все же Матахоруа подарила Хелен еще один кусочек нефрита, теперь для ее подруги.

— Друзья мисс Хелен всегда добро пожаловать! — сказала Ронго.

В благодарность Хелен достала из своей сумки пару посадочных картофелин. Говард ругал ее, когда она раздаривала драгоценные клубни, но старая маори очень обрадовалась. Она велела Ронго принести трав, которые затем передала Хелен.

— Вот, помогать, когда плохо утром. Положить в горячий вода и пить перед тем, как вставать с постель.

Вечером Хелен сообщила супругу, что он станет отцом. Го-нард что-то довольно пробормотал себе под нос. Он явно обрадовался, но Хелен хотелось бы услышать больше слов благодарности. Одно было хорошо: с этого дня Говард оставил свою жену в покое. Он больше не прикасался к ней, а спал рядом с ней как брат, что было невероятным облегчением для молодой женщины. Ее растрогало до слез то, что на следующий день Говард даже принес ей чашку чая в постель.

— Вот. Колдунья же сказала, что тебе нужно это пить. А женщины из племени маори разбирается в таких вещах. Они рожают своих детей так же часто, как кошки.

Гвин тоже очень радовалась за подругу, но поначалу отказывалась

идти с ней к Матахоруа.

— Это ведь без толку, если Лукас не пойдет со мной. Она, наверное, колдует только для пар. Я лучше пока возьму нефритовый камень — помещу его в мешочек и буду носить на шее. Тебе ведь это принесло счастье.

Гвинейра многозначительно указала на живот подруги и при этом выглядела настолько обнадеженной, что Хелен не стала объяснять, что маори не верили в волшебство амулетов. Нефритовый камень стоило рассматривать скорее как знак благодарности, признательности и дружбы.

Естественно, чуда не произошло, тем более что Гвин не решалась открыто носить нефритовый камень и не положила его в постель. Ей не хотелось, чтобы Лукас начал подшучивать над ее суевериями или, что еще хуже, разозлился. В последнее время он все более яростно пытался привести свои сексуальные усилия к успешному завершению. Почти без каких-либо нежностей он сразу пытался войти в Гвин. Иногда это причиняло боль, но ей все равно казалось, что они делают что-то не так.

Наступил март, и новым переселенцам пришлось привыкать к тому, что этот месяц здесь, в Южном полушарии, был началом зимы. Лукас с Джеймсом МакКензи и его людьми выехал в горы, чтобы пригнать овец обратно. Уордену-младшему не нравилось это занятие, но Джеральд настоял на присутствии сына. Гвин также представилась неожиданная возможность принять участие в загоне скота. Вместе с Уити и Кири она укладывала в повозку еду.

— На ужин — ирландское рагу! —• радостно сообщила она в первый вечер вернувшимся в лагерь мужчинам.

Маори уже успели запомнить рецепт этого блюда, а Гвинейра научилась готовить его без посторонней помощи. Однако сегодняшний день девушка провела не за чисткой картофеля и варкой капусты. Она оседлала Игрэн и вместе с Клео поехала в горы, чтобы найти там пару сбегавших овец. Об этом Гвинейру втайне от остальных попросил Джеймс МакКензи.

— Я знаю, что мистеру Уордену такое не понравилось бы, мисс Гвин, и я бы с радостью занялся этим сам или попросил кого-нибудь из парней. Но сейчас на счету каждый человек, у нас очень мало людей. В последние годы нам всегда помогал хотя бы один маори. Но в этот раз, поскольку мистер Лукас поехал с нами...

Гвин понимала, что имеет в виду Джеймс, и не могла не уловить его интонации. Джеральд сэкономил на дополнительных загонщиках и был

чрезвычайно этому рад. Об этом Гвинейра уже успела услышать за семейным обедом. Тем не менее Лукас не мог заменить опытных помощников-маори. Работа на ферме ему не удавалась, к тому же он был для нее недостаточно крепким. С первого дня муж говорил Гвинейре о том, что у него болят все кости, хотя перегон скота еще не начался. Конечно, мужчины не осмеливались жаловаться на нерасторопность своего младшего начальника в открытую, но Гвин то и дело слышала замечания, в которых звучал скрытый упрек. «Мы бы справились быстрее, если бы овцы не удирали от нас трижды», — говорили они, и Гвин, разумеется, понимала, о чем идет речь. Когда Лукас углублялся в наблюдения за тем или иным скоплением облаков или насекомым, он наверняка бы не стал прерывать их только потому, что мимо него пробежала пара овец.

Поэтому МакКензи приставил к Уордену-младшему загонщика, и теперь пастухам не хватало как минимум одного человека. Разумеется, Гвинейра была рада помочь работникам. К тому моменту, когда мужчины вернулись в лагерь, Клео успела пригнать в стадо пятнадцать овец, которых Гвин отыскала в горах. Молодая женщина была немного обеспокоена тем, что скажет по этому поводу Лукас, однако тот ничего не заметил. Он молча съел свою порцию ирландского рагу и поспешил вернуться обратно в палатку.

— Я помогу с уборкой, — заявила Гвин с такой значительностью в голосе, словно ей предстояло помыть посуду после обеда из пяти блюд.

В действительности же она поручила несколько грязных тарелок девушкам маори и присоединилась к мужчинам, которые как раз рассказывали о своих приключениях. Естественно, при этом по кругу передавалась бутылка виски, а истории с каждым разом становились все более опасными и драматичными.

— Клянусь Богом, если бы меня там не оказалось, баран бы точно боднул его! — хихикал молодой Дэйв. — Как бы там ни было, он побежал на него, а я крикнул: «Мистер Лукас!», но он по-прежнему не замечал животное. Тогда я свистнул псу, и тот пронесся между ними и прогнал барана... И что же вы думаете? Он поблагодарил меня? Как бы не так, он меня отругал! Он сказал, что наблюдал за кеа, а пес напугал птицу. Но баран был уже рядом с ним, я вам говорю! Если бы я не вмешался, у него в штанах осталось бы еще меньше, чем есть сейчас!

Остальные мужчины взорвались от хохота. Только Джеймс МакКензи выглядел так, словно ему было не по себе. Гвин решила, что ей лучше уйти; женщине не хотелось услышать еще что-нибудь такое, что компрометировало бы ее супруга. Джеймс, увидев, что Гвинейра уходит,

последовал за ней.

— Мне очень жаль, мисс Гвин, — произнес он, когда они оказались в тени по другую сторону костра.

Ночь была не очень темная: светила полная луна и сверкали звезды. Завтра день тоже обещал быть ясным — подарок для пастухов, которым частенько приходилось работать и в туман, и в дождь.

Гвинейра пожала плечами.

— Вы не должны извиняться. Разве вы позволили бы барану подобраться так близко, чтобы он мог боднуть вас?

Джеймс подавил смех.

— Хотелось бы, чтобы мужчины были сдержаннее...

Гвинейра улыбнулась.

— Тогда вам стоит для начала объяснить им, что такое сдержанность. Нет-нет, мистер МакКензи. Я отлично представляю, что случилось, и понимаю, почему люди злятся. Мистер Лукас... он просто не создан для такой работы. Он хорошо играет на фортепьяно и очень красиво рисует, но ездить верхом и перегонять овец...

— А вы его хоть любите? — Джеймс еще не успел договорить эту фразу до конца, а уже был готов дать себе пощечину. Он не хотел спрашивать об этом. Никогда. В конце концов, это не его дело. Но он тоже пил, у него тоже был долгий день, и в течение этого дня ему, как и всем остальным погонщикам, не единожды приходилось проклипать Лукаса Уордена!

Гвинейра знала, как обязана вести себя замужняя женщина с ее положением и именем.

— Я очень уважаю своего супруга, — скромно ответила она. — Я по своей воле стала его законной женой, и он хорошо ко мне относится.

Гвин, конечно, стоило бы заметить, что МакКензи это вовсе не касается, но она не смогла этого сделать. Внутренний голос подсказывал ей, что этот мужчина был вправе спросить о ее чувствах.

— Вы получили ответ на свой вопрос, мистер МакКензи? — тихо осведомилась Гвин.

Джеймс МакКензи кивнул.

— Простите, миссис Гвинейра. Спокойной ночи.

Он не знал, почему протянул ей руку. Такое формальное прощание после пары часов отдыха у костра было не принято и наверняка неуместно, ведь они увидятся уже на следующий день за завтраком. Но Гвин пожала руку Джеймса, словно это было что-то само собой разумеющееся. Ее маленькая узкая, успевшая огрубеть из-за верховой езды и работы с

животными ладонь легко помещалась в крепкой мужской ладони пастуха. Джеймс изо всех сил пытался побороть порыв и не привлечь девушку к себе, чтобы поцеловать ее в губы.

Гвинейра опустила взгляд. Ей было приятно ощущать свою руку в надежной ладони Джеймса. Казалось, по всему ее телу распространялось тепло — включая те места, называть которые было непристойно. Гвин медленно подняла глаза и увидела отблеск своей радости в темных пытливых глазах МакКензи. Молодые люди одновременно улыбнулись.

— Спокойной ночи, Джеймс, — мягко промолвила Гвин.

Люди Джеральда согнали овец за три дня — так быстро, как никогда до этого. За лето на ферме Уорденов пропало всего несколько животных; большинство было в отличном состоянии, и за валухов собирались просить хорошую цену. Через пару дней после возвращения на ферму Клео привела потомство. Гвин восхищенно рассматривала четырех крохотных щенков, ворочавшихся в ее корзинке.

Джеральд, напротив, имел удрученный вид.

— Кажется, всем это удастся — кроме вас! — пробормотал он и злобно покосился на сына.

Лукас на это ничего не ответил. Между ним и отцом уже несколько недель кипела вражда. Джеральд не мог простить Лукасу его неумения работать на ферме, а Лукас сердился на Джеральда, потому что тот заставлял его ездить верхом с остальными мужчинами. Гвинейра постоянно чувствовала себя между двух огней и не могла избавиться от ощущения, что Джеральд начинает ненавидеть ее.

Зимой на пастбище было меньше работы, где бы могла пригодиться помощь Гвинейры, да и Клео тоже на несколько недель осталась не у дел. Поэтому Гвин часто седлала свою кобылу и ездила на ферму к О'Кифам. Во время перегона скота девушка нашла намного более короткий путь через поля и теперь посещала Хелен несколько раз в неделю. Хелен этому очень радовалась. Работа на ферме, а тем более езда на муле из-за растущего срока беременности давались ей все сложнее. Женщина почти не ездила в Холдон, чтобы выпить чаю с миссис Кендлер. Больше всего ей нравилось проводить дни за изучением Библии на языке маори и шитьем детской одежды. Конечно, Хелен, как и раньше, обучала детей из племени, которые взяли на себя огромную часть работы. Однако почти весь день она, тем не менее, проводила в одиночестве. Кроме всего прочего, еще и потому, что Говард по вечерам всегда уезжал в Холдон, чтобы выпить пару кружек

пива, и возвращался домой очень поздно. Гвинейра волновалась по этому поводу.

— Как ты сообщишь Матахоруа, что у тебя начались роды? — спросила Гвин. — Сама-то ты уже не сможешь к ней дойти!

— Миссис Кендлер хочет прислать ко мне Дороти. Но мне это не нравится... дом так мал, что ей пришлось бы спать в конюшне. И, насколько мне известно, дети обычно рождаются по ночам. Это значит, что Говард будет дома.

— Ты уверена? — удивленно спросила Гвинейра. — Моя сестра родила ребенка в обед.

— Но схватки наверняка начались ночью, — заявила Хелен.

Ей уже было известно самое основное, что женщина должна знать о беременности и родах. Услышав от Ронго множество рассказанных на ломаном английском невероятных историй о рождении детей, Хелен собралась с мужеством и попросила миссис Кендлер все ей разъяснить. Миссис Кендлер прекрасно справилась с этим заданием. Все-таки она родила троих сыновей, притом не в самых лучших условиях. Теперь Хелен знала, как начинаются роды и что для этого нужно подготовить.

— Ну, если ты так считаешь... — Гвинейра все еще сомневалась в словах подружки. — Но насчет Дороти ты еще подумай. Пару ночей в конюшне она уж точно переживет. А вот если при родах никто не будет присутствовать, ты можешь умереть.

С приближением родов Хелен, казалось, все больше склонялась к тому, чтобы принять предложение миссис Кендлер. Хотя бы уже из-за того, что Говард все реже появлялся дома. Казалось, ее положение раздражало его; очевидно, ему больше не хотелось делить с ней ложе. Когда фермер поздно ночью возвращался из Холдона, от него несло пивом и виски. Кроме того, он так часто спотыкался и падал по пути к кровати, что у Хелен начали зарождаться сомнения, сможет ли он вообще найти дорогу в деревню маори. Поэтому в начале августа Дороти все-таки переехала к О'Кифам. Тем не менее миссис Кендлер долго сетовала по поводу того, стоит ли отпускать девушку спать в конюшню.

— При всем уважении, мисс Хелен, это невозможно. Я ведь вижу, в каком состоянии мистер Говард каждую ночь уезжает отсюда. А вы... то есть он... Понятно, что в этот период ему недостает женской ласки... ну, вы понимаете, о чем я. Если он зайдет в конюшню и увидит девочку-подростка...

— Говард — честный человек! — попыталась защитить мужа Хелен.

— Честный человек тоже мужчина, — сухо ответила миссис Кендлер.

— А каждый пьяный мужчина опасен. Дороти будет спать в доме. Я поговорю с мистером Говардом.

Хелен беспокоилась, что ее муж рассердится, но, как оказалось, напрасно. Доставив Дороти на ферму, Говард перенес свою постель в конюшню и обосновался там.

— Мне это ничего не стоит, — с благородным видом заявил он. — Мне приходилось спать и в более плохих условиях. А доброе имя девушки должно сохраниться, здесь миссис Кендлер права. Не хотелось бы, чтобы у нее была плохая репутация!

Хелен была в восторге от дипломатического таланта миссис Кендлер. Очевидно, женщина аргументировала свое требование тем, что Дороти нуждалась в компаньонке и после родов никак не могла заботиться о Хелен и ребенке по ночам, если бы Говард ночевал в доме.

Таким образом, Хелен последние дни перед родами провела в компании Дороти и с утра до вечера успокаивала девушку. Дороти страшно боялась родов — настолько, что Хелен подчас казалось, что мать служанки, должно быть, умерла не от таинственной болезни, а при рождении следующего ребенка.

Гвинейра, напротив, была настроена почти оптимистически — даже в тот туманный день позднего августа, когда Хелен чувствовала себя особенно плохо и угнетенно. Говард еще с самого утра уехал в Холдон, чтобы забрать древесины, которую он заказывал для строительства нового склада. Разумеется, фермер не собирался заниматься погрузкой строительных материалов, чтобы затем побыстрее отправиться домой, — ему хотелось, как всегда, зайти в паб, выпить пива и поиграть в карты. Дороти пошла доить корову, а Гвинейра сидела с Хелен. Одежда девушки после поездки верхом сквозь туман пропиталась влагой, и она продрогла, поэтому сейчас еще больше, чем обычно, радовалась теплу камина и чаю, которым ее угощала Хелен.

— Матахоруа с этим наверняка справится, — заявила Гвин, когда Хелен рассказала ей о страхах Дороти. — Ах, хотела бы я быть на твоём месте! Знаю, сейчас ты чувствуешь себя несчастной, но ты бы видела, как обстоят дела у нас! Мистер Джеральд каждый день изводит меня намеками, и не только он. Даже женщины в Холдоне смотрят на меня так... пристально, словно я кобыла на выставке. И Лукас, кажется, тоже на меня злится. Если бы только знать, что я делаю не так! — Гвинейра вертела в руках свою чашку и чуть ли не плакала.

Хелен наморщила лоб.

— Гвинейра, женщина не может делать что-то не так! Ты же не

прогоняешь его? Ты же подпускаешь его к себе?

Гвин округлила глаза.

— О чем ты говоришь! Я знаю, что надо спокойно лежать. На спине. Я дружелюбна, обнимаю его... и все такое... что мне еще надо делать?

— Это уже больше того, что делала я, — заметила Хелен. — Может, тебе просто требуется больше времени. Все-таки ты намного моложе меня.

— Наоборот, тем быстрее я должна была бы забеременеть, — вздохнула Гвин. — По крайней мере, так говорила моя мать. А может, дело все-таки в Лукасе? Что, собственно говоря, значит слово «импотент»?

— Гвин, как ты только можешь! — Хелен ужаснулась от того, что ей пришлось услышать такое слово из уст подруги. — Такое нельзя говорить!

— Мужчины говорят это, обсуждая Лукаса. Конечно, только в том случае, когда он их не слышит. Если бы я только знала, что это значит...

— Гвинейра! — Хелен встала, чтобы снять с плиты чайник. Но потом внезапно вскрикнула и, согнувшись, схватилась за живот. — О нет!

У ног Хелен образовалась лужа.

— Миссис Кендлер говорила, что именно так все и начинается! — выдавила она. — Но сейчас только одиннадцать часов утра. Как стыдно... ты можешь вытереть это, Гвин?

Хелен вцепилась руками в спинку стула.

— Это околплодные воды! — сказала Гвин. — Не выдумывай, Хелен, это не стыдно. Я отведу тебя в постель, а потом отправлю Дороти за Матахоруа.

Хелен скорчилась.

— Мне больно, Гвин, ужасно больно!

— Скоро пройдет, — заверила Гвинейра, энергично взяла Хелен под руку и повела в спальню.

Там она раздела подругу, помогла ей надеть ночную рубашку, а не раз ее успокоила и побежала в конюшню, чтобы отправить Дороти к маори. Девушка расплакалась и пулей вылетела из конюшни. Гвинейра могла лишь надеяться, что она побежала в верном направлении. Затем Гвин подумала о том, что, возможно, было бы лучше, если бы она сама поехала в селение, однако отбросила эту мысль, вспомнив, что ее сестре понадобилось несколько часов, чтобы родить ребенка. Так что у Хелен это тоже не пройдет слишком быстро. И Гвин наверняка могла помочь ей больше, чем ревуущая от страха Дороти.

Поэтому Гвинейра вернулась в дом, вытерла лужу в кухне, приготовила еще чаю и принесла его к постели Хелен, у которой уже начались схватки. Каждые пару минут она вскрикивала и корчилась.

Гвинейра взяла подругу за руку и постаралась подбодрить ее. Так прошел час. Где же запропастились Дороти с Матахоруа?

Казалось, Хелен не замечала хода времени, а вот Гвин с каждой минутой нервничала все больше и больше. А вдруг Дороти действительно заблудилась? Только спустя два или три часа Гвин услышала какой-то шум за дверью. Гвинейра, нервы которой были на пределе, страшно испугалась. Однако это, конечно же, была Дороти. Она все еще плакала. Но с девушкой, вопреки всем ожиданиям, пришла не Матахоруа, а Ронго.

— Она не может прийти! — всхлипывала Дороти. — Пока что не может. Она...

— Рождаться еще одна ребенок, — спокойно объяснила Ронго. — И тяжело. Рано, мама болей. Бабушка должна остаться. Она говорить, мисс Хелен сильный, ребенок здоровый. Должна помогать я.

— Ты? — спросила Гвин. На вид Ронго было не больше одиннадцати лет.

— Да. Я уже видеть и помогать *kuia*. В мой семья много дети! — гордо заявила Ронго.

И хотя, по мнению Гвинейры, маленькая маори не подходила на роль повитухи, у нее все же было больше опыта, чем у всех присутствующих тут женщин.

— Хорошо. Что нам теперь делать, Ронго? — осведомилась Гвин.

— Ничего, — ответила девочка. — Ждать. Много часы. Матахоруа говорит, когда все кончатся, она прийти.

— Да уж, это настоящая помощь, — вздохнула Гвинейра. — Ну хорошо, мы подождем.

Ничего другого ей не приходило в голову.

Ронго оказалась права. Роды длились не один час. Когда наступали схватки, Хелен кричала от боли; затем она снова успокаивалась и, казалось, даже на несколько минут засыпала. К вечеру схватки участились и стали еще болезненнее.

— Это нормально, — заметила Ронго. — Можно я сделать оладьи с сиропом?

Дороти была шокирована тем, что девочка могла в такой ситуации думать о еде, но Гвин эта идея показалась неплохой. Мало того, что она сама была голодна, ей хотелось уговорить Хелен съесть хотя бы кусочек.

— Помоги ей, Дороти! — приказала Гвинейра.

Хелен с отчаянием посмотрела на подругу.

— Что случится с ребенком, если я умру? — прошептала она.

Гвинейра вытерла ей пот со лба.

— Ты не умрешь. А ребенку сначала нужно родиться. Где же Говард? Тебе не кажется, что ему пора бы уже вернуться домой? Он мог бы съездить в Киворд-Стейшн и сообщить, что я вернусь позже. А то домашние начнут беспокоиться.

Хелен, несмотря на боль, еле удержалась от смеха.

— Скорее Рождество и Пасха наступят в один день, чем он поедет в Киворд-Стейшн. Может, Рети... или другой ребенок...

— Я не могу разрешить им поехать на Игрэн. А осел тоже не знает дороги, как и дети.

— Это мул... — поправила Хелен и застонала. — Не называй его ослом, ему это не нравится...

— Я знала, что ты его полюбишь. Слушай, Хелен, я сейчас подниму ночную рубашку и загляну под нее. Может, ребенок уже появился...

Хелен затрясла головой.

— Я бы почувствовала это. Но... но теперь...

Хелен скорчилась от очередной схватки. Она вспомнила о том, что миссис Кендлер что-то говорила о потугах, попробовала сделать то, что советовала женщина, и застонала от боли.

— Может быть... сейчас... — Но перед тем как Хелен успела договорить, наступила следующая схватка. Женщина согнула ноги в коленях.

— Лучше, если стать на колени, мисс Хелен, — посоветовала Ронго с набитым ртом. Она только что вошла с большой тарелкой оладий. — И ходить вокруг. Потому что ребенок нужно вниз, понятно?

Гвинейра помогла стонущей и сопротивляющейся Хелен встать с постели. Однако женщине удалось сделать всего пару шагов, перед тем как она скорчилась от очередной схватки. Гвин подняла ночную рубашку Хелен, пока та опускалась на колени, и увидела у нее между ног что-то темное.

— Выходит, Хелен, ребенок выходит! Что теперь делать, Ронго? Если он сейчас выйдет, то упадет на пол!

— Не выпадать так быстро, — заметила Ронго и запихнула в рот еще один оладушек. — М-м-м, вкусно. Мисс Хелен может сразу есть, когда ребенок здесь.

— Я хочу обратно в кровать! — простонала Хелен.

Гвинейра помогла ей, хотя и не считала это разумным. Все однозначно шло быстрее, пока Хелен стояла на ногах или коленях.

Но тут Гвинейре пришлось прервать свои раздумья. Хелен еще раз пронзительно закричала, и маленькая темная макушка, которую видела

Гвин, превратилась в явившуюся на белый свет голову ребенка. Гвинейра вспомнила те многие роды ягнят, за которыми она тайно наблюдала. Овцематке обычно помогал пастух. Подобная помощь не помешала бы и здесь. Гвин решительно ухватила за головку ребенка и потянула ее на себя, в то время как Хелен кричала и задыхалась от очередной схватки. Напрягшись, женщина вытолкнула головку ребенка, Гвинейра потянула сильнее, увидела плечи, а потом и всего ребенка, повернувшего к ней свое сморщенное личико.

— Теперь резать, — невозмутимо сказала Ронго. — Резать пуповина. Красивый ребенок, мисс Хелен. Мальчик!

— Маленький мальчик? — простонала Хелен и попыталась подняться. — В самом деле?

— Похоже на то... — сказала Гвин.

Ронго схватила нож, который она до того держала наготове, и перерезала пуповину.

— Теперь нужно дышать!

Ребенок не просто сделал вдох, а громко закричал.

Гвинейра просияла.

— Он выглядит здоровым!

— Конечно, здоровый... я сказать, что здоровый... — донеслось от двери.

Матахоруа, tohunga маори, вошла в комнату. Чтобы защитить себя от холода и влаги, она завернулась в одеяло и закрепила его поясом. Ее многочисленные татуировки были видны лучше, чем обычно, потому что старуха побледнела от холода, а может, и от усталости.

— Мне жаль, но другой ребенок...

— Другой ребенок тоже здоров? — устало спросила Хелен.

— Нет. Умереть. Но мама жить. Твоя красивый сын!

Теперь Матахоруа взяла руководство над всем, что происходило в комнате роженицы, на себя. Она вытерла малыша и приказала Дороти нагреть воду для купания. Пока же повитуха положила ребенка на руки Хелен.

— Мой маленький сын... — прошептала Хелен. — Какой же он маленький... я назову его Рубеном, в честь моего отца.

— А разве Говард не должен сказать свое слово по этому поводу? — спросила Гвинейра. В ее кругах было принято, чтобы отец выбирал имя ребенку, особенно если это был сын.

— И где же Говард? — с презрением спросила Хелен. — Он знал, что ребенок родится на днях. Но вместо того чтобы быть со мной, он сидит в

кабаке и пропивает деньги, заработанные на продаже валухов. Он не имеет права давать имя моему сыну!

Матахоруа кивнула.

— Правильно. Твой сын.

Гвинейра, Ронго и Дороти выкупали младенца. Дороти, которая наконец-то прекратила плакать, все никак не могла насмотреться на ребенка.

— Он такой милый, миссис Гвин! Посмотрите, он уже смеется!

Гвинейра больше думала не о рожицах, которые строил ребенок, а о процессе его рождения. Если не считать того, что оно длилось дольше, все ничем не отличалось от рождения жеребят и ягнят, даже отход плаценты. Матахоруа посоветовала Хелен закопать ее в красивом месте и посадить там дерево.

— *Wheniак wheniа* — земля, — сказала она.

Хелен пообещала последовать традиции, в то время как Гвинейра предавалась раздумьям.

Если рождение человека происходит подобно рождению животных, то так же, по всей видимости, обстояло дело и с зачатием. И хотя Гвинейра покраснела, когда представила себе этот процесс, она теперь точно знала, что не так с ее мужем...

В конце концов счастливая Хелен устроилась в застеленной свежим бельем кровати со спящим ребенком на руках. Он даже успел поесть — Матахоруа настояла на том, чтобы его приложили к груди, хотя Хелен ужасно стеснялась. Она бы предпочла вскармливать младенца коровьим молоком.

— Хорошо для ребенок. А молоко от корова хорошо для теляток, — категорически заявила Матахоруа.

Снова сравнение с животными! Гвин много чего поняла этой ночью. Тем временем Хелен пришла в себя и начала думать об остальных. Гвин была потрясая. И что бы она делала без ее поддержки? А теперь у Хелен как раз появилась возможность отблагодарить подругу.

— Матахоруа, — обратилась она к *tohunga*. — Это моя подруга, о которой мы недавно говорили. Та, у которой... у которой...

— Который думать, она не рожать ребенок? — спросила Матахоруа и внимательно осмотрела Гвинейру, ее груди и нижнюю часть живота. Судя по всему, увиденное ей понравилось.

— Нет, нет, — наконец провозгласила она. — Красивый женщина. Полностью здоровый. Может иметь много дети, хорошие дети...

— Но она уже долго пытается... — с сомнением сказала Хелен.

— Пусть попытаюсь с другим мужчиной, — спокойно посоветовала повитуха.

Гвинейра задавалась вопросом, стоит ли ей ехать домой сейчас. На улице уже давно стемнело, стало холодно и туманно. С другой стороны, Лукас и остальные до смерти перепугаются, если она, не предупредив их, так просто останется здесь. И что скажет Говард О'Киф, если придет домой пьяный и обнаружит здесь жену Лукаса Уордена?

Похоже, ответ на последний вопрос она скоро получит. В конюшне кто-то возился. Однако Говард не стал бы стучаться к себе в дом. А этот посетитель сообщил о своем появлении вежливым стуком.

— Открой, Дороти! — велела удивленная Хелен.

Гвин уже была у двери. Может, это Лукас приехал, чтобы ее разыскать? Гвинейра рассказывала мужу о Хелен; он отреагировал очень дружелюбно и даже выразил желание познакомиться с подругой Гвин. Казалось, вражда между Уорденами и О'Кифами для него ничего не значила.

Однако за дверью стоял не Лукас, а... Джеймс МакКензи.

Его глаза загорелись, как только он увидел Гвин, хотя мужчина наверняка еще в конюшне понял, что она здесь, ведь там стояла ее Игрэн.

— Мисс Гвин! Слава Богу, я вас нашел!

Гвин почувствовала, что краснеет.

— Мистер Джеймс... входите, не стойте в дверях. Как мило с вашей стороны приехать за мной.

— Как мило приехать за вами? — сердито спросил пастух. — Мы что, ведем речь о визите на чай? О чем вы только думали, когда на весь день скрылись из дома? Мистер Джеральд сходит с ума от волнения и уже успел устроить всем нам допрос с пристрастием. Я рассказал о подруге из Холдона, к которой вы могли поехать в гости. А затем поспешил приехать сюда, прежде чем мистер Джеральд додумался послать кого-то к миссис Кендлер и выяснить...

— Вы ангел, Джеймс! — Гвинейра просияла, пропустив мимо ушей звучащую в словах МакКензи укоризну. — Не знаю, что было бы, если бы он узнал, что я помогла появиться на свет сыну его заклятого врага. Пойдемте! Разрешите представить вам Рубена О'Кифа!

Хелен было неловко, оттого что Гвин привела в ее комнату незнакомого мужчину, но МакКензи повел себя очень корректно, вежливо поздоровался и выразил свое восхищение маленьким Рубеном. Гвинейра

уже не раз видела эту радость на его лице. МакКензи всегда выглядел восторженным, когда был свидетелем рождения ягненка или жеребенка.

— Вы справились со всем в одиночку? — с уважением в голосе спросил он.

— Хелен тоже принимала в этом участие, — смеясь, ответила Гвин.

— Ну, как бы там ни было, у вас это замечательно получилось! — просиял Джеймс. — У вас обеих! Но мне все равно нужно отвезти вас домой, мисс Гвин. Для вас, мадам, так, без сомнения, тоже будет лучше, — обратился он к Хелен. — Ваш муж...

— .. был бы явно недоволен тем, что кто-то из Уорденов помог родиться его сыну, — кивнула Хелен. — Большое тебе спасибо, Гвин!

— О, я была рада помочь. Возможно, однажды ты тоже сможешь отблагодарить меня. — Гвинейра подмигнула подруге. Сама не зная почему, она вдруг стала гораздо оптимистичнее смотреть на свои попытки забеременеть. Открытия этого вечера окрылили Гвин. Теперь, когда девушка знала, в чем проблема, она могла найти способ ее решить.

— Я уже оседлал вашего коня, мисс Гвин, — поторопил хозяйку Джеймс. — Нам действительно пора...

Гвинейра улыбнулась.

— Думаю, нам стоит поспешить, чтобы побыстрее успокоить тестя! — с довольным видом промолвила она, отметив, что Джеймс ни слова не сказал о Лукасе. Неужели ее супруг совсем не волновался?

Матахоруа посмотрела вслед направившейся за МакКензи Гвинейре.

— С этот мужчина хороший ребенок, — заметила она.

9

— Идея мистера Уордена устроить праздник в саду прекрасна, не правда ли? — сказала миссис Кендлер, держа в руках приглашение на встречу Нового года, которое ей только что принесла Гвинейра. Поскольку в Новой Зеландии его праздновали в середине лета, Уордены решили провести прием в саду — с фейерверком ровно в полночь.

Хелен пожала плечами. Им с мужем, как и всегда, не пришлось никакого приглашения. Впрочем, других мелких фермеров Джеральд тоже вряд ли удостоил такой чести. Да и Гвинейра, по всей видимости, не разделяла восторга миссис Кендлер. Ведение домашнего хозяйства в особняке Киворд-Стейшн по-прежнему доставляло ей немало хлопот, а торжество требовало дополнительных усилий. Сейчас же Гвин пыталась рассмешить Рубена, строя ему рожицы и щекоча животик. Сыну Хелен уже

исполнилось четыре месяца, и с помощью мула Непумука женщина с ребенком время от времени выбирались в город. В первые недели после рождения мальчика Хелен не решалась на такие поездки и снова чувствовала себя немного одиноко, но с младенцем изоляция на отдаленной ферме давалась ей легче. Поначалу маленький Рубен требовал внимания матери круглыми сутками, и Хелен по-прежнему приходила в восторг от каждого его движения. При этом ребенок оказался практически беспроблемным. В четыре месяца он уже почти не просыпался по ночам, особенно когда ему разрешали остаться в кровати с матерью. Говарду это не очень нравилось; ему не терпелось возобновить свои ночные развлечения с Хелен. Но как только он к ней приближался, Рубен начинал громко кричать, и унять его было не так-то просто. Плач младенца разрывал Хелен сердце, но она была достаточно послушной, чтобы спокойно лежать и ждать, пока Говард не закончит свои утехы, и лишь после этого начать успокаивать сына. Однако фермеру не нравились ни такое звуковое сопровождение, ни напряженность Хелен, которая даже не скрывала своего нетерпения. Чаще всего, когда Рубен заходился криком, Говард отстранялся от жены. А если мужчина возвращался домой поздно и видел младенца на руках Хелен, он сразу же отправлялся спать в хлев. Хелен испытывала угрызения совести и все же была благодарна Рубену за очередную спокойную ночь.

Днем же ребенок почти никогда не кричал и, как правило, послушно лежал в своей корзинке, пока Хелен занималась с детьми маори. А когда мальчик не спал, он смотрел на мать так внимательно и серьезно, словно понимал все, о чем она говорит.

— Когда-нибудь этот малыш станет профессором, — со смехом сказала Гвинейра. — Он весь в тебя, Хелен!

По крайней мере внешне он был очень похож на мать. Голубые глаза Рубена со временем стали серыми, как у Хелен, а волосы — хоть и видно было, что они вскоре потемнеют и приобретут такой же цвет, как у Говарда, — были гладкими, а не волнистыми.

— Он весь в моего отца! — заявила Хелен. — Не зря я назвала мальчика в его честь. Однако Говард твердо решил, что наш сын станет фермером, а не священником.

— Ну, родители нередко ошибаются на этот счет, — захихикала Гвинейра. — Подумай хотя бы о мистере Джеральде и моем Лукасе.

Этот разговор снова вспомнился Гвин, когда она возила приглашения гостям из Холдона. На самом деле новогодний праздник был идеей Лукаса, а не Джеральда, которая возникла как попытка чем-нибудь

занять и развлечь «овечьего барона». Атмосфера в семье была напряженной и с каждым месяцем, в течение которого Гвин по-прежнему не беременела, накалялась все больше и больше. Джеральд реагировал на отсутствие наследника с неприкрытой агрессией, хоть и не знал, кого из молодых людей нужно в этом винить. Однако теперь Гвинейра, как правило, реагировала на вспышки гнева свекра сдержанно и куда лучше справлялась с ведением домашнего хозяйства, так что Джеральду было довольно непросто найти зацепку для ссоры.

К тому же девушка очень хорошо замечала перемены в настроении Уордена-старшего. Когда он с самого утра начинал критиковать свежие кексы и запивал их не чаем, а виски — в последнее время это происходило все чаще, — Гвинейра сразу же отправлялась к загонам, предпочитая проводить весь день в компании собак и овец и не позволяя Джеральду срывать на ней свою злость. Лукаса же гнев отца в большинстве случаев настигал совершенно неожиданно. Молодой человек, как и прежде, жил и мире собственных грез и фантазий, однако Джеральд бесцеремонно вырывал его из этого мира и заставлял приносить ферме хоть какую-то пользу. Однажды он зашел настолько далеко, что разорвал книгу, которую Лукас читал в своем кабинете, вместо того чтобы следить за стрижкой овец.

— Тебе нужно просто стоять и считать, черт возьми! — неистовствовал Джеральд. — Иначе стригальщики насчитают столько, что потом не оберешься лиха! В третьем загоне двое парней уже подрались, поскольку заявили, что им полагается оплата за стрижку сотни овец. И как уладить этот спор, если никто, кроме них, не считал? А следить за третьим загонем было поручено именно тебе, Лукас! Поэтому теперь иди и расхлебывай эту кашу!

Гвинейра бы с радостью отправилась контролировать стрижку в третьем загоне, но ей, как хозяйке дома, полагалось обеспечивать наемных работников едой, а не следить за тем, как они выполняют свои обязанности. По этой причине работников кормили отменно: Гвинейра то и дело появлялась с новой порцией легкой закуски, поскольку не могла вдоволь насмотреться на работу стригальщиков. На ферме Силкхэмов стрижка овец пелась спокойно и неторопливо; пару сотен овец пастухи без посторонней помощи обстригали в течение нескольких дней. Но здесь овец стригли тысячами, сгоняя их с нескольких огромных пастбищ в один загон. Поэтому стрижка представляла собой сдельную работу для специалистов. Лучшие бригады успевали постригать до восьмисот животных в день. А на таких больших фермах, как Киворд-Стейшн, стрижка была еще и своего

рода соревнованием — и в этом году Джеймс МакКензи имел все шансы выйти из него победителем! Он шел ноздря в ноздю с одним профессиональным стригальщиком из загона номер один, и это с учетом того, что МакКензи не только работал сам, но и следил за работой стригальщиков своего, второго загона. Когда Гвинейра приходила с едой, она облегчала задачу Джеймса, поскольку на время брала контроль над рабочими в свои руки. Казалось, ее присутствие окрыляло пастуха; ножницы в его руках двигались так быстро и ловко, что овцы не успевали даже возмущенно проблеять в ответ на такое грубое обхождение.

Лукасу подобное отношение к животным казалось варварским. Он страдал едва ли не больше самих овец, когда последних грубо хватали, опрокидывали на спину и молниеносно обстригали, порой задевая кожу, — если стригальщик был неопытным или овца сильно брыкалась. В придачу к этому Лукас не мог выносить запаха ланолина, который царил в загонах, и сразу же выпускал овец, вместо того чтобы прогнать их через купальню, чтобы промыть случайные порезы и уничтожить вредителей.

— Собаки меня не слушаются, — оправдывался молодой человек в ответ на очередной приступ ярости со стороны отца. — На МакКензи они реагируют, а когда я говорю...

— Этих собак подзывают не словами, а свистом! — взорвался Джеральд. — Всего три или четыре разных свиста. Тебе уже давно пора было их выучить. Ты ведь так носишься со своим музыкальным талантом!

Лукас обиженно отвернулся.

— Отец, джентльмену...

— Только не говори, что джентльмену не пристало свистеть! Именно эти овцы дают тебе деньги на занятия живописью, игру на фортепьяно и твои так называемые исследования...

Гвинейра, которая случайно стала свидетельницей этого разговора, поспешила сбежать в соседний загон. Она ненавидела, когда Джеральд отчитывал Лукаса у нее на глазах — особенно в присутствии Джеймса МакКензи или других работников. Подобные сцены заставляли девушку чувствовать себя неловко и, кроме того, отрицательно влияли на Лукаса и ночные «попытки» молодых супругов, которые все чаще заканчивались провалом. Гвинейра тем временем старалась рассматривать их совместные усилия с точки зрения размножения, которое у людей не должно было слишком отличаться от спаривания животных, например лошадей. Однако иллюзиями девушка себя не тешила: чтобы она забеременела, им с Лукасом должно было очень сильно повезти. Постепенно Гвин начала думать об альтернативах, при этом все чаще вспоминая, как однажды ее отец

выбраковал старого барана, поскольку тот уже не был способен покрывать и половины от прежнего количества овец.

«Попробуй с другой мужчиной», — сказала Матахоруа. Но как только эти слова всплывали в памяти, Гвин чувствовала угрызения совести. Для представительницы рода Силкхэмов измена супругу была чем-то немыслимым.

И вот теперь Уордены устраивали прием в саду. Лукас полностью погрузился в заботы, связанные с организацией праздника. На подготовку одного лишь фейерверка ушло несколько дней, которые молодой человек провел над соответствующими каталогами, прежде чем послать заказ в Крайстчерч. Кроме этого, Лукас взял на себя оформление сада, расстановку столов и беседок. От грандиозного банкета на сей раз решили отказаться, вместо этого решили жарить на кострах ягнят и валухов, а на камнях — как это было принято у маори — овощи, птицу и моллюсков.

Блюда с салатами и другими закусками должны были стоять на длинных столах, откуда слуги могли разносить их гостям. Кири и Моана прекрасно справлялись с этой задачей; девушки снова должны были облачиться в симпатичную форму, которую им пошили перед свадьбой Гвинейры и Лукаса. В придачу к этому Гвин договорилась со служанками, чтобы они надели туфли.

В остальном Гвинейра в подготовку к празднику не вмешивалась, опасаясь дополнять распоряжения отца и сына своими замечаниями. Лукас наслаждался планированием торжества и ждал от семьи благодарности. Джеральду же все старания сына казались «женской чепухой», и он бы с радостью перепоручил их Гвинейре. Работники тоже были невысокого мнения о деятельности молодого хозяина, что не могло укрыться ни от Джеральда, ни от Гвинейры.

— Импотент складывает салфетки, — ответил Покер на вопрос МакКензи о том, куда снова запропастился Лукас.

Гвинейра сделала вид, что ничего не услышала. Меж тем девушка давно поняла, что означает слово «импотент», однако не могла объяснить себе, откуда пастухи узнали о проблемах Лукаса в постели.

В день праздника сад перед особняком Киворд-Стейшн выглядел роскошно. Лукас приказал украсить его цветными фонариками и факелами. Во время приема гостей было еще достаточно светло, чтобы они могли в полной мере оценить засаженные розами клумбы, аккуратные живые изгороди и пересекающиеся тропинки, проложенные среди сочных зеленых

газонов в лучших традициях английского садоводства. Джеральд снова решил устроить соревнование овчарок — на этот раз не только для того, чтобы впечатлить гостей удивительными умениями своих собак, но и в качестве своего рода рекламы. Первые отпрыски Даймона и Дансера выставлялись на продажу, а местные овцеводы были готовы выложить за чистокровных бордер-колли немалую сумму. И даже метисы от старых овчарок Джеральда пользовались немалым спросом. Теперь людям Джеральда больше не нужна была помощь Гвинейры и Клео, чтобы устроить безупречную демонстрацию. На свист МакКензи юные бордер-колли без каких-либо промашек гнали овец в необходимом направлении. Поэтому элегантно-праздничное платье Гвинейры, мечта из небесно-голубого шелка с вставками золотистого ришелье, оставалось чистым, а Клео, обиженно поскуливая, наблюдала за происходящим с края площадки. Недавно от любимицы Гвин наконец-то отлучили щенков, и она с нетерпением ждала новых заданий. Однако сегодня Клео снова закрыли в сарае. Лукас не хотел видеть на своем празднике беснующихся собак, а Гвинейра была слишком занята приемом гостей, чтобы присматривать за животными. Но прогулки девушки среди толпившихся в саду гостей и дружелюбные разговоры с дамами из Крайстчерча с каждой минутой все больше походили на пытку. Гвин чувствовала, что гости за ней наблюдают и со смесью зависти и сочувствия поглядывают на ее по-прежнему тонкую талию. Все началось с одного невинного замечания; но затем мужчины — особенно Джеральд — начали все чаще прикладываться к виски, отчего у них довольно быстро развязались языки.

— Ну, леди Гвинейра, вы уже год как замужем! — громко промолвил лорд Баррингтон. — Как обстоит дело с потомством?

Гвинейра не знала, что ему ответить. Она покраснела так же сильно, как и юный виконт, которому стало стыдно за бесцеремонность отца. Подросток попытался тотчас же сменить тему разговора, спросив Гвин об Игрэн и Мэдоке, которых он все еще с радостью вспоминал. Прежде юноше никогда не доводилось видеть здесь, на новой родине, таких лошадей. Гвинейра сразу же оживилась. Разведение лошадей проходило вполне успешно, и она заявила, что охотно продаст юному Баррингтону одного жеребенка. Пользуясь возможностью избежать дальнейшего разговора с лордом, Гвинейра предложила проводить виконта к загону с лошадьми. Около месяца назад Игрэн произвела на свет великолепного вороного жеребенка, и Джеральд, конечно же, постарался разместить их поближе к дому, чтобы при возможности похвастаться перед гостями.

Рядом с паддоком^[8], где паслись кобылы и жеребята, МакКензи в это

время как раз следил за приготовлениями к празднику для прислуги и работников Киворд-Стейшн. Пока что все они были заняты, но когда гости закончат есть и перейдут к танцам, слуги тоже смогут немного развлечься. Джеральд приказал заколоть для них двух овец и не поскупился на пиво и виски. Теперь здесь тоже разжигали огонь, чтобы начать жарить мясо.

МакКензи поприветствовал Гвин и виконта, а Гвинейра поздравила пастуха с удачной демонстрацией овчарок.

— Я думаю, мистер Джеральд сегодня продал не меньше пяти собак, — с одобрительной улыбкой сказала она.

— И все же это не сравнить со зрелищем, которое устраивает ваша Клео, мисс Гвин, — улыбнулся в ответ МакКензи. — Да и мне, разумеется, не хватает очарования ее прекрасной дрессировщицы...

Гвин отвела взгляд. В глазах МакКензи снова плясали знакомые искорки, которые так нравились Гвинейре и в то же время заставляли ее краснеть от смущения. Зачем он делал ей такие комплименты в присутствии виконта? Девушке казалось, что в них есть что-то неприличное.

— А вы попробуйте в следующий раз надеть свадебное платье, — обратила все в шутку Гвин.

Виконт залиvisto рассмеялся.

— Да ведь этот парень влюблен в вас, леди Гвин, — со всей дерзостью своих пятнадцати лет заявил он. — Смотрите, как бы ваш муж не вызвал его на дуэль!

— Не болтайте чепуху, виконт! — сказала Гвинейра и строго посмотрела на юношу. — Вы же знаете, как быстро здесь расходятся сплетни! А если пойдет слух...

— Не беспокойтесь, я никому не выдам вашу тайну, — снова рассмеялся мальчишка. — Кстати, забыл спросить: вы уже сделали разрез на платье для верховой езды?

Гвинейра очень обрадовалась началу танцев, которые избавили ее от необходимости вести светскую беседу с гостями. Теперь она вместе с безупречно ведущим Лукасом кружилась по специально выстроенной в саду танцевальной площадке. На этот раз нанятые молодым человеком музыканты играли лучше, чем те, которые были на их свадьбе. Однако подбор танцев из-за этого оказался еще более традиционным. Гвин почти с завистью прислушивалась к веселым мелодиям, доносившимся от праздничного костра, вокруг которого собрались работники фермы. Кто-то играл на скрипке — не безупречно, но зато с душой!

Гвин по очереди станцевала со всеми самыми важными гостями.

Однако Джеральда на этот раз среди ее партнеров не было; «овечий барон» был слишком пьян, чтобы удержаться на ногах в вальсе. Праздник удался на славу; и все же Гвин не могла дожидаться, когда он закончится. День был долгим, а завтра ей снова предстояло развлекать гостей — с самого утра и по меньшей мере до обеда. К тому же большинство из них останется еще и на послезавтра. Но уйти спать раньше фейерверка Гвинейра не могла. Лукас покинул гостей еще полчаса назад, чтобы проверить, все ли готово для его запуска. Юный Харди Кеннон должен был помочь ему, если, конечно, не успел напиться. Гвинейра отправилась проверить запасы шампанского. Уйти как раз вынимал охлажденные бутылки из льда.

— Надеюсь, они никого не застрелят, — обеспокоенно сказал он. Звук вылетающей из горлышка пробки до сих пор пугал слугу.

— Это совсем не опасно, Уити! — успокоила его Гвинейра. — Если бы ты открывал их чаще...

— Да, ес... если бы ему чаще пред... представлялся такой повод! — Это был Джеральд, который пришел за очередной бутылкой виски. — Но ты же не даешь нам по... повода для праздника, моя вал... валлийская принцесса! Я-то думал, что ты по... поживее, с виду твоего ог... огня хватит на десятерых... и даже на то, чтоб зажечь Лу... Лукаса, этого имп... этот кусок льда! — поправился Джеральд, неподвижно уставившись на бутылку шампанского. — Но теперь... прошел год, Гвин... Гвинейра... а внука все нет...

Гвин облегченно вздохнула, когда речь Джеральда прервал взрыв поднявшейся в небо ракеты — пробный запуск перед грандиозным огненным спектаклем. Уити, испуганно зажмурив глаза, начал открывать шампанское. Гвинейра тотчас же вспомнила о лошадях. Игрэн и другие кобылы никогда не слышали и не видели фейерверка, а паддок был относительно маленьким. Что, если среди лошадей начнется паника?

Гвинейра взглянула на большие часы, которые как раз выносили в сад, чтобы установить на видном месте. Возможно, она еще успеет завести лошадей в конюшню. Девушке хотелось надавать себе пощечин за то, что ей не пришлось в голову приказать Джеймсу сделать это намного раньше. Бормоча извинения, Гвинейра протолкалась сквозь толпу гостей и бросилась к конюшням.

Но паддок перед ними был пуст, если не считать последней кобылы, которую МакКензи как раз выводил через ворота. Сердце Гвинейры на мгновение замерло. Неужели он прочел ее мысли?

— Мне показалось, животные встревожились, и я подумал, что будет лучше завести их внутрь, — сказал Джеймс, когда Гвинейра открыла перед

ним дверь конюшни. Клео тотчас же выскочила наружу и подбежала к хозяйке.

— Забавно, я подумала о том же, — улыбнулась Гвин.

МакКензи ответил ей дерзким, но в то же время поддразнивающим и озорным взглядом.

— Хм, надо подумать, что бы это могло значить, — сказал он. — Может быть, родство душ? В Индии верят в переселение душ. Кто знает, а вдруг в прошлой жизни мы были... — Джеймс сделал вид, что напряженно думает.

— Мы, как добропорядочные христиане, не должны вести подобных разговоров, — строго произнесла Гвинейра. МакКензи рассмеялся.

Вместе молодые люди наполнили ясли лошадей сеном, а Гвин в придачу бросила Игрэн пару морковок. После всего этого платье девушки больше не выглядело свежим. Гвин с сожалением осмотрела себя. Ну ничего, в свете фонарей этого все равно никто не заметит.

— Вы уже справились? Тогда я, пожалуй, пойду. Надо пожелать работникам хорошего нового года, раз уж я пришла сюда.

— Может, вам даже хватит времени на небольшой танец? — улыбнулся Джеймс. — Когда начнется большой фейерверк?

Гвин пожала плечами.

— Как только пробьет двенадцать и уляжется вся эта суматоха. — Она усмехнулась. — Вернее сказать, после того, как все гости пожелают друг другу вселенского счастья, даже если на самом деле чужое благополучие им совершенно безразлично.

— Ну-ну, мисс Гвин. Откуда столько цинизма? Ведь сегодня прекрасный праздник! — Джеймс испытующе посмотрел на Гвинейру. Этот взгляд тоже был знаком ей и, казалось, проникал в самую душу.

— Приправленный хорошей порцией злорадства! — вздохнула девушка. — Еще несколько дней они только и будут делать, что сплетничать. А мистер Джеральд со своими высказываниями словно нарочно подливает масла в огонь.

— Злорадства? — удивленно спросил Джеймс. — Но ведь Киворд-Стейшн процветает. На деньги, которые мистер Джеральд получил в этом году от продажи шерсти, он может устраивать такие праздники каждый месяц! Чем же он недоволен?

— Ах, давайте не будем об этом... — пробормотала Гвин. — Лучше начать этот год с чего-то радостного. Вы что-то говорили о танце? Если только это не вальс...

Мак-Эрон играл на скрипке быструю джигу. Двое из слуг маори

подыгрывали ему на барабанах, ритм которых не очень-то сочетался с народной ирландской мелодией, но, по всей видимости, ничуть не мешал общему веселью. Покер и Дейв выплясывали с девушками-маори. Моана и Кири, хихикая, подражали их движениям. Остальные танцующие были Гвинейре и вовсе незнакомы. Вероятно, они приехали с кем-то из гостей. Английская горничная леди Баррингтон с неодобрением покосилась на слуг из Киворд-Стейшн, когда те громкими криками поприветствовали внезапно появившуюся Гвинейру. Джеймс протянул девушке руку, приглашая ее на танец. Гвин ухватилась за нее и снова вздрогнула, почувствовав мягкую теплую волну, которая разливалась по ее телу каждый раз, стоило ей только прикоснуться к Джеймсу. МакКензи улыбнулся девушке и поддержал ее, когда она немного споткнулась. Затем он вежливо поклонился — и на этом все сходство ирландского танца с вальсами, которыми Гвин сегодня была сыта по горло, закончилось.

«*She is handsome, she is pretty, she is the Queen of Belfast City!*» — радостно пели Покер и пара других пастухов, пока Джеймс кружил Гвинейру так, что у нее захватывало дух. И каждый раз, когда после неожиданного поворота девушка снова оказывалась в руках МакКензи, она видела в его глазах блеск, восхищение и... Что это?.. Желание?

Посреди танца в небо взмыла ракета и громким взрывом возместила о наступлении нового года. Начался роскошный фейерверк! Мужчины и Мак-Эрон прервали джигу, и Покер запел *As long syne*. Остальные переселенцы подхватили песню, а маори, хоть и не знали слов, старались подпевать в тон. Лишь Джеймс и Гвинейра не слышали ни песни, ни взрывов фейерверка.

Музыка джиги оборвалась в тот момент, когда они держались за руки, и теперь молодые люди замерли на месте. Никто из них не хотел отпускать другого. Казалось, Джеймс и Гвин стоят посреди одинокого, затерянного в океане острова, где не слышно ни шума, ни смеха... Где есть только он и она.

Наконец Гвин высвободилась из рук Джеймса. Девушке не хотелось терять ощущение чуда, но она понимала, что здесь и сейчас оно не свершится.

— Нам стоит... наведаться к лошадям, — глухо промолвила Гвинейра.

По дороге к конюшням Джеймс вновь взял ее за руку. Немного не дойдя до входа, он остановился.

— Посмотрите! Я еще никогда такого не видел. Словно дождь из звезд!

Заказанный Лукасом фейерверк превзошел все ожидания. Однако

Гвинейра видела звезды лишь в глазах Джеймса. То, что она делала, было глупым, неуместным и, без сомнения, неприличным, и все же девушка прильнула к плечу МакКензи.

Джеймс нежно убрал с лица Гвин непослушные пряди волос, которые выбились из прически во время безумной джиги. Его палец с легкостью перышка скользнул по щеке девушки и коснулся краешка ее губ...

Гвинейра приняла решение. Сегодня начинался новый год. В этот праздник было положено целовать друг друга. Девушка осторожно поднялась на цыпочки и поцеловала Джеймса в щеку.

— Счастливого нового года, мистер Джеймс, — прошептала она.

МакКензи медленно притянул Гвин к себе, очень медленно и нежно... Девушка могла освободиться от его объятий в любую секунду, но не хотела этого делать. Не отпрянула она и тогда, когда губы Джеймса нашли ее приоткрытый рот. Гвинейра со всей страстью отдалась поцелую. Она чувствовала себя так легко и естественно, словно внезапно оказалась дома — в месте, которое она так долго искала и где ее ждал целый мир сюрпризов и чудес.

Девушка была словно околдована, когда Джеймс наконец-то выпустил ее из своих рук.

— Счастливого нового года, Гвинейра, — сказал он.

Перешептывания гостей на празднике и нападки Джеральда укрепили Гвин в ее решении забеременеть без помощи Лукаса. Конечно же, это не имело ничего общего с Джеймсом и их полуночным поцелуем — глупостью, о которой Гвин пожалела уже на следующий день.

Она сама не понимала, что на нее нашло. К счастью, мистер МакКензи продолжал вести себя так, словно ничего не случилось.

К проблеме, связанной с беременностью, Гвин решила подойти рассудительно, без каких-либо эмоций. Словно речь шла о разведении коней или овец. При этой мысли Гвинейру охватил глупый истерический смех. Однако глупость в этом деле была неуместна. Нужно было хорошенько обдумать, кто подходил на роль отца для ее ребенка. Немалую роль здесь играла необходимость сохранить имя настоящего отца в тайне, а еще больше ее заботил вопрос о наследственности. Уордены, особенно Джеральд, ни в коем случае не должны были усомниться, что в наследнике течет их кровь. От Лукаса правду, конечно, не скроешь, но Гвинейра была уверена, что ему хватит ума молчать. Ее супруга можно было назвать слишком осторожным, чопорным и чувствительным, но никак не глупым или безрассудным. К тому же положить конец сплетням об их с Гвинейрой

браке было, прежде всего, в интересах молодого Уордена.

Поэтому Гвинейра начала трезво размышлять, как мог выглядеть их с Лукасом ребенок. Мать и все сестры Гвин были рыжими; значит, этот цвет волос мог передаться и ее сыну. Лукас был блондином, а Джеймс шатеном... однако Джеральд тоже был шатеном. Шатеном с карими глазами. Если ребенок будет похожим на Джеймса, можно сказать, что он пошел в деда.

Цвет глаз: синий и серый... и карий, если считать Джеральда. Телосложение... вполне подходило. Джеймс и Лукас были примерно одного роста, а Джеральд пониже и приземистее. Да и сама Гвин была намного ниже мужа. Но у нее обязательно родится мальчик, и он наверняка будет похожим на отца. Теперь Гвин оставалось лишь уговорить Джеймса... а впрочем, почему именно Джеймса? Гвинейра решила немного повременить с окончательным выбором. Вполне возможно, что завтра ее сердце уже не будет так отчаянно биться при мысли о Джеймсе МакКензи...

На следующий день Гвин пришла к выводу, что никто, кроме Джеймса, не подходит на роль отца для ее ребенка. Или все же обратиться за помощью к какому-нибудь незнакомцу? Она вспомнила об «одиноких ковбоях» из бульварных романов. Такой мужчина везде был проездом и никогда бы не узнал о ребенке, если бы его родила малознакомая девушка, отдавшаяся ему на каком-нибудь сеновале... Может, стригальщик? Нет, опуститься до такого Гвин не могла. К тому же стригальщики каждый год приезжали снова. Страшно представить, что случится, если один из них станет бахвалиться тем, что переспал с хозяйкой Киворд-Стейшн. Нет, об этом не могло быть и речи. Ей нужен человек, которого она хорошо знает, понимающий и тактичный, чтобы ребенок мог унаследовать лучшие мужские черты. Гвинейра еще раз перебрала в уме всех претендентов, убеждая себя в том, что чувства не играют здесь никакой роли.

Ее выбор пал на Джеймса.

— Итак, во-первых... я в вас не влюблена!

Гвинейра не знала, можно ли назвать эту фразу хорошим началом, но она сама слетела с губ девушки, когда она наконец-то осталась наедине с Джеймсом МакКензи. Со дня праздника прошло около недели. Последние гости уехали вчера, и сегодня Гвин впервые после долгого перерыва снова смогла выехать на конную прогулку. Лукас начал новую картину. Украшенный фонариками сад вдохновил молодого человека, и теперь он работал над сценой праздника. Джеральд последние дни только и делал, что пил и отсыпался, а МакКензи приходилось постоянно выезжать на дальние пастбища и пригонять овец для демонстрации овчарок. За последнюю неделю пастушьим собакам пришлось еще не раз показывать свое мастерство, в результате чего гости купили восемь щенков. Однако малышей Клео среди них не было; они, как племенные животные, остались в Киворд-Стейшн для дальнейшего разведения и теперь повсюду сопровождали мать. Пока что щенки с трудом держались на ногах, но в их таланте никто не сомневался.

Джеймс обрадовался, когда Гвинейра поехала с ним выгонять овец, но затем немного насторожился, потому что девушка всю дорогу молчала. Глубоко вдохнув, она наконец заговорила. То, что она сказала, похоже, развеселило пастуха.

— Ну разумеется, вы не влюблены в меня, мисс Гвин. С чего это вы решили, что я могу так думать, — сказал он, сдерживая улыбку.

— Не смейтесь надо мной, мистер Джеймс! Мне нужно обсудить с вами кое-что очень серьезное...

МакКензи смущенно посмотрел на Гвин.

— Я вас обидел? Простите, мне этого вовсе не хотелось. Я думал, вы тоже... я имею в виду, тот поцелуй... Но если вы хотите, чтобы я вас оставил...

— Забудьте о поцелуе, — сказала Гвинейра. — Речь идет о другом, мистер Джеймс... Джеймс. Я... хотела попросить вас о помощи.

МакКензи придержал лошадь.

— Все, что пожелаете, мисс Гвин. Я ни в чем вам не откажу.

Он серьезно посмотрел в глаза девушки, отчего ей сразу стало сложнее говорить.

— Но это довольно... это неприлично.

— Я не слишком придерживаюсь приличий, — улыбнулся Джеймс. — Я не джентльмен, мисс Гвин. Кажется, однажды мы об этом уже говорили.

— Очень жаль, мистер Джеймс, потому что... То, о чем я хочу попросить... требует от вас такта, присущего настоящему джентльмену.

Щеки Гвинейры пылали от смущения. А что же будет, когда она перейдет непосредственно к делу?

— Возможно, вам хватит и того, что я человек чести? — спросил Джеймс. — Тот, кто держит свое слово.

Немного подумав, Гвинейра кивнула.

— Тогда вы должны дать мне слово, что никому не расскажете о моей просьбе, вне зависимости от того, сделаете вы... вернее, сделаем мы... это или нет.

— Ваше желание для меня — закон. Я сделаю все, что бы вы от меня ни потребовали.

Глаза Джеймса снова странно заблестели, но сегодня в этом блеске Гвинейра видела не дерзость или озорство, а скорее мольбу.

— Давать такие обещания очень необдуманно, — пожурила МакКензи Гвинейра. — Вы ведь не знаете, чего я хочу. Представьте, что я сейчас потребую от вас кого-то убить.

Джеймс рассмеялся.

— Ну, вот мы и перешли к делу, Гвин! Чего вы хотите? Чтобы я убил вашего мужа? Над этим предложением стоит подумать. Ведь тогда вы наконец-то стали бы моей.

Гвин с ужасом взглянула на МакКензи.

— Не говорите такого! Это чудовищно!

— Мысль о том, что я могу убить вашего мужа, или о том, что вы будете принадлежать мне?

— Ни то, ни другое... то есть... и то, и другое... Ах, вы совсем сбили меня с толку!

Гвинейра была близка к тому, чтобы сдаться.

Джеймс свистом подозвал собак, остановил свою лошадь и спрыгнул на землю. Затем он помог выбраться из седла Гвинейре. Она не сопротивлялась. Прикосновения его рук были возбуждающими и в то же время помогли девушке почувствовать себя увереннее.

— Так, Гвин. Сейчас мы присядем и вы спокойно расскажете мне обо всем, что вас тревожит. А затем уже я смогу ответить вам согласием или отказом. И я не буду смеяться, обещаю!

МакКензи отцепил от своего седла небольшой плед, расстелил его на траве и усадил Гвинейру рядом с собой.

— Хорошо, — тихо произнесла она. — Я должна родить ребенка.

— Что значит должна? Никто не может заставить вас это сделать, — улыбнулся Джеймс.

— Я хочу ребенка, — поправилась Гвинейра. — И мне нужен отец ребенка.

— Я не понимаю... — МакКензи наморщил лоб. — Вы ведь замужем.

Гвинейра чувствовала близость Джеймса и тепло земли. Было так хорошо сидеть здесь на солнышке и наконец-то высказать то, что так долго ее тяготило. И все же она не смогла удержаться от слез.

— Лукас... он не может. Он... он... нет, я не могу этого сказать. В любом случае... при этом у меня еще ни разу не шла кровь и мне никогда не было больно.

МакКензи улыбнулся, нежно обнял девушку и осторожно поцеловал ее в висок.

— Гвин, я не могу обещать, что это будет больно. Мне бы, напротив, хотелось, чтобы тебе тоже было приятно.

— Главное, чтобы ты сделал это правильно и я смогла родить ребенка, — прошептала Гвин.

— Ты можешь мне довериться, — ответил Джеймс и снова поцеловал Гвинейру.

— Значит, ты уже делал это? — серьезно спросила девушка.

Джеймсу с трудом удалось удержаться от смеха.

— Много раз, Гвин. Как уже было сказано, я не джентльмен.

— Хорошо. Потому что нам нужно сделать это как можно быстрее. Нельзя допустить, чтобы нас заметили. Когда мы это сделаем? И где?

МакКензи погладил девушку по голове, поцеловал ее в лоб и провел языком по краешку приподнятой верхней губы.

— Это не стоит делать в спешке. К тому же ты не можешь быть уверена, что забеременеешь после первого же раза. Даже если мы сделаем все правильно.

Гвинейра недоверчиво уставилась на Джеймса.

— Почему нет?

— Послушай, Гвин, ты ведь знаешь, как это происходит у животных.. Например, у кобылы и жеребца?

Девушка кивнула.

— Когда приходит время, им хватает всего одной случки.

— Когда приходит время. Именно так.

— Но жеребец замечает это... Хочешь сказать, что ты не знаешь, когда...

Джеймс не знал, обижаться ему или хохотать.

— Нет, Гвинейра. В этом плане люди отличаются от животных. Нам нравится заниматься любовью всегда, а не только в те дни, когда женщина может забеременеть. Поэтому нам может понадобиться не одна попытка.

Джеймс огляделся по сторонам. Место было выбрано как нельзя лучше. Здесь, посреди бескрайнего горного пастбища, никто не нарушит их покой. Овцы разбрелись во все стороны и беззаботно пощипывали траву, а собаки следили, чтобы они не зашли слишком далеко. Лошадей МакКензи привязал к дереву, в тени которого они могли укрыться от солнца.

Пастух встал и протянул Гвинейре руку. Девушка словно зачарованная поднялась на ноги и позволила ему перенести плед в полутьне. Джеймс обнял ее, оторвал от земли и уложил на спину. Затем он аккуратно расстегнул пуговицы блузки, которую Гвинейра подобрала к своей летней юбке для верховой езды, и начал целовать ложбинку между ее грудями. Поцелуи МакКензи распаляли желание Гвин, а руки, исследовавшие самые интимные участки ее тела, дарили девушке неведомые до этого ощущения и уносили ее в мир блаженства. Когда Джеймс наконец-то проник в нее, Гвинейра почувствовала резкую боль, почти сразу же сменившуюся целым морем приятных чувств. Казалось, они с Джеймсом всю жизнь искали друг друга и в конце концов нашли, чтобы произошло воссоединение «родственных душ», как недавно шутил МакКензи. А когда все закончилось, они еще долго лежали обнявшись, полураздетые, изможденные и бесконечно счастливые.

— Ты имеешь что-то против, если нам, возможно, придется сделать это несколько раз? — спросил Джеймс.

Гвинейра посмотрела на него сияющими от счастья глазами и, стараясь сохранять серьезное выражение лица, ответила:

— Я бы сказала, что мы будем заниматься этим столько, сколько будет нужно.

Они делали это при любой удобной возможности. В то же время Гвинейра ужасно боялась разоблачения и предпочитала не рисковать. Правдоподобный повод для того, чтобы надолго исчезнуть вместе, находился не так уж часто, и прошло несколько недель, прежде чем Гвинейра смогла забеременеть. Это были самые счастливые недели ее жизни.

Когда шел дождь, они с Джеймсом занимались любовью в сараях для стрижек овец, которые сейчас пустовали. Не разнимая объятий, молодые люди прислушивались к стучавшим по крыше дождевым каплям,

прижимались еще теснее и рассказывали друг другу разные истории. Джеймс посмеялся над легендой маори о *rangīi para*, а затем предложил еще раз заняться любовью, чтобы хоть немного утешить несчастных богов.

А если на небе светило солнце, Гвинейра и Джеймс любили друг друга среди холмов, покрытых мягкими зарослями золотистой овсяницы, под мерное фырканье пасшихся рядом лошадей. Они целовались в тени возвышающихся среди равнины камней, и Гвин рассказывала о заколдованных воинах, в то время как Джеймс утверждал, что каменные круги в Уэльсе появились из-за любви.

— Ты знаешь легенду о Тристане и Изольде? Они любили друг друга, но ее муж не должен был об этом знать, и поэтому эльфы сделали так, чтобы вокруг на поле вырастали камни, скрывающие влюбленных от любопытных глаз.

Джеймс и Гвин занимались любовью и на берегу прохладного и чистого как стекло горного озера, а раз пастуху даже удалось уговорить девушку полностью раздеться и вместе с ним зайти в воду. Снимая одежду, Гвинейра чувствовала, что с каждой секундой все больше заливается краской. Девушка не могла припомнить, насколько маленькой она была, когда последний раз раздевалась догола. Но Джеймс сказал: «Гвин так красива, что *rangī* начнет ревновать, если ее ноги и дальше будут стоять на твердом берегу *para*» — и утащил девушку в озеро, где она с криком бросилась ему на шею.

— Неужели ты не умеешь плавать? — недоверчиво спросил Джеймс.

— А где я должна была этому научиться? — спросила Гвинейра, выплевывая воду. — Дома в ванне?

— Ты проплыла на корабле полмира, совсем не умея плавать? — Джеймс покачал головой и крепче обнял Гвинейру. — Разве тебе не было страшно?

— Я бы, наверное, умерла от страха, если бы пассажирам пришлось бросаться за борт! А теперь прекрати болтать и научи меня плавать! Это, должно быть, не слишком сложно. Даже Клео умеет!

Гвинейра очень быстро научилась держаться на поверхности воды, а затем, обессиленная и немного замерзшая, раскинулась на залитом солнцем берегу озера и отдыхала, пока Джеймс ловил рыбу и жарил ее на костре. Гвинейра приходила в восторг, когда он находил среди необжитых равнин и холмов какую-нибудь еду. Она называла это «игрой в дикарей», и Джеймсу в этой игре не было равных. С ним заросли кустарников и трав превращались в настоящую кладовую. Он охотился на птиц и кроликов, ловил рыбу, собирал корешки и странные фрукты, напоминая колониста-

первопроходца из мечтаний Гвин. Иногда девушка думала о том, как бы выглядела ее жизнь, если бы она вышла замуж за Джеймса и стала хозяйкой небольшой фермы, как Хелен. Джеймс бы не оставлял Гвин на целый день одну, а делил бы с ней все заботы. Гвинейра снова грезилась о том, как она вместе с мужем вспахивает поле, работает в саду, и о том, как Джеймс учит рыбачить маленького рыжеволосого сынишку.

Разумеется, при этом Гвин никак не могла удосужиться проводить Хелен, но та ничего не сказала, когда через несколько недель подруга возникла на пороге ее дома с сияющим от счастья лицом и пятнами от травы на платье, после того как Джеймс с овцами направился дальше в горы.

— Мне нужно скакать в Холдон, но сначала помоги мне, пожалуйста, отчистить платье. Не знаю, где это я так запачкалась...

Гвинейра «ездила в Холдон» по три, а то и четыре раза в неделю. Она сказала, что вступила в тамошний клуб домохозяек. Джеральд снисходительно воспринял эту новость, поскольку Гвин стала чаще приезжать домой с рецептами новых блюд, которые она впопыхах выпрашивала у миссис Кендлер. Лукаса такое рвение жены скорее удивляло, но и он не возражал против ее поездок; очевидно, молодой человек радовался каждой возможности побыть наедине с собой.

Гвинейра использовала в качестве повода дамский кружок, а Джеймс — сбежавших овец. Они придумывали названия местам для предстоящих встреч, где ждали друг друга, а затем занимались любовью на фоне роскошных гор — когда небо было ясным, или под импровизированным навесом из провощенного плаща МакКензи — если начинал моросить дождик. Порой Гвин вздрагивала, стесняясь любопытных взглядом парочки попугаев кеа, которые приходили, чтобы стащить оставшуюся от пикника еду, а однажды полуголому Джеймсу пришлось догонять двух киви, едва не удравших с пряжкой от его ремня.

— Вороватые, как сороки! — со смехом воскликнул он. — Неудивительно, что маори назвали переселенцев их именем...

Гвин удивленно посмотрела на Джеймса.

— Большинство знакомых мне колонистов очень порядочные люди, — возразила она.

— По отношению к другим колонистам — да, — мрачно кивнул Джеймс. — Но посмотри, как они ведут себя с маори. Думаешь, земля, на которой стоит Киворд-Стейшн, была выкуплена за свою действительную цену?

— Но ведь согласно договору Вайтанги все земли Новой Зеландии

являются собственностью британской короны, разве нет? — спросила Гвинейра. — Не думаю, что обмануть Королеву так легко!

— Да, насчет последнего ты права, — рассмеялся Джеймс. — Говорят, она очень хорошо разбирается в торговле и экономике. Однако эта земля по-прежнему принадлежит маори. Королева обладает лишь правом преимущественной покупки. Конечно же, это гарантирует людям определенную минимальную цену. Но, во-первых, мы живем не в Старом Свете, а во-вторых, далеко не все вожди подписали этот договор. Каи Тау, к примеру, насколько я знаю, к нему не присоединялись...

— Каи Тау — это наши люди? — спросила Гвинейра.

— Ну, это слишком сильно сказано, — усмехнулся Джеймс. — Я бы не стал называть их «вашими людьми». Они лишь необдуманно продали мистеру Джеральду землю, на которой расположено их селение, по сути, дали ему себя обмануть. Одно лишь это показывает, как несправедливо колонисты обходятся с маори.

— А мне кажется, они всем довольны, — возразила Гвинейра. — Во всяком случае, со мной они всегда ведут себя очень мило. К тому же они бывают здесь не все время.

Как выяснилось, целые племена маори довольно часто отправлялись в длительные пешие походы в другие охотничьи районы или к иным рыбным отмелям.

— Просто они еще не поняли, как на них нажился Джеральд, — сказал Джеймс. — Но все мы здесь сидим на пороховой бочке. Если когда-нибудь у маори появится вождь, который сможет научиться читать и писать, разгорится очень неприятный конфликт. Но сейчас забудь обо всем, что я тебе сказал, моя радость. Не попробовать ли нам еще раз?

Гвинейра рассмеялась, вспомнив, что именно с этих слов ее муж начинал все свои ночные визиты. Но в остальном Лукас и Джеймс были настолько разными!

С каждым разом Гвинейра все больше наслаждалась чувственной земной любовью. Поначалу Джеймс был очень ласковым и нежным, но, заметив, как в Гвинейре закипает страсть, с радостью перешел к более зажигательным играм со своей наконец-то проснувшейся тигрицей. Гвинейре всегда нравились дикие забавы, поэтому она любила, когда Джеймс быстро двигался в ней, превращая медленный танец сплетенных тел в бурное крещендо. С каждой новой встречей девушка все решительнее отбрасывала глупые предрассудки относительно правил приличия, чтобы попробовать что-то новое.

— А можно сделать так, чтобы я лежала на тебе, а не наоборот? —

однажды спросила она. — Ты немного тяжеловат, знаешь ли...

— Да уж, ты прирожденная наездница, — засмеялся Джеймс. — Попробуй сесть, так тебе будет легче двигаться.

— Откуда ты все это знаешь? — подозрительно спросила Гвин, когда позже, опьяненная радостью, положила голову на его плечо, чтобы немного успокоить бурю чувств, разыгравшуюся у нее внутри.

— Не думаю, что ты действительно хочешь это знать, — уклончиво ответил Джеймс.

— Хочу. Ты уже когда-нибудь любил девушку? Я имею в виду по-настоящему... так сильно, что готов был за нее умереть, как обычно пишут в книгах? — со вздохом спросила Гвинейра.

— Нет, до этого времени нет. Хотя любовь всей жизни редко может научить чему-нибудь такому. Этим познаниям я скорее обязан своего рода платным урокам.

— Мужчин этому учат? — удивилась Гвин. В таком случае это, пожалуй, были единственные уроки, которые когда-либо прогуливал Лукас. — А девушек словно бросают в холодную воду. Seriously, Джеймс, никто не рассказывает девушкам, что их ждет.

МакКензи рассмеялся.

— Ох, Гвин, ты такая невинная и в то же время сразу замечаешь самое главное. Думаю, здесь уроки любви в большом дефиците...

Следующую четверть часа Джеймс рассказывал Гвин о представительницах древнейшей профессии. Гвинейра слушала его со смешанным чувством отвращения и любопытства.

— Во всяком случае эти девушки сами зарабатывают себе на жизнь, — наконец сказала она. — Но я бы на их месте обязательно требовала, чтобы мужчины перед этим тщательно мылись!

Когда на третий месяц Гвин поняла, что у нее прекратились месячные, она не могла поверить своему счастью. Конечно, девушка заметила первые признаки беременности еще до этого — ее груди налились, а аппетит временами становился просто волчьим и пропадал разве что тогда, когда к обеду подавали что-нибудь из капусты. Но теперь Гвинейра была уверена и сначала ужасно обрадовалась. Однако к радости вскоре примешалась горечь предстоящей потери. Гвин забеременела, а значит, причины изменять мужу у нее больше не было. Одна только мысль о том, что она больше никогда не сможет прикасаться к Джеймсу, лежать рядом с ним без одежды, целоваться, чувствовать его внутри себя и вскрикивать от удовольствия в момент высшего наслаждения, резала сердце девушки ножом.

Гвинейра не сразу смогла поделиться долгожданной новостью с Джеймсом. Два дня она молчала и пыталась сохранить в памяти брошенные украдкой нежные взгляды МакКензи, словно самое дорогое сокровище. Никогда больше он не будет так таинственно подмигивать ей, проходя мимо. Никогда не прошепчет «Добрый день, мисс Гвин!» или «Разумеется, мисс Гвин!», встречаясь с ней на людях.

Никогда больше он не станет срывать с ее губ быстрый поцелуй, убедившись, что на них никто не смотрит, и никогда уже Гвин не придется упрекать его за этот ненужный риск.

Девушка откладывала момент, когда ей придется сказать Джеймсу правду, так долго, как только могла.

Но вскоре Гвин поняла, что тянуть дальше невозможно. Она как раз вернулась с конной прогулки, когда Джеймс кивнул ей и с улыбкой увлек в пустую конюшню. Он хотел поцеловать Гвинейру, но она высвободилась из его объятий.

— Не здесь, Джеймс...

— Тогда завтра, в кругу каменных воинов. Я выгоню туда овцематок. Если хочешь, ты можешь поехать со мной. Я уже сказал мистеру Джеральду, что мне может понадобиться Клео. — Джеймс заговорщически подмигнул Гвинейре. — И в этом есть доля правды. Мы оставим их с Даймоном присматривать за овцами, а сами немного «поиграем в дикарей».

— Мне жаль, Джеймс... — Гвин не знала, с чего начать. — Но это невозможно...

— Что невозможно? Почему? У тебя завтра не будет времени? К мистеру Джеральду придет очередной гость? Но он ничего об этом не говорил...

Похоже, в последние месяцы Джеральд начинал чувствовать себя все более одиноко. Во всяком случае, он все чаще приглашал в Киворд-Стейшн гостей, как правило, торговцев шерстью или зажиточных колонистов, которых он мог целыми днями водить по своей процветающей ферме, а по вечерам щедро поить виски.

Гвинейра покачала головой.

— Нет, Джеймс, просто... Я беременна, — наконец-то сказала она.

— Ты беременна? Но ведь это же чудесно! — В порыве чувств Джеймс подхватил девушку на руки и вместе в ней закружился на месте. — О да, ты уже и поправиться успела! — поддразнил он Гвин. — Скоро я вас двоих и поднять-то не смогу.

Но, увидев, что она не улыбается, Джеймс моментально посерьезнел.

— Что такое, Гвин? Ты что, совсем не рада?

— Конечно же, я рада, — сказала Гвинейра и покраснела. — Но в то же время мне немного жаль. Было так хорошо... делать это с тобой.

Джеймс рассмеялся.

— Значит, мы можем продолжать делать это дальше, — сказал он и наклонился, чтобы поцеловать ее, но Гвинейра резко отвернулась.

— Дело не в удовольствии! — с жаром произнесла она. — А в морали. Мы больше не имеем права продолжать.

Гвинейра посмотрела на Джеймса. Ее взгляд был полон печальной решимости.

— Гвин, я правильно тебя понимаю? — спросил уязвленный Джеймс. — Ты хочешь просто так закончить наши отношения, отбросить все, что было между нами? Я думал, ты меня любишь!

— О любви здесь и речи быть не может, — тихо промолвила Гвинейра. — Я замужем, Джеймс. Я не имею права любить другого мужчину. И мы ведь с самого начала договорились, что ты лишь поможешь мне... осчастливить наш с Лукасом брак ребенком. — Гвин терпеть не могла подобных пафосных фраз, но не знала, как по-другому выразить свою мысль. И еще ей ни в коем случае не хотелось расплакаться.

— Гвинейра, я люблю тебя с того мгновения, как ты впервые предстала перед моими глазами. Это просто... началось, как дождь или жаркий солнечный день. Это нельзя изменить.

— От дождя можно укрыться под навесом, — прошептала Гвинейра. — А от солнца — в тени. Я не могу прекратить дождь или жару, но это не значит, что мне нужно мокнуть или получать солнечные ожоги...

Джеймс притянул ее к себе.

— Гвинейра, ты ведь тоже любишь меня. Давай уедем куда-нибудь подальше и там начнем все с чистого листа...

— И куда же мы уедем, Джеймс? — с насмешкой спросила Гвин, чтобы скрыть свое отчаяние. — На какой ферме ты собираешься работать, когда станет известно, что ты сбежал из Киворд-Стейшн с женой Лукаса Уордена? Весь Южный остров знает Уорденов. Думаешь, Джеральд оставит это просто так?

— Ты замужем за Джеральдом или за Лукасом? А впрочем, неважно, ни у того, ни у другого против меня нет шансов! — сжав кулаки, прохрипел Джеймс.

— Ах, вот как? И ты собираешься с ними сражаться? Врукопашную или на пистолетной дуэли? А после? Мы сбежим в лес и будем питаться орехами и ягодами? — Гвинейра терпеть не могла ругаться с Джеймсом. Она бы хотела закончить все мирно, с прощальным поцелуем — горько-

сладким и роковым, как роман Бельвер-Литтона.

— Но тебе ведь нравится простая жизнь на лоне природы. Или ты меня обманывала? Может быть, тебе больше по душе роскошь Киворд-Стейшн? Тебе, наверное, важно быть женой «овечьего барона», устраивать праздники, купаться в богатстве? — Джеймс старался показать свой гнев и насмешку, но в его голосе звучали скорее озлобленность и разочарование.

Гвинейра внезапно почувствовала себя очень уставшей.

— Джеймс, давай не будем ругаться. Ты же знаешь, что все это для меня не важно. Да, я жена «овечьего барона». Но будь я женой нищего, ничего бы не поменялось. Я дала обет верности и не хочу его нарушать.

— Ты уже нарушила его, когда разделила постель со мной! — вскипел Джеймс. — Ты уже изменила своему мужу!

Гвинейра отпрянула от него.

— Я никогда не делила с тобой постель, Джеймс МакКензи, — сказала она. — Я никогда не впускала тебя в свою спальню, это... это было... совсем не тем, что обычно называют изменой.

— А что же это было? Гвинейра, пожалуйста, не говори, что ты просто использовала меня, как животное.

Гвин больше всего на свете хотелось закончить этот разговор. Она больше не могла смотреть в умоляющие глаза МакКензи.

— Я ведь спросила тебя, Джеймс, — мягко произнесла она. — Ты согласился. Со всеми моими условиями. И речь здесь идет вовсе не о том, чего я хочу. А о том, что правильно. Я одна из Силкхэмов, Джеймс. Я не могу просто так сбежать от своих обязательств. Ты можешь понимать это или нет, но тут уже ничего не изменить. С этой минуты...

— Гвинейра? Что случилось? Разве ты не должна была прийти ко мне еще четверть часа назад?

Гвин и Джеймс отпрянули друг от друга, услышав голос появившегося в дверях конюшни Лукаса. Он редко приходил сюда, но вчера Гвин пообещала ему, что наконец-то начнет позировать для его картины. Собственно говоря, Гвин согласилась лишь потому, что ей стало жаль молодого супруга, когда Джеральд снова начал его распекать, тем более что она могла закончить все эти мучения одним словом. Однако Гвинейре не хотелось объявлять о своей беременности, не поговорив перед этим с Джеймсом.

Поэтому она нашла другой способ утешить Лукаса. К тому же следующие несколько месяцев у нее будет вдоволь свободного времени, чтобы часами неподвижно сидеть на стуле.

— Я иду, Лукас... У меня просто... возникло небольшое затруднение,

но мистер МакКензи мне уже помог. Спасибо, мистер Джеймс.

Гвинейра надеялась, что ее волнение не слишком заметно. Но всяком случае, ей удалось сказать последнюю фразу совершенно спокойно, а затем почти непринужденно улыбнуться Джеймсу. Если бы только он мог держать свои чувства под контролем так же хорошо, как Гвин! Но, глядя на его искаженное мукой лицо, она чувствовала, что ее сердце разрывается от боли.

К счастью, Лукас ничего не заметил. Перед его глазами стоял лишь портрет жены, который он сейчас начнет писать с нее.

За ужином Гвинейра сообщила Лукасу и Джеральду о том, что беременна.

Джеральд Уорден был вне себя от счастья. Что касается Лукаса, то он выполнил свой долг джентльмена, заверив Гвинейру, что несказанно рад, и торжественно поцеловал ее в щеку. Спустя несколько дней из Крайстчерча пришло роскошное жемчужное кольцо, которое молодой человек вручил жене в знак уважения и признательности. Джеральд поехал в Холдон, чтобы отметить долгожданную новость о том, что он скоро станет дедушкой, и целую ночь угощал выпивкой всех посетителей паба — за исключением Говарда О'Кифа, который, к счастью, был достаточно трезв, чтобы сразу же уехать домой. От него Хелен и узнала о беременности подруги, открытое празднование которой показалось ей совсем неуместным.

— Думаешь, мне это нравится? — спросила Гвинейра, когда через два дня заехала к Хелен и выяснила, что она уже обо всем знает. — Но что тут поделаешь? Джеральд — полная противоположность Лукаса! Даже не верится, что он его родной отец... — Гвинейра запнулась.

— Главное, что они оба уверены в этом, — многозначительно улыбнулась Хелен.

Гвин улыбнулась в ответ.

— Как бы там ни было, я наконец-то беременна. Теперь ты должна во всех подробностях рассказать, что я должна чувствовать и как мне вести себя следующие несколько месяцев, чтобы все прошло правильно. А еще мне, наверное, нужно связать одежду для ребенка. Думаешь, этому можно научиться за девять месяцев?

Беременность Гвинейры протекала без каких-либо осложнений. Даже пресловутая утренняя тошнота первых трех месяцев почти не мучила ее. Кроме того, молодая женщина не принимала всерьез увещаний матери, которая практически с первого дня замужества дочери умоляла ее «ради всего святого» прекратить ездить на лошади. Напротив, Гвин использовала каждый погожий день, чтобы навестить Хелен или миссис Кендлер и тем самым исключить возможность видеться с Джеймсом. Поначалу каждый брошенный им взгляд отдавался в сердце девушки тупой болью, и молодые люди старались по возможности не пересекаться. Когда же им приходилось встречаться, каждый из них отворачивался, чтобы не видеть глубокой грусти в глазах другого.

Таким образом, Гвин проводила много времени с Хелен и маленьким Рубеном, учась пеленать его и петь колыбельные, пока Хелен вязала для подруги детские вещички.

— Только не розовые! — с ужасом воскликнула Гвин, когда Хелен приступила к вязанию пестрых ползунков, чтобы использовать остатки ниток. — У меня же будет мальчик!

— Откуда ты знаешь? — спросила Хелен. — Девочка — это ведь тоже чудесно.

Гвинейра похолодела при мысли, что может не родить Джеральду долгожданного наследника. Сама она до этого почти никогда не думала о ребенке. И лишь теперь, заботясь о Рубене и наблюдая, что этот крошечный человечек уже имеет довольно четкие представления о том, чего он хочет и не хочет, Гвинейра поняла: она носит в себе не просто наследника Киворд-Стейшн. То, что росло в ее лоне, было маленьким существом со своей неповторимой индивидуальностью, которая, между прочим, вполне могла оказаться женской и которую Гвин уже сейчас обрекала на жизнь с ложью. Углубляясь в размышления об этом, она начинала испытывать угрызения совести по отношению к ребенку, который никогда не сможет узнать, кто его настоящий отец. Поэтому Гвин предпочитала не думать, а помогать Хелен справляться с ее бесконечными обязанностями по дому. К примеру, Гвинейра умела доить корову и помогала в школе для детей-маори. К слову, школа эта становилась все больше. Теперь Хелен учила два класса, и, к своему огромному удивлению, Гвин увидела в одном из них троих голышей, которые в остальное время плескались в озере у Киворд-Стейшн.

— Это сыновья вождя и его брата, — объяснила Хелен. — Их отцы хотят, чтобы они чему-нибудь научились, поэтому послали мальчиков пожить к родственникам в ближайшую деревню. Для детей это не так уж легко и требует определенных жертв. Когда они сильно скучают по родителям и друзьям, то отправляются домой — пешком! А вот этот малыш, например, постоянно скучает по дому.

Женщина показала на симпатичного мальчугана с курчавыми черными волосами.

Гвинейра вспомнила замечание Джеймса о том, что слишком умные дети аборигенов могут представлять серьезную опасность для белых.

Хелен на это лишь пожала плечами.

— Если я не научу их, это сделает кто-то другой. Возможно, не этих мальчишек, но их будущих детей точно. Нельзя же постоянно отказывать этим людям в образовании!

— Ну-ну, не заводись, — попыталась унять подругу Гвин. — Я последняя, кто мешает тебе в этом. Просто будет не очень хорошо, если между нами и маори начнется война.

— Глупости. Маори — очень мирный народ, — отмахнулась Хелен. — Они просто хотят научиться чему-то от нас. Думаю, они поняли, что достижения цивилизации значительно облегчают жизнь. Кроме того, отношения с местным населением не совсем такие, как в остальных колониях. Маори не коренные жители Новой Зеландии. Они переселились сюда, как и мы.

— Seriously? — удивилась Гвинейра. Об этом она никогда не слышала.

— Да. Разумеется, они сделали это намного раньше, чем мы, — сказала Хелен. — Но не в доисторические времена. Насколько я поняла, маори приплыли сюда в начале четырнадцатого века. На семи двойных каноэ — это они знают точно. Каждая из семей может отследить свой род вплоть до предков, сидевших в одной из этих лодок.

Хелен уже неплохо освоила язык маори и понимала почти все, что рассказывала ей Матахоруа.

— Значит, им эта земля, по сути, тоже не принадлежит? — с надеждой спросила Гвин.

Хелен закатила глаза.

— Если дело дойдет до стычек, обе стороны будут настаивать на своих правах первооткрывателей. Но будем надеяться, что наши народы достигнут мирного соглашения. Так, а сейчас я займусь с ними арифметикой — независимо от того, нравится это моему мужу и твоему мистеру Джеральду или нет.

Не считая размолвки между Гвинейрой и Джеймсом, обстановка в Киворд-Стейшн была довольно спокойной. Мысли о будущем наследнике окрыляли Джеральда. Он начал еще усерднее заботиться о ферме и продавать больше племенных овец другим заводчикам, тем самым зарабатывая неплохие деньги. Джеймс использовал необходимость отгонять овец новым владельцам как повод на несколько дней покинуть Киворд-Стейшн. Кроме этого, Джеральд приказал работникам начать раскорчевывать новые участки, чтобы еще больше увеличить площадь пастбищ. А чтобы выяснить, какие реки годятся для лесосплава и где имеется хорошая древесина, отцу помог Лукас. Разумеется, молодой человек сетовал на уничтожение лесов, но делал это не слишком рьяно — в конце концов, он был рад, что насмешки Джеральда над ним закончились. О том, каким чудом Гвинейра забеременела, Лукас никогда не спрашивал ее. Вероятно, он надеялся на счастливое стечение обстоятельств или просто не хотел об этом думать. Молодые супруги не так уж часто оставались одни, чтобы можно было завести разговор на столь щекотливую тему. Лукас прекратил свои ночные посещения, как только Гвинейра сообщила о том, что ждет ребенка. Значит, эти «попытки» никогда не приносили ему настоящего удовольствия, решила Гвин. Зато Лукас искренне наслаждался написанием портрета своей прекрасной супруги. Гвинейра послушно позировала ему, и даже Джеральд не имел ничего против этой затеи. Как мать будущего наследника Уорденов, Гвинейра заслужила право на то, чтобы ее портрет занял свое почетное место рядом с портретом его покойной жены Барбары.

Готовая картина, написанная маслом, всем очень понравилась. Сам Лукас, как всегда, был не очень доволен своим творением. Молодой человек считал, что не до конца передал «загадочное выражение лица» Гвинейры, да и направление света ему казалось не оптимальным. А вот гости засыпали картину комплиментами. Лорд Брэнниган даже попросил Лукаса написать портрет его жены. Гвинейра узнала, что в Англии ему за это пришлось бы выложить кругленькую сумму, но Лукас, разумеется, считал, что, как джентльмен, он не вправе брать за свою работу даже пенни, если он делал ее для соседа или друга.

Гвин искренне не понимала, чем продажа картины отличается от продажи лошади или овцы, но не стала спорить с мужем и с облегчением отметила, что Джеральд в кои-то веки тоже не упрекал Лукаса за отсутствие у него деловой хватки. Более того, он, кажется, впервые был горд за сына. В доме Уорденов царил атмосфера тепла и гармонии.

Чем меньше времени оставалось до родов, тем больше Джеральд хлопотал о враче для Гвин. Однако все старания «овечьего барона» были напрасными, поскольку Крайстчерч не мог на несколько недель остаться без единственного врача. Гвин не слишком переживала по этому поводу. После того, как ей довелось увидеть Матахоруа за работой, она была готова в любой момент довериться повитухе-маори. Но Джеральду это казалось неприемлемым, а позиция Лукаса была еще более категоричной.

— Я не допущу, чтобы ты оказалась в руках какой-то дикарки! Ты леди и нуждаешься в надлежащем обращении. Кроме того, это слишком опасно. Твои роды должны проходить в Крайстчерче.

Это заявление возмутило Джеральда. Будущий хозяин Киворд-Стейшн, объяснил он, должен появиться на свет в стенах своего особняка и никак иначе!

В конце концов Гвинейра решила поделиться этой проблемой с миссис Кендлер, хоть и опасалась, что та в ответ предложит ей помощь Дороти. Жена торговца так и сделала, но вместе с тем предложила еще лучшее решение.

— У нашей местной повитухи есть дочь, которая часто принимает роды вместе с ней. Насколько я знаю, она уже и сама помогала женщинам разрешиться от бремени. Просто спросите, готова ли она на пару дней переехать в Киворд-Стейшн.

Франсин Хейворд, дочь повитухи, оказалась жизнерадостной двадцатилетней девушкой. У нее были густые светлые волосы, круглое улыбчивое лицо, вздернутый нос и глаза редкого светло-зеленого оттенка. Гвинейра и Франсин быстро нашли общий язык. Они были примерно одного возраста, и уже после второй чашки чая Франсин призналась, что тайно влюблена в старшего сына Кендлеров, а Гвинейра рассказала ей, как, будучи девочкой, бредила ковбоями и индейцами.

— В одном из романов женщина рождает ребенка, в то время как краснокожие окружают дом! А они с мужем и дочерью там совершенно одни...

— Ну, мне это не кажется таким уж романтичным, — призналась Франсин. — Для меня такая ситуация была бы настоящим кошмаром. Представь, что твой муж мечется от окна к кровати, попеременно выкрикивая: «Тужься, любимая!» и «Я прикончу тебя, проклятый краснокожий!»

Гвинейра захихикала. •

— Моему мужу и в голову не пришло бы употреблять такие выражения в присутствии леди. Скорее он сказал бы: «Прости, любовь моя,

я на минуточку отлучусь, чтобы устранить еще одного из этих дикарей».

Франсин взорвалась смехом.

Поскольку ее мать тоже не имела ничего против предложения Гвин, девушка в тот же вечер поехала с Гвинейрой в Киворд-Стейшн. Она свободно и без страха сидела на голой спине лошади, пропустила мимо ушей восклицание Лукаса: «Зачем же так рисковать! Мы могли бы забрать юную барышню завтра!» — и с распахнутыми от удивления глазами ступила на порог роскошной гостевой спальни. С этого дня Франсин наслаждалась тем, что от нее не требовалось ничего, кроме как составлять компанию Гвин вплоть до рождения «наследного принца». При этом девушка охотно украшала уже готовые вязаные вещи, вышивая на них маленькие золотые короны.

— Ты ведь из аристократов, — заявила она, когда Гвинейра сказала, что считает это неуместным. — Значит, твой ребенок обязательно будет в бесконечном списке наследников британского трона!

Гвинейра надеялась, что Джеральд этого не слышал. Она знала, что ради внука гордый дедушка вполне способен посягнуть на жизнь королевы и ее наследников. Однако пока что Джеральд ограничился лишь тем, что включил изображение короны в клеймо Киворд-Стейшн. Недавно он купил несколько коров и теперь нуждался в официально зарегистрированном знаке для своей фермы. Лукас по настоянию отца нарисовал герб Киворд-Стейшн, объединяющий корону Гвинейры и щит, который отсылал к имени Уорден — «защитник».

Франсин постоянно шутила и пребывала в отличном расположении духа. Ее присутствие пошло Гвинейре на пользу: у будущей молодой мамы не возникало страха перед родами. Однако вместо этого Гвин начала испытывать приступы ревности — Франсин уже совершенно забыла о юном Кендлере и с утра до вечера бредила Джеймсом МакКензи.

— Он интересуется мной, я уверена! — взволнованно рассказывала юная гостя. — Каждый раз, увидев меня, он начинает задавать вопросы. О моей работе и о том, как ты себя чувствуешь. Такой милый! И видно, что старается говорить о том, что мне интересно. Иначе зачем бы он стал спрашивать, когда ты разрешишься от бремени!

У Гвинейры на этот счет были свои соображения, и она считала, что со стороны Джеймса было довольно рискованно так неприкрыто выказывать свой интерес. С другой стороны, она очень скучала по нему и его близости, которая могла бы хоть как-то ее утешить. Гвин хотелось, чтобы Джеймс мог положить руку ей на живот и разделить с ней радость первых движений, которые ребенок совершал в ее теле. Каждый раз, когда малыш толкался,

молодая женщина вспоминала о том, с каким счастливым лицом Джеймс смотрел на новорожденного Рубена, и об их разговоре в конюшне, который произошел незадолго до того, как должна была ожеребиться Игрэн.

— Вы чувствуете жеребенка, мисс Гвин? — с сияющей улыбкой спросил МакКензи. — Он двигается. Поговорите с ним сейчас, мисс Гвин. Тогда, появившись на свет, он уже будет знать ваш голос.

Теперь Гвинейра говорила со своим ребенком, комната которого была уже полностью готова. Рядом с кроватью Гвин стояла колыбель — чудо из голубого и золотисто-желтого шелка, которое под руководством Лукаса соорудила Кири. И даже имя для малыша уже выбрали: Пол Джеральд Теренс Уорден. Пол — в честь отца Джеральда.

— Следующего сына мы можем назвать в честь твоего деда, — великодушно предложил свекор. — Но первым делом мне хотелось бы основать определенную традицию...

Для Гвинейры имя ребенка не имело особого значения. С каждым днем ей становилось все тяжелее носить его в себе, и она не могла дожидаться, когда он наконец-то появится на свет. Гвин уличила себя в том, что просчитывает срок, соотнося время рождения ребенка со своими прошлогодними приключениями. «Если он родится сегодня, значит, мы зачали его у озера... — думала она. — А если подождем до следующей недели, то он дитя тумана... маленький воин, зачатый в кругу камней...»

Девушка помнила каждое нежное слово и прикосновение Джеймса, тосковала по нему и порой плакала во сне.

Роды начались утром в один из дней ноября, погода которого соответствовала погожему июньскому дню в далекой Англии. Последние недели почти каждый день шел дождь, но сегодня солнце взошло на ясном небе, в саду распустились розы, а яркие весенние цветы, которые так любила Гвинейра, предстали во всей своей красе.

— Как все это красиво! — промолвила Франсин, накрывая небольшой столик, стоявший перед окном эркера. Они с Гвинейрой как раз собирались завтракать. — Нужно обязательно убедить маму посадить хоть немного цветов, а то на нашей грядке растут одни овощи. Ну и рата, конечно.

Гвинейра хотела сказать, что она с первых дней в Новой Зеландии влюбилась в этот куст, усыпанный яркими красными цветками, как вдруг почувствовала резкую боль и поняла, что у нее отходят воды.

Роды Гвинейры были нелегкими. Будучи здоровой и хорошо развитой девушкой, она все же имела свои трудности. Вопреки опасениям леди Силкхэм, постоянная езда Гвинейры на лошади не привела к выкидышу, но

слишком укрепила мускулатуру ее таза, затруднив проход ребенка по родовым путям. Конечно же, Франсин неустанно уверяла Гвинейру, что все в порядке и ребенок лежит как надо, но это не могло удержать роженицу от криков и даже проклятий. Благо, что Лукас их не слышал. К счастью, рядом с Гвин хотя бы никто не рыдал — девушка не знала, как бы она выдержала причитания Дороти, если бы та присутствовала при родах. Кири, которая помогала Франсин, оставалась совершенно спокойной.

— Ребенок здоровый. Так сказать Матахоруа. Она никогда не ошибаться.

А вот за дверью спальни Гвинейры разыгрался настоящий ад. Сначала Джеральд просто ждал, затем начал беспокоиться, а вечером готов был наброситься на каждого, кто попадался ему под руку. В конце концов он напился до полубессознательного состояния и последние часы родов проспал в своем кресле в гостиной. Лукас волновался тихо, пил умеренно, как и подобает джентльмену. Тем не менее Уорден-младший тоже устал от длительного ожидания и задремал. Но его сон был неглубоким. Как только из комнат Гвинейры доносился какой-нибудь шум, Лукас поднимал голову и даже во второй половине ночи требовал, чтобы Кири почаще спускалась и сообщала ему, что происходит наверху.

— Мистер Лукас такой заботливый! — сказала служанка Гвин.

А вот Джеймс МакКензи не мог сомкнуть глаз. Он провел весь день в состоянии крайнего беспокойства, а ночью пробрался в сад под окна Гвинейры. Таким образом, помимо девушек, Джеймс был единственным, кто слышал ее крики. Беспомощный, со стиснутыми кулаками и слезами на глазах он терпеливо ждал. Никто не сообщал ему, простому пастуху, все ли в порядке; от каждого крика Гвинейры он холодел, боясь за ее жизнь.

В какой-то момент Джеймс почувствовал, что к его ногам прижалось что-то теплое и лохматое. Еще одно существо, о котором все позабыли. Франсин безжалостно прогнала Клео из комнат Гвинейры, а Лукасу с Джеральдом не было до собаки никакого дела. Теперь она жалобно скулила, слыша крики хозяйки.

— Мне жаль, Гвин, мне так жаль... — шептал Джеймс, зарываясь лицом в мягкую шерсть Клео.

В итоге, сидя обнявшись с бордер-колли, он наконец-то услышал другой, тихий, но довольно уверенный и немного возмущенный крик. Ребенок приветствовал первые лучи восходящего солнца. Гвин последний раз вскрикнула от боли и облегченно вздохнула.

Джеймс плакал от радости, уткнувшись лицом в мохнатую собачью шею.

Лукас сразу же проснулся, когда Кири с ребенком на руках появилась на лестнице. Она остановилась посередине, словно звезда варьете, преисполненная чувства собственной важности. Лукас спросил себя, почему ребенка вынесла не Франсин, но лицо Кири лучилось радостью, так что сразу было попятно: и мать, и ребенок в хорошем состоянии.

— Все... в порядке? — все же спросил Лукас, повинувшись долгу джентльмена, и встал, чтобы подойти к служанке.

Джеральд тоже кое-как поднялся с кресла.

— Он здесь? Все здоровы?

— Да, мистер Джеральд, — радостно ответила Кири. — Чудесный дитя. Чудесный! Рыжий волосы, как у мама.

— Вот это да! — засмеялся Джеральд. — Он будет первым рыжим Уорденом!

— Я думаю, правильно называть не «он», — поправила хозяйина Кири. — Правильно «она». Это девочка, мистер Джеральд. Прекрасный девочка!

Франсин предложила назвать ребенка Полеттой, но Джеральд был против. Имя Пол должно было принадлежать будущему наследнику. Лукас, как истинный джентльмен, через час после родов появился у постели Гвинейры с красной розой из своего сада и степенно заверил ее, что находит малышку очаровательной. Гвин в ответ лишь кивнула. Как еще, если не очаровательным, можно было назвать это маленькое существо, которое она гордо держала на руках? Гвинейра не могла насмотреться на крохотные пальчики, носик пуговкой и длинные рыжие ресницы, обрамлявшие большие синие глаза малышки. На голове новорожденной уже виднелись короткие волосики. Разумеется, такого же огненного оттенка, как и у Гвин. Гвинейра погладила девочку, и она сразу же ухватила за ее палец. Причем на удивление крепко. Так, как хватаются за поводья... «Пройдет немного времени, и я начну учить ее верховой езде», — подумала Гвин.

Лукас предложил назвать девочку Розой и приказал принести в спальню Гвинейры огромный букет красных и белых роз, который сразу же наполнил комнату пьянящим ароматом.

— Я еще никогда не видел, чтобы розы цвели так прекрасно, как сегодня, любимая. Как будто даже сад празднует рождение нашей дочери.

Франсин передала малышку в руки Лукасу; он держал ребенка довольно неуклюже, не зная, что с ним делать и как себя правильно вести.

И все же он спокойно произнес «наша дочь», а значит, скорее всего, не догадывался о правде.

Гвинейра вспомнила ненавистный розарий Дианы.

— Она гораздо красивее любой розы, Лукас! Она самое красивое существо на свете! — возразила она и поспешила забрать дочь обратно. Это было сумасшествием, но Гвин почему-то почувствовала укол ревности.

— Тогда тебе самой придется придумать ей имя, любовь моя, — мягко ответил Лукас. — Уверен, ты найдешь что-нибудь подходящее. А теперь я должен ненадолго оставить тебя и навеститься к отцу. Он все еще не может смириться с тем, что это не мальчик.

Джеральду удалось взять себя в руки и навестить Гвинейру только спустя несколько часов. Он сухо поздравил мать и мельком взглянул на ребенка. И лишь когда девочка по-собственнически обхватила своей крохотной ручкой его палец, Джеральд снизошел до улыбки.

— Ну, хоть что-то, — пробурчал он. — Следующим наверняка будет мальчик. Как это делается, вы уже знаете, так что...

Прежде чем Уорден закрыл за собой дверь, в комнату проскользнула Клео. Обрадовавшись тому, что ей наконец-то удалось это сделать, бордер-колли подбежала к кровати Гвинейры, стала на задние лапы и умостила свою лохматую голову на одеяло.

— Где ты пропадала? — с улыбкой спросила Гвин и погладила любимицу. — Смотри, я хочу тебя с кем-то познакомить!

К ужасу Франсин, молодая мать позволила собаке обнюхать новорожденную малышку. При этом Гвин заметила маленький букетик весенних цветов, который кто-то прикрепил к ошейнику Клео.

— Как оригинально! — воскликнула Франсин, когда Гвинейра осторожно отцепила его и взяла в руки. — Кто бы это мог быть? Один из работников?

Гвин знала, от кого были эти цветы, но ничего не сказала. Ее сердце переполняла радость. Значит, он знал о рождении их дочери и, разумеется, вместо роз выбрал скромные полевые цветы, которые так любила Гвинейра.

Малышка чихнула, когда Гвин провела букетиком по ее носу. Гвинейра улыбнулась.

— Я назову ее Флёреттой, — сказала она.

Что-то вроде ненависти...

**РАВНИНА КЕНТЕРБЕРИ — ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ
1858—1860**

Джордж Гринвуд все еще не мог отдышаться после подъема на Брайдл-Пас. Он медленно потягивал имбирное пиво, которое продавалось здесь, на самой высокой точке перевала между Литтелтоном и Крайстчерчем, и наслаждался открывавшимся отсюда видом города и равнины Кентербери.

Так вот какой была земля, на которой теперь жила Хелен! Ради которой она покинула Англию... Джордж вынужден был признать, что места эти очень красивы. Крайстчерч, возле которого должна находиться ее ферма, был бурно развивавшейся общиной. Будучи первым поселением новозеландских колонистов, он год назад получил статус города, а недавно в придачу ко всему стал резиденцией епископа.

Джордж вспомнил последнее письмо Хелен, в котором она с небольшим злорадством сообщала, что надежды несимпатичного ей преподобного отца Болдуина не сбылись. Вместо этого архиепископ Кентербери возвел в сан епископа священника по имени Генри Читти Харпер, которому ради этого пришлось покинуть старую родину. У него тоже была семья, но, в отличие от Болдуина, Харпер, похоже, пользовался любовью прихожан.

Больше о его характере Хелен ничего не рассказала, что немало удивило Джорджа. В конце концов, Хелен должна была давно познакомиться с этим мужчиной и хорошо его знать, учитывая свою обширную церковно-просветительную деятельность, о которой она говорила почти в каждом письме. Хелен Дэвенпорт-О'Киф состояла в различных христианских женских обществах и занималась с детьми аборигенов. Джордж надеялся, что при этом она не стала такой же самоуверенной ханжой, как его мать. Во всяком случае, он не мог представить Хелен, сидящую в шелковом платье на очередном заседании женского комитета, да и письма женщины свидетельствовали скорее о личном общении с детьми и их матерями.

Мог ли он в принципе представить Хелен? Столько лет прошло, столько разнообразных впечатлений пронеслось мимо! Колледж, путешествия по Европе, поездки в Индию и Австралию — собственно говоря, этого должно было хватить, чтобы стереть из памяти Джорджа образ взрослой женщины, которая была старше его на несколько лет. Но молодой человек и сейчас видел ее перед собой так ясно, словно она покинула Англию только вчера. Ее блестящие каштановые волосы, ясный

взгляд умных серых глаз, узкое лицо, строгую прическу, прямую спину и ровную походку — даже когда она была очень уставшей. Джордж вспоминал, как хорошо ей удавалось сдерживать гнев и нетерпение в общении с его матерью и младшим братом, а также о том, как она украдкой улыбалась, когда ему удавалось какой-нибудь очередной дерзостью пробить панцирь ее самообладания. В такие моменты он мог видеть в ее глазах все затаенные чувства, которые она, находясь в другом окружении, прятала за своим обычным спокойно-равнодушным выражением лица. Огонь, затаившийся в тихом омуте, который вспыхнул именно тогда, когда ей на глаза попало это дурацкое объявление от церковной общины с другого конца земли! Любила ли Хелен на самом деле этого Говарда О'Кифа? В письмах она говорила, что очень уважает мужа, который изо всех сил старается сделать их быт более комфортным, а ферму прибыльной.

Однако между строк Джордж отчетливо читал, что это удастся мужчине далеко не всегда. Джордж Гринвуд уже достаточно давно примкнул к делам своего отца и знал, что почти все первые колонисты Новой Зеландии к этому времени успели разбогатеть. Чем бы они ни занимались — рыбным промыслом, торговлей, животноводством, — их предприятия процветали. Тот, кто имел хоть небольшую деловую хватку, получал неплохую прибыль. Одним из таких колонистов был Джеральд Уорден, державший огромную ферму под названием Киворд-Стейшн. Визит к нему, основному производителю шерсти в Новой Зеландии, являлся одной из главных причин, которые привели сына Роберта Гринвуда в Крайстчерч. Гринвуды подумывали над тем, чтобы открыть здесь филиал своего международного торгового дома. Торговля новозеландской шерстью становилась все более перспективным делом — особенно учитывая то, что вскоре сообщение между Англией и островами должно будет осуществляться с помощью пароходов. Сам Джордж приехал сюда на корабле, на котором помимо парусов были установлены паровые двигатели. Они делали судно менее зависимым от непредсказуемости направления и силы ветра в штилевом поясе, в результате чего путешествие от Лондона до Литтелтона длилось всего лишь около восьми недель.

Брайдл-Пас тоже изменился и теперь значительно отличался от того опасного перевала, который Хелен с ужасом вспоминала в своем первом письме. Теперь дорогу расширили настолько, что по ней свободно проезжали повозки и экипажи, и Джордж мог бы не утруждать себя пешим подъемом. Однако после долгого путешествия на корабле молодому человеку хотелось движения; кроме того, ему было интересно в каком-то смысле увидеть этот путь переселенцев глазами Хелен. Во время обучения

в колледже Джордж, казалось, был помешан на Новой Зеландии. Письма от Хелен приходили редко, и он запоем читал обо всем, что происходило в этой стране, чтобы почувствовать себя ближе к своей бывшей учительнице.

Немного отдохнув, Джордж продолжил путь, который теперь все время шел вниз. Вполне возможно, что он увидит Хелен уже завтра! Если ему удастся раздобыть лошадь — а ферма Хелен, судя по ее письмам, находится не так уж далеко от города, — то ничто не мешает ему нанести миссис Дэвенпорт-О'Киф небольшой визит вежливости. Как бы там ни было, вскоре он отправится во владения Джеральда Уордена, которые должны находиться довольно близко к Хелен. В конце концов, она была подругой хозяйки Киворд-Стейшн, Гвинейры Уорден. А значит, расстояние между фермами можно было покрыть в течение нескольких часов.

Перебравшись через Эйвон на пароме и преодолев последние мили дороги, ведущей в Крайстчерч, Джордж остановился в местной гостинице. Она была скромной, но чистой, и, конечно же, ее хозяин был знаком с Уорденами.

— Разумеется, я знаю их. Мистер Джеральд и мистер Лукас всегда останавливаются здесь, когда им приходится приезжать в Крайстчерч. Очень культурные люди, в особенности мистер Лукас и его очаровательная жена! Миссис Уорден заказывает в Крайстчерче платья, поэтому появляется здесь не менее двух или трех раз в году.

А вот о Говарде и Хелен О'Кифах мужчина даже не слышал. Они никогда не останавливались в его гостинице, и на воскресной службе он их тоже не встречал.

— Но это и неудивительно, раз они соседи Уорденов. В таком случае они принадлежат к общине Холдона, где недавно тоже построили церковь, поскольку его жителям было слишком хлопотно каждую неделю ездить в Крайстчерч.

Удивленный Джордж принял эту информацию к сведению и спросил, где он может достать лошадь. На завтра у него был запланирован визит в местное отделение Объединенного банка Австралии, первый банковский филиал Крайстчерча.

Директор банка был очень вежливым и заявил, что чрезвычайно рад планам Гринвудов в отношении Крайстчерча.

— Вам следует поговорить с Питером Брюстером, — посоветовал он молодому человеку. — До этого времени торговлей шерстью здесь занимался он. Однако, по слухам, Питер собирается переезжать в

Квинстаун... золотая лихорадка... ну, вы сами понимаете... Хотя Брюстер наверняка не планирует вести разведку месторождений или работать на приисках. Он скорее рассчитывает сменить торговлю шерстью на торговлю золотом.

— Думаете, это намного прибыльнее? — наморщив лоб, спросил Джордж.

Банкир пожал плечами.

— Если вы спрашиваете о моем мнении, то скажу так: шерсть на овцах каждый год отрастает заново, а вот о том, сколько золота скрыто в земле Отаго, наверняка не знает никто. Но Брюстер молод и предприимчив. К тому же им двигают причины личного характера. Его жена родом оттуда — из местных маори. И она унаследовала немало земли. Так что, как бы там ни было, Питер не огорчится, если его бывшие клиенты из Крайстчерча перейдут к вам. А для вас это значительно облегчит основание филиала.

Джордж не мог не согласиться с банкиром и поблагодарил его за совет. Кроме того, молодой человек использовал возможность осведомиться об Уорденах и О'Кифах. Уорден — директор банка, конечно же, сразу принялся расхваливать.

— Старый Уорден не подарочек, но знает толк в овцах! А младший скорее эстет, делами фермы он почти не занимается. Поэтому Джеральд надеется на более предприимчивого внука, которому можно было бы передать Киворд-Стейшн, но пока что тщетно. При этом молодая хозяйка фермы сказочно красива. Беда только, что с детьми у нее не заладилось. За шесть лет брака всего один ребенок, дочка... Но я уверен, в таком юном возрасте наверняка еще есть надежда... Хм, а О'Кифы... — Директор запнулся, явно не находя нужных слов. — Ну что я могу сказать? Банковская тайна, сами понимаете...

Джордж понимал прекрасно. Очевидно, Говард О'Киф был не очень уважаемым клиентом. И у него, скорее всего, имелись долги. А фермы Уорденов и О'Кифов находились в двух днях езды от Крайстчерча, значит, рассказы Хелен о ее замечательной городской жизни были ложью или как минимум преувеличением. Холдон, ближайшее поселение, наверняка был не больше деревни. Что еще она от него утаила и почему? Может быть,

Хелен стыдилась своей новой жизни? Что, если она вовсе не обрадуется гостю со старой родины? Но Джордж должен был с ней встретиться! Черт возьми, он проехал восемнадцать тысяч миль, чтобы хоть раз ее увидеть!

Питер Брюстер оказался обходительным мужчиной и на следующий

же день пригласил Джорджа к себе на ланч. Разумеется, это заставило молодого человека немного изменить свои планы, но отказать Брюстеру было бы невежливо. Встреча прошла в очень теплой и непринужденной обстановке. Прекрасная жена Питера по традиции маори поставила на стол недавно выловленную в Эйвоне рыбу и изысканное блюдо из батата. Дети закидали гостя вопросами о старой, доброй Англии, а глава семейства, конечно же, знал как Уорден, так и О'Кифов.

— Только не говорите с Уорденом об О'Кифе, а с О'Кифом об Уордене! — предупредил он Джорджа. — Они словно кошка с собакой, а ведь когда-то были партнерами. Ферма Киворд-Стейшн принадлежала им обоим, само ее название отсылает к частям их фамилий — «киф» и «уорд». Но они оба также любили перекинуться в карты, и Говард однажды проиграл свою долю. Подробностей никто не знает, но эта история не на шутку поссорила бывших компаньонов, и теперь они друг друга на дух не переносят.

— Ну, со стороны О'Кифа это понятно, — сказал Джордж. — Но с чего злиться победителю?

— Как я уже сказал, подробности их ссоры никому не известны. В итоге у Говарда все же нашлись средства, чтобы основать свою собственную ферму. Однако ему не хватает знания дела. В этом году он потерял практически всех ягнят — слишком рано выгнал их перед последними снежными бурями. Парочка ягнят всегда замерзает на высокогорных пастбищах, когда на два-три дня внезапно возвращается зима. Но выгнать их туда в начале октября... Это называется испытывать Бога!

Джордж вспомнил, что октябрь в Новой Зеландии соответствовал английскому марту, когда на холмистых пастбищах Уэльса было еще довольно холодно.

— Зачем же он так поступает? — удивленно спросил молодой человек. При этом его скорее интересовало, почему Хелен позволяет мужу совершать такие глупости. Она, конечно, никогда не увлекалась сельским хозяйством, но раз от этого зависело будущее фермы, было бы разумно с ее стороны проявить хоть какую-то заботу.

— Ах, это замкнутый круг, — вздохнул Брюстер и предложил гостю сигары. — Ферма слишком маленькая, ее земли не хватает для большого поголовья. А меньшее количество животных не приносит достаточного дохода, поэтому многое зависит от удачи. В хорошие годы травы и сена хватает, в плохие зимний корм заканчивается слишком рано. Его приходится докупать, а на это, опять-таки, не всегда хватает денег. Или же

животных выгоняют на горные пастбища и надеются, что снег больше не пойдет. Но давайте поговорим о чем-нибудь более радостном. Вы выказали интерес относительно моих клиентов. Очень хорошо, я вас со всеми познакомлю. О сумме отступного мы договоримся позже. Может быть, в связи с открытием филиала вас также заинтересуют наши конторы? Бюро и склады в Литтелтоне и Крайстчерче. Я могу сдать вам все помещения в аренду с предоставлением права преимущественной покупки... Или мы можем стать партнерами, и я сохраню определенную долю в качестве негласного компаньона. Это было бы для меня хорошей подстраховкой на случай, если золотая лихорадка закончится слишком быстро.

Мужчины провели всю вторую половину дня, осматривая недвижимость, и Джорджу очень понравилось предприятие Брюстера. В конце концов они договорились, что обсудят подробности передачи имущества после запланированной Джорджем поездки в Кентербери. Джордж покинул дом будущего делового партнера в хорошем настроении и сразу же написал отцу. Так быстро и без проблем не открывался еще ни один иностранный филиал торговой компании Гринвудов. Оставалось лишь подыскать толкового управляющего. Брюстер был бы идеальным вариантом, но он собирался уезжать...

Джордж решил, что подумает об этом позже. А завтра спокойно отправится в Холдон. И встретится с Хелен.

— Снова гость? — недовольно спросила Гвинейра.

Она собиралась воспользоваться этим прекрасным весенним днем, чтобы навестить Хелен. Флёретта уже несколько дней изводила ее просьбами отправиться туда, чтобы поиграть с Рубеном; кроме того, Гвин как раз дочитывала последнюю из детских книг. Флёретта ужасно любила слушать истории. Ей нравилось, когда мать или Хелен читали ей вслух. Благодаря урокам миссис О'Киф девочка уже делала первые попытки писать буквы.

— Вся в отца! — говорили люди в Холдоне, когда Гвинейра в очередной раз заказывала книги для малышки.

Миссис Кендлер то и дело находила в девочке внешнее сходство с Лукасом, с чем Гвин могла согласиться разве что из вежливости. Ей казалось, что во внешности Флёретты и Лукаса нет почти ничего общего. Девочка была изящной и рыжеволосой, как мать, но изначально голубой цвет ее глаз спустя несколько месяцев после рождения сменился на светлый с янтарными вкраплениями. В своем роде глаза Флёр были такими же прекрасными и необычными, как и глаза Гвинейры. Янтарные точки в

них словно вспыхивали, когда малышка была взволнована, и по-настоящему загорались, когда она приходила в ярость, что обычно случалось очень быстро. С этим не могла поспорить даже влюбленная в девочку мать. Флёретта не была таким спокойным, тихим и послушным ребенком, как Рубен. Рыжая непоседа постоянно предъявляла какие-то требования и ужасно сердилась, когда ей в чем-то отказывали. Она раздражалась потоками брани, краснела от злости, а в крайних случаях даже плевалась. Почти четырехлетняя Флёретта Уорден явно вела себя не как леди.

Несмотря на это, у малышки были очень хорошие отношения с отцом. Лукас, очарованный темпераментом Флёр, слишком часто потакал ее капризам. Воспитывать дочь он практически не пытался и, казалось, рассматривал ее скорее как «в высшей степени интересное явление». В результате этого в Киворд-Стейшн теперь было два обитателя, которые с неподдельной страстью собирали всевозможные виды уэты, делали зарисовки и наблюдали за их поведением. Однако Флёр при этом больше всего интересовало, как далеко сможет прыгнуть та или иная особь; кроме того, девочка считала отличной затеей раскрашивать их в разные цвета. Гвинейра тем временем научилась с небывалой ловкостью собирать огромных насекомых обратно в стеклянные банки.

Сейчас женщина спрашивала себя, как объяснить ребенку, что они сегодня никуда не поедут.

— Да, снова гость! — буркнул Джеральд. — С позволения вашей милости. Коммерсант из Лондона. Провел ночь у Бизли и прибудет сюда ближе к вечеру. Реджинальд Бизли оказался настолько любезен, что послал к нам с этой новостью одного из своих слуг. Поэтому мы должны принять гостя по всем правилам приличия. Конечно, лишь в том случае, если это будет угодно миледи!

Джеральд, покачиваясь, поднялся. Сейчас не было еще и полудня, но он уже был пьян или до сих пор не протрезвел со вчерашнего вечера. Чем больше старый Уорден пил, тем более колкими становились его замечания относительно Гвинейры. В последние месяцы она стала любимым объектом его насмешек, причиной чему, несомненно, была зима. Зимой Джеральду было легче простить сыну то, что последний все время проводил в своем кабинете, вместо того чтобы заниматься делами фермы, и старик чаще придирался к Гвинейре, которой приходилось днями сидеть дома из-за дождливой погоды. Летом, когда начнется стрижка овец, ягнение и различные фермерские работы, Джеральд снова сосредоточит свое недовольство на Лукасе, в то время как Гвинейра будет уезжать из дома

якобы для того, чтобы наносить визиты вежливости соседям, а на самом деле сбегая в гости к Хелен.

Гвинейре и Лукасу такой цикл был знаком уже несколько лет, однако легче им от этого не становилось. Существовала лишь одна возможность разорвать этот нескончаемый круг. Гвинейре нужно было наконец-то родить Джеральду долгожданного наследника. Но усилия Лукаса в этом отношении с каждым годом становились все более вялыми. Гвинейра просто-напросто не возбуждала его, поэтому о зачатии еще одного ребенка не стоило и мечтать. А поскольку попытки Лукаса практически сошли на нет и, значит, никогда не увенчаются успехом, возможность обмануть мужа во второй раз тоже исчезла. Впрочем, Гвин и без этого не тешила себя иллюзиями. Еще раз Джеймс МакКензи ей помочь не согласится. Да и сама она не выдержит боли повторного расставания. Прошел не один месяц после рождения Флёретты, прежде чем Гвинейра смогла избавиться от приступов тоски и отчаяния, которые охватывали ее каждый раз, когда ей приходилось видеть или касаться Джеймса. Последнего не всегда удавалось избежать — выглядело бы подозрительно, если бы Джеймс внезапно перестал подавать Гвин руку, чтобы помочь взобраться на козлы, или снимать седло, после того как она заводила Игрэн в конюшню. Когда их пальцы соприкасались, волна любви и тепла, мгновенно сменявшаяся отчаянным «больше никогда, больше никогда мы не сможем...», разрывала сердце молодой женщины. К счастью, со временем Гвин стало легче. Она научилась сдерживать эмоции, а воспоминания о счастье с Джеймсом постепенно выветрились из ее головы. Однако проделать все это с МакКензи еще раз было немыслимо. С другим мужчиной? Нет, этого Гвин не вынесет. До Джеймса Гвин было все равно; все мужчины казались ей более или менее одинаковыми. Но теперь... Это было безнадежно. Если не случится чуда, Джеральду придется смириться с тем, что Флёр останется его единственной внучкой.

Саму Гвинейру это нисколько не тревожило. Она любила Флёретту и сразу же узнавала в ней свои черты, а также все, что ей нравилось в Джеймсе. Флёр была непоседливой и умной, упрямой и смешной. У нее было немало товарищей среди детей-маори, поскольку она бегло говорила на их языке. Но больше всего девчушка любила играть с Рубеном, сыном Хелен. Он был на целый год старше, поэтому казался ей героем и служил примером для подражания. С ним Флёр даже удавалось спокойно и молча досидеть до конца урока, который вела его мать.

Но сегодня сделать это у нее не получится. Вздохнув, Гвин пожала Кири, чтобы приказать ей убрать со стола. Сама Кири до этого наверняка

бы не додумалась. Она недавно вышла замуж и целыми днями думала о муже. Гвинейра ждала лишь того, когда девушка сообщит о беременности, тем самым заставив Джеральда взорваться новым приступом гнева.

После уборки нужно было уговорить Кири почистить серебро и обсудить с Моаной меню сегодняшнего обеда. Было бы неплохо подать к столу что-то из ягнятины, а также йоркширский пудинг. Но сперва надо поговорить с Флёр...

Пока родители завтракали, Флёретта не теряла времени зря. Она хотела как можно быстрее отправиться в путь, а значит, нужно было сразу же оседлать или запрячь лошадей. Как правило, отправляясь куда-нибудь с дочерью, Гвинейра просто сажала ее перед собой на Игрэн, но Лукас предпочитал, чтобы «его дамы» ехали в экипаже. Для этого он купил Гвин изящную двуколку, с которой она управлялась лучше любого кучера. Легкий двухместный экипаж был практически вездеходным, и Игрэн легко тащила его по неровным дорогам. Однако ехать напрямик через поле в подпрыгивающем экипаже было невозможно. О том, чтобы срезать путь через кустарники, не могло быть и речи. Неудивительно, что Гвин и Флёр предпочитали ездить верхом, и сегодня Флёретта тоже приняла соответствующее решение.

— Можешь оседлать Игрэн, мистер Джеймс? — спросила она МакКензи.

— Дамским седлом или другим? — серьезно спросил Джеймс. — Вы ведь знаете, что сказал ваш отец.

Лукас всерьез задумывался о том, чтобы заказать из Англии пони, на котором девочка могла бы научиться правильно ездить в дамском седле. Но Гвинейра сказала, что Флёр перерастет пони, прежде чем его доставят в Новую Зеландию. Поэтому пока что Гвин учила дочь ездить в мужском седле на Мэдоке. Жеребец был очень послушным, проблема состояла лишь в том, чтобы держать эти уроки верховой езды в секрете.

— Седлом для настоящих людей! — заявила Флёр.

МакКензи не смог удержаться от смеха.

— Настоящее седло, отлично, миледи! Вы сегодня собираетесь выехать одна?

— Нет, мама скоро придет. Просто ей сначала нужно побыть «мишенью» для дедушки. Она так сказала папе. Дедушка действительно будет в нее стрелять, мистер Джеймс?

«Нет, этого я не допущу», — с мрачной решимостью подумал Джеймс. Ни для кого на ферме не было секретом, что Джеральд постоянно изводит

невестку своими придирками. Но в отличие от Лукаса, которого работники давно уже недолюбливали, Гвинейра скорее вызывала у них сочувствие. И порой пастухи подбирались достаточно близко к правде, когда позволяли себе болтать о хозяевах.

— Если бы только у миссис Гвин был нормальный муж, Джеральд бы уже десять раз стал дедом! — как правило, говорили они.

Довольно часто парни также в шутку выдвигали свои кандидатуры на роль «быка-производителя» и придумывали тысячу способов, как одновременно оставить довольными прекрасную хозяйку и ее свекра.

Джеймс пытался положить конец столь неприличным шуткам, но ему не всегда удавалось это. Если бы Лукас старался хоть что-нибудь делать для фермы! Но молодой хозяин не собирался изменять своим привычкам и с каждым годом все с большим недовольством реагировал на попытки Джеральда заставить его работать с овцами.

Надевая на Игрэн седло, Джеймс продолжал болтать с Флереттой. Он научился прекрасно скрывать свои чувства, но на самом деле очень любил Флёр и не мог относиться к девочке как к дочери Уордена. Нет, этот рыжий вихрь был его ребенком — и Джеймса ничуть не огорчало, что Флёр «всего лишь» девочка. Он терпеливо ждал, пока она вскарабкается на ящик, чтобы, стоя на нем, почистить хвост Игрэн.

Гвинейра вошла в конюшню, когда Джеймс затягивал подпругу седла, и его вид, как всегда, невольно взволновал женщину. Едва заметный блеск глаз, легкий румянец... и снова железный контроль.

— О, Джеймс, вы уже оседлали лошадь? — извиняющимся тоном промолвила Гвин. — К сожалению, мы с Флёр не сможем выехать. Сегодня должен прибыть гость.

— Ах да, этот английский коммерсант, — кивнул Джеймс. — Мне и самому следовало догадаться, что его визит помешает вашей поездке, — сказал он и собрался снимать седло.

— Мы не поедem в школу? — обиженно спросила Флёр. — Но тогда я останусь глупой, мама!

Это был самый свежий аргумент в пользу того, чтобы каждый день ездить к Хелен. Учительница использовала это замечание в разговоре с ребенком-маори, который слишком часто пропускал уроки, и Флёр сразу же запомнила его и взяла на вооружение.

Джеймс и Гвин рассмеялись.

— Ну, на такой риск мы, разумеется, не можем пойти, — с наигранной серьезностью промолвил Джеймс. — Если позволите, мисс Гвин, я отвезу ее в школу.

Гвинейра удивленно взглянула на МакКензи.

— А у вас есть время? — спросила она. — Я думала, вы собирались проверить загоны для овцематок.

— Это как раз по пути, — объяснил Джеймс и лукаво подмигнул Гвин. Загоны действительно находились рядом, но не с обычной дорогой на Холдон, а с тайной тропинкой Гвинейры, ведущей напрямик через кустарники. — Разумеется, нам придется поехать верхом. С экипажем я действительно потеряю слишком много времени.

— Пожалуйста, мамочка! — умоляющим тоном произнесла Флёр, вместе с тем готовясь устроить истерику на тот случай, если Гвин посмеет отказать.

К счастью, уговорить мать не составило труда. Без разочарованного ноющего ребенка рядом Гвин было легче справиться с нелюбимыми обязанностями хозяйки Киворд-Стейшн.

— Ну ладно, — сказала она. — Желаю хорошо повеселиться! Жаль, что я не смогу поехать с тобой.

Гвинейра с завистью смотрела, как Джеймс выводит из стойла своего мерина, поднимает Флёр и сажает в седло перед собой. Девочка сидела на лошади прямо и гордо, а ее рыжие локоны мерно подпрыгивали в такт легкой рыси. Джеймс держался в седле так же уверенно и свободно, и Гвин ничуть не беспокоилась о безопасности дочери.

Неужели никто, кроме нее, не замечал удивительного сходства между мужчиной и девочкой?

Лукас Уорден, художник, привыкший подмечать мельчайшие детали, тоже смотрел вслед удаляющимся всадникам из окна своей комнаты, а затем увидел во дворе одинокую фигурку Гвин и, казалось, прочитал ее мысли.

Молодой человек был доволен жизнью в созданном им самим мире, но порой... порой ему становилось искренне жаль, что он не может по-настоящему любить эту женщину.

В Кентербери Джорджа Гринвуда принимали с распростертыми объятиями. Имя Питера Брюстера открывало перед молодым человеком двери всех ферм, но и без рекомендаций ему бы, скорее всего, оказали здесь достойный прием. Джордж почти не сомневался в этом, ибо исходил из опыта прошлых поездок в Австралию и Африку, — люди, жившие в такой культурной изоляции, как эти колонисты, были рады любому гостю из Старого Света. Поэтому коммерсант терпеливо выслушивал жалобы миссис Бизли на слуг, восхищался ее розами, а затем, поехав с мистером Бизли на осмотр пастбищ, похвалил его овец. Бизли приложили все усилия, чтобы превратить свою ферму в небольшой кусочек Англии, и Джордж не смог сдержать улыбки, когда миссис Бизли рассказала, сколько она билась над тем, чтобы служанки прекратили добавлять в блюда для хозяев батат.

В Киворд-Стейшн, как вскоре обнаружилось, царили совсем другие порядки. Дом и сад представляли собой странное смешение: с одной стороны, кто-то явно пытался как можно точнее воспроизвести быт английского уездного дворянства, а с другой — в него очень тесно вплеталась культура маори. К примеру, и саду мирно уживались рата и розы, под тыквенными деревьями стояли лавочки, украшенные типичной резьбой новозеландских аборигенов, а сараи для инвентаря, как и хижины маори, были покрыты листьями пальмы никау. Служанка, открывшая Джорджу дверь, была одета в типичную форму английской горничной, но в то же время ходила по дому босиком, а лакей дружелюбно поприветствовал гостя словами «*haere mai*», что означало «добро пожаловать».

Джордж постарался вспомнить все, что он слышал об Уорденах. Молодая хозяйка происходила из английских дворян и, судя по мебелировке холла, отличалась прекрасным вкусом. В этом плане англиканизация в доме Уорденов проводилась еще более решительно и бесцельно, чем у Бизли. Как часто, скажите на милость, местные посетители оставляли на специальном серебряном подносе, стоявшем на крохотном столике, визитные карточки? Джордж, разумеется, потрудился достать свою, чем заслужил ослепительную улыбку молодой рыжеволосой леди, которая в эту минуту вошла в комнату. Она была одета в элегантное вечернее платье светло-бежевого оттенка, украшенное вышивкой в тон необычному синему цвету ее светящихся глаз. А вот цвет лица хозяйки Киворд-Стейшн

разительно отличался от модной бледности лондонских дам. На нем красовался легкий загар и россыпь веснушек, которые она явно не пыталась осветлить. Прекрасные огненные волосы также не были уложены в точности с предписаниями учебников по этикету; несколько непослушных локонов уже успели выбиться из прически и теперь свободно спадали на плечи.

— Мы оставим ее лежать здесь навечно, — сказала женщина, взглянув на визитную карточку. — Мой свекор будет вне себя от радости! Добрый день и добро пожаловать в Киворд-Стейшн! Меня зовут Гвинейра Уорден. Проходите, располагайтесь, почувствуйте себя как дома. Мистер Джеральд должен скоро вернуться. Хотя вы, наверное, сначала хотите привести себя в порядок и переодеться к ужину. Он будет для нас почти что праздничным...

Гвин знала, что этот намек немного выходил за рамки приличий. Однако молодой человек, казалось, не рассчитывал, что в этой глуши ему окажут роскошный прием с ужином, ради которого хозяева переодевались в вечерние наряды. И если он явится к столу в бриджах и кожаной куртке, которые были на нем сейчас, Лукас будет ошеломлен, а Джеральд еще, чего доброго, обидится.

— Джордж Гринвуд, — с улыбкой представился гость. К радости Гвин, его ничуть не озадачило ее замечание. — Спасибо за совет, я бы с радостью умылся и переоделся. У вас прекрасный дом, миссис Уорден. — Он проследовал за Гвинейрой в гостиную и замер посреди нее, любуясь эффектной мебелью и большим камином.

Гвин кивнула.

— Мне самой все это кажется немного помпезным, но свекор при оформлении интерьеров исходил из советов знаменитых лондонских архитекторов. Вся мебель в доме привезена из Англии. Клео, сойди с шелкового ковра! И только попробуй на нем оцениться!

Гвин обращалась к округлившейся бордер-колли, которая лежала на изысканном восточном ковре перед камином. Обиженно взглянув на хозяйку, собака поднялась и потрусила к другому, гораздо менее роскошному коврику.

— Клео чувствует себя ужасно важной особой, когда носит щенков, • — заметила Гвинейра и погладила любимицу. — Однако не без основания. Она производит на свет лучших пастушьих собак в округе. Равнина Кентербери уже кишит маленькими Клео. Но большинство из них — ее внуки. Я не позволяю слишком часто случать свою собаку. Не хочу, чтобы она поправилась.

Джордж был немало удивлен. После рассказов директора банка и

Питера Брюстера он представлял почти бездетную хозяйку Киворд-Стейшн чопорной и в высшей степени утонченной леди. Однако Гвинейра спокойно разговаривала о разведении собак и позволяла своей бордер-колли не только заходить в дом, но и лежать на коврах! Не говоря уже о том, что женщина и словом не пожурила служанку за то, что та ходит босиком.

Ведя дружелюбную беседу, хозяйка провела Джорджа в одну из гостевых спален и приказала слуге принести сюда его седельные сумки.

— И будь любезен, скажи Кири, чтобы она потрудилась надеть свои башмаки! У Лукаса случится припадок, если она начнет накрывать на стол в таком виде!

— Мама, почему я должна надевать туфли? Кири ведь их не носит!

Джордж Гринвуд встретил Гвинейру и ее дочь в коридоре у двери своей комнаты, когда вышел, чтобы спуститься к ужину. В отношении одежды он сделал все, что было в его силах. Светло-коричневый костюм был немного помятым, но сидел отлично и выглядел куда более презентабельно, чем удобные кожаные бриджи и вошенная куртка, которые молодой человек приобрел в Австралии.

Гвинейра и спорившая с ней очаровательная рыжеволосая малышка были одеты не менее элегантно.

Гвин выбрала для сегодняшнего ужина бирюзовое вечернее платье, покрой которого, может быть, и не соответствовал последней моде, однако был настолько утонченным, что его оценили бы даже в лучших салонах Лондона, — особенно на такой прекрасной женщине, как Гвин. Девочку же одели в светло-зеленое платьице свободного покроя, которое, однако, почти полностью закрывала густая копна ее огненно-золотистых локонов. С распущенными волосами девочка напоминала рождественского ангелочка из сусального золота. К милому платьицу были подобраны темно-зеленые туфли, но малышка, как видно, предпочитала носить их в руке, а не на ногах.

— Они жмут! — заявила она.

— Флёр, они не жмут! — решительно произнесла ее мать. — Мы купили их всего четыре недели назад, и тогда они были даже немного великоваты. Так быстро не растешь даже ты! А если бы и жали, настоящая леди молча терпела бы легкую боль!

— Как индеец? Рубен говорит, в Америке у них есть столбы для пыток и что индейцы позволяют мучить себя, чтобы посмотреть, кто из них самый мужественный. Так говорил его папа. Но Рубен считает это глупым, и я тоже.

— Ну, это совсем другое, — сказала Гвин и в поисках помощи оглянулась на Джорджа. — Иди сюда, Флёретта! Видишь этого джентльмена? Он приехал из Англии, так же как я и мама Рубена. Будешь хорошо себя вести, он, возможно, поцелует тебе руку и станет обращаться к тебе «миледи». Но лишь в том случае, если наденешь туфли!

— Мистер Джеймс всегда называет меня «миледи», даже когда я бегаю босиком!

— Ну, значит, он наверняка не из Англии, — подыграл Гвинейре Джордж. — И его точно не представляли королеве... — Гринвуды удостоились такой чести в прошлом году, и мать Джорджа, по всей видимости, собиралась до конца своих дней жить воспоминаниями об этой встрече. Гвин замечание гостя, похоже, ничуть не впечатлило — в отличие от ее дочери.

— Правда? Самой королеве? А принцессу ты видел?

— Всех принцесс, — заявил Джордж. — И все они были в туфлях.

Флёретта тяжело вздохнула.

— Ну ладно, — пробормотала она и надела свои маленькие лодочки.

— Большое спасибо, — сказала Гвинейра и подмигнула Джорджу. — Вы мне очень помогли. Флёретта пока еще не решила, становиться ли ей королевой индейцев с Дикого Запада или выйти замуж за принца, переехать в его замок и выращивать пони. Кроме того, ей очень нравится Робин Гуд, и она уже начинает задумываться о жизни благородной лесной грабительницы. При этом я боюсь, что в итоге Флёр все-таки решится на последнее. Она ужасно любит есть руками и уже начала упражняться в стрельбе из лука. Рубен недавно вырезал по луку для себя и подруги.

Джордж пожал плечами.

— Это хорошо, но леди Мэриан наверняка ела ножом и вилкой. И без обуви в Шервудском лесу тоже далеко не зайдешь.

— Это аргумент! — со смехом произнесла Гвинейра. — Пойдемте, мой свекор, наверное, уже заждался.

Выстроившись в одну линию, троица начала дружно спускаться по лестнице.

Джеймс МакКензи зашел в гостиную вместе с Джеральдом Уорденом. Такое случалось нечасто, но сегодня нужно было подписать пару счетов, которые МакКензи привез из Холдона. Джеральд намеревался управиться с этим за пару минут — Кендлеры хотели как можно скорее получить свои деньги, а МакКензи собирался завтра рано утром снова выехать в поселок, чтобы забрать очередную поставку. Киворд-Стейшн продолжала

расширяться; сейчас рабочие были заняты постройкой сарая для коров. Разводчики крупного рогатого скота процветали с начала золотой лихорадки в Отаго — все золотоискатели любили сытно поесть, и ничто не утоляло их голод лучше, чем хороший стейк. Фермеры из Кентербери каждые два месяца перегоняли целые стада коров в направлении Квинстауна.

Усевшись у камина, старый Уорден начал просматривать счета. МакКензи от вынужденного безделья осматривался в роскошно меблированной комнате и спрашивал себя, как должно житься обитателям таких домов. Среди полированных шкафчиков и мягких ковров, с камином, который целый день наполнял комнату уютным теплом. Его не нужно было зажигать самому каждый раз, когда приходишь с улицы. В конце концов, для этого в доме имелись слуги. Разумеется, Джеймсу все это казалось заманчивым, но в то же время каким-то чужим. Он не нуждался в таких роскошествах и не страдал от их отсутствия. А вот Гвинейре, наверное, тяжело было бы привыкнуть к их отсутствию. Хотя... если бы Джеймс знал, что сможет завоевать Гвин таким образом, он бы тоже построил огромный дом и начал одеваться в дорогие костюмы, как Лукас и Джеральд.

На лестнице послышались голоса. Джеймс с интересом поднял голову. Вид Гвинейры в вечернем платье очаровал пастуха и заставил его сердце биться чаще — как и вид дочери, которую ему обычно редко приходилось видеть такой нарядной. Мужчина рядом с ней сначала показался ему Лукасом. Прямая осанка, элегантный коричневый костюм... однако, подняв взгляд, Джеймс увидел лицо незнакомца. Собственно говоря, МакКензи и раньше следовало понять, что это не Уорден-младший, — он никогда не видел, чтобы Гвинейра так непринужденно смеялась и шутила в компании мужа. А этот мужчина, похоже, сумел понравиться хозяйке Киворд-Стейшн. Она добродушно поддразнивала то его, то дочь, то их обоих, а незнакомец с таким же удовольствием подшучивал над ней в ответ. Джеймса охватила ревность. Кем, черт возьми, был этот мужчина? И кто дал ему право так вести себя с Гвинейрой?

Как бы там ни было, выглядел незнакомец прекрасно. У него было худое точеное лицо и умные, немного насмешливые карие глаза. Стройная, но крепкая фигура, высокий рост, плавные движения... все в нем выражало самоуверенность и бесстрашие.

А Гвин? При виде Джеймса ее глаза, как обычно, блеснули. Но была ли это та самая искра, которая при каждой встрече молодых людей вспыхивала из пепла их старой любви, или на этот раз во взгляде Гвин отразилось лишь удивление? Джеймс подозрительно прищурился.

Гвинейра, если и заметила мрачный взгляд МакКензи, виду не подала.

— Мистер Гринвуд! — Джеральд тем временем тоже заметил спускавшуюся по лестнице троицу. — Простите великодушно, что не смог встретить вас лично. Вижу, Гвинейра уже успела показать вам дом! — Старый Уорден протянул гостю руку.

Верно, это был коммерсант из Англии, прибытие которого так резко изменило сегодняшние планы Гвинейры. Но теперь молодая женщина, похоже, больше не расстраивалась из-за приезда гостя, а с улыбкой показывала ему, куда присесть.

Джеймс оцепенел... его ревность переросла в ярость.

— Счета, мистер Джеральд, — напомнил он.

— Да, точно, счета. Все в порядке, МакКензи, сейчас я их подпишу. Виски, мистер Гринвуд? Вы просто обязаны рассказать нам о старой, доброй Англии!

Джеральд быстро расписался на бумагах и после этого уже не видел ничего, кроме гостя и бутылки виски. Небольшая фляжка, которую он всегда носил с собой, опустела еще в обед, и настроение Джеральда сразу же ухудшилось. Мак-Эрон рассказал Джеймсу об отвратительной ссоре Джеральда и Лукаса, которая произошла в одном из сараев. Причиной конфликта послужил отел коровы, который проходил с определенными трудностями. На этот раз Лукас снова не смог справиться со своей задачей; мужчина просто не выносил вида крови. Поэтому со стороны старого Уордена было не лучшей идеей сделать Лукаса ответственным именно за разведение крупного рогатого скота. По мнению МакКензи, Лукас куда лучше справлялся с контролем над обработкой полей. Умственный труд подходил молодому человеку куда больше, чем физический, и, когда речь шла об определении урожайности, целенаправленном удобрении угодий или анализе затрат и эффективности сельскохозяйственных машин, Лукас приносил ферме немалую пользу.

Но блеющие овцематки и ревущие коровы заставляли Уордена-младшего терять самообладание, поэтому сегодня после обеда главным козлом отпущения для недовольного Джеральда снова стал сын. К счастью для Гвинейры. Ей в такие дни обычно доставалось меньше. Однако сейчас Гвин и без того очень хорошо справлялась со своими обязанностями. Этого гостя, по крайней мере, она развлекала блестяще.

— Еще что-то, МакКензи? — спросил Джеральд, наливая виски.

Джеймс поспешно извинился и вышел из гостиной. Флёр последовала за ним.

— Видел? — спросила она. — У меня туфли, как у принцессы!

Джеймс рассмеялся. Его настроение сразу же улучшилось.

— Они и вправду красивые, миледи. Но вы всегда являете собой восхитительное зрелище — хоть в туфлях, хоть без них.

Флёретта наморщила лоб.

— Ты говоришь так, потому что ты не джентльмен, — объяснила она. — Джентльмены уважают даму только тогда, когда она носит туфли. Так говорит мистер Гринвуд.

Может быть, в другой день Джеймса и позабавило бы такое замечание, но теперь в мужчине снова вспыхнула ярость.

— Ну, миледи, в таком случае постарайтесь в будущем окружать себя настоящими мужчинами, а не бескровными умниками в дорогих костюмах, которые только и делают, что кичатся своими громкими именами! Потому что уважение, которое зависит от туфель, обычно бывает недолгим! — Джеймс обращался к испуганной Флёр, но предназначались его слова скорее Гвинейре, которая вышла из гостиной следом за дочкой.

Она растерянно посмотрела на Джеймса, но тот лишь нахмурился и молча отправился в конюшню. Сегодня и он позволит себе хороший глоток виски. А Гвин пусть пьет вино с этим богатым кривлякой!

Главное блюдо сегодняшнего ужина состояло из ягнятины и запеченного батата, что укрепило Джорджа в его выводах по поводу Гвин. Хозяйка дома не была хранительницей английских традиций, пусть даже она и заставила служанку обуться и сервировать стол по всем правилам этикета. При этом подававшая еду девушка проявляла к Джеральду Уордену чрезмерное почтение, которое почти что граничило со страхом. Похоже, старый хозяин фермы был вспыльчивым и обладал живым темпераментом: он постоянно говорил, пусть даже и немного заплетающимся языком, и обо всем имел свое мнение. Молодой хозяин, Лукас Уорден, напротив, имел спокойный, слегка усталый вид. Когда его отец начинал высказывать какие-нибудь радикальные идеи, Лукас морщился, словно это причиняло ему физическую боль. В остальном же супруг Гвинейры произвел на Джорджа впечатление симпатичного и очень воспитанного мужчины, которого можно было безоговорочно назвать настоящим джентльменом. Дружелюбным, но решительным тоном Лукас делал замечания дочери по поводу того, как нужно вести себя за столом, — и складывалось впечатление, что ему нравится общаться с ребенком. Флёр не спорила с ним, как с матерью, а послушно расстелила на коленях салфетку и стала накалывать кусочки ягнятины на вилку, вместо того чтобы хватать их руками, как, должно быть, делали спутники Робина Гуда в

Шервудском лесу. Впрочем, причина такого смирного поведения могла крыться и в присутствии Джеральда. Собственно говоря, никто в этой семье не повышал голоса при старом Уордене.

Несмотря на молчаливость остальных, Джордж был доволен тем, как он провел этот вечер. Джеральд охотно рассказывал о жизни на ферме, и Джордж убедился: то, что он слышал об «овечьем бароне» в Крайстчерче, вполне соответствовало истине. Старый Уорден прекрасно разбирался в овцеводстве, очень удачно подгадал с покупкой коров и содержал свою ферму в полном порядке. Сам Джордж, Впрочем, предпочел бы разговаривать за ужином не только с Джеральдом, но и с красавицей Гвинейрой; да и Лукас показался ему вовсе не таким скучным, каким его описывали Питер Брюстер и Реджинальд Бизли. Гвинейра успела признаться гостю, что портреты в гостиной написал ее супруг. И хотя она сказала об этом нерешительно и даже немного насмешливо, Джордж рассматривал полотна с чувством глубокого уважения. Он не считал себя большим знатоком искусства, но часто посещал лондонские вернисажи и аукционы. Такой художник, как Лукас Уорден, наверняка нашел бы там почитателей и при определенной доле везения мог бы добиться славы и богатства. Джордж раздумывал, может ли он позволить взять некоторые его картины с собой. В Лондоне для них точно найдутся покупатели. С другой стороны, старый Уорден мог воспринять это как насмешку. Художник в семье ему был абсолютно не нужен.

Как бы там ни было, этим вечером разговор до темы искусства не дошел. Джеральд не давал никому, кроме себя и Джорджа, вставить в разговор хоть слово, выпил целую бутылку виски и, кажется, даже не заметил, что Лукас при первой возможности извинился и поднялся к себе. Гвинейра покинула стол еще раньше, сразу же после окончания ужина, сказав, что ей нужно уложить ребенка в постель. Значит, няни у девочки не было, что показалось Джорджу довольно странным. В конце концов, сын Джеральда получил классическое английское образование. Это сразу бросилось коммерсанту в глаза. Почему же старый Уорден не спешил дать его внучке? Ему так не понравились результаты? Или же все дело было в том, что Флёретта «всего лишь» девочка?

Зато на следующее утро Джордж вдоволь наговорился с супружеской четой Уорденов. Джеральд не спустился к завтраку — во всяком случае, в положенное время. Вчерашние возлияния, судя по всему, не прошли для него даром. Без старика Гвинейра и Лукас вели себя более расслабленно и естественно. Лукас осведомился о культурной жизни Лондона и, похоже,

очень обрадовался, когда услышал от Джорджа что-то большее, чем «довольно возвышенно» и «весьма поучительно». А после похвалы портретов, украшавших гостиную, молодой человек, казалось, расцвел и сразу же пригласил Джорджа в свою студию.

— Можете заходить ко мне в любое время! Сегодня утром вы, полагаю, поедете осматривать ферму, но после обеда...

Джордж неуверенно кивнул. Поездка по ферме и правда была обещана ему Джеральдом, и молодой коммерсант был в ней очень заинтересован. В конце концов, Киворд-Стейшн была лучшей фермой Южного острова, на которую здесь все равнялись. Однако Джеральда нигде не было видно...

— О, я могу поехать с вами, — внезапно предложила Гвинейра, когда Джордж сделал осторожное замечание по поводу отсутствия ее свекра. — Лукас, разумеется, тоже... но я вчера весь день не выходила из дома. Поэтому, если моя компания покажется вам приятной...

— Разве компания такой прекрасной леди может показаться кому-то неприятной? — галантно произнес Джордж, хотя и не считал, что поездка с дамой может оказаться для него хоть чем-нибудь полезной. Все-таки он рассчитывал при знакомстве с фермой получить от старого Уордена какие-то полезные советы и ознакомиться с его взглядами на животноводство и обработку земли. Тем большим было удивление Джорджа, когда он спустя час встретился с Гвинейрой в конюшне.

— Пожалуйста, оседлайте для меня Моргэн, мистер Джеймс, — приказала она главному пастуху. — Кобылу необходимо как можно скорее объездить, но я не хочу брать ее, когда со мной Флёр, потому что она слишком порывистая...

— Хотите сказать, молодой человек из Лондона способен управиться с вашей порывистостью? — насмешливо спросил пастух.

Гвинейра наморщила лоб. А Джордж задался вопросом, почему она не спешит отчитать наглеца?

— Надеюсь, — сказала вместо этого Гвин. — Иначе ему придется ехать сзади. А из седла он не выпадет, я уверена. Можно оставить Клео с вами? Ей это, конечно, не понравится, но поездка обещает быть долгой, а она стала слишком неповоротливой.

Маленькая собачка, которая всегда следовала за Гвинейрой, похоже, все поняла и, погрузнев, опустила хвост.

— Это будут последние щенки, Клео, обещаю! — попыталась утешить ее Гвинейра. — Мы с мистером Джорджем проедемся до каменных воинов. Посмотрим, удастся ли нам увидеть пару юных баранов. Что-нибудь нужно сделать по дороге?

Лицо молодого пастуха исказилось, словно от боли. Или эта гримаса означала насмешку — вполне ожидаемую реакцию на предложение женщины сделать что-нибудь полезное для фермы?

Как бы то ни было, главный пастух ничего не ответил, в то время как другой работник воспринял предложение хозяйки как что-то само собой разумеющееся.

— Да, мисс Гвин. Один из молодых баранов, красавец, которого мистер Джеральд пообещал мистеру Бизли, постоянно отделяется от остальных. Прыгает вокруг овцематок и баламутит нам всю отару. Может быть, вы пригоните его назад? Или сразу двух, которых мы обещали Бизли. Тогда на дальних пастбищах точно будет тишь и благодать. Ты же не против, Джеймс?

Главный пастух покачал головой.

— На следующей неделе их все равно придется отогнать хозяину. Хотите взять с собой Даймона, миссис Гвин?

Услышав свое имя, из угла конюшни вышел большой черно-белый пес.

— Нет, я возьму Кассандру и Катриону, — ответила Гвинейра. — Посмотрим, как они справятся с заданием. Мы ведь довольно долго их дрессируем.

Обе собаки очень походили на Клео. Гвинейра представила их Джорджу как дочерей своей любимицы. Ее слишком порывистая кобыла тоже была выращена здесь и получена от двух лошадей, которых Гвин привезла из Англии. Женщина ездила на ней в мужском седле, и Джорджу опять показалось, что хозяйка фермы и главный пастух, выводивший кобылу, обменялись странными взглядами.

— Вы могли бы приготовить для меня и дамское седло, — заметила Гвинейра. Очевидно, при лондонском госте она предпочитала соблюдать приличия.

Джордж не услышал, что ответил мужчина, но увидел, как Гвинейра покраснела от гнева.

— Пойдемте, на этой ферме вчера многие работники хватили лишку! — сердито выпалила она и пустила кобылу рысью. Сбитый с толку Джордж последовал за ней.

МакКензи остался стоять на месте. Ему хотелось вlepить себе пощечину. Как он мог такое сказать? Собственные дерзкие слова крутились у него в голове: «Извините. Ваша дочь думала, что вы предпочитаете седла «для настоящих людей». Но если сегодня миледи решила поиграть в самку...»

Это было непростительно! И если Гвин до сегодняшнего дня еще не

задумывалась, для чего, возможно, годился этот английский фат, Джеймс наверняка навел ее на эту мысль.

Джорджа поразила подробная экскурсия с объяснениями, которую устроила ему Гвинеира после того, как снова успокоилась и обуздала свою кобылу настолько, что конь Джорджа мог поспевать за ней. Очевидно, Гвин наизусть знала планы по разнесению овец в Киворд-Стейшн, могла предоставить любые сведения о родословной каждого животного и дать свою оценку успешности того или иного скрещивания.

— Мы по-прежнему выращиваем чистокровных уэльских горных овец и скрещиваем их с породой шевиот — идеальное сочетание. Обе породы мясо-шерстные. Из фунта сырой шерсти уэльской горной можно получить от 36 до 48 мотков пряжи, а у шевиот — от 48 до 56. Это достаточно много. Качество шерсти довольно равномерное, в то время как работать с мериносами гораздо сложнее. Мы всегда предупреждаем об этом людей, которые хотят купить чистокровных уэльских горных, но большинство из них, конечно же, считают себя умнее. Мериносы являются тонкорунными овцами, из одного фунта сырой шерсти которых можно получить от 60 до 70 мотков пряжи. Это замечательно, но разводить чистокровных мериносов здесь невозможно, для этого они недостаточно крепкие и выносливые. А скрещивание с другими породами не дает равномерного качества шерсти.

Джордж понимал не больше половины того, что говорила Гвинеира, но был по-настоящему впечатлен, особенно когда они благополучно добрались до отрогов гор, на которых свободно паслись молодые бараны. Пастушьи собаки Гвинеиры сначала собрали их в одно стадо, а затем отделили от него обоих предназначенных для продажи животных — Гвин заметила их с первого взгляда — и спокойно погнали баранов в долину. Гвин сдерживала свою кобылу и ехала в одном темпе с овцами. Джордж использовал эту возможность, чтобы наконец-то отойти от темы овцеводства и задать вопрос, который занимал его намного больше.

— В Крайстчерче мне сказали, что вы знаете Хелен О'Киф... — осторожно начал он, и вскоре имел еще одну договоренность с хозяйкой Киворд-Стейшн. Джордж должен был сказать Джеральду, что завтра хочет поехать в Холдон, а Гвинеира предложит немного проводить его, чтобы заодно отвезти Флёр в школу. На самом же деле и Гвин, и Джордж отправятся на ферму О'Кифов.

Сердце молодого англичанина выскакивало из груди. Завтра он снова увидит Хелен!

Если бы Хелен нужно было описать последние шесть лет свое го существования одним словом — правдиво и без прикрас, которыми ей приходилось утешать себя и удивлять адресатов своих писем в Англии, — она бы выбрала слово «выживание».

И если в год прибытия Хелен в Новую Зеландию ферма Говарда еще могла показаться ей многообещающим предприятием, то с момента рождения Рубена дела у О'Кифов шли все хуже и хуже. Количество племенных овец увеличилось, а вот качество шерсти заметно снизилось. Не говоря уже о потерях из-за весенних морозов, которые были более чем впечатляющими. Кроме того, узнав об успехах Джеральда в области разведения крупного рогатого скота, Говард решил последовать его примеру.

— Безумие! — воскликнула Гвинейра, услышав об этом от Хелен. — Коровам необходимо намного больше травы и зимнего корма, чем овцам, — объяснила она. — Для Киворд-Стейшн это не проблема. Одних только обработанных угодий хватит, чтобы прокормить в два раза больше овец, чем мы имеем сейчас. Но у вас мало земли, и она расположена значительно ближе к горам. Здесь растет не так много травы, вам и для овец-то ее с трудом хватает. А что уж говорить о коровах! Это безнадежно. Можно было бы еще попробовать разводить коз. Но лучше всего продать всех ваших животных и начать заново с пары хороших племенных овец. Главное в этом деле — качество, а не количество!

Хелен, для которой все овцы выглядели одинаково, приходилось выслушивать бесконечные лекции подружки о породах и скрещивании овец, и если вначале учительнице было довольно скучно, то со временем она начала все более внимательно прислушиваться к рекомендациям Гвинейры. По словам последней, Говард при покупке своих овец попал на очень сомнительных скотопромышленников — или же просто поскупился. Его животные были нечистокровными потомками неизвестных пород, и добиться равномерного качества шерсти от них было попросту невозможно. Какими бы хорошими ни были условия содержания и корм для животных.

— Это видно уже по их окрасу, Хелен! — объяснила Гвинейра. — Они все выглядят по-разному. А наши похожи друг на друга как две капли воды. Так и должно быть, потому что только при этом условии ты сможешь

каждый год продавать достаточное количество качественной шерсти по высокой цене.

Хелен понимала это и уже пробовала убедить Говарда не экономить на овцах. Однако тот реагировал на предложения жены без энтузиазма. Каждый раз, когда Хелен заговаривала об овцах, Говард резко обрывал ее и просил не вмешиваться в его дела. Фермер вообще не мог выносить критики, что значительно затрудняло его общение со скотопромышленниками и скупщиками шерсти. В конце концов он переругался практически со всеми, кроме спокойного и снисходительного Питера Брюстера, который хоть и не давал много денег за третьесортную шерсть Говарда, но все же соглашался ее покупать. Хелен боялась даже думать о том, что произойдет, если Брюстеры действительно переселятся в Отаго. Тогда судьба О'Кифов будет зависеть от преемника Питера, а надеяться на дипломатические качества Говарда не приходилось. Проявит ли новый скупщик понимание относительно мелкого фермера или же просто-напросто перестанет с ним сотрудничать?

В любом случае О'Кифы и сейчас уже едва сводили концы с концами, а без маори, которые всегда передавали с детьми дичь, рыбу или овощи, чтобы отблагодарить Хелен за уроки, женщина вряд ли бы смогла справляться со своими обязанностями хозяйки. О помощи Говарда не стоило и мечтать — напротив, со временем фермер стал все чаще привлекать жену к своей работе, поскольку не мог позволить себе нанять помощника-маори. При этом Хелен редко справлялась с порученными ей заданиями, и Говард очень сердился, когда она, вместо того чтобы помочь, в очередной раз заливалась краской при виде ягнвившейся овцы или начинала рыдать от жалости к забитому скоту.

— Что ты стоишь, как истукан! — ругался фермер и заставлял жену смотреть за его работой и учиться делать ее самой.

Хелен пыталась перебороть страх и отвращение и, презирая Говарда, делала все, что он от нее требовал. Однако женщина не выносила, когда Говард точно так же обращался с сыном, а это в последнее время происходило все чаще. Фермер не мог дождаться, когда мальчик подрастет и будет приносить «пользу», хотя уже сейчас было видно, что Рубен не слишком годится для фермерской работы. Внешне ребенок был похож на Говарда — высокий, с густыми темными волосами, в будущем — крепкий широкоплечий мужчина. Однако задумчивые серые глаза он унаследовал от матери, как и характер, который мало подходил к суровым условиям жизни на ферме. Сын был самой большой гордостью Хелен: добродушный, вежливый, приятный в общении и к тому же очень смывленный. В свои

пять лет он уже хорошо читал и проглатывал даже такие большие книжки, как «Робин Гуд» и «Айвенго», поражал всех, решая задачи для двенадцати-и тринадцатилетних учеников и, разумеется, бегло говорил на языке маори. Ручной же труд давался Рубену с трудом: даже крошка Флёр с большей ловкостью изготавливала стрелы для недавно вырезанного лука и стреляла из него, когда дети играли и «Робина Гуда».

Зато Рубен был послушным ребенком. Когда Хелен просила его о чем-то, он всегда старался как можно лучше выполнить задание. Однако грубый тон Говарда пугал мальчика, а кровавые истории, которые отец рассказывал, чтобы закалить характер ребенка, наводили на него ужас. Из-за этого отношение Рубена к Говарду с каждым годом становилось все хуже, и Хелен уже предвидела ссоры и скандалы, похожие на те, что разгорались между Джеральдом и Лукасом в Киворд-Стейшн. Вдобавок ко всему у Рубена никогда не будет состояния, которое могло бы позволить ему нанять толкового управляющего.

Думая об этом, Хелен иногда жалела, что Бог благословил их с Говардом только одним ребенком. Спустя некоторое время ' после рождения Рубена фермер снова возобновил свои ночные визиты к жене, но больше она так ни разу и не забеременела.

Может быть, причина была в возрасте Хелен, а может, и в том, что Говард больше никогда не спал с женой так часто, как в первый год их супружеской жизни. Очевидное отвращение Хелен, ребенок в спальне и прогрессирующий алкоголизм Говарда привели к тому, что фермер начал все чаще искать развлечений не в постели, а за карточным столом холдонского паба. О том, есть ли там женщины и как часто выигрыши Говарда могли оказаться в кармане какой-нибудь проститутки, Хелен предпочитала не думать.

Однако сегодняшнее утро было на удивление хорошим. Вчера Говард совсем не пил и поэтому еще до зари выехал в горы, чтобы посмотреть на овцематок. Хелен подоила коров, Рубен собрал яйца, и с минуты на минуту на ферме должны были появиться первые ученики-маори. К тому же Хелен ожидала в гости Гвинейру. Флёретта начнет хныкать, если ей не разрешат поехать в школу. Собственно говоря, девочка была еще слишком мала, но ей не терпелось научиться читать. Это бы избавило Флёр от необходимости упрашивать мать почитать ей вслух, что последняя делала с большой неохотой. Отец в этом плане был более сговорчивым, но его книги были малышке не по душе. Ей не нравились истории о послушных девочках, которые прозябали в нищете и попадали в беду, а потом благодаря чуду или

счастливному совпадению все заканчивалось благополучно. Флёр бы на их месте скорее подожгла дом, чем растапливала каминны противной мачехе, злой тетке или ведьме! Нет, намного больше ей нравилось слушать о Робине Гуде и его товарищах или о путешествиях Гулливера. Хелен улыбнулась при мысли о маленькой рыжей сорвиголове. Трудно было поверить, что у спокойного, мягкого Лукаса Уордена могла родиться такая дочь.

У Джорджа Гринвуда от быстрой езды кололо в боку. На этот раз Гвинейра решила в угоду правилам приличия запрячь свою лошадь в экипаж. Элегантная Игрэн тащила двуколку с небывалым энтузиазмом; она могла бы выиграть любые скачки для лошадей с каретой. Лошадь Джорджа лишь время от времени могла, переходя на галоп, поспевать за экипажем, но быстро выбивалась из сил. В довершение ко всему Гвинейра была настроена поболтать и рассказывала о Говарде и Хелен О'Кифах много такого, что Джорджу было в высшей степени интересно узнать. Поэтому англичанин старался не отставать, хоть это и причиняло ему боль.

Когда до фермы оставалось совсем немного, Гвин наконец-то обуздала свою лошадь. Она не хотела наехать на какого-нибудь ребенка из племени маори, спешившего в школу. И маленький разбойник с большой дороги, который напал на них сразу за рекой, тоже не должен был пострадать. Гвинейра, похоже, ожидала его появления, а вот Джордж по-настоящему испугался, когда из-за кустов выпрыгнул темноволосый мальчуган. Его лицо было выкрашено зеленой краской, а в руках он держал самодельный лук.

— Стоять! Что вы делаете в моих лесах? Назовите ваши имена и намерения!

Гвинейра рассмеялась.

— Но вы ведь и так меня знаете, господин Робин! — сказала она. — Присмотритесь внимательнее. Неужели вы не узнали компаньонку леди Флёретты, вашей дамы сердца?

— Нет, все вовсе не так! Я — Маленький Джон! — закричала Флёр. — А это посланник королевы! — Девчушка показала на Джорджа. — Он прибыл из Лондона!

— Вас послал ко мне наш добрый король Ричард Львиное Сердце? Или вы человек предателя Джона? — спросил Рубен, окинув незнакомца подозрительным взглядом. — Или же вы едете от королевы Элеоноры с золотом, предназначенным для выкупа короля из плена?

— Именно! — с важным видом заявил Джордж. Малыш в костюме

разбойника, так тщательно подбиравший слова, выглядел очень забавно. — И мне нужно как можно быстрее оказаться на святой земле Палестины. Так что, вы пропустите нас? Сэр...

— Рубен! — гордо промолвил мальчуган. — Рубен Гуд к вашим услугам!

Флёр спрыгнула с двуколки.

— У него нет никакого золота! — воскликнула она. — Он всего лишь хочет провести твою маму. Но то, что он приехал из Лондона, правда!

Гвинейра продолжила путь. Дети наверняка могли найти дорогу отсюда до фермы сами.

— Это Рубен, — объяснила она Джорджу. — Сын Хелен. Очень смысленный малыш, не правда ли?

Джордж кивнул. «В этом ей повезло», — подумал он и снова вспомнил бесконечные уроки с его безнадежным братом, которые, возможно, заставили Хелен принять это судьбоносное решение. Однако прежде чем Джордж успел что-либо ответить Гвинейре, на горизонте показалась ферма О'Кифов. Увидев ее, молодой англичанин пришел в такой же ужас, как и Хелен шесть лет назад. Тем более что деревянный домик уже не был новым, как тогда, и выглядел слегка запущенным.

— Она представляла это совсем иначе, — тихо промолвил он.

Гвинейра остановила двуколку перед фермой и распрягла лошадь. Джордж тем временем успел немного осмотреться и обнаружил небольшой, скромно обустроенный хлев, тощих коров и мула, лучшие годы жизни которого давно уже были позади. Во дворе коммерсант увидел колодец — Хелен, должно быть, все еще приходилось носить воду в дом ведрами — и колоду для рубки дров. Джордж надеялся, что хоть эту работу выполнял хозяин дома. Или Хелен приходилось браться за топор каждый раз, когда ей нужно было растопить камин?

— Пойдемте, школа находится чуть дальше, — сказала Гвинейра погруженному в раздумья Джорджу и пошла вокруг деревянного дома. — Нам придется пробираться через кустарники. Маори соорудили в небольшой роще между своим селением и домом Хелен пару хижин. Но отсюда их не видно — Говарду не хочется, чтобы дети из племени маори попадались ему на глаза. Вся эта затея со школой ему вообще не слишком по душе, он бы хотел, чтобы Хелен уделяла больше времени ферме. Но на самом деле так даже лучше. Когда Говарду срочно нужна помощь, она посылает к нему одного из старших ребят. Они больше подходят для такой работы.

Этому Джордж охотно верил. Хелен, выполняющую работу по дому, он еще как-то мог представить. Но Хелен, которая кастрирует ягнят или помогает мужу при отеле коровы? Нет, это невозможно!

Тропинка, которая вела к рожице, была хорошо протоптанной, но и здесь Джордж замечал следы упадка, царившего на ферме О'Кифов. В загонах паслись несколько баранов и овцематок, однако все они были в очень плохом состоянии — тощие, со слипшейся грязной шерстью. Заборы показались молодому англичанину совсем ветхими, проволока была натянута слабо, а ворота болтались на петлях. В сравнении с фермой Бизли и тем более Киворд-Стейшн все это выглядело более чем уныло.

Однако из рожицы доносился детский смех. Кажется, там настроение было приподнятым.

— Вначале, — читал чей-то звонкий голосок со смешным акцентом, — сотворил Бог небо и землю, *rangiri papa*.

Гвинейра улыбнулась Джорджу.

— Хелен в очередной раз борется с представлениями маори о сотворении мира, — заметила она. — Они своеобразны, но теперь дети излагают их так, чтобы Хелен не приходилось краснеть.

И пока ребята с удовольствием и без всякого стеснения рассказывали о любвеобильных богах маори, Джордж, притаившись среди кустарников, поглядывал на то, что происходило и крытых пальмовыми листьями хижинах без стен. Дети сидели на полу и слушали маленькую девочку, которая читала вслух о первом дне сотворения мира. Затем ее сменил другой ребенок. И тут Джордж увидел Хелен. Она сидела за импровизированным учительским столом в углу хижины, прямая и стройная — именно такая, какой он всегда помнил ее. Изношенное, но чистое и строгое платье — со стороны женщина по-прежнему казалась вежливой, сдержанной гувернанткой, которая жила в памяти Джорджа. Сердце молодого человека взволнованно забилось, когда она вызвала следующего ученика и при этом повернулась лицом в сторону Джорджа. Хелен... Для Джорджа она по-прежнему была красивой, и всегда будет такой — независимо от того, как сильно изменится и насколько старше будет выглядеть. Однако последнее немного испугало Джорджа. Хелен Дэвенпорт-О'Киф за последние годы по-настоящему постарела. Солнце, затемнившее мягкое, ухоженное лицо женщины, сыграло с ней злую шутку. Черты ее узкого лица заострились, что придало ей удрученный вид. А вот блестящие каштановые волосы Хелен были такими же роскошными, как и прежде. Она носила их сплетенными в толстую длинную косу, которая свободно свисала почти до пояса. Пара непослушных прядей выбилась из

прически, и Хелен небрежно убрала их с лица, рассказав ученикам какую-то шутку, — теперь она делала это гораздо чаще, чем тогда с ним и Уильямом, завистливо подумал Джордж. Да и в целом Хелен выглядела намного мягче, чем раньше; похоже, ей нравилось заниматься с детьми маори. Маленький Рубен, очевидно, тоже был для нее утешением и радостью. Он и Флёретта только что примкнули к остальным детям. Они опоздали к началу урока, но надеялись, что Хелен этого не заметит, — как и следовало ожидать, напрасно. После третьего дня сотворения мира Хелен остановила занятие.

— Флёретта Уорден, приятно видеть тебя здесь. Но тебе не кажется, что вежливые леди всегда здороваются, когда присоединяются к какому-нибудь обществу? А ты, Рубен О'Киф, можешь объяснить, почему у тебя зеленое лицо? Может, тебе плохо? Быстро беги к колодцу и умойся, чтобы выглядеть как джентльмен. А где же твоя мама, Флёр? Или ты снова приехала с мистером МакКензи?

Флёр попыталась одновременно кивнуть и покачать головой.

— Мама на ферме с мистером... как-то там... вудом, — сказала она. — Но я быстро прибежала сюда, потому что думала, что вы продолжите читать новую книгу, а не повторять ту старую ерунду про *rangii papa*.

Хелен закатила глаза.

— Флёр, историю сотворения мира можно слушать бесконечно! А у нас здесь сегодня есть несколько ребят, которые еще ни разу ее не слышали, во всяком случае христианскую версию. Пока что садись и слушай со всеми, а там будет видно... — Хелен хотела вызвать к себе следующего ребенка, но Флёр наконец-то заметила свою мать.

— Вот они! Мама и мистер...

Хелен взглянула в сторону кустарников — и оцепенела, увидев Джорджа Гринвуда. Кровь отлила от ее лица и снова прилила к нему, окрасив щеки женщины ярким румянцем. Что это было? Радость? Страх? Или стыд? Джордж надеялся, что в первую очередь радость. Он улыбнулся.

Хелен закрыла и поспешно собрала свои книжки.

— Ронго...

Женщина окинула взглядом собравшихся детей и остановилась на девочке постарше, которая до этого не слишком внимательно следила за уроком. Вероятно, она была из тех детей, которые уже не раз слышали историю о сотворении мира, и тоже предпочла бы продолжить чтение новой книги, которая так понравилась Флёр.

— Ронго, мне нужно на пару минут оставить вас одних, ко мне пришел гость. Ты сможешь заменить меня? Пожалуйста, следи, чтобы дети читали

правильно, ничего не додумывали и не пропускали слов.

Ронго кивнула и встала. Исполненная чувства гордости за то, что учительница выбрала ее своей помощницей, она заняла место за столом и вызвала читать еще одну девочку.

И пока та, запинаясь, пыталась прочесть остальным историю о четвертом дне сотворения мира, Хелен подошла к Гвинейре и Джорджу. Молодой человек снова мысленно восхитился ее осанкой и манерами. Другая женщина постаралась бы как можно быстрее привести в порядок прическу, поправить платье или сделать что-либо в этом роде, чтобы выглядеть аккуратнее. Но Хелен ничего подобного делать не собиралась. Она спокойно, с прямой спиной приблизилась к гостю и протянула ему руку.

— Джордж Гринвуд! Как я рада видеть вас!

На лице Джорджа засияла широкая улыбка, и он внезапно приобрел такой же преисполненный надежды ревностный вид, как тогда, в шестнадцать лет.

— Вы узнали меня, мисс Хелен! — радостно ответил он. — Вы ничего не забыли!

Хелен слегка покраснела. Она отметила, что он сказал «ничего», а не «меня», явно намекая на данное им обещание, свою глупую юношескую влюбленность и отчаянные попытки предотвратить ее отъезд.

— Как я могла забыть вас, Джордж? — дружелюбно произнесла Хелен. — Вы были одним из лучших моих учеников. А теперь, как вижу, осуществляете свою мечту объездить весь мир?

— Не совсем весь мир, мисс Хелен... или мне следует говорить миссис О'Киф? — Джордж смотрел в глаза женщины с прежней юношеской дерзостью.

Хелен пожала плечами.

— Все говорят «мисс Хелен», — ответила она.

— Джордж приехал сюда, чтобы открыть в Крайстчерче филиал своего предприятия, — объяснила Гвинейра. — Он займется торговлей шерстью вместо Питера Брюстера, когда Брюстеры отправятся в Отаго...

Хелен улыбнулась, однако ее улыбка получилась немного вымученной. Женщина не знала, чем это обернется для Говарда.

— Это... хорошо, — пробормотала она. — А сейчас вы здесь, чтобы познакомиться с будущими клиентами? Говард вернется только к вечеру...

Джордж усмехнулся.

— Я здесь прежде всего, чтобы снова увидеть вас, мисс Хелен. А мистер Говард может и подождать. Это я говорил вам еще тогда, но вы,

конечно же, не захотели меня послушать.

— Джордж, тебе не следует... в самом деле! — Джордж узнал прежние интонации молодой гувернантки и ждал, что она добавит «Ты невыносим!», но Хелен молчала. Кажется, она немного испугалась того, что нечаянно перешла на «ты». Джордж спрашивал себя, крылась ли причина беспокойства Хелен в том, как его представила Гвинейра? Может, все дело было в страхе перед новым скупщиком шерсти? Если верить слухам о характере Говарда, такой страх был не безосновательным...

— Как поживает ваша семья, Джордж? — попыталась возобновить беседу Хелен. — Я бы с радостью выслушала подробный рассказ о ней и ваших делах прямо сейчас, но детям, чтобы попасть на занятие, пришлось пройти пешком три мили, и мне бы не хотелось их разочаровывать. У вас есть время подождать?

Джордж с улыбкой кивнул.

— Вы же знаете, я умею ждать, мисс Хелен, — сказал он, снова намекнув на когда-то данные им обещания. — И мне всегда нравились ваши занятия. Можно мне и сегодня поприсутствовать на них?

Хелен, кажется, немного расслабилась.

— Образование пока никому не навредило, — сказала она. — Присаживайтесь к нам поближе.

Дети удивленно подвинулись, когда Джордж уселся на полу между ними. Хелен на английском и языке маори объяснила, что это ее бывший ученик из далекой Англии, которому пришлось преодолеть, наверное, самую долгую дорогу в школу. Дети рассмеялись, а Джордж снова отметил, как сильно изменилась манера преподавания Хелен. Раньше она шутила намного реже.

Ребятишки поприветствовали нового ученика, и Джордж выучил свои первые несколько слов на маори. Спустя час он смог прочитать на этом языке небольшой отрывок из истории сотворения мира, а дети со смехом исправляли его ошибки. Позже старшим ученикам позволили задать гостю интересующие их вопросы, и Джордж рассказал о своем обучении — сначала дома с Хелен, а затем в Оксфордском колледже.

— И где же тебе больше нравилось? — с дерзкой усмешкой спросил один из старших мальчиков. Хелен называла его Рети, и он очень хорошо говорил по-английски.

Джордж рассмеялся.

— На уроках мисс Хелен, конечно же. Когда погода была хорошей, мы занимались на улице, точно так же, как вы сейчас. И моя мать настаивала, чтобы мисс Хелен играла с нами в крокет, но у нее никогда не получалось,

она постоянно проигрывала, — сказал англичанин и подмигнул Хелен.

Рети это, похоже, ничуть не удивило.

— Когда она приехала сюда, то не умела даже доить корову, — сказал мальчик. — А что такое крокет, мистер Джордж? В него нужно уметь играть, если хочешь работать в Крайстчерче? Я хочу работать на англичан и стать богатым.

Джордж серьезно посмотрел на парнишку. Нужно будет поговорить о нем с Хелен. Маори, который так хорошо владел двумя языками, мог оказаться для компании Гринвудов настоящей находкой.

— Если ты хочешь быть джентльменом и познакомиться с леди, тебе нужно играть в крокет настолько хорошо, чтобы уметь с достоинством ей проигрывать, — наконец-то сказал коммерсант.

Хелен закатила глаза. Гвинейра с удивлением отметила, какой молодой вдруг стала казаться ее подруга.

— А ты можешь научить нас? — спросила Ронго. — Леди наверняка тоже должны уметь играть в крокет.

— Непременно, — с серьезным видом заявил Джордж. — Но я не знаю, хватит ли мне для этого времени. Я...

— Я могу научить вас играть в крокет! — вмешалась Гвинейра. Игра была отличной возможностью пораньше освободить Хелен от занятий с детьми. — Как насчет того, чтобы отложить чтение и арифметику до другого раза, а вместо этого заняться молоточками и воротцами? Я покажу вам, как что делается, а мисс Хелен тем временем сможет позаботиться о госте. Она наверняка хочет показать ему ферму.

Хелен и Джордж с благодарностью посмотрели на Гвин. Хелен, конечно, сомневалась, что Гвинейра в детстве по-настоящему увлекалась этой довольно медленной игрой, и все же она наверняка играла лучше, чем Хелен и Джордж.

— Итак, нам нужен мяч... нет, не такой большой мяч, Рубен, маленький мячик... да, этот камень вполне подойдет. И маленькие воротца... можно сплести их из веточек, как показывает Тани.

Дети с энтузиазмом принялись за дело, а Хелен и Джордж медленно направились обратно к ферме. Хелен вела гостя той же дорогой, что и Гвинейра. Похоже, плачевное состояние фермы смущало женщину.

— У мужа еще не было времени починить изгороди после зимы, — извинилась она, проходя мимо загонов. — Наши животные пасутся далеко отсюда, на горных пастбищах, а сейчас, весной, на свет постепенно появляются ягнята...

Джордж никак не прокомментировал слова Хелен, хотя и знал, какими

мягкими здесь были зимы. Говард мог починить загоны даже в самое холодное время года.

Хелен, разумеется, тоже это понимала. Она немного помолчала, а затем резко повернулась к гостю.

— О, Джордж, мне так стыдно! Представляю, что вы обо мне думаете, после того как увидели все это и сравнили с моими письмами...

Отчаянное выражение на лице женщины заставило сердце Джорджа сжаться.

— Не понимаю, о чем вы говорите, мисс Хелен, — мягко промолвил он. — Я увидел фермерский дом... не слишком большой, не слишком роскошный, но крепкий и заботливо обустроенный. Животные не выглядят так, словно стоят больших денег, однако они вдоволь накормлены. Коров регулярно доят. А мул, похоже, по-настоящему вас любит! — подмигнул Джордж.

Непумук по обыкновению протяжно заревел, когда Хелен проходила мимо его загона.

— Уверен, ваш муж окажется джентльменом, который прилагает все усилия, чтобы прокормить семью и превратить свою ферму в образцовую. Не беспокойтесь, мисс Хелен.

Хелен недоверчиво посмотрела на гостя.

— Вы видите все сквозь розовые очки, Джордж! — с улыбкой сказала она.

Джордж пожал плечами.

— Вы делаете меня счастливым, мисс Хелен. Все, что окружает вас, кажется мне прекрасным.

Хелен густо покраснела.

— Джордж, пожалуйста. Думаю, это уже давно в прошлом...

Джордж усмехнулся. В прошлом? В какой-то степени так и было, он не отрицал. Его сердце взволнованно забилось, когда он снова увидел Хелен; он радовался ее улыбке, голосу, тому, как ловко она балансировала на тонкой грани между соблюдением приличий и врожденной неповторимостью. Однако молодому человеку больше не нужно было бороться с постоянным желанием поцеловать ее или крепко прижать к себе. Это действительно осталось в прошлом. К женщине, которая стояла перед ним сейчас, Джордж испытывал только неясную нежность. А что бы случилось, если бы Хелен тогда не отвергла его предложение? Возможно, его страсть со временем сменилась бы дружеским отношением и чувством ответственности? А если бы это произошло еще до того, как он окончил колледж и мог вступить в законный брак? Женился бы он на ней или

остался с надеждой, что еще встретит настоящую любовь в лице другой женщины?

Джордж не мог с уверенностью ответить ни на один из этих вопросов — даже на последний.

— Когда я говорю «навсегда», то говорю это серьезно. Но я больше не стану вам надоедать, вы ведь не убежите со мной, верно? — На его лице появилась знакомая дерзкая ухмылка.

Хелен покачала головой и протянула Непумуку морковку.

— Я бы не смогла бросить мула, — пошутила она и украдкой смахнула слезу. Джордж был таким милым и все еще таким невинным. Какой счастливой он сделает девушку, которая воспримет его обещание всерьез!

— А теперь заходите в дом и расскажите мне о вашей семье.

Интерьер фермерского дома полностью соответствовал ожиданиям Джорджа: скромная, но довольно уютная обстановка — и все это благодаря стараниям неутомимой, опрятной и деловой хозяйки. Стол украшали цветастая скатерть и кувшин с цветами; на стульях лежали мягкие самодельные подушки. Перед камином стояла прялка и старое кресло Хелен, которое она привезла из Лондона, а на полке аккуратно выстроились книги. Среди них было даже несколько новых. Подарки от Говарда? Нет, скорее их одолжила подруге Гвинейра. В Киворд-Стейшн имелась большая библиотека, хотя Джорджу не верилось, что Джеральд любит читать.

Молодой коммерсант рассказывал о Лондоне, пока Хелен заваривала чай. При этом она стояла к гостю спиной: наверняка не хотела, чтобы он видел ее руки. Огрубевшие натруженные руки, которые так сильно отличались от нежных пальчиков лондонской гувернантки.

— Мать по-прежнему занимается своими благотворительными организациями, только из сиротского комитета она вышла, после того как там разгорелся скандал. Кстати, в этом она до сих пор винит вас, Хелен. Дамы из комитета были твердо убеждены, что это вы испортили девушек во время поездки сюда.

— Я... что сделала? — озадаченно спросила Хелен.

— Во всяком случае, ваша, цитирую, «эмансипаторская натура» заставила девочек забыть о смирении и преданности своим хозяевам. Именно благодаря вам произошел тот постыдный скандал. Не говоря уже о том, что вы сообщили все пастору Торну. В отличие от миссис Болдуин, которая предпочла молчать.

— Джордж, это были маленькие испуганные девочки! Одну из них отдали настоящему маньяку, а другую фактически продали в рабство.

Семья с восемью детьми, Джордж, и десятилетняя девочка, которая должна выполнять всю домашнюю работу! Включая обязанности повитухи. Неудивительно, что ребенок сбежал! А так называемые хозяева Лори тоже были не намного лучше. Я до сих пор слышу эту несносную миссис Лэвендер: «Нет, если мы возьмем обеих, они будут весь день болтать, вместо того чтобы работать». При этом малышка выплакала себе все глаза...

— О девочках еще хотя бы что-то слышали? — спросил Джордж. — Они ведь вам так и не написали.

Казалось, молодой человек помнил каждое письмо Хелен наизусть.

Женщина покачала головой.

— Известно только, что Мэри и Лори пропали в один день. Ровно через неделю после того, как их разлучили. Предполагают, что они договорились об этом заранее. Но я так не думаю. Мэри и Лори никогда не нужно было о чем-то договариваться. Одна всегда знала, о чем думает другая, и это даже немного пугало. После побега о девочках ничего не слышали. Боюсь, их уже нет в живых. Две маленькие девочки в непролазной глуши... их разделяла не какая-то пара миль, чтобы они могли легко встретиться. Эти... эти христиане... — Хелен выплюнула последнее слово, словно оно жгло ей язык. — Они послали Мэри на отдаленную ферму за Холдоном, а Лори оставили в Крайстчерче. Близняшек разделяли почти пятнадцать миль дикой местности. Мне больно думать о том, что пришлось пережить этим детям.

Хелен налила чай в чашки и под села к Джорджу.

— А третья? — спросил он. — Что случилось с ней?

— Дафна? О, это был настоящий скандал, но о нем мы узнали только несколько недель спустя. Она сбежала. И перед этим облила своего хозяина, этого Моррисона, крутым кипятком, причем плеснула прямо в лицо. Сначала думали, что он не выживет. Однако ему удалось выкарабкаться. Вот только теперь он слеп, а его лицо — один сплошной шрам от ожога. Дороти говорит, сейчас Моррисон выглядит как монстр, которым он всегда был. Она однажды видела его, когда Моррисоны приезжали в Холдон за покупками. Женщина расцвела после того, как ее муж... после того, как с ним приключилось это несчастье. Дафну объявили в розыск, но, если только она сама не явится в жандармерию Крайстчерча, никто ее, разумеется, не найдет. Как по мне, у нее были все основания и для побега, и для того, что она сделала с Моррисоном. Правда, не знаю, какое будущее теперь ждет бедную девушку...

Джордж пожал плечами.

— Вероятно, такое же, которое ждало бы ее в Лондоне. Бедное дитя. Но сиротскому комитету досталось за всю эту аферу, об этом преподобный отец Торн позаботился лично. А ваш пастор Болдуин...

Хелен торжествующе улыбнулась.

— Вместо него епископом Кентерберии назначили Харпера. Я при этой мысли испытываю совершенно нехристианское злорадство! Но рассказывайте дальше! Ваш отец...

— ...по-прежнему руководит торговым домом Гринвудов. Фирма растет и процветает. Королева всячески поддерживает международную торговлю, а в колониях можно нажить неплохое состояние — как правило, за счет аборигенов. Мне приходилось видеть такое... Ваши маори должны радоваться тому, что им удастся мирно сосуществовать с белыми переселенцами. Но мы с моим отцом — так уж вышло — тоже получаем выгоду от жесточайшей эксплуатации этих стран. В самой же Англии процветает индустриализация, хоть и с бесчинствами, которые нравятся мне столь же мало, как и живодерство в колониях. На некоторых фабриках царят такие порядки... от которых становится по-настоящему жутко. Если задуматься, ни в одной из заокеанских колоний мне не понравилось так, как в Новой Зеландии. Но я слишком увлекся...

Возвращаясь обратно к теме разговора, Джордж понял, что сделал последнее замечание не для того, чтобы польстить Хелен.

Ему действительно нравилась эта страна. Честные и спокойные люди, прекрасные просторные равнины, обрамленные величественными горами, большие фермы с сытыми овцами и коровами на роскошных пастбищах... и Крайстчерч, который изо всех сил старается превратиться в типичный английский епископский и университетский город на другом конце земли.

— Чем занимается Уильям? — спросила Хелен.

Джордж вздохнул и многозначительно отвел взгляд.

— Уильям не поступил в колледж, но на это вы, полагаю, и не рассчитывали?

Хелен покачала головой.

— У него было множество гувернеров, которых почти сразу же увольняли: сначала моя мать — потому что они были слишком строги к Уильяму, а затем мой отец — потому что они не могли привить ему интереса к знаниям. Уже год как он работает в нашей фирме, если только это можно назвать работой... Фактически он лишь убивает время, не испытывая недостатка в товарищах обоих полов. Сначала он открыл для себя пабы, а теперь девушек. К сожалению, преимущественно уличных. Однако Уильям даже не понимает этого. Напротив, леди наводят на него

страх, а женщины легкого поведения восхищают. Моего отца это убивает, а мать по-прежнему ничего не замечает. Но что будет, когда...

Джордж не договорил, но Хелен знала, о чем он думает. Однажды Роберт Гринвуд умрет, и фирму унаследуют его сыновья. Тогда Джорджу придется либо выплатить Уильяму его долю, что, скорее всего, погубит такую огромную компанию, как торговый дом Гринвудов, либо и дальше терпеть вмешательство брата в дела фирмы. Последнее, по мнению Хелен, Джордж вряд ли смог бы долго выносить.

Учительница и коммерсант, погрузившись в невеселые раздумья, молча пили чай. Внезапно входная дверь распахнулась и в комнату влетели Флёр и Рубен.

— Мы выиграли! — с сияющим видом прокричала Флёретта, размахивая импровизированным молоточком для крокета. — Мы с Рубеном — победители!

— Вы смошенничали! — упрекнула дочь показавшаяся на пороге Гвинейра. Она тоже выглядела запыхавшейся и немного запачкала платье, но зато, судя по всему, неплохо повеселилась. — Я своими глазами видела, как ты украдкой пропихнула мяч Рубена через последние ворота!

Хелен нахмурила брови.

— Это правда, Рубен? И ты ничего не сказал?

— Этими кривыми молотками не получается бить ме... мет... как ты говорил, Рубен? — встала на защиту друга Флёр.

— Метко, — сказал Рубен. — Но направление было правильным!

Джордж улыбнулся.

— Когда я снова попаду в Англию, то перешлю вам почтой настоящие молотки, — пообещал он. — Но тогда вы больше не будете плутовать!

— Точно прилетишь? — спросила Флёр.

Рубен же в это время был обеспокоен совсем другим вопросом. Мальчик посмотрел на Хелен и, без сомнения, хорошо знакомого ей гостя своими умными карими глазами и неожиданно обратился к Джорджу:

— Ты приехал из Англии. Ты мой настоящий отец?

У Гвин перехватило дыхание, а Хелен залилась краской.

— Рубен! Что за чушь ты несешь? У тебя всего один отец, и ты его прекрасно знаешь! — Женщина с извиняющимся видом повернулась к Джорджу: — Надеюсь, вы не подумаете ничего такого! Просто... Рубен... у мальчика не лучшие отношения с отцом, и в последнее время он склоняется к мысли о том, что Говард... ну... что у него, возможно, есть еще один отец, где-нибудь в Англии. Мне кажется, все дело в том, что я слишком много рассказывала ему о своем отце, его дедушке. Понимаете, мальчик очень на

него похож... А Рубен, должно быть, понял это превратно. Рубен, сейчас же извинись!

Джордж улыбнулся.

— Ему не нужно извиняться. Я даже чувствую себя польщенным. Кто бы не хотел оказаться родственником Рубена Гуда, благородного разбойника и выдающегося игрока в крокет! Как думаешь, Рубен, я мог бы оказаться твоим дядей? Дядей обычно бывает несколько.

Рубен задумался.

— Рубен! Он хочет послать нам настоящие молотки для крокета! Чем плохо, когда у тебя есть такой дядя? Можешь быть моим дядей, мистер Гринвуд, — предложила практичная Флёр.

Гвинейра закатила глаза.

— Если она и дальше будет во всем исходить из финансовых соображений, нам не составит труда выдать ее замуж.

— Я выйду замуж за Рубена, — заявила Флёр. — А он женится на мне, так ведь, Рубен? — спросила она, размахивая крокетным молотком. Рубену сейчас лучше было не спорить.

Хелен и Гвинейра беспомощно переглянулись и засмеялись. Джордж тоже расхохотался.

— Когда же я смогу поговорить с отцом жениха? — наконец-то спросил он, взглянув на солнце. — Я обещал мистеру Уордену вернуться к обеду и хотел бы сдержать слово. Поэтому разговор с мистером О'Кифом, видимо, придется отложить до завтра. Ваш супруг сможет принять меня утром, мисс Хелен?

Хелен закусила губу.

— Я с радостью передам ему вашу просьбу, ибо понимаю, как это важно. Но Говард порой бывает... как бы это сказать... своевольным. Если он внушит себе, что вы пытаетесь навязать ему время встречи... — Было видно, что женщине тяжело говорить об упрямстве и гордыне мужа. К тому же она стыдилась признаться в том, как часто его расположение духа и решения зависели от количества выпитого виски.

Хелен говорила с привычным спокойствием и сдержанностью, но Джордж мог прочитать все в ее глазах — как и тогда за ужином у Гринвудов. Он снова видел гнев и немой протест, отчаяние и презрение. Много лет назад эти чувства в Хелен вызывала ограниченная мать Джорджа, а сегодня — мужчина, и которого она когда-то, как ей казалось, влюбилась.

— Не волнуйтесь, мисс Хелен. Вам необязательно признаваться, что я еду из Киворд-Стейшн. Просто скажите, что я загляну к вам по дороге в

Холдон и что мне хотелось бы осмотреть ферму и сделать Говарду пару деловых предложений.

— Я попытаюсь, — кивнула Хелен.

Гвинейра с детьми уже вышла на улицу, чтобы запрячь лошадь. Хелен слышала голоса Флёр и Рубена, которые ссорились из-за щеток и скребниц. Джордж, похоже, не спешил. Он еще раз осмотрел комнату, прежде чем повернулся к Хелен, чтобы попрощаться. Женщина боролась с собой. Поговорить с Джорджем или он поймет ее просьбу превратно? В итоге она все же решила еще раз коснуться темы «Говард». Если Джордж станет основным скупщиком шерсти, все существование О'Кифов будет зависеть от него. А Говарду вполне могло хватить ума на ровном месте нахамить англичанину.

— Джордж... — робко начала Хелен. ■— Когда вы завтра будете говорить с Говардом, пожалуйста, проявите снисходительность. Он очень гордый и обидчивый. Жизнь сыграла с ним злую шутку, и теперь ему трудно держать себя в руках. Он... он...

Хелен хотелось сказать «не джентльмен», но вымолвить это вслух она не могла.

Джордж покачал головой и улыбнулся. В его обычно насмешливых глазах сейчас были видны лишь нежность и отголоски старой любви.

— Не продолжайте, мисс Хелен! Я уверен, что мы с вашим супругом придем к соглашению на удовлетворяющих обе стороны условиях. В вопросах дипломатии я кое-что смыслю... тем более что мне было у кого поучиться, — подмигнул он.

На губах Хелен заиграла легкая улыбка.

— Тогда до завтра, Джордж.

— До завтра, Хелен!

Джордж хотел протянуть ей руку, но передумал. Раз, единственный раз он позволит себе ее поцеловать. Молодой человек легко приобнял Хелен и прикоснулся губами к ее щеке. Хелен не сопротивлялась — поддавшись минутной слабости, она обмякла и прильнула к плечу Джорджа. Может, кто-то другой однажды окажется сильнее, чем она. Может, кто-то другой однажды сможет быть верным своим обещаниям.

— Видите ли, мистер О'Киф, я посетил уже несколько ферм в этом регионе, — сказал Джордж.

Он сидел с Говардом О'Кифом на веранде перед хижиной Хелен. Говард только что плеснул себе в бокал виски. Хелен успокоилась: ее муж выпивал только с теми, кто ему нравился. Таким образом, предшествующий разговору осмотр фермы прошел довольно гладко.

— И должен признаться, — продолжил Джордж ровным голосом, — что я обеспокоен...

— Обеспокоены? — пробормотал Говард. — Почему? Здесь достаточно шерсти для вашего предприятия, так что не стоит беспокоиться по этому поводу. Если же вам не нравится моя шерсть... можете прямо об этом сказать. В этом случае я найду себе другого покупателя. — Он опустошил бокал одним глотком и снова наполнил его.

Джордж удивленно поднял брови.

— С чего бы это мне отказываться от вашей продукции, мистер О'Киф? Напротив, я весьма заинтересован в сотрудничестве с вами, именно на основании этого опасения. Видите ли, я посетил несколько ферм, и мне показалось, что некоторые овцеводы, прежде всего Джеральд Уорден из Киворд-Стейшн, стремятся стать монополистами на рынке овечьей шерсти.

— Это уж точно! — раздраженно произнес О'Киф и сделал очередной глоток. — Они хотят подмять под себя весь рынок... только максимальные цены за шерсть высшего качества... Подумать только, как они себя называют: «овечьи бароны»! Кучка зазнаек!

Говард схватил бокал с виски.

Джордж медленно кивнул и пригубил виски из своего бокала.

— Я бы выражался осторожнее, но в целом вы правы. И очень хорошо, что вы упомянули цены, потому что Уорден и другие крупные производители подняли их очень высоко. Конечно же, они повышают и ожидаемое качество продукции, но, что касается меня... моя позиция во время переговоров была бы намного выгоднее, если бы рынок был более разнообразным.

— Значит, вы планируете усиленно скупать шерсть у мелких производителей? — оживившись, спросил Говард. В его глазах читался интерес, смешанный с недоверием. Какой торговец стал бы сознательно

покупать низкосортный товар?

— С удовольствием, мистер О'Киф. Само собой разумеется, качество шерсти должно быть соответствующим. Если вы меня спросите, я полагаю, что настало время разорвать порочный круг, в котором застряли мелкие фермеры. Они и сами это понимают — земли у них мало, животных слишком много, причем преимущественно не лучшей породы; выручку в такой ситуации еще можно получить, но вот качество продукции довольно посредственное. Таким образом, доходов от продажи шерсти никогда не хватает на приобретение породистых животных, поэтому в долгосрочном плане качество продукции улучшить не получается.

О'Киф согласно закивал.

— Тут вы полностью правы. Я уже много лет пытаюсь доказать это банкиру в Крайстчерче! Мне нужна была ссуда...

Джордж покачал головой.

— Вам нужны первоклассные животные для разведения. И не только вам, но и другим мелким фермам. Конечно же, денежное вливание может помочь, но необязательно. Только представьте: вы купите себе премированного барана, а уже следующей зимой он околеет.

Джордж опасался, что Говард скорее проиграет свою ссуду в карты в одном из холдонских пабов, нежели инвестирует ее в породистого барана, тем не менее он долго взвешивал все «за» и «против» таких действий.

— Но это слишком большой ри... риск, — сказал Говард, у которого язык уже заметно заплетался.

— На такой риск вам нельзя идти, О'Киф. Вам нужно обеспечивать семью! Нельзя рисковать всем своим имуществом. Нет, мое предложение выглядит слегка иначе. Я думаю, мое предприятие «Гринвуд Энтерпрайзис» приобретет отару высококлассных овец, которых можно будет сдавать в аренду овцеводам. Что касается стоимости аренды, мы как-нибудь договоримся. Все будет сводиться преимущественно к тому, что вы будете ухаживать за животными, а через год передадите их целыми и невредимыми следующим арендаторам. Один год, в течение которого баран покроет все стадо овец или же у чистокровной матки могут появиться двое ягнят, основа будущего стада. Вы заинтересованы в подобном сотрудничестве?

Говард ухмыльнулся.

— И вскоре Уорден будет выглядеть бледно на фоне всех остальных фермеров, у которых внезапно появятся породистые овцы. — Он поднял бокал, словно хотел чокнуться с Джорджем.

Джордж серьезно кивнул ему.

— Ну, мистер Уорден от этого точно не обеднеет. А вот наши с вами шансы на успешное ведение бизнеса значительно улучшатся. Согласны? — Он протянул руку мужу Хелен.

Хелен увидела, как Говард и Джордж ударили по рукам. Она не могла понять, о какой именно сделке шла речь, но Говард редко выглядел таким довольным. На лице Джорджа появилось давно знакомое ей лукавое выражение, и он опять начал ей подмигивать. Вчера Хелен еще упрекала себя за легкомысленное поведение, но сегодня радовалась, что позволила поцеловать себя.

Джордж был весьма доволен собой, когда на следующий день покинул Киворд-Стейшн и поскакал обратно в Крайстчерч. Даже злобное выражение лица наглого конюха МакКензи не могло испортить ему настроения. МакКензи просто отказался оседлать для него лошадь, после того как появление Джорджа с Гвинейрой на ферме Хелен произвело такое волнение.

МакКензи приготовил боковое седло для кобылы, когда Гвин сказала, что ей предстоит длительная поездка с посетителем фермы. Затем миссис Уорден раздраженно ответила ему, на что конюх резко отреагировал, но Джордж услышал только слова «как леди». После этого Гвинейра с яростью схватила малышку Флёр, которую МакКензи хотел посадить на Игрэн, и усадила ее перед Джорджем на седло его лошади.

— Разрешите Флёретте проехаться с вами? — спросила она слащавым голосом, посмотрев при этом на пастуха практически как на побежденного. — Я не могу взять ее к себе в дамское седло.

МакКензи взглянул на Джорджа с выражением смертельной ненависти, когда англичанин обнял малышку, чтобы она поудобнее уселась. Что-то явно происходило между ним и хозяйкой Киворд-Стейшн... но в случае необходимости Гвинейра всегда могла постоять за себя. Джордж решил не вмешиваться не в свое дело и прежде всего не вспоминать это происшествие при Джеральде или Лукасе. Все это его явно не касалось, к тому же Джеральд был нужен ему в хорошем расположении духа. После роскошного прощального ужина и трех бутылок виски Джордж попросил Уордена продать ему отару чистокровных горных уэльских овец. Через час Джордж лишился маленького состояния, но сделка дала возможность завести на ферме Хелен лучших племенных животных, которых только можно было найти в Новой Зеландии. Теперь Джорджу оставалось лишь договориться с еще несколькими мелкими фермерами, чтобы не вызывать подозрений у Говарда. Но это было не так уж тяжело; Питер Брюстер,

скорее всего, смог бы назвать ему пару имен.

Это новое занятие Джорджа, которое его отец считал простым разведением овец, означало, что ему придется продлить свое пребывание на Южном острове. Овец следовало распределить между фермерами, а также вести контроль над задуманным проектом. Последнее необязательно было выполнять самому Джорджу — Брюстер наверняка порекомендовал бы ему подходящих партнеров, которые разбирались в особенностях работы и не по своей вине попали в бедственное положение. Если Джордж хотел помогать Хелен на протяжении длительного времени, Говард О'Киф требовал постоянной поддержки и учета, которые следовало преподнести как дипломатические советы и помощь против его заклятого врага Уордена, — простые указания, скорее всего, Говард О'Киф просто проигнорировал бы, хотя бы потому, что они исходили бы от управляющего Гринвудов. Поэтому Джорджу нужно было остаться, и мысль об этом нравилась ему все больше, когда он вдыхал свежий воздух кентерберийских равнин.

Многие часы, проведенные в седле, дали ему время для размышлений о сложившейся ситуации, в том числе и на его родине. Уже после года совместного руководства фирмой Уильям довел своего брата до отчаяния. В то время как отец закрывал глаза на ошибки Уильяма, Джордж во время визитов в Лондон начинал видеть те же недостатки даже в себе, которые приводили к огромным потерям для предприятия. Любовь Джорджа к путешествиям была обусловлена еще и тем фактом, что, стоило ему ступить ногой на английскую землю, как тут же к нему обращались с жалобами управляющие фирмы: «Мистер Джордж, вы должны что-то сделать!», «Боюсь, что если дела пойдут так и дальше, то меня начнут обвинять в злоупотреблении своим положением. Но что я могу сделать, мистер Джордж?», «Мистер Джордж, я показал мистеру Уильяму баланс, но у меня складывается впечатление, что он не умеет читать!», «Поговорите с вашим отцом, мистер Джордж!»

Конечно же, Джордж старался справиться с проблемами, но все его попытки были безуспешными. Его отец все еще рассчитывал добиться пользы от участия Уильяма в делах фирмы.

Вместо того чтобы ограничить влияние младшего сына, отец взвалил на Уильяма еще большую ответственность, чтобы таким образом направить его на верный путь. Джордж был сыт по горло таким состоянием дел и к тому же боялся, что после ухода отца на покой именно ему придется решать все проблемы.

Открытие в Новой Зеландии отделения фирмы предлагало альтернативные варианты. Если бы только Джорджу удалось уговорить

отца предоставить филиал фирмы в Крайстчерче и его полное распоряжение, так сказать, в качестве задатка к наследству! Тогда он смог бы построить здесь что-то независимое от легкомысленных выходок Уильяма. Поначалу Джорджу пришлось бы жить скромнее, чем в Англии, ибо такие усадьбы, как Киворд-Стейшн, в недавно освоенной стране казались не на своем месте. К тому же Джордж не нуждался в роскошествах. Уютный городской дом, хорошая лошадь для поездок по стране и приличный паб, в котором можно было расслабиться вечером и найти интересных собеседников, — все это имелось и в Крайстчерче. Еще лучше было бы завести семью. Джордж никогда не думал об этом раньше — по крайней мере с тех пор, как Хелен отказала ему. Но теперь, когда он снова увидел свою первую любовь и попрощался с юношескими мечтами, мысли о семье не выходили у него из головы. Женитьба в Новой Зеландии — «история любви», которая тронула бы сердце матери и заставила бы ее поддерживать его планы относительно будущего... Прежде всего, однако, это было бы хорошим поводом остаться в Новой Зеландии. Джордж решил осмотреться в следующий раз в Крайстчерче и, возможно, порасспросить Брюстеров и директора банка о подходящей девушке. Но сначала Джорджу нужен был дом. «Уайт Харт» был приличным отелем, но не годился для длительного пребывания на новой родине...

Уже на следующий день Джордж взялся за идею купли или съема дома. Ночь в «Уайт Харте» была беспокойной. Сначала в зале музыканты аккомпанировали танцующим, затем мужчины начали драку из-за девушки — обстоятельство, которое оставило у Джорджа впечатление, что поиск невесты в Новой Зеландии был чрезвычайно непростой задачей. Неожиданно для себя он увидел объявление в газете, на которое ответила Хелен, совершенно в новом свете. С поиском подходящего дома тоже не складывалось. Те, кто приезжал на остров, чаще всего не покупали дом, а предпочитали строить его самостоятельно. Готовые дома редко выставлялись на продажу и пользовались огромным спросом. Брюстеры также не спешили с продажей дома, предпочитая сдавать его на долгий срок, поскольку все еще не были уверены в своем будущем в Отаго.

Поэтому Джордж посетил дома по адресам, которые ему дали в банке, в «Уайт Харте» и в местных пабах, но то, что ему довелось увидеть, по большей части не произвело на него должного впечатления. Как правило, владельцами домов были семьи или одинокие пожилые дамы, искавшие себе сожителей. Конечно, это было приличной альтернативой отелю, которую с готовностью использовали переселенцы, пытаясь освоиться в новой стране. Но Джорджа, привыкшего к господским условиям, такой

вариант не устраивал.

Разочаровавшись, он решил прогуляться по новому парку, расположенному на берегу Эйвона. Летом здесь проходили гонки на лодках; также в парке имелись красивые места и поляны для пикника. Сейчас же они мало использовались. Непостоянство весенней погоды позволяло лишь короткие прогулки вдоль берега реки. Множество людей ходили по парковым аллеям. У человека, прогуливающегося здесь, создавалось впечатление, будто он находится в Оксфорде или Кембридже. Няни, сопровождающие своих подопечных, следили за тем, как дети играют с мячом на поляне, а парочка влюбленных стыдливо искала тенистое местечко среди деревьев.

На Джорджа такая обстановка производила успокаивающее действие, даже если он и не мог полностью забыть о своих проблемах. Он только что посетил последний из сдаваемых домов, который скорее напоминал сарай и требовал таких денег на ремонт, на которые можно было бы построить новый. К тому же расположение этого дома было невыгодным. Если бы сейчас не произошло чуда, завтра Джорджу пришлось бы подыскивать участок земли для строительства нового дома. Он не имел ни малейшего представления, как объяснить такой поступок родителям.

Уставший и подавленный, он наблюдал за утками и лебедями, плававшими в реке. Неожиданно его внимание привлекла молодая девушка, которая присматривала за двумя детьми. Девочке было семь или восемь лет; она была пухленькой, с красивыми черными волосами. Мальчик же, напоминавший светловолосого херувима, оказался настоящим бичом спокойствия. Он спрыгнул с мостика и начал возиться в грязи на берегу.

Няня забеспокоилась.

— Роберт, не подходи так близко к реке! Сколько можно тебе об этом говорить? Нэнси, следи за своим братом!

Девушка — по мнению Джорджа, ей было максимум восемнадцать лет — беспомощно стояла на краю илистого берега. Она была одета в простое темно-синее платье из сукна, а ее ножки украшали лакированные черные ботинки со шнурками. Если бы она пошла за мальчиком в воду, то испортила бы себе и подол платья, и обувь. Девочка, стоявшая перед ней, столкнулась с той же проблемой — она была чисто и аккуратно одета и старалась не испачкаться.

— Он не слушает меня, мисси! — сказала малышка.

Мальчик уже успел вымазать свой матросский костюмчик.

— Я приду, если ты сделаешь мне кораблик! — крикнул он няне, отказываясь повиноваться ей. — Тогда мы пойдем к озеру и запустим его.

«Озеро» представляло собой большую грязную лужу, оставшуюся после зимнего половодья. Но, по крайней мере, здесь не было опасного течения.

Девушка продолжала нерешительно стоять на берегу. Конечно, она знала, что вступать в переговоры с детьми нельзя, однако ей не хотелось идти по жидкой грязи и забирать мальчика силой. Наконец она додумалась сделать встречное предложение:

— Но сначала мы сделаем все задания! Я не хочу, чтобы ты снова показал себя незнайкой, когда папа начнет тебя спрашивать сегодня вечером.

Джордж покачал головой. Хелен никогда не сдавалась в подобных ситуациях с Уильямом. Но эта гувернантка была значительно моложе и явно менее опытной, чем Хелен, работавшая в доме Гринвудов. Она почти отчаялась; ребенок требовал очень много внимания к себе. Несмотря на раздражение, няня выглядела довольно миловидной, и Джордж с удовольствием смотрел на ее нежное овальное лицо с ясными голубыми глазами и свежими розовыми губами. У нее были красивые светлые волосы, собранные в слабый хвостик. То ли ее волосы были слишком мягкими, чтобы хорошо держаться, то ли девушка была плохим парикмахером. На голове у нее был аккуратный чепчик, подходящий к ее платью. Все выглядело очень опрятно, но не было похоже на униформу прислуги. Первое впечатление Джорджа оказалось неправильным — девушка была не няней, а домашней учительницей.

— Я решу один пример, если получу за это кораблик! — самонадеянно заявил Роберт.

Он как раз стал на ветхий мостик, ведущий дальше к реке, и весело балансировал на нем. Джордж начал беспокоиться. Если до этого мальчик просто вел себя непослушно, то теперь ему действительно грозила опасность. Течение в этом месте было довольно сильным.

Учительница тоже видела это, но не хотела сдаваться без борьбы.

— Ты решишь три примера, — предложила она дрожащим голосом.

— Два! — Мальчик, которому было около шести лет, покачнулся на шаткой доске.

Джордж больше не мог просто наблюдать за происходящим. Он был обут в тяжелые сапоги для верховой езды, в которых можно было легко пересечь грязную лужу. В три шага он уже был около мостика, снял недовольного мальчишку и тут же отнес его обратно к учительнице.

— Вот, кажется, он от вас убежал! — Джордж улыбнулся девушке.

Учительница нерешительно продолжала стоять, неуверенная в том, как

следовало поступить в подобной ситуации. Но затем она почувствовала облегчение и улыбнулась в ответ. К тому же было просто смешно наблюдать за тем, как Роберт, словно непослушный щенок, барахтался в руках незнакомца. Его сестра злорадно захихикала.

— Три примера, молодой человек, тогда я тебя отпущу, — сказал Джордж.

Роберт нехотя согласился, после чего Джордж поставил его на землю. Учительница тут же схватила его за воротник и усадила на ближайшую парковую скамейку.

— Спасибо, — произнесла девушка, стыдливо опустив взгляд. — Я так беспокоилась. Он часто не слушается...

Джордж кивнул в знак понимания и уже хотел уйти, но что-то не отпускало его. Поэтому он нашел скамейку неподалеку от учительницы, которая пыталась успокоить своего воспитанника. Она настаивала, чтобы он хотя бы угадал ответ, если уж не мог правильно решить пример.

— Два плюс три — сколько это будет, Роберт? Мы ведь уже пробовали посчитать на дощечках, не так ли?

— Не знаю. Давай сделаем кораблик! — перебил ее Роберт.

— После того, как ты скажешь ответ. Смотри, Роберт, вот три листика. А здесь еще два. Сколько всего листиков ты видишь?

Мальчику оставалось только сосчитать количество листьев. Но он не слушался и не проявлял никакого интереса. Джордж снова вспомнил Уильяма.

Молодая учительница терпеливо продолжала:

— Просто сосчитай, Роберт.

Мальчик неохотно начал считать.

— Один, два, три, четыре... четыре, мисси.

Учительница вздохнула вместе с малышкой Нэнси.

— Попробуй еще раз, Роберт.

Ребенок был непослушным и глупым. Сочувствие Джорджа к учительнице росло с каждым примером, ответа на который она добивалась с большим трудом. В подобной ситуации было непросто оставаться дружелюбно настроенной, но девушка стоически улыбалась, пока Роберт снова и снова кричал: «Сделай кораблик, сделай кораблик!» Она поддалась на его уговоры лишь после того, когда мальчик правильно решил третий, самый простой пример. Однако чтобы сделать кораблик, у юной учительницы не хватало ни терпения, ни умения. Модель, которая наконец-то понравилась Роберту, оказалась не очень плавучей. Вскоре мальчик снова прибежал к скамейке и прервал начавшееся занятие Нэнси

математикой. Девочка была недовольна поведением брата. Она очень хорошо считала и, в отличие от своей учительницы, была прекрасно осведомлена о присутствии постороннего слушателя. Каждый раз, выпаливая очередной ответ, она бросала на Джорджа триумфальный взгляд. Но внимание Джорджа было приковано к девушке. Она задавала вопросы звонким голосом, при этом произнося звук «с» слегка неестественно, как это делали обычно английские дворяне или же дети, шепелявившие в детстве и теперь вынужденные сознательно контролировать свою речь. Джорджу такое произношение казалось очаровательным; он мог слушать девушку бесконечно. Но сейчас Роберт снова не оставлял в покое учительницу и свою сестру. Джордж знал точно, как чувствовала себя девочка. А в глазах учительницы он мог прочитать то же подавленное нетерпение, как когда-то у Хелен.

— Он утонул, мисси! Сделай еще один! — приказным тоном потребовал Роберт.

— Я покажу тебе, как это делается, и ты сможешь сделать его сам, — не выдержав, предложил мальчугану Джордж.

— Вы не обязаны... — Учительница посмотрела на него с выражением беспомощности. — Роберт, ты уже надоел господину, — строго произнесла она.

— Нет, что вы, — возразил Джордж, — как раз наоборот. Мне нравится мастерить кораблики. И я не делал этого уже лет десять. Пора бы мне снова попробовать свои силы, пока я окончательно не забыл.

Пока девушка и Нэнси продолжали считать, время от времени украдкой посматривая на Джорджа, тот быстро соорудил из бумаги кораблик. Он пытался объяснить Роберту, как это делается, но мальчишку интересовал только готовый кораблик.

— Пошли, мы его запустим! — приказал он Джорджу. — К реке!

— Ни в коем случае не идите к реке! — Учительница резко вскочила со скамейки.

Хотя Нэнси смотрела на брата с недовольством, ей тоже хотелось пойти с Робертом к «озеру», если только он не станет подвергать себя опасности. Джордж шел рядом с девочкой и удивлялся ее легкой, грациозной походке. Она не была деревенской простушкой, каких можно было увидеть танцующими в «Уайт Харте». Нэнси была маленькой леди.

— С мальчиком приходится тяжело? — с сочувствием спросил Джордж, обращаясь к учительнице.

Она кивнула.

— А вот Нэнси — хорошая девочка. Возможно, Роберт тоже

поменяется с возрастом... — сказала она с надеждой.

— Вы так думаете? — спросил Джордж. — У вас был подобный опыт? Девушка пожала плечами.

— Нет, это мое первое место работы.

— После учительского института? — поинтересовался Джордж. Для преподавателя с образованием она была невероятно молода.

Девушка смущенно покачала головой.

— Нет, я не училась в институте. Да его и нет в Новой Зеландии — по крайней мере на Южном острове. Но я умею читать и писать, знаю немного французский и отлично владею языком маори. Я прочитала всех классических писателей, хотя и не на латыни. К тому же эти дети еще не скоро пойдут в колледж.

— И, — продолжал расспрашивать ее Джордж, — вы довольны своей работой?

Молодая учительница взглянула на него и нахмурилась. Джордж показал ей место на скамейке у «озера» и обрадовался, когда она согласилась присесть.

— Довольна ли я? Ну, не всегда. Разве оплачиваемая работа может всегда доставлять удовольствие?

Джордж уселся возле нее и решил сделать шаг вперед.

— Если уж мы с вами разговариваем здесь, позвольте представиться. Джордж Гринвуд из «Гринвуд Энтерпрайзис». Наша фирма имеет филиалы в Лондоне, Сиднее и с недавних пор также в Крайстчерче.

Если даже его информация и произвела впечатление на девушку, она осталась невозмутимой. В ответ она спокойно и гордо произнесла свое имя — Элизабет Гоудвинд.

— Гоудвинд? Похоже на датскую фамилию. Но у вас нет скандинавского акцента.

Элизабет покачала головой.

— Нет, я из Лондона. Но моя приемная мать была родом из Швеции. Она удочерила меня.

— Только мать? У вас не было отца? — уточнил Джордж, ругая себя за излишнее любопытство.

— Миссис Гоудвинд была уже в годах, когда я пришла к ней. В качестве компаньонки. Позже она решила оставить мне в наследство дом, а сделать это проще всего было, удочерив меня. Миссис Гоудвинд была лучшим, что случалось в моей жизни... — Девушка с трудом сдерживала слезы.

Джордж отвернулся, чтобы не смущать ее, при этом он следил за

детьми. Нэнси собирала цветы, а Роберт делал все, что было в его силах, чтобы и второй кораблик пошел ко дну.

Тем временем Элизабет нашла свой носовой платок и успокоилась.

— Извините меня, пожалуйста. Но с момента ее смерти прошло лишь девять месяцев, и мне все еще больно вспоминать об этом.

— Но если у вас есть средства к существованию, зачем вы нашли такое место работы? — спросил Джордж. С его стороны было весьма невежливо задавать так много вопросов, но девушка просто заворожила его.

Элизабет пожала плечами.

— Миссис Гоудвинд получала пенсию, мы жили на эти деньги. Но после ее смерти у нас остался лишь дом. Сначала мы пытались сдавать его жильцам, но не преуспели в этом. У меня нет необходимого для этого авторитета, а у Джоунса, лакея, и подавно. Жильцы не платили за проживание, вели себя бесстыдно, в комнате развели грязь и постоянно командовали Джоунсом и его женой. Это было невыносимо. Каким-то образом наш дом перестал быть нашим. Тогда я нашла себе это место работы. Общение с детьми нравится мне намного больше. К тому же с ними я занимаюсь только днем, а вечером могу пойти домой.

Значит, вечером она была свободна. Джордж задумался: удобно ли попросить ее о свидании? Они могли бы поужинать в «Уайт Харте» или прогуляться. Но нет, она наверняка откажется. Элизабет — воспитанная девушка; уже этот разговор парке переходил все границы дозволенного. Было просто немыслимо приглашать к себе кого-то без посредничества дружественной семьи или без компаньонки, отбросив соответствующие рамки приличия. Но это ведь был не Лондон, черт возьми! Они находились на другом краю земли, и он не хотел упускать ее из виду ни на миг. Джордж просто обязан был отважиться. Она должна была отважиться... Черт, в конце концов, Хелен тоже решилась на не менее отчаянный поступок!

Джордж повернулся к девушке и попытался вложить в свой взгляд как можно больше обаяния и одновременно серьезности.

— Мисс Гоудвинд, — осторожно произнес он. — Вопрос, который я хочу сейчас задать, может показаться вам неприличным. Конечно же, я мог бы выбрать другой подход, например, незаметно последовать за вами, узнать имена ваших хозяев, попросить кого-то из знакомых мне членов общества в Крайстчерче представить меня в вашем доме — и уже тогда ожидать, что нас когда-нибудь официально познакомят. Но к тому времени вы, скорее всего, уже выйдете за кого-нибудь замуж, а у меня, признаться, плохо получается делать тонкие намеки. Поэтому, если вы не хотите

провести остаток своей жизни с детьми вроде Роберта, послушайте меня: у вас есть все то, что я ищу; вы — красивая и образованная девушка, у вас есть дом в Крайстчерче...

Спустя три месяца Джордж Гринвуд женился на Элизабет Гоудвинд. Родители жениха не присутствовали на свадьбе; Роберту Гринвуду пришлось отказаться от поездки ввиду деловых обязанностей, тем не менее он передал молодоженам свое благословение, пожелал счастья и отписал Джорджу в качестве свадебного подарка многочисленные дочерние фирмы в Новой Зеландии и Австралии. Миссис Гринвуд рассказывала всем подругам, что ее сын женился на дочери шведского капитана, и постоянно намекала на родственные связи Элизабет со шведской королевской семьей. Она так никогда и не узнала, что Элизабет родилась в Квинсе и попала в Новый Свет благодаря тому самому сиротскому комитету. Впрочем, о невесте нельзя было сказать, что она невысокого происхождения. Элизабет выглядела очаровательно в своем белом кружевном платье, длинный шлейф которого несли за невестой Нэнси и Роберт. При этом Хелен бдительно следила за мальчишкой, так что Джордж мог не сомневаться, что Роберт не придумает ничего плохого. Поскольку Джордж сделал себе имя успешного торговца шерстью, а миссис Гоудвинд пользовалась авторитетом в обществе, сам епископ решил венчать молодых. Роскошную свадьбу сыграли в салоне отеля «Уайт Харт», где Джеральд Уорден и Говард О'Киф пили вволю в разных концах зала. Хелен и Гвинейре такое поведение супругов явно не мешало, и они с удовольствием следили за тем, как Рубен и Флёр вместе разбрасывали цветы по залу. Джеральд Уорден впервые осознал, что брак Говарда О'Кифа благословлен прекрасным сыном, из-за чего его настроение еще больше испортилось. Значит, на жалкой ферме О'Кифа появился наследник! Гвинейра же была, как и прежде, стройной, как ива. Джеральд пытался утопить свое горе в бутылке виски, а Лукас, наблюдавший за отцом, радовался, что Гвинейра смогла вернуться в номер отеля до того, как гнев Джеральда успеет утихнуть. Ночью он снова попытался приблизиться к Гвинейре, и, как обычно, она выказала свою готовность и делала все от нее зависящее, чтобы ободрить супруга. Но у Лукаса опять ничего не получилось.

Прошло достаточно много времени после визита Джорджа, прежде чем отношения Джеймса МакКензи и Гвинейры стали такими же, как и раньше. Гвин злилась на него, а Джеймс вел себя довольно грубо. Тем не менее оба понимали, что их любовь не угасла. У Гвин сердце обливалось кровью, когда она видела, с каким отчаянием во взгляде смотрит на нее Джеймс, а Джеймс не мог даже представить себе Гвинейру в объятиях другого мужчины. Но о возобновлении отношений не могло быть и речи — Гвин знала, что если бы она еще раз позволила ему дотронуться до себя, то никогда не смогла бы отпустить его.

С другой стороны, жизнь в Киворд-Стейшн постепенно стала по-настоящему невыносимой. Джеральд напивался каждый день и не давал ни Лукасу, ни Гвинейре и минуты покоя. Даже в присутствии гостей они не могли рассчитывать на спокойный день. Гвинейра настолько отчаялась, что решила поговорить с Лукасом и обсудить его интимные проблемы.

— Послушай, дорогой, — тихо произнесла она однажды вечером, когда Лукас снова лежал рядом с ней, обессиленный напрасными попытками и сменяемый чувством стыда. Гвинейра робко предложила совершить попытку возбудить супруга. Это было, пожалуй, самое непристойное, что могли делать вместе леди и джентльмен, но опыт Гвинейры с Джеймсом был многообещающим. Лукас же не выказывал никаких признаков возбуждения, даже когда она поглаживала и массировала его гладкую нежную кожу. Нужно было придумать что-то еще. Гвинейра решила использовать воображение Лукаса.

— Если я тебе не нравлюсь... из-за моих рыжих волос или если тебе нравятся более пышные формы... почему ты просто не представишь себе другую женщину? Я бы не злилась на тебя.

Лукас нежно поцеловал ее в щеку.

— Ты такая милая, — вздохнул он. — Такая чуткая. Я не заслуживаю тебя. Мне очень жаль. — Устыженный, он хотел отвернуться.

— От твоего сочувствия я не забеременею, — резко промолвила Гвинейра. — Лучше представь себе то, что тебя возбуждает.

Лукас попытался. Ему удалось представить картину, которая его возбуждала, но он тут же пришел в ужас от своих желаний. Этого не могло быть! Он не мог спать со своей женой и при этом мечтать о стройном, мускулистом Джордже Гринвуде...

Обстановка накалилась вечером в декабре, в жаркий летний день, когда не дул даже маленький ветерок. Такая погода была редкостью в Кентербери, и жара серьезно действовала на нервы жителей Киворд-Стейшн. Флёр постоянно плакала, а Джеральд весь день был просто невыносим. С утра он накричал на работников за то, что овцы все еще не были в горах, хотя знал, что Джеймс дал указание не выгонять скот на пастбище до тех пор, пока не родится последний ягненок. После обеда Джеральд ругался, видя, что Лукас сидит в саду с Флёреттой и рисует, вместо того чтобы делать что-нибудь полезное в хлеву. Чуть позже он набросился на Гвинейру, пытавшуюся объяснить ему, что в это время с овцами ничего не надо делать. В такую жару их следовало просто оставить в покое.

Все тосковали по дождю и надеялись, что вот-вот разразится гроза. Но когда солнце зашло за горизонт и домочадцы собрались на ужин, на небе все еще не было видно ни облачка. Вздыхая, Гвинейра пошла в свою раскаленную от зноя комнату, чтобы переодеться. Она не была голодна; больше всего ей хотелось просто сесть на веранде и ждать, что ночь принесет облегчение. Возможно, она даже почувствовала бы — или вызвала бы — первый ветерок, так как маори верили в магию, а Гвинейра весь день ходила со странным ощущением, будто она была частью неба и земли, владычицей жизни и смерти. Подобные возвышенные чувства появлялись у нее всегда, когда она присутствовала при рождении новой жизни и могла при этом чем-то помочь. Она сразу же вспомнила свои ощущения, когда родился Рубен. Сегодня причиной странного состояния Гвинейры была Клео. Собачка родила утром пять очаровательных щенят. Теперь она лежала в своей корзинке на террасе, кормила детенышей и наслаждалась обществом хозяйки. Но Джеральд настоял на присутствии невестки за ужином, атмосфера которого вызывала лишь томящее чувство подавленности и неопределенности. Гвинейра и Лукас уже давно привыкли взвешивать каждое свое слово, общаясь с Джеральдом, поэтому Гвин знала, что ей лучше не упоминать о щенках Клео, а Лукас даже не заикался о картине акварелью, которую он послал вчера в Крайстчерч. Джордж Гринвуд хотел выставить ее в одной из лондонских галерей; он был уверен, что Лукас получит признание за свой талант. С другой стороны, за столом нужно было поддерживать хотя бы какой-то разговор, иначе Джеральд сам находил темы для обсуждения, которые никому не были по душе.

Гвинейра мрачно стянула с себя платье. Ей надоело постоянное переодевание к вечернему столу, к тому же в такую жару корсет сдавливал

тело еще сильнее. Но сейчас она могла спокойно снять его — Гвин была достаточно стройной, чтобы поместиться в свободное летнее платье, которое она выбрала для этого дня. Без панциря из рыбьих костей она моментально почувствовала облегчение. Гвинеира слегка поправила волосы и спустилась по лестнице. Лукас и Джеральд уже ожидали ее у камина, каждый с бокалом виски в руке. По крайней мере общее настроение в комнате пока что было довольно мирным. Гвинеира улыбнулась обоим мужчинам.

— Флёр уже пошла спать? — поинтересовался Лукас. — Я даже не успел пожелать ей спокойной ночи...

Эта тема была явно неудачной. Гвинеира попыталась сменить ее как можно быстрее.

— Она очень устала. Ваш урок рисования в саду был очень интересным, но в то же время и утомительным из-за жары. А после обеда дочь не могла уснуть из-за погоды. Ну и, конечно же, она обрадовалась появлению щенков...

Гвин тут же умолкла. Такое развитие разговора не предвещало ничего хорошего. Как и ожидалось, Джеральд тут же подхватил эту тему.

— Значит, сука снова ошенилась, — пробурчал он. — И снова безо всяких трудностей, не так ли? Если бы хозяйка взяла пример со своей собаки! Как быстро все происходит у животных! Побегали, побегали — и потомство! Почему же у вас не получается, моя маленькая принцесса? Не можешь забеременеть или...

— Отец, мы же за столом, — спокойно прервал его Лукас. — Пожалуйста, не волнуйся и перестань оскорблять Гвинеиру. Она не виновата.

— Так, значит, причина в тебе, наш совершенный... джентльмен! — едко произнес Джеральд. — Ты растерял из-за своего прекрасного воспитания все мужество, не правда ли?

— Джеральд, только не перед слугами, — сказала Гвинеира, посмотрев на Кири, которая только что вошла и собиралась подавать первое блюдо. Легкие блюда, салат. Джеральд не стал бы есть много такой еды. «Тем быстрее пройдет ужин», — подумала с надеждой Гвинеира. После ужина она смогла бы уйти к себе в комнату.

Но в этот раз именно обходительная и легкая в общении Кири послужила причиной инцидента. Весь день, помогая своим хозяевам, девушка выглядела уставшей. Гвинеира, от которой не укрылось состояние бледной как полотно служанки, хотела спросить, в чем дело, но передумала. Доверительные беседы со слугами постоянно служили

причиной для выговоров Джеральда, которые тот устраивал членам семьи. Поэтому Гвинейра не стала делать замечание Кири, неаккуратно и невнимательно подававшей на стол. В конце концов, у каждого могло быть плохое настроение.

Моана, умелая повариха, знала точно, что было по душе ее хозяевам. Она давно усвоила, что Гвин и Лукас предпочитают легкую летнюю кухню, а Джеральду нужно было приготовить хотя бы одно мясное блюдо. Поэтому в качестве первого блюда сегодня приготовили баранину — и Кири выглядела еще более усталой и изможденной, когда зашла в комнату со специями. Аромат жаркого смешался с тяжелым запахом роз, срезанных Лукасом накануне в саду. Гвинейре такая смесь казалась душной, почти вызывающей тошноту. Кири, по всей видимости, чувствовала то же самое. Подавая Джеральду кусок баранины, она внезапно пошатнулась. Гвинейра испуганно вскочила, когда девушка рухнула на пол возле стула Джеральда.

Не раздумывая больше ни секунды о том, прилично так поступать или нет, она стала на колени рядом с Кири и попробовала привести девушку в чувство, в то время как Лукас собирал осколки тарелки и пытался очистить ковер от мясного соуса. Вити, наблюдавший за этой картиной, тоже стал помогать своему хозяину и одновременно звал Моану. Повариха тут же прибежала в комнату и охладила лоб Кири тряпочкой, смоченной в ледяной воде.

Джеральд Уорден мрачно наблюдал за происходящим. Его и без того плохое настроение окончательно испортилось после этого происшествия. Черт побери, Киворд-Стейшн должен быть домом настоящих дворян! Но разве в лондонских особняках случалось такое, чтобы служанка падала на пол, после чего хозяйка и хозяин дома вместе с половиной прислуги пытались принести ее в чувство?

При этом все было не так уж и плохо. Кири пришла в себя и испуганно посмотрела на беспорядок вокруг.

— Извините меня, мистер Джеральд! Больше такое не повторится! — Со страхом в глазах она взглянула на хозяина, который злобно уставился на нее.

Вити пытался вытереть запачканный соусом костюм Джеральда.

— В этом не было твоей вины, Кири, — ласково сказала Гвинейра. — В такую погоду легко можно потерять сознание.

— Это не погода, мисс Гвин. Это ребенок, — объяснила Моана. — У Кири зимой родится ребенок. Поэтому она себя плохо чувствовать весь день и не переносить запах мяса. Я ей сказать, чтобы не накрывать на стол, но...

— Мне так жаль, мисс Гвин, — всхлипнула Кири.

Гвинейра подумала, что это была настоящая кульминация по-настоящему ужасного вечера. Неужели этому несчастному созданию надо было выкладывать историю служанки в присутствии Джеральда? С другой стороны, Кири действительно не была виновата в том, что ей стало плохо. Гвинейра заставила себя спокойно улыбнуться.

— Но это ведь не причина извиняться, Кири! — мягко произнесла она. — Наоборот, это повод порадоваться. Но с сегодняшнего дня ты должна беречь себя. Ступай домой и приляг. Вити и Моана помогут прибраться здесь.

Кири ушла, предварительно извинившись еще тысячу раз, и поклонилась Джеральду как минимум три раза. Гвинейра надеялась, что это утихомирит его, но выражение лица старика ни изменилось, и он даже не захотел успокоить девушку. Моана попыталась спасти хотя бы часть блюда, но Джеральд прогнал ее:

— Оставь все как есть! У меня пропал аппетит. Исчезни, пойдешь к своей подружке... или тоже забеременеешь. Но только оставь меня в покое!

Старик встал, подошел к бару и налил себе очередную порцию двойного виски. Гвинейра представила, что еще придется пережить ей и ее супругу. Но слуги не должны были об этом знать.

— Ты слышала, Моана... ты тоже, Вити. Вы свободны на сегодня. Не беспокойтесь о кухне. Если нам понадобится еда, я сама принесу десерт. А ковер вы сможете почистить завтра. Наслаждайтесь свободным вечером.

— В деревне танцуют, призывают дождь, мисс Гвин, — объяснил Вити, как бы извиняясь. — Это полезно. — Чтобы доказать полезность ритуального танца, он раскрыл дверь на террасу.

Гвинейра надеялась, что подует хотя бы небольшой ветерок, но на улице по-прежнему стояла невыносимая жара. Из деревни маори доносились пение и звуки барабана.

— Вот видишь, — приветливо обратилась Гвинейра к своему слуге. — В деревне от тебя все равно больше пользы, чем здесь. Иди. Мистер Джеральд плохо себя чувствует...

Когда дверь за Вити закрылась, она наконец-то вздохнула с облегчением. Моана и Вити не стали бы терять время, максимум, что они могли попытаться сделать, так это убрать в кухне. Они быстро собрали вещи и через несколько минут покинули дом.

— Тебе налить шерри, дорогая? — спросил Лукас.

Гвин кивнула. Ей уже не впервые хотелось выпить так же безудержно, как это обычно делали мужчины. Но Джеральд не дал ей насладиться шерри. Он быстро опрокинул свой виски и теперь смотрел на

обоих красными глазами.

— Значит, эта маорийская потаскушка забеременела! У старого О'Кифа тоже есть наследник. Все вокруг плодятся, только и слышно мычание, крики и завывания. Только с вами двоими ничего не происходит. В чем же дело, мисс Чопорность и мистер Тряпка? В чем ваша проблема?

Гвин со стыдом посмотрела в бокал. Лучший выход из ситуации — просто не слушать старика. С улицы по-прежнему доносились звуки барабана. Гвин попробовала сконцентрироваться на них и забыть о Джеральде. Лукас всеми силами пытался успокоить отца.

— Мы не знаем, в чем дело, отец. Возможно, на то воля Божья. Ты же знаешь, что не всякий брак благословлен несколькими детьми. У мамы и тебя тоже был только я...

— Твоя мать... — Джеральд снова ухватился за бутылку. Теперь он даже не пытался налить виски в бокал и начал пить прямо из горлышка. — Твоя распрекрасная мать думала только о нем, об этом... Каждую ночь она трещала только о нем, так что и при самом лучшем настроении пропадет охота. — Джеральд кинул исполненный ненависти взгляд на портрет покойной жены.

Гвинейра наблюдала за происходящим с возрастающим ужасом. Так далеко старик еще никогда не заходил. До сих пор о матери Лукаса говорили только с почтением. Гвин знала, что Лукас чтит ее память.

Если до этого момента Гвинейра просто была недовольна происходящим, то теперь в ней начало расти настолько сильное чувство страха, что ей захотелось убежать. Она искала подходящий повод, но от Джеральда нельзя было укрыться. Он просто не слушал ее и, снова повернувшись к Лукасу, произнес заплетающимся от выпивки языком:

— Но я все равно не отказывался... Ты же мужчина... или, по крайней мере, одеваешься по-мужски! Но мужчина ли ты по-настоящему, Лукас Уорден? Мужчина ли ты? Обращаешься ли ты со своей женой, как положено мужчине? — Джеральд встал и, приняв угрожающую позу, приблизился к Лукасу.

Гвинейра увидела, как в глазах старика полыхнула ярость.

— Отец...

— Отвечай, тряпка! Ты знаешь, как это делается? Или ты педик, как все перешептываются в хлеву? О да, Лукас, все говорят о тебе так! Джонни Оутс считает, что ты втайне посматриваешь на него. Он еще маленький, поэтому не может от тебя защититься... Это правда?

Глаза Джеральда злобно сверкали.

Лицо Лукаса залилось румянцем.

— Я ни на кого не смотрю, — прошептал он. По крайней мере он не делал этого сознательно. Могли ли работники угадать его самые тайные, самые греховные мысли?

Джеральд плюнул под ноги Лукасу в знак презрения, прежде чем его внимание снова переключилось на Гвинейру.

— А ты, маленькая чопорная принцесса? Не знаешь, что делать? При этом ты прекрасно умеешь соблазнять мужчин. Я часто вспоминаю об Уэльсе, о том, как ты на меня смотрела... Маленькая шлюшка, думал я, такую жалко отдавать какому-то старому английскому лорду... Тебе нужен был настоящий мужик. В хлеву все тоже постоянно засматриваются на тебя, принцесса! Ты возбуждаешь их, не так ли? Но со своим благородным супругом ты превращаешься в холодную рыбу!

Гвинейра плотнее вжалась в кресло. Пронзительные взгляды старика вызывали у нее чувство стыда. Она уже жалела, что надела более свободное платье с вырезом. Взгляд Джеральда опустился с ее бледного лица к груди. Когда он смотрел так пристально, он не мог не заметить...

— А сегодня? — произнес он с издевкой. — На тебе нет корсета, принцесса? Ты надеешься, что к тебе пожалует настоящий мужчина, в то время как твой жалкий муж будет лежать в своей кровати?

Гвинейра вскочила на ноги, когда Джеральд попытался схватить ее. Инстинктивно она отпрянула назад. Джеральд побежал за ней.

— Ага, значит, когда ты видишь настоящего мужика, ты пускаешься наутек. Я так и думал... Мисс Гвин! Ты хочешь, чтобы я тебя упрасивал? Но настоящий мужчина так легко не сдается...

Джеральд схватил ее за платье, Гвинейра споткнулась. Лукас попытался разнять их.

— Отец, ты забываешься!

— Значит, я забываюсь? Нет, мой любимый сынок! — Старик с силой ударил Лукаса в грудь кулаком. Лукас не решился дать сдачи. — Разум оставил меня еще тогда, когда я купил тебе эту породистую лошадку. Мне жаль тебя, правда жаль... Надо было сразу брать ее для себя. Тогда у меня уже была бы полная конюшня наследников.

Джеральд наклонился над Гвинейрой, упавшей в кресло. Она попыталась встать и убежать, но он толкнул ее, и Гвинейра упала на пол. А затем старик навалился на нее сверху прежде, чем она могла что-либо сделать.

— Сейчас я вам покажу... — прокашлялся Джеральд. Он окончательно опьянел, и его голос совсем сел, но сил у старика было хоть отбавляй.

В его глазах Гвинейра увидела нескрываемую похоть.

Запаниковав, она попыталась вспомнить, что произошло в Уэльсе. Разве она пыталась соблазнить его? Или же он всегда чувствовал влечение к ней, и она просто была слепа, не замечая происходящего?

— Отец... — Лукас попытался схватить его сзади, но кулак Джеральда оказался быстрее. Пьяный или нет, старик всегда мог нанести крепкий удар.

Лукас отлетел назад и на мгновение потерял сознание. Джеральд стащил с себя штаны. Гвинеира услышала лай собаки на террасе. Почуввав неладное, Клео стала царапаться в дверь.

— Сейчас я тебя всему научу, принцесса... Сейчас я покажу тебе, как это делается...

Гвинеира застонала от боли, когда он, разорвав в клочья платье и шелковое белье, резко вошел в нее. Она чувствовала запах виски, пота и жаркого, соус с которого пролился Джеральду на рубашку. Девушку тошнило от отвращения. Она увидела ненависть и чувство победы в глазах старика. Одной рукой Джеральд прижимал ее к полу, другой мял ей грудь и при этом жадно целовал шею. Когда он попытался засунуть свой язык ей в рот, Гвинеира укусила его. После первоначального шока она начала отбиваться и дралась так отчаянно, что ему пришлось держать ее обеими руками. Но Джеральд продолжал двигаться на ней, и Гвинеира наконец-то поняла, что имела в виду Хелен, когда сказала ей: «По крайней мере все быстро заканчивается».

Обессиленная, Гвинеира продолжала лежать на полу. С улицы были слышны истерические завывания Клео и бой барабанов. Гвинеира надеялась, что собака не попытается протиснуться в дверь, и постаралась успокоиться. Когда-нибудь это безумие должно было закончиться...

Джеральд заметил, что невестка смирилась с происходящим, и истолковал это как согласие.

— Теперь... тебе нравится, да, принцесса? — Он прокашлялся и начал двигаться еще более яростно. — Теперь тебе нравится! Не можешь насладиться сполна, да?.. Настоящий мужик... совсем другое дело, не правда ли?

У Гвинеиры не было сил даже проклинать его. Казалось, ее боль и унижение никогда не закончатся. Секунды превратились в часы. Джеральд стонал, кашлял и постоянно бормотал какие-то непонятные слова, сливающиеся с боем барабанов и лаем собаки в оглушающую какофонию. Гвинеира даже не понимала, кричит она или же молча сносит пытку. Ей просто хотелось, чтобы Джеральд встал с нее, даже если это означало, что он...

Гвинейра почувствовала, как тошнота подступила к горлу, когда он наконец-то излился в нее. Она чувствовала себя грязной, оскверненной, униженной. В отчаянии она отвернула голову, когда Джеральд, кашляя, рухнул на нее всем своим телом и прижал свое разгоряченное лицо к ее шее. Его вес придавил ее еще сильнее к полу. Гвин казалось, что она вот-вот задохнется. Она попыталась сбросить его с себя, но у нее ничего не получилось. Почему он больше не двигался? Он что, умер на ней? Она бы восприняла такие новости с радостью. Если бы у нее был нож, она точно воткнула бы его в старика.

Затем Джеральд все-таки скатился с Гвинейры и встал, стараясь не смотреть на нее. Что он чувствовал? Удовлетворение? Стыд?

Он стоял, пошатываясь, и снова пытался дотянуться до бутылки.

— Надеюсь, это послужит тебе уроком... — спокойно произнес он. Без чувства гордости, а скорее, с сожалением. Искоса взглянув на плачущую Гвинейру, Джеральд добавил: — Если тебе было больно, что ж... не повезло. Но в конце тебе понравилось, не так ли, принцесса?

Спотыкаясь, Джеральд Уорден поднялся по лестнице. На молодую женщину он больше не смотрел. Гвинейра беззвучно всхлипывала.

Наконец Лукас наклонился над ней.

— Отвернись! Не прикасайся ко мне!

— Но я же ничего не делаю тебе, любимая... — Лукас хотел помочь ей подняться, но она отказалась.

— Исчезни, — сказала она дрожащим голосом. — Теперь уже слишком поздно, ты мне ничем не можешь помочь.

— Но... — Лукас запнулся. — Что я должен был сделать?

Гвинейре в голову тут же пришло сразу несколько ответов на этот вопрос. Лукасу не понадобился бы и нож, он мог бы ударить отца железной кочергой.

Однако Лукас не мог до такого даже додуматься. Очевидно, его занимали другие мысли.

— Но... тебе же не понравилось... или все же?... — спросил он тихо. — Ты же не...

Каждый мускул в теле Гвинейры болел, но ее ярость помогла ей подняться на ноги.

— А даже если и так, то что... Тряпка! — крикнула она ему. Еще никогда Гвинейра не чувствовала себя настолько оскорбленной и брошенной. Как этот дурак мог думать, что подобное унижение доставляло ей удовольствие? Сейчас ей ничего не хотелось больше, чем задеть Лукаса. — Что, если другой и вправду делает это лучше? Ты бы пошел к

настоящему отцу Флёр и вызвал бы его на бой? Да? Или ты снова поджал бы хвост, как сегодня со стариком? Черт возьми, мне так жаль тебя! И твоего отца, у которого все еще так много сил! Кто такой «педик», Лукас? Или этого слова леди лучше не знать?

Гвинейра увидела боль в его взгляде и забыла о своей злости. Что она делает? Почему вымещает на Лукасе свою ненависть за то, что сделал его отец? Лукас не виноват в том, что по своей природе не такой, как все...

— Да ладно, я и не хочу этого знать, — сказала она. — Уйди с моих глаз, Лукас. Исчезни. Я больше не хочу тебя видеть. Я никого не хочу видеть. Убирайся, Лукас Уорден! Исчезни!

Скованная своим горем и болью, она не заметила, как он ушел. Гвинейра попыталась сосредоточиться на звуках барабанов, чтобы отвлечься от мыслей, разрывавших ее сознание. Затем она вспомнила о собаке. Лай прекратился, Клео только тихонько скулила под дверью. Гвинейра подползла к двери на террасу, запустила Клео внутрь и перетянула корзинку со щенками через порог, как только на улице начали падать первые капли дождя. Клео слизнула слезы с лица хозяйки, прислушивавшейся к звуку дождя, который стучал по плитке... gangi плакал.

Гвинейра плакала.

Она смогла дойти до своей комнаты лишь к тому моменту, когда над Киворд-Стейшн разразилась гроза, воздух остыл, а у нее в голове слегка прояснилось. В конце концов она заснула рядом с собакой и ее детенышами на пушистом голубом ковре, который когда-то специально для нее приобрел Лукас.

Она совершенно не обратила внимания на мужа, который ушел из дому на рассвете.

Кири не проронила ни слова по поводу того, что открылось ее взгляду, когда она зашла утром в комнату Гвинейры. Она ничего не сказала о нетронутой постели, разорванном грязном платье и запачканном кровью теле женщины. Да, в этот раз у Гвинейры пошла кровь...

— Вы купаться, мисс. Тогда лучше, точно лучше, — сочувственно произнесла Кири. — Мистер Лукас точно не хочет. Мужчины выпивать, боги погоды гневаться, плохой день вчера...

Гвинейра кивнула и пошла за служанкой к ванне. Кири налила воды и хотела добавить цветочного экстракта, но Гвинейра отказалась. Удушающий аромат роз все еще вызывал у нее воспоминания о вчерашнем вечере.

— Я принести завтрак в комнату, да? — спросила Кири. — Свежие

вафли, Моана сделать, чтобы извиниться перед мистер Джеральд. Но мистер Джеральд еще не проснулся...

Гвинейра невольно подумала о том, сможет ли она хотя бы еще раз посмотреть на Джеральда Уордена. По крайней мере она почувствовала себя лучше после того, как несколько раз намылилась и окончательно смыла с себя пот и вонь Джеральда. Все тело Гвинейры по-прежнему ныло, и каждое движение причиняло ей боль. Конечно, со временем это пройдет. Однако невыносимое унижение останется с ней навсегда.

Закутавшись в легкий халат, она вышла из ванной. Кири открыла окно в комнате, а разорванное в клочья платье куда-то исчезло. После вчерашней грозы мир снаружи казался свежеемытым. Воздух был прозрачным и прохладным. Гвинейра сделала глубокий вдох и попыталась привести свои мысли в порядок.

Вчерашнее происшествие было настоящим кошмаром — но не хуже, чем то, что приходилось испытывать многим женщинам каждую ночь. Ей просто нужно сделать вид, будто ничего не случилось...

Несмотря на такой настрой, у нее все сжалось внутри, когда в дверь постучали. Клео зарычала. Но в комнату вошли только Кири и Флёретта. У малышки было плохое настроение, что Гвинейра прекрасно понимала. Обычно она сама будила ее поцелуем, а затем Лукас и Гвин вели дочку вниз завтракать. Этот «семейный час» без Джеральда, обычно отсыпавшегося после очередной попойки, был для них священным ритуалом, который всем приносил невероятное удовольствие. Собственно говоря, Гвинейра надеялась, что сегодня утром о Флёр позаботится Лукас, но малышку оставили без присмотра. Соответственно, ее одежда оставляла желать лучшего. На Флёретте была юбочка, натянутая наподобие пончо поверх платья, застегнутого не на те пуговицы.

— Папа ушел, — сказала малышка.

Гвин покачала головой.

— Нет, Флёр. Папа не ушел. Возможно, он просто отправился куда-то верхом. Он... мы... мы вчера немного поссорились с бабушкой... — неохотно добавила она, хотя Флёр так часто становилась свидетелем их ссор с Джеральдом, что они были далеко не новостью для ребенка.

— Да, наверное, он и правда отправился верхом, — согласилась Флёр. — На Флаере. Он тоже исчез, так сказал мистер Джеймс. Но почему папа отправился в дорогу, не позавтракав?

Гвинейра тоже об этом задумалась. Скакать галопом через заросли кустарника, пытаясь освежить голову, — такое было скорее свойственно ей, нежели Лукасу. К тому же он редко выезжал один. Работники шутили, что

Лукас даже по территории фермы не мог проехать без сопровождения. И зачем ему было брать самую старую рабочую лошадь? Лукас не любил ездить верхом, хотя у него это неплохо получалось. Езда на Флаере показалась бы ему скучной; теперь на нем изредка ездила лишь Флёретта. Но, может, Флёр и Джеймс ошибались, и исчезновение Лукаса и Флаера не были никак между собой связаны. Лошадь просто могла попасть в какую-то ловушку, что случалось довольно часто.

— Я уверена, что папа скоро вернется, — сказала Гвинейра. — Ты уже посмотрела в мастерской? Но сначала съешь вафлю.

Кири накрыла стол у окна и налила Гвинейре кофе. Флёр тоже выпила кружку кофе с молоком.

— Его нет в комнате, мисс, — обратилась к Гвинейре служанка. — Вити проверить. Кровать не тронуть. Точно где-то на ферме. Возможно, стыдно из-за... — Она многозначительно взглянула на Гвинейру.

Молодая женщина начала беспокоиться. У Лукаса не было причины стыдиться... или же все-таки была? Разве Джеральд не унизил его так же, как и ее? А она... ее обращение с Лукасом было непростительным.

— Сейчас мы пойдем искать твоего папу, Флёр. И обязательно найдем его. — Гвин не знала, кого она хотела успокоить этими словами — дочку или себя.

Они не нашли Лукаса ни в доме, ни на ферме. Флаер тоже не появлялся. Кроме того, Джеймс сообщил, что пропали старое седло и не менее старая уздечка с набором.

— Ты ничего не хочешь сказать мне? — спросил он тихо, заметив бледность и тяжелую походку Гвинейры.

Гвин покачала головой и смирилась с тем, что, кроме Лукаса, обидит и Джеймса.

— Ничего, что касалось бы тебя.

Она не сомневалась, что Джеймс мог бы убить Джеральда за то, что он сделал с ней.

Лукас не появился и в следующие несколько недель. Удивительным образом это обстоятельство помогло слегка нормализовать отношения Гвинейры и Джеральда — теперь им вдвоем приходилось заботиться о Флёр. В первые дни после исчезновения Лукаса они думали, что с ним что-нибудь случилось или, не дай бог, он что-нибудь с собой сделал. Но организованные Джеральдом поиски вблизи фермы оказались безрезультатными, и после долгих раздумий Гвинейра отбросила мысль о самоубийстве мужа. Она осмотрела вещи Лукаса и обнаружила, что пропали несколько его вещей — к ее удивлению, именно те, которые меньше всего нравились ему. Лукас взял рабочую одежду, зонтик, нижнее белье и совсем немного денег. Все соответствовало общей картине: старая лошадь, старое седло — очевидно, он не хотел брать ничего, что принадлежало Джеральду. Их расставание должно было стать окончательным и бесповоротным. Гвинейре было больно от мысли, что он уехал, не сказав ни слова. Насколько она могла заметить, Лукас не взял с собой ни одной вещи, которая напоминала бы ему о жене или дочери, кроме карманного ножа, когда-то подаренного ему Гвинейрой. Как ей показалось, она для него ничего не значила; поверхностные дружеские отношения, связывавшие супругов, не стоили даже прощального письма.

Джеральд поспрашивал о местонахождении сына в Холдоне, что, естественно, способствовало распространению сплетен, а также в Крайстчерче, где он попросил помощи в поисках у Джорджа Гринвуда. В обоих городах он не добился никакого результата, никто не видел Лукаса Уордена.

— Бог знает, где он сейчас, — жаловалась Гвинейра Хелен, когда рассказывала подруге о своем горе. — Может, в Отаго, в лагере золотоискателей, или на западном побережье, а может, даже на Северном острове. Джеральд продолжает поиски, но, как мне кажется, все это бессмысленно. Если Лукас не хочет, чтобы его нашли, никто и не найдет.

Хелен пожала плечами и в очередной раз поставила чайник.

— Возможно, это к лучшему. Жизнь в полной зависимости от Джеральда явно не шла ему на пользу. Теперь он наверняка докажет себе, что способен жить самостоятельно, а тебя Джеральд перестанет донимать из-за отсутствия детей. Но почему Лукас исчез так внезапно? Для этого действительно не было никакого повода? Ссоры, например?

Гвинейра, покраснев, покачала головой. Об изнасиловании она не рассказывала никому, даже лучшей подруге. Удержав все в тайне, она надеялась когда-нибудь забыть о случившемся. Тогда ей будет казаться, что того вечера не было в реальности, что все это просто кошмарный сон, который приснился в ужасный жаркий день. Джеральд, по-видимому, придерживался того же мнения. Он обращался с Гвинейрой исключительно вежливо, редко смотрел на нее и не прикасался к молодой женщине. Гвинейра и Джеральд встречались только во время ужина и вели во время еды ни к чему не обязывающие беседы. Джеральд выпивал, как и прежде, но теперь только после еды, когда Гвинейра уже находилась у себя в комнате. Она взяла к себе горничной Ронго, любимую ученицу Хелен, теперь уже пятнадцатилетнюю, и настояла на том, чтобы девушка всегда спала в ее комнате. Гвинейра объяснила свое требование, сказав, что горничная должна всегда находиться в распоряжении хозяйки. На самом деле она надеялась отвести Джеральда и предупредить возможность вторжения в ее комнату. Впрочем, ее опасения были напрасны, ибо старик вел себя безупречно, и постепенно Гвинейра почти забыла о той роковой летней ночи. Однако изнасилование не прошло без последствий. Когда у нее во второй раз случилась задержка, а Ронго, помогая хозяйке одеться, многозначительно улыбнулась и погладила ее живот, Гвинейра осознала, что забеременела.

— Я не хочу его, — сказала она дрожащим голосом, прискакав к Хелен. Она не могла дожждаться окончания занятий в школе, чтобы поговорить с подругой. Хелен тут же поняла по испуганному выражению лица Гвинейры, что с ней случилось что-то ужасное. Она отпустила детей, разрешила Рубену и Флёр поиграть возле дома и обняла подругу.

— Лукаса нашли? — тихо спросила она.

Гвинейра посмотрела на нее как на сумасшедшую.

— Лукас? При чем тут Лукас? Ах, Хелен, все намного хуже, я беременна! И я не хочу этого ребенка!

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — пробормотала Хелен и завела подругу в дом. — Идем, я заварю тебе чай, и мы поговорим о случившемся. Ради всего святого, почему ты не рада этому ребенку? Ты же годами пыталась забеременеть, а теперь... Или ты боишься, что тебе уже поздно рожать? Или Лукас — не отец ребенка?

Хелен пристально посмотрела на Гвинейру. Она иногда начинала подозревать, что рождение Флёретты скрывало в себе тайну — то, как загорались глаза Гвин при взгляде на Джеймса МакКензи, не могла не заметить ни одна женщина. Но в последнее время они практически нигде

не появлялись вместе. К тому же Гвин была не настолько глупа, чтобы заводить себе любовника сразу же после отъезда мужа! Или Лукас уехал, потому что обнаружил, что у его супруги уже был любовник? Хелен не могла представить себе такое. Гвин была настоящей леди. Естественно, говорить, что она непогрешима, Хелен не стала бы, но сдержанности и такта Гвин было не занимать!

— Ребенок точно Уорден, — уверенно ответила Гвинейра. — В этом я не сомневаюсь. Но, несмотря на это, я его не хочу!

— Но это не тебе решать, — беспомощно промолвила Хелен. Она не могла согласиться с ходом мыслей Гвинейры. — Если ты забеременела, то ты забеременела...

— Ну и что! Должен же быть какой-то способ избавиться от ребенка. Ведь у многих случается выкидыш.

— Но не у таких здоровых женщин, как ты! — Хелен покачала головой. — Почему бы тебе не сходить к Матахоруа? Она точно скажет, здоров ребенок или нет.

— Возможно, она сумеет мне помочь... — в отчаянии произнесла Гвинейра. — Она наверняка знает какое-нибудь снадобье или что-то вроде этого. Тогда на корабле Дафна рассказывала Дороти что-то про врачей, которые помогают избавиться от нежелательной беременности...

— Гвинейра, да как тебе такое только в голову пришло! — Хелен слышала о нескольких подобных случаях в Ливерпуле; ее отец хоронил жертв неудачных абортов. — Это против воли Божьей! И опасно! Ты можешь при этом умереть. И вообще, зачем ты...

— Я пойду к Матахоруа, — заявила Гвинейра. — Не пытайся меня отговорить. Я не хочу этого ребенка!

Матахоруа позвала Гвинейру к каменному ряду за общими домами маори, где женщинам никто не мог помешать. Она, должно быть, тоже увидела по лицу гостьи, что произошло что-то серьезное. Но на сей раз им нужно было постараться понять друг друга без переводчика — Гвин отпустила Ронго домой. В свидетелях этого разговора она не нуждалась.

Матахоруа, лицо которой вытянулось каким-то странным образом, указала Гвинейре на камни. Несмотря на то что губы старухи сложились в подобие улыбки, выражение ее лица казалось Гвин угрожающим. Татуировки на лице старой колдуньи полностью меняли ее мимику, а фигура отбрасывала странную тень в солнечном свете.

— Ребенок. Ронго уже сказать мне. Сильный ребенок... много силы. Но и много ярости...

— Я не хочу этого ребенка! — воскликнула Гвинейра и потупилась. —

Ты можешь что-нибудь сделать?

Матахоруа попыталась уловить взгляд молодой женщины.

— Что я делать? Убить ребенка?

Гвинейра судорожно сжалась. Так жестоко формулировать свои действия она еще не отваживалась. Но именно об этом и шла речь. Чувство вины захлестнуло ее.

Матахоруа внимательно следила за Гвинейрой, за выражением ее лица, за ее движениями, и, как обычно, создавалось впечатление, что она смотрит сквозь человека, в только ей известную даль.

— Тебе важно, чтобы ребенок умереть? — спросила она тихо.

Внезапно Гвинейра почувствовала, как внутри закипает ярость.

— Иначе зачем бы я пришла к тебе? — вырвалось у нее.

Матахоруа пожала плечами.

— Сильный ребенок. Он умирать, ты тоже умирать. Так важно?

Гвинейра вздрогнула. Что давало Матахоруа такую уверенность? И почему никто никогда не сомневался в ее словах, даже если они были противоречивыми? Могла ли она действительно видеть будущее? Гвинейра задумалась. К ребенку, как и к его отцу, она не испытывала ничего, кроме ненависти и отвращения. Но ее ненависть не была настолько жгучей, чтобы из-за этого стоило умирать! Гвинейра была молода и любила жизнь. Кроме того, в ней нуждались другие люди. Что будет с Флёреттой, если девочка потеряет обоих родителей? Гвин решила оставить все как есть. Возможно, она просто даст жизнь этому несчастному ребенку, а затем забудет его... Пускай Джеральд о нем заботится!

Матахоруа улыбнулась.

— Я вижу, ты не умирать. Ты жить, ребенок жить... несчастливо. Но жить. Возможно, появится кто-то, кто...

Гвинейра нахмурилась.

— Кто?..

— Кто любить ребенок. Напоследок. Делать... круг.

Матахоруа сделала из пальцев подобие круга, а затем начала что-то искать у себя в кармане. Наконец она нашла округлый кусок нефрита и дала его Гвинейре.

— Вот, это для ребенок.

Гвинейра взяла камень и поблагодарила колдунью. По непонятной причине она почувствовала облегчение.

Все это, естественно, не помешало Гвинейре попытаться найти какой-нибудь способ вызвать выкидыш. Она работала до изнеможения в саду, как

можно чаще наклонялась, ела зеленые яблоки, пока расстройство желудка чуть не отправило ее на тот свет, а также скакала на буйном жеребенке, последней дочери Игрэн. К удивлению Джеймса, она даже настояла на том, чтобы строптивое животное приучили к дамскому седлу — последняя отчаянная попытка, так как Гвинейре было известно, что боковое седло делало езду более опасной. Несчастные случаи при езде в дамском седле происходили практически всегда из-за того, что лошадь сбрасывала его с себя, а наездница не могла освободиться из седла и скатиться на землю. Подобные случаи часто приводили к смертельному исходу. Но Вивиан, как и ее мать Игрэн, крепко стояла на ногах — не говоря уже о том, что у Гвинейры не было намерения умереть вместе с ребенком.

Молодая женщина рассчитывала на воздействие толчков, которым она постоянно подвергалась в дамском седле при скачке рысью. После получаса подобного парфорса Гвинейра не могла удержаться в седле из-за покалываний в боку, но на ребенка это никак не влияло. Первые и самые опасные три месяца прошли без осложнений, и Гвинейра от ярости разрыдалась, увидев, что ее живот начал менять форму. Сначала она пыталась затянуть корсетом округлившиеся формы, но со временем этого уже нельзя было скрыть. Наконец она отдалась на волю судьбе и начала готовиться к неминуемым поздравлениям. Кто мог заподозрить, насколько нежеланным был маленький Уорден, который рос в ее животе?

Женщины в Холдоне тут же узнали о беременности Гвинейры и начали распространять сплетни. Миссис Уорден беременна, а мистер Уорден пропал — все это давало почву для самых фантастических предположений и спекуляций. Гвинейре было все равно. Ей не хотелось только одного — разговора о случившемся с Джеральдом. Но больше всего она боялась реакции Джеймса МакКензи. Скорее всего, он уже заметил округлившийся живот Гвинейры или же услышал о ее беременности от кого-то. А сказать ему правду она не могла. Собственно говоря, она пыталась избегать Джеймса еще со дня исчезновения Лукаса, так как на его лице было написано желание узнать, что произошло. Сейчас он потребовал бы правдивого ответа на мой вопрос. Для Гвинейры стало полной неожиданностью, когда утром, войдя в конюшню, она увидела Джеймса в снаряжении для верховой езды и плаще. На улице снова начало моросить, но он собирался в дорогу. Джеймс как раз укладывал чемодан на спину костлявой белой лошади.

— Я ухожу, — спокойно сказал он, увидев невольный вопрос в ее взгляде. — Ты можешь понять почему.

— Ты уходишь? — Гвинейра не понимала, что происходит. — Куда? Что...

— Я уезжаю из Киворд-Стейшн, Гвинейра. И буду искать себе другую работу. — Джеймс отвернулся от нее.

— Ты бросаешь меня? — Эти слова вырвались у женщины, прежде чем она успела подумать. Но возникшая у нее внутри боль была слишком внезапной, а потрясение слишком глубоким. Как он мог оставить ее одну? Он был ей нужен, прямо сейчас!

Джеймс рассмеялся, хотя в его смехе слышалось скорее отчаяние, нежели насмешка.

— Тебя это удивляет? Ты думаешь, у тебя есть право обладать мной?

— Конечно нет. — Гвин прислонилась к двери конюшни. — Но я думала, что ты...

— Ты же не ждешь от меня объяснений в любви, Гвин? Только не после того, что ты сделала. — Джеймс продолжил укреплять седло, как будто этот разговор был мимолетной беседой.

— Но я ничего не сделала! — защищалась Гвинейра, понимая, как неубедительно это звучит.

— Нет? — Джеймс повернулся и холодно посмотрел на нее. — Значит, это было непорочное зачатие? — Он указал на ее живот. — Не рассказывай мне сказки, Гвинейра! Лучше скажи правду. Кто этот жеребец? Он из лучшей конюшни, чем моя? У него лучшее происхождение? Или он лучше двигается? Возможно, у него даже есть дворянский титул?

— Джеймс, я никогда не хотела... — Гвин не знала, что ответить. Как бы ей хотелось сказать ему всю правду, выложить все, что накопилось на сердце. Но тогда он узнает о Джеральде. Тогда кто-то умрет или, по крайней мере, будет ранен. Кроме того, весь мир узнает о происхождении Флёретты.

— Это был этот Гринвуд, не так ли? Настоящий джентльмен. Хорошо выглядит, образован, хорошие манеры и сдержанное поведение. Жаль, что ты не была с ним знакома, когда мы...

— Это был не Джордж! Как ты мог такое подумать! Джордж приехал из-за Хелен. А теперь у него есть жена в Крайстчерче. Он никогда не давал повода для ревности. — Гвинейра не могла больше слушать, ее голос дрожал, а сама она, казалось, вот-вот заплачет.

— Тогда кто же это был?

Джеймс угрожающе приблизился к ней. Не в силах сдерживать волнение, он схватил ее за руку, как будто желая встряхнуть из женщины всю правду.

— Скажи мне, Гвин! Кто-то в Крайстчерче? Молодой лорд Баррингтон? Он же тебе нравился! Скажи мне, Гвин. Я имею право знать!

Гвин покачала головой.

— Я не могу тебе этого сказать, и у тебя нет никакого права...

— А Лукас? Он узнал обо всем, не так ли? Застал тебя на горячем, Гвин? В постели с другим? Или же он наблюдал за вами, а потом все рассказал тебе? Что случилось между тобой и Лукасом?

Гвинейра в отчаянии посмотрела на него.

— Ничего подобного не было. Ты не понимаешь...

— Так объясни мне, Гвин! Объясни мне, почему твой муж растворился в тумане, оставив дома своего старика, ребенка и наследство? Я бы очень хотел понять это... — Лицо Джеймса смягчилось, хотя он все еще продолжал крепко сжимать ее руку.

Гвин спрашивала себя, почему она совершенно не испытывала страха. Но она никогда не боялась Джеймса МакКензи. В его глазах за недоверием и яростью все еще можно было увидеть любовь.

— Я не могу, Джеймс. Я не могу. Пожалуйста, не злись на меня. И не покидай меня! — Гвинейра уронила голову ему на плечо. Она хотела почувствовать его близость, не важно, была она желанной или нет.

Джеймс не отталкивал ее, но и обнять не пытался. Он отпустил ее руку и мягко отстранил женщину от себя, пока между ними снова не образовалась пустота.

— Как бы там ни было, Гвин, я не могу остаться. Возможно, и остался бы, если бы получил объяснение всему, что ты... если бы ты мне действительно доверяла. Но я не понимаю тебя. Ты такая упрямая, так крепко держишься за титул и наследство, что продолжаешь оставаться верной воспоминанию о пропавшем супруге... и это при том, что беременна от другого...

— Лукас не умер! — крикнула Гвинейра.

Джеймс пожал плечами.

— Не важно. Жив он или мертв, ты все равно никогда не признаешься в чувствах ко мне. А для меня такое обращение становится невыносимым. Я не могу видеть тебя каждый день и при этом не иметь на тебя никакого права. Уже пять лет я пытаюсь забыть тебя, но каждый раз, когда ты привлекаешь мой взгляд, мне хочется прикоснуться к тебе, поцеловать, быть с тобой вместе. Вместо этого я только и слышу «мисс Гвин» и «мистер Джеймс», ты ведешь себя учтиво и отстраненно, хотя тебе, как и мне, прекрасно известна настоящая природа наших отношений. Это сводит меня с ума, Гвин. Я бы смирился с таким положением дел, если бы ты

продолжала жить с Лукасом. Но теперь... это уже слишком, Гвин. Чужой ребенок — чересчур много для меня. Скажи мне хотя бы, от кого он!

Гвинейра снова покачала головой. Молчание разрывало ее изнутри, но она никогда не сказала бы правду.

— Мне жаль, Джеймс. Я не могу. Если ты уходишь по этой причине, то иди.

Она еле сдерживала себя, чтобы не заплакать.

Джеймс положил уздечку на лошадь и хотел уже отправляться в путь. Как обычно, Деймон радостно завилял хвостом перед ним. Джеймс погладил собаку.

— Ты возьмешь его с собой? — глухо спросила Гвинейра.

Джеймс покачал головой.

— Он не принадлежит мне. Я не могу просто взять и забрать одного из лучших породистых псов в Киворд-Стейшн.

— Но он будет скучать по тебе... — Сердце Гвинейры больно сжалось, когда она увидела, что он привязал собаку.

— Я тоже буду по многому скучать, но нам всем нужно научиться жить с этим.

Пес залаял, возражая, когда Джеймс приготовился навсегда покинуть конюшню.

— Я дарю его тебе. — Гвинейре хотелось, чтобы у Джеймса было хотя бы что-нибудь, напоминающее о ней. О ней и Флёр.

О днях, проведенных в горах. О показе собак во время свадьбы. Обо всем, что они делали вместе, о мыслях, которыми делились...

— Ты не можешь подарить его, потому что он не принадлежит тебе, — тихо произнес Джеймс. — Мистер Джеральд купил его тогда в Уэльсе, неужели ты не помнишь?

Как могла Гвинейра не помнить об этом! Уэльс, вежливые слова, которыми они тогда обменивались... Она посчитала его джентльменом, слегка необычным, но порядочным. Как же хорошо она помнила те первые дни, проведенные рядом с Джеймсом, когда она учила его секретам тренировки молодых собак. Он относился к ней серьезно, хотя она была всего лишь девочкой...

Гвинейра оглянулась. Щенки Клео уже выросли и были готовы к продаже, но все еще продолжали бегать за матерью, а следовательно, и за Гвинейрой. Женщина нагнулась и подняла самого крупного и красивого щенка. Маленькая сучка, почти черного цвета, с такой же улыбкой, как и у Клео.

— Но ее я могу тебе подарить. Она принадлежит мне. Пожалуйста,

возьми ее, Джеймс! — Она положила щенка на руки Джеймсу, и тот сразу же принялся лизать лицо новому хозяину.

Джеймс улыбнулся и стыдливо прищурился, чтобы Гвин не заметила слез.

— Ее зовут Пятница, так ведь? Пятница, спутник Робинзона в одиночестве...

Гвин кивнула.

— Ты не должен чувствовать себя одиноко... — прошептала она.

Джеймс погладил щенка.

— Теперь я не одинок. Большое спасибо, мисс Гвин.

— Джеймс... — Она подошла ближе и взглянула на него. — Как бы я хотела, чтобы это был твой ребенок, Джеймс.

Джеймс легко поцеловал ее, так нежно и спокойно, как это обычно делал Лукас.

— Желаю тебе счастья, Гвин. Счастья тебе.

Когда Джеймс уехал, Гвинейра не смогла сдержать слез. Она наблюдала за ним, стоя у окна, смотрела, как он скакал по полям, держа перед собой щенка. Он повернулся лицом к горам. Может, он хотел сократить путь до Холдона? Для Гвин это уже не имело никакого значения, она потеряла его. Она потеряла обоих мужчин. Кроме Флёр, у нее оставались лишь Джеральд и этот проклятый нежеланный ребенок.

Джеральд Уорден ни разу не заговорил с невесткой о ее беременности, даже после того, когда ее положение уже не вызывало никаких сомнений. Никто не обсуждал вопрос помощи во время родов, в дом не приглашали врача, который бы мог осмотреть будущую мать и проследить за протеканием беременности. Да и сама Гвинейра старалась как можно дольше игнорировать свое состояние. Вплоть до последних дней беременности она скакала верхом на самых горячих лошадях и пыталась не думать о предстоящих родах. Возможно, в условиях отсутствия квалифицированной помощи ребенок не выжил бы.

Вопреки ожиданиям Хелен чувства Гвинейры к будущему ребенку за все это время совсем не изменились. О первых движениях малыша в животе, которые так радовали ее в случае с Флёреттой, она даже не вспоминала. А когда ребенок толкался настолько сильно, что Гвинейра начинала стонать, она, вместо того чтобы сказать об очевидном здоровье малыша, лишь злобно говорила: «Сегодня он снова не дает мне покоя. Поскорее бы он из меня уже вышел!»

Хелен спрашивала себя, что Гвин имеет в виду. После рождения

ребенок никуда не исчезнет, а наоборот, громко заявит о своих правах. Возможно, хотя бы тогда в Гвинейре проснется материнский инстинкт.

Тем временем приближался срок родов у Кири. Молодая маори радовалась будущему ребенку и постоянно пыталась приобщить к этой радости свою хозяйку. Улыбаясь, Кири сравнивала обхват живота у обеих женщин и шутила, что, хотя ребенок Гвинейры был младше, живот у нее был больше. Живот у Гвин и в самом деле был просто огромный. Она всячески пыталась скрыть его под складками одежды, но иногда, в самые мрачные часы, Гвинейра начинала бояться, что у нее родятся близнецы.

— Это невозможно! — сказала Хелен. — Матахоруа заметила бы это.

Ронго тоже лишь улыбалась, услышав об опасениях хозяйки.

— Нет, внутри один ребенок. Но красивый, сильный. Нелегкие роды, мисс Гвин. Но не опасно. Моя бабушка сказать, что замечательный ребенок.

Когда у Кири начались схватки, Ронго исчезла. Будучи старательной ученицей Матахоруа, она пользовалась спросом в качестве повитухи и часто проводила ночь в деревне маори. На этот раз она, явно довольная, вернулась под утро. У Кири родилась здоровая девочка.

Уже через три дня после родов мать гордо показывала Гвинейре свою дочь.

— Я ее называть Марамма. Красивый имя для красивый ребенок. Значит «луна». Я брать ее с собой на работу. Она играть с ребенок мисс Гвин!

У Джеральда Уордена на это были свои взгляды, но Гвинейра оставила слова Кири без внимания. Если маори хотела, чтобы ребенок был всегда при ней, она могла брать его с собой на работу. Тем временем Гвин уже не боялась возражать Джеральду, и старик молча отступал. Распределение власти в Киворд-Стейшн поменялось, хотя Гвин и не понимала, что послужило причиной столь резких изменений.

В этот раз, пока Гвинейра лежала в схватках, никто, волнуясь, не стоял в саду и не сидел в гостиной, ожидая появления ребенка. Гвин не знала, поставил ли кто-нибудь Джеральда в известность о начавшихся родах, да это и не имело для нее никакого значения. Вероятно, старик снова проводил ночь в своей комнате с бутылкой виски, и, пока все не закончилось, он вряд ли смог бы осознать случившееся.

Как и предсказывала Ронго, роды протекали тяжелее, чем в случае с Флёреттой. Ребенок, которого Гвинейра так не хотела, был намного больше. Вынашивая Флёретту, она ценила каждую минуту, прислушивалась к каждому слову повитухи и старалась стать образцовой матерью. Теперь же она с каким-то оцепенением выносила схватки, иногда стоически, иногда с нетерпением превозмогая боль. При этом Гвинейру преследовали

воспоминания о боли, в которой был зачат этот ребенок. Ей казалось, что она снова ощущала вес Джеральда на себе, чувствовала запах его пота. Между схватками ее тошнило, она была слабой и разбитой и время от времени кричала от ярости и боли. Когда Гвинейра окончательно выбилась из сил, ей хотелось одного — умереть. Или же, что было бы лучше, чтобы умерло это существо, крепко цеплявшееся за ее тело подобно мерзкому паразиту.

— Да выйди ты уже наконец! — стонала она. — Выйди и оставь меня в покое...

После почти двух дней непрерывных мучений и ненависти ко всему, что заставило ее пережить такие страдания, Гвинейра родила сына. Единственное, что она чувствовала, было облегчение.

— Какой замечательный малыш, мисс Гвин! — просияла Ронго. — Как Матахоруа и говорить. Подождите, я вытереть его, и вы его держать. Мы ему давать немного времени, прежде чем перерезать пуповину...

Гвинейра яростно покачала головой.

— Нет, отрежь ее сейчас, Ронго. И унеси его отсюда. Я не хочу его держать. Я хочу спать... мне нужно отдохнуть...

— Но вы можете делать это одновременно. Посмотреть на ребенка сначала. Вот, разве не мило? — Ронго умело вытерла ребенка и приложила его к груди Гвинейры. Он начал посасывать грудь. Гвинейра отодвинула малыша от себя. Хорошо, что он был здоровым, все в нем, от пальчиков на ручках до маленьких ножек, было нормальным. Несмотря на это, он ей совсем не нравился.

— Унеси его отсюда, Ронго! — потребовала она приказным тоном.

Ронго не понимала.

— Но куда я его нести, мисс Гвин? Вы нужны ему. Он требует мама!

Гвин пожала плечами.

— Отнеси его мистеру Джеральду. Он так хотел наследника, теперь он его получил. Посмотрим, как он с ним справится. И оставьте меня в покое! Ненадолго, Ронго... Боже мой, нет, снова начинается... — Гвинейра застонала. — Не может же пройти еще три часа, пока выйдет плацента...

— Мисс Гвин устать. Это нормально, — успокаивала Кири взволнованную Ронго, когда та вошла с ребенком в кухню.

Кири и Моана мыли посуду после ужина, который Джеральд поглощал в одиночестве. Маленькая Марамба дремала в корзинке.

— Это ненормально! — не соглашалась Ронго. — Матахоруа помогать рожать тысячу детей, но ни одна мать не реагировать, как мисс Гвин.

— Ах, каждая мать по-разному... — уверяла ее Кири, вспоминая то

утро, когда она обнаружила Гвин на полу ее комнаты в разорванной одежде. Многие говорили о том, что ребенок был зачат той ночью. У Гвин были все причины не любить ребенка.

— И что я теперь делать с ребенком? — нерешительно спросила Ронго. — Я не могу принести его к мистер Джеральд. Он не может иметь рядом с собой дети.

Кири улыбнулась.

— Ребенок нужно молоко, а не виски. Начинать выпивать пока рано. Нет, нет, Ронго, просто оставить здесь. — Она спокойно расстегнула свое нарядное платье, обнажила упругую грудь и взяла ребенка из рук Кири. — Так лучше.

Новорожденный тут же принялся жадно сосать. Кири нежно покачивала его. Когда он наконец-то уснул у нее на груди, она положила его в корзинку к Мараме.

— Сказать мисс Гвин, мы его накормить.

Гвинейра ничего не хотела об этом знать. Она уже спала, а на следующее утро тоже не поинтересовалась состоянием малыша. И вообще, впервые она показала какие-то чувства, когда Вити принес в комнату букет цветов и указал на висящую на нем открытку, на которой было написано «От мистера Джеральда».

На лице Гвинейры появилось выражение отвращения и ненависти, но ей также было любопытно, что было написано внутри.

Спасибо тебе за Пола Джеральда Теренса.

Гвинейра вскрикнула, разбросала цветы по комнате и разорвала открытку в клочья.

— Вити! — приказала она перепуганному слуге. — Или лучше Ронго, у тебя-то наверняка найдутся нужные слова! Сейчас же пойдя к мистеру Джеральду и скажи ему, что либо ребенка будут звать просто Пол Теренс, либо же я задушу его прямо в колыбели!

Вити не понял, что произошло, но на лице Ронго появилось выражение ужаса.

— Я сказать ему, — тихо пообещала горничная.

Через три дня наследника Уордена крестили под именем Пола Теренса Лукаса. Его мать не принимала участия в праздновании, она чувствовала недомогание. Но слуги знали о настоящей причине ее отсутствия — за все это время Гвинейра ни разу даже не посмотрела на ребенка.

— Когда ты наконец-то покажешь мне Пола? — с нетерпением спросила Хелен.

Сразу после родов Гвинейра, конечно же, не могла скакать, но и теперь, четыре недели спустя, она приехала в карете только с Флёреттой. Уже в третий раз она приезжала не верхом, и было заметно, как она устала от поездки. Хелен спрашивала себя, почему Гвинейра не взяла с собой младенца. После рождения Флёр Гвин не могла дожидаться, чтобы представить по дуге свою маленькую дочь. Новорожденного сына она даже не вспоминала. Теперь же, когда Хелен задала конкретный вопрос о ребенке, Гвинейра лишь махнула рукой.

— Ах, скоро. Таскать его за собой — сплошная проблема, и он все время кричит, когда его отнимают у Кири с Марамой. С ними он чувствует себя хорошо, так что... Что я могу поделать?

— Но мне хотелось бы его увидеть, — настаивала на своем Хелен. — В чем проблема, Гвин? С ним что-то не так?

Сразу же после прибытия Гвинейры Флёретта и Рубен отправились на поиски приключений, а дети из племени маори сегодня не пришли в школу, поскольку в их деревне был праздник. Хелен посчитала этот день идеальным, чтобы расспросить подругу обо всех деталях.

Гвинейра же равнодушно покачала головой.

— Что может быть не так? С ним все в порядке. Крепкий ребенок, к тому же наконец-то мальчик. Я выполнила свой долг и сделала все, что от меня требовалось. — Она провела пальцем по чайному блюдечку. — А теперь расскажи мне, что у тебя новенького? Установили орган в церкви Холдона? И как только священник переживет то, что ты будешь на нем играть, раз уж мужчин-органистов не нашлось!

— Забудь об этом дурацком органе, Гвин! — Хелен попыталась скрыть свою беспомощность за грубыми словами. — Я спросила тебя о твоём ребенке! Что с тобой не так? О любом щенке ты рассказываешь с большим вдохновением, чем о Поле. И это при том, что он твой сын... ты должна быть вне себя от счастья! А что говорит гордый дедушка? В Холдоне уже ходят слухи, будто с ребенком что-то не так, раз Джеральд даже не заикается о внуке во время попоек в пабе.

Гвинейра пожала плечами.

— Я не знаю, о чем думает Джеральд. Давай поговорим о чем-нибудь

другом.

И она с напускным спокойствием взяла кусочек печенья.

Хелен захотелось встряхнуть из подружки нормальный ответ.

— Нет, мы не будем говорить о чем-то другом! Говори мне прямо сейчас, что случилось? С тобой, или с ребенком, или Джеральдом что-то явно не так! Ты злишься на Лукаса, поищу что он покинул тебя?

Гвин покачала головой.

— Об этом я уже давно забыла. У него, вероятно, были свои причины.

Собственно, она и правда не знала, что чувствует по отношению к Лукасу. С одной стороны, Гвин обуревала ярость, так как муж оставил ее в сложной ситуации одну, с другой же, она прекрасно понимала, почему он сбежал. В целом чувства Гвинейры практически не изменились со времени ухода Лукаса из Киворд-Стейшн и рождения Пола; создавалось впечатление, что между ней и остальным миром была невидимая стена. Если она ничего не чувствовала, значит, ее никто не мог обидеть.

— Эти причины никак не связаны с тобой? Или с ребенком? — продолжала донимать подругу Хелен. — Не ври мне, Гвин, ты должна отдавать себе отчет в том, что происходит. Вскоре все вокруг начнут говорить об этом. В Холдоне уже ходят сплетни, да и маори перешептываются между собой. Ты знаешь, что они совместно воспитывают детей и слово «мать» имеет у них несколько иное значение, чем у нас, поэтому Кири не против ухаживать за Полом. Но такая отстраненность от ребенка... Ты должна попросить совета у Матахоруа!

Гвин покачала головой.

— И что она мне посоветует? Вернуть как-нибудь Лукаса? Может, она... — Гвинейра испуганно запнулась. Она чуть не проговорила о том, что не должен был узнать никто на свете.

— Возможно, она помогла бы тебе наладить отношения с ребенком, — продолжала Хелен. — Почему он плачет, когда ты берешь его на руки? У тебя не хватает молока?

— У Кири молока хватит на двоих... — рассеянно произнесла Гвинейра. — К тому же я леди. В Англии таким женщинам, как я, не принято кормить младенцев грудью.

— Ты с ума сошла, Гвинейра? — Хелен покачала головой. Теперь она по-настоящему разозлилась на подругу. — Думай, прежде чем говорить. В эти твои штучки с леди никто не поверит. Кстати, может быть, Лукас уехал, потому что ты уже была беременной?

Гвин покачала головой.

— Он вообще не знает о ребенке... — тихо сказала она.

— То есть ты ему изменила? Об этом уже болтают в Холдоне, и если дело пойдет и дальше так, то...

— Черт побери, сколько раз я должна тебе повторять? Этот проклятый ребенок — Уорден!

Гнев Гвинейры внезапно выплеснулся наружу, и она расплакалась. Она не заслуживала такого. Пытаясь зачать Флёр, она вела себя очень осторожно, никто даже не усомнился в законности происхождения ее девочки. А настоящего Уордена теперь все считали внебрачным?

Хелен напряженно думала, пока Гвинейра продолжала рыдать. Лукас не знал ничего о беременности — прошлые же проблемы Гвинейры с зачатием ребенка, по мнению Матахоруа, были связаны именно с ним. Но если отцом этого ребенка был Уорден, то...

— Боже мой, Гвин... — Хелен знала, что никогда не сможет произнести вслух то, что только что пришло ей в голову, но теперь она четко представляла себе, как именно развивались события той ночью.

Значит, Гвинейра забеременела от Джеральда Уордена, и, по всей видимости, согласия женщины на это он не спросил. Пытаясь утешить подругу, Хелен обняла Гвинейру.

— О, Гвин, я такая дура. Мне нужно было сразу догадаться. Вместо этого я мучила тебя своими расспросами. Но ты... тебе нужно обо всем этом забыть! Поверь, не важно, кто именно отец Пола. Он — твой сын!

— Я ненавижу его! — всхлипывала Гвинейра.

Хелен покачала головой.

— Глупышка. Нельзя ненавидеть маленького ребенка. Что бы ни произошло, Пол в этом не виноват. У него есть право на материнское тепло, Гвин. Точно так же, как у Флёр и Рубена. Ты думаешь, я получала особое удовольствие, когда спала с Говардом?

— По крайней мере ты делала это по своей воле! — вспыхнула Гвинейра.

— Ребенку все равно. Пожалуйста, Гвинейра, хотя бы попытайся! Возьми ребенка с собой, представь его женщинам в Холдоне, покажи, как ты им гордишься! А когда-нибудь ты сможешь и полюбить его!

Слезы принесли Гвинейре облегчение, кроме того, теперь Хелен знала всю правду, хотя для этого Гвин ничего не пришлось рассказывать самой. Ее подруга ни на минуту не усомнилась, что Гвинейра не могла переспать с Джеральдом по своей воле, — подобные мысли преследовали Гвинейру с тех пор, как она узнала о беременности. Когда Джеймс уехал, похожие слухи начали распространяться среди конюхов, и Гвин была рада, что хотя бы Джеймс МакКензи никогда не узнает об этом. Она не вынесла бы

очередного допроса бывшего возлюбленного. При этом Гвинейра прекрасно понимала ход мыслей ее слуг и друзей, которые сделали такие выводы. Когда Лукас окончательно перестал приходить к Гвинейре по ночам, единственно возможным решением стало зачатие наследника с Джеральдом. Гвин задавалась вопросом, почему такая идея не пришла ей в голову раньше, еще до Флёретты, — возможно, причиной тому было агрессивное поведение отца Лукаса по отношению к девушке. Из-за этого она боялась оставаться с ним наедине и избегала разговоров. Джеральд, должно быть, тоже раздумывал над подобным развитием событий, и, вероятно, такие мысли даже были причиной его злости и алкоголизма: этот защитный механизм не давал Джеральду воплотить в жизнь запретную похоть и ужасный замысел о зачатии «на скорую руку» собственного «внука».

По пути домой Гвин, управляя каретой, глубоко погрузилась в раздумья. К счастью, ей не нужно было занимать чем-либо Флёретту; девочка гордо и счастливо скакала рядом с повозкой. Джордж Гринвуд подарил маленькому Полу на крещение пони — наверняка он заранее планировал этот подарок и заказал лошадку в Англии, едва услышав о беременности Гвинейры. Естественно, Флёретта забрала лошадку себе и сразу же стала прекрасно справляться с ней. Она явно не собиралась отдавать пони, когда Пол вырастет. Гвин нужно было подумать, что делать в такой ситуации, но у нее еще было время. Сначала ей необходимо разобраться с другой проблемой — в Холдоне все считали Пола внебрачным ребенком. Нельзя было допускать, чтобы о наследнике Урдена ходили такие слухи. Гвинейра должна защитить свою честь и честь своего имени!

Приехав наконец-то в Киворд-Стейшн, она отправилась к себе в комнату в поисках ребенка. Как и ожидалось, колыбель была пуста. Спустя какое-то время Гвинейра обнаружила Кири в кухне с обоими младенцами, мирно сосущими грудь.

Гвин заставила себя улыбнуться.

— Это мой малыш, — сказала она дружелюбным тоном. — Когда он наестся, Кири, можно... можно я его подержу?

Если Кири пожелание хозяйки и показалось странным, она не подала виду. Вместо этого она, просяя, сказала:

— Конечно! Радоваться видеть мама!

Но Пол никак не радовался неожиданному вниманию со стороны Гвинейры. Он начал реветь, как только Гвин взяла его из рук Кири.

— Он не хочет, — смущенно пробормотала Кири. — Просто не

привыкнуть.

Гвин качала ребенка на руках и старалась побороть в себе возрастающее недовольство и нетерпение. Хелен была права, ребенок не виноват. И если уж быть объективной, Пол был очень хорошеньким ребенком. У него были большие ясные, круглые, как камешки, глаза, которые все еще не утратили своей синевы. Его волнистые непослушные волосы уже начали темнеть, а благородная форма губ напоминала Гвинейре Лукаса. Научиться любить этого ребенка было совсем не тяжело... но для начала ей нужно было опровергнуть слухи, ходившие в округе.

— Теперь я буду чаще брать его на руки, чтобы он привык ко мне, — объяснила она озадаченной, но счастливой Кири. — А завтра утром я поеду с ним в Холдон. Ты можешь поехать с нами, если хочешь. В качестве его воспитательницы...

«Тогда он хотя бы не будет орать все время», — подумала Гвин, когда прошло полчаса, а Пол, находясь в руках родной матери, так и не успокоился. Лишь когда она положила его рядом с Марамой в импровизированную колыбель, малыш утих. Кири с удовольствием носилась бы с детьми целый день, но Джеральд не разрешал этого во время работы, поэтому она вернулась к своим обязанностям, а Моана, продолжая готовить обед, начала петь детям песню. У маори любая представительница женского пола считалась матерью.

Миссис Кендлер и Дороти были в восторге, оттого что наконец увидели наследника Уордена. Миссис Кендлер подарила соску и никак не могла насмотреться на маленького Пола. Гвинейре было совершенно ясно, что это был тест на целостность всех частей тела младенца, поэтому она охотно разрешила старой подруге перепеленать и покачать на руках Пола. Малыш был в хорошем настроении. Очевидно, тряска в карете понравилась и ему, и Мараме. Оба младенца сладко поспали во время поездки, а перед самым прибытием Кири еще и покормила их. Теперь дети бодрствовали, и Пол внимательно смотрел на миссис Кендлер своими огромными глазами. Он энергично двигал ножками и ручками. Такое поведение ребенка помогло преодолеть опасения холдонских женщин насчет того, что наследник Уордена мог быть инвалидом. Оставались лишь сомнения в его происхождении.

— Темные волосы! И длинные реснички! Прямо вылитый дедушка! — ворковала миссис Кендлер.

Гвинейра также обратила ее внимание на очертания рта и ямочку на подбородке Пола, которая присутствовала как у Джеральда, так и у Лукаса.

— А отец осведомлен о своем счастье? — вмешалась в разговор еще одна матрона, которая как раз прервала свои покупки, чтобы взглянуть на ребенка. — Или его все еще... ох, простите меня, это совершенно не мое дело!

Гвинейра лучезарно усмехнулась.

— Само собой разумеется! Хотя у нас еще и не было возможности передать ему наши поздравления. Мой супруг сейчас находится в Англии, миссис Бреннермен, даже если это и не по нраву моему свекру. С этим и связана такая таинственность его исчезновения, вы же понимаете. Лукас получил приглашение от известной лондонской галереи, где выставлены его работы...

Последнее даже не было ложью. Джордж Гринвуд на самом деле представил работы Лукаса на рассмотрение одновременно нескольких галерей в столице Англии. Гвин получила эти новости, когда ее супруг покинул Киворд-Стейшн. Но этого холдонским дамам знать было необязательно.

— Это же замечательно, — обрадовалась миссис Кендлер. — А мы было подумали... Ах, забудьте! А гордый дедушка? Мужчины в пабе, должно быть, пропустили праздник в честь рождения наследника?

Гвинейра придала своему лицу расслабленное и одновременно слегка озабоченное выражение.

— В последнее время мистер Джеральд не очень хорошо себя чувствует, — сказала она. Ее слова были близки к действительности, так как Уорден каждый день боролся с последствиями накануне выпитого виски. — Конечно же, он собирается отметить рождение наследника. Возможно, мы снова устроим большой праздник в саду, хотя крещение и прошло весьма скромно. Но мы это наверстаем, не так ли, Пол? — Она взяла ребенка у миссис Кендлер и поблагодарила Бога за то, что сын не начал кричать.

На этом, собственно говоря, «тестирование» закончилось. Тема разговора переместилась с жизни в Киворд-Стейшн на свадьбу Дороти и младшего сына Кендлеров. Старший сын уже два года был женат на Франсин, молодой повитухе, средний же путешествовал по миру. Миссис Кендлер сообщила, что недавно она получила от него письмо из Сиднея.

— Мне кажется, он влюбился, — сказала она, лукаво улыбнувшись.

Гвинейра искренне радовалась за молодую пару, хоть и могла довольно живо представить, что ожидало миссис Кендлер. Слухи о том, что «Леон Кендлер женится на бывшей преступнице из залива Ботани», скоро должна была вытеснить не столь уж интересную новость о Лукасе Уордене,

«который выставляет свои картины в лондонской галерее».

— Можете спокойно прислать ко мне Дороти за свадебным платьем, — приветливо сказала она на прощание. — Я когда-то пообещала ей одолжить свое, если дело дойдет до свадьбы.

«Может, хотя бы Дороти это платье принесет счастье», — думала Гвин, возвращаясь к карете в сопровождении Кири с младенцами.

Поездку в Холдон можно было считать успешной.

Теперь нужно было разобраться с Джеральдом...

— Мы устроим празднование! — объявила Гвинейра, едва переступив порог дома. Она решительно выхватила бутылку виски из рук Джеральда и заперла ее за стеклянной дверцей буфета. — Мы сейчас же начнем готовиться к его проведению, а для этого тебе нужно трезво мыслить.

Но Джеральд уже успел слегка опьянеть. По крайней мере его взгляд был остекленевшим, хотя он явно пытался проследить за ходом мыслей Гвинейры.

— Что... что нам п... праздновать? — спросил он заплетающимся языком.

Гвинейра взглянула на него.

— Рождение твоего «внука»! — сказала она. — Как известно, подобное событие считается радостным, если, конечно, ты еще что-нибудь помнишь о нормальных человеческих отношениях! И весь Холдон ждет, что ты отметишь появление наследника должным образом.

— Хо... хороший п... праздник... Мать надутая, а о... отец где-то лазит... — издевательски произнес он.

— В том, что Лукас и я не проявляем должного восхищения, ты, разумеется, ни в коем случае не виноват! — зло бросила Гвинейра ему в ответ. — Но, как видишь, я не дуюсь. Я буду присутствовать на празднике, буду улыбаться, а ты... ты прочитаешь письмо от Лукаса, который, к сожалению, в данный момент находится в Англии. Уже пора, Джеральд! В Холдоне все только и говорят про нас. Ходят слухи, что Пол... в общем, что он не Уорден...

Праздник состоялся через три недели в саду Киворд-Стейшн. Шампанское снова лилось рекой. Джеральд был снисходителен и даже разрешил устроить фейерверк. Гвинейра натянуто улыбалась и рассказывала гостям, что Пола назвали в честь обоих прадедушек. Кроме того, она не переставала указывать многочисленным гостям на очевидное сходство сына с Джеральдом. Сам же Пол мирно дремал в объятиях своей няньки. Гвин опасалась самостоятельно представить его обществу. Ребенок

кричал как резаный, когда она носила его на руках, и раздражался, чувствуя ее прикосновение. Гвинейра осознала, что ей придется впустить ребенка в сердце и дать ему возможность укрепить свое положение. Несмотря на это, она не могла полюбить мальчика. Пол оставался для нее чужим, и, что еще хуже, каждый раз, когда Гвинейра смотрела на его лицо, она видела перед собой похотливую рожу Джеральда в злополучную ночь зачатия.

Когда праздник наконец-то завершился, Гвинейра укрылась ото всех в конюшне и дала волю слезам, уткнувшись в роскошную гриву Игрэн. Так она успокаивалась еще в детстве, когда чувствовала что-нибудь безысходное. Гвинейра лишь хотела, чтобы все это никогда не произошло. Она тосковала по Джеймсу и даже по Лукасу. Гвинейра по-прежнему ничего не слышала о своем супруге, а поиски, организованные Джеральдом, не принесли никакого результата. Страна была попросту слишком большой. Тот, кто хотел исчезнуть, обычно оставался незамеченным.

— Бей же, в конце-то концов, Люк! Один раз с силой ударь его по голове сзади. Он даже ничего не заметит!

Давая указания, Роджер расправлялся с очередным ревуном по всем правилам охоты на тюленей: животное умирало, а мех при этом оставался неповрежденным. Охотники убивали тюленей толстой дубинкой, нанося удар по затылку. Если при этом и проливалась кровь, то лишь из носа молодого тюленя. Сразу же после этого охотники начинали сдирать шкуру, даже не пытаясь выяснить, умерло животное или еще нет.

Лукас Уорден поднял дубинку и... снова опустил ее. Он просто не мог пересилить себя и ударить животное, которое доверчиво смотрело на него своими огромными детскими глазами. Кроме того, матери маленьких тюленей жалобно скулили вокруг него. Мужчинам же был важен только особенно мягкий и ценный мех детенышей ластоногих. Они бродили по отмели, где тюлени растили свое потомство, и убивали малышей прямо на глазах у их родителей. Скалы у берега залива Тауранга покраснели от крови, и Лукас с трудом сдерживал в себе тошноту. Ему было непонятно, почему мужчины вели себя так жестоко. Страдания животных интересовали их меньше всего; они даже шутили по поводу того, насколько мирно и беззащитно тюлени поджидали своих убийц.

Лукас отправился с группой охотников на тюленей три дня назад, но до сих пор не убил ни одного животного. Сначала вокруг, казалось, никто не замечал, что он помогал лишь снимать шкуры и носить их на корабль. Но теперь все настойчиво стали требовать, чтобы он тоже начал участвовать в охоте. Лукаса продолжало тошнить. Неужели это определяло мужественность? Что в убийстве беззащитных животных было честнее и порядочнее, чем в любви к стихам и живописи? Но Лукас устал задавать себе подобные вопросы. Он был здесь, чтобы доказать самому себе, что он сможет выполнять именно ту работу, которая помогла заложить основы богатства его отца. Сначала Лукас хотел устроиться на китобойное судно, но затем позорно отступил. Ему стыдно было в этом признаться, но он попросту сбежал — и это несмотря на то, что им уже был подписан договор, а мужчина, нанявший Лукаса, ему симпатизировал...

Лукас познакомился с Коппером, темноволосым китобоем с угловатым мрачным лицом типичного жителя побережья, в одном из пабов под

Греймутом. Это произошло сразу же после побега с Киворд-Стейшн, когда он был настолько исполнен ненависти и ярости к Джеральду, что не мог ясно мыслить. Тогда он без долгих размышлений отправился на западное побережье, настоящее Эльдorado для «суровых мужчин», которые гордо называли себя *coasteri* зарабатывали на жизнь китобойным промыслом, охотой на тюленей и поисками золота. Лукас хотел доказать, что он может сам заработать свое золото, что он — «настоящий мужчина». Позже он вернется домой сказочно богатым, нагруженным... чем? Золотом? Тогда ему следовало вооружиться лопатой и ситом для просеивания золотых крупинок и отправиться в горы, вместо того чтобы пытаться попасть на китобойное судно. Но так далеко в будущее Лукас не заглядывал. Ему хотелось просто уехать, желательно уплыть на корабле — тогда он смог бы превзойти своего отца при помощи его же собственного оружия. Но когда после долгой и богатой приключениями скачки верхом Лукас достиг Греймута, он обнаружил лишь бедное поселение, в котором, кроме трактира и пристани для кораблей, ничего больше не было. Все же в пабе Лукасу удалось найти сухой уголок, где можно было отдохнуть. Впервые за много дней он находился в настоящем доме. Одежда все еще была сырым и грязным после ночлега под открытым небом. Лукас с удовольствием искупался бы в ванне, но к такому комфорту в Греймуте не привыкли. Лукаса это не удивляло. «Настоящие мужчины» мылись довольно редко. Вместо воды рекой лились пиво и виски, и уже после нескольких бокалов Лукас, собравшись с духом, рассказал Копперу о своих планах. Суровый житель побережья не сразу ответил ему.

— Ты не выглядишь как китобой, — заметил Коппер, всматриваясь в худое лицо Лукаса и его красивые серые глаза. — Но и не слабак... — Мужчина схватил Лукаса за предплечье и пощупал мускулы. — Почему бы и нет? Другим тоже приходилось учиться держать в руках гарпун. — Он засмеялся, но после этого пристально посмотрел на Лукаса. — Но выдержишь ли ты в одиночестве три или четыре года подряд? Не будешь ли скучать по портовым красавицам?

Лукас уже слышал, что теперь нужно заключать договор на два-три года, чтобы поступить на службу на китобойное судно. Раньше с легкостью можно было поймать кашалота прямо у побережья Южного острова, маори удавалось охотиться на животных даже со своих каноэ, но теперь эти золотые годы прошли. Прибрежных китов практически полностью истребили. Чтобы их найти, приходилось заплывать далеко в открытое море и пребывать вдали от берега неделями, если не годами. Но об этом Лукас беспокоился меньше всего. Мужская компания прельщала его, так

как существовала вероятность, что здесь он не отличался бы от всех остальных так сильно, как в Киворд-Стейшн, где он был сыном «овечьего барона». Он справился бы с трудностями — нет, он даже добился бы уважения и признания окружающих! Лукас принял твердое решение, да и Коппер, казалось, тоже был не против. Он смотрел на Лукаса с интересом, хлопал его по плечу, поглаживал его по руке с видом опытного моряка и китобоя. Лукасу было слегка стыдно за свои ухоженные руки, отсутствие на них мозолей и пока что все еще относительно чистые ногти. В Киворд-Стейшн над ним все время смеялись, когда он регулярно чистил их, но Коппер не делал никаких замечаний.

Наконец Лукас последовал за своим новым другом на корабль, подписал контракт на три года, в течение которых он обязан был находиться на «Притти Пег», а Коппер представил его шкиперу. Судно было небольшим, но, казалось, обладало такой же прочностью, как и его хозяин. Шкипер Роберт Милфорд был невысокого роста, но при этом состоял из одних мышц. Коппер отзывался о нем с уважением и расхваливал его способности главного гарпунщика. Милфорд поприветствовал Лукаса мощным рукопожатием, сообщил ему о размере зарплаты, оказавшейся до ужаса маленькой, и велел Копперу показать новичку его койку. «Притти Пег» готовился к отплытию. У Лукаса оставалось лишь два дня, чтобы продать свою лошадь, погрузить вещи на борт китобойного судна и занять грязные нары рядом с Коппером. Поначалу он был не против таких условий. Если бы Джеральд отправился на поиски сына, Лукас вскоре был бы уже далеко в открытом море, прежде чем новости о его исчезновении могли достигнуть Греймута.

Но пребывание на борту быстро отрезвило Лукаса. Уже в первую ночь блохи не дали ему нормально поспать; кроме того, его мучила морская болезнь. Лукас никак не мог взять себя в руки — каждый раз, когда корабль качало на волнах, его желудок протестовал. В темной каюте было еще хуже, чем на палубе, поэтому он решил ночевать снаружи. Но холод и сырость — во время шторма палубу заливало водой — заставили его быстро вернуться в каюту. Мужчины снова начали смеяться над ним, но в этот раз ему было не так обидно, потому что Коппер встал на его сторону.

— Он неплохой парень, наш Люк! — добродушно заметил он. — Но сперва ему нужно привыкнуть. Вот подождите, пока он пройдет крещение ворванью. Он всем еще покажет, поверьте мне!

Коппер пользовался уважением у членов экипажа. Он был не только отличным бортовым плотником, но и первоклассным охотником.

Его дружба была полезна Лукасу, а когда Коппер незаметно пытался

прикоснуться к нему, это было довольно приятно. Возможно, такие прикосновения даже приносили бы настоящее удовольствие Лукасу, если бы условия гигиены на «Притти Пег» не были настолько ужасными. На корабле было немного пресной воды, и никто даже мысли не допускал, чтобы использовать ее для мытья. Мужчины не брились, сменного белья у них тоже не было. Уже через несколько ночей от китобоев и их кают воняло хуже, чем в хлеву в Киворд-Стейшн. Лукас кое-как попытался помыться морской водой, но это было нелегко и приводило к новым приступам смеха у членов экипажа. Лукас чувствовал себя грязным, все его тело было покрыто следами от укусов блох, и ему было стыдно за свое состояние. При этом стыдиться было совершенно необязательно: остальные мужчины, казалось, были довольны обществом друг друга и не воспринимали вонь немывших тел. Лукас был единственным, кого это беспокоило.

Корабль был довольно маленьким, им можно было управлять и при помощи гораздо меньшего экипажа. Работа находилась для всех лишь после начала охоты. Поэтому мужчины пытались всячески скоротать свободное время. Они рассказывали друг другу разные истории, при этом постоянно врали, пели непристойные песни, а также играли в карты. Раньше Лукас считал покер и блек-джек занятием, недостойным джентльмена, тем не менее он был знаком с правилами игры, поэтому не выделялся среди остальных. К сожалению, он не унаследовал таланта своего отца. Лукасу не удавалось блефовать, а мимика постоянно выдавала его намерения. По его лицу сразу было понятно, о чем он думал, а мужчины не давали ему поблажки. За короткое время Лукас проиграл ту маленькую сумму денег, которую взял с собой с Киворд-Стейшн, и многим был должен. У него наверняка начались бы неприятности, если бы Коппер снова не заступился за него. Он настолько симпатизировал Лукасу, что у того уже начали появляться мысли по этому поводу. Такое неведение не было ему неприятно, но когда-нибудь кто-то наверняка заметит это! Лукас до сих пор с отвращением вспоминал о подозрениях пастухов в Киворд-Стейшн, когда они поняли, что ему больше по душе компания юного Дейва, нежели опытных мужчин. Замечания же охотников на «Притти Пег» пока что были в рамках дозволенного. Среди мужчин на китобойных судах часто встречалась крепкая дружба, а по ночам из соседних кают иногда доносились звуки, которые вгоняли Лукаса в краску, одновременно пробуждая в нем страсть и зависть. Было ли это тем самым, о чем он мечтал в Киворд-Стейшн и о чем думал, пытаясь заниматься любовью с Гвинейрой? Лукас догадывался, что именно происходило за стенкой, но мысль о любовных отношениях в подобных условиях приводила его в

смятение. Не было ничего привлекательного в том, чтобы обнимать вонючее немытое тело, каким бы оно ни было — мужским или женским. Это тоже никак не было связано с единственным известным Лукасу примером отношений между мужчинами, вычитанным им в книге идеалом греческого ментора, который брал к себе в ученики юношу, чтобы дарить ему не только любовь, но и свои мудрость и жизненный опыт.

Если бы Лукас позволил себе признаться, то он ненавидел каждую минуту своего пребывания на «Притти Пег». Ему казалось невыносимым провести в подобных условиях четыре года, но Лукас не видел никакой возможности разорвать свой контракт. К тому же еще несколько месяцев корабль ни разу не пристал бы к берегу. Любая мысль о побеге была бесполезной. Лукасу оставалось лишь надеяться, что когда-нибудь он сможет привыкнуть к узким койкам, бушующим волнам и нестерпимой вони. Последнее оказалось самым легким. Уже через несколько дней он почувствовал меньшее отвращение к Копперу и остальным членам экипажа — возможно, потому что от него самого исходил такой же запах. Морская болезнь тоже постепенно проходила; бывали дни, когда Лукаса тошнило лишь раз в сутки.

Но затем пришла пора первой охоты, которая изменила все.

Шкиперу серьезно повезло, когда штурман «Притти Пег» уже через две недели после отплытия увидел первого кашалота. Его радостные крики разбудили членов экипажа, которые все еще лежали в своих койках этим ранним утром. Такая новость сразу же подняла всех на ноги, и моряки со скоростью ветра понеслись на палубу. Они с радостью предвкушали охоту, что было неудивительно. В случае успеха охотников ожидала премия, которая существенно улучшила бы их скудную плату. Когда Лукас поднялся на палубу, он сразу же посмотрел на шкипера, который, нахмутив лоб, наблюдал за китом, резвившимся в волнах недалеко от побережья Новой Зеландии.

— Великолепный экземпляр! — радовался Милфорд. — Огромный! Надеюсь, мы его поймаем! Если нам это удастся, то уже сегодня мы наполним половину бочек! Этот кит жирный, как свинья перед забоем!

Мужчины засмеялись во все горло, в то время как Лукас, наблюдая за величественным созданием, бесстрашно плавающим рядом с кораблем, никак не мог представить кита в качестве добычи. Для Лукаса это была первая встреча с огромным морским млекопитающим. Могучий кашалот, почти такой же по размеру, как и «Притти Пег», элегантно скользил по волнам, подпрыгивал в воздух, исполненный жизненной силы, и вращался,

как резвая лошадь. Как они могли убить это огромное животное? И почему они вообще были заинтересованы в том, чтобы уничтожить подобную красоту? Лукас не мог наглядеться на грацию и легкость, которые показывал кит, несмотря на свою огромную массу.

Остальных мужчин это совершенно не интересовало. Они уже разделились на группы и собрались вокруг рулевого. Коппер подозвал Лукаса к себе. Очевидно, он тоже принадлежал к тем, у кого под управлением была собственная шлюпка.

— Теперь пора отправляться!

Шкипер возбужденно бегал по палубе и наблюдал за приготовлением лодок к отплытию. Основной состав экипажа действовал при этом как одна слаженная команда. Моряки запускали на воду маленькие стабильные весельные лодки — по шесть человек на веслах; кроме них в шлюпке находились рулевой и гарпунщик, иногда еще и штурман. Гарпуны показались Лукасу крошечными по сравнению с животным, которое они должны были убить. Но Коппер лишь засмеялся, когда Лукас спросил его насчет этого.

— Эх, парень, главное — это количество! Естественно, один выстрел лишь пощекочет кита. Но шесть выведут его из строя. К тому же наш шкипер не жадный. Если мы поймаем этого великана, то каждому из нас перепадет еще по паре долларов. Так что за работу, Люк!

Море сегодня было спокойным, и лодки быстро приближались к киту, который и не думал уплывать прочь от преследователей. Наоборот, движение лодок вокруг него казалось морскому великану забавным, и он даже пару раз подпрыгнул в воздух, как будто стараясь таким образом порадовать людей, — пока в него не попал первый гарпун. Один из китобоев вонзил свое копьё киту в плавник. Испуганный и разозленный кит начал двигаться быстрее и направился прямо на лодку Коппера.

— Осторожно с хвостом! Если кита серьезно поранить, то он начинает бить хвостовым плавником. Не подплывайте слишком близко, парни!

Коппер давал указания, а сам тем временем целился в грудную клетку млекопитающего. В конце концов он попал в кита со второго раза, причем удар был гораздо точнее. Казалось, кит начал ослабевать. Теперь на животное обрушился настоящий дождь из гарпунов. Со смешанным чувством восторга и отвращения Лукас наблюдал за тем, как кит извивался под ударами гарпунов и пытался уплыть, хотя деваться ему уже было некуда. Гарпуны были прикреплены к канатам, с помощью которых животное буксировали за кораблем. Кит почти обезумел от боли и страха. Он пытался вырваться из оков, и ему действительно удалось избавиться от

одного из гарпунов. Однако кровь лилась из десятка ран, и вода вокруг кита покрылась красной пеной. Картина безжалостного забоя величественного создания казалась Лукасу омерзительной. Борьба колосса со своими противниками длилась не один час, и мужчины полностью обессилели, управляя веслами, стреляя и пытаясь удержать кита на канатах. Лукас даже не заметил, что у него на руках образовались и лопнули пузыри. Он также не чувствовал страха, когда Коппер решительно подбирался к умирающему животному, все больше сокращая расстояние и пытаясь отличиться от остальных моряков. Лукас ощущал лишь внутреннее сопротивление и сочувствие к киту, отчаянно борющемуся за свою жизнь до последнего вздоха. Лукас не мог понять, как он оказался в этом неравном бою, но ему не хотелось бросать других членов экипажа. Теперь он был участником происходившего и его жизнь тоже зависела от того, сумеют ли они справиться с китом. Время на размышление у него появится позже...

Наконец кит перестал двигаться. Лукас не знал, умер ли тот или просто совершенно обессилел, но мужчины теперь могли спокойно тащить его за кораблем. А затем все стало еще хуже, так как началось разделывание туши. Мужчины вонзали длинные ножи в тело кита, чтобы вырезать жир, который сразу же вываривали на корабле, пока он не превращался в ворвань. Лукас надеялся, что животное действительно умерло, когда от него начали отрезать куски, которые затем бросали на палубу. Спустя несколько минут все извозились в крови и жире. Кто-то раскроил киту голову, чтобы достать оттуда вожденный спермацет. Коппер рассказывал Лукасу, что из него изготавливали свечи, мыло и другие косметические продукты. Другие искали в кишечнике дорогостоящую амбру, одно из основных веществ, применяемых в парфюмерии. Вокруг ужасно воняло, и Лукаса трясло, когда он думал о духах, которыми он и Гвинейра когда-то пользовались в Киворд-Стейшн. Он никогда и подумать не мог, что составляющие парфюмерии были добыты из вонючих внутренностей жестоко убитого животного.

Тем временем под огромными котлами развели огонь и запах топленого китового жира заполнил корабль. Воздух, казалось, пропитался жиром, так что даже дышать стало трудно. Лукас склонился над поручнями, но не мог избавиться от запаха рыбы и крови. Его сильно тошнило, но желудок уже давно был пуст. Лукасу хотелось пить, однако он не мог представить себе, чтобы что-нибудь отличалось по вкусу от ворвани. Он начал припоминать, как в детстве ему в рот вливали рыбий жир и какие мерзкие ощущения он при этом испытывал. И теперь Лукас застрял посреди кошмара из огромных кусков жира и мяса, которые матросы

бросали в вонючие котлы, чтобы затем разлить готовую ворвань по бочкам. Матрос, отвечающий за наполнение и укладку бочек, попросил Лукаса помочь ему лучше запечатать содержимое. Лукас согласился и принялся за дело, стараясь не смотреть в котлы, в которых плавали части кита.

Остальные мужчины, судя по всему, совершенно не испытывали отвращения. Наоборот, запах рыбы возбуждал их аппетит; они радовались, что теперь можно было приготовить свежее мясо. К всеобщему сожалению, мясо кита нельзя было долго хранить — оно слишком быстро портилось, — поэтому большую часть туши после разделки обычно оставляли плавать в море. И все же мяса хватило на два дня. Лукас точно знал, что не притронется к нему.

Наконец животное полностью выпотрошили и сбросили остатки в море. На палубе, как и прежде, лежали куски жира, и приходилось передвигаться по слизи и крови. Приготовление ворвани часто длилось в течение нескольких дней, так что проходило много времени, прежде чем китобои снова чистили палубу. Лукас сомневался, возможно ли навести порядок, действуя простыми щетками, которые использовались на корабле. Предположительно все следы забоя должен был смыть с палубы следующий сильный шторм. Лукас с нетерпением ждал ухудшения погоды. Чем дольше он размышлял над событиями того дня, тем больше впадал в панику. С условиями жизни на корабле, с теснотой и запахом грязных тел Лукас еще мог смириться, но с тем, что ему довелось увидеть!.. Нет, он не мог больше участвовать в убийстве и разделке огромного, но совершенно мирного животного. Лукас не имел ни малейшего понятия, как пережить предстоящие три года.

Однако то обстоятельство, что матросы «Притти Пег» так быстро добыли первого кита, сыграло Лукасу на руку. Шкипер Милфорд решил пришвартоваться в Вестпорте и сбыть добычу, прежде чем отправляться дальше. Чтобы доплыть до порта, требовалось несколько дней; зато морякам была гарантирована хорошая цена за свежую ворвань и возможность освободить тару для дальнейшей добычи. Мужчины торжествовали. Низкорослый блондин Ральфи, швед по происхождению, уже мечтал о женщинах из Вестпорта.

— Это, конечно, совсем дыра, но со временем он станет настоящим городом. Пока что туда наведываются лишь китобои и охотники на тюленей, но вскоре о Вестпорте узнают и золотоискатели. Возможно, там появятся даже настоящие шахтеры — кто-то говорил о добыче угля. В любом случае там есть паб и пара сговорчивых девчонок! В прошлый раз мне досталась рыжая, так я вам скажу, она обошлась мне достаточно

дешево!

Коппер подошел к обессиленному Лукасу, который с отвращением опирался на поручни.

— Ты тоже думаешь о борделе? Или представляешь, как можно было бы отпраздновать удачную охоту прямо здесь?

Коппер положил руку Лукасу на плечо, и теперь его ладонь медленно скользила вниз. Лукас прекрасно понимал намек, звучащий в словах Коппера, но не мог решиться. Он точно был что-то должен этому мужчине, не зря ведь тот так хорошо с ним обращался. И разве не думал он всю свою жизнь о том, чтобы разделить постель с мужчиной? Мужские образы всплывали у него в голове, когда он удовлетворял себя и — да простит его Господь — когда был вместе с Гвинейрой.

Но теперь... Лукас читал греческие и римские произведения. В древние времена мужские тела воспринимались как настоящий идеал красоты; любовь между мужчинами и юношами не считалась безнравственной, если только к этому не принуждали мальчиков. Лукас восхищался статуями, которые когда-то делали с натуры. Как же прекрасны они были! Гладкие, чистые, они так и манили к себе... Лукас и сам принимал подобные позы, стоя перед зеркалом, мечтал оказаться в объятиях любящего ментора. Только этот ментор в его представлениях никогда не был китобоем, дружелюбным и добродушным, но полным и плохо пахнущим. Сегодня не было возможности помыться на «Притти Пег». Потные, грязные, все в крови и жиру, мужчины ходили по палубе и довольно посмеивались... Лукас отвел глаза в сторону.

— Я не знаю... Сегодня был долгий день... Я устал...

Коппер кивнул.

— Иди спокойно в свою каюту. Отдохни. Возможно, попозже... ну, я мог бы принести тебе что-нибудь поесть. Может, я даже смогу отыскать немного виски...

Лукас нервно сглотнул.

— В другой раз, Коппер. Скорее всего, в Вестпорте. Ты... я... Пойми меня правильно, но мне нужно помыться.

Коппер громко рассмеялся.

— Мой маленький джентльмен! Ну хорошо, я лично позабочусь в Вестпорте о том, чтобы девушки приготовили для тебя ванну, а еще лучше — нам обоим! Я тоже от подобного не откажусь! Как тебе такая идея?

Лукас кивнул. Главное, что на сегодня старик оставит его в покое. Исполненный ненависти и отвращения к себе и мужчинам, с которыми ему приходилось жить каждый день, он пошел в свою постель, которая кишела

блохами. Может, хоть насекомые отстанут от него, учуяв запах ворвани и пота? Но эта надежда оказалась обманчивой. Напротив, все эти запахи скорее притягивали блох. Лукас раздавил с десяток насекомых и почувствовал себя еще более грязным. Слушая смех и пьяные голоса на палубе, он никак не мог заснуть — шкипер как раз начал наливать всем виски, — зато в голове у него созрел план. Ему нужно сбежать с «Притти Пег» в Вестпорте. Неважно, что он при этом нарушал условия контракта. Лукас не мог больше вынести все это!

Сбежать, собственно говоря, было не так уж и трудно. Единственная проблема состояла в том, что ему пришлось бы оставить все свои вещи на корабле. Лукас вызвал бы подозрения, если бы взял с собой на берег свой спальный мешок и немногочисленные вещи, так как шкипер дал им совсем немного свободного времени. Все же он прихватил немного сменной одежды — в конце концов, Коппер пообещал ему ванну, этим и можно было все объяснить. Коппер только засмеялся, услышав это, но Лукасу было все равно. Он искал возможность остаться на берегу и нашел ее быстро, пока Коппер договаривался с симпатичной рыжеволосой девушкой о том, где можно помыться. Другие мужчины в пабе не обращали внимания на Лукаса; их головы были заняты лишь тем, где можно найти виски или снять девушку на ночь. Лукас еще ничего не заказал, поэтому, когда он потихоньку вышел из паба и спрятался в ближайшем сарае, никто не сказал в его адрес ни слова. К счастью для Лукаса, там был запасной выход. Он пошел этим путем, пробрался через двор кузнеца, мимо дома гробовщика и нескольких недостроенных зданий. Вестпорт действительно оказался захолустьем, в этом Коппер прав, но он обещал стать настоящим городом в недалеком будущем.

Поселение находилось на берегу реки Буллер. Здесь, прямо возле устья, река была особенно широкой и спокойной. Лукас видел песчаные пляжи и скалы. Сразу же за Вестпортом начинались заросли папоротника, темно-зеленые джунгли, наверняка совершенно не исследованные человеком. Лукас оглянулся: он был здесь один. По-видимому, больше никто не искал уединения вдали от домов. Его побег останется совершенно незамеченным! Наконец, приняв решение, он побежал вдоль берега реки, пытаясь скрыться в густом папоротнике, а затем шел вверх по течению около часа, прежде чем решил, что преодолел достаточное расстояние и может отдохнуть. К тому же шкипер не бросился бы на его поиски сразу же, ведь «Притти Пег» должен был отплывать лишь на следующее утро. Естественно, Коппер попытался бы его найти, но уж точно не у реки, по

крайней мере не сразу. Позже он мог поискать Лукаса и на берегу, но наверняка ограничился бы окрестностями Вестпорта. Несмотря на то что Лукасу хотелось забрести подальше в заросли, он больше не мог сдерживать отвращения к своему грязному телу. Ему нужно было помыться.

Лукас быстро разделся и спрятал свою грязную одежду под камнями. Сначала он было подумал постирать ее, но одна мысль о том, что ему снова придется прикасаться к крови и жиру, вызвала у него отвращение. Поэтому Лукас оставил лишь нижнее белье, а от рубашки и брюк избавился. Конечно же, ему было жалко расставаться с вещами; когда ему снова придется увидеть людей, у него не будет ничего, кроме той одежды, в которую он облачится после купания. Но это все равно было лучше, чем китобойный промысел на борту «Притти Пег».

Наконец, ежась от холода, Лукас зашел в ледяную воду реки. Он тут же промерз до костей, но прозрачная вода смыла с тела нею грязь. Лукас нырнул поглубже, схватил кусок гальки на дне и начал тереть им кожу. Он тер все тело до тех пор, пока его кожа не приобрела ярко-красный оттенок и тело почти не ощущало холода речной воды. Затем он вышел на берег, надел чистые вещи и отправился в джунгли. Поначалу лес вызвал у него ужас — влажный и темный, он был полон неизвестных Лукасу огромных растений. Однако именно сейчас интерес Лукаса к флоре и фауне своей родины пришелся как нельзя кстати. Многие из папоротников, листья которых двигались подобно гусеницам и походили на живых существ, Лукас видел в учебниках и смог преодолеть свой страх, пытаясь определить их вид. Ни одно растение не было ядовитым, и даже самая большая древесная уэта была меньше заинтересована в нападении на него, чем блохи на борту корабля. Звуки многочисленных животных, которые раздавались в джунглях, тоже не пугали Лукаса. Здесь не было никого, кроме насекомых и птиц, прежде всего попугаев, которые наполняли лес самыми дивными голосами, но при этом были совершенно безобидными. Наконец Лукас соорудил себе постель из листьев папоротника и заснул намного более спокойным сном, чем в течение всех этих недель на «Притти Пег». Утратив все, Лукас проснулся на следующее утро с новой надеждой, и это было удивительно, учитывая, что он сбежал от своего работодателя, нарушил условия договора и не расплатился по карточным долгам. «Теперь, — подумал он, — никто не поспешит назвать меня джентльменом!»

Лукас с удовольствием остался бы в джунглях, но, несмотря на удивительное плодородие этого вечнозеленого райского уголка, он не мог

обнаружить хотя бы что-нибудь съедобное. Конечно, маори или настоящие жители леса наверняка не согласились бы с ним и нашли бы что-нибудь поесть. Урчание в животе заставило Лукаса отправиться на поиски человеческого поселения. Вот только какого? В Вестпорт возвращаться было нельзя. Там каждый теперь точно знал, что шкипер искал сбежавшего матроса. Возможно, на «Притти Пег» до сих пор ждали его возвращения.

Затем он вспомнил, что Коппер упомянул вчера залив Тауранга Бэй, что в двенадцати милях от Вестпорта; там находились лежбища тюленей. Охотники на тюленей точно не знали ничего о «Притти Пег» и даже не стали бы интересоваться, откуда он пришел. Охотничий промысел в Тауранге, должно быть, процветал; Лукас точно смог бы найти себе там работу. Обрадовавшись, он отправился в путь. Охота на тюленей не могла быть хуже, чем забой китов...

Люди в Тауранге действительно приняли его дружелюбно, а неприятные запахи в их лагере раздражали не так, как на корабле. Стоянка находилась под открытым небом, поэтому такой тесноты, как на «Притти Пег», не было. Конечно же, все понимали, что с Лукасом что-то не так, но никто не задавал ему вопросов относительно его неприглядного внешнего вида, отсутствия оснащения и денег. На сомнительные доводы Лукаса никто не обращал особого внимания.

— Оставайся, Люк, уж тебя-то мы сможем накормить. Приноси пользу, убей пару тюленей. По выходным мы отвозим шкуры в Вестпорт. Тогда у тебя снова появятся деньги.

Норман, самый старший из охотников, курил трубку. У Лукаса начали появляться подозрения, что он был не единственным в Тауранге Бэй, кто сбежал сюда по какой-то своей причине.

Лукас смог бы даже приспособиться к жизни среди этих молчаливых и невозмутимых жителей побережья, если бы не охота! И вообще, разве можно назвать охотой убийство беспомощных малышей прямо на глазах у их обьятых ужасом матерей? Не зная, что ему делать, Лукас смотрел то на дубинку в своих руках, то на зверька перед собой...

— Ну давай же, Люк! Работай! Или ты думаешь, что в субботу в Вестпорте кто-то даст тебе деньги только потому, что ты нам помогал? Здесь все помогают друг другу, но деньги можно получить лишь за собственноручно добытый мех!

У Лукаса не осталось выхода. Он закрыл глаза и нанес удар...

В конце недели у Лукаса было почти тридцать тюленьих шкурок — и еще больше стыда и ненависти к самому себе, чем тогда на «Притти Пег». Он твердо решил не возвращаться в Таурангу Бэй после выходных. Вестпорт был растущим поселением. Лукас должен был найти там работу, которая была ему больше по душе, даже если это и означало, что он не «настоящий мужчина».

Закупщик тюленьих шкурок, мускулистый крепыш невысокого роста, который также вел продажу в Вестпорте, был вне себя от радости. Как и предполагал Лукас, появление нового охотника на тюленей никто не пытался связать с побегом моряка с «Притти Пег». Возможно, закупщик не думал о подобного рода проблемах, а может, ему просто было все равно. В любом случае он платил по два цента за каждую шкурку и охотно отвечал на вопросы о другой работе в Вестпорте. Естественно, Лукас не говорил о том, что ему неприятно убивать животных. Вместо этого он сказал, что ему надоела мужская компания во время пребывания в Тауранге Бэй.

— Я хочу пожить в городе, — уверял он. — Возможно, найти себе женщину, завести семью... лишь бы больше не видеть мертвых китов и тюленей. — Лукас положил на стол деньги за спальный мешок и одежду, которые он только что приобрел.

Торговец и новые друзья Лукаса засмеялись во все горло.

— Ну, работу найти легко. Но девушку? Ее можно найти лишь в заведении Иоланды над пабом. Конечно же, они в самом подходящем для брака возрасте!

Мужчины, восприняв заявление Лукаса как шутку, продолжали смеяться.

— Можешь сразу спросить, хочет ли кто-нибудь из них замуж! — добродушно произнес Норман. — Ты ведь пойдешь с нами в паб?

Лукас не мог отказаться. Собственно говоря, он хотел сэкономить заработанные деньги, но выпить виски не помешало бы — или же шнапса, который помог бы ему забыть глаза тюленей и отчаянное сопротивление кита...

Закупщик шкурок назвал Лукасу другие способы заработка в Вестпорте. Так, к примеру, кузнецу наверняка понадобился бы подмастерье. Работал ли он с железом? Лукас проклинал себя за то, что в Киворд-Стейшн ни разу даже не удосужился понаблюдать за тем, как

Джеймс МакКензи подковывал лошадей. Соответствующие умения помогли бы ему заработать, но Лукас никогда в жизни не держал в руках молоток и гвозди. Он мог лишь скакать верхом на лошади — и ничего больше.

Мужчина верно истолковал молчание Лукаса.

— Ремесленник с тебя никакой, не так ли? Кроме как бить тюленей по голове, ничему не научился. Но можно пойти на стройку! Плотникам постоянно требуется помощь. Они не справляются с заказами, всем вдруг захотелось иметь домик на берегу Буллер. Вестпорт еще станет настоящим городом! Но они платят немного. Зарплата не идет ни в какое сравнение с тем, что ты можешь заработать на этом! — Он указал на тюленьи шкуры.

Лукас кивнул.

— Я понимаю. Но я все равно спрошу. Я... я имею представление о работе с деревом.

Паб был маленьким и не очень чистым. Но Лукас вскоре с облегчением понял, что никто из посетителей его не помнил. Возможно, они и не обращали особого внимания на матросов с «Притти Пег». Только рыжеволосая девушка, которая сегодня снова обслуживала посетителей, казалось, смотрела на него оценивающим взглядом. Она вытерла стол, прежде чем поставить перед Норманом и Лукасом бокалы для виски.

— Извините, что сегодня здесь снова, как в свинарнике, — сказала девушка. — Я говорила мисс Иоланде, что китаец не умеет нормально убирать... — «Китайцем» оказался бармен весьма экзотической внешности. — Но пока что никто не жаловался... Только виски или вы хотите что-то поесть?

Лукас с удовольствием перекусил бы. Что угодно, лишь бы еда не пахла морем, фукусом^[9] и кровью и не была приготовлена на скорую руку на костре охотников на тюленей, так что мясо даже не успевало нормально прожариться. Но девушка старалась соблюдать чистоту. Возможно, кухня и не была настолько грязной, как казалось на первый взгляд.

Норман засмеялся.

— К чему тратиться лишний раз, малышка! Поесть мы можем и в своем лагере, а вот такого десерта, как ты, там нет... — Он ущипнул девушку за ягодицу.

— Ты знаешь, что это стоит цент, малыш? — спросила она. — Я скажу мисс Иоланде и запишу это на твой счет. Но ты не стесняйся, за цент ты можешь потрогать меня еще и здесь. — Рыжеволосая красавица указала на свою грудь. Воодушевленный подбадривающими криками других мужчин,

Норман крепко ухватился за грудь девушки. Но она умелым движением убрала его руку со своего тела и заявила: — Больше получишь, когда заплатишь.

Мужчины засмеялись, когда она ушла грациозной походкой. На ней были ярко-красные туфли на высоком каблуке и платье различных оттенков зеленого цвета. Оно было поношенным и много раз заштопанным, но чистым, а оборки, придававшие платью более приличный вид, были накрахмалены и тщательно выглажены. Девушка слегка напоминала Лукасу Гвинейру. Конечно, его супруга — настоящая леди, а эта девчонка, практически еще ребенок, — обычная шлюха, но у нее тоже были выющиеся рыжие волосы, светлая кожа и блеск в глазах, который свидетельствовал о том, что ее не устраивала подобная судьба. Для этой девушки работа в пабе не была пределом мечтаний.

— Сладкая крошка, не правда ли? — сказал Норман, заметивший взгляд Лукаса, но неправильно истолковавший его. — Дафна. Лучшая лошадка в конюшне мисс Иоланды и к тому же ее правая рука. Без нее тут все развалится, я тебе говорю. Она держит все под контролем. Если бы старуха была более умной, она удочерила бы малышку. Но она думает только о себе. Когда-нибудь девчушка сбежит отсюда и заберет с собой лучших клиентов. Как она тебе? Хочешь позабавиться с ней? Или же тебе по вкусу что-то более дикое? — Лукаво прищурившись, он осмотрелся.

Лукас не знал, что ответить. К счастью, Дафна как раз принесла виски по второму кругу.

— Девушки наверху уже готовы, — сообщила она, ставя бокалы. — Допивайте спокойно виски, затем я принесу вам еще бутылку — и можете подниматься! — Она весело засмеялась. — Но не заставляйте нас слишком долго ждать. Вы же знаете, немного шнапса увеличивает наслаждение, но если выпить слишком много, вы не будете в состоянии что-либо сделать... — Так же быстро, как и прежде, Норман схватил ее за ягодицы, а она в отместку протянула руку между его ног.

Норман испуганно отшатнулся, но невольно рассмеялся.

— Я за это тоже цент заработаю?

Дафна покачала головой и встряхнула при этом своими рыжими волосами.

— Возможно, поцелуй? — произнесла она слащавым голосом и ушла, прежде чем Норман успел что-либо ответить.

Мужчины просвистели ей вслед.

Лукас пил виски и чувствовал, как у него начинает кружиться голова. Как ему выйти из этой ситуации и отказаться от услуг шлюхи? Дафна

совершенно не возбуждала его. При этом казалось, что она положила глаз именно на него. Ее взгляд дольше задерживался на его лице и худощавом, но мускулистом теле, нежели на других. Лукас знал, что девушки считали его привлекательным, — проститутки Вестпорта в этом ничем не отличались от матрон из Крайстчерча. Что он должен делать, если Норман действительно потащит его с собой наверх?

Сначала Лукас снова решил сбежать, но понял, что этого делать нельзя. Без лошади у него не было возможности выбраться из Вестпорта; он должен был остаться в городе хотя бы на время. К тому же он бы опозорился уже в первый день, если бы сбежал от рыжеволосой шлюхи.

Большинство мужчин слегка покачивались, когда Дафна снопа появилась в пабе и настойчиво начала звать всех наверх. Лукас видел, что никто из них не был настолько пьян, чтобы не заметить, как он мог оплошать. А Дафна снова внимательно смотрела на него...

Девушка провела мужчин в обставленную плюшевой мебелью и изящными столиками комнату, которая не производила совершенно никакого впечатления. Четыре девушки в роскошных negligee уже ожидали их, равно как и мисс Иоланда, маленькая полная женщина с холодным взглядом, которая первым же делом собрала со всех мужчин по доллару.

— Теперь никто хотя бы не сбежит от меня, не заплатив, — заявила она с достоинством.

Лукас тоже заплатил ей, стиснув при этом зубы: вскоре от его недельного заработка ничего не останется.

Дафна провела его к красному креслу и всунула в руку еще один бокал с виски.

— Ну, незнакомец, чем я могу тебя осчастливить? — прошептала она. Дафна была единственной из девушек, на ком не было negligee. Она как бы случайно расстегнула корсет. — Я тебе нравлюсь? Но должна предупредить: рыжие девушки как огонь! Я уже нескольких обожгла... — Продолжая разговаривать, она провела длинной прядью волос по лицу Лукаса.

Лукас не реагировал.

— Нет? — шептала Дафна. — Не можешь решиться? Зря, зря... Ну ладно, возможно, тебе больше по душе другие стихии. У нас тут для каждого что-нибудь найдется. Огонь, воздух, вода, земля... — По очереди она указала ему на трех девушек, которые обслуживали других мужчин.

Первая была бледным, практически эфирным созданием с гладкими светлыми волосами. Ее руки и ноги были худыми, почти тощими, хотя под

прозрачной сорочкой виднелась большая грудь. На Лукаса это подействовало отталкивающе. Он бы точно не смог заставить себя полюбить такую девушку. «Водную» стихию представляла собой блондинка с изумрудно-зелеными глазами, одетая в синее. Она вела себя очень живо и шутила с Норманом, который явно воодушевился, оказавшись среди местных красоток. «Земля», темнокожая девушка с черными локонами, без сомнения, была наиболее экзотическим созданием в коллекции мисс Иоланды, хотя и не обладала настоящей красотой. Черты ее лица были грубыми, а тело коренастым. Тем не менее она, казалось, очаровала мужчину, с которым как раз флиртowała. Лукас поинтересовался, по каким же критериям его товарищи выбирали себе «подруг» для развлечения. Впрочем, Дафна была самой красивой из всех девушек. Лукас должен был чувствовать свое превосходство, так как она выбрала именно его. Если бы она хотя бы чуть-чуть возбуждала его, если бы она...

— Скажи-ка, а у вас нет никого помладше? — спросил после довольно продолжительной паузы Лукас. Подобная формулировка была ему противна, но если он не хотел потерять лицо этой ночью, ему нужна была худая, похожая на мальчика девочка.

— Еще младше, чем я? — озадаченно спросила Дафна.

Он не ошибся насчет ее возраста, решив, что Дафне было максимум лет девятнадцать. Прежде чем Лукас успел что-либо ответить, она пристально посмотрела на него.

— Теперь я знаю, откуда мне знакомо твое лицо! Ты — тот парень, который сбежал от китобоев! Пока этот старый гомик Коппер заказывал ванну для тебя и себя! Я чуть не умерла со смеху — он ведь раньше к мылу и не прикасался! Ну, его любовь была явно неразделенной... Впрочем, тебе ведь тоже нравятся парни?

Покрасневшее лицо Лукаса выдало его, и девушка сама обо всем догадалась.

Дафна улыбнулась — слегка недоуменно, но в то же время с выражением понимания в глазах.

— Твои друзья ни о чем не догадывались, не так ли? И теперь ты хочешь, чтобы никто не заметил. Слушай внимательно, мой друг, у меня есть для тебя кое-что. Нет, не мальчики, таким мы не занимаемся. Но кое-что особенное... Ты можешь только смотреть, девочки ничего не должны потерять. Заинтересован?

— В... в чем? — пробормотал Лукас. Предложение Дафны, казалось, было тем самым выходом из положения, которого он жаждал сейчас больше всего на свете.

Итак, нечто необычное, экзотическое, при этом ему не пришлось бы ни с кем спать... У Лукаса появилось ощущение, что это будет стоить ему оставшихся денег.

— Это... как бы сказать... эротический танец. Две совсем молоденькие девочки, им всего лишь по пятнадцать лет. Близняшки. Я тебе говорю, ничего похожего ты еще не видел!

Поколебавшись, Лукас наконец сдался.

— Сколько? — выдавил он из себя.

— Два доллара! — быстро объявила Дафна. — По одному за каждую девочку. А тот, который ты уже заплатил, достанется мне. Я не оставлю близняшек наедине с этими...

Лукас прокашлялся.

— Э-э-э... с моей стороны им ничего не грозит.

Дафна засмеялась. Лукас удивился, насколько звонко звучал ее похожий на колокольчик голос.

— Этому я уж точно верю. Ладно, в виде исключения. У тебя же, наверное, совсем нет денег? Небось все оставил на «Притти Пег»? Настоящий герой! А теперь иди в комнату № 1. Я пошлю к тебе девочек, а сама в это время осчастливлю дядюшку Нормана.

Она подошла к Норману и тут же затмила собой светловолосую «воду». В Дафне определенно было что-то особенное, возможно, даже свой стиль.

Лукас вошел в комнату, и началось ожидание. Мебель была как в трехклассном отеле: много плюша, широкая кровать... может, ему следовало расположиться на ней? Или это испугало бы девочек? В конце концов Лукас решил усесться в плюшевое кресло, так как даже у него кровать вызвала определенные подозрения, а он только-только успел избавиться от блох, которыми кишел «Притти Пег».

О прибытии близняшек Лукас узнал по шепоту и восторженным крикам из «салона». Очевидно, заказать себе близняшек считалось настоящей роскошью — или, по крайней мере, особой честью со стороны заведения. Дафна при этом ни на секунду не упускала девочек из виду.

Близняшкам такое внимание со стороны мужчин было неприятно, хотя широкая накидка скрывала их тела от жадных взглядов. Они пробрались в комнату, прижавшись друг к другу, и откинули огромный капюшон, под которым поместились обе их головы, посчитав, что оказались в безопасности. Насколько, конечно, можно было говорить о безопасности в подобных условиях... Обе все еще стояли, склонив светлые головы; они не двигались до тех пор, пока в комнату не вошла Дафна и не представила их

Лукасу. Постепенно девочки поняли, что сегодня не произойдет ничего страшного, и подняли глаза. Лукас взглянул на их худые лица. В голубых глазах таилась недоверчивость.

— Добрый вечер, сэр. Мы польщены тем, что вы выбрали именно нас, — произнесла одна из них, по всей видимости, отрепетированные слова. — Меня зовут Мэри.

— А меня Лори, — представилась вторая. — Дафна сказала нам, что вы...

— Не переживайте, я буду только смотреть, — успокоил их Лукас. Он бы никогда не притронулся к этим детям, но кое в чем они действительно соответствовали его ожиданиям: когда Мэри и Лори уронили накидку на пол и оказались перед ним совершенно голыми, он увидел, что они были такими же худыми, как мальчики.

— Мы надеемся, что наше выступление вам понравится, — учтиво продолжила Лори и взяла свою сестру за руку. Это был нежный жест, больше подходивший для защиты, нежели похожий на начало полового акта.

Лукас спросил себя, как эти девочки очутились в таком месте.

Сестры перебрались теперь на кровать, но не укрылись простыней. Вместо этого они стали на колени друг перед другом и начали обниматься и целоваться. В следующие полчаса Лукас увидел жесты и позы, которые вгоняли его в краску. По его телу ползли мурашки. То, что девочки делали друг с другом, было в высшей степени неприличным. Но Лукас не мог сказать, что ему это не нравилось. Слишком многое из того, что он наблюдал, напоминало о мечтах слиться воедино с телом, похожим на его собственное, — добровольный любовный союз двух людей. Лукас не знал, приносили ли девочкам удовлетворение их развратные действия, он не мог даже предположить, что они чувствуют. Их лица оставались слишком расслабленными и спокойными. Лукасу не удавалось различить на них ни выражения экстаза, ни похоть. Хотя, несомненно, во взглядах чувствовалась любовь, которую сестры дарили друг другу, а их движения были весьма нежными. Постороннего наблюдателя такая любовная игра приводила в замешательство — со временем границы их тел стирались, девочки смотрелись настолько одинаково, что их совместное присутствие в комнате создавало иллюзию некой танцующей богини с четырьмя руками и ногами, — Лукасу в голову приходили картины из индийской колонии. Это зрелище казалось по-своему привлекательным, хотя ему и хотелось больше нарисовать девочек, чем наблюдать за их любовными играми. Их танец был настоящим искусством. Наконец сестры застыли в объятиях друг друга на

кровати и разжали руки лишь тогда, когда Лукас заплодировал.

Очнувшись от забытья, Лори пристально посмотрела на его ширинку.

— Вам не понравилось? — испуганно спросила она, заметив, что брюки Лукаса были по-прежнему застегнуты, а на его лице отсутствовало выражение удовлетворенности. — Мы... мы могли бы еще продолжить, но...

Слова девочки доказывали, что этот танец не доставлял им особого удовольствия, но, очевидно, были мужчины, которые требовали свои деньги обратно, не получив то, что они хотели.

— Обычно это делает Дафна, — добавила Мэри.

Лукас покачал головой.

— Не нужно, спасибо. Ваш танец мне очень понравился. Как Дафна и говорила, это было нечто особенное. Но как вам в голову пришла такая идея? В заведениях подобного рода, насколько мне известно, такого обслуживания не бывает.

Девочки вздохнули и снова прикрылись накидкой, но по-прежнему сидели на краю кровати. По всей видимости, они больше не считали Лукаса опасным.

— О, это была идея Дафны! — откровенно выдала Лори. У обеих сестер были сладкие, слегка щебечущие голоса, что лишний раз свидетельствовало о том, что они были совсем детьми.

— Нам ведь нужно было зарабатывать деньги, — продолжала Мэри. — Но мы не хотели... мы не могли... это грех — ложиться с мужчиной за деньги.

Лукас спросил себя, узнала ли она об этом от Дафны. По всей видимости, сама Мэри не сильно верила в подобного рода предписания.

— Даже если иногда это необходимо! — поддержала сестру Лори. — Но Дафна сказала, что для этого нужно быть взрослой. Правда, мисс Иоланда так не считала, и тогда...

— Тогда Дафна нашла кое-что в своих книгах. Странная книга, полная... мерзостей. Но мисс Иоланда сказала, что там, где эта книга была написана, это не считалось грехом. Поэтому, когда...

— Когда мы этим занимаемся, это не считается грехом! — уверенно заявила Мэри.

— Вы — приличные девочки, — согласился с ними Лукас. У него внезапно возникло желание узнать о них побольше. — Откуда вы родом? Дафна ведь вам не сестра?

Лори как раз хотела ответить на вопрос, как вдруг дверь открылась и в комнату вошла Дафна. Она вздохнула с явным облегчением, увидев, что

девочки были одеты и свободно беседовали со своим странным клиентом.

— Тебе понравилось? — спросила она, тут же взглянув на его ширинку.

Лукас кивнул.

— Твои подопечные развлекли меня наилучшим образом, — сказал он. — Они как раз собирались рассказать, откуда вы родом. Вы, наверное, сироты или же ваши родители знают, чем вы занимаетесь?

Дафна пожала плечами.

— Зависит от того, во что ты веришь. Если моя и их матери сидят на облаке и играют на арфе, то, должно быть, они за нами следят. Но если они очутились там, куда обычно попадают такие, как мы, то единственное, что они видят, — это насыпанную сверху землю.

— Значит, ваши родители умерли, — сказал Лукас, не обращая внимания на цинизм Дафны. — Мне жаль. Но как вы очутились именно здесь?

Внезапно Дафна, уверенно встав перед ним, произнесла:

— Послушай, Люк или как тебя там зовут. По-моему, ты слишком любопытен. Хватит задавать вопросы!

Лукас хотел сказать, что он не пытался задеть их. Наоборот, он начал думать о том, как можно было бы выручить малышей из беды. Лори и Мэри еще не стали проститутками, да и для такой умной девушки, как Дафна, существовали другие способы заработка. Но в тот момент он был настолько же беспомощен, как и девочки. Пожалуй, его состояние было даже хуже, ведь Дафна и близняшки заработали три доллара, из которых жадная Иоланда, скорее всего, оставила бы всего лишь один.

— Мне правда жаль, — произнес Лукас. — Меньше всего я хотел бы обидеть вас. Послушайте, мне нужно место для ночлега. Я не могу остаться здесь, какой бы уютной ни была эта комната... — Он обвел рукой номер мисс Иоланды, после чего Дафна звонко рассмеялась, а близняшки сдержанно захихикали. — Ваше заведение для меня слишком дорогое. Возможно, здесь есть место в хлеву или еще где-нибудь?

— Ты не вернешься в Таурангу? — удивленно спросила Дафна.

Лукас покачал головой.

— Я ищу работу, которая не была бы связана с таким количеством крови. Мне сказали, что плотникам нужен помощник.

Дафна взглянула на руки Лукаса, которые уже не были такими ухоженными, как месяц тому назад, но все еще отличались от мозолистых рук Нормана или Коппера.

— Тогда следи за тем, чтобы не попадать молотком по пальцам, —

сказала она. — От этого будет не меньше крови, чем при забое тюленя, вот только твоя шкурка стоит намного меньше, дружище!

Лукас не мог не засмеяться.

— Не переживай. Я уж о себе позабочусь. По крайней мере блохи не высосут из меня последнюю кровь. Мне кажется или здесь они тоже водятся? — Он непринужденно почесал себя по плечу. Конечно, джентльмены так себя не вели, но они обычно также не жаловались на укусы блох.

Дафна пожала плечами.

— Возможно, одна запрыгнула сюда из салона. Комната чистая, мы тут убираем. Показывать воспаления и укусы во время эротического танца совсем ни к чему. Поэтому мы не разрешаем здесь спать ни одному из этих бродяг, сколько бы они ни платили. Лучше всего спросить в конюшне. Там часто спят те, кто в Вестпорте проездом. И Дэвид держит помещение в порядке. Думаю, он тебе понравится. Только не испорти мне его!

С этими словами Дафна попрощалась со своим посетителем и вывела девочек из комнаты. Лукас остался еще ненадолго, ведь мужчины снаружи ожидали от него, что он будет голым кувыркаться в постели с девочками, поэтому ему нужно было время, чтобы «привести себя в порядок». Когда он наконец-то вышел в салон, выпившие мужчины громко начали расхваливать его. Норман поднял бокал и произнес тост за Лукаса.

— Вот это да! Наш Люк! Кувыркается с тремя лучшими девчонками и выходит, как будто ничего не случилось! Что там о нем все говорили? Быстро извинитесь перед Лукасом, пока он не забрал и наших девчонок!

Лукас посидел в пабе еще некоторое время, а затем отправился в конюшню. Дафна не обещала многого, но в хлеву действительно было довольно чисто. Конечно, там пахло лошадьми, но проход был подметен, лошади стояли перед доверху насыпанными кормушками, а седла и уздечки были старыми, но ухоженными. Здесь был один-единственный фонарь, но его слабого света было достаточно, чтобы сориентироваться в сооружении и даже ночью наблюдать за лошадьми, но и не настолько светло, чтобы это мешало животным спать.

Лукас посмотрел по сторонам в поисках места для сна, но оказалось, что он был сегодня единственным гостем. Он уже было решил свободно расположиться на сене, но тут внезапно из темноты раздался громкий голос:

— Кто здесь? Назовись и скажи, что тебе нужно!

Лукас поднял руки вверх, сделав вид, что испугался.

— Люк... э... Денуорд. У меня нет плохих намерений, я просто искал место для ночлега. А эта девушка, Дафна, она сказала...

— Мы разрешаем ночевать здесь только тем, кто оставляет в конюшне свою лошадь, — ответил голос, явно принадлежавший юноше. В этот раз он раздался чуть ближе, а в следующее мгновение показался и его обладатель. Светловолосый парнишка лет шестнадцати, высунув голову из-за стены, заметил: — Но у вас нет лошади!

Лукас кивнул.

— Все верно. Но я могу заплатить несколько центов. И мне не нужно много места. Я устроюсь в уголке.

Юноша кивнул.

— Как же вы здесь оказались без лошади? — с любопытством спросил он и выпрямился во весь рост. Он был высоким, очень худым, с по-детски округлым лицом.

Лукас посмотрел в большие глаза, цвет которых он не мог различить в темноте. Но парнишка вел себя открыто и дружелюбно.

— Я из Тауранги, — сказал Лукас, как будто это объясняло, каким образом он переправился через горы без коня. Но, возможно, парнишка сам догадался, что его гость прибыл сюда на корабле. Лукас надеялся, что в нем не узнают дезертира с «Притти Пег».

— Вы охотились на тюленей? Я тоже хотел... Тогда бы я зарабатывал

много денег. Но я не смог... животные так смотрели на меня...

У Лукаса на душе потеплело.

— Как раз по этой причине я ищу другую работу, — поведал он парнишке свой секрет.

Тот с пониманием кивнул.

— Вы можете помогать плотникам или лесорубам. Работы здесь хватает. Я возьму вас в понедельник с собой на стройку.

— Я думал, ты конюх, — удивленно произнес Лукас. — Как тебя зовут? Дэвид?

Юноша пожал плечами.

— Так меня все называют. Но, вообще-то, мое имя — Стейнбьорн. Стейнбьорн Сиглейфсон. Никто здесь не может выговорить. Поэтому эта девушка, Дафна, просто назвала меня Дэвидом. Как Дэвида Копперфильда. Я думаю, это тот, который написал книжку.

Лукас улыбнулся и снова подумал о Дафне. Девушка из бара, которая читает Диккенса?

— И где же детей называют Стейнбьорн Сиглейфсон? — поинтересовался Лукас.

Дэвид повел его тем временем за перегородку, где все было устроено для ночлега. Охапки сена служили вместо стола и стульев, а сухая трава на полу была вместо постели. Еще одна куча сена лежала в углу, и Дэвид сказал Лукасу, чтобы тот устраивался там на ночь.

— В Исландии, — ответил он и начал активно помогать Лукасу. — Я оттуда родом. Мой отец был китобоем. Но моя мать, ирландка, всегда хотела куда-нибудь уехать. Она с удовольствием вернулась бы к себе на родину, но затем ее семья переехала в Новую Зеландию, и она тоже решила отправиться на юг, так как больше не могла переносить темные холодные зимы в Исландии... Но потом она заболела и по пути сюда умерла на корабле. В солнечный день. Это было для нее важно, я думаю... — Дэвид украдкой смахнул слезу.

— Но твой отец был с тобой? — Дружелюбно спросил Лукас и расстелил свой спальный мешок.

Дэвид кивнул.

— Но недолго. Когда он услышал, что здесь тоже ловят китов, он прямо загорелся идеей снова отправиться в море. Вскоре мы перебрались из Крайстчерча на западное побережье и он уплыл со следующим же судном. Отец хотел взять меня с собой в качестве юнги, но им не нужны были лишние люди. Вот и все.

— Он тебя просто оставил одного? — Лукас явно расстроился. —

Сколько тебе было лет? Пятнадцать?

— Четырнадцать, — спокойно ответил Дэвид. — По мнению отца, я был достаточно взрослым, чтобы жить самостоятельно.

При этом я даже не знал английского. Но, как вы видите, он был прав. Я здесь, я жив, а китобой из меня точно не получился бы. Каждый раз, когда отец приходил домой и от него пахло ворванью, мне становилось плохо.

Пока Дэвид и Лукас устраивались поудобнее в своих спальнях мешках, юноша рассказал ему о жизни суровых жителей побережья. По всей видимости, он чувствовал себя с ними так же неуютно, как и Лукас, и был рад, что нашел работу здесь, в конюшне. Он содержал помещение в чистоте, и за это ему разрешали тут спать. Днем же Дэвид трудился на стройке.

— Я хочу стать плотником и строить дома, — признался он Лукасу.

Тот улыбнулся.

— Чтобы строить дома, нужно стать архитектором, Дэйв. Но это не так просто.

Дэвид кивнул.

— Я знаю. Это дорого стоит. Нужно долго ходить в школу. Но я не глупый, я даже умею читать.

Лукас решил подарить ему первый же экземпляр «Дэвида Копперфильда», который попадется ему в руки. По непонятной причине он почувствовал себя очень счастливым, когда они пожелали друг другу спокойной ночи и легли спать. Лукас прислушивался к звукам, которые юноша издавал во сне, к его равномерному дыханию и думал о плавных движениях Дэвида, его живом светлом голосе. Такого мальчика он смог бы полюбить...

Дэвид сдержал свое слово и уже на следующий день представил Лукаса хозяину конюшни, который охотно дал ему место для ночлега и даже не потребовал за это денег.

— Лучше помоги Дэйву в конюшне, а то паренек работает слишком много. Ты знаешь, как обращаться с лошадьми?

Лукас сказал, что умеет ездить верхом, чистить и седлать лошадей. По всей видимости, этого хозяину конюшни было достаточно. Дэвид решил хорошенько прибраться в помещении в воскресенье, так как в рабочие дни не успевал все сделать, при этом Лукас охотно помогал ему. Мальчишка болтал все время, рассказывал о своих приключениях, желаниях и мечтах, а Лукас внимательно слушал. При этом он махал вилами с невиданным

вдохновением. Еще никогда работа не доставляла ему такого удовольствия!

В понедельник Дэйв взял Лукаса с собой на стройку, и мастер сразу же велел Лукасу отправляться вместе с группой лесорубов. Для того чтобы освободить место для новых домов, нужно было выкорчевать девственный лес и деревья благородных сортов. Затем древесину складывали в Вестпорте и позже использовали при строительстве или продавали в других частях острова и даже в Англии. Цена на древесину была высокой и все время росла; кроме того, теперь между Новой Зеландией и Англией курсировал пароход, что значительно упрощало экспорт большого количества товаров.

Но вестпортские плотники не думали о будущем. Они просто строили обычные дома с такой же непримечательной мебелью, при этом никто из них даже приблизительно не разбирался в архитектуре. Лукасу было жалко, что благородная древесина использовалась так бездарно, тем более что работа в лесу была тяжелой и опасной; все время кто-то травмировался пилой или попадал под падающие стволы деревьев. Но Лукас не жаловался. С тех пор как он познакомился с Дэвидом, его жизнь стала немного легче и менее обремененной, поэтому он все время был в хорошем настроении. Что касается юноши, то он сам стремился к его обществу. Он часами разговаривал с Лукасом и вскоре выяснил, что его старший товарищ знал намного больше и, в отличие от остальных мужчин вокруг, мог ответить практически на любой вопрос. Лукасу приходилось следить, чтобы не проговориться о своем происхождении, хотя по своему внешнему виду он стал таким же, как и все жители побережья. Его одежда была поношенной, а сменного белья у Лукаса не было. Он прилагал огромные усилия, но содержал ее в чистоте. К счастью для Лукаса, Дэвид тоже заботился о гигиене и регулярно мылся в реке. При этом юноша, казалось, совершенно не боялся холода. В то время как Лукас начинал дрожать, едва приблизившись к ледяной воде, Дэвид только смеялся и спокойно переплывал на другой берег.

— Она же не холодная! — дразнил он Лукаса. — Ты бы видел реки у меня на родине! Мне доводилось переплывать их вместе с лошадью в то время, когда на поверхности еще был лед!

Глядя на юношу, который после купания ходил голый и мокрый по берегу, непринужденно потягиваясь, Лукас снова видел перед собой любимые греческие статуи. Для него это был не Дэвид Диккенса, а Давид Микеланджело. Однако юноша даже не слышал ни об английском писателе, ни об итальянских художниках и скульпторах. Лукас решил исправить эту ситуацию. Быстрыми штрихами он набросал рисунок самых знаменитых

статуй на листе бумаге.

Дэвид едва мог сдержать свое удивление, при этом его, естественно, интересовали не мраморные мальчики, а то, что Лукас умел хорошо рисовать.

— Я часто пробую рисовать дома, — признался он старшему товарищу. — Но они никогда не выглядят достаточно похожими на настоящие.

Сердце Лукаса билось учащенно, пока он объяснял Дэйву, в чем заключалась проблема, а затем рассказал ему об основах рисования перспективы. Дэвид учился быстро. С этого дня каждую свободную минуту друзья проводили за рисованием. Когда начальник стройки увидел это, он сразу же перевел Лукаса из отряда лесорубов и позволил ему заниматься конструированием будущих домов. О статике и строительном искусстве Лукас знал немного — лишь основные понятия, которые каждый настоящий ценитель искусства неизбежно усваивал, изучая римские церкви и флорентийские дворцы. Но его знания намного превосходили то, что знали о строительстве остальные работники; к тому же Лукас обладал природным талантом математика. Он очень быстро научился делать чертежи и формулировал свои указания для распила четко и доходчиво, то есть намного лучше, чем до этого удавалось плотникам. Хотя Лукас не очень умело обращался с деревом, у Дэвида обнаружился настоящий талант, и юноша вскоре начал пробовать строить мебель по чертежам своего старшего друга. Будущие жители нового дома, торговец шкурами и его супруга, едва могли прийти в себя от восхищения, когда увидели первые образцы мебели.

Конечно же, Лукас часто думал о том, как приблизиться к своему юному ученику и другу телесно. Он мечтал о глубоких объятиях и просыпался с эрекцией или, что еще хуже, между мокрыми простынями. Но Лукас старался соблюдать дистанцию. В Древней Греции любовная связь между мальчиком и наставником была абсолютно нормальным явлением; в современном же Вестпорте их обоих прокляли бы за подобные действия. При этом Дэйв совершенно спокойно находился в обществе Лукаса. Лежа на берегу рядом со старшим товарищем и нежась под лучами жаркого солнца, Дэвид часто разводил руки и ноги, касаясь Лукаса. А когда зима закончилась и Лукас тоже начал с удовольствием плескаться в воде, юноша подзадоривал того на бой. Он совершенно не стеснялся при этом обхватить Лукаса ногами или прижаться грудью к его спине. Лукас радовался при этом, что Буллер и летом была довольно холодной, из-за чего

его эрекция быстро пропадала. Приятным завершением подобного веселья было бы разделить постель вместе с Дэвидом, но Лукас знал, что он не должен проявлять настойчивость и быть жадным. То, что он сейчас переживал, и так было намного больше, чем он мог когда-либо надеяться. Желать большего было бы неуместно. Лукас также понимал, что его счастье не могло длиться вечно. Когда-нибудь Дэвид вырастет, наверняка влюбится в какую-нибудь девушку и забудет о нем. Но до тех пор юноша выучил бы достаточно, чтобы заработать себе на жизнь изготовлением мебели или строительством домов. Лукас сделал бы все, что было в его силах, чтобы Дэвид добился успеха. Он пытался научить мальчика основным математическим понятиям и счету в надежде сделать из него не только хорошего ремесленника, но и предприимчивого торговца. Лукас любил Дэвида самоотверженно, беззаветно и нежно. Он радовался каждому дню, проведенному рядом с юношей, и пытался не думать о неминуемом конце их отношений. Дэвид был еще так молод! Перед ними были годы и годы совместной дружбы.

Дэвид — или Стейнбьорн, как он все еще себя называл, — не разделял самодовольства Лукаса. Юноша был умным, прилежным и страстно любил жизнь. Но прежде всего он был влюблен. Эту тайну он не выдал пока что никому, даже Лукасу, своему самому близкому другу, который практически заменил ему отца. Именно любовь послужила причиной, по которой Стейнбьорн так охотно принял новое имя и каждую свободную минуту проводил за мучительным чтением «Дэвида Копперфильда», чтобы наконец-то поговорить с Дафной. Никто даже не представлял, насколько сильно Дэвид томился своими чувствами к девушке. Конечно же, он знал, что у него не было никаких шансов. Скорее всего, она не согласилась бы пойти с ним наверх, даже если бы ему удалось накопить достаточно денег для совместной ночи. Для Дафны он был всего лишь ребенком, которого нужно было защищать и о котором следовало заботиться, как и о близняшках, но точно уж не клиент.

Впрочем, Дэвид и не хотел им быть. Он видел в Дафне не проститутку, а будущую почтенную супругу. Когда-нибудь он заработает достаточно денег, выкупит у Иоланды права на девушку и убедит Дафну, что она заслуживает более достойной жизни. Близняшек она может забрать с собой — в своих мечтах Дэвид готов был обеспечивать их содержание.

Однако этим мечтам суждено осуществиться только в том случае, если Дэвид заработает деньги, много денег, и желательно побыстрее. Он не мог спокойно наблюдать за тем, как Дафна обслуживала какого-нибудь

мужчину в пабе, а затем поднималась с ним на второй этаж. Она не будет заниматься этим вечно, она просто не может остаться здесь навсегда. Дафна жаловалась, что Иоланда не оставляла ее в покое. Рано или поздно девушка исчезнет, чтобы начать новую жизнь.

Поэтому Дэвиду нужно предвидеть и опередить этот момент, а потом сделать Дафне предложение.

Теперь юноше стало совершенно очевидно, что, будучи строителем или плотником, он никогда не отложит необходимую сумму денег. Чтобы быстро сколотить себе состояние, необходимо найти другую работу. Волею судьбы как раз в это время на Южном острове, в нескольких милях вверх по течению Буллер, обнаружили золото. Все больше золотоискателей заполняли город, скупали провиант, лопаты и ковши для промывки золота и снова исчезали в джунглях или в горах. Поначалу подобных искателей счастья никто не воспринимал всерьез, но когда первые счастливицы вернулись с маленьким состоянием на поясе, золотая лихорадка охватила даже оседлых жителей западного побережья.

— Почему бы нам не попробовать, Люк? — однажды спросил Дэвид, когда они сидели на берегу реки и наблюдали за группой золотоискателей, проплывавшей мимо них на каноэ.

Лукас как раз объяснял юноше специальные приемы рисования. Он удивленно посмотрел на Дэвида и сказал:

— Что мы должны попробовать? Поискать золото? Не смейся меня, Дэйв, это не для нас.

— А почему бы и нет? — Жадный взгляд широко раскрытых глаз Дэвида заставил сердце Лукаса учащенно забиться. Это не было выражение, которое можно было увидеть на лицах хитрых драгеров, побывавших уже во всех районах страны, прежде чем новости о новых месторождениях привели их в Вестпорт. В глазах Дэвида не было отголоска прошлых разочарований, бесконечных зим в примитивных лагерях, палящего лета, когда приходилось, несмотря на жару, просеивать тонны песка и надеяться, надеяться — пока кто-то наконец-то не найдет в реке маленький самородок драгоценного металла или же обнаружит золотую жилу в камне. Нет, Дэвид выглядел как ребенок, наблюдающий за изготовителем игрушек. Он уже видел себя обладателем новых сокровищ, хотя строгий отец не давал ему денег на покупку. Лукас вздохнул. Он с удовольствием исполнил бы желание юноши, но не видел никаких шансов на успех.

— Дэйв, мы же ничего не знаем о добыче золота, — произнес он дружелюбно. — Мы даже понятия не имеем, где его нужно искать. Кроме

того, я не траппер^[10] и не искатель приключений. На что мы будем жить все это время?

По правде говоря, Лукасу хватило нескольких часов, проведенных в джунглях после побега с «Притти Пег», чтобы понять, как тяжело жить в условиях дикой природы. Насколько его восхищала местная флора, настолько же его пугала мысль о том, что он мог заблудиться. В тот раз ориентироваться на местности ему помогла река. Во время нового приключения им пришлось бы уйти далеко от нее. Ладно, они могли бы найти какой-то ручей и не отходить от него далеко, но представления Дэвида о том, что золото потечет прямо им в руки, Лукас не разделял.

— Пожалуйста, Люк, давай хотя бы попробуем! Не нужно сразу бросать нашу жизнь здесь. Давай уедем на выходные! Мистер Миллер точно одолжит мне лошадь. Вечером в пятницу мы отправимся вверх по течению, в субботу хорошенько посмотримся и тогда...

— И что тогда, Дэйви? — мягко промолвил Лукас. — У тебя есть хоть малейшее представление о том, что делать дальше?

— Рочфорд обнаружил золото возле Лиелл-Крик и в ущелье Буллер. Лиелл-Крик всего лишь в сорока милях вверх по течению...

— И там уже, скорее всего, полным-полно других золотоискателей, — скептически заметил Лукас.

— Нам необязательно искать именно там! Возможно, золото есть везде, и нам нужно просто заявить о том, что оно наше! Давай, Люк, не будь занудой! Одни выходные!

Дэвид упрашивал его, и Лукас чувствовал себя польщенным. В конце концов, юноша мог бы присоединиться к любой группе золотоискателей, но он хотел быть вместе с ним. И все же Лукас не мог решиться на рискованное приключение. Опасности езды верхом в джунглях, по незнакомой тропе, вдали от ближайшего поселения отчетливо стояли перед глазами осторожного от природы Лукаса. Возможно, он никогда не согласился бы, но внезапно в пабе объявились Норман и еще пара охотников на тюленей. Довольные, они поздоровались с Лукасом и при этом не забыли напомнить ему про ночь, проведенную с близняшками. Норман радостно хлопал его по плечу.

— Мы же думали, что ты обыкновенный трус! Чем ты сейчас занимаешься? Слышал, ты теперь большая шишка на стройке, поздравляю! Но на строительстве домов ты не разбогатеешь. Слушай, мы собираемся вверх по течению Буллер, чтобы поискать золото! Не хочешь с нами? Поискал бы тоже свое счастье!

Дэвид, который как раз седлал коней и укладывал сумки для людей

Нормана, посмотрел на старика загоревшимися глазами.

— Вы уже пробовали отмывать золото? — взволнованно поинтересовался он.

Норман покачал головой.

— Я — нет. Но вот Джо пробовал, где-то в Австралии. Он может нам показать, как это делается. Наверняка ничего особенного. Держишь ковш в воде и следишь, не появится ли золото! — Он рассмеялся.

Лукас же, наоборот, вздохнул. Он уже понял, что его ожидало.

— Вот видишь, Люк, все говорят, что это легко! — поспешно сказал Дэвид. — Давай тоже попробуем, пожалуйста!

Норман заметил блеск в глазах юноши и засмеялся.

— А парень с огоньком! Он-то тут не задержится надолго, Люк! Так что, пойдете с нами или тебе еще нужно время на размышления?

Чего Лукасу точно не хотелось, так это идти на поиски золота целой группой. С одной стороны, было бы неплохо поручить организацию поисков другим или, по крайней мере, разделить ответственность между несколькими людьми. У некоторых мужчин было больше опыта в жизни посреди леса. Но о минералогии они не имели ни малейшего представления. Если бы они и нашли золото, то лишь благодаря чистой случайности, а в подобных ситуациях вряд ли можно обойтись без ссор. Лукас покачал головой.

— Мы не можем взять и бросить все, — объяснил он. — Но рано или поздно... посмотрим, Норм!

Норман снова засмеялся и на прощание пожал ему руку, отчего пальцы Лукаса болели еще несколько минут.

— Увидимся, Люк! И надеюсь, что к тому времени мы оба уже будем богатыми!

Они отправились в путь рано утром в субботу. Мистер Миллер, хозяин конюшни, действительно не отказал Дэйву, но, к сожалению, лишь одна лошадь была свободной. Поэтому Дэйв закинул животному на спину сумки и уселся сзади Лукаса. Несмотря на то что лошадь была сильной, двигаться быстро они не могли, потому что папоротниковый лес вскоре стал настолько густым, что в нем невозможно было скакать ни рысью, ни галопом. Лукас, сначала недовольный тем, что Дейв все-таки уговорил его, вскоре начал наслаждаться поездкой. В последние дни часто шел дождь, но теперь сияло солнце. Над джунглями парили облака, прикрывавшие горные вершины и придававшие освещению неестественный оттенок. Лошадь медленно и уверенно продолжала двигаться вперед, и Лукас с

удовольствием ощущал тело Дейва сзади себя. Юноше пришлось прижаться к Лукасу и обхватить его руками. Лукас чувствовал, как у его спутника играли мускулы, чувствовал дыхание Дэвида на своей шее, и по телу мужчины бегали мурашки. В конце концов юноша даже заснул, положив голову ему на плечо.

Туман начал рассеиваться, и в реке, сиявшей на солнце, отражались нависшие над ней скалы. Через какое-то время они настолько близко подступили к реке, что проехать стало невозможно, и Лукасу пришлось вернуться назад, чтобы найти тропинку и по ней подняться вверх. Вскоре он обнаружил горную тропу, вероятно протоптанную маори, а может, другими золотоискателями, — теперь Лукас мог следовать за течением реки по верху утеса.

Медленно, но уверенно они продвигались внутрь острова. Где-то здесь более ранние экспедиции обнаружили месторождения золота и угля. Как и с помощью каких приборов, для Лукаса оставалось загадкой. Все вокруг казалось ему одинаковым: горная местность, где чаще встречались не скалы, а поросшие папоротником холмы и возвышенности. Иногда попадались отвесные утесы, ведущие к высоким плато, а также ручьи, которые впадали в Буллер через множество мелких и крупных водопадов. Порой берег реки оказывался песчаным, удобным для отдыха, и тогда Лукас задавал себе вопрос: а может, им стоило отправиться не верхом на лошади, а на каноэ? Он допускал, что песок на каком-то из пляжей был золотоносным, но, поразмыслив, понимал, что у них нет никакой возможности проверить подобные догадки.

Если бы только вместо ботаники и энтомологии он интересовался раньше геологией или минералогией! Лукас был уверен, что геологическое строение местности, например характер расположения скал, мог привести кого-нибудь к месторождению золота. Но нет, ему ведь нужно было рисовать уэту! Так постепенно Лукас пришел к выводу, что люди из его окружения — прежде всего Гвинейра — были в какой-то степени правы. Его интерес к искусству был совершенно бесполезным в реальной жизни; без денег, которые его отец получал в Киворд-Стейшн, он был ничто, а его шансы на самостоятельное и успешное ведение фермы были весьма незначительными. Джеральд не без основания считал его, Лукаса, неподходящим наследником для «овечьего барона».

Пока Лукас был погружен в мрачные раздумья, Дэвид за его спиной успел проснуться.

— Хм, кажется, я заснул! — радостно сообщил он. — О, Люк! Как же тут красиво! Это ущелье Буллер?

Внизу, под горной тропинкой; река пробивала себе путь сквозь отвесные скалы. От вида речной долины и окружающих ее гор перехватывало дыхание.

— Наверное, — ответил Лукас. — Но если кто-то и нашел здесь золото, то он не оставил нам таблички с указанием пути.

— Ну, это было бы слишком просто! — довольно произнес Дэвид. — Да и все золото уже забрали до нас, ведь прошло столько времени! Боже, я так проголодался! Может, сделаем привал?

Лукас пожал плечами. Открывавшийся его взгляду путь не был идеальным для остановки; вокруг были одни скалы, а лошади нечем было даже подкрепиться. Поэтому друзья сошлись на том, чтобы проехать еще полчаса и поискать более подходящее место.

— Здесь, мне кажется, тоже нет золота, — сказал Дэвид. — И если уж мы сделаем остановку, я хотя бы осмотрю все вокруг.

Вскоре друзья были вознаграждены за свое терпение. Через какое-то время они достигли плоскогорья, на котором росли не только всевозможные виды папоротника, но и густая трава для лошади. Далеко внизу река продолжала свой путь сквозь скалы, хотя прямо под местом их привала находился маленький пляж с песком золотистого цвета.

— Интересно, кому-то приходило в голову попробовать промыть его? — Дэвид, жуя хлеб, продолжал развивать свою идею. — Было бы замечательно, если бы в нем было полным-полно золотых самородков!

— Не кажется ли тебе, что это слишком просто? — Лукас улыбнулся. Энтузиазм юноши поднял ему настроение.

Но Дэвида не покидала показавшаяся ему удачной мысль.

— Именно! Как раз поэтому никто этого и не пробовал! Спорим, что у всех от удивления глаза вылезут на лоб, если мы сейчас найдем пару самородков?

Лукас засмеялся.

— Попробуй поискать золото на пляже, до которого мы хотя бы сможем добраться. Здесь же, чтобы спуститься вниз, нужно уметь летать.

— Вот еще одна причина, по которой никто не пробовал! Люк, здесь лежит наше золото! Я уверен в этом! Я спущусь вниз!

Лукас озадаченно покачал головой. Но юноша крепко уцепился за свою идею.

— Дэви, половина золотоискателей идет вверх по реке. Они наверняка уже делали привал на том пляже. Здесь нет золота, поверь мне!

— Откуда ты можешь это знать? — Дэвид вскочил на ноги. — В любом случае я лучше доверюсь своей удаче! Я спущусь вниз и посмотрю

собственными глазами!

Юноша начал искать хорошее место для начала спуска, в то время как Лукас испуганно смотрел вниз.

— Дэвид, здесь же как минимум пятьдесят метров! И скала совершенно отвесная! Ты не сможешь тут спуститься!

— Конечно же, смогу! — С этими словами юноша исчез за краем утеса.

— Дэйв! — Лукасу показалось, что вместо голоса он издал визг. — Дэйв, подожди! Дай я хотя бы привяжу тебя к веревке!

Лукас не имел ни малейшего понятия, хватит ли той веревки, которую они взяли с собой, или нет, но продолжал в панике искать ее в сумке.

Дэвид же решил не ждать. Казалось, парень совсем не знал опасности. К тому же, по всей видимости, он не боялся высоты, хотя не был опытным скалолазом и не мог определить, насколько устойчив выступ скалы. Дэйв также не подумал о том, что земля, поросшая травой, на которую он уперся всем своим весом, была мокрой после дождя и скользкой.

Еще до того, как Лукас успел схватить веревку, он услышал крик. Он рванулся, чтобы побежать к краю скалы, но затем осознал, что Дэвид, скорее всего, умер. Никто не мог пережить падение с такой высоты. Лукас почувствовал дрожь в ногах и на секунду прижался лбом к дорожной сумке, которая все еще лежала на спине у послушной лошади. Он не знал, хватит ли ему мужества посмотреть на разбитое тело любимого...

Внезапно он услышал слабый приглушенный голос:

— Люк... помоги мне! Люк!

Лукас побежал к краю. Этого не могло быть, Дэйв не мог...

В следующее мгновение он увидел юношу на краю скалы, приблизительно в двадцати метрах от него. Из раны над глазом у Дэвида шла кровь, а его нога странным образом вывернулась, но он был жив.

— Люк, мне кажется, я сломал ногу! Мне так больно...

Дэвид казался испуганным; он пытался сдерживать слезы, но самое главное заключалось в том, что он был жив! И, судя по всему, его положение было не слишком опасным. На краю скалы имелось достаточно места для одного, а то и для двух человек. Лукас должен был обвязаться веревкой, спуститься вниз и помочь юноше подняться наверх. Он подумал, могла ли помочь в данной ситуации лошадь, но без седла, за рожок которого можно было привязать канат, такой вариант действий казался не самым удачным. К тому же он не знал характера животного. Если лошадь начнет беспокойно двигаться, пока они вдвоем будут висеть на веревке, то, скорее всего, погубит их обоих. Значит, нужно было привязать веревку к

скале! Веревки не хватало, чтобы спуститься в долину реки, но до того места, где лежал Дэвид, она доставала без проблем.

— Я спускаюсь, Дэйви! Не переживай!

Лукас начал медленно продвигаться вниз по отвесной скале. Его сердце учащенно билось, а рубашка почти насквозь промокла от пота. Лукас еще никогда в жизни не спускался по скале — большая высота вызывала у него страх. Но благодаря веревке спускаться оказалось легче, чем он думал. Скала не была совершенно гладкой, и Лукас останавливался на выступах, что придавало ему мужества для подъема обратно. Нужно было только не смотреть вниз...

Дэйв сполз практически к самому краю скалистого выступа и ожидал Лукаса с протянутыми руками. Но Лукас не рассчитал точное расстояние. Как оказалось, теперь он находился слишком далеко от Дэвида. Ему пришлось аккуратно раскачивать веревку, пока юноше не удалось ухватиться за нее. Лукасу становилось плохо, как только он начинал думать о сложившейся ситуации. До сих пор он стоял на выступе скалы, но, чтобы раскачать веревку, ему пришлось полностью оторваться от камня.

Лукас глубоко вдохнул.

— Я спускаюсь, Дэвид! Хватайся за веревку и подтягивайся ко мне. Как только мне удастся упереться ногой о камень, ты подтянешься выше и я обхватю тебя руками. Я удержу тебя, не переживай!

Дэвид кивнул. Его лицо было бледным, а по щекам текли слезы. Но парень собрался с силами, к тому же он был очень ловким. Он обязательно должен ухватиться за веревку.

Лукас энергично оторвался от скалы и, стараясь сильно не раскачиваться, попытался приземлиться прямо возле Дэйва.

Сначала он улетел не в ту сторону и оказался далеко от юноши. Раскачиваясь на веревке и стараясь изо всех сил удержаться на ней, Лукас попытался найти выступ, на который можно было бы встать ногой; затем он раскачал веревку еще раз. Теперь у него все вышло. Дэвид поймал веревку, пока Лукас искал опору.

Но затем веревка не выдержала тяжести. Либо камень, к которому она была привязана, сдвинулся с места, либо Лукас завязал непрочный узел. Сначала он соскользнул лишь чуть-чуть, но вскоре веревка наверху полностью развязалась. Лукас начал падать, а Дэвид попытался удержать веревку в руках. Юноша отчаянно старался замедлить падение друга, но в его положении такие действия были безнадежными. Веревка скользила в пальцах Дэвида все быстрее и быстрее. Если бы она упала, то не только Лукас оказался бы внизу, но и все шансы Дэвида на спасение пропали бы.

При помощи веревки Дэвид, возможно, спустился бы в долину реки, а без нее умер бы от голода и жажды на выступе скалы. Мысли мелькали в голове Лукаса, пока он скользил все ниже и ниже. Ему нужно было принять решение: Дэйви не удержит его, а сам он, если вообще выживет, в любом случае получит травму. Значит, веревка не поможет ни одному из них. Лукас решил хотя бы раз в жизни совершить правильный поступок.

— Держись за веревку! — крикнул он Дэвиду. — Крепко держись за нее, что бы ни случилось!

Под действием веса Лукаса веревка все быстрее скользила между пальцами юноши. Он уже наверняка содрал себе кожу и вот-вот готов был сдаться от боли.

Лукас взглянул на отчаянное, но, тем не менее, такое прекрасное лицо Дэвида. Он любил его настолько сильно, что готов был умереть ради юноши. Затем Лукас отпустил веревку.

Казалось, весь мир состоял из боли, которая подобно ударам ножа пронзала спину Лукаса. Он не умер, но в каждую из этих ужасных секунд звал к себе смерть. Жить Лукасу оставалось недолго. После падения с высоты в двадцать метров он оказался на «золотом пляже» Дэвида. Он не мог пошевелить ногами, а его правая рука была парализована. Открытый перелом — раздробленная кость торчала из раны. Лишь бы все это поскорее закончилось...

Лукас стиснул зубы, чтобы не закричать, и внезапно услышал сверху голос Дэвида:

— Люк! Держись, я спускаюсь!

И действительно, юноша удержал веревку и теперь мастерски привязал ее к скале. Лукас молил Бога, чтобы Дэвид тоже не упал, но в душе он знал, что узел Дэйва выдержит тяжесть...

Дрожа от боли и страха, Лукас следил за спуском юноши. Несмотря на сломанную ногу и содранную кожу на руках, Дэвид ловко повис над утесом и вскоре оказался на пляже. Сначала он попытался осторожно переместить вес тела на здоровую ногу, но, чтобы добраться до Лукаса, ему пришлось ползти.

— Мне нужна палка, — сказал он наигранно уверенным голосом. — И тогда мы попробуем добраться домой вдоль реки... или же прямо по ней, если придется. Как ты, Люк? Я так рад, что ты жив! Рука заживет, а...

Юноша наклонился над Лукасом и стал осматривать его руку.

— Я... я умираю, Дэйви, — прошептал Лукас. — У меня не только рука сломана. Но ты... ты должен вернуться, Дэйв. Пообещай мне, что не

сдашься...

— Я никогда не сдаюсь! — сказал Дэвид и вымученно улыбнулся. — И ты тоже...

— Я... послушай, Дэйв, ты не... ты не мог бы... поддержать меня на руках? — Желание вырвалось у Лукаса наружу; он больше не мог себя сдерживать. — Я... хотел бы...

— Ты хочешь увидеть реку? — ласково спросил Дэвид. — Она очень красивая и блестит, как золото. Но... может быть, тебе лучше полежать спокойно...

— Я умираю, Дэйв, — повторил Лукас. — Секундой позже или раньше... пожалуйста...

Когда Дэвид приподнял Лукаса, боль была ужасной, но затем все прошло. Он чувствовал лишь руку мальчика на своем теле, ощущал его дыхание и тепло плеча, на которое опирался. Он вдыхал запах пота, казавшегося ему приятнее, чем запах роз в саду Киворд-Стейшн, и слышал всхлипывания, которые Дэвид больше не мог сдерживать. Лукас уронил голову и тайком поцеловал Дэвида в шею. Юноша ничего не почувствовал, он лишь крепче прижал к себе умирающего.

— Все будет хорошо, — прошептал он. — Все будет хорошо. Ты поспи немного, и тогда мы...

Стейнбьорн Сиглейфсон качал умирающего на руках, как это делала его мать, когда он был еще совсем маленьким. Объятия приносили ему утешение; Дэвид на мгновение забыл о том, что тоже был ранен и остался на клочке суши без одеяла и провианта. Наконец он уткнулся лицом в волосы Лукаса, как бы пытаясь защититься от боли.

Лукас закрыл глаза и полностью отдался во власть этого всепоглощающего чувства счастья. Все было хорошо. Он получил то, чего хотел. Он был там, куда и стремился попасть.

Прибыв в Вестпорт, Джордж Гринвуд отвел свою лошадь в конюшню и велел хозяину хорошо ее накормить. Судя по всему, ему можно было доверять; помещение показалось Джорджу относительно чистым. Молодому Гринвуду нравился этот городок у устья Буллер. Пока что он был совсем крошечным, с населением около двухсот человек, но уже сейчас все больше золотоискателей приезжало сюда в попытках найти драгоценный металл; попутно в Вестпорте обнаружили и залежи каменного угля. Джорджа полезные ископаемые интересовали куда больше, чем золото. Те, кто открыл месторождение, теперь искали инвесторов, чтобы построить шахту и железную дорогу: поскольку транспортировать уголь по доступной цене было невозможно, его добыча стала нерентабельной. Джордж хотел использовать свое пребывание на западном побережье не только для того, чтобы составить впечатление о городе, но и выйти на новые контакты. Для торговца оценка ситуации всегда имеет особое значение.

Этим летом доходы от процветающего предприятия впервые позволили Джорджу совершить поездку куда-либо, и он отправился в путь, не представляя интересы той или иной овечьей фермы. Теперь, в январе, когда стрижка овец и рождение ягнят были позади, он мог позволить себе пустить бесконечные проблемы Говарда О'Кифа на самотек. Джордж только вздыхал при мысли о безнадежном супруге Хелен! Благодаря его поддержке, дорогим породистым животным и полезным советам ферма О'Кифа наконец-то начала приносить хоть какую-то прибыль, но Говард оставался постоянным источником проблем. Он часто горячился, любил выпить, неохотно прислушивался к советам, да и то, если они исходили от самого Джорджа. Говард демонстративно игнорировал подчиненных своего попечителя, а именно Рети — бывшего ученика Хелен, постепенно ставшего правой рукой Джорджа. Каждый разговор, каждое предупреждение о том, чтобы, например, наконец-то согнать овец в апреле, дабы не потерять животных из-за внезапно установившейся зимней погоды, требовали от Джорджа поездки из Крайстчерча в Холдон.

И как бы ни нравилось Джорджу и Элизабет проводить время у Хелен, у молодого успешного предпринимателя были и другие заботы, а не только улаживание проблем мелкого фермера. Кроме того, Джорджа раздражали упрямство Говарда и его обращение с Хелен и Рубеном. Оба постоянно навлекали на себя гнев О'Кифа — как ни странно, именно потому, что, по

мнению Говарда, Хелен слишком часто вмешивалась в жизнь фермы, а Рубен, наоборот, находил другие, более интересные занятия.

Хелен уже давно поняла, что помощь со стороны Джорджа была единственным, что могло не только спасти их экономическое положение, но и значительно улучшить условия жизни на ферме, поэтому она, в отличие от своего супруга, готова была принять рекомендации Джорджа и понять, почему он советует сделать так, а не иначе. Хелен постоянно заставляла супруга внедрять в жизнь советы предпринимателя, чем вызывала еще больший гнев со стороны Говарда. Отношения между ними заметно ухудшились, поскольку Джордж всегда становился на защиту Хелен, а явное восхищение маленького Рубена «дядей Джорджем» уже давно стало раздражителем для О'Кифа. Гринвуд щедро снабжал мальчишку книгами, которые тот только мог пожелать, и дарил ему увеличительные стекла и ботанизирки, чтобы поощрить научные интересы Рубена. Говард же считал все это чепухой — по его мнению, Рубен должен был перенять управление фермой, а для этого хватило бы элементарных знаний. Парень умел читать, писать и считать — ну и достаточно, чтобы стать успешным фермером. Но Рубена вообще не интересовала работа на ферме, и он лишь поверхностно знал что-то о флоре и фауне. «Исследования» Рубена в этой области инициировала его маленькая подруга Флёр. Мальчик больше разделял тягу своей матери к гуманитарным наукам. Уже сейчас он читал в оригинале классиков, а в будущем мог бы стать священником или юристом, ибо ему было присуще выраженное чувство справедливости. Джордж совершенно не видел в Рубене фермера — казалось, конфликта между отцом и сыном просто невозможно избежать. Гринвуд опасался, что когда-нибудь его сотрудничеству с О'Кифом наступит конец, и совершенно не хотел думать о последствиях подобного развития событий для Хелен и Рубена. Но всем этим можно было бы заняться попозже.

Его нынешний визит на западное побережье был своего рода отпуском; Джордж хотел поближе познакомиться с Южным островом и открыть новые рынки. Кроме того, у него была и другая мотивация: он по-прежнему продолжал поиски Лукаса Уордена, у которого тоже сложились непростые, даже трагические отношения с отцом. Джордж никому этого не рассказывал, но надеялся, что следы пропавшего мужа Гвинейры все-таки когда-нибудь отыщутся.

Со времени исчезновения наследника Киворд-Стейшн прошло больше года, и слухи о причинах бегства Лукаса постепенно начали утихать. О происхождении Пола тоже практически никто не упоминал; всех

устроивала история о том, что супруг Гвинейры находился в Лондоне. Поскольку и раньше Лукаса в обществе видели нечасто, по нему никто не скучал. К тому же местный банкир не умел держать язык за зубами, поэтому в Холдоне все знали о грандиозном финансовом успехе картин Лукаса. Люди воспринимали как само собой разумеющееся, что эти деньги приходили на счет в банке от продажи новых полотен известного художника в Лондоне. В действительности же столичные галереи продавали лишь уже имеющиеся у них в наличии картины. По просьбе Джорджа Гвинейра послала в Лондон уже третью партию акварелей и картин маслом. Там они ценились намного выше, чем в Новой Зеландии, и Джордж получал часть прибыли — это и было веской причиной отправиться на поиски пропавшего художника, не считая, конечно, обычного любопытства.

Любопытство тоже играло свою роль. По мнению Джорджа, поиски Лукаса, организованные Джеральдом, были слишком уж поверхностными. Он спрашивал себя, почему старый Уорден не послал хотя бы одного человека, если уж не мог отправиться на розыск самостоятельно. Это не составило бы особой проблемы, так как Джеральд знал западное побережье как свои пять пальцев, а где-либо еще прятаться Лукас не мог. Если только он не оформил себе поддельные бумаги, что Джордж считал маловероятным, Лукас вряд ли покинул Южный остров, так как в списках пассажиров его имя не значилось. На овечьих фермах восточного побережья Уорден тоже не показывался, иначе об этом уже все заговорили бы. А для того, чтобы искать убежище в поселении маори, Лукас был слишком «английским». Он никогда не смог бы привыкнуть к образу жизни племени, к тому же не знал ни слова на их языке. Значит, оставалось западное побережье — а там было не так много поселений. Почему Джеральд не обследовал все возможные места? Что могло случиться, из-за чего старый Уорден был бы рад избавиться от сына? И почему он отреагировал на рождение долгожданного внука с такой явной сдержанностью? Джордж хотел узнать правду, и Вестпорт был уже третьим городом, в котором он пытался найти Лукаса. Вот только кого следовало спрашивать о пропавшем? Хозяина конюшни? Джорджу это показалось хорошим началом.

Миллер, хозяин конюшни, покачал головой.

— Молодой джентльмен на старой лошади? Такого я не припоминаю. Да и джентльменов у нас здесь немного. — Он рассмеялся. — Но вполне может быть, что я о нем просто не слышал. До недавнего времени у меня был помощник, но он... в общем, это долгая история. В любом случае он

был очень надежным и часто самостоятельно занимался размещением людей на ночь. Лучше всего спросить в пабе. От малышки Дафны никто не скроется... по крайней мере, ни один представитель мужского пола!

Джордж улыбнулся, хотя и не до конца понял намек. Значит, нужно идти в паб. Впрочем, там ему могли предложить комнату. А еще Джордж проголодался.

Торговое заведение приготовило Гринвуду такой же приятный сюрприз, как и конюшня. Здесь тоже царили относительный порядок и чистота. Казалось, паб и бордель превратились в единое целое. Юная рыжеволосая девушка, сразу же осведомившаяся у Джорджа, чего посетителю хотелось бы, была сильно накрашена и одета в яркое платье официантки.

— Пиво, что-нибудь поесть и комнату, если у вас таковая имеется, — заказал Джордж. — А еще я ищу девушку по имени Дафна.

Рыжеволосая красавица улыбнулась.

— Пиво и сэндвич сейчас принесут, а вот комнаты мы сдаем лишь почасово. Если же у вас есть деньги и вы готовы записаться прямо сейчас, я могу предложить место для ночлега. Кто же так тепло обо мне отзывался, что вы спросили сразу же, едва только зашли к нам?

Джордж ответил ей улыбкой.

— Значит, ты и есть Дафна. Но я вынужден тебя разочаровать. Мне тебя посоветовали не по той причине, о которой ты подумала, а из-за того, что ты здесь знаешь практически каждого. Тебе о чем-нибудь говорит имя Лукас Уорден?

Дафна задумалась.

— Так вот сразу и не припомню. Но звучит знакомо... Сейчас я принесу вам поесть и подумаю.

Тем временем Джордж выложил на стол пару монет, с помощью которых он надеялся усилить желание Дафны помочь ему. Но это оказалось ненужным; девушка, по всей видимости, ничего не требовала. Напротив, она засияла, выйдя из кухни.

— Некий мистер Уорден был на корабле, на котором я приплыла из Англии! — радостно объявила она. — Я так и знала, что где-то слышала это имя. Но мужчину звали не Лукас, а Харальд или что-то в этом роде. И он был пожилым. А почему вы вообще его разыскиваете?

Джордж был озадачен. На подобного рода расспросы он не рассчитывал. Ну да ладно, Дафна и ее семья, должно быть, прибыли в Крайстчерч на «Дублине» вместе с Хелен и Гвинейрой. Странное

совпадение, но ему это было только на руку.

— Лукас Уорден — это сын Джеральда, — ответил Джордж. — Высокий, стройный мужчина, светловолосый, сероглазый, очень вежливый. У меня есть основания предполагать, что он находится где-то на западном побережье.

Приветливость на лице Дафны сменилась недоверием.

— А вы, значит, его разыскиваете? Вы что, полицейский?

Джордж покачал головой.

— Друг, — сказал он. — Друг с очень хорошими новостями. Я убежден, что мистер Уорден был бы рад увидеть меня. В случае, если вы все же что-либо знаете...

Дафна пожала плечами.

— Это уже неважно, — пробормотала она. — Но если уж вы хотите знать, у нас тут был мужчина по имени Люк — фамилию его я не знаю, но он подходит под описание. Хотя, как я уже сказала, это не имеет никакого значения. Люк мертв. Впрочем, вы можете поговорить с Дэвидом, если есть желание... и если он захочет с вами общаться. Пока что он не разговаривал ни с кем. Он в плохом состоянии.

Джордж испугался — и в тот же момент понял, что малышка права. На западном побережье было немного таких мужчин, как Лукас Уорден, а эта девушка обладала очень хорошей интуицией и была весьма наблюдательна. Джордж поднялся. Сэндвич, который принесла посетителю Дафна, выглядел довольно аппетитно, но ему внезапно перехотелось есть.

— Где я могу найти этого Дэвида? — спросил он. — Если Лукас... если он действительно умер, я хочу об этом знать. Сейчас же.

Дафна кивнула.

— Мне жаль, сэр, если это был ваш Лукас. Хороший парень. Немного странный, но очень порядочный. Идите за мной, я отведу вас к Дэvidу.

К удивлению Джорджа, она повела его не на улицу, а на второй этаж. Здесь, должно быть, находились комнаты борделя...

— Я думал, вы не сдаете номера на большой срок, — заметил он, когда девушка стремительно прошла через салон, обставленный плюшевой мебелью, и направилась к номерам.

Дафна кивнула.

— Поэтому мисс Иоланда и разоралась как резаная, когда я попросила временно поселить Дэвида наверху. Но куда еще его можно было положить в таком тяжелом состоянии? Доктора ведь у нас нет. Цирюльник наложил шину на ногу, но с температурой и в полуголодном состоянии отправлять Дэвида в конюшню было нельзя! Поэтому я отдала ему в распоряжение

свою комнату. Клиентов я сейчас делю с Мирабеллой, и старуха забирает у меня половину заработанного как плату за комнату. При этом клиенты с удовольствием платят мне вдвойне, да я меньше и не беру. В 'общем, старуха жадная до безумия. Я скоро отсюда уеду. Когда Дэйви поправится, я заберу детей и поищу себе новое место работы.

Значит, у нее уже были дети. Джордж вздохнул. Девушке, должно быть, жилось нелегко! Затем он снова сосредоточил свое внимание на комнате, которую как раз открыла Дафна, и на юноше, лежавшем на кровати.

Дэвид был совсем еще мальчиком. В плюшевой двойной кровати он казался еще меньше, а вид его полностью забинтованной правой ноги, подвешенной на сложной конструкции из подпорок и веревок, еще больше усиливал это впечатление. Юноша лежал с закрытыми глазами. Его симпатичное лицо, прикрытое непослушными светлыми волосами, было бледным и измученным.

— Дэйви? — дружелюбно позвала его Дафна. — К тебе тут посетитель. Господин из...

— Крайстчерча, — подсказал Джордж.

— Он вроде бы знал Люка. Дэйви, какая у Люка была фамилия? Ты ведь знаешь...

Джордж, который быстрым взглядом окинул комнату, в ответе на этот вопрос уже не нуждался. На ночном столике рядом с юношей лежал альбом с рисунками, выполненными в знакомом стиле.

— Денуорд, — тихо произнес Дэвид.

Через час Джордж узнал всю историю. Дэвид рассказал о последних месяцах жизни Лукаса, его работе строителем и чертежником и, наконец, упомянул о злосчастных поисках золота.

— Это полностью моя вина! — в отчаянии воскликнул он. — Люк не хотел никуда ехать... а затем мне пришлось на ум еще и спуститься с этой проклятой скалы. Я его погубил! Я убийца!

Джордж покачал головой.

— Парень, ты совершил ошибку, возможно, даже не одну. Но если все произошло так, как ты рассказываешь, то это был несчастный случай. Если бы Лукас завязал более крепкий узел, он наверняка был бы жив. Ты не должен постоянно винить себя, ведь все равно уже ничего не исправить.

В наступившей тишине он подумал, что эта трагедия весьма характерна для Лукаса. Художник, такой беспомощный в реальной жизни. И при этом такой талантливый и расточительный относительно своего

дара!

— Как же ты спасся? — спросил Джордж. — Если я правильно тебя понял, вы были довольно далеко отсюда.

— Мы... мы были не так уж и далеко, — ответил Дэвид. — Мы оба ошибались. Я думал, что мы уже проскакали около сорока миль, а нам удалось отъехать всего лишь на пятнадцать. Но с поломанной ногой я все равно не добрался бы домой пешком... Я был уверен, что скоро умру. Но сперва... я должен был похоронить Люка. Прямо там, на пляже. Боюсь, не очень глубоко, но... но там ведь нет волков, правда?

Джордж заверил его, что ни одно дикое животное в Новой Зеландии не стало бы выкапывать труп.

— И тогда я стал ожидать... ожидать смерти. Три дня, по моим подсчетам... после этого я уже ничего не помню, у меня началась лихорадка, я даже не мог подползти к реке, чтобы попить воды... Но за это время наша лошадь вернулась домой, и мистер Миллер догадался, что что-то случилось. Он хотел сразу же отправить поисковую группу, но с него только посмеялись. Люк... он не слишком умело обращался с лошадьми, как вы знаете. Все подумали, что он просто недостаточно крепко привязал лошадь, вот она и убежала. Но когда мы не вернулись и в последующие дни, горожане все же отправили нескольких человек на лодке. Даже цирюльник поплыл с ними. Вот тогда меня и обнаружили, довольно быстро, всего лишь через два часа после отплытия. Но я ничего об этом не помню. Когда я очнулся, то был уже здесь...

Джордж кивнул и погладил мальчишку по волосам. Дэвид казался очень юным. Джордж сразу же вспомнил о ребенке, которого вскоре должна была родить Элизабет. После свадьбы прошло два года, и теперь у него, возможно, тоже появится такой сын — пылкий и мужественный. Однако он родится под явно более счастливой звездой, нежели этот парнишка. Что Лукас видел в Дэвиде? Сына, которого так себе хотел? Или, скорее, все-таки любовника? Джордж, конечно, догадался о гомосексуальных наклонностях Лукаса. Он был родом из большого города, где подобные отношения между мужчинами были не в новинку. К тому же поведение Лукаса и многолетняя бездетность Гвинейры с самого начала вызвали у него подозрения насчет того, что младшему Уордену скорее нравились мальчики, нежели девочки. Хотя... это его совершенно не касалось. А вот насчет сексуальной ориентации Дэвида у него не было никаких сомнений, достаточно было заметить, какие влюбленные взгляды тот бросал в сторону Дафны. Но Дафна не отвечала на чувства Дэвида, что было еще одним поводом для его грусти.

Джордж задумался.

— Послушай, Дэвид, — сказал он после паузы. — Лукас Уорден... Люк Денуорд... был не настолько одинок, как ты думаешь. У него была семья, и я думаю, что его жена имеет право знать, как он умер. Когда ты снова поправишься, тебя в конюшне будет ожидать лошадь. Тогда ты поедешь в Кентербери и поищешь Гвинейру Уорден из Киворд-Стейшн. Ты сможешь это сделать... для Люка?

Дэвид серьезно кивнул.

— Если вы думаете, что он этого хотел...

— Он бы очень этого хотел, Дэвид, — ответил Джордж. — А потом приезжай в Крайстчерч в мою фирму. «Гринвуд Энтерпрайзис». Там ты не найдешь золота, но прибыльной работой я смогу тебя обеспечить. Если ты парень умный — а это так и есть, иначе Лукас не стал бы тебе покровительствовать, — то через какое-то время ты сможешь добиться успехов.

Дэвид снова кивнул, на этот раз слегка недовольно.

Дафна же, напротив, посмотрела на юношу более дружелюбно.

— Вы дадите ему работу, при которой он может сидеть, не так ли? — спросила она, провожая посетителя к выходу. — Цирюльник говорит, что Дэвид всегда будет хромать, нога была сильно травмирована. Но если вы предоставите ему место в офисе... тогда он по-другому начнет относиться к девушкам. Для него было бы хорошо перестать так убиваться из-за Люка. А я... я все равно неподходящая невеста для Дэвида.

Она говорила спокойно и без горечи в голосе, и Джорджу вдруг стало жаль, что это сильное, умное создание было девушкой. Будучи мужчиной, Дафна смогла бы добиться в новой стране счастья. Но из-за того, что Дафна была девушкой, ей удалось стать лишь тем, кем она была бы и в Лондоне — проституткой.

Прошло, должно быть, больше полугода, прежде чем Стейнбьорн Сиглейфсон решил приехать в Киворд-Стейшн. Юноша долго лежал в постели, после чего ему пришлось заново учиться ходить. Кроме того, ему тяжело было расстаться с Дафной и близняшками, несмотря на то что девочки каждый день уговаривали его побыстрее отправляться в путь. В конце концов у него просто не осталось иного выхода. Мисс Иоланда настоятельно требовала, чтобы Дэвид убирал у себя в комнате, а мистер Миллер разрешил ему вернуться в конюшню, но больше не был в состоянии платить юноше его прежнюю зарплату. Во всем Вестпорте не было работы для калеки — суровые жители побережья сообщили ему эту

безжалостную новость. При этом Дэвид уже неплохо двигался, хотя по-прежнему хромотал и не мог долгое время находиться на ногах. Поэтому после долгих размышлений он все-таки уехал из Вестпорта.

И вот теперь он стоял перед особняком, в котором когда-то жил Лукас, и взирал на него, потеряв самообладание от изумления. Как и прежде, у юноши не было ни малейшего представления о том, почему его друг покинул Киворд-Стейшн, но он понимал, что у Лукаса на то имелись, вероятно, серьезные причины. Не каждый человек решится оставить такую роскошь! Гвинейра Уорден, наверное, была настоящей мегерой! Дэвид серьезно подумывал о том, чтобы развернуться и уехать, — после того, как он расстался с Дафной, у него не было причин держать данное ей слово. Мало ли что могла наговорить ему жена Люка! Возможно, она обвинит его в смерти супруга.

— Что ты здесь делаешь? Назови мне свое имя и скажи, что тебе нужно! •

Стейнбьорн вздрогнул от испуга, услышав звонкий голосок, донесшийся из кустов. Молодой исландец, который вырос на сказаниях о феях и эльфах, сначала решил, что это призрак.

Но симпатичная девочка на пони, показавшаяся из-за кустов, производила вполне земное впечатление, хотя и была похожа на юную фею. Стейнбьорн еще никогда не видел такого маленького пони, несмотря на то, что на его родине лошади не были особо крупными. Но эта рыжая лошадка, масть которой так гармонично сочеталась с ярко-рыжими волосами юной наездницы, выглядела настоящей лошадью в миниатюре. Девочка уверенно направила пони к Дэвиду.

— Говори уже! — дерзко произнесла она.

Стейнбьорн не мог не рассмеяться.

— Меня зовут Стейнбьорн Сиглейфсон, и я ищу леди Гвинейру Уорден. Это же Киворд-Стейшн, не так ли?

Девочка серьезно кивнула.

— Да, но сейчас время стрижки овец, поэтому мамы нет дома. Вчера она контролировала работу в третьем сарае для стрижки овец, сегодня же — во втором. Она поменялась местами с предыдущим работником. Дедушка следит за работой в первом.

Стейнбьорн даже не понимал, о чем говорит девочка, но ни секунды не сомневался, что так все и есть.

— Ты не могла бы меня туда отвести? — осведомился он.

Девочка наморщила лоб.

— Ты же посетитель, правильно? Значит, мне нужно привести тебя в

дом, и ты должен положить свою визитную карточку на серебряный поднос. Затем придет Кири, пригласит тебя внутрь, после Вити сделает то же самое, а потом ты пройдешь в маленький салон и попьешь чаю... Ах да, я еще должна тебя развлекать, так говорит мисс Хелен. В общем, нам надо будет поговорить. О погоде и о чем-нибудь еще. Ты же джентльмен?

Стейнбьорн все еще не понимал, о чем рассказывала девочка, поэтому не мог пообещать ей интересную беседу.

— Кстати, меня зовут Флёретта, а это Минти. — Девочка указала на пони.

Стейнбьорн наблюдал за девчушкой с возрастающим интересом. Флёретта Уорден — это, наверное, дочь Люка! Но как он мог бросить этого обворожительного ребенка?.. Стейнбьорн все меньше понимал своего друга.

— Думаю, я не джентльмен, — после паузы ответил он малышке. — В любом случае у меня нет визитной карточки. Не могли бы мы... ну, не могла бы ты просто отвести меня к своей маме?

Казалось, у Флёретты совсем не было желания продолжать вежливую беседу, и она сразу же смягчилась. Девочка поскакала на пони впереди лошади Стейнбьорна, которой приходилось прилагать все усилия, чтобы не отставать. Ее Минти, делая небольшие шаги, передвигалась довольно быстро, а Флёретта уверенно управляла лошадкой. По пути к сараю она успела рассказать своему новому знакомому о том, что только что вернулась из школы, куда, вообще-то, не должна была ездить одна, но иногда ей приходилось это делать, потому что во время стрижки овец не хватало работников. Девочка также поведала о своем друге Рубене и маленьком брате Поле, которого она считала глупым, так как он все еще не разговаривал, а лишь кричал — особенно когда Флёретта пыталась взять его на руки.

— Он не любит никого, кроме Кири и Марамы, — сказала она. — Смотри, вон второй сарай. Спорим, что мама внутри?

Сарай для стрижки овец представлял собой вытянутое здание, в котором было достаточно места для нескольких загонов овец, к тому же работники могли стричь здесь животных, не боясь промокнуть под дождем. Несколько решеток отделяли нестриженных овец от тех, которых нужно было уже выгнать на луг. Стейнбьорн ничего не понимал в овцеводстве, но многое успел повидать у себя на родине, поэтому даже ему было понятно, что перед ним первоклассные животные. Перед стрижкой овцы с Киворд-Стейшн походили на чистые, пушистые мотки шерсти на ножках. После этого их прогоняли под струей водой, из-за чего животные казались слегка

общипанными, но все равно откормленными и бодрыми. Тем временем Флёретта спрыгнула с пони и ловко привязала животное перед воротами. Стейнбьорн последовал ее примеру и отправился внутрь сарая за девочкой. В помещении стоял сильный запах навоза, пота и бараньего жира. Но Флёретта, казалось, ничего не замечала. Она целеустремленно протискивалась сквозь хаотическое скопление людей и овец. Стейнбьорн увлеченно наблюдал, как мужчины с молниеносной скоростью хватали животных, валил и их на спину и обстригали всю шерсть. При этом они успевали подбадривать друг друга и вести подсчет, постоянно называя, те новые цифры.

Тому, кто вел здесь бухгалтерию, нужно было быть чертовски внимательным. Но женщина, ходившая между мужчинами и следившая за их работой, не производила впечатления перетруженного человека. Она то и дело обменивалась шутками со стригальями и ничем не обнаруживала своего удивления, когда результаты казались нереальными.

Гвинейра Уорден была одета в простое серое платье для верховой езды, а ее роскошные рыжие волосы были заплетены в неаккуратную косу. Она была небольшого роста, но полна энергии, как и ее дочь. Когда же Гвинейра повернулась к Стейнбьорну, он изумился тому, насколько красивой была эта молодая женщина. Что могло заставить Люка Уордена бросить такую красавицу? Стейнбьорн не мог насмотреться на ее благородные черты, полные губы и очаровательные глаза насыщенного синего цвета. Он заметил, что уставился на нее, лишь когда она начала невольно улыбаться от столь пристального внимания, и тут же отвел взгляд в сторону.

— Это мама. А это Стейн... Стейн... что-то там Стейн, — попыталась представить гостя Флёретта.

Тем временем Стейнбьорн снова пришел в себя и заковылял навстречу женщине.

— Леди Уорден? Стейнбьорн Сиглейфсон. Я приехал из Вестпорта. Мистер Гринвуд попросил меня... Ну, я был вместе с вашим мужем, когда... — Он протянул Гвинейре руку.

Она кивнула.

— Миссис Уорден, не леди, — машинально поправила она, пожимая руку. — Добро пожаловать. Джордж говорил о вас... Но здесь мы не можем продолжать этот разговор. Подождите немного.

Гвинейра осмотрелась, отыскивала взглядом среди стригалей пожилого темноволосого мужчину и обменялась с ним парой слов. Затем она сообщила остальным работникам, находившимся в сарае, что теперь Энди

МакАран был главным.

— И я ожидаю, что вы и впредь будете впереди остальных! Пока что мы обгоняем по количеству стриженных овец первый и третий сарай. Давайте же не расслабляться! Помните: победителям достанется бочка лучшего виски! — Она дружелюбно подмигнула мужчинам и снова повернулась к Стейнбьорну: —

Идемте в дом. Но сперва нам надо увидаться с моим свекром. Он тоже должен услышать, что вы хотите рассказать.

Стейнбьорн последовал за Гвинейрой и ее дочерью к лошадям. Гвинейра быстро и без посторонней помощи запрыгнула на коричневую кобылу. Юноша заметил также собак, которые повсюду за ней ходили.

— Разве вас звали? Финн, Флора, идите назад. А ты отправишься со мной, Клео. — Женщина прогнала двух колли обратно к стригалим, а третья, старая собака, у которой на носу уже поседела шерсть, присоединилась к всадникам.

Первый сарай для стрижки овец, где руководил Джеральд, находился с западной стороны от особняка. Гвинейра и Стейнбьорн не разговаривали во время скачки, и лишь Флёр постоянно пыталась завести разговор. Девочка увлеченно рассказывала о школе, где, по всей видимости, она как раз сегодня стала свидетелем ссоры.

— Мистер Говард разозлился на Рубена, потому что тот пошел в школу и не стал помогать отцу с овцами. При этом стригали прибудут лишь через пару дней. Овцы мистера Говарда все еще пасутся на высокогорных пастбищах, и Рубен должен был пригнать их домой, но он совершенно не умеет обращаться с овцами! Я сказала, что завтра приду и помогу ему. Я возьму с собой Финна или Флору, тогда мы справимся очень быстро...

Гвинейра вздохнула.

— Вообще-то, О'Киф не будет в восторге от того, что наследница Уордена с парой силкхэмских колли пригонит его овец, и то время как Рубен будет учить латынь... Смотри, чтобы это не вышло тебе боком!

Стейнбьорн подумал, что манера выражаться у матери была настолько же странной, как и у дочери, но Флёр все прекрасно понимала.

— Он думает, что Рубен должен делать все это с удовольствием, раз уж он мальчик, — сказала Флёретта.

Гвин вздохнула еще раз и придержала лошадь перед воротами здания, как две капли воды похожего на предыдущее.

— Не только поэтому. Ладно... Проходите, мистер Сиглейфсон, здесь работает мой свекор. Или же лучше подождите снаружи, я сама позову его. Внутри царит такой же беспорядок...

Но Стейнбьорн уже соскочил с коня и последовал за ней внутрь. Было бы невежливо приветствовать старика, оставаясь верхом на лошади. Кроме того, он ненавидел, когда люди обращали внимание на его хромоту.

В здании все было похожем на отдел Гвинейры, но атмосфера здесь была другой — намного более напряженной и вовсе не дружеской. Мужчины, казалось, были совершенно не заинтересованы в работе. Они выглядели забитыми и затравленными, а сильный старик, ходивший между стригалими, постоянно их ругал, вместо того чтобы пошутить или подбодрить. Кроме того, возле доски, на которой он отмечал результаты, стояла наполовину опустошенная бутылка виски и стакан. Когда Гвинейра вошла и заговорила с ним, он сделал еще один глоток.

Стейнбьорн посмотрел на опухшее от виски лицо с налитыми кровью глазами.

— Что ты тут делаешь? — заорал он на Гвинейру. — Уже справилась с пятью тысячами овец во втором сарае?

Гвинейра покачала головой. Стейнбьорн заметил озадаченный и при этом полный упрека взгляд, который она бросила на бутылку.

— Нет, Джеральд, Энди присматривает за работниками. Меня позвали. Я думаю, тебе тоже стоит пойти со мной. Джеральд, это мистер Сиглейфсон. Он приехал, чтобы рассказать нам о смерти Лукаса. — Она представила Стейнбьорна, но лицо старика выражало лишь презрение.

— И ради него ты бросила работу? Чтобы послушать рассказы любовника твоего муженька-педика?

Гвинейра казалась испуганной, но, к ее облегчению, их гость смотрел на нее непонимающе. Она уже успела заметить его северный акцент — возможно, он просто не понял, что сказал Джеральд.

— Джеральд, этот молодой человек последним видел Лукаса живым... — Она еще раз попыталась спокойно объяснить старику, почему им нужно поговорить, но тот, свирепо посмотрев на нее, грубо сказал:

— И поцеловал его на прощание, да? Избавь меня от своих историй, Гвин. Лукас мертв. Он должен покоиться в мире! Так что оставь, пожалуйста, и меня в покое! И этого парня чтобы не было в моем доме, когда я справлюсь здесь!

Уорден отвернулся.

Гвинейра с виноватым видом отвела Стейнбьорна в сторону.

— Простите, но вместо моего свекра сегодня разговаривает виски. Он до сих пор не смог забыть, что Лукас... ну, что он был таким, каким он был, и что сын уехал с фермы... дезертировал, как выражается Джеральд. При этом, видит Бог, Джеральд сам виноват. Но это все старые истории, мистер

Сиглейфсон. В любом случае я благодарна вам за то, что вы приехали. Пройдемте в дом, вам не помешает подкрепиться...

Стейнбьорн не мог решиться войти внутрь особняка. Он был уверен, что начнет совершать ошибку за ошибкой. Люк все время обращал внимание Дэвида на то, как нужно сидеть за столом, учил его правилам этикета, а Дафна, казалось, и так прекрасно разбиралась в подобных вещах. Но у Стейнбьорна не было никаких представлений об этом, и он ужасно боялся опозориться перед Гвинейрой. Но женщина совершенно спокойно провела его через боковую дверь, забрала у него куртку и сразу же пошла за нянькой Кири, вместо того чтобы позвонить в колокольчик. В последнее время Джеральд больше не возмущался по поводу того, что служанка везде таскала за собой детей, даже во время уборки и другой домашней работы. Он запретил Кири появляться в кухне, поскольку осознал, что все детство Пола может пройти именно там.

Гвинейра дружелюбно поприветствовала Кири и взяла одного ребенка из корзины.

— Мистер Сиглейфсон, мой сын Пол, — представила она малыша, но последние слова утонули в оглушительном крике ребенка. Пол не любил, когда его забирали из компании его молочной сестры Марамы.

Тем временем Стейнбьорн продолжал размышлять. Пол был совсем еще младенцем. Он, должно быть, родился после отъезда Лукаса.

— Я сдаюсь, — вздохнула Гвинейра и положила ребенка обратно в корзину. — Кири, возьми, пожалуйста, с собой детей, и Флёр тоже. Флёр нужно поесть. К тому же разговор, который мы собираемся вести, не для ее ушей. И, возможно, ты сделаешь нам чаю. Или кофе, мистер Сиглейфсон?

— Называйте меня просто Стейнбьорн... — смущенно произнес юноша. — Или Дэвид. Люк называл меня Дэвид.

Гвинейра пробежалась взглядом по его лицу и взъерошенным волосам, а затем усмехнулась.

— Он всегда немного завидовал Микеланджело, — сказала она. — Проходите, садитесь. Вы долго находились в пути...

К своему удивлению, беседа с Гвинейрой Уорден вовсе не доставляла трудностей Стейнбьорну. Сначала он боялся, что она ничего не знает о смерти Лукаса, но Джордж уже успел предварительно побеседовать с ней. Время траура давно прошло, и Гвинейра лишь сочувственно спрашивала о времени, проведенном Стейнбьорном вместе с Лукасом, о том, как они познакомились и прожили последние несколько месяцев.

Наконец Стейнбьорн описал подробности смерти Лукаса, в которой до

сих пор винил себя.

Гвинейра смотрела на происшедшее так же, как и Гринвуд, но выражалась еще более простым языком.

— Вы не виноваты в том, что Лукас не смог нормально завязать узел. Он был хорошим человеком, и я по-своему его любила. Как выяснилось, он был выдающимся художником, хотя и совершенно не приспособленным к жизни. При этом... мне кажется, он всегда хотел совершить героический поступок. В самом конце ему это все же удалось, не правда ли?

Стейнбьорн кивнул.

— Все говорят о нем с большим почтением, миссис Уорден. Люди думают, не назвать ли в его честь скалу... скалу, с которой мы сорвались.

Гвинейра была тронута.

— Я думаю, большего он и желать не мог, — тихо произнесла молодая женщина.

Стейнбьорн уже начал опасаться, что она начнет плакать, при этом он не имел ни малейшего представления, как нужно утешать леди, следуя общепринятым правилам. Но через какое-то время Гвинейра пришла в себя и продолжила расспрашивать юношу. К его удивлению, она интересовалась жизнью Дафны, которую все еще хорошо помнила. После сообщения Гринвуда о встрече с девушкой Хелен сразу же написала в Вестпорт, но так и не получила ответного письма. Теперь же Стейнбьорн подтвердил предположение, что рыжеволосая Дафна из Вестпорта и есть ее бывшая воспитанница, а также рассказал о близняшках. Гвинейра чуть не сошла с ума от радости, когда услышала о Лори и Мэри.

— Значит, Дафна нашла девочек! Как же ей это удалось? Как они все поживают? Дафна о них заботится?

— Ну... да, она опекает их... — Стейнбьорн слегка покраснел. — Они... они тоже кое-что делают. Они танцуют. Вот... Люк, кажется, их нарисовал. — Юноша наклонился и попытался найти в сумке папку с рисунками. Лишь когда он их достал, ему пришло в голову, что, возможно, подобные произведения искусства не стоило показывать даме. Однако Гвинейра и глазом не моргнула, увидев, что именно было нарисовано. Чтобы послать картины в Лондон, ей пришлось хорошенько проанализировать содержимое кабинета Лукаса, и теперь Гвинейра не была такой невинной, как еще несколько месяцев назад. Лукас и раньше рисовал с натуры — чаще всего юношей, чьи позы напоминали статую «Давида», но также и мужчин в недвусмысленных позах. Некоторые картины имели следы частого использования. Лукас, должно быть, часто вынимал их, смотрел и...

Гвинейра обратила внимание, что на изображении обнаженных

близнецов также имелись отпечатки пальцев, равно как и на картине, отображающей Дафну. Лукас? Ну нет!

— Вам ведь нравится Дафна? — осторожно спросила она своего юного посетителя.

Стейнбьорн покраснел еще сильнее.

— О да, очень! Я хотел на ней жениться. Но она меня не любит. — В голосе юноши прозвучала неизбывная боль отверженного. Этот молодой человек никак не мог быть «мальчиком» Лукаса!

— Вы еще успеете жениться на другой девушке, — сказала Гвинейра, пытаясь утешить юношу. — Вам... вам ведь нравятся девушки?

Стейнбьорн посмотрел на нее с недоумением, как будто услышал самый глупый вопрос, который только можно было задать. Затем он охотно поделился своими планами на будущее. Он собирался найти Джорджа Гринвуда и поступить на работу в его фирму.

— Вообще-то, мне больше хотелось бы строить дома, — печально произнес он. — Я хотел стать архитектором. Люк говорил, что у меня есть талант. Но для этого мне нужно было бы поехать в Англию, ходить в школу, а я не могу себе этого позволить. Вот, тут еще кое-что... — Стейнбьорн закрыл папку с эскизами Лукаса и придвинул ее к Гвинейре. — Здесь все рисунки... Мистер Гринвуд считает, что они очень ценные. Я не хочу обогащаться за счет наследия Лукаса. Я бы хотел оставить себе только один рисунок. Дафны...

Гвинейра улыбнулась.

— Разумеется, вы можете оставить их все себе. Уверена, Лукасу бы этого действительно хотелось... — Она ненадолго задумалась и, казалось, пришла к какому-то решению. — Надевайте куртку, Дэвид, мы поедem в Холдон. Есть еще кое-что, чего Лукасу, несомненно, хотелось бы.

Директор холдонского банка был готов заявить, что Гвинейра сошла с ума. Он нашел тысячу доводов, противоречащих ее желанию, но в конце концов отступил перед ее решительным напором. Не скрывая своего недовольства, он открыл счет на имя Стейнбьорна Сиглейфсона, на который должны были идти доходы от продажи картин Лукаса.

— Вы еще об этом пожалеете, миссис Уорден! Там скопилось уже целое состояние! Ваши дети...

— У моих детей уже есть состояние. Они — наследники Киворд-Стейшн. К тому же моя дочь совершенно не интересуется искусством. Нам не нужны деньги, а вот этот юноша был учеником Лукаса... Родственной душой, можно сказать. Ему нужны деньги, он знает, как с ними обращаться, и именно он должен их получить! Вот, Дэвид, поставьте свою подпись

здесь. Напишите полное имя, это важно.

У Стейнбьорна перехватило дыхание, когда он увидел сумму на бумаге. Но Гвинейра лишь дружелюбно кивнула ему.

— Ну давайте, мне нужно возвращаться к овцам, приумножать состояние своих детей! А вам следует лично проследить за выставкой в лондонской галерее, чтобы не просчитаться при продаже остальных картин. Вы теперь будете, так сказать, распорядителем художественного наследия Лукаса!

После этих слов Стейнбьорн Сиглейфсон, не раздумывая ни секунды, поставил свою подпись на документе.

«Давид» Лукаса нашел свою золотую жилу.

ПРИБЫТИЕ

КЕНТЕРБЕРИ — ОТАГО 1870—1877

— Пол, Пол, куда ты снова запропастился?

Хелен позвала наиболее строптивого из своих учеников, хотя и знала, что мальчишка наверняка не станет ее слушать. Пол Уорден уж точно не мог играть мирно с маорийскими детьми в непосредственной близости от их сымпровизированной школы. Когда он пропадал, это, как правило, означало неприятности. Или он дрался где-нибудь со своим заклятым врагом Тонгой, сыном вождя племени маори, которое жило на территории Киворд-Стейшн, или же подкарауливал Рубена и Флеретту, чтобы устроить им какую-нибудь гадость. При этом его выходки зачастую были отнюдь не смешными. Рубен совсем отчаялся, когда недавно Пол вылил чернила на его новую книгу. Он разозлился не только потому, что давно хотел иметь сборник законов, который пришлось заказывать через Джорджа из самой Англии, но и потому, что книга была очень дорогой. Гвинейра, конечно, возместила им ущерб, но была напугана поступком своего сына не меньше Хелен.

— Ты ведь уже не маленький! — возмущалась она, в то время как Пол с невозмутимым видом смотрел на нее. — Пол, ты же знаешь, сколько стоит эта книга! И это произошло совсем не по оплошности! Может, ты думаешь, что деньги в Киворд-Стейшн растут на деревьях?

— Не-а, на овцах! — ответил ей Пол, усмехнувшись. — И мы можем позволить себе такие забавы хоть каждую неделю, если только захотим!

При этом он бросил злорадный взгляд на Рубена. Он прекрасно знал, как обстояли дела на ферме его отца. Хотя Говард О'Киф и зарабатывал намного больше с тех пор, как «Гринвуд Энтерпрайзис» начала оказывать ему поддержку, но до звания «овечьего барона» ему было далеко. Количество животных и благосостояние в Киворд-Стейшн тоже постоянно росли в последние десять лет, и для Пола Уордена не существовало невыполнимого желания. В то же время ему меньше всего хотелось читать книги. Его больше привлекали быстрые пони и игрушечные пистолеты. У него уже давно был бы пистолет, если бы во время каждого заказа из Англии Джордж Гринвуд не «забывал» об этом.

Хелен наблюдала за развитием Пола с беспокойством. По ее мнению, мальчишку слишком мало ограничивали. Несмотря на то, что Гвинейра и Джеральд делали Полу дорогие подарки, они совершенно не заботились о нем. Из-под влияния своей воспитательницы Кири мальчик тоже уже

вышел. Пол быстро перенял взгляды боготворимого им деда и считал маори низшей расой. Это и служило причиной бесконечных стычек с Тонгой. Сын вождя племени был таким же самоуверенным, как и наследник «овечьего барона», и мальчишки постоянно спорили о том, кому принадлежит земля, на которой жили и племя маори, и Уордены. Хелен волновалась по этому поводу, тем более что Тонга должен был унаследовать титул своего отца, равно как и Пол должен стать наследником Киворд-Стейшн. Если к тому времени вражда между ними не утихнет, это может привести ко многим неприятностям. И каждый раз, когда Пол или Тонга уходили домой с разбитым носом, это лишь углубляло пропасть между ними.

Единственным человеком, чье присутствие хоть немного успокаивало Хелен, была Марама. Дочь Кири, молочная сестра Пола, обладала своего рода шестым чувством, благодаря которому она угадывала враждебные намерения мальчишек, и волшебным образом появлялась в момент начала драки, чтобы разнять их. Когда Марама и пара ее подружек начинали скакать где-нибудь поблизости, Пол и Тонга на время утихали, а девочка с видом заговорщицы улыбалась Хелен. Она была прелестным ребенком, по крайней мере по мнению своей учительницы. Ее черты были более мелкими, чем у большинства маорийских девочек, а кожа имела шоколадный оттенок. У Марама не было татуировок, и она, возможно, никогда не стала бы носить традиционные украшения своего народа. Маори все чаще отходили от этого обычая и уже практически не носили традиционную одежду. Они явно пытались походить внешне на *pakeha*, что, с одной стороны, радовало Хелен, но, с другой, огорчало из-за утери племенем традиционных ценностей.

— Где Пол, Марама? — обратилась к девочке Хелен. Пол и Марама обычно приходили с Киворд-Стейшн на занятие вместе. Если бы Пол рассердился по какому-либо поводу и тайком уехал домой, она бы знала об этом.

— Он ускакал, мисс Хелен. Он пытается выведать какую-то тайну, — произнесла Марама звонким голоском. Малышка хорошо пела, и этот талант высоко ценился ее племенем.

Хелен вздохнула. В классе недавно прочитали пару книг о пиратах и поисках сокровищ, таинственных землях и садах, и теперь девочки искали заколдованные розовые сады, а мальчишки были заняты рисованием карт для кладоискателей. В этом возрасте Флёр и Рубен тоже увлекались подобными играми, но в случае с Полом требовалось особое внимание — его тайны были отнюдь не такими невинными. Например, недавно он довел Флёр до

отчаяния, спрятав ее любимого пони Минетту, дочь Минти, в розовом саду Киворд-Стейшн. Со времени смерти Лукаса за садом практически не ухаживали, и, естественно, никто не додумался искать пони там, тем более что Минетта пропала со двора О'Кифа, а не с конюшни Уорденов. Хелен мысленно умерла тысячу раз, думая о том, что Джеральд мог заставить ее мужа заплатить за пропажу дорогого животного. Наконец Минетта сама привлекла внимание людей, когда начала ржать и бегать галопом по саду. Но это произошло только через несколько часов, после того как кобыла вдоволь наелась сочной травы. Все это время отчаявшаяся Флёретта искала свою лошадку в горах и уже начала думать, что ее украли.

Что касается угона скота, то эта тема беспокоила фермеров в Кентербери уже несколько лет. Хотя жители Новой Зеландии еще десять лет тому назад гордились тем, что, в отличие от австралийцев, происходили не от преступников, а от добропорядочных переселенцев, здесь тоже появились свои криминальные элементы. Это было неудивительно — многочисленные стада животных на фермах, подобных Киворд-Стейшн, и постоянно растущая прибыль их владельцев пробуждали жадность в сердцах людей. Сколотить состояние для новых переселенцев было не так просто, как когда-то. Первые семьи, прибывшие на остров, разобрали почти всю землю, а китобойный промысел и охота на тюленей привели к истреблению животных. Правда, золотоискателям все еще удавалось находить богатые залежи, благодаря чему по-прежнему существовала возможность сделать свое счастье из ничего — и не только в Кентербери. Но именно в предгорьях Альп стада «овечьих баронов» становились в последнее время жертвами зверских нападений. И все это началось со старого знакомого Хелен и Уорденов — Джеймса МакКензи.

Сначала Хелен не могла поверить своим ушам, когда пьяный Говард, ругаясь, пришел домой из паба и назвал имя бывшего управляющего Джеральда.

— Не знаю, из-за чего уж там Уорден выгнал парня, но теперь расплачиваться приходится нам всем. Работники говорят о нем как о герое. Он крадет только лучших животных и только у богатых хозяев. Скот мелких фермеров он не трогает. Что за чепуха? И как же он их в таком случае различает? Но работники только радуются этому. Я не удивлюсь, если в ближайшем будущем у него появится собственная банда.

«Как у Робина Гуда», — подумала Хелен. Но затем она укорила себя за подобный романтический настрой. Даже если скот угоняли только у богачей, это нельзя было поощрять.

— И как всего лишь один человек умудряется справляться со всем

этим? — размышляла Гвин. — Согнать овец, отобрать нужных животных, обстричь их, перевести через горы... Для этого как минимум нужна целая группа людей.

Она вдруг замолчала, а затем, вздрогнув, добавила:

— Или же собака вроде Клео...

Гвинейра подумала о щенке, которого подарила Джеймсу на прощание. Он был одаренным дрессировщиком собак. Несомненно, Пятница уже давно обогнала свою мать по способностям. Клео сильно постарела и почти полностью оглохла, но все еще следовала за Гвинейрой по пятам, как тень, хотя ее больше нельзя было назвать рабочей собакой.

Прошло немного времени, и хвалебные гимны начали петь не только Джеймсу МакКензи, но и его гениальной собаке. Все сомнения Гвинейры развеялись, когда она услышала имя Пятницы.

К счастью, Джеральд не делал никаких замечаний относительно способностей Джеймса как пастуха и пропажи щенка, которую он, должно быть, тогда заметил. Впрочем, в тот злополучный год и Джеральда, и Гвинейру занимали совсем другие мысли. Возможно, «овечий барон» просто забыл о собачке. В любом случае каждый сезон он теперь терял большое количество скота из-за МакКензи, также как и Говард, и семья Бизли, и другие крупные овцеводы. Хелен хотелось бы узнать, что ее подруга думает обо всем этом, но Гвинейра ни разу не обмолвилась о Джеймсе, даже когда речь шла напрямую о нем.

Хелен уже надоели бесполезные поиски Пола, и она решила начать занятие без него. Вероятность того, что он все-таки придет на урок, была довольно большой. Пол уважал Хелен; возможно, она была единственным человеком, которого он слушался, и иногда ей казалось, что еще одной причиной постоянных атак на Рубена, Флёретту и Тонгу была зависть. Смышленный сын вождя племени был одним из ее любимых учеников, а Рубен и Флёретта и без того занимали особое положение. Пола тоже нельзя было назвать глупым, но успехи в школе не заботили его. Ему больше нравилась роль школьного клоуна, и тем самым Пол усложнял жизнь не только Хелен, но и себе самому.

То, что он не успеет на сегодняшние занятия, мальчик уже понял: слишком далеко он зашел, следуя по пятам за своей сестрой Флёреттой и Рубеном, который загадочным образом позвал ее за собой. Секреты, как уже было известно Полу, почти всегда касались чего-то запретного, а для него не существовало ничего более интересного, чем застать сестру за каким-нибудь проступком. При этом он всегда разбалтывал обнаруженную

тайну, даже если знал, что после этого его накажут. Вообще-то, Кири практически никогда не наказывала детей, а мать Пола проявляла снисхождение, когда понимала, что Флёретта врет ей, или же когда дети во время диких игр разбивали вазу или бокал. С Полом, который от природы был ловким, подобные неприятности случались редко. К тому же все детство мальчик провел среди маори. Мягкая походка охотника, способность подкрадываться к жертве практически бесшумно — все эти приемы он выучил вместе со своим соперником Тонгой. Мужчины из маорийской деревни не делали никаких различий между маленьким *rakehai* и их собственным потомством. Когда дети приходили в деревню, о них заботились, а в обязанности охотников входило обучение детей своему искусству, точно так же как женщины делились с девочками своими секретами.

Пол всегда был самым одаренным учеником в поселении маори, и теперь благодаря своим способностям он незаметно следовал за Флёреттой и Рубеном. Жаль только, что ему, скорее всего, придется раскрыть тайну младшего О'Кифа, а не ошибку своей сестры. Наказание мисс Хелен уж точно не будет настолько суровым, чтобы выслушивать бесконечные проповеди о том, как нехорошо доносить на других. Лучшего эффекта Пол добился бы, если бы рассказал обо всем Говарду О'Кифу, правда, этот вариант тоже был не лучшим. Мальчишка знал, что муж Хелен и его дед не любили друг друга, и для Пола было делом чести ни и чем не помогать врагам Джеральда. Полу оставалось лишь надеяться на то, что его дед ценил такую верность. Он постоянно пытался произвести впечатление на Джеральда, но чаще всего старый Уорден попросту не замечал его. Пол не обижался на такое отношение. Он знал, что у его деда были дела и поважнее, чем играть с маленьким мальчиком, — в Киворд-Стейшн Джеральд Уорден был наподобие самого Господа Бога. Но когда-нибудь Пол совершит что-нибудь по-настоящему великое, и тогда, возможно, Джеральд наконец-то обратит на своего наследника внимание! Для мальчика не было ничего более желанного, чем похвала со стороны деда.

Но что могли скрывать Рубен и Флёретта? Пол почуял неладное уже в тот момент, когда Рубен, вместо того чтобы взять собственную лошадь, тоже взобрался на Минетту, сев перед Флёр. Это был очень странный способ ехать верхом! На Минетте не было седла, поэтому Флёретта и Рубен сидели прямо на спине лошади. Рубен управлял лошастью, а Флёретта щекой прижалась к спине парня и закрыла глаза. Ее пышные вьющиеся рыжие волосы развевались за плечами. Пол, глядя на сестру, вспомнил, как один из пастухов сказал, что Флёретта превратилась в «лакомый кусочек».

Мальчик не совсем понимал, что это означало. Насчет отношений между взрослыми у Пола пока были туманные представления. Но в одном Пол был уверен: назвать красивой свою сестру он не мог. Чего же она так прижалась к Рубену? Из страха упасть? Вряд ли, Флёретта была великолепной наездницей.

Полу нужно было подобраться поближе, чтобы расслышать, о чем эти двое шушукались. Как же плохо, что его пони Минти делала такие быстрые и мелкие шажки! Скакать в одном темпе с Минеттой и при этом не привлекать к себе внимания было практически невозможно. Но пока что Флёретта и Рубен ни о чем не подозревали. Они, скорее всего, слышали стук копыт, но не обращали на него никакого внимания. Только Грейси, собака Флёр, следовавшая за ней по пятам, как и Клео за Гвинейрой, подозрительно косилась в сторону кустов. Но нападать Грейси не стала бы — в конце концов, она знала Пола.

— Как ты думаешь, мы найдем этих проклятых овец? — спросил Рубен без обиняков. Его голос выдавал беспокойство, почти страх.

Флёретта с явной неохотой отстранилась от его спины.

— Да, конечно, — пробормотала она. — Не волнуйся. Ты и глазом не успеешь моргнуть, как Грейси их соберет. У нас... даже останется время на отдых.

Парень, казалось, был ошеломлен, когда Флёр начала играть с пуговицами на его рубашке и прикоснулась пальцами к обнаженной груди.

Но он был не против такого поведения. Наоборот, Рубен тоже потянулся к Флёр и погладил ее по щеке.

— Ах, я не знаю... овцы... отец убьет меня, если я не верну их домой.

Значит, от Рубена снова сбежали овцы. Пол даже понял, что за животные это были. Еще вчера по пути из школы он увидел небрежно починенную ограду загона для овец.

— Ты хотя бы изгородь в порядок привел? — спросила Флёр.

Они как раз достигли ручья и скакали мимо красивого, поросшего травой участка берега, который был огражден от внешнего мира скалами и пальмами никау. Маленькие загорелые руки Флёретты разжали объятия и схватили поводья. Девушка придержала лошадь, соскочила на землю и, словно маня Рубена к себе, с довольным видом раскинулась на траве. Рубен привязал Минетту к дереву и улегся рядом с девушкой.

— Завяжи веревку крепче, а то она снова убежит... — приказала Флёр. Ее глаза были наполовину прикрыты, но даже так она смогла заметить, насколько неумело Рубен завязал узел. Флёретта любила своего друга, но он был настолько же неловким и неприспособленным к жизни,

как и мужчина, которого она считала своим отцом. У Рубена не было таланта художника, но он хотел поехать в Данидин, чтобы изучать право в недавно открывшемся там университете. Хелен поддерживала эту идею, Говарда же Рубен в свои планы еще не посвятил.

Юноша неохотно встал и позаботился о лошади. Он не был против подобного поведения Флёретты. Рубен знал о своих недостатках и открыто восхищался способностями Флёретты.

— Я завтра сделаю забор, — тихо пробормотал он, из-за чего Полу, спрятавшемуся за скалами, пришлось напряженно вслушиваться. Если бы Рубен снова запер овец за поломанным забором, они опять убежали бы еще до наступления утра.

Флёретта же не собиралась снова искать животных в горах.

— Я помогу тебе, — сказала она, и они надолго замолчали.

Пол разозлился, так как ничего не мог видеть, и решил спрятаться за камнями, чтобы получше рассмотреть происходящее. От того, что он увидел, у мальчишки перехватило дыхание. Лежа на траве, Рубен и Флёр обменивались нежностями и поцелуями; волосы Флёретты разметались по земле подобно светящейся пряже, а ее лицо выражало полную безмятежность. Рубен расстегнул блузку девушки и стал гладить и целовать ее грудь, за чем Пол наблюдал с определенным интересом. Он не видел свою сестру голой уже лет пять. Рубен тоже казался счастливым; он явно наслаждался моментом и неторопливо двигал телом, как тот мужчина маори, за которым Полу когда-то посчастливилось наблюдать. Но в отличие от пары туземцев, Рубен лежал не на Флёретте, а рядом с ней, значит, скорее всего, они еще не успели сделать ничего серьезного. Несмотря на это, Пол был уверен, что Джеральда такое развитие событий явно заинтересовало бы.

Флёретта обняла Рубена и стала гладить его по спине. Наконец ее пальцы проникли вниз, под пояс, и Рубен, застонав от наслаждения, взобрался сверху.

Вот оно что...

— Нет, милый, подожди... — Флёретта мягко отстранила Рубена от себя. Она не была испугана, просто проявляла решительность. — Кое-что мы должны приберечь и для брачной ночи... — Она открыла глаза и улыбнулась Рубену. Молодой человек ответил ей тем же самым.

Рубен имел привлекательную внешность. Он унаследовал от отца суровые, очень мужественные черты лица, а также темные вьющиеся волосы. Во всем остальном юноша был похож скорее на Хелен. Его лицо было уже, чем у Говарда, а мечтательные глаза имели красивый серый

оттенок. Кроме того, он был выше и мускулистее своего отца. В его нежном взгляде читалось желание, хотя это было больше похоже на предвкушение чего-то очень приятного, нежели на неприкрытую похоть. Флёретта легко вздохнула. Она была счастлива, потому что чувствовала, что ее любят.

— Если у нас все-таки будет брачная ночь... — с сомнением в голосе заметил Рубен. — Я думаю, твой дед и мой отец этому не сильно обрадовались бы.

Флёретта пожала плечами.

— Но наши матери не будут иметь ничего против, — с оптимизмом сказала она. — А деду и отцу уж придется смириться с нашей свадьбой. И почему они столько лет враждуют?

Рубен кивнул. У него был ровный характер, в то время как Флёретта довольно быстро заводилась. Из-за этого он часто представлял ее с пламенным мечом в руках и улыбался от подобной картины. Но сейчас было не до смеха.

— Я знаю, почему они враждуют! — после довольно продолжительной паузы признался он своей подруге. — Дядя Джордж узнал эту историю от одного болтливого холдонского банкира, а затем рассказал моей матери. Ты хочешь услышать, что произошло? — спросил Рубен, играя рыжими прядями девушки.

Пол наострил уши. Его приключение становилось все интереснее и интереснее! По всей видимости, сегодня у него была возможность не только выведать секреты Флёр и Рубена, но и узнать некоторые тайные подробности семейной истории!

— Ты шутишь? — спросила Флёретта. — Я сгораю от нетерпения! Почему ты до сих пор ничего не рассказал мне?

Рубен пожал плечами.

— Может, потому что у нас обычно есть чем заняться? — лукаво произнес он и поцеловал ее.

Пол вздохнул. Неужели ему снова придется ждать? Он должен уже ехать обратно, если хочет попасть домой не слишком поздно. Иначе Кири и мать начнут задавать кучу вопросов и наверняка выяснят, что он прогулял школу!

Но Флёр тоже больше хотелось услышать историю семейной вражды, нежели предаваться нежностям. Она мягко оттолкнула Рубена и присела. Пока он рассказывал, она застегнула блузку и пригладила волосы. Вероятно, ей тоже пришло в голову, что пора бы уже начинать поиск овец.

— Значит, так. Мой отец и твой дед были здесь уже в сороковые годы, когда в Новой Зеландии еще не появились переселенцы, только китобои и

охотники на тюленей. Но тогда подобным ремеслом можно было заработать много денег, кроме того, они оба превосходно играли в покер и блек-джек. В любом случае, когда они приехали в Кентербери, у них в кармане было маленькое состояние. Мой отец оказался тут проездом, он собирался отправиться в Отаго, так как услышал, что там обнаружили золото. Но Уорден подумывал об овечьей ферме и поэтому стал уговаривать моего отца, чтобы тот инвестировал деньги в разведение скота. И в землю. Джеральд сразу же наладил хорошие отношения с маори и вскоре отправился к ним на тайные переговоры. При этом племя Кай Таху было не против продажи земли. У них уже имелся опыт в этом деле и с покупателями сохранились хорошие отношения.

— И?.. — нетерпеливо спросила Флёр. — Значит, они купили землю...

— Не так быстро. Пока велись переговоры и Говард размышлял над предложением твоего деда, они жили у одного поселенца, которого звали Батлер. А у Леонарда Батлера была дочь. Барбара.

— Так это же моя бабушка! — Флёр начала слушать с еще большим интересом.

— Правильно. Но, вообще-то, она должна была стать женой моего отца, — продолжил Рубен. — Короче говоря, Говард влюбился в Барбару, а она — в него. Но ее отцу он не очень нравился, по крайней мере Говард думал, что ему нужно было заработать больше денег, чтобы заслужить расположение Леонарда...

— Значит, он поехал в Отаго и нашел там золото, а Барбара тем временем вышла замуж за Джеральда? О, это так печально, Рубен! — Флёр вздохнула, представив себе эту историю несчастной любви.

— Не совсем так. — Рубен покачал головой. — Говард хотел денег здесь и сейчас. Он согласился на игру в карты...

— И проиграл? Джеральд выиграл все деньги?

— Флёретта, дай же мне наконец рассказать! — строго произнес Рубен и подождал, пока Флёретта не кивнет в знак согласия.

Она сгорала от любопытства и не могла дождаться окончания истории.

— Перед этим Говард уже согласился стать совладельцем фермы Джеральда, они даже придумали название для нее: Киворд-Стейшн, сокращенно от Уорден и О'Киф. Но затем мой отец проиграл не только свои собственные деньги, но и те, что Джеральд дал ему для оплаты земли!

— О нет! — закричала Флёретта, сразу же поняв, почему Джеральд так сильно ненавидит своего соседа. — Моему деду, должно быть, хотелось его убить!

— Как бы там ни было, вся эта история была не очень красивой, —

продолжал Рубен. — В конце концов мистер Батлер одолжил немного денег Джеральду — чтобы не потерять лицо перед маори, которым уже была обещана покупка земли. И Джеральд приобрел тот участок земли, на котором сегодня находится Киворд-Стейшн. Но Говард тоже не хотел отступать. Он все еще не терял надежды жениться на Барбаре. Он вложил последние пенни в клочок каменистой земли и пару полуголодных овец — нашу замечательную ферму. При этом Барбара давно уже была обещана Джеральду. Деньги были ее приданым. А позже она, естественно, унаследовала и землю старика Батлера. Неудивительно, что Джеральд так стремительно поднялся до уровня «овечьего барона». *

— И из-за этого Говард его ненавидит! — заметила Флёр. — О, что за ужасная история! Бедная Барбара! Джеральд ее вообще любил?

Рубен пожал плечами.

— Об этом дядя Джордж ничего не говорил. Но если она действительно хотела выйти замуж за моего отца... то, скорее всего, у них с Джеральдом ничего не было.

— И поэтому Джеральд до сих пор злится на Говарда. Или же все-таки потому, что ему пришлось жениться на Барбаре? Нет, это просто ужасно!

Флёр побледнела. Хорошие истории всегда задевали ее за живое.

— В любом случае это и есть тайна Киворд-Стейшн и фермы О'Кифов, — закончил Рубен. — И, зная это, мы собираемся прийти к моему отцу и твоему деду и сказать им, что хотим пожениться. У нас есть все шансы на успех, не правда ли? — Он горько усмехнулся.

«Все будет еще хуже, если Джеральд услышит об этом заранее», — подумал Пол, злорадно потирая руки. Эта прогулка по горам стоила того! Но сейчас ему нужно было возвращаться. Пол бесшумно пробрался обратно к своей лошади.

Пол приехал на ферму О'Кифов почти к самому концу урока, но, естественно, не отважился на то, чтобы показаться на глаза Хелен. Вместо этого он подождал за ближайшим поворотом других детей с Киворд-Стейшн. Марама радостно улыбнулась ему и без лишних вопросов забралась на спину пони позади него.

Тонга наблюдал за этим с кислой миной. То, что у Пола была ездовая лошадь, в то время как он сам должен был преодолевать долгий путь в школу пешком или же жить во время учебы на территории другого племени, вызывало у него зависть. Как правило, Тонга предпочитал первое, так как ему нравилось находиться в центре событий и не хотелось ни при каких обстоятельствах упускать врага из виду. При этом дружелюбие Марама по отношению к Полу особенно задевало его. Он считал ее привязанность к мальчишке предательством по отношению к себе, хотя такую точку зрения не разделял никто из взрослых в его поселении. Для маори Пол был молочным братом Марама, и они любили его. Они не рассматривали *rakehav* как качество противников, а их детей и подавно. Тонга же на все имел совершенно иной взгляд. В последнее время он мечтал о многих вещах, которыми обладали Пол и другие белые. Ему тоже хотелось лошадь, книги и яркие игрушки. Он хотел жить в таком же доме, какой был в Киворд-Стейшн. Его семья и племя — даже Марама — этого не понимали, и Тонга чувствовал себя обманутым.

— Я расскажу мисс Хелен, что ты прогулял! — крикнул он вслед своему заклятому врагу, когда тот отъезжал на коне. Но мальчишка только рассмеялся в ответ.

Тонга в гневе заскрежетал зубами. Скорее всего, он не стал бы жаловаться, ведь сыну вождя не полагалось опускаться до предательства. Относительно маленькое наказание, которое понес бы Пол, не шло с этим ни в какое сравнение.

— Где же ты был? — спросила Марама своим певучим голосом, когда они оказались на достаточно большом расстоянии от Тонги. — Мисс Хелен искала тебя.

— Я кое-что выяснил! — с важностью сообщил Пол. — Ты не поверишь, что я узнал!

— Что, клад отыскал? — мягко осведомилась Марама. Не то чтобы ее это действительно интересовало. Как и большинство маори, она не

придавала большого значения вещам, которые *pakeha* считали ценными. Если бы белый человек предложил Марама золотой слиток или кусочек нефрита, она наверняка предпочла бы последнее.

— Нет, говорю же, речь идет о секрете! Я теперь знаю что-то про Рубена и Флёр. Они делали это!

Пол не мог дожидаться, как же отреагирует на его слова Марама. Но она вела себя весьма сдержанно.

— Я давно знаю, что они любят друг друга. Это всем известно, — спокойно заметила Марама. Ей казалось само собой разумеющимся, что чувства двоих привели к чему-то большему. В племени царили довольно свободные взгляды на сексуальную жизнь. До тех пор, пока пара не выносила свои отношения на всеобщее обозрение, соплеменники просто не обращали внимания на их отношения. Когда же пара перебиралась в собственную хижину, считалось, что таким образом они заключили брак. Все это проходило без большой помпезности и чаще всего даже без предварительных договоренностей с родителями. Большие празднества в честь свадьбы также были скорее редкостью.

— Но они не могут пожениться! — с триумфом заявил Пол. — Все знают, что между моим дедом и отцом Рубена давняя вражда.

Марама засмеялась:

— Но поженятся ведь не мистер Джеральд и мистер Говард, а Рубен и Флёр!

Пол фыркнул:

— Ты не понимаешь! Речь идет о чести семьи! Флёр нарушает законы предков...

Марама нахмурилась:

— При чем тут предки? Наши предки наблюдают за нами и желают нам только добра. Их невозможно предать. По крайней мере я так думаю. В любом случае я ни о чем подобном не слышала. Кроме того, о свадьбе говорить еще рано.

— Но уже скоро! — гневно произнес Пол. — Как только я расскажу деду о Флёр и Рубене, об этом тут же заговорят! Уж поверь мне!

Марама нахмурилась. Она надеялась в этот момент находиться где-нибудь вне большого дома, так как ей всегда было не по себе, когда мистер Джеральд впадал в гнев. Ей нравились мисс Гвин и Флёр. Она не понимала, почему Пол настроен против них. Но мистер Джеральд... Марама решила отправиться прямиком в селение и помочь соплеменникам с приготовлением ужина, вместо того чтобы возвращаться к матери в Киворд-Стейшн. Возможно, ей удастся хотя бы немного успокоить Тонгу.

Тот смотрел на нее с такой яростью, когда Марама взбиралась на лошадь позади Пола, а девочка терпеть не могла, если кто-то злился на нее.

Гвинейра ожидала своего сына в гостиной, которую она переделала в арт-мастерскую. В конце концов, гости практически никогда не оставляли здесь свои визитные карточки, чтобы затем посидеть за чашечкой чая. Поэтому пространство комнаты можно было использовать и в других целях. Она больше не испытывала такого сильного страха перед своим свекром. Со временем Джеральд стал доверять ей почти во всех вопросах, касающихся ведения хозяйства и рабочей силы, и редко возражал, когда она вмешивалась в дела фермы. Теперь они вместе занимались животноводством. И Джеральд, и Гвинейра были прирожденными фермерами и пастухами, и, когда несколько лет тому назад старик занялся разведением крупного рогатого скота, разделение их обязанностей стало еще более явным: он занимался коровами, а невестка овцами и лошадьми. Последнее, по сути, было более трудной задачей, но, поскольку Джеральд часто выпивал и не мог быстро принимать сложные решения, об этом не шло и речи. Все рабочие обращались напрямую к Гвинейре, когда хозяина спрашивать о чем-либо не имело смысла, и получали четкие указания. Таким образом, Гвинейра примирилась со своим образом жизни и, прежде всего, с Джеральдом. Не в последнюю очередь благодаря тому, что теперь она знала историю отношений Говарда и Джеральда и не могла ненавидеть его так сильно, как в первые годы после рождения Пола. Ей давно стало ясно, что Уорден никогда не любил Барбару Батлер. Ее претензии, представления о жизни в особняке и воспитании сына как настоящего джентльмена поначалу увлекали его, но со временем просто утомили. Джеральд по натуре был простым человеком, а еще — игроком, рубакой и торговцем. Ему так и не удалось стать внимательным джентльменом, с которым у Барбары мог бы состояться более-менее счастливый брак, особенно после того, как ее вынудили отказаться от настоящей любви. Встреча с Гвинейрой позволила Джеральду понять, что именно она была той женщиной, которую он искал, и, несомненно, мысль о том, что Лукас не знает, что с ней делать, доводила его до безумия. Со временем Гвинейра поняла, что Джеральд, привезя ее в Киворд-Стейшн, испытывал к ней нечто вроде любви. И в ту страшную декабрьскую ночь она столкнулась не просто с гневом, вызванным неспособностью Лукаса, но также и с многолетней потребностью старшего Уордена в женщине, которую он желал и для которой не хотел быть только свекром.

Между тем Гвин не сомневалась, что Джеральд испытывал чувство

вины из-за своего поступка, хотя он ни слова не проронил, чтобы как-то оправдаться. Его вечное неумеренное употребление алкоголя, его сдержанность и терпение по отношению к ней и Полу говорили сами за себя.

Подняв взгляд от документов, касающихся овцеводства, она посмотрела на сына, который ворвался в комнату.

— Привет, Пол! Что ты сегодня так рано? — спросила она с улыбкой.

Гвинейра всегда с трудом находила силы, чтобы изображать радость при виде Пола. Их перемирие с Джеральдом было состоявшимся делом, но Пола она просто не могла заставить себя полюбить. Если Флёр она любила естественной и безусловной любовью, то по отношению к сыну ей хотелось почувствовать хоть что-то. Сначала она пыталась убедить себя, что он в чем-то похож на нее: у Пола были рыжевато-каштановые кудри, — но мальчик унаследовал от Гвинейры лишь цвет волос, и вместо мелких кудряшек у него была пышная шевелюра, как у Джеральда. Лицом он напоминал Лукаса, но у него были более жесткие черты, а в ясных карих глазах читалась твердость, а не задумчивость и нежность, как у его старшего брата. Будучи от природы умным мальчиком, Пол, однако, был скорее математиком, нежели художником. Он, несомненно, стал бы когда-нибудь отличным торговцем. И он был одаренным ребенком. Джеральд и мечтать не мог о более подходящем наследнике фермы. Гвинейра заметила, что ему часто не хватает симпатии к животным и, прежде всего, к людям в Киворд-Стейшн, — но эти размышления Гвинейра держала при себе. Она хотела видеть в Поле добро, хотела любить сына, но, видя его, не испытывала ничего больше, чем то, что чувствовала, например, по отношению к Тонге: милый мальчик, умный и наверняка обещающий стать хорошим специалистом в своем деле, однако совершенно чужой. Гвинейра не любила его так, как Флёретту, не испытывала к нему того глубокого чувства, которое заставляет сердце биться.

Она надеялась только, что Пол не заметит этой нехватки чувств, и потому вела себя подчеркнуто дружелюбно и снисходительно. Даже сейчас она охотно простила ему то, что он прошел мимо и даже не поздоровался.

— Пол, что-то случилось? — обеспокоенно спросила Гвинейра. — Какой-то конфликт в школе? — Гвин знала, что у Хелен с Полом не всегда все шло гладко, и была также в курсе давнего соперничества между Полом и Тонгой.

— Нет, ничего. Мама, я должен поговорить с дедушкой. Где он может быть? — Пол не церемонился.

Гвин взглянула на огромные напольные часы, занимавшие большую

часть стены в комнате. Оставался час до ужина. Джеральд, должно быть, уже начал с аперитива.

— Там же, где и всегда, — ответила она. — В салоне. И тебе хорошо известно, что его в это время лучше не тревожить. Особенно если ты неумытый и непричесанный. Если хочешь моего совета, то вот он: отправляйся в свою комнату и приведи себя в порядок, прежде чем попасться дедушке на глаза.

Сам Джеральд не придавал такого большого значения переодеванию перед обедом, и Гвинейра тоже не потрудилась сменить платье после того, как вернулась из конюшни. Но при детях Джеральд мог быть строгим, точнее, в это время дня он то и дело искал причину, чтобы прицепиться к кому-нибудь. При этом час до обеда представлял наибольшую опасность. Когда уже накрывали на стол, алкоголь в крови Джеральда достигал уровня, который мог спровоцировать вспышку неистового гнева.

Пол размышлял о том, что делать дальше. Если бы он сначала пошел с новостью к Джеральду, тот едва не лопнул бы от ярости, но, поскольку «жертвы» не было дома, это вряд ли произвело бы какой-то эффект. Лучше донести на Флёр в ее присутствии, тогда у него появится шанс не пропустить ни единой подробности последовавшей за этим ссоры. Кроме того, мать была права: когда Джеральд находился в плохом настроении, не стоило рассказывать ему такую новость, так как вся злость старика могла выплеснуться на самого Пола.

Поэтому, немного поколебавшись, мальчик направился напрямик в свою комнату. Он появится к обеду аккуратный и чистый, в то время как Флёр наверняка опоздает и придет в одежде для верховой езды. Сначала она будет заикаться, принося свои извинения, а затем взорвется бомба! Довольный собой, Пол поднялся по лестнице. Он занимал бывшую комнату Лукаса, в которой теперь находились не художественные принадлежности и книги, а игрушки и рыболовные снасти. Мальчик тщательно подобрал одежду для обеда. Он был полон предвкушения.

Флёретта не обещала слишком многого. Ее собака Грейси действительно молниеносно собрала овец, как только Рубен и девушка их заметили. Но и сам поиск пропавших овец не составил особых трудностей. Молодые барашки устремились к высокогорью, к пастбищам, где паслись овцематки. Окруженные Грейси и Минеттой, они неохотно побрели обратно в сторону фермы. Грейси не терпела попустительства и любого нарушителя тут же гнала обратно в стадо. К тому же животных было немного и их всех можно было пересчитать по пальцам. Поэтому Флёретта

успела закрыть ворота за овцами задолго до наступления темноты — и прежде всего до того, как Говард вернулся бы из фольварка, где он присматривал за коровами и быками. Животных приходилось все же выставлять на продажу, и Говард бесконечно протестовал, не соглашаясь с Джорджем Гринвудом, который советовал заняться разведением крупного рогатого скота в качестве подспорья. Ферма О'Кифов не приобрела никакой подходящей земли для выпаса коров; здесь можно было разводить только овец и коз.

Флёретта посмотрела на солнце. Было еще не поздно, но если бы она, как и обещала, стала помогать Рубену чинить изгородь, то не успела бы домой вовремя. Это было не так уж и плохо — ее дед часто закрывался после обеда в своей комнате с бутылкой виски, а мать и Кири наверняка оставили бы ей что-нибудь поесть. Но Флёр ненавидела доставлять слугам неприятности, если их можно было избежать. Кроме того, ей совершенно не хотелось столкнуться с Говардом и — о ужас! — оказаться дома во время уже начавшегося обеда. С другой стороны, она не могла оставить Рубена, ведь если они не починят ограду, то на следующий день овцы снова окажутся в горах.

Флёретта облегченно вздохнула, увидев приближающуюся к ним мать Рубена, которая вела своего усердного мула, нагруженного инструментами и материалами для починки изгороди.

Хелен подмигнула девушке.

— Спокойно поезжай домой, Флёр, мы все сделаем, — сказала она дружелюбно. — С твоей стороны было очень мило помочь Рубену вернуть овец домой. Не хватало еще, чтобы у тебя возникли неприятности. А так и произойдет, если ты вернешься слишком поздно.

Флёр благодарно кивнула.

— Тогда я завтра снова приду в школу, мисс Хелен! — сказала девушка. Предлог, которым она пользовалась, чтобы каждый день встречаться с Рубеном.

Флёретта фактически уже закончила свое обучение в школе, она хорошо считала и писала, а также прочитала произведения многих классиков, правда в сокращенном варианте, а не в оригинале, как Рубен. Флёр была убеждена, что знание греческого и латыни ей совершенно не нужно. Поэтому вряд ли Хелен могла бы научить ее еще хотя бы чему-нибудь. После смерти Лукаса Гвинейра отдала в школу множество книг по ботанике и зоологии. Флёр с интересом листала эти учебники, в то время как Рубен готовился к поступлению в университет. Если он и вправду хотел продолжать обучение, то в следующем году ему нужно было отправиться в

Данидин. Хелен не хотела даже думать о том, как преподнести эту новость Говарду. Из-за того, что на учебу не было денег, Рубен вынужден был принять щедрую помощь от Джорджа Гринвуда и мог пользоваться его поддержкой по меньшей мере до тех пор, пока ему не удастся получить стипендию. Но из-за учебы в Данидине Рубену и Флеретте пришлось бы расстаться. Хелен видела явную влюбленность обоих так же ясно, как Марама, и уже поговорила об этом с Гвин. В принципе, матери не имели ничего против связи этих двоих, но, естественно, опасались реакции Уордена и О'Кифа и надеялись, что на разрешение этой проблемы у них есть еще несколько лет. Рубену уже исполнилось семнадцать, Флёр было почти шестнадцать. Хелен и Гвин сошлись на том, что их дети были слишком молоды, чтобы связывать себя узами брака.

Рубен помог Флёретте снова установить седло, убранное прежде для совместной езды. Он украдкой поцеловал ее, прежде чем она вскочила на лошадь.

— До завтра, я люблю тебя! — тихо произнес он.

— Только до завтра? — засмеялась она.

— Нет, до небес. И еще на пару звезд выше! — Рука Рубена нежно погладила руку Флёретты.

Улыбнувшись ему, девушка отправилась в путь. Рубен смотрел ей вслед, пока последний отблеск рыжих волос Флёретты и круп такой же рыжей лошади не исчезли из поля зрения. От размышлений его оторвал голос Хелен:

— А теперь идем, Рубен, забор сам себя не поставит. Мы ведь хотим успеть до того, как твой отец вернется домой, не так ли?

Флёр скакала на лошади довольно быстро и прибыла в Киворд-Стейшн точно к обеду. Однако в конюшне не оказалось никого, кто мог бы позаботиться о Минетте, и ей пришлось все сделать самой. К тому моменту, когда девушка почистила лошадь, напоила и обеспечила ее кормом, первое блюдо было подано на стол. Флёретта вздохнула. Конечно, она могла бы проникнуть в дом тайком и пропустить обед. Но девушка опасалась, что Пол видел, как она заехала во двор, во всяком случае за его окном было заметно какое-то движение. А он наверняка не упустит возможности подставить ее. В конце концов Флёр смирилась с неизбежным. Так или иначе, ей нужно было поесть. После проведенного в горах дня она проголодалась. Флёретта решила настроиться на позитивный лад и, войдя в столовую, расплылась в лучезарной улыбке.

— Добрый вечер, дедушка, добрый вечер, мамочка! Я сегодня

немножко опоздала, потому что самую малость не рассчитала время, поскольку... эээ...

Как же глупо она выглядит! И почему ей в голову не пришло никакого оправдания? При этом она ни в коем случае не могла сказать Джеральду, что провела день, пытаясь собрать овец Говарда О'Кифа.

— Помогала своему возлюбленному пасти овец? — спросил Пол с насмешкой.

Но тут вмешалась Гвинейра:

— Пол, что такое? Тебе обязательно нужно злить твою сестру?

— Так ты помогала ему или нет? — бесцеремонно продолжал расспрашивать Пол.

Флёретта покраснела.

— Я...

— С кем ты пасла овец? — поинтересовался Джеральд. Он был абсолютно пьян. Возможно, он не обратил бы на Флёр никакого внимания, но слова Пола пробудили в нем любопытство.

— С... а... с Рубеном. С ним и мисс Хелен, пара баранов отбилась от отары и...

— С ним и его папашей, ты это имеешь в виду? — глумился Джеральд. — Так типично для старого Говарда! Он то ли слишком глупый, то ли слишком скупой, чтобы поставить нормальный забор. И его милый сынок вынужден просить девочку помочь ему собрать овец...

Старик захохотал.

Пол нахмурился. Все пошло не так, как он планировал.

— Флёр встречается с Рубеном! — выпалил он.

Повисло тяжелое молчание. Первой отреагировала Гвинейра:

— Пол, откуда у тебя такие мысли? Ты сейчас же извинишься и...

— Мо... Момент! — перебил ее Джеральд. Он говорил заплетающимся языком, но громко и раздраженно. — Что... что говорит этот мальчик? Она... встречается с... с... сыном О'Кифа?

Гвинейра надеялась, что Флёретта сейчас же станет все отрицать, но достаточно было лишь одного взгляда на нее, чтобы понять: в злобном предположении Пола была как минимум доля правды.

— Все не так, как ты думаешь, дедушка! — набравшись смелости, возразила Флёр. — Мы... так вот, мы... эээ... разумеется, не встречаемся, мы...

— Ах нет, так что же тогда? — прогремел Джеральд.

— Но я это видел! Я все видел! — вмешался Пол.

Напустив на себя строгий вид, Гвинейра велела ему замолчать.

— Мы... мы любим друг друга. И хотим пожениться, — выпалила Флёретта. По крайней мере она смогла это сказать. Хотя это явно была не самая подходящая ситуация для подобных заявлений.

Гвинейра в надежде смягчить положение спокойно произнесла:

— Флёр, моя милая, тебе еще и шестнадцати нет! И Рубен только в следующем году поступает в университет...

— Чего она хочет? — пробурчал Джеральд. — Замуж? За потомка О'Кифа? Ты что, Флёретта, последние остатки разума потеряла?

Гвинейра пожала плечами. По крайней мере в трусости ее дочь нельзя было обвинить.

— Выбирать не приходится, бабушка, — ответила Флёр. — Мы любим друг друга. Это действительно так, и никто ничего не в силах изменить.

— Это мы еще посмотрим, кто что может изменить! — Джеральд резко встал со стула. — Ты больше никогда и ни при каких обстоятельствах не увидишься с ним! С этого момента ты под домашним арестом! И конец занятиям в школе! Я уже говорил, что жена О'Кифа ничему не может тебя научить. Я сейчас же отправляюсь в Холдон и разберусь с этим О'Кифом! Вити! Неси мое ружье!

— Джеральд, ты преувеличиваешь! — Гвинейра старалась сохранять спокойствие. Она рассчитывала, что ей, возможно, удастся уговорить Уордена отказаться от своей безумной идеи поехать к О'Кифам прямо сегодня. — Этому ребенку едва исполнилось семнадцать, и он в первый раз влюбился. Да никто и не говорит о замужестве...

— Флёретта унаследует часть Киворд-Стейшн, Гвинейра! Поэтому старый О'Киф, разумеется, думает о свадьбе. Я еще раз говорю тебе! Запирай девочку, да побыстрее! Есть ей больше не надо, она должна поститься и думать о своих грехах! — Джеральд выхватил свое ружье из рук испуганного Вити и накинул на плечи пальто. Затем он пулей вылетел из дома.

Флёретта попыталась последовать за ним.

— Мне нужно предупредить Рубена! — настаивала она.

Гвинейра покачала головой.

— И где же ты возьмешь лошадь? Все скаковые лошади находятся в конюшнях, да и ехать через кусты на неоседланной лошади... Нет, этого я не могу тебе позволить, Флёр, ты свернешь себе шею и коня погубишь. Не говоря уже о том, что быстрее Джеральда ты туда не успеешь. Позволь мужчинам самим разобраться между собой! Я уверена, ничего дурного не произойдет. Когда старики встретятся, они будут кричать друг на друга, возможно, кто-то кому-то разобьет нос...

— А если он встретится с Рубеном? — побледнев, спросила Флёр.

— Тогда он его прикончит! — радостно воскликнул Пол.

Это было ошибкой. Теперь все внимание матери и сестры сосредоточилось на нем.

— Ах ты, предательский ублюдок! — закричала Флёретта. — Ты хоть понимаешь, что ты натворил, паршивая крыса? Если Рубен погибнет, тогда...

— Флёретта, успокойся, твой друг наверняка это переживет, — старалась успокоить дочь Гвинейра, хотя на самом деле вовсе не была уверена, что все обойдется обычной стычкой. Она знала взрывной темперамент Джеральда, который сейчас ко всему прочему был пьян. Но Гвин все же надеялась на ровный характер Рубена и рассчитывала, что сын Хелен не поддастся на провокацию.

— Что касается тебя, Пол, — строго сказала Гвинейра, — то ты немедленно отправишься в свою комнату. Я не желаю тебя здесь больше видеть, по крайней мере до послезавтра. Ты под домашним арестом...

— И Флёр тоже, и Флёр тоже! — Пол не мог этого так оставить.

— Это совсем другое, Пол! — произнесла Гвинейра, которой снова пришлось прилагать усилия, чтобы добавить в свой голос толику сострадания для этого ребенка. — Дедушка наказал Флёр, потому что он считает, что она влюбилась не в того мальчика. Но я тебя наказываю за то, что ты злой, и за то, что ты шпионишь за людьми и предаешь их. Особенно мне неприятно, что ты еще и получаешь от этого удовольствие! Джентльмены так себя не ведут, Пол Уорден. Так ведут себя только чудовища!

Едва успев произнести последнее слово, Гвинейра поняла, что Пол не простит ей этого никогда. Но она не смогла взять себя в руки. Она чувствовала только ненависть по отношению к ребенку, которого ей навязали, который стал причиной смерти Лукаса и теперь делал все, чтобы разрушить жизнь Флёр и свести на нет и без того неустойчивый мир в семье Хелен.

Пол посмотрел на бледное лицо матери, в ее глаза, подобные бездне. Это не было приступом гнева, как в случае с Флёреттой; Гвинейра действительно имела в виду все, что сказала. Пол расплакался, хотя еще год назад пообещал себе быть мужчиной и не плакать никогда и ни при каких обстоятельствах.

— Ты еще здесь? Исчезни! — Гвинейра ненавидела себя за свои собственные слова, но не в силах была удержать их в себе. — Убирайся в свою комнату!

Пол убежал. Флёретта растерянно посмотрела на мать.

— Это было жестоко, — заметила она.

Гвинейра схватила дрожащими пальцами бокал вина, но затем передумала, подошла к буфету и налила себе бренди.

— И ты туда же, Флёретта? Я думаю, нам обоим сейчас нужно успокоиться. И... остается лишь ждать. Рано или поздно Джеральд вернется, если только не свалится по дороге с лошади и не свернет себе шею.

Она проглотила свой бренди.

— А что касается Пола... то мне жаль.

Джеральд Уорден шел через кустарник и выглядел так, словно в него вселился черт. Казалось, его вот-вот разорвет изнутри от гнева по отношению к молодому Рубену О'Кифу. До этого он не видел во Флёретте женщину. Для него она всегда была ребенком, маленькой дочерью Гвинейры, милой, но довольно скучной. Но теперь эта птичка оперилась и задирала голову так же гордо, как в свое время семнадцатилетняя Гвинейра. К тому же она отвечала ему теми же самыми словами, что и ее мать.

И Рубен, этот маленький ублюдок, осмелился подойти к ней! К Уорден! К его собственности!

Джеральд чуть успокоился, лишь когда достиг фермы О'Кифов, увидел бедные сараи, конюшни и сравнил их дом со своим особняком. Говард не мог всерьез представить, что его внучка выйдет замуж за отпрыска какого-то бедного фермера.

В окнах горел свет. Лошадь Говарда и мул стояли в загоне во дворе. Старый ублюдок и его сынок-неудачник, судя по трем силуэтам в комнате, были дома. Джеральд небрежно бросил поводья на забор и выхватил ружье. Когда он приблизился к дому, залаяла собака, но внутри никто не отреагировал.

Джеральд распахнул дверь. Как он и ожидал, за столом, на котором стояла кастрюля с густым супом, сидели Говард, Хелен и их сын. Все трое испуганно посмотрели в его сторону и застыли от удивления. Джеральд воспользовался своим неожиданным появлением. Он ворвался в дом и перевернул стол, пытаясь добраться до Рубена.

— Карты на стол, парниша! Что у тебя с моей внучкой?

Рубен извивался в его руках.

— Мистер Уорден... разве мы не можем... поговорить как разумные люди?

Джеральд покраснел. Именно так отреагировал бы на подобное

обвинение его неудачный сын Лукас. Джеральд нанес удар. Его левый хук отбросил Рубена в угол комнаты. Хелен закричала. В этот самый момент Говард схватил Джеральда. Но его движения были не такими точными. О'Киф только что вернулся из паба в Холдоне. Он тоже был пьян. Джеральд без усилий парировал удар О'Кифа и снова сосредоточился на Рубене, который пытался подняться на ноги.

— Мистер Уорден, прошу вас... — бормотал парнишка, вытирая кровь, которая текла из разбитого носа.

Говард схватил Джеральда за шею, прежде чем тот успел снова замахнуться на его сына.

— Так и быть! Поговорим как разумные люди! — прошипел он. — Что случилось, Уорден? Почему ты являешься сюда и угрожаешь моему сыну?

Джеральд попытался обернуться, чтобы посмотреть на него.

— Твой проклятый дерьмовый сынок испортил мою внучку! Вот что!

— Что он сделал? — Говард отпустил Джеральда и посмотрел на Рубена: — Немедленно скажи, что это ложь!

По выражению лица Рубена было понятно, что это правда. Он, как и Флёр, не мог скрыть своих эмоций.

— Разумеется, я ее не портил! — тем не менее уверенно произнес парнишка. — Только...

— Только что? Немножко лишил девственности? — гремел Джеральд.

Рубен побледнел.

— Я попрошу вас не выражаться в подобном тоне о Флёр! — сохраняя спокойствие, заявил Рубен. — Мистер Уорден, я люблю вашу внучку. Я хочу на ней жениться.

— Ты хочешь... что? — зарычал Говард. — Я так понимаю, эта маленькая ведьма вскружила тебе голову...

— Ты ни за что не женишься на Флёретте, мелкое ничтожество! — закричал Джеральд.

— Мистер Уорден! Возможно, мы будем подбирать более удачные выражения? — попробовала вмешаться в разговор Хелен.

— Я все равно женюсь на Флёретте, что бы вы оба ни предпринимали против нашего решения... — все так же спокойно и решительно сказал Рубен.

Говард схватил сына за рубашку и держал его так же, как до этого Джеральд.

— Заткнись! А ты, Уорден, убирайся отсюда! Сейчас же! И чтобы здесь больше никогда не было твоей маленькой шлюшки! Я не хочу ее больше видеть, ты понял? Объясни ей это или я сам это сделаю, тогда уж

она точно никого больше не соблазнит...

— Флёретта не...

— Мистер Уорден! — Хелен стала между мужчинами. — Пожалуйста, идите. Говард не знает, о чем говорит. Что касается Рубена... мы все здесь лучшего мнения о Флёретте. Возможно, дети обменялись парой поцелуев, но...

— Ты больше никогда не прикоснешься к Флёретте!

Джеральд попытался еще раз ударить Рубена, но остановился, увидев, как бессильно тот висел в руках Говарда.

— Он больше не прикоснется к ней, это уж я тебе обещаю. А теперь убирайся! Я разберусь с ним, Уорден, можешь на меня положиться!

Хелен уже не знала, хотела ли она действительно, чтобы Джеральд ушел. В голосе Говарда настолько отчетливо слышалась угроза, что она начала серьезно опасаться за Рубена. Еще до появления Джеральда Говард был невероятно зол. Ему пришлось самому загонять молодых баранов, так как, несмотря на все свои попытки починить изгородь, Хелен и Рубен не смогли удержать животных. К счастью, Говард успел загнать их в конюшню, прежде чем они снова успели убежать в горы. В любом случае эта дополнительная работа никак не могла улучшить его настроение. Когда Джеральд покинул их дом, Говард посмотрел на Рубена уничтожающим взглядом.

— Значит, ты встречаешься с наследницей Уордена, — злобно прошипел он. — И по-прежнему строишь большие планы на будущее, не так ли? Я как раз встретил в пабе мальчишку из деревни маори, который работает на Гринвуда. Он меня поздравил с тем, что тебя приняли в университет в Данидине! На юридический факультет! И кто же тебе будет оплачивать учебу? Дядюшка Джордж? Но сейчас я из тебя всю эту дурь выбью! Считаю хорошенько, Рубен О'Киф, этому тебя научили! И насчет права — как там говорят? — око за око, зуб за зуб? Сейчас мы тебя научим праву! Это тебе за овец!

Он нанес Рубену удар.

— А это за девчонку! — Еще один удар правой.

— А это за Джорджа! — Удар левой.

Рубен упал на пол.

— За обучение в университете! — Говард ударил его по ребрам.

Рубен застонал от боли.

— И за то, что ты считаешь себя лучше других! — Еще один жестокий удар, теперь по почкам.

Рубен согнулся. Хелен попыталась оттянуть Говарда от него.

— А это тебе за то, что ты с маленьким негодяем вечно заодно! — Следующий удар Говарда пришелся по верхней губе Хелен. Она упала на пол, но попыталась еще раз прийти на помощь сыну.

Тем временем, казалось, Говард наконец-то начал приходить в себя. Вид крови на лице Хелен подействовал на него отрезвляюще.

— Вы этого не стоите... оба... — пробормотал он и направился к шкафу в кухне, в котором Хелен хранила виски. Приличный напиток, не самый дешевый. Она держала его для гостей, прежде всего для Джорджа Гринвуда — тому нужно было выпить после того, как он завершал очередной нелегкий разговор с Говардом.

Теперь же Говард сделал несколько больших глотков и хотел поставить бутылку на место. Но, уже закрывая дверцу шкафа, он передумал и взял бутылку с собой.

— Я переночую в конюшне, — сказал Говард. — Видеть вас больше не могу...

Хелен вздохнула с облегчением, когда ее муж наконец-то оставил их в покое.

— Рубен... как ты? Ты...

— Все в порядке, мама, — прошептал юноша, хотя его внешний вид говорил об обратном. Под глазом и на губе образовались кровоточащие рваные раны; из носа тоже вовсю шла кровь, и Рубену с трудом удалось встать на ноги. Его левый глаз опух.

Хелен помогла ему подняться.

— Идем, я положу тебя в кровать и позабочусь о ранах, — предложила она сыну.

Но Рубен покачал головой.

— Я не хочу лежать на его кровати! — твердо сказал он и заковылял к маленьким нарам возле камина, на которых он обычно спал зимой. Летом уже много лет Рубен спал в конюшне, чтобы не беспокоить родителей.

Он задрожал, когда Хелен подошла поближе с кувшином воды и куском ткани, чтобы обмыть кровь с лица.

— Я в порядке, мама... Боже, надеюсь, с Флёр ничего не случится..

Хелен осторожно промокнула кровь у него на губе.

— С Флёр ничего не случится. Но как он об этом узнал? Черт, мне нужно было пристальнее наблюдать за Полом!

— Когда-нибудь они все равно об этом узнали бы, — заметил Рубен. — А теперь... я завтра же уйду, мама. Не расстраивайся из-за этого. Я больше ни дня не проведу в его проклятом доме... — Он показал рукой в том направлении, куда исчез Говард.

— Завтра у тебя все будет болеть, — сказала Хелен. — К тому же нельзя поступать опрометчиво. Джордж Гринвуд...

— Дядя Джордж больше нам не поможет, мама. Я поеду не в Данидин, а в Отаго. Там есть золото. Я... я найду его и заберу Флёр отсюда. И тебя тоже. Он... он больше никогда не ударит тебя!

Хелен в ответ не проронила ни слова. Она смазала раны сына охлаждающей мазью, а потом долго сидела рядом, пока Рубен не заснул. Женщина вспоминала те ночи, в которые ей приходилось точно так же сидеть рядом с кроватью сына, когда он болел или же просыпался от кошмарного сна. В последнем случае Рубен просто хотел побыть вместе со своей мамой. Мальчик всегда делал ее счастливой. Но теперь Говард все разрушил. Этой ночью Хелен так и не смогла заснуть.

Она плакала.

Флёретта тоже плакала этой ночью во сне. И она, и Гвинейра, и Пол слышали, как Джеральд вернулся домой поздно вечером, но ни у кого не хватило смелости спросить старика, как все прошло. Утром Гвинейра оказалась единственной, кто спустился к завтраку. Джеральд отсыпался с похмелья, а Пол боялся показаться матери на глаза. Ему нужно было поговорить с Джеральдом насчет домашнего ареста и переманить деда на свою сторону. Испуганная и обессиленная Флёретта сидела на кровати, прижав к себе Грейси, как когда-то делала ее мать с Клео, и представляла самые ужасные картины. В таком состоянии ее и застала Гвинейра после того, как Энди МакАран сообщил о неожиданном госте, находившемся в конюшне. Прежде чем подняться к дочери, Гвинейра твердо убедилась в том, что ни в комнате Джеральда, ни в комнате Пола не было слышно никаких звуков, свидетельствовавших бы о том, что они уже проснулись.

— Флёретта! Флёретта, уже девять часов! Почему ты до сих пор в постели? — Гвинейра осуждающе покачала головой, как будто это был совершенно обычный день и Флёр проспала в школу. — Давай одевайся, да побыстрее. В конюшне тебя кто-то ждет. И этот кто-то не может ждать вечно.

Она загадочно улыбнулась дочери.

— Кто там, мама? — Флёретта вскочила с кровати. — Кто? Это Рубен? О, если это Рубен, если он жив...

— Конечно, он жив, Флёретта. Твой дедушка — человек, который быстро выходит из себя и любит распускать кулаки. Но даже он никого не убивает! По крайней мере не сразу... Но если бы он увидел, кто сейчас находится у нас в сарае, я ничего не смогла бы гарантировать. — Гвинейра помогла Флёр быстро надеть платье для верховой езды.

— Смотри, чтобы дед не пришел, хорошо? И Пол... — Казалось, Флёретта боялась своего брата так же сильно, как и Джеральда. — Пол — настоящий подонок! Ты ведь не веришь, что мы...

— Я считаю, что Рубен слишком умен для того, чтобы рисковать всем и позволить тебе забеременеть, — рассудительно произнесла Гвинейра. — И ты, Флёретта, такая же умная. Рубен хочет поехать в Данидин, чтобы учиться в университете, так что тебе в любом случае придется подождать пару лет, прежде чем можно будет думать о браке. Шансы на успех у молодого адвоката, работающего в фирме Джорджа Гринвуда, намного

выше, чем у мальчишки, чей отец-фермер перебивается с хлеба на воду. Помни об этом, когда встретишься с Рубеном. Хотя... после того, что мне рассказал МакАран, твой любимый сегодня не в состоянии заниматься плотскими утехами...

Последние слова Гвинейры снова заставили Флёр думать о худшем. Вместо того чтобы найти пальто — на улице шел сильный дождь, — она быстро накинула на плечи платок и поспешила вниз. Ее волосы были в беспорядке; чтобы расчесать сбившиеся кудри, ей, возможно, понадобилось бы несколько часов. Обычно она расчесывала их и заплетала в косу перед сном, но вчера у нее на это просто не хватило сил. Теперь же непослушные локоны сбились вокруг ее маленького личика и напоминали рыжую копну. Правда, Рубен О'Киф по-прежнему считал ее самой прекрасной из всех девушек, которых ему когда-либо доводилось видеть. Флёретту же, напротив, сильно расстроил внешний вид ее друга. Юноша скорее лежал, чем сидел на охапке сена. Как и прежде, каждое движение вызывало у него боль. Его лицо опухло, один глаз полностью закрылся, а раны все еще слегка кровоточили.

— Боже мой, Рубен! Это Джеральд тебя так? — Флёретта хотела обнять его, но Рубен отстранился от нее.

— Осторожно, — простонал он. — Мои ребра... Я не знаю, сломаны они или это просто сильный ушиб... но мне чертовски больно.

Флёретта нежно прикоснулась к его щеке. Затем она села рядом с Рубеном и подставила свое плечо ему под голову.

— Чтобы его черти забрали! — гневно воскликнула она. — На том свете он уже никому не причинит зла! А вот тебя чуть не убил!

Рубен покачал головой.

— Это не мистер Уорден. Это мой отец. Впрочем, они оба постарались! Они терпеть друг друга не могут, но когда дело доходит до нас, то во всем соглашаются. Я уезжаю, Флёр. Я больше не могу терпеть это!

Не понимая, что происходит, Флёретта изумленно уставилась на него.

— Ты уезжаешь? Ты бросаешь меня?

— Я что, должен ждать, когда они убьют нас? Мы же не можем вечно встречаться тайком — хотя бы из-за маленького шпиона, который живет в твоём доме. Это ведь Пол нас выдал, не так ли?

Флёр кивнула.

— И он не остановится на этом. Но ты... ты не можешь уехать без меня! Я поеду вместе с тобой! — Она решительно встала и, казалось, уже начала мысленно собирать свои вещи. — Подожди меня здесь, мне

немногое нужно. Через час мы уже будем далеко отсюда!

— Ах, Флёр, так дело не пойдет. Пойми, я не бросаю тебя. Я буду думать о тебе каждую минуту, каждую секунду. Я люблю тебя, но тебе ни в коем случае нельзя со мной в Отаго... — Рубен нежно погладил ее по голове.

Флёр молчала, лихорадочно обдумывая план действий. Итак, если она убежит вместе с ним, если осмелится бросить все, Джеральд, вне всяких сомнений, отправит на ее поиски целый отряд. Но, учитывая то, в каком состоянии находится Рубен, они не смогут ехать быстро... И что это он говорил об Отаго?

— Я думала, ты собирался в Данидин, — сказала Флёр и поцеловала юношу в лоб.

— Я изменил свое решение, — заявил Рубен. — Мы все время рассчитывали на то, что твой дедушка позволит нам пожениться, когда я стану адвокатом. Но он никогда не даст разрешения на брак, после вчерашнего мне это стало окончательно ясно. Если же мы хотим быть вместе, мне нужно заработать денег. И не просто денег, а целое состояние. А в Отаго нашли золото...

— Ты хочешь попытаться найти месторождение золота? — удивленно спросила Флёр. — Но... кто тебе сказал, что ты сможешь хотя бы что-то найти?

Слова Флёр заставили Рубена задуматься. У него действительно не было ни малейшего представления о том, как ведутся поиски золота. Но, черт возьми, другим ведь это как-то удается!

— В окрестностях Квинстауна все находят золото, — заверил он ее. — Там есть самородки величиной с ноготь.

— И они просто так лежат вокруг? — недоверчиво спросила Флёретта. — Разве тебе не понадобится разрешение? А как насчет снаряжения? В конце концов, Рубен, у тебя хотя бы деньги есть?

Рубен кивнул.

— Да, немного. Я чуть-чуть успел отложить. Дядя Джордж заплатил мне, когда я в прошлом году помогал ему на фирме, а также за услуги переводчика, когда Рети не смог присутствовать. Но денег, конечно, маловато.

— У меня вообще ничего нет, — сказала Флёретта, явно расстроенная этим фактом. — Иначе я бы тебе дала. А что насчет лошади? Как ты собираешься добраться до озера Вакатипу?

— Я возьму мула своей матери, — ответил Рубен.

Флёр закатила глаза.

— Непумука? Ты хочешь перебраться через горы на старом Непумуке? Сколько ему уже лет? Двадцать пять? Это невозможно, Рубен, возьми лучше одну из наших лошадей!

— Чтобы старый Уорден натравил на меня людей, обозвав конокрадом? — с горечью в голосе произнес юноша.

Флёретта покачала головой.

— Возьми Минетту. Она маленькая, но выносливая. И она принадлежит мне. Никто не может запретить мне одолжить ее. Но пообещай, что будешь о ней заботиться, слышишь? И ты должен вернуть ее... и вернуться сам...

— Ты же знаешь, что я вернусь, как только появится такая возможность! — Рубен с трудом встал на ноги и заключил Флёретту в объятия. Когда он целовал ее, она почувствовала вкус крови на губах. — Я заберу тебя. Это... это так же истинно, как восход солнца! Я найду золото и обязательно заберу тебя с собой! Ты мне веришь, Флёретта?

Девушка кивнула и ответила на его объятия настолько нежно и осторожно, как только могла. Она не сомневалась в его любви. Если бы только она могла быть настолько же уверенной в его будущем богатстве... •

— Я люблю тебя и буду ждать! — с любовью произнесла она.

Рубен еще раз поцеловал ее.

— Я постараюсь вернуться побыстрее. В Квинстауне еще не так много золотоискателей. Пока что это непроверенные слухи. Поэтому, если мне дадут разрешение и там будет много золота...

— Но ты ведь возвратишься, даже если не обнаружишь золото, правда? — спросила его Флёретта. — Тогда мы придумаем что-нибудь еще!

— Я найду золото! — стараясь, чтобы его голос звучал убедительно, воскликнул Рубен. — Потому что другой возможности у нас нет. А сейчас мне пора идти. Я уже и так слишком долго задержался. Если твой дед увидит меня...

— Моя мама следит за ним. Останься еще ненадолго, Рубен, я оседлаю для тебя Минетту, ты ведь даже на ногах стоишь с трудом. Лучше всего найди себе укрытие и отдохни там. Мы могли бы...

— Нет, Флёретта. Давай без долгих прощаний, я не могу, больше рисковать. Я пойду, пока все не стало еще хуже. Проследи только за тем, чтобы мул вернулся к моей маме.

Рубен с трудом поднял руки и принялся помогать Флёретте седлать лошадь. Когда девушка уже собиралась взнуздать Минетту, в дверях конюшни показалась Кири с двумя полными дорожными сумками в руках. Она улыбнулась Флёретте.

— Вот, это твоя мама передала тому, кого здесь на самом деле нет. — В соответствии с полученными указаниями, Кири старалась не смотреть на Рубена, как будто его действительно тут не было. — Немного продуктов на дорогу и теплые вещи, которые остались еще от мистера Лукаса. Она считает, что это может понадобиться.

Сначала Рубен хотел отказаться, но маорийка попросту не обращала на него внимания и, поставив сумки на пол, развернулась и вышла из конюшни. Флёретта прикрепила сумки к седлу, а затем вывела на улицу Минетту.

— Береги его! — прошептала она на ухо лошади. — И привези его ко мне обратно!

Рубен осторожно залез на лошадь, а потом с трудом наклонился к девушке и поцеловал ее на прощание.

— Насколько сильно ты меня любишь? — тихо спросил он.

Она улыбнулась.

— До небес. И еще на пару звезд выше. Надеюсь, мы скоро увидимся!

Флёретта смотрела ему вслед, пока Рубен не скрылся за пеленой дождя, из-за которого сегодня совершенно не было видно даже гор. Ее сердце разрывалось на части, когда она смотрела, как избитый и окровавленный Рубен ехал полулежа на лошади. Их совместный побег ни за что не удался бы — Рубен смог бы двигаться вперед лишь при условии, что их никто не преследовал бы.

Пол тоже видел, как юноша уезжал. Он снова занял позицию у своего окна и размышлял, стоит ли ему из-за этого будить Джеральда или нет. Но даже если бы он это сделал, Рубен уже точно пересек бы горы, — не говоря уже о том, что его мать не разрешала ему выходить из комнаты. Ее гневное лицо все еще стояло у него перед глазами. Пол выяснил для себя то, о чем давно уже догадывался: Гвинейра любила Флёретту намного сильнее, чем его. И теперь он вряд ли мог ждать от матери похвалы. Но что касалось Джеральда, тут надежда еще оставалась. Действия его деда можно было просчитать заранее, и если бы Полу удалось выбрать для себя правильную тактику, то Джеральд как минимум занял бы его сторону. Отныне, решил Пол, в семье Уорденов существовало две противоположные фракции: с одной стороны — его мать и Флёр, с другой же — сам Пол и Джеральд. Ему нужно было всего лишь убедить Джеральда в том, насколько он для него полезен!

Джеральд был вне себя от гнева, когда узнал, куда пропала Минетта. Гвинейре лишь с трудом удалось не допустить того, чтобы он ударил

Флёретту.

— В любом случае он наконец-то убрался отсюда! — пытался утешить себя Джеральд. — В Данидине он или еще где-то, мне все равно. Если же он еще раз появится здесь, я застрелю его как бешеного пса, тебе это понятно, Флёретта? Но долго мы ждать не будем. Я выдам тебя замуж за первого же более-менее подходящего кандидата!

— Она еще слишком молода, чтобы выходить замуж, — сказала Гвинейра, которая радовалась тому, что Рубен хотя бы уехал из Кентербери. Куда он направился, Флёр ей не сказала, но она могла и сама догадаться. Если раньше, чтобы сделать себе состояние и показать свое мужество, все отправлялись в море охотиться на китов и тюленей, то сегодня для этого нужно было поехать и Отаго и попытаться отыскать золото. Но шансы Рубена на успех Гвинейра, как и Флёр, считала слишком уж маленькими.

— Она была достаточно взрослой, когда отдалась этому ублюдку в кустах. В таком случае она может разделить постель и с достойным ее мужчиной. Сколько ей лет? Шестнадцать? В следующем году ей исполнится семнадцать. Тогда ей можно будет обручиться. Я хорошо помню девушку, которая в семнадцать лет прибыла в Новую Зеландию...

Джеральд уставился на Гвинейру, которая побледнела и, казалось, вот обратится в панику. Когда ей было семнадцать, Джеральд влюбился в нее — и привез своему сыну в качестве невесты. Могло ли случиться так, что старик и во Флёр видел не просто внучку? До сих пор Гвинейра не задумывалась о том, что девочка была практически ее копией. Конечно, Флёретта была чуть более грациозной, цвет ее волос и оттенок кожи тоже немного отличались от материнских, но перепутать Флёр и молодую Гвинейру не составляло труда... Могло ли случиться так, что глупый донос Пола открыл Джеральду глаза на этот факт?

Флёретта разрыдалась и хотела было мужественно возразить, что она никогда и ни при каких обстоятельствах не выйдет замуж за кого-то, кроме Рубена О'Кифа, но Гвинейра жестом велела дочери молчать. Ссориться не было никакого смысла. Для начала следовало найти хотя бы «наполовину подходящего» молодого человека, а это было не так уж просто. Уордены принадлежали к старейшим и наиболее уважаемым семьям на Южном острове; лишь немногие могли сравняться с ними по общественному и финансовому успеху. Сыновей в таких семьях можно было пересчитать по пальцам — и почти все они уже были обручены, женаты или же слишком малы для Флёретты. К примеру, сыну молодого лорда Баррингтона было лишь десять лет, а старшему сыну Джорджа Гринвуда едва исполнилось пять. Гвинейра надеялась, что, когда гнев Джеральда утихнет, он осознает

сложившуюся ситуацию. Опасность же, исходившая из собственного дома, казалась Гвинейре намного более реальной, хотя, возможно, она просто видела призрак, навеянный событиями той декабрьской ночи. За все эти годы Джеральд прикоснулся к ней лишь один раз, и то в состоянии алкогольного опьянения и аффекта, и, казалось, до сих пор сожалел о содеянном. Так что, наверное, для волнения не было настоящей причины.

Гвинейра заставила себя успокоиться и попыталась настроить Флёретту на тот же лад. Скорее всего, болезненный инцидент все забыли бы уже через несколько недель.

Но надежды Гвинейры не оправдались. Поначалу волнения действительно улеглись, но через два месяца после отъезда Рубена Джеральд отправился в Крайстчерч на собрание овцеводов. Официальным обоснованием для этого собрания, которое Гвинейра про себя называла «праздничным обедом с последующей выпивкой», были участвовавшие случаи кражи скота в окрестностях Кентербери. За последние месяцы только в этом районе исчезло около тысячи овец, и, как и прежде, у всех на слуху было имя МакКензи.

— Один лишь Бог знает, куда он подевал наших овец! — кричал Джеральд. — Но в том, что за всем этим стоит именно МакКензи, я не сомневаюсь! Он знает окрестности как свои пять пальцев! Нам нужно разослать побольше патрулей или же создать настоящую полицию!

Гвинейра пожимала плечами, надеясь, что никто не заметит, как сильно колотится ее сердце при одном лишь упоминании о Джеймсе МакКензи. Про себя она улыбалась, думая о его дерзких выходках и о том, что сказал бы Джеймс, узнав о дополнительных патрулях. Пока что освоенными были лишь части высокогорья, поэтому огромный район мог скрывать в себе еще множество долин и лугов. Охранять животных в таких условиях представлялось практически нереальной задачей, хотя овцеводы и посылали людей в горы, чтобы те присматривали за ними. Эти пастухи проводили полгода в примитивных, специально построенных с этой целью хижинах, чаще всего вдвоем, чтобы не сойти с ума от одиночества. При этом они коротали время за игрой в карты, охотой и рыбалкой, практически оставаясь без контроля со стороны своих работодателей. Более надежные из них следили за отарами одним глазком, другие же просто не обращали на животных никакого внимания.

Один человек с хорошей овчаркой мог за день угнать несколько десятков овец, не привлекая к себе никакого внимания. Если Джеймс действительно нашел неизвестное остальным место для выпаса овец, «овечьи бароны» никогда бы не смогли его обнаружить — разве что по

чистой случайности.

Тем не менее деятельность Джеймса МакКензи постоянно становилась темой для разговоров среди овцеводов или же причиной совместных экспедиций в горы. Как обычно, в этот раз на заседании снова было много пустой болтовни. Гвинеира только радовалась, что ее никогда не заставляли принимать участие в работе собрания. Хотя де-факто именно она занималась разведением овец в Киворд-Стейшн, всерьез воспринимали лишь Джеральда. Гвинеира вздохнула с облегчением, увидев, как Джеральд вместе с Полом выехали со двора. Мальчик и его дед с того момента, как произошла история с Рубеном и Флёреттой, стали ближе друг к другу. По всей видимости, до Джеральда наконец-то дошло, что зачать наследника было недостаточно. Будущий хозяин Киворд-Стейшн должен быть в курсе всего, что происходит на ферме, а также находиться в обществе себе подобных.

Теперь Пол гордо скакал рядом с Джеральдом в Крайстчерч, а Флёретта наконец-то смогла немного расслабиться. Как и прежде, Джеральд постоянно указывал ей, что делать, куда идти и когда быть дома; при этом Пол шпионил за сестрой и докладывал деду о малейшем нарушении с ее стороны. Не считая нескольких случаев, когда Флёретта не выдерживала напряжения, она воспринимала происходящее с завидной долей хладнокровия, но легче ей от этого не становилось. Девочка очень радовалась, когда Гвинеира подарила ей последнего жеребенка Игрэн, Ниниану, четырехлетнюю кобылу, похожую на свою мать и по темпераменту, и внешне. Увидев Флёр, скакавшую на лошади по лугу, Гвинеира снова почувствовала неясную тревогу. Женщину посетило неприятное ощущение, как однажды в салоне: Джеральд не мог не заметить, как сильно Флёретта походила на нее, Гвинеиру. Девушка была красивой, диковатой и настолько вне пределов его досягаемости, насколько это только было возможно.

Реакция Джеральда на подарок Гвинеиры оправдала ее самые худшие опасения: казалось, старик был еще агрессивнее, чем обычно; он кричал на всех, кто попадался ему на пути, и поглощал еще больше виски, чем всегда. И лишь Пол мог успокоить его в такие ночи.

Кровь застыла бы в жилах Гвин, если бы она только знала, о чем эти двое разговаривали в комнате наверху.

Все начиналось с того, что Джеральд приказывал Полу докладывать ему о делах в школе и своих приключениях, а заканчивалось тем, что мальчишка говорил о Флёр, — свою сестру он, естественно, описывал не как неприрученное дикое животное, каким когда-то считалась Гвинеира, а

испорченной, злобной и готовой к предательству девчонкой. Джеральду было легче переносить свои фантазии насчет внучки, когда они касались такого «маленького чудовища», но, тем не менее, он четко понимал, что от девочки нужно было как можно быстрее избавляться.

В Крайстчерче как раз представилась подходящая возможность. Когда Джеральд и Пол возвращались с собрания овцеводов, их сопровождал Реджинальд Бизли.

Гвинейра поприветствовала старого друга своей семьи и выразила ему свои соболезнования по поводу смерти его жены. Миссис Бизли неожиданно скончалась в прошлом году — ее хватил удар, когда она прогуливалась в своем любимом розарии. Гвинейра считала, что представить себе более красивой смерти просто невозможно, но это, естественно, не сделало переживания мистера Бизли менее болезненными. Он очень тосковал по своей супруге. Гвин попросила Моану приготовить отменный ужин, а сама тем временем отправилась на поиски лучшего в доме вина. Бизли был гурманом и знатоком вин, поэтому его круглое и раскрасневшееся лицо просто засияло от счастья, когда Вити наконец-то открыл бутылку.

— Я как раз получил партию лучших вин из Кейптауна, — говорил он и, казалось, обращался при этом больше к Флёретте. — Среди них есть и очень легкие, такие обычно нравятся дамам. Что вы предпочитаете, мисс Флёр? Белые или красные вина?

Флёретта никогда об этом особо не задумывалась. Она редко пила вино, а если это и случалось, то девушка довольствовалась тем, что было на столе. Но, конечно же, Хелен научила ее тому, как должна вести себя настоящая леди.

— Все зависит по большей части от сорта, мистер Бизли, — вежливо ответила Флёр. — Красные вина слишком крепкие для меня, а в белых содержится довольно много кислоты. В выборе правильного напитка я бы положила на ваше мнение.

Судя по всему, такой ответ доставил невероятное удовольствие мистеру Бизли, который тут же начал подробно объяснять, почему предпочитает вина из Южной Африки французским сортам.

— Кейптаун намного ближе к нам, — сказала наконец Гвинейра, чтобы подвести итог беседы. — К тому же африканские вина значительно дороже.

Флёр усмехнулась про себя. Этот аргумент первым пришел ей в голову, но мисс Хелен говорила, что настоящая леди ни при каких обстоятельствах не должна была обсуждать с джентльменом денежные вопросы. Что

касается ее матери, то она явно не придерживалась подобных взглядов.

Бизли тут же многословно пояснил, что финансовые соображения при покупке вина не играют никакой роли, и сразу перешел к другой теме, касающейся инвестиций, которые ему удалось совершить в последнее время. Так, например, он закупил еще больше овец, намного увеличил поголовье крупного рогатого скота...

Флёретта спрашивала себя, почему «овечий барон» при этом так пристально смотрел на нее, как будто она лично была заинтересована в численности его отар. Ее внимание привлекла лишь та часть разговора, которая коснулась самого процесса разведения животных. Как и прежде, Бизли покупал лишь чистокровных породистых лошадей.

— Мы могли бы скрестить их с одной из ваших лошадок, если чистокровные животные кажутся вам слишком уж энергичными, — оживившись, внес свое предложение Бизли. — Мне было бы интересно посмотреть на результат...

Флёретта наморщила лоб. Она не могла представить чистокровную лошадь, которая была бы быстрее и выносливее, чем ее Ниниана. Да и зачем ей вообще было пересаживаться на другое животное? По мнению ее матери, чистокровные лошади тяжелее переносили долгую скачку по холмистой местности, поросшей кустарником.

— Так часто делают в Англии, — вмешалась в разговор Гвинейра, которую, как и Флёретту, поведение Бизли насторожило. Она была настоящим животноводом в семье, так почему же, когда речь шла о скрещивании лошадей, Бизли обращался не к ней, а к дочери? — Иногда при этом получают хорошие лошади для охоты. Но часто они обладают выносливостью и упрямством кобов в сочетании со взрывным характером и пугливостью чистокровок. Такого животного я своей дочери не пожелаю.

Бизли смущенно улыбнулся.

— О, это было всего лишь предположение. Конечно же, мисс Флёретта должна иметь полный контроль над своей лошастью. Мы могли бы организовать охоту. В последние годы я этим как-то не занимался, но... Вам ведь нравится охота, мисс Флёр?

Флёретта кивнула.

— Ну да, почему бы и нет... — ответила она, явно заинтересовавшись.

— Хотя у нас в Новой Зеландии по-прежнему нет лис, — сказала с улыбкой Гвинейра. — Вы не задумывались над тем, чтобы привезти сюда парочку?

— Только этого не хватало! — завелся Джеральд, из-за чего разговор принял иной оборот и его темой стал скудный животный мир Новой

Зеландии.

Теперь Флёретта могла действительно поучаствовать в обсуждении, благодаря чему за обедом наконец-то возникла оживленная беседа. Затем Флёр извинилась перед всеми и поднялась к себе в комнату. В последнее время она проводила вечера, сочиняя длинные письма Рубену, а затем отдавала их с надеждой на ответ в Холдоне, хотя почтальон был настроен менее оптимистично. Ему казалось, что такого адреса, как «Рубен О'Киф, лагерь золотоискателей, Квинстаун» быть не могло. Но, во всяком случае, эти письма пока не возвратились к Флеретте.

Сначала Гвинейра хотела пойти в кухню, но затем решила еще ненадолго составить компанию джентльменам. Она налила себе в салоне бокал портвейна и направилась в соседнюю комнату, где Уорден и Бизли обычно курили, выпивали и играли в карты после обеда.

— Вы были правы, она просто очаровательна!

Гвинейра, насторожившись, застыла перед полуоткрытой дверью и стала слушать Бизли.

— Поначалу я был настроен слегка скептически, ведь она такая юная девушка, почти совсем ребенок. Но теперь, увидев ее, я понял: она созрела для брака. А как хорошо она воспитана! Настоящая маленькая леди.

Джеральд кивнул.

— Я же говорил. Она готова к браку. Признаюсь, за ней уже приходится наблюдать, чтобы не натворила чего-нибудь. Вы же сами знаете, как оно бывает с мужчинами на фермах. Многие кошечки во время течки теряют разум.

Бизли захихикал.

— Но она же... Я имею в виду, поймите меня правильно... не то чтобы это было важно для меня, я все равно был заинтересован в поиске... ну, скажем, вдовы, ведь в моем возрасте... Но если она, будучи такой юной, уже...

— Реджинальд, я прошу вас! — строго прервал его Джеральд. — Безо всяких сомнений, честь Флёр не тронута. Я только потому и думаю так рано о браке, чтобы Флёретта оставалась порядочной девушкой. Яблочко уже созрело, если вы понимаете, о чем я говорю!

Бизли снова рассмеялся.

— По-настоящему райская картина! А что говорит сама девушка по этому поводу? Вы сами расскажете ей о том, что я сватаюсь, или же мне стоит... эээ... самому все ей попытаться объяснить?

Гвинейра не могла поверить своим ушам. Флёретта и Реджинальд Бизли? Ему же было уже под шестьдесят! Бизли был достаточно стар даже

для того, чтобы быть дедом Флёр!

— Позвольте мне обо всем позаботиться! Несомненно, это будет для нее неожиданностью. Но она согласится, это уж я вам гарантирую! В конце концов, она ведь леди, как вы сами уже сказали. — Джеральд еще раз поднял бокал с виски. — За наше родство, — улыбнулся он. — За Флёр!

— Нет, нет и еще раз нет!

Голос Флёретты доносился из кабинета Джеральда, куда тот пригласил ее, чтобы обсудить предстоящую помолвку. Гвинейра, находившаяся в своей комнате, слышала, как ее дочь отвечала деду. Похоже, Флёретта наконец-то забыла о правилах поведения настоящей леди и закатила Джеральду настоящую истерику. Гвинейра предпочла не вмешиваться в их разговор. Если бы Джеральд не смог договориться с Флёреттой по-хорошему, то Гвин готова была сыграть роль посредника. В конце концов, Бизли можно было отказать, не задев при этом его чувств. Хотя это не помешало бы — как только этот старик посмел думать о шестнадцатилетней невесте! На всякий случай Гвинейра убедилась в том, что Джеральд не был слишком пьян, когда приказал Флёр подняться к себе, и заранее предупредила дочь о сложившейся ситуации.

— Помни, Флёр, он не имеет права заставлять тебя. Возможно, они кому-то уже рассказали о будущей свадьбе, тогда придется пережить маленький скандал. Но я уверяю тебя, Крайстчерч и не такое повидал. Просто будь спокойна и четко высказывай свою точку зрения.

Но спокойной Флёретте остаться не удалось.

— Я что, должна тебе подчиняться? — набросилась она на Джеральда. — И не подумаю! Прежде чем ты выдашь меня замуж за старика, я утоплюсь! Серьезно, дедушка, я пойду и утоплюсь в озере!

Гвинейра не могла не улыбнуться. Откуда только у Флёретты взялась эта театральность? Возможно, она читала о чем-то подобном в одной из книг Хелен. В общем-то, прыжок в озерцо, находившееся на территории Киворд-Стейшн, не причинил бы девушке никакого вреда. Во-первых, водоем был слишком уж мелким, а во-вторых, благодаря друзьям из маорийского поселения Флёр умела отлично плавать.

— Или же я пойду в монастырь! — продолжала фантазировать девушка. Правда, в Новой Зеландии не было ни одного монастыря, но ее это, по всей видимости, не волновало. Гвинейре пока что удавалось наблюдать за происходящим как за дурной шуткой. Но затем она услышала голос Джеральда и снова встревожилась. Что-то в его тоне вызывало у нее подозрения... Старик, очевидно, выпил больше, чем ей вначале показалось.

Когда же он успел? Когда она рассказывала Флёретте о происшедшем? Или же сейчас, во время разговора с девушкой?

— Ну нет, ты не пойдешь в монастырь, Флёретта! Это последнее место, куда бы ты хотела попасть. Ведь ты уже сейчас любишь кувыряться в кустах со своим паршивым дружкой! Подожди-ка, малышка, я и не таких умирал. Тебе нужен мужчина, Флёр, ты...

Флёретта, казалось, лишь сейчас почувствовала опасность его угроз.

— Мать не позволит выдать меня замуж за старика, даже если тебе этого хочется... — сказала она почти шепотом.

Это еще больше разозлило Джеральда.

— Твоя мать будет делать то, что я скажу! Я найду способ на нее повлиять! — Джеральд загородил путь к отступлению, увидев, что Флёр собралась выбежать из кабинета. — Вы все будете делать то, что я прикажу!

Гвинейра, которая тем временем со страхом приблизилась к кабинету Джеральда, ворвалась внутрь. Она увидела, как Флёретта, испуганно рыдая, упала в кресло, а Джеральд попытался забраться на нее сверху. Пустая бутылка из-под виски упала на пол и разбилась. Гвинейра, мысли которой проносились с лихорадочной скоростью, вспомнила, что еще незадолго до начала разговора с Флёреттой та самая бутылка была полной на три четверти.

— Лошадка строптивая, да? — прошипел на ухо своей внучке Джеральд. — Еще не привыкла к седлу? Ну, сейчас мы это исправим. Я научу тебя покоряться всаднику...

Гвинейра оттолкнула его от дочери. Из-за ярости и страха за Флёр у нее непонятно откуда взялись силы. Она сразу же распознала знакомый блеск в глазах Джеральда, который преследовал ее в худших кошмарах со времени зачатия Пола.

— Не смей к ней прикасаться! — набросилась она на старика. — Оставь ее в покое!

Джеральд задрожал.

— Убери ее с моих глаз! — процедил он сквозь зубы. — Она под домашним арестом. До тех пор, пока не даст согласия на брак с Бизли. Я пообещал ее ему! И свое слово я собираюсь сдержать!

Все это время Реджинальд Бизли находился в комнате наверху, но до него, конечно же, доносились звуки ссоры. С видом человека, которого грызли сомнения, он вышел за дверь и тут же встретил Гвинейру и Флёр.

— Мисс Гвин... мисс Флёр... пожалуйста, простите меня!

Бизли был достаточно трезв, и одного взгляда на юное, но печальное лицо Флёретты и горящие огнем глаза ее матери было достаточно, чтобы понять, что у него не было никаких шансов.

— Я... я даже предположить не мог, что мое сватовство будет настолько... неприемлемым для вас. Видите ли, я, конечно, уже не молод, но и стариком меня еще нельзя назвать, к тому же... я бы относился к вам с крайним почтением...

Гвинейра с яростью посмотрела на него.

— Мистер Бизли, крайнее почтение моей дочери понадобится лишь тогда, когда она по-настоящему вырастет! И она, вероятно, захочет себе мужа-ровесника или, по крайней мере, мужчину, который говорит сам за себя и не посылает другого старого козла, чтобы помочь затащить девушку в свою постель. Я достаточно ясно выразилась?

Вообще-то, она хотела остаться более вежливой, но вид пьяного Джеральда, склонившегося над Флёреттой, слишком уж сильно напугал ее. В первую очередь ей нужно было избавиться от этого старого жениха. Но это было не так уж тяжело. Затем ей следовало придумать какой-то выход из сложившейся ситуации с Джеральдом. Она сама уже перестала замечать, что жила на пороховой бочке. Но Флёретту нужно было защитить во что бы то ни стало!

— Мисс Гвин, я... как я уже сказал... Мисс Флёр, мне жаль. Учитывая данные обстоятельства, я готов... эээ... расторгнуть помолвку.

— Я и не была обручена с вами! — дрожащим голосом произнесла Флёр. — Я не могу, я...

Гвинейра заслонила собой девушку.

— Подобное решение радует меня и показывает, что вы достойный человек, — с натянутой улыбкой сказала она Реджинальду Бизли. — Возможно, вы сообщите о нем и моему свекру, чтобы избавить нас от этого неприятного разговора. Я всегда уважала вас и не хотела бы потерять такого почитаемого всеми друга семьи.

Поклонившись, она прошла мимо Бизли. Флёретта, спотыкаясь, последовала за ней. Казалось, девушка хотела еще что-то добавить, но Гвинейра знаком приказала ей уйти.

— Не надо ему ничего говорить о Рубене, иначе он будет чувствовать себя оскорбленным, — прошипела она, наклонившись к дочери. — А теперь иди в свою комнату. Оставайся там, пока он не уберется. И ради Бога, не выходи, пока твой дед не протрезвеет!

Дрожа всем телом, Гвинейра закрыла дверь за дочерью. Одна опасность была позади. Сегодня вечером Джеральд уже выпил, поэтому

еще одной ссоры не предвиделось. А завтра ему, скорее всего, станет до смерти стыдно из-за своего нападения на Флёретту. Но что будет потом? Хватит ли угрызений совести Джеральда, чтобы держаться подальше от собственной внучки? И будет ли достаточно крепкой, на первый взгляд, двери, если он снова напьется и убедит себя в том, что следует «оседлать» девочку для будущего жениха?

Гвин поняла, что ей необходимо побыстрее отослать дочь из дому.

Но реализовать это решение пока что не представлялось возможным. Гвинейра не могла ни придумать повод для того, чтобы отослать дочь из дому, ни найти подходящую семью, которая приняла бы Флёретту. Гвин подумала о семье с детьми — в Крайстчерче по-прежнему не хватало нянек и гувернанток, а такую красивую и образованную девушку, как Флёр, были бы рады видеть в любом доме. На практике же в расчет можно было взять лишь две семьи — Баррингтонов и Гринвудов. Но Антония Баррингтон, довольно невзрачная молодая женщина, сразу же отклонила все попытки Гвинейры пристроить дочь в их доме. Гвин не могла обижаться. Уже первые взгляды юного лорда Баррингтона на прекрасную Флёретту убедили ее в том, что в этом доме ее дочь попала бы из огня да в полымя.

Что касается Элизабет Гринвуд, то она с радостью приняла бы у себя Флёр. Благосклонность Джорджа Гринвуда к Флёретте и его верность своей жене не вызывали никаких сомнений. Для Флёр он был почитаемым «дядюшкой», кроме того, в его доме она смогла бы больше узнать о бухгалтерском учете и управлении предприятием. Но, к сожалению, как раз сейчас семья Гринвудов собиралась отправиться в Англию. Родители Джорджа хотели наконец-то познакомиться со своими внуками, и Элизабет едва сдерживалась от волнения.

— Я надеюсь лишь, что его мать меня не узнает, — поделилась она своими опасениями с Гвинейрой. — Она ведь думает, что я приехала из Швеции. Если же она поймет, что...

Гвинейра улыбнулась и покачала головой. В прекрасной, очень ухоженной молодой женщине, чьи безупречные манеры сделали ее опорой крайстчерчского общества, невозможно было узнать ту робкую, исхудавшую сиротку, которая покинула Лондон почти двадцать лет тому назад.

— Она полюбит тебя, — заверила она младшую подругу. — А теперь перестань выдумывать небылицы и позаботься о шведском акценте. Ты скажешь, что выросла в Крайстчерче, и это соответствует действительности. Поэтому ты и разговариваешь по-английски!

— Но вы же слышите, что я говорю на кокни, — обеспокоенно продолжала Элизабет.

Гвин засмеялась.

— Элизабет, по сравнению с тобой мы все разговариваем на ужасном

английском — конечно же, кроме Хелен, с ней уж никто не сравнится. Так что перестань волноваться!

Элизабет неуверенно кивнула.

— Ну да, к тому же Джордж заверил, что мне не придется говорить слишком много. Его мать предпочитает быть единственной, кто ведет разговор за столом...

Гвинейра снова засмеялась. Встречи с Элизабет всегда действовали на нее освежающе. Девушка была намного умнее, чем добрая, но довольно скучная Дороти из Холдона и миловидная Розмари, которая тем временем успела обручиться с подмастерьем пекаря своего приемного отца. Гвин вдруг снова задалась вопросом, что же случилось с тремя другими девочками, с которыми она когда-то познакомилась на «Дублине»? Хелен недавно получила новости из Вестпорта. Некая миссис Иоланда раздраженно сообщила, что Дафна вместе с близняшками — а также прибылью за целую неделю — бесследно исчезла. Дама имела наглость потребовать денег у Хелен. Хозяйка фермы О'Кифов попросту не ответила на письмо.

Наконец Гвин сердечно попрощалась с Элизабет — и, разумеется, дала ей список необходимых товаров, который каждая женщина вручала своей подруге, собиравшейся поехать на родину. Конечно же, практически все можно было заказать через фирму Джорджа в Лондоне, но некоторые тайные покупки женщины неохотно доверяли поставщикам. Элизабет пообещала опустошить лондонские магазины в поисках необходимых товаров, и Гвинейра отправилась домой, достигнув взаимного согласия с подругой, — правда, не по поводу пребывания Флёретты в их семье.

Как бы там ни было, обстановка в Киворд-Стейшн в последующие месяцы слегка улучшилась. После нападения на Флёр Джеральд явно стал действовать более сдержанно. Он старался не попадаться внучке на глаза, а Гвинейра, в свою очередь, следила за тем, чтобы Флёретта вела себя так же. Что же касалось Пола, то старик теперь еще больше старался вовлечь его в работу на ферме. Дед с внуком рано утром отправлялись куда-нибудь в горы и появлялись дома лишь поздно вечером. В завершение дня Джеральд по-прежнему выпивал бокал вечернего виски, но больше не позволял себе доходить до той стадии опьянения, которая возникала раньше во время круглосуточных попоек. Пол начал вести себя по отношению к окружающим так же, как дед, что вызывало беспокойство у Кири и Марамы. Однажды Гвинейра невольно услышала разговор между ним и маорийской девушкой, который ее не на шутку расстроил.

— Вираму — неплохой парень, Пол! Он прилежный, хороший охотник и отличный пастух. Несправедливо его увольнять!

Марама чистила серебро в саду. В отличие от своей матери она делала это с удовольствием, поскольку ей нравился блестящий металл. Иногда она при этом пела, но Джеральд не любил слушать пение девушки, так как не переносил музыку маори. Гвин относилась к пению туземцев почти так же, но по большей части лишь потому, что никак не могла забыть бой барабанов в ту злополучную ночь. Баллады же Марама, исполняемые сладким голосом, женщине нравились, как и Полу, который, к удивлению Гвин, пристрастился слушать свою молочную сестру. Сегодня же ему хотелось похвастаться перед подругой и рассказать ей о вчерашней поездке в горы с Джеральдом. Они осматривали луга по дороге в горы, когда им повстречался Мираму, юноша маори. Он нес необычайно удачный улов рыбы моему племени, которое проживало на территории Киворд-Стейшн. Вираму был одним из дозорных, которых Джеральд недавно нанял, чтобы покончить с деятельностью Джеймса

МакКензи. Поэтому юноша должен был находиться в горах, а не у своей матери в деревне. Джеральда снова охватила ярость, и он побил Вираму, а затем позволил Полу решать, каким будет наказание. Тот заявил, что следует немедленно уволить юношу.

— Дедушка платит ему не за рыбалку! — важно произнес Пол. — Вираму должен знать свое место!

Марама покачала головой.

— Мне кажется, дозорные все равно должны передвигаться с места на место. Так что неважно, где именно Вираму находился в тот момент. К тому же все мужчины рыбачат. Им приходится ловить рыбу и охотиться. Иначе где им взять провиант?

— Нет, не все равно! — настаивал на своем Пол. — МакКензи крадет овец не здесь, возле дома, а в горах. Там дозорные и должны следить за овцами. И для собственного пропитания им разрешается ловить рыбу и охотиться. Но не для всей же деревни! — Парнишка был крепко убежден в своей правоте.

— Он и не делал этого! — не отступала Марама. Она отчаянно пыталась защитить своего соплеменника; ей было непонятно, почему Пол не хочет принять ее точку зрения, ведь он практически вырос вместе с маори. Неужели он ничему не научился у туземцев, кроме как охотиться и рыбачить? — Дозорные лишь недавно открыли для себя реку и землю возле ее берегов. Там еще никто не рыбачил, поэтому их корзины все время полные. И они не могут съесть всю рыбу сразу или же засушить ее, так как,

по твоим же словам, им нужно следить за овцами! Если бы кто-то из них не отнес добычу в деревню, рыба пропала бы. А это просто стыдно, Пол, ты ведь знаешь! Нельзя допускать, чтобы еда портилась, этого не любят боги!

Состоящая преимущественно из маори группа дозорных поручила Вирану отнести рыбу в деревню и доложить старейшинам о необычайно богатом рыбой водоеме, который им удалось обнаружить. Земля в его окрестностях тоже была плодородной и практически кишела потенциальной добычей. Племя вполне могло бы на время переселиться в горы, чтобы в течение какого-то периода охотиться и рыбачить там. Для Киворд-Стейшн такое развитие событий принесло бы лишь пользу. Рядом с лагерем никто не стал бы воровать скот, да и маори присматривали бы за овцами более тщательно. Но настолько рационально Джеральд со своим внуком думать не могли — или же попросту не хотели. Вместо этого они разозлили маори. Несомненно, теперь соплеменники Вирану будут работать не с таким энтузиазмом и дозорные начнут закрывать глаза на кражу овец.

— Отец Тонги говорит, что будет претендовать на новую землю для себя и своего племени, — добавила Марама. — Вирану поведет его туда. Если бы мистер Джеральд относился к нему с добротой, то Вирану показал бы вам, где находится этот участок и вы смогли бы его измерить!

— Мы и сами его найдем! — высокомерно заявил Пол. — Для этого нам не надо заискивать перед каким-то ублюдком без роду и племени.

Марама покачала головой, но не стала напоминать юноше, что Вирану был совсем даже не ублюдком, а уважаемым племянником маорийского вождя.

— Тонга говорит, что они сообщат о претензии на владение землей в Крайстчерч, — продолжала она. — Он читает и пишет так же хорошо, как и ты, да и Рети тоже им помогает. С твоей стороны было просто глупо увольнять Вирану, Пол. Просто глупо!

Разгневанный Пол встал, задев при этом ящик с серебром, которое Марама только что почистила. Приборы посыпались на пол. Паренек явно сделал это специально, так как обычно он двигался с куда большей грацией.

— Ты девчонка, причем маори! Откуда тебе знать, что такое глупо?

Марама засмеялась и спокойно собрала серебро.

— Вот посмотришь, кому достанется земля! — произнесла она без тени волнения.

Этот разговор еще больше убедил Гвинейру в том, что Пол без надобности настраивал против себя людей и наживал врагов. Он путал

силу с жестокостью, что в его возрасте, возможно, было и нормально. Но Джеральд должен был объяснить внуку, что к чему, вместо того чтобы подливать масла в огонь.

Как можно было позволять десятилетнему мальчишке принимать решение об увольнении работника?

Флёретта снова вернулась к своей привычной жизни и даже стала навещать Хелен на ферме О'Кифов — конечно же, лишь тогда, когда Джеральд с Полом куда-нибудь уезжали и когда можно было не бояться внезапного появления Говарда. Гвинейра считала такое поведение легкомысленным и предпочитала встречаться с подругой в Холдоне. Мула Непумука она отослала обратно Хелен.

Как и прежде, Флёретта писала длинные письма в Квинстаун, но не получала на них ответа. У Хелен сложилась такая же ситуация, из-за чего она начала волноваться за жизнь своего сына.

— Если бы он хотя бы поехал в Данидин, — вздыхала она.

В Холдоне недавно открылась чайная, где даже благопристойные дамы могли приятно провести время и обменяться новостями. Там и встречались подруги.

— Он мог бы устроиться офисным работником или же заниматься чем-нибудь в этом роде. Но добыча золота... — сетовала Хелен.

Гвин пожала плечами.

— Он хочет разбогатеть. Возможно, Рубену действительно повезет и он обнаружит золотое месторождение.

Хелен закатила глаза.

— Гвин, я люблю своего сына больше всего на свете. Но золото должно расти на деревьях, да еще и упасть ему на голову, чтобы он его обнаружил. Он пошел в моего отца, Гвин, а тот был счастлив лишь тогда, когда сидел в своем кабинете, углубившись в древнееврейские тексты. Для Рубена таким же источником вдохновения является юридическая литература. Я думаю, из него вышел бы хороший адвокат или судья, в крайнем случае торговец. Джордж Гринвуд говорил, что Рубен умеет общаться с клиентами и находит к ним нужный подход. Но исследовать ручьи в поисках золотых крупинок, копать туннели или что они там делают в Квинстауне — к этому у моего сына нет абсолютно никаких способностей.

— Он делает это для меня! — сказала Флёр с просветленным выражением лица. — Для меня он сделает все, что угодно. Или по меньшей мере попытается!

Но пока что предметом разговоров в Холдоне было не обнаруженное Рубеном О'Кифом золото, а все более дерзкие кражи скота, организованные Джеймсом МакКензи. Сейчас от его нападений больше всего страдал крупный овцевод по имени Джон Сайдблоссом.

Сайдблоссом жил на западном берегу озера Пукаки, довольно высоко в горах. Он редко приезжал в Холдон и практически никогда не бывал в Крайстчерче, довольствуясь огромным владением на отрогах Альп. Своих животных он продавал в Данидин, поэтому не относился к клиентам Джорджа Гринвуда.

Несмотря на это, Джеральд был с ним знаком. На самом деле старик обрадовался как дитя, когда однажды услышал новости о том, что Сайдблоссом решил встретиться с овцеводами-единомышленниками в Холдоне, чтобы обсудить еще одну экспедицию в горы для поимки Джеймса МакКензи.

— Он твердо убежден, что этот МакКензи находится где-то в окрестностях его поместья! — рассказывал Джеральд за обедом, как обычно попивая виски. — Где-то наверху, у озер, он обнаружил новую землю. Джон предполагает, что МакКензи исчезает, используя какой-то перевал в горах, о котором мы не знаем. И Сайдблоссом собирается устроить масштабные поиски. Мы должны собрать всех своих работников и наконец-то выкурить парнишу из укрытия.

— Этот Сайдблоссом вообще знает, о чем говорит? — довольно равнодушно осведомилась Гвинейра. За последние годы почти все «овечьи бароны» в окрестностях Кентербери успели обсудить у камина грандиозные планы «охоты» на знаменитого вора. Чаше всего их поиски заканчивались, так и не начавшись, из-за того, что они не могли собрать достаточное количество людей, чтобы прочесать землю своих соседей. Требовалась более харизматическая личность, чем Реджинальд Бизли, чтобы объединить самолюбивых овцеводов под общим флагом.

— Это уж я тебе гарантирую! — гремел Джеральд. — Джонни Сайдблоссом — самый дикий пес, которого ты себе только можешь представить! Я знаю его еще со времен китобойного промысла, совсем малый шпунт был, такой же, как Пол сейчас...

Пол наострил уши.

— Устроился юнгой вместе со своим папашей. Но старик выпивал безбожно, и, когда однажды кит, раненный гарпуном, совершенно сошел с ума и начал бить хвостом, лодка перевернулась и все еле успели выпрыгнуть в воду. Только малыш Джонни остался в ней, продержавшись

до последней секунды, и все же застрелил кита, прежде чем лодка успела окончательно потонуть. Справился с китом Сайдблоссом! В десять лет! Его старик, правда, при этом не выжил, но малыша это не испугало. Он стал одним из самых страшных гарпунщиков на всем западном побережье. Но как только он услышал об открытом в Вестпорте золоте, то сразу же отправился к Буллер, прочесал ее в обоих направлениях и снова-таки добился успеха! В конце концов он купил себе участок земли на берегу озера Пукаки и лучших животных, частично у меня. Если я правильно припоминаю, этот мошенник МакКензи как раз и отогнал стадо в горы. Уже почти двадцать лет прошло...

«Семнадцать», — подумала Гвинейра. Она вспомнила о том, что Джеймс только потому и взялся за это поручение, что не хотел с ней лишний раз встречаться. Может быть, он еще тогда устроил себе экскурсию по горам и нашел свою заветную землю?

— Я напишу ему, что мы можем устроить собрание здесь! Да, это хорошая идея! Я приглашу еще пару человек, и тогда уж мы точно поймем вора. Если Джонни что-то начинает, он всегда добивается успеха!

Джеральд тут же хотел схватить бумагу и перо, но Кири как раз принесла ужин. Тем не менее на следующий день он вернулся к своей идее, и Гвинейра вздохнула, вспомнив о том, какая грандиозная попойка всегда предшествовала большой экспедиции. Но ей все же было интересно посмотреть на Джонни Сайдблоссом. Если даже половина историй, которые Джеральд рассказывал за столом, соответствовала действительности, Сайдблоссом должен был быть настоящим дьяволом — и, возможно, опасным противником для Джеймса МакКензи.

Почти все местные скотоводы приняли приглашение Джеральда, и на этот раз казалось, что речь идет не просто о пирушке. Джеймс МакКензи действительно зашел слишком уж далеко. А Джон Сайдблоссом явно обладал способностями лидера. Мужчина привлек внимание Гвинейры. Он прискакал на мощном черном жеребце, хорошо натренированном и легко поддающемся управлению, что весьма впечатлило Гвинейру. Возможно, как раз на этом коне Джон объезжал свои луга и присматривал за скотом. При этом Сайдблоссом был просто огромным; он оказался выше даже самых высоких мужчин среди «овечьих баронов». Загорелый, с крепким мускулистым телом, довольно красивыми чертами лица и темными густыми волосами, которые сильно вились, Сайдблоссом выглядел весьма привлекательно. Длинные, до плеч, волосы еще больше подчеркивали его суровый типаж. При этом Джон был ярким, харизматичным человеком. Он

тут же завладел вниманием мужчин, похлопав по плечам своих друзей. Джон постоянно смеялся заливистым смехом и поглощал виски так, словно это была обычная вода, но при этом совершенно не пьянел.

С Гвинейрой и еще несколькими женщинами, сопровождавшими своих мужей на собрание, Джон общался крайне вежливо. Но Гвинейра сразу же его невзлюбила, хотя причины на это у нее не было. Непонятно почему она вдруг почувствовала некое отвращение к Сайдблоссому. Возможно, причиной было то, что он улыбался лишь своими маленькими и жесткими губами, а в глазах при этом читалась неискренность? Или же все дело было в самих глазах — холодных и черных как ночь? Гвинейра заметила, что Джон смотрел на нее явно оценивающе, при этом обращая больше внимания не на ее лицо, а на женственные формы. Если бы она была помоложе, то тут же покраснела бы от такого внимания, но теперь она просто ответила ему таким же испытующим взглядом. Она была хозяйкой Киворд-Стейшн, а он всего лишь посетителем, и Гвин совершенно не была заинтересована в налаживании каких бы то ни было отношений с Сайдблоссомом. Ей просто хотелось спрятать Флёретту подальше от старого друга Джеральда по попойкам, но это не представлялось возможным, так как девушку ожидали на вечернем банкете.

Гвин отбросила мысль о том, чтобы предупредить дочь: тогда Флёр сделала бы все, чтобы выглядеть как можно менее привлекательно — и снова разозлила бы Джеральда. Поэтому Гвин просто наблюдала за своим неординарным гостем, в то время как Флёретта спускалась по лестнице — такая же сияющая и прекрасная, как и Гвинейра в свой первый день в Киворд-Стейшн. На девушке было простое платье кремового цвета, которое подчеркивало легкий загар ее светлой от природы кожи. На рукавах, на вырезе и в талии оно было дополнено накладной вышивкой золотистого и коричневого цветов, превосходно подходившей к необычно светло-карим глазам Флёретты, которые тоже словно светились золотом. Свои волосы девушка сегодня не подняла, а просто заплела тонкие косички по бокам и завязала их на затылке. Такая прическа не только выглядела красиво, но и имела практическое применение, так как при этом волосы не лезли девушке в лицо. Флёретта всегда причесывалась самостоятельно, еще в раннем детстве отказавшись от помощи прислуги.

Хрупкая фигура Флёр и ниспадавшие волосы делали ее похожей на эльфийскую деву. Хотя она очень походила на свою мать и внешне, и по темпераменту, девушка все же слегка отличалась от Гвинейры: она была более гибкой и податливой, чем когда-то Гвин, а ее золотисто-карие глаза излучали сияние, а не провоцирующий мужчин огонек.

Мужчины в зале зачарованно наблюдали за ее появлением, однако в отличие от других гостей, которые просто были околдованы внешним видом Флёретты, во взгляде Сайдблоссом читалась скорее похоть. Гвинейре показалось, что Джон слишком долго держал руку Флёр в своей, когда девушка поздоровалась с ним.

— А где миссис Сайдблоссом? — спросила Гвин, когда гости и хозяева фермы наконец-то уселись за стол. Гвинейра оказалась соседкой Сайдблоссом, но он обращал на нее так мало внимания, что это граничило с невежливостью. Вместо этого он впился взглядом во Флёр, которая вела довольно скучную беседу со старым лордом Баррингтоном. Лорд передал все свои дела в Крайстчерче сыну, а сам отправился на покой в Кентербери, где с удовольствием разводил лошадей и овец.

Джон Сайдблоссом посмотрел на Гвинейру так, словно впервые ее заметил.

— Миссис Сайдблоссом больше нет, — ответил он на ее вопрос. — Она умерла три года назад при рождении моего сына.

— Мне жаль, — искренне сказала Гвинейра, и эта вежливая фраза действительно отражала ее истинные чувства. — А ребенок... Я ведь правильно поняла, что он жив?

Фермер кивнул.

— Да, моего сына сейчас практически воспитывают работники маори. Не самое лучшее решение, но пока мальчик маленький, можно об этом не беспокоиться. В будущем же мне придется как-то решать эту проблему. Нелегко найти подходящую девушку... — При этом он снова уставился на Флёр, что раздражало и беспокоило Гвин. Мужчина говорил о девушке как о паре брюк для верховой езды!

— А ваша дочь уже с кем-то обручена? — с невозмутимым видом осведомился он. — Кажется, она хорошо воспитана.

От изумления у Гвинейры отняло дар речи. Этот мужчина явно не церемонился! •

— Флёретта еще слишком юная... — уклончиво ответила она после паузы.

Сайдблоссом пожал плечами.

— Но это не проблема. Я всегда придерживался мнения, что юные создания нужно как можно раньше выдавать замуж, иначе у них в голове появляются дурные мысли. К тому же и силу своего возраста они легче переносят роды. Это мне сказала повитуха, когда Мэрили умерла. Мэрили было тогда уже двадцать пять.

После этого Сайдблоссом отвернулся от Гвинейры. Должно быть, что-

то привлекло его в слова Джеральда, и уже в следующее мгновение он переключился на оживленный разговор с другими скотоводами.

Гвинейра выглядела спокойной, но внутри просто сгорала от злости. Конечно, она уже привыкла к тому, что девушек выбирали не за их характер или личные качества, а исходя из династических или финансовых соображений. Но Сайдблоссом пошел еще дальше. «Мэрили было тогда уже двадцать пять». Это все, что он мог сказать о собственной жене? Складывалось впечатление, что она умерла от старости и при этом Джону было совершенно не важно, родила она ему до этого сына или нет.

После застолья гости разбрелись по салону, завершая свои разговоры; дамы собрались отправиться в кабинет Гвинейры на чай и ликер, а мужчины — к Джеральду за сигарами и виски. В этот момент Сайдблоссом направился напрямик к Флёретте.

Гвинейра, которая не могла уйти от беседы с леди Баррингтон, нервно наблюдала за тем, как он беседовал с ее дочерью. Издалека казалось, что он вел себя очень вежливо и даже использовал свой шарм. Флёретта смущенно улыбалась и незаметно для себя увлеклась разговором с гостем. Судя по выражению ее лица, они беседовали о собаках и лошадях. В любом случае Гвинейре в голову не приходило ничего другого, иначе как можно было объяснить то, что ее дочь выглядела такой бодрой и заинтересованной? Когда Гвин наконец-то удалось избавиться от леди Баррингтон и незаметно подойти к Сайдблоссому, ее предположение оказалось верным.

— Конечно же, я с удовольствием покажу вам кобылу. Если вы хотите, можно было бы завтра вместе покататься верхом. Я наблюдала за вашим жеребцом, он действительно красивый! — Казалось, Флёретте была приятна компания гостя. — Или же вы завтра уезжаете?

Большинство присутствующих должны были разъехаться по своим фермам уже на следующий день. Карательная экспедиция теперь была должным образом организована, и мужчины собирались призвать в окрестностях людей, которые согласились бы в ней участвовать. Некоторые овцеводы планировали поехать в горы сами, другие же обещали прислать хотя бы пару вооруженных всадников.

Но Джон Сайдблоссом покачал головой.

— Нет, мисс Уорден, я останусь здесь еще на пару дней. Мы договорились, что подождем людей из окрестностей Крайстчерча и тогда вместе отправимся на мою ферму. Она станет отправным пунктом для дальнейших действий. Поэтому я охотно приму ваше предложение. Кстати, мой жеребец имеет примесь арабской крови. В Данидине пару лет назад я приобрел арабского скакуна и скрестил с ним своих лошадей. Результаты

вы видели сами — хотя иногда даже я не могу сказать, что он похож на арабскую лошадь.

Сначала Гвинейра успокоилась. До тех пор, пока Флёретта и Джон обсуждали разведение лошадей, он не стал бы вести себя невежливо. И, возможно, он действительно понравился Флёретте. К тому же связь между ними была бы неплохой: Сайдблоссом — уважаемый овцевод, который владеет чуть ли не большим количеством земли, чем Джеральд Уорден, хотя и не такой плодородной. Конечно же, мужчина был староват для Флёр, но и разница в возрасте была в рамках допустимого. Если бы только Гвинейра не чувствовала, что в этом человеке что-то не так! К тому же возникала проблема в отношениях Флёр с Рубеном О'Кифом. Она не стала бы так легко отказываться от своей любви.

Тем не менее в следующие дни сложилось впечатление, что общество Джона Сайдблоссом доставляло девушке радость. Мужчина был бесстрашным всадником, что нравилось Флёр, и не только умел рассказывать увлекательные истории, но и был хорошим слушателем. Джон обладал тем мужественным очарованием, которое так нравилось девушкам. Флёр засмеялась, когда во время стрельбы по тарелкам Сайдблоссом прицелился не в тарелку, а в одичавшую розу, которая росла в саду.

— Роза — розе! — сказал он. Это было не очень оригинально, но Флёретта чувствовала себя польщенной.

У Пола увиденное вызвало раздражение. Он восхищался Джоном Сайдблоссом еще по рассказам Джеральда, а после того, как лично с ним познакомился, вообще стал его обожествлять. Но Сайдблоссом не обращал никакого внимания на парнишку. Он общался и выпивал с Джеральдом, а в свободное от попоек время ухаживал за Флёр. Пол задумался над тем, как бы рассказать ему всю правду о своей сестре. Но прежде нужно было дожидаться подходящего момента.

Джон Сайдблоссом был человеком быстрых решений и привык получать то, чего хотел. В Киворд-Стейшн он прибыл в первую очередь для того, чтобы наконец-то организовать овцеводов из Кентерберри. Познакомившись же с Флёреттой Уорден, он быстро понял, что попутно можно было бы решить еще одну проблему. Он нуждался в новой жене — и здесь ему неожиданно подвернулась подходящая кандидатура. Молодая, красивая, из хорошей семьи и, по всей видимости, образованная. В первые годы он мог бы сэкономить на учительнице для маленького Томаса. Связь с Уорденами позволила бы ему также наладить новые связи с членами общества в Крайстчерче и Данидине. Если он правильно понял, мать

Флёретты была родом из английских дворян. Правда, девушка казалась слегка дикой, а ее мать явно стремилась к власти на ферме. Во всяком случае, Сайдблоссом никогда не позволял своей жене принимать участие в ведении фермы и даже контролировать выпас скота! Но это было проблемой Уордена; уж Флёретту Джон смог бы усмирить. При этом она могла бы взять с собой любимую кобылу — лошадь родила бы великолепных жеребят, собака-пастух тоже была явным плюсом. Но когда Флёретта забеременела бы, то уже не смогла бы сама управлять собакой. Поэтому Сайдблоссом уже сейчас пытался вызвать у Грейси доверие к нему, и это явно нравилось Флёретте, которая стала еще больше симпатизировать ему. Спустя три дня фермер был уверен в том, что Флёретта не отклонит его предложение руки и сердца. Джеральд Уорден тоже должен был радоваться тому, что может выдать внучку замуж настолько удачно.

Джеральд наблюдал за сватовством Джона к Флёр со слезами радости на глазах. В этот раз девушка была вроде бы не против — Джеральду даже показалось, что она довольно бесстыдно флиртowała с его старым приятелем. Но радоваться всем сердцем ему не давала зависть. У Джона появилось бы то, чем хотел обладать и что не мог получить сам Джеральд. Сайдблоссому не пришлось бы применять насилие, чтобы овладеть Флёр, она отдалась бы ему по своей воле. Джеральд попытался утопить запретные мысли в виски.

По крайней мере он был полностью готов к такому развитию событий, когда на четвертый день своего пребывания в Киворд-Стейшн Сайдблоссом подошел к нему и рассказал о своем намерении повторно жениться.

— Приятель, ты ведь знаешь, у меня она будет всем обеспечена, — сказал Сайдблоссом. — Лайонел-Стейшн огромная. Допустим, особняк там не такой великолепный, как у тебя, но жить в нем вполне комфортно. Слуг у нас полным-полно. Девушка получит все, что только пожелает. О детях ей, естественно, тоже не придется заботиться самой. Но ей нужно поскорее родить, так уж обстоят дела. У тебя есть какие-либо возражения против моего предложения? — Сайдблоссом налил себе виски.

Джеральд покачал головой и тоже добавил себе в бокал алкоголя. Сайдблоссом был прав; то, что он предлагал, казалось наилучшим решением для них обоих.

— Я не против. Но денег для приданого на ферме сейчас не так уж и много. Возможно, тебе хватило бы отары овец? Или мы могли бы договориться насчет двух породистых лошадей...

Следующий час оба мужчины провели за обсуждением приданого

Флёретты. Оба были настоящими мастерами переговоров, когда дело доходило до продажи или покупки скота. То и дело возникали новые предложения. Гвинейра, которая время от времени подслушивала разговор мужчин, не беспокоилась: у нее сложилось впечатление, что речь шла всего лишь об освежении крови для овец с Лайонел-Стейшн. Ведь имя Флёретты при этом не прозвучало ни разу.

— Я до... должен тебя предупредить! — заметил Джеральд, когда мужчины наконец-то достигли согласия и закрепили размер приданого рукопожатием и еще большим количеством виски. — Ма... малышка не... непростая штучка. Она связалась с этим соседским мальчишкой... обычные глупости, паренек уже... сбежал. Но ты ведь зна... знаешь этих баб...

— Вообще-то, мне показалось, что Флёретта явно не против общения со мной, — сказал Сайдблоссом. Как всегда, он и сейчас выглядел совершенно трезвым, хотя первая бутылка виски уже давно закончилась. — Почему бы нам просто не спросить ее мнения прямо сейчас? Давай позовем ее! Я как раз в настроении для поцелуя! А завтра должны прибыть остальные овцеводы. Тогда мы и расскажем всем о помолвке.

Флёретта, которая как раз вернулась с прогулки верхом и переодевалась к ужину, удивилась, услышав робкий стук Вити в свою дверь.

— Мисс Флёр, мистер Джеральд хочет с вами говорить. Он... как сказать? Он просит вас сразу же идти в его кабинет. — Маорийский слуга явно размышлял о том, стоит ли добавить еще одно замечание, и наконец-то решился. — Лучше идти быстро. Они много виски, мало терпения.

После истории с Реджинальдом Бизли Флёр подозрительно относилась к просьбам Джеральда. Интуиция подсказала ей, что не следует одеваться слишком привлекательно, и девушка выбрала обычное платье для верховой езды вместо темно-зеленого шелкового платья, которое для нее приготовила Кири. Девушке хотелось пойти в кабинет к деду с матерью, но она не знала, где в этот момент находилась Гвинейра. Многочисленные гости и работа на ферме занимали слишком много времени у хозяйки Киворд-Стейшн. Казалось бы, сейчас на ферме было не так уж много дел — в январе, после стрижки и ягнения, животные большей частью свободно паслись в горах, — но лето в этом году было очень влажным, поэтому приходилось постоянно чинить изгороди и косить обильно росшую траву. Флёр решила не дожидаться Гвин и попытаться самой решить собственные проблемы. Чего бы ни хотел Джеральд, она должна сама с ним разобраться. Еще одного нападения со стороны деда можно было не опасаться. В конце концов, Вити говорил о нескольких мужчинах. Значит, Сайдблоссом тоже

будет присутствовать при этом разговоре и послужит сдерживающим фактором.

Джон Сайдблоссом был неприятно удивлен, когда Флёр вошла в кабинет в платье для верховой езды и с нерасчесанными волосами. И хотя девушка по-прежнему выглядела прелестно, она могла бы приодеться. Но нет, ей все равно не удалось убить в нем романтическое настроение.

— Мисс Флёр, — произнес он, — разрешите мне сказать пару слов? — Сайдблоссом учтиво поклонился девушке. — В конце концов, эта беседа по большей части касается меня, а я не привык, когда другие сватаются вместо меня.

Он взглянул в испуганные глаза Флёр и решил, что их нервный блеск можно было истолковать как хороший знак.

— Хотя я и увидел вас впервые лишь три дня тому назад, мисс Флёр, вы сразу же показались мне прелестной девушкой. Я просто очарован вашими прекрасными глазами и замечательной улыбкой. Ваше дружелюбное отношение за последние несколько дней позволило мне надеяться на то, что и моя компания не была вам неприятна. Я ведь человек храбрых решений, мисс Флёр, — думаю, вы полюбите эту мою черту, — поэтому решил свататься к вам. Ваш дед с радостью согласился на наш брак. Таким образом, я могу официально просить вашей руки с разрешения опекуна.

Сайдблоссом улыбнулся и опустил на колено перед девушкой. Джеральд чуть не рассмеялся, когда заметил, что Флёр не знала, куда посмотреть.

— Я... Мистер Сайдблоссом, это очень мило с вашей стороны, но я люблю другого, — наконец-то выдавила она из себя. — Мой дедушка, должно быть, уже рассказал вам об этом и...

— Мисс Флёр, — нагло прервал ее Сайдблоссом, — кого бы вы там ни любили, в моих руках вы быстро его забудете.

Флёретта покачала головой.

— Я никогда не забуду его, сэр! Я пообещала ему, что выйду за него замуж...

— Флёр, не неси чепуху! — набросился на нее Джеральд. — Джон — подходящий мужчина для тебя! Не слишком молодой, не слишком старый, с положением в обществе, да и богатый к тому же. Чего тебе еще нужно?

— Я хочу любить своего мужа! — отчаянно воскликнула Флёретта. — И я...

— Любовь приходит со временем, — возразил Сайдблоссом. — Так

что давай, девочка! Ты провела со мной последние три дня. Настолько уж неприятным для тебя я не могу быть.

В его глазах читалось нетерпение.

— Вы... вы мне не неприятны, но... но только по этой причине я не стану... выходить за вас замуж. Вы очень милый собеседник, но... но...

— Флёретта, прекращай ломаться! — прервал бормотание девушки Сайдблоссом. Оправдания Флёретты были ему совершенно безразличны. — Скажи «да», и мы сможем поговорить об условиях. Я думаю, мы сыграем свадьбу уже этой осенью, как только разберемся с этим проклятым Джеймсом МакКензи. Возможно, ты поедешь со мной в Лайонел-Стейшн сразу же... разумеется, в сопровождении своей матери, кое с чем уж придется не спешить...

Флёретта глубоко вздохнула, чувствуя что-то среднее между яростью и паникой. Почему, черт побери, никто не хотел прислушиваться к ее мнению? Она решила сказать то, что думала, четко и недвусмысленно. В конце концов, эти мужчины должны понимать простые факты!

— Мистер Сайдблоссом, дедушка... — Голос Флёретты зазвенел от волнения. — Я уже многократно говорила и устала постоянно повторять. Я не выйду за вас замуж! Спасибо за ваше предложение, но я уже связана клятвой. А теперь я пойду в свою комнату. Дедушка, прости, но я не смогу присутствовать на ужине, мне что-то нездоровится.

Флёр заставила себя как можно медленнее развернуться и выйти из кабинета с гордо поднятой головой. Ей даже удалось не захлопнуть за собой дверь. Но затем она побежала через салон и пустилась по лестнице так, словно за ней гнались черти. Вернувшись в свою комнату, она решила, что теперь лучше не показываться на глаза Сайдблоссому, пока тот не уедет. Его горящие глаза не внушали девушке доверия. Мужчина явно не привык, чтобы ему перечили. И что-то подсказывало ей, что в данном случае Сайдблоссом мог быть опасен.

На следующий день Киворд-Стейшн снова наполнилась людьми и лошадьми. «Овечьи бароны» с кентерберийских равнин не поскупились: количество участников «карательной экспедиции» намного выросло со времени последней попытки поймать МакКензи. При этом Гвинейре нравились лишь немногие из мужчин, которых наняли друзья Джеральда. Среди них было мало работников ферм и практически отсутствовали маори. Казалось, что их всех фермеры отыскивали в пабах или в бараках переселенцев, и Гвин решила, что они обычные любители приключений, если вообще не сброд пьяниц. Это было еще одной причиной, по которой она приветствовала решение Флёр остаться в этот день в конюшне. Джеральд не скупился, и алкоголь лился рекой. Мужчины выпивали и праздновали в сарае для стрижки овец, в то время как пастухи и конюхи, в прошлом старые друзья МакКензи, вынуждены были потесниться.

— Господи, мисс Гвин, — делился своими опасениями с хозяйкой Киворд-Стейшн Энди МакАран. — Они же будут охотиться за Джеймсом как за паршивым волком! Они совершенно серьезно рассуждают о том, чтобы застрелить его! Даже если МакКензи и украл пару овец, он явно не заслуживает смерти от рук этих подонков!

— Эти подонки не знают гор, — ответила ему Гвинейра, не уверенная в том, кого она при этом пыталась успокоить — старого пастуха или же себя саму. — Пока они будут оттаптывать друг другу ноги, МакКензи умрет со смеху! Подожди немного, вся эта затея ни к чему не приведет. Поскорее бы только они уехали! Мне не нравится, что весь этот сброд находится у меня во дворе. Кири и Моану я отпустила домой еще раньше, а теперь и Марама отправилась в деревню. И я надеюсь, что маори охраняют свой лагерь. Вы проследите за лошадьми и сбруями? Я не хочу, чтобы что-то пропало.

Что касалось пропажи, Гвин ожидал еще один неприятный сюрприз. Часть мужчин прибыла пешком, и Джеральд, который был разбит с похмелья и разозлен новым отказом Флёретты, снова напился еще до обеда и, не вполне осознавая, что он делает, пообещал им лошадей с Киворд-Стейшн. При этом он даже не потрудился сообщить об этом Гвинейре, и у нее не было времени привести рабочих лошадей из летнего загона. После обеда ликующие мужчины распределили между собой ее дорогостоящих кобов. Флёретта беспомощно следила из окна своей комнаты за тем, как

один за другим мужчины пытались забраться на ее Ниниану.

— Мама, но он же не может просто раздать им наших лошадей! Они же принадлежат нам! — жаловалась она.

Гвинейра пожала плечами.

— Он только одолжил их, а не отдал насовсем. Но мне это тоже не нравится. Большинство из них даже не умеют толком ездить верхом. Ты же видишь, как лошади пытаются сбросить их с себя. Когда они вернутся домой, придется их снова объезжать.

— Но Ниниана...

— Доченька, я ничего не могу с этим поделать. Они хотят забрать и мою Моргэн. Возможно, завтра мне удастся поговорить с Джеральдом. Но сегодня он ведет себя как сумасшедший. А этот Сайдблоссом обращается со всеми так, словно он владеет как минимум частью Киворд-Стейшн. Этот человек командует людьми, а я для него, похоже, пустое место. Когда он наконец-то уберется отсюда, я три раза перекрещусь. В любом случае ты сегодня вечером не будешь присутствовать на банкете. Я тебе уже все объяснила. Ты заболела. Я не хочу, чтобы Сайдблоссом увидел тебя еще хотя бы раз!

Гвинейра не сказала дочери, что собиралась ночью увести своих лошадей в безопасное место. Она не стала бы ни в коем случае посылать своих драгоценных чистокровных животных в горы с шайкой ищеек. Поэтому она попросила Энди Мак-Арана, Покера Ливингстона и еще пару надежных людей ночью отогнать лошадей. Если бы даже они разбрелись по окружающим ферму лугам, в следующие дни у Гвинейры и рабочих было бы достаточно времени, чтобы снова их собрать. Конечно, это вызвало бы небольшой переполох с утра, но Сайдблоссом точно не стал бы переносить запланированное мероприятие только потому, что людям внезапно дали не тех лошадей.

Но о своих намерениях Гвинейра решила не рассказывать Флёретте. Она слишком боялась, что девочка пожелает участвовать в рискованной затее.

— Твоя Ниниана будет снова здесь самое позднее послезавтра! — утешила она дочь. — Она сбросит с себя всадника-неудачника и вернется домой. Она не позволит издеваться над собой. Надо же — ужин с предводителями крестового похода! Какие расходы ради поимки одного человека!

Гвинейра скривилась, попытавшись изобразить улыбку, и вышла из комнаты, оставив там злую и задумчивую дочь. Флёретту раздражало ощущение собственной беспомощности. Как подло поступил Джеральд,

отдав Ниниану совершенно незнакомому человеку! Внезапно у Флёр появился план. Она решила отвести лошадь в безопасное место, пока мужчины напивались в салоне. Для этого ей пришлось бы выскользнуть из своей комнаты, но, в конце концов, любая дорога в конюшню ведет через салон, а там сейчас, скорее всего, никого нет. Гости были заняты переодеванием к банкету. Снаружи царил настоящий хаос, поэтому во дворе на нее тоже никто не обратит внимания, если Флёр спрячет волосы под платком и поторопится, чтобы не попасться кому бы то ни было на глаза. От двери, ведущей в кухню, до конюшни было всего несколько шагов. Если бы кто-то и увидел ее, то принял бы за прислугу.

Возможно, план Флёр даже удался бы, если бы Пол не следил за своей сестрой. У мальчишки снова было плохое настроение. Его кумир Джон Сайдблоссом не обращал на него внимания, а Джеральд резко отказал Полу, когда тот попросил взять его с собой в горы. Поэтому он слонялся без дела возле конюшни и, естественно, сильно заинтересовался, когда Флёретта проскользнула мимо него. Пол сразу же понял, что у сестры на уме.

Ему нужно было позаботиться о том, чтобы Джеральд поймал Флёр на горячем.

Гвинейре потребовалось все ее терпение, чтобы пережить вечерний банкет. Кроме нее, там были только мужчины, и они, все без исключения, успели выпить еще до начала ужина. Теперь хватило пары бокалов вина, чтобы некоторые из них потеряли способность членораздельно разговаривать. Все смеялись над глупейшими шутками, выкрикивали неприличные тосты и анекдоты и вели себя по отношению к Гвинейре совсем не как джентльмены.

Но по-настоящему плохо она себя почувствовала, когда в конце ужина к ней внезапно подошел Джон Сайдблоссом.

— Нам нужно поговорить, мисс Гвин, — как всегда, прямолинейно заявил он.

К слову, среди целой орды пьяниц он один казался абсолютно трезвым. Но за последние несколько дней Гвинейра узнала его слегка поближе и теперь могла без труда распознать признаки опьянения. Моргая, Сайдблоссом опускал веки на мгновение дольше, а его взгляд был не холодным и спокойным, а подозрительным и вызывал желание спрятаться подальше. Джон сдерживал свои чувства, но в нем угадывалось целое море эмоций.

— Я думаю, вы уже знаете, что вчера я попросил руки вашей дочери.

Флёретта отказала мне.

Гвинейра пожала плечами.

— Это ее право. В цивилизованных странах девушек спрашивают, прежде чем жениться на них. И если вы не понравились Флёр, я ничего не могу с этим поделать.

— Вы могли бы замолвить за меня словечко... — сказал Сайдблоссом.

— Я боюсь, это ничего не изменит, — заметила Гвинейра и почувствовала, что тоже едва сдерживает свои чувства. — Да я бы и не стала этого делать. Я не очень хорошо знаю вас, мистер Сайдблоссом, но то, что я вижу, мне не нравится...

Сайдблоссом ухмыльнулся.

— Ах, ты посмотри-ка! Я не понравился леди! И какие же у меня недостатки, леди Уорден? — спросил он холодно.

Гвинейра вздохнула. Вообще-то, она не собиралась спорить с ним, но если ему так хочется...

— Этот военный поход против одного человека кажется мне не очень удачной идеей, — начала она. — И вы плохо влияете на остальных овцеводов. Без ваших нашептываний лорд Баррингтон никогда не опустился бы до того, чтобы собрать группу бездельников, которая сейчас бродит снаружи. Ваше отношение ко мне является оскорбительным, а о Флёретте я вообще молчу. Настоящий джентльмен, мистер Сайдблоссом, в вашем положении попытался бы переубедить девушку. Но вы обращаетесь с Флёреттой бесцеремонно. Вы явились инициатором того, чтобы какие-то бродяги отправились в горы на наших лучших лошадях. Ведь это же вы предложили, не так ли? Джеральд слишком пьян для подобных выходов!

Дав волю своему гневу, Гвинейра говорила очень быстро. Происходящее действовало ей на нервы. А теперь еще и Пол подкрался сзади и внимательно прислушивался к спору взрослых.

Сайдблоссом рассмеялся.

— Туше, дорогая! Маленькая карательная экспедиция. Мне не нравится, когда кто-то не подчиняется. Но вы подождите, ваша малышка еще будет моей. Когда мы вернемся, я приложу к этому все усилия. Против вашей воли, леди!

Теперь Гвинейре хотелось просто окончить этот разговор.

— Тогда я желаю вам успеха, — твердо произнесла она. — А ты, Пол, пойдешь сейчас со мной наверх. Я ненавижу, когда ты подкрадываешься сзади и подслушиваешь!

Мальчик вздрогнул от испуга. Но то, что он здесь узнал, стоило выговора. Возможно, Джеральд и не был подходящим человеком, которому

следовало рассказать о проделках Флёретты. Для матери и его сестры было бы намного больнее, если бы именно Сайдблоссом раскрыл «кражу лошадей».

Пока Гвинейра поднималась к себе в комнату, Пол незаметно вернулся и нашел Джона Сайдблоссом. Фермер, казалось, начал скучать в компании остальных гостей. Впрочем, это было неудивительно — все, кроме него, совершенно опьянели.

— Вы... хотите жениться на моей сестре? — заговорил с ним Пол.

Сайдблоссом недоуменно посмотрел на мальчика сверху вниз.

— Да, у меня есть такие намерения. Еще один возражатель нашелся? — спросил он, криво улыбнувшись.

Пол покачал головой.

— Как по мне, можете делать с ней что хотите. Только вам нужно знать кое-что о Флёретте. Она, конечно, выглядит очаровательно. Но у нее уже был парень. Рубен О'Киф.

Сайдблоссом кивнул.

— Да, я знаю, — произнес он без особого энтузиазма.

— Но она вам не все рассказала! — оживившись, продолжал Пол. — Она вам не сказала, что у нее с ним... было! И я все видел!

Сайдблоссом посмотрел на мальчика с большим интересом.

— Что ты говоришь? Неужели твоя сестра не девственница?

Пол пожал плечами. Понятие «девственница» ему ни о чем не говорило.

— Спросите ее сами, — ответил он. — Она сейчас в конюшне!

Сайдблоссом нашел Флёретту в стойле Нинианы, где девушка как раз задавалась вопросом, что же делать дальше. Просто отпустить Ниниану на волю? Тогда существовала опасность, что она, выбежав из конюшни, предпочтет остаться неподалеку от остальных лошадей. Наверное, будет лучше поскакать на ней до отдаленного выгона и там привязать. Но, поразмыслив, Флёретта решила, что это слишком рискованно, потому что тогда ей придется возвращаться домой пешком, мимо боковых построек, которые сейчас просто напичканы пьяными мужчинами.

Девушка раздумывала, что же ей делать, и машинально поглаживала свою любимицу по гриве, нашептывая ей ласковые слова. Другие лошади тоже оживленно двигались в своих стойлах, а Грейси обнюхивала сено. Внезапно Флёретта услышала, как кто-то тихо открыл дверь. Когда Грейси наострила уши и залаяла, было слишком поздно. Джон Сайдблоссом стоял в проходе и ухмылялся, глядя на девушку.

— Так-так, малышка. Значит, по ночам мы проводим время в

конюшне. Признаюсь, для меня было неожиданностью обнаружить тебя здесь одну.

Флёретта испугалась и инстинктивно спряталась за лошадь.

— Это наша конюшня, — храбро ответила она. — Я могу быть тут, когда пожелаю. И я всего лишь хотела провести свою лошадь.

— Ты проводываешь свою лошадь? Как трогательно...

Сайдблоссом подошел поближе. Сейчас он был похож на дикого зверя, подкрадывающегося к своей жертве. К тому же в глазах Джона горел тот самый недобрый огонек, от которого по телу девушки бегали мурашки.

— Может, ты еще кого-то ждешь?

— Я не знаю, о чем вы говорите. — Флёретта надеялась, что ее голос звучит уверенно.

— Да знаешь ты все. Разыгрываешь передо мной тут невинного агнца, обещанного в жертву чудовищу, а сама развлекаешься тут с ним в сене! Не беспокойся, Флёретта, я все знаю из надежного источника, даже если сегодня мне и не удалось вас поймать с поличным. Но тебе повезло, драгоценная. Я принимаю использованный товар. Мне не нужна робкая девственница. С ней одни только проблемы. Так что не переживай, можешь пойти к алтарю в белом платье. Но я ведь могу уже сейчас попробовать, правда?

Быстрым движением он выдернул Флёретту из-за лошади. Ниниана испугалась и забилась в угол стойла. Грейси начала лаять.

— Отпустите меня!

Флёретта попыталась отстраниться от мужчины, но Сайдблоссом только засмеялся. Его сильные руки прижали девушку к стене, а губы приблизились к ее лицу.

— Вы пьяны, отпустите меня!

Флёретта хотела укусить его, но, несмотря на выпитый виски, рефлексy Сайдблоссом остались безупречными. Он откинул голову и ударил девушку по лицу. Флёр упала, приземлившись на охапку сена. Сайдблоссом оказался сверху нее, прежде чем Флёретта смогла подняться и убежать.

— Ну давай, показывай, что ты можешь предложить... — Сайдблоссом разорвал ее блузку и с восхищением посмотрел на небольшую грудь. — Красивая... как раз помещается в ладошку! — воскликнул он и схватил ее.

Флёретта снова попыталась вырваться, но он прижал ее колено своей ногой и, таким образом, не дал ей возможности двигаться.

— Прекращай уже бушевать, как лошадь, которую оседлали в первый раз! Ты у нас опытная, как я наслышан. Так что позволь мне... —

Сайдблоссом попытался найти замок на ее юбке, но та была сшита настолько мастерски, что ему это не сразу удалось.

Флёретта закричала и укусила его за руку, когда он попытался закрыть ей рот.

— Мне нравится, когда у женщины есть темперамент! — со смехом воскликнул он.

Отчаявшись вырваться из лап насильника, Флёр начала всхлипывать. Грейси не прекращала истерично лаять. Затем шум в конюшне пронзил высокий женский голос:

— Отпустите мою дочь, пока я не показала свой темперамент! — В дверях стояла Гвинейра с ружьем в руках, направленным на Джона Сайдблоссом. За ней Флёр увидела Энди Мак-Арана и Покера Ливингстона.

— Ну-ну, осторожно, я... — Сайдблоссом отпустил Флёретту и поднял руки вверх, пытаясь успокоить окруживших его людей.

— Мы еще поговорим. Флёр, он тебе что-то сделал? — Гвин передала ружье Энди и взяла дочь за руку.

Флёретта покачала головой.

— Нет. Он... он только успел меня схватить. О, мамочка, мне было так страшно!

Гвинейра кивнула.

— Я знаю, малышка. Но теперь все позади. Быстро домой! Когда я уходила, вечеринка в салоне уже подходила к концу. Но, возможно, твой дед с несколькими гостями, которые до сих пор держатся на ногах, продолжает пировать в своем кабинете, так что будь осторожна. Я скоро приду.

Флёретте два раза повторять не надо было. Съездившись, она натянула на грудь разорванную блузку и бросилась наутек. Мужчины почтительно пропустили ее, когда она побежала к кухонной двери. Ей хотелось побыстрее оказаться в своей комнате, где она могла чувствовать себя в безопасности. Ее мать была уверена, что Флёр пробежит через салон со скоростью ветра...

— Где же пропадает Сайдблоссом?

Джеральд Уорден еще не считал вечер законченным. Конечно же, он был сильно пьян, как и все остальные овцеводы, собравшиеся в кабинете хозяина Киворд-Стейшн. Но это обстоятельство не помешало ему предложить поиграть в карты. Реджинальд Бизли, пьяный как никогда прежде, уже успел дать свое согласие, да и лорд Баррингтон не

отказывался. Не хватало только четвертого мужчины, Джона Сайдблоссом, который с давних пор был любимым приятелем Джеральда, если речь шла о том, чтобы обобрать кого-то в блек-джек.

— Он недавно ушел. Наверное, уже спит, — сообщил Баррингтон. — Мо... молодые молокососы не могут больше вы... вынести...

— Джонни Сайдблоссом еще никогда не пропустил ни одной игры, — вступился за своего товарища Джеральд. — Он же выпивал вместе с нами. Должен быть где-то недалеко...

Джеральд был настолько пьян, что начал искать Сайдблоссом под столом. Бизли выглянул в салон, но там сидел только Пол, который делал вид, будто занят чтением книги, хотя сам с нетерпением ожидал возвращения Флёретты и Сайдблоссом. И тут мальчишке представилась еще одна возможность скомпрометировать свою сестру.

— Вы ищете мистера Сайдблоссом? — спросил он вежливо, но настолько громко, что присутствующие в кабинете Уордена мужчины просто не могли не расслышать вопрос. — Он с моей сестрой в конюшне.

Джеральд Уорден вылетел из кабинета, обуреваемый сильной яростью, которую может породить только алкоголь.

— Проклятая маленькая шлюшка! Сначала она строит из себя невинную овечку, а затем исчезает в конюшне с Джонни!

При этом она ведь знает, что такие поступки увеличивают размер приданого. Если он и возьмет ее в жены, то потребует теперь половину моей фермы!

Не менее возмущенный Бизли тоже последовал за ним. Его предложение руки и сердца она отклонила. И теперь валялась в сене с этим Сайдблоссомом?

Мужчины сначала не могли решить, как им пойти — через кухню или через главный вход, из-за чего на мгновение в доме воцарилась тишина. Внезапно в салоне показалась Флёретта. Девушка испуганно остановилась перед своим дедом и его собутыльником.

— Ах ты, маленькая потаскушка! — Джеральд был вторым человеком, который сегодня ударил девушку по лицу. — Где твой любовничек, а? Где Джонни? Этот хитрый черт чуть не обвел меня вокруг пальца. Но так нельзя вести себя, Флёр, нельзя! — Он толкнул ее в грудь, но девушка твердо стояла на ногах. При этом ей не удалось и дальше сдерживать разорванную блузку, и она расплакалась, когда тонкая материя открыла взорам всех мужчин ее грудь.

Несмотря на это, происходившее отрезвило Джеральда. Будь он один,

его охватило бы не чувство стыда, а несколько иное ощущение. Но сейчас, в присутствии окружающих, действиями Уордена руководил здравый смысл и деловой интерес. После этой истории Флёретту не взял бы в жены ни один приличный мужчина. Сайдблоссом обязан был на ней жениться, так как это означало бы, что честь внучки Уордена была бы сохранена хотя бы наполовину.

— Сейчас же прикройся и отправляйся в свою комнату! — приказал он, отворачиваясь. — Завтра же мы объявим о твоей помолвке, даже если мне придется вести Сайдблоссом в церковь под прицелом. И тебя тоже! Больше твои капризы слушать никто не будет!

Флёретта была слишком напугана и измучена, чтобы что-либо отвечать. Она собрала на груди блузку и побежала вверх по лестнице.

Через час Гвинейра обнаружила свою рыдающую и дрожащую от обиды дочь под одеялом в ее комнате. Гвин тоже дрожала, но скорее от ярости. Прежде всего она корила себя за то, что сразу же занялась Сайдблоссом и безопасностью лошадей, вместо того чтобы провести Флёретту в дом. С другой стороны, это не сильно повлияло бы на развитие событий. Обе женщины могли слышать крики Джеральда с интервалом в час. Мужчины, естественно, не разошлись по своим комнатам, а отправились в конюшню, где Сайдблоссом до сих пор находился после нагоняя Гвинейры. Бог знает что он им рассказал. В любом случае Джеральд ожидал теперь Гвинейру, чтобы предъявить ей те же обвинения и угрозы, какие услышала от него Флёр часом раньше. Как Джеральд, так и другие «зрители» были заинтересованы в подобном продолжении вечера. Завтра же, заявил Уорден, Флёр и Джон должны обручиться.

— И самое... самое страшное, что он прав... — заикаясь, говорила Флёр. — Мне теперь ни... никто не поверит. Они... они разнесут слухи по... по всей округе. Если я скажу «нет», перед... перед священником, они меня просто высмеют!

— Тогда пускай смеются! — уверенно произнесла Гвинейра. — Ты не выйдешь замуж за этого Сайдблоссом, пока я жива!

— Но... дедушка — мой опекун. Он заставит меня.

Флёретта продолжала рыдать.

Гвинейра приняла решение. Флёр нужно было отсюда уезжать. Но она согласилась бы только тогда, когда узнала бы всю правду.

— Послушай, Флёр, Джеральд Уорден не может тебя заставить делать что-либо. Строго говоря, он вообще тебе не родственник...

— Но...

— Джеральд считается твоим опекуном, потому что думает, что он

твой дед. Но это не так. Лукас Уорден не твой настоящий отец.

Теперь было поздно. Гвинейра прикусила губу.

Рыдания застряли у Флёретты в горле.

— Но...

Гвин села рядом с дочерью и обняла ее.

— Послушай, Флёр. Лукас, мой муж, был хорошим человеком, но он... ну, он не мог зачать ребенка. Мы пробовали, но у нас ничего не вышло. А твой де... Джеральд Уорден превратил нашу жизнь в сущий ад, так как никак не мог получить желанного наследника Киворд-Стейшн. И тогда я... я...

— Ты изменила моему отцу, вернее... мужу? — В голосе Флёретты звучала растерянность.

Гвин покачала головой.

— Не потому, что мне этого хотелось. Только ради того, чтобы зачать ребенка. После этого я всегда была ему верной.

Флёретта наморщила лоб. Гвин догадывалась, что творилось в голове дочери.

— А откуда же появился Пол? — спросила девушка после довольно продолжительной паузы.

Гвин закрыла глаза. Только не это...

— Пол — Уорден, — произнесла она. — Но давай не будем сейчас о Поле. Флёретта, я думаю, тебе нужно отсюда уехать...

Казалось, Флёр совершенно ее не слушала.

— Кто мой отец? — тихо спросила она.

Гвинейра ненадолго задумалась, но затем решила все-таки сказать правду.

— Наш бывший управляющий. Джеймс МакКензи.

Флёретта посмотрела на мать округлившимися от удивления глазами.

— Тот самый МакКензи?

Гвинейра кивнула.

— Именно тот. Мне жаль, Флёр...

Сперва казалось, что Флёретта потеряла дар речи, но затем девочка улыбнулась.

— Захватывающая история. Настоящая романтика. Ты же помнишь, как мы с Рубеном в детстве играли в Робина Гуда? А теперь, оказывается, я... как бы выразиться... дочь мелкого землевладельца!

Гвинейра закатила глаза.

— Флёретта, повзрослей наконец! В жизни в горах нет никакой романтики, она тяжела и опасна. Ты же знаешь, что Сайдблоссом сделает с

Джеймсом, если найдет его.

— Ты его любила? — спросила Флёретта с горящими глазами. — Твоего Джеймса, я имею в виду. Любила ли ты его по-настоящему? Грустила, когда он уехал? Почему он вообще уехал? Из-за меня? Нет, этого не может быть! Я помню его. Высокий загорелый мужчина с красивыми чертами лица, правильно? Он возил меня на лошади и все время смеялся...

У Гвинейры защемило сердце от воспоминаний о возлюбленном, но она не должна была поддерживать Флёретту в ее романтических мечтаниях.

— Я не любила его. Это была договоренность, своего рода... сделка. Когда ты родилась, отношения между нами закончились. И я не виновата в том, что он решил уехать.

Строго говоря, это было правдой. Виноваты в случившемся были Джеральд и Пол. Гвинейра все еще чувствовала боль утраты. Но Флёретта не должна была об этом узнать. Просто не могла!

— Давай заканчивать этот разговор, Флёр, а то скоро солнце взойдет. Тебе нужно уезжать отсюда, пока не произошла помолвка и обстановка не накалилась до предела. Собери вещи. Я принесу тебе денег из своего кабинета. Ты можешь забирать все, что у меня есть, но их немного, так как большая часть поступлений идет прямо в банк. Энди, скорее всего, еще не спит, он поможет тебе оседлать Ниниану. После этого ты должна скакать как можно быстрее, чтобы, когда завтра все проснутся с похмелья, тебя уже и след простыл.

— Ты не против, если я отправлюсь к Рубену? — спросила Флёретта, затаив дыхание.

Гвинейра вздохнула.

— Я была бы намного спокойнее, если бы знала, что ты его точно найдешь. Но это действительно единственная возможность, по крайней мере пока Гринвуды не вернулись из Англии. Черт побери, мне следовало отправить тебя вместе с ними! Но теперь уже поздно об этом сожалеть. Найди своего Рубена, выйди за него замуж и будь счастлива!

Флёр обняла мать.

— А ты? — тихо спросила она.

— Я останусь здесь, — ответила Гвинейра. — Кто-то ведь должен заботиться о ферме, а мне это, как ты знаешь, доставляет удовольствие. Джеральд и Пол... ну, мне придется смириться и жить рядом с ними.

Через час Флёретта на своей лошади Ниниане во весь опор скакала по направлению к горам. Они с матерью сошлись на том, что Флёр не

следовало ехать напрямиком в Квинстаун. Джеральд наверняка подумал бы, что она поехала к Рубену, и отправил бы на ее поиски мужчин.

— Спрячься на пару дней в горах, Флёр, — посоветовала ей Гвинейра. — А после этого отправляйся в Отаго. Возможно, ты встретишь Рубена уже по пути. Насколько мне известно, Квинстаун не единственное место, где ведутся поиски золота.

Флёретта была настроена скептически.

— Но ведь Сайдблоссом отправляется в горы, — с опаской в голосе заметила она. — И если он будет искать меня ...

Гвин покачала головой.

— Флёр, дорога в Квинстаун пока что закрыта для тебя. Но горы почти бесконечны. Он не найдет тебя — это все равно что искать иголку в стоге сена. Так что не переживай.

Наконец-то Флёр поняла ход мыслей матери. Но когда она направила лошадь сначала в сторону Холдона, а затем к озерам, где находилась ферма Сайдблоссом, то до смерти испугалась.

Где-то там находится ее отец... Постепенно эта мысль начала доставлять девушке удовольствие. Она не была одинока в горах. За Джеймсом МакКензи тоже велась погоня.

Земля с расположенными на ней озерами Текапо, Пукаки и Охао была прекрасна. Флёретта не могла насмотреться на кристально чистые водоемы и ручьи, странные горные образования и бархатную зелень пастбищ. Сразу за ними возвышались Альпы. Сайдблоссом был прав: не исключено, что здесь были тайные долины и озера, ждущие своих первооткрывателей. Флёретта воодушевленно направляла свою кобылу все ближе к горам.

У нее есть время. Возможно, она могла бы найти золото! Однако девушка не имела понятия, где его лучше всего искать. Более внимательное изучение ледяных горных ручьев, из которых она пила и в которых на скорую руку умывалась, не открыло ее взору никаких самородков. Зато через три дня она наловила рыбы и решила развести огонь, чтобы поджарить ее. Поначалу Флёр была слишком напугана и постоянно думала о том, что ее наверняка преследуют люди Сайдблоссом. Но потом она вспомнила слова матери: земля была слишком большой, чтобы ее можно было полностью осмотреть. Преследователи Флёр не знали, где им начинать поиски, к тому же еще прошел дождь. Даже если бы они использовали собак-ищеек — а в Киворд-Стейшн подходящих животных не имелось, — след девушки уже давно смыло дождем.

Тем временем Флёр достаточно уверенно передвигалась по нагорью. Раньше она часто играла с маорийскими детьми своего возраста и проводывала друзей в деревне. Поэтому она точно знала, где можно было найти съедобные корешки, как из такакау замесить тесто и запечь его, как наловить рыбы и развести огонь. Она также почти не оставляла следов своего присутствия. Остывшие кострища девушка аккуратно присыпала землей, а отходы закапывала. Ее точно никто не преследовал. Через пару дней она собиралась свернуть к озеру Вакатипу, где располагался Квинстаун.

Если бы только ей не надо было переживать это приключение одной! После неполных двух недель верховой езды Флёр чувствовала себя одинокой. Было хорошо по ночам прижиматься к Грейси, но девушка все больше тосковала по обществу людей.

При этом она была не единственной, кто стремился к себе подобным. Ниниана тоже иногда потерянно ржала, глядя вдаль, хотя и продолжала слушаться Флёретту.

В конце концов именно Грейси нашла себе компанию. Маленькая

собачка побежала вперед, пока Ниниана медленно продвигалась по каменистой тропе. Флёретта вынуждена была сконцентрировать свое внимание на дороге, поэтому оторопела, увидев за скалой, где горная местность снова переходила в поросшую травой равнину, двух трехмастных собак, играющих друг с другом.

Сначала Флёретте показалось, что зрение обманывает ее. Но если бы она увидела двух Грейси, значит, собакам пришлось бы двигаться одинаково! Вместо этого они прыгали, гонялись друг за другом и, очевидно, наслаждались выпавшей возможностью пообщаться друг с дружкой. При этом они были похожи как две капли воды!

Флёретта подъехала поближе, чтобы позвать Грейси к себе. Приглядевшись, она все же заметила разницу между собаками. Незнакомая была немного выше Грейси, а ее нос — чуть длиннее. Но она была чистопородной бордер-колли, в этом девушка не сомневалась. Откуда же она взялась? Флёр была уверена, что бордер-колли не бродяжничают и не охотятся. Без хозяина они бы не отправились так высоко в горы. Кроме того, это животное производило впечатление ухоженного.

— Пятница! — раздался мужской голос. — Пятница, ты где? Уже пора их загонять!

Флёр осмотрелась, но не увидела зовущего. Собака по кличке Пятница повернула на запад, где, похоже, простиралась бесконечная равнина. Ее хозяин уже должен был бы показаться. Флёр немного растерялась. Где же он? Что до Пятницы, то ей, судя по всему, не хотелось расставаться с Грейси. Но потом Грейси внезапно взяла след, посмотрела горящими глазами на Флёретту и ее лошадь — и в следующую секунду обе собаки побежали вперед, словно управляемые невидимыми нитями.

Флёр последовала за ними, как ей казалось, в никуда, но очень скоро она догадалась, что это был оптический обман. Поросшая травой земля распростерлась не до горизонта, а разделялась на террасы. Пятница и Грейси побежали вниз. Тогда и Флёр поняла, что так притягивало собак. На самой нижней, теперь хорошо обозреваемой террасе паслись как минимум пятьдесят овец, которых охранял мужчина, ведущий на поводке мула. Увидев бегущих рядом Пятницу и Грейс, он растерялся так же, как и Флёр, а потом недоверчиво посмотрел в ту сторону, откуда прибежала собака. Флёретта позволила Ниниане спуститься вниз по террасам. Девушка испытывала больше любопытства, чем была напугана. В конце концов, незнакомый пастух не выглядел опасным и, пока она сидела на коне, он никак не мог ей навредить. Его тяжело нагруженный мул явно не был пригоден для погони.

Тем временем Грейси и Пятница начали вместе гнать овец. При этом они так ловко и естественно работали в команде, как будто никогда не занимались ничем другим.

Мужчина окаменел, увидев Флёретту, приближавшуюся на своей кобыле.

Флёр посмотрела на обветренное угловатое лицо с буйной каштановой бородой и каштановыми волосами, в которых уже виднелись серебряные нити. Мужчина был крепкого телосложения, но при этом худой, его одежда выглядела сильно поношенной, как и выючное седло на муле, но аккуратной и чистой. Карие глаза пастуха смотрели на Флёретту так, словно он увидел призрака.

— Это не может быть она, — тихо произнес он, когда девушка остановила перед ним свою лошадь. — Это невозможно... и собака эта тоже не может быть. Она... Ей, наверное, скоро уже исполнится двадцать. Господь милостивый... — Казалось, мужчина пытался взять себя в руки. В поисках опоры он схватился за седло.

Флёр пожала плечами.

— Хотя я и не знаю, кем я не должна быть, сэр, но у вас красивая собака.

Казалось, к мужчине вернулось самообладание. Он глубоко вдыхал и выдыхал, но все еще смотрел на Флёр, не веря своим глазам.

— На этот комплимент я могу ответить тем же, — сказал он, немного успокоившись. — Она... она дрессированная? В смысле, как собака-загонщик?

Флёр почувствовала, что мужчину на самом деле не интересовала Грейси; казалось, он хотел выиграть время, пока у него в голове лихорадочно проносились мысли. Но Флёр кивнула и осмотрелась в поисках подходящего задания, чтобы продемонстрировать умения собаки. Затем она улыбнулась и отдала Грейси команду. Маленькая собачка бросилась вперед.

— Вон тот большой баран справа. Она погонит его между скалами. — Флёретта приблизилась к скалам. Грейси уже отделила барана от стада и ждала дальнейших приказов. Пятница лежала, притаившись, и была готова в любое мгновение вскочить и помчаться на помощь к новой подружке.

Но той не нужна была помощь. Баран спокойно побежал между камнями.

Мужчина кивнул и теперь тоже улыбнулся. Он выглядел намного спокойнее. Очевидно, он пришел к какому-то выводу.

— Вон та овцематка сзади, — произнес он, указывая на округлое

животное, и свистнул Пятнице. В ответ на команду собачка пулей обежала стадо, выгнала из него указанную овцу и направила ее к скалам. Но овцематка оказалась не такой покорной, как баран Грейси. Пятнице понадобилось три подхода, чтобы прогнать ее между скалами.

Флёретта довольно улыбнулась.

— Я победила! — воскликнула она.

Глаза мужчины заблестели, и Флёр показалось, что она увидела в них почти нежность.

— У вас, кстати, красивые овцы, — быстро добавила она. — Я в этом разбираюсь. Я из... овцеводческой фермы.

Мужчина снова кивнул.

— Вы — Флёретта Уорден с Киворд-Стейшн, — сказал он. — Господи, я сначала было подумал, что вижу перед собой привидение! Гвинейра, Клео, Игрэн... Вы с вашей матерью похожи как две капли воды! И так же элегантно держитесь в седле. Но это было предсказуемо. Я все еще помню, как вы плакали, пока я пытался вас усадить. — Он улыбнулся. — Впрочем, вы меня не помните. Позвольте представиться... Джеймс МакКензи.

Теперь Флёретта тоже пристально смотрела на него, а потом застенчиво отвела взгляд. Чего этот мужчина ожидал от нее? Что она притворится, будто не слышала о его дурной славе вора? Не говоря уже о невероятном факте, что он был ее отцом?

— Я... послушайте, не подумайте, что я... что я прибыла сюда, чтобы схватить вас или еще что... — начала было она. — Я...

МакКензи оглушительно засмеялся, но потом взял себя в руки и ответил взрослой Флёр так же серьезно, как когда-то отвечал четырехлетней девочке:

— Я бы от вас такого и не ожидал, мисс Флёр. Вы всегда были равнодушны к свободным мелким землевладельцам. Вы же состояли какое-то время в связи с неким Рубеном Гудом, не так ли?

Она увидела, как глаза мужчины весело загорелись, и вдруг узнала его. В детстве она называла его мистером Джеймсом, и он всегда был для нее особым другом.

Стеснительность Флёретты улетучилась.

— И до сих пор! — подыграла она. — Рубен Гуд и я поклялись любить друг друга... это одна из причин, по которой я здесь.

— Ага, — сказал МакКензи. — Шервудского леса будет, пожалуй, маловато для все растущего числа ваших приверженцев. Но здесь-то я могу помочь, леди Флёр... Но в любом случае нам сначала нужно перегнать овец в безопасное место. Здешняя земля начинает гореть у меня под ногами. Не

хотите ли сопроводить меня, мисс Флёр, и побольше рассказать мне о себе и вашей матери?

Флёретта старательно закивала.

— С удовольствием. Но... вам бы лучше отправиться куда-нибудь, где вы будете в безопасности. А овец просто отдать обратно. Мистер Сайдблоссом ищет меня со своей поисковой группой... почти с армией, как говорит моя мать. Мой дед тоже с ними. Они хотят схватить вас и меня...

Флёретта настороженно огляделась. До этого момента она чувствовала себя в безопасности, но если Сайдблоссом был прав в своих предположениях, она находилась сейчас на территории Лайонел-Стейшн, на его земле. И возможно, Джон имел кое-какие соображения насчет местонахождения МакКензи.

МакКензи снова засмеялся.

— Вы, мисс Флёр? Что же вы такого натворили, что за вами отправляют поисковую команду?

Флёр вздохнула.

— Ах, это долгая история...

МакКензи кивнул.

— Хорошо, тогда мы отложим этот разговор до тех пор, пока не окажемся в безопасности. Просто следуйте за мной, а ваша собака составит компанию Пятнице. Тогда мы сможем побыстрее скрыться отсюда. — Он свистнул Пятнице, которая, казалось, точно знала, чего он от нее ожидал. Она погнала овец в сторону от террасы на запад, к Альпам.

МакКензи взобрался на своего мула.

— Вам не стоит беспокоиться, мисс Флёр. Местность, куда мы отправляемся, совершенно безопасна.

Флёретта последовала за ним.

— Называйте меня просто Флёр, — попросила она. — Это и без того... очень странно, когда мой... то есть когда кто-то вроде вас называет меня мисс.

МакКензи бросил на нее испытующий взгляд.

Некоторое время оба молча ехали рядом, в то время как собаки гнали овец по каменистой местности. Травы здесь было мало, а дорога неуклонно шла вверх. Флёр задавалась вопросом, действительно ли МакКензи ведет ее в горы, но не могла себе такого представить.

— Как вы... то есть как получилось, что вы... — внезапно вырвалось у нее, когда Ниниана ловко пробиралась по каменистой тропе. Дорога становилась все тяжелее и теперь пролежала через узкое русло ручья, окруженное крутыми скалами. — Вы ведь были управляющим в Киворд-

Стейшн и...

МакКензи ехидно засмеялся.

— Ты хотела спросить, почему уважаемый и прилично оплачиваемый работник превратился в вора? Это тоже долгая история...

— Но нам предстоит далекий путь.

МакКензи окинул ее нежным взглядом.

— Ну ладно, Флёр. Покинув Киворд-Стейшн, я намеревался купить собственный участок земли и начать разводить овец. Я накопил немного денег, и пару лет назад меня бы точно ожидал успех. Но теперь...

— А что теперь? — спросила Флёр.

— Приобрести здесь пастбищные угодья по приемлемым ценам практически невозможно. Крупные разводчики скота — Уорден, Бизли, Сайдблоссом — прибирают к рукам участок за участком. Земля маори уже пару лет считается владениями британской короны. Без разрешения губернатора маори продать ее не могут. А разрешение это получают только избранные претенденты. Кроме того, границы очень неточные. Сайдблоссому, например, принадлежат пастбищные угодья между озером и горами. Доныне он претендует на землю, идущую до террас, на которых мы встретились. Но если сейчас обнаружится еще какая-то земля, то, естественно, он будет утверждать, что она тоже принадлежит ему. И никто не будет протестовать, разве что маори могли бы заявить о своих претензиях на землю. Но они этого почти никогда не делают. У них же совершенно иное отношение к земле, чем у нас. Именно здесь, в предгорье Альп, они редко селятся надолго. Обычно племя маори приходит сюда летом на пару недель, чтобы порыбачить и поохотиться. Скотоводы не препятствуют туземцам — если, конечно, им хватает ума на это. А менее умные скандалят. Подобные случаи как раз и называют в Англии «войнами маори».

Флёретта кивнула. Мисс Хелен рассказывала о восстаниях, но это происходило в основном на Северном острове.

— В любом случае я тогда не нашел земли. Денег хватило бы максимум на крошечную ферму, а скота я себе вообще не смог бы купить. И я отправился в Отаго искать золото. Мне бы хотелось строить иные планы. Я немного в этом разбираюсь, Флёр, я был в Австралии во время золотой лихорадки. Поэтому я подумал, что не мешало бы сделать круг и осмотреться... Ну вот, так я и нашел это.

МакКензи обвел местность широким жестом, и глаза Флёретты округлились. Русло ручья стало заметно более широким, и теперь их взгляду открывался вид на нагорье. Сочная трава, просторные пастбищные

уголья, которые тянулись через поросшие нежной травой склоны. Овцы сразу же разбежались.

— Разрешите представить — МакКензи-Стейшн! — с улыбкой сказал Джеймс. — На данный момент населена только мною и племенем маори, которое приходит раз в году и так же не любит мистера Сайдблоссом, как и я. Он с недавних пор обносит изгородью большие пастбищные уголья, при этом отрезая маори от одной из их святынь. Но как бы там ни было, они остаются моими хорошими друзьями. Мы разбиваем вместе лагерь, обмениваемся подарками... они меня не предадут.

— А кому вы продаете овец? — с любопытством спросила Флёр.

Джеймс рассмеялся.

— Ты и правда хочешь все знать! Ну ладно, у меня есть торговец в Данидине. Он не особо присматривается, когда получает хороших животных. А я продаю и выращенных самостоятельно. Если на породистых животных имеется клеймо, они остаются здесь, а я продаю только ягнят. Но пойдем же, вот и мой лагерь. Достаточно примитивный, но мне не хочется строить домик, ведь сюда может забрести пастух. — МакКензи подвел Флёретту к палатке и месту, где он разводил костер. — Вон там ты можешь привязать свою лошадь, я натянул веревки между деревьями. Тут достаточно травы, и с мулом они точно найдут общий язык. Красивая лошадь. Отпрыск кобылы Гвин?

Флёретта кивнула.

— Ее дочь. А Грейси — дочь Клео. Конечно, она на нее похожа.

МакКензи рассмеялся.

— Настоящая семейная встреча. Пятница — тоже дочь Клео. Гвин подарила мне ее на прощание...

Когда он заговорил о Гвинейре, в его глазах снова появилась нежность.

Флёр задумалась. История с ее зачатием была деловой договоренностью? Выражение на лице Джеймса свидетельствовало об обратном. И Гвинейра подарила ему на прощание щенка — притом, что с потомством Клео она обычно обходилась как собственница. Все это заставило Флёр посмотреть на их отношения иначе.

— Моей матери вы, наверное, очень нравились... — осторожно произнесла она.

Джеймс пожал плечами.

— Думаю, что недостаточно... Но расскажи теперь, Флёр, как у нее дела? И у старого Уордена? Молодой же, как я слышал, умер. У тебя есть брат?

— Лучше бы у меня его не было! — резко воскликнула Флёретта и в

тот же момент осознала приятный факт, что Пол приходился ей лишь полукровным братом.

МакКензи улыбнулся.

— Долгая история, значит. Хочешь чаю, Флёр, или лучше виски? — Он снова развел костер, поставил воду на разогрев и достал бутылку из сумки, прикрепленной к седлу. — Ну, я позволю себе немного. За встречу с призраком! — Он налил виски в стопку и выпил за здоровье девушки.

Флёретта задумчиво посмотрела на него.

— Небольшой глоток, — сказала она. — Моя мать говорит, иногда это действует как лекарство...

Джеймс МакКензи умел слушать. Он спокойно сидел у костра, пока Флёр рассказывала историю о конфликте Рубена и Пола, о сватовстве Бизли и Сайдблоссом и о том, что она ни в коем случае не хотела бы заполучить в мужа ни одного из них.

— Значит, ты направляешься в Квинстаун, — наконец заключил МакКензи. — Чтобы разыскать своего Рубена... Господи, была бы твоя мать в свое время такой же отважной... — Он прикусил губу, чтобы успокоиться, и снова заговорил: — Если хочешь, можем немного проехать вместе. История с Сайдблоссомом вызывает у меня тревогу. Думаю, я доведу овец до Данидина и исчезну на пару месяцев. Посмотрим, может, я попытаю счастья на золотых приисках!

— О, это было бы замечательно, — пробормотала Флёр.

Кажется, МакКензи знал, о чем говорил, когда речь шла о месторождениях золота. Если бы она убедила его присоединиться к Рубену, это приключение могло бы даже иметь успех.

МакКензи протянул ей руку.

— Ну, за удачное сотрудничество! Но ты же знаешь, во что ввязываешься. Если они нас схватят, дело за тобой, потому что я краду скот. По-хорошему ты должна была сдать меня полиции.

Флёретта покачала головой.

— Я не должна вас сдавать, — уточнила она, — если вы — член семьи. Я просто скажу, что вы... вы мой отец.

Джеймс МакКензи просиял.

— Значит, Гвинейра призналась тебе! — воскликнул он с торжествующей улыбкой. — Она говорила о нас! Флёр, может, она сказала... в конце концов, что любила меня?

Флёр покусывала нижнюю губу. Она не могла повторить ему то, что услышала от Гвин. Но она также была убеждена в том, что это не соответствовало действительности. Глаза ее матери светились точно так же,

как и у Джеймса, когда она вспоминала о нем.

— Она... она беспокоится о тебе, — после паузы ответила девушка. И это было правдой. — Я уверена, ей хотелось бы снова увидеть тебя.

Флёретта провела ночь в палатке Джеймса. Сам он спал у костра. На следующее утро они хотели пораньше отправиться в путь, но задержались, чтобы порыбачить в ручье и испечь лепешку в дорогу.

— Я не хочу делать привал, по крайней мере пока озера не останутся позади нас, — объяснил МакКензи. — Мы будем ехать всю ночь и проедем населенные места в самое темное время суток. Это утомительно, Флёр, но до сих пор такой путь был наиболее безопасным. Большие фермы находятся далеко друг от друга. А на маленьких люди закрывают глаза и уши. Иногда в награду за это они находят среди своих овец хороший молодняк, выращенный не на одной из больших ферм, а рожденный здесь. Качество маленьких отар на берегах озер становится все лучше и лучше.

Флёр засмеялась.

— А что, есть только один выход отсюда — по долине реки? — поинтересовалась она.

МакКензи покачал головой.

— Нет, ты можешь ехать вдоль подножия гор на юг. Этот путь проще, дорога немного идет под уклон, и в определенный момент тебе просто надо следовать за ручьем на восток. Но в любом случае этот путь длиннее. Он ведет скорее во Фьордленд, чем на равнины Кентербери. Путь для побега, но не самый обычный. Ну, седлай свою лошадь. Нам нужно отправляться, пока Сайдблоссом не напал на наш след.

Казалось, МакКензи не очень-то взволнован. Он совершенно спокойно гнал приличное количество овец по дороге, по которой они вчера пришли. Животным не хотелось, чтобы их прогоняли с обжитых пастбищ. «Собственные» овцы МакКензи протестующе блеяли, когда собаки сгоняли их в кучу.

Тем временем в Киворд-Стейшн Сайдблоссом не стал тратить время на поиски коней на замену. Ему было все равно, на каких лошадях поедут мужчины — на рабочих или на породистых. Для него главным был результат. Последнее стало для него еще более важным, когда он узнал о побеге Флёретты.

— Я поймаю их обоих! — яростно взревел Сайдблоссом. — Парня и девушку. Его можно будет повесить на праздновании нашей свадьбы! Ну же, Уорден, поехали! Нет, не после завтрака! Я хочу заполучить маленькое

чудовище, пока ее след не простыл.

Конечно же, эта затея оказалась безнадежной. Флёр не оставила никаких следов. Мужчины могли надеяться только на то, что смогут перехватить ее, когда направятся к ферме Сайдблоссом. Уорден предполагал, что Флёр сбежала в горы. Хотя он и отправил пару человек на быстрых конях непосредственно в Квинстаун, всерьез на успех он не рассчитывал. Ниниана не была беговой лошастью, и, если бы Флёр хотелось отделаться от погони, это бы у нее получилось только в горах.

— А где вы хотите искать этого МакКензи? — уныло спросил Реджинальд Бизли, когда группа наконец-то приехала на территорию Лайонел-Стейшн. Ферма уютно расположилась на берегу озера; за ней раскидывался бесконечный горный мир Альп. МакКензи мог быть где угодно.

Сайдблоссом ухмыльнулся.

— У нас есть маленький разведчик! — сообщил он мужчинам. — Думаю, он скоро будет готов вести нас. Перед тем как я отправился в дорогу, он был еще... как бы это сказать... немного не готов к сотрудничеству...

— Разведчик? — спросил Баррингтон. — Не говорите загадками!

Сайдблоссом прыгнул с коня.

— Незадолго до своего отправления на равнины я послал маорийского мальчишку привести пару лошадей из горной местности. Но он не нашел их. Он заявил, что они убежали. Тогда мы немного... ну... надавили на него, и он рассказал о тропе или о русле реки, что-то в этом роде, за которым должна находиться открытая земля. Он нам ее завтра покажет. Или я буду держать мальчишку на хлебе и воде до конца его дней!

— Вы держите его в заточении? — шокированный услышанным, спросил Баррингтон. — И как на это реагирует племя? Лучше не злите своих маори...

— Ах, мальчишка уже давно работает на меня. Он, наверное, и не принадлежит к местному племени, а если и так, мне все равно. В любом случае завтра он отведет нас к этой тропе.

Мальчик, низкорослый и исхудавший, выглядел очень напуганным. Пока Сайдблоссом отсутствовал, он действительно находился в темном сарае и весь трясся от страха. Баррингтон поначалу заклинал Сайдблоссом отпустить ребенка, но фермер только рассмеялся.

— Если я его сейчас отпущу, он исчезнет. Завтра, после того как парень укажет нам путь, он может проваливать. А мы отправляемся в дорогу рано, господа, с первыми лучами солнца. Так что не налегайте на

виски, если не умеете нормально пить!

Замечания вроде этого, естественно, не очень хорошо воспринимались фермерами из долин, а сдержанные в словах крупные скотоводы, такие как Баррингтон и Бизли, и без того были не в восторге от своего харизматичного предводителя. В отличие от более ранних экспедиций для поимки МакКензи, эта походила не на спокойную охоту, а на военную операцию.

Сайдблоссом систематически прочесывал предгорье Альп над равнинами Кентербери, для чего разделил своих людей на небольшие группы и неотрывно следил за ними. До сегодняшнего дня мужчины верили, что в первую очередь ему хотелось отыскать МакКензи. Но теперь, когда Сайдблоссом располагал конкретными зацепками по поводу того, где скрывался вор скота, они заметили, что им приходится гоняться скорее за Флёреттой Уорден, что многие мужчины сочли излишним. Половина из них была убеждена, что Флёр никуда не денется и вот-вот объявится. И вообще, если девушке не хочется замуж за Сайдблоссом, то у нее на это есть полное право.

Однако же они послушались Сайдблоссом, пусть и неохотно, и распрощались с идеей остаться здесь на ужин и выпить первоклассного виски перед тем, как схватить МакКензи.

— Отпразднуем после охоты! — заявил Сайдблоссом, ничуть не сомневаясь в успехе затеянного фермерами предприятия.

Наутро Сайдблоссом уже ждал мужчин у конюшен вместе с плачущим маорийским мальчиком. Сайдблоссом пустил своего пленника вперед, угрожая ему ужасным наказанием, если тот вдруг вздумает убежать от них.

Но это вряд ли было возможно, поскольку все ехали верхом на лошадях, а подросток передвигался пешком.

Тем не менее мальчуган оказался достаточно выносливым и легко бежал по каменистой местности предгорья Альп, где чистокровным коням Баррингтона и Бизли приходилось особенно тяжело.

В какой-то момент показалось, что он не был уже уверен, на правильном ли они пути, но пара резких слов Сайдблоссом заставила его окончательно сдаться. Юный маори провел поисковую группу через ручей в высохшую долину реки, которая, словно вырезанная ножом, пролежала между каменными стенами...

МакКензи и Флёр успели бы сбежать, если бы собаки не выгнали овец к тому месту, где долина реки расширялась. К тому же овцы так душераздирающе блеяли, что не услышать их было невозможно. Увидев

отару, преследователи разделились, чтобы перекрыть ей путь вперед.

МакКензи посмотрел на Сайдблоссом, чей конь вышагивал впереди группы, и придержал своего мула. Тот встал как вкопанный.

— Вот они! Их двое! — крикнул вдруг кто-то из поисковой группы.

Крик вырвал МакКензи из оцепенения. Он растерянно огляделся в поисках путей к отступлению. У него могло быть преимущество, если бы он развернулся и ускакал прочь, прежде чем мужчины пробрались через отару, состоящую как минимум из трехсот голов. Но у них были быстрые лошади, а у него — только мул, который нес на себе все его пожитки. Положение казалось безвыходным. Однако не для Флёретты...

— Флёр, поворачивай! — крикнул ей Джеймс. — Отправляйся туда, куда я тебе сказал. Я постараюсь их задержать.

— Но ты... мы...

— Езжай, Флёретта! — сказал МакКензи и засунул руку в карман. Это резкое движение послужило сигналом для нескольких мужчин, которые тут же открыли огонь. К счастью, нерешительно и не особо целясь. Вор скота вытащил небольшой мешочек и бросил его девушке.

— Вот, возьми! А теперь уезжай, черт побери, уезжай!

Сайдблоссом тем временем продвигался на своем жеребце через отару и почти настиг МакКензи. Еще пара секунд — и он узнал бы Флёретту, которую пока что скрывали скалы. Девушка поборола желание остаться с МакКензи; тот был прав, вдвоем у них не было шансов.

Поколебавшись, она развернула Ниниану, пока МакКензи медленно ехал навстречу Сайдблоссому.

— Кому принадлежат эти овцы? — с ненавистью в голосе крикнул овцевод.

МакКензи равнодушно посмотрел на него.

— Какие овцы?

Флёр боковым зрением увидела, как Сайдблоссом стянул его с мула и начал яростно колотить кулаками. А потом она уехала. Ниниана неслась с невероятной скоростью назад, в «горы МакКензи». Грейси следовала за ней, но не Пятница. Флёр ругала себя за то, что не позвала собаку с собой, но было уже слишком поздно. Когда опасная гористая местность в долине реки была позади, она наконец-то выдохнула. Едва Ниниана ступила копытами на траву, девушка направилась на юг с такой скоростью, какую только позволяла езда верхом.

Никто больше не смог бы догнать ее.

Квинстаун находился в природной бухте на берегу озера Вайкатипу среди высоких, почти отвесных гор. От красоты окружающей природы захватывало дух: синие воды огромного озера, изумрудная зелень лугов и папоротниковых лесов простирались за горизонт, а горные массивы, которые до конца еще никто не смог исследовать, поражали взгляд своим величием. Вот только сам городок был совсем крошечным. По сравнению с несколькими одноэтажными домиками, явно построенными на скорую руку, даже Холдон казался большим городом. Единственным бросающимся в глаза зданием была двухэтажная деревянная постройка с вывеской «Отель Дафны».

Флёретта старалась не показывать своего разочарования, когда скакала по главной улице Квинстауна. Она ожидала увидеть куда большее поселение, ведь этот город, в конце концов, считался сейчас центром «золотой лихорадки» в Отаго. С другой стороны, вряд ли можно было отмывать золото прямо на главной улице. Вероятно, золотоискатели жили на своих участках, где-нибудь в зарослях кустарника за городом. К тому же, если город был таким маленьким, тем легче ей было найти Рубена. Девушка храбро остановила лошадь у отеля и привязала Ниниану. Вообще-то, она рассчитывала, что у заведения имеются собственные конюшни, но этот дом уже на входе отличался от отеля в Крайстчерче, в котором Флёретта иногда останавливалась на ночлег вместе с семьей. На месте стола регистрации располагался бар. Очевидно, в Квинстауне привыкли объединять отель с пабом.

— Мы еще закрыты! — раздался женский голос, когда Флёр подошла поближе. Она увидела светловолосую девушку, которая энергично возилась за стойкой.

Посмотрев на Флёр, она застыла от удивления.

— Вы... новая девушка? — ошеломленно спросила она. — Я думала, вы приедете на карете. Но на следующей неделе... — У незнакомки были светло-голубые глаза и нежная, очень светлая кожа.

Флёр улыбнулась ей.

— Мне нужна комната, — сказала она слегка неуверенно из-за странного приема. — Это ведь отель?

Девушка озадаченно посмотрела на Флёр.

— Вы хотите... сейчас? Сами?

Флёретта покраснела. Конечно же, видеть девушку ее возраста без сопровождения было непривычно.

— Да, я только приехала. Я хочу встретиться со своим женихом.

Казалось, девушка слегка расслабилась.

— Значит, скоро придет и... жених. — Она произнесла слово «жених» так, словно Флёр не могла серьезно считать кого-то своим женихом.

Флёр спросила себя, было ли ее появление действительно настолько необычным. Или, возможно, девушка просто была не в себе?

— Нет, мой жених не знает, что я приехала. Я тоже не знаю точно, где он. И мне хотелось бы быть уверенной, по крайней мере, в том, что я смогу найти место для ночлега. Я могу заплатить за номер, у меня есть деньги...

Это было правдой. У Флёр с собой были не только деньги, которые при расставании дала ей Гвинейра, но и мешочек, в последний момент брошенный ей МакКензи и оказавшийся его кошельком. Внутри содержалось маленькое состояние в золотых долларах — по всей видимости, все, что ее отец «заработал» на краже скота за последние годы. Флёр не знала, нужно ли ей было сберечь деньги для отца или же она могла использовать их сама. Но над этим вопросом она может подумать позже. В любом случае счет за пребывание в отеле не должен составить каких-либо проблем.

— Значит, вы хотите остаться на всю ночь? — спросила девушка, глупые вопросы которой уже начали раздражать Флёретту. — Тогда я сейчас позову Дафну! — Получив явное облегчение от этой мысли, блондинка скрылась в кухне.

Через несколько минут появилась женщина постарше. На ее лице уже обозначились первые морщинки и следы от слишком долгих ночей и слишком большого количества виски. Но ее зеленые глаза светились, а пышные рыжие волосы были кокетливо подобраны.

— Смотри-ка, рыжая! — воскликнула она и засмеялась. — И глаза, отливающие золотом. Настоящее сокровище! Если ты хочешь у меня работать, я сразу же тебя возьму. Но Лори думает, что тебе просто нужен номер на ночь...

Флёретта повторила ей свою историю.

— Я не знаю, что в моих словах кажется таким странным вашей подчиненной, — наконец сказала она, разозлившись.

Женщина рассмеялась.

— В этом нет ничего смешного или странного. Но Лори не привыкла к обычным посетителям. Слушай, малышка, я не знаю, откуда ты приехала, но подозреваю, что из Крайстчерча или Данидина, где богатые люди

останавливаются в отелях. У нас номера используются со слегка иной целью, если ты понимаешь, о чем я говорю. Номер снимают на один-два часа, а сопровождение уж поставляем мы.

Щеки Флёретты залились румянцем. Значит, она попала к проституткам! Это был... нет, она даже мысленно не могла произнести это слово.

Дафна, с улыбкой наблюдавшая за девушкой, схватила ее за руку, когда та хотела выбежать наружу.

— Подожди, малышка! Куда же ты собралась? Тебе не надо бояться, здесь тебя никто не изнасилует.

Флёр остановилась. Возможно, идея побега была действительно довольно глупой. Дафна не вызывала страха, а девушка, принимавшая гостей, так и подавно.

— Где же я могу переночевать? Здесь есть... есть...

— Подходящий вам номер? — спросила Дафна. — К сожалению, нет. Мужчины, которые находятся в Квинстауне проездом, ночуют в конюшне рядом со своими лошадьми. Некоторые же из них предпочитают отправляться сразу в лагерь золотоискателей. Там всегда найдется место для новичка.

Флёр кивнула.

— Хорошо. Тогда... тогда я так и сделаю. Возможно, там я отыщу своего жениха. — Она храбро подняла сумку и снова хотела выйти наружу.

Дафна покачала головой.

— Ни в коем случае, девочка! Оказаться одной среди двух сотен парней, изголодавшихся по нормальной жизни, — это огромный риск! Они ведь зарабатывают настолько мало, что могут позволить себе девушку лишь раз в полгода. Поверь, эти мужчины совсем не джентльмены. И твой «жених»... Кстати, как зовут этого мальчишку? Возможно, я его знаю.

Флёретта снова покраснела, но на этот раз от возмущения.

— Рубен никогда... он не стал бы...

Дафна засмеялась.

— Тогда он был бы редким исключением среди себе подобных! Видишь ли, малышка, в конце концов все они оказываются здесь, в моем отеле. Кроме тех случаев, если им нравятся мужчины. Но что касается тебя, то я не стала бы надеяться на последнее.

Флёр не очень хорошо понимала, о чем именно говорила Дафна, но была уверена, что Рубен никогда не стал бы переступать порог данного заведения. Несмотря на это, она назвала Дафне имя возлюбленного. Та долго думала и после паузы покачала головой.

— Не слышала. А у меня очень хорошая память на имена. Похоже на то, что твой любимый пока что не заработал свое состояние.

Флёр кивнула.

— Если бы он нашел золото, то уже забрал бы меня с собой! — сказала она, убежденная в верности Рубена. — Но мне пора отправляться, скоро уже стемнеет. Где, вы говорите, находится этот лагерь?

Дафна вздохнула.

— Малышка, я не советую тебе ехать туда, тем более ночью. Гарантирую тебе, что целой и невредимой ты не вернешься. Так что... мне не остается ничего другого, кроме как сдать тебе комнату. На целую ночь.

— Но я... я не хочу... — Флёр не знала, как выйти из неприятного положения. С другой стороны, она не видела другого выхода.

— Детка, у комнат есть двери, а в дверях есть замки. Ты можешь устраиваться в первом номере. Он, правда, принадлежит близняшкам, но у них редко бывают клиенты. Пошли, я покажу тебе. А собаку... — Дафна показала на Грейси, которая улеглась возле ног Флёретты и улыбалась, как типичная колли, — ты можешь взять с собой. Она наверняка чище, чем большинство парней. Ты не должна бояться, — добавила она, заметив, что Флёретта колеблется.

Вздохнув, Флёретта все-таки последовала за женщиной вверх по лестнице. Она нервничала, но на втором этаже «Отель Дафны» больше напоминал крайстчерчский «Уайт Харт», нежели очаг разврата. Еще одна светловолосая девушка, которая была поразительно похожа на первую, начищала полы до блеска. Она удивленно поздоровалась, когда Дафна провела мимо свою гостью.

Дафна остановилась и улыбнулась ей.

— Это мисс... Как тебя вообще зовут? — поинтересовалась она. — Мне придется заполнить формуляр, если я позволю тебе остаться на всю ночь! — Она подмигнула Флёр.

Флёр стала лихорадочно размышлять. Разумеется, было бы глупо называть свое настоящее имя.

— Флёретта, — ответила она наконец. — Флёр МакКензи.

— Ты, случайно, не состоишь в родстве с неким Джеймсом? — спросила Дафна. — У него тоже была такая собака.

Флёр снова покраснела.

— Э... да нет, я его не знаю... — пробормотала она.

— Бедный парень, они поймали его недавно. А этот Сайдблоссом с Лайонел-Стейшн хочет его повесить, — объяснила Дафна, но затем вспомнила о том, что не успела представить свою гостью. — Мэри, ты

слышала, это Флёр МакКензи. Она сняла у нас первый номер.

— На... всю ночь? — поинтересовалась Мэри.

Дафна вздохнула.

— Да, на всю ночь. Мы должны оказать ей такую честь. Что ж, вот это и есть первый номер. Проходи же, малышка!

Она открыла дверь, и Флёретта вошла в комнату, которая, к ее удивлению, была довольно уютно обставлена. Мебель из местных сортов древесины была грубо сколоченной, но практичной, а широкая кровать застелена белоснежными простынями. Вообще-то, как она отметила про себя, в заведении было очень чисто. Флёретта решила больше ни о чем не думать.

— Тут красиво! — сказала она и при этом ни капельки не соврала. — Спасибо, мисс Дафна! Или миссис?

Дафна покачала головой.

— Мисс. С моей профессией редко удастся выйти замуж. И это при том, малышка, что в остальном я ничего из жизни с мужчиной не пропустила. Ну, теперь я пойду, а ты пока переоденься. Мэри или Лори принесут тебе воды обмыться. — Она хотела было уже закрыть дверь, но Флёретта удержала ее.

— Да... нет... Сперва мне нужно позаботиться о своей лошади. Где, вы говорите, находится конюшня? И еще... Возможно, мне удастся у кого-нибудь узнать о... своем женихе?

— Конюшня находится за углом, — сообщила Дафна. — Ты можешь спросить о Рубене там, но я сомневаюсь, что старик Рон что-то знает. Он вообще редко обращает внимание на людей, только на их коней. Возможно, Итан, почтальон, что-то слышал. Он одновременно заведует и магазином, и телеграфом. К нему тоже легко найти дорогу, если свернуть наискосок. Но поторопись, Итан скоро закроет магазин. Он всегда первым появляется в пабе.

Флёретта еще раз поблагодарила Дафну и спустилась за ней по лестнице. Она и сама была заинтересована в том, чтобы побыстрее справиться со всеми делами. Когда в пабе начнут собираться посетители, ей лучше уже быть в своей комнате.

Действительно, найти магазин не составило никакого труда. Итан, тощий лысый мужчина средних лет, как раз намеревался закрыть помещение.

— Я знаком со всеми золотоискателями, — заявил он Флёретте. — Я собираю почту для них. И на письмах обычно стоит что-то вроде «Джон Смит, Квинстаун». Потом они забирают эти письма, причем два Джона

Смита недавно даже устроили драку...

— Моего друга зовут Рубен О'Киф, — радостно сообщила Флёретта, хотя и понимала, что, скорее всего, здесь многого не добьется. Если то, что говорил Итан, было правдой, ее письма должны были попасть именно сюда. И, по всей видимости, их никто не забрал.

Почтальон задумался.

— Нет, мисс, уж извините. Имя мне знакомо — этому Рубену постоянно приходят длинные письма. Я их все сложил вот здесь. Но самого парня...

— Возможно, он назвался другим именем! — К облегчению Флёретты, ей в голову внезапно пришла одна идея. — Как насчет Дэвенпорта? Рубен Дэвенпорт?

— Дэвенпортов у меня три, — спокойно ответил Итан. — Но ни одного из них не зовут Рубен.

Разочаровавшись, Флёр уже хотела было уйти, но решила попытаться в последний раз.

— Возможно, вы помните, как он выглядит. Высокий, стройный мужчина... ну, скорее, мальчик, ему восемнадцать лет. У него серые глаза, такого цвета, как небо перед дождем. И темные волосы, вьющиеся, с рыжеватым оттенком... Он никогда не причесывался особо. — Она улыбнулась, вспомнив любимого, но лицо почтальона заставило ее вернуться к реальности.

— Я его не знаю. Как насчет тебя, Рон? Есть идея, кто это может быть? — Итан обратился к полному низкорослому мужчине, который только что вошел в магазин и теперь ожидал своей очереди, оперевшись на прилавок.

Толстяк пожал плечами.

— А что у него за скотина?

Флёретта вспомнила, что Дафна называла хозяина конюшни Роном, и снова воспрянула духом.

— У него есть лошадь, мистер! Небольшая кобыла, очень компактная, как и моя... — Она указала через открытую дверь на Ниниану, все еще ожидавшую хозяйку возле отеля. — Только поменьше и с рыжеватым окрасом. Ее зовут Минетта.

Рон медленно закивал.

— Роскошная лошадь! — сказал он после паузы, при этом было непонятно, кого толстяк имел в виду, Ниниану или Минетту. Флёр еле могла устоять на месте от нетерпения.

— Похоже на малыша Руба Кейса. Он вместе со Стьюи Питерсом ищет золото на крохотном клочке земли в верховьях реки Шотовер. Стьюи я

знаю. Он...

— Парень, который вечно жалуется, что мои инструменты ни на что не годятся! Да, я припоминаю его. И другого тоже, хоть он особо и не разговаривает. Верно, у них есть похожая лошадь. — Он повернулся к Флёр: — Но сегодня вы не успеете к ним добраться, леди. Здесь два часа пути в горы.

— И вообще, обрадуется ли он твоему появлению? — прокаркал Рон. — Я ничего не хочу говорить, но если паренек даже имя сменил и переехал в самый глухой уголок Отаго, лишь бы от тебя сбежать...

Флёр покраснела, однако была слишком счастлива, чтобы злиться на старика.

— Он точно будет рад меня видеть, — заверила она мужчин. — А сегодня и правда уже слишком поздно. Я могу оставить свою лошадь у вас, мистер... мистер Рон?

Ночь, проведенная Флёр в номере «Отеля Дафны», была на удивление спокойной. Хоть до девушки и доносились звуки игры на фортепьяно — в пабе были танцы, а на втором этаже до полуночи не прекращали приходить и уходить клиенты, — Флёретта чувствовала себя в полной безопасности. Проснувшись рано утром, она ничуть не удивилась тому, что никто, кроме нее, еще не встал. Но, как оказалось, внизу ее уже ожидала светловолосая девушка.

— Я должна приготовить вам завтрак, мисс Флёр, — вежливо сказала она. — Дафна говорит, что вам предстоит долгий путь к верховьям реки Шотовер, чтобы встретиться со своим возлюбленным. Лори и мне это кажется весьма романтическим!

Затем появилась и Лори. Флёр поблагодарила девушек за кофе, хлеб и яйца, а также за проявленную ими заботу о Грейси, перед которой одна из них поставила тарелку с мясными остатками. Мэри, справившись со своими обязанностями, под села к ней поближе и сказала:

— Прелестная собачка, мисс. Я когда-то знала похожую. Но это было так давно... — На лице у Мэри появилось мечтательное выражение. Девушка выглядела совсем не так, как Флёр представляла проститутку.

— Раньше мы тоже думали, что найдем себе хорошего парня, — продолжала Мэри, глядя Грейси. — Но самое глупое заключается в том, что один мужчина не может взять в жены сразу двух девушек. А расставаться мы не хотим. Нам нужно найти близнецов.

Флёретта засмеялась.

— Я думала, девушки вашей профессии замуж не выходят, —

повторила она вчерашнее замечание Дафны.

Мэри посмотрела на нее своими круглыми голубыми глазами и очень серьезно произнесла:

— Но это не наша профессия. Мы — приличные девушки, спросите у любого. Ну да, мы немного танцуем. Но мы не занимаемся ничем развратным. То есть ничем по-настоящему развратным. Не с мужчинами.

Флёретта удивилась. Могло ли такое маленькое заведение позволить себе двух кухарок?

— Мы еще зарабатываем тем, что убираем у мистера Итана и в парикмахерском салоне у мистера Фокса. Но никогда не делаем ничего плохого, за этим следит Дафна. Если нас кто-то пытается обидеть, она ругается. Очень сильно ругается! — Лицо Мэри просветлело. Казалось, что девушка слегка отставала в развитии. Может быть, Дафна именно поэтому о них заботилась? Но сейчас Флёретте пора было уходить.

Когда Флёр хотела расплатиться за комнату, Мэри отмахнулась, заявив:

— Это вы улаживайте с Дафной, мисс, если вернетесь сюда. Конечно, вы можете приехать и сегодня вечером, я постелю вам. В случае если... ваш друг не...

Флёретта кивнула в знак благодарности и мысленно улыбнулась. Очевидно, она уже успела стать предметом городских сплетен. И жителям Квинстауна ее любовная история казалась не очень оптимистичной. Тем не менее Флёретта почувствовала себя невероятно счастливой, когда отправилась на юг вдоль озера, а затем проследовала вверх по течению широкой реки на запад. По пути ей не встречались большие лагеря золотоискателей, поскольку находились в основном на территории старых овцеводческих ферм, намного ближе к Квинстауна, чем участок Рубена. Мужчины построили там бараки, но, по мнению Мэри, речь шла больше о новом Содоме и Гоморре. Девушка очень красиво выразилась на этот счет; по всей вероятности, она была хорошо знакома с Библией. В любом случае Флёр была рада, что ей не пришлось искать Рубена в этой шайке суровых золотоискателей.

Она направила Ниниану вдоль берега реки и с удовольствием вдыхала чистый воздух. Поздним летом в Кентербери было относительно прохладно, но эта местность находилась выше, и деревья, которые встречались Флёретте по пути, уже выказывали признаки приближения осени. Через несколько недель должны были зацвести люпины.

Местность была практически безлюдной, и Флёр решила, что это довольно странно, ведь если здесь можно получить участок для поиска золота, то окружающие горы должны просто кишеть искателями наживы.

Итан, почтальон, сделал довольно точный набросок расположения отдельных участков и описал Флёр местонахождение Рубена и Стьюи, поэтому девушка надеялась, что найдет их без особого труда. Мужчины разбили стоянку на берегу реки, так что и Грейси, и Ниниана уже слышали звуки, свидетельствующие о присутствии людей. Ниниана наострила уши и оглушительно заржала, сразу же получив ответ. Грейси тоже пулей помчалась вперед, чтобы первой поприветствовать Рубена.

Флёр сначала увидела Минетту. Кобыла стояла чуть в стороне, привязанная возле мула, и радостно смотрела на бывшую хозяйку. Ближе к реке, у костра, девушка увидела что-то вроде примитивной палатки. «Слишком близко к воде», — подумала она. Если бы на Шотовер внезапно началось половодье, что часто случалось с реками, берущими начало в горах, их стоянку попросту снесло бы водой.

— Минни!

Флёретта позвала свою кобылу, и та ответила хозяйке низким радостным ржанием. Ниниана устремилась вперед. Флёр тут же спрыгнула с лошади, чтобы обнять Минетту. Но где же Рубен? Из освещенного солнцем леса, начинавшегося сразу же за стоянкой, доносились визг пилы и удары молотка, но затем все стихло. Флёретта улыбнулась. Должно быть, Грейси нашла Рубена.

И действительно, юноша тут же выбежал из леса. Флёретте происходящее показалось сном, превратившимся в реальность. Рубен был здесь, она нашла его! И, как ей показалось, он хорошо выглядел. Его худое лицо загорело, а глаза светились изнутри, как и каждый раз, когда он видел Флёретту. Но когда Рубен обнял ее, девушка почувствовала его ребра; он был ужасно худым. Его лицо выглядело усталым и изможденным, а огрубелые руки парня были все в ранах и ссадинах. Похоже, Рубен гак и не стал умелым работником.

— Флёр, Флёр! Как ты здесь оказалась? Как ты меня отыскала? Ты что, потеряла терпение и сбежала? Флёр, ты, как всегда, ужасна! — Он улыбнулся девушке.

— Я подумала, что пора брать в свои руки процесс обогащения! — сказала Флёр и вытащила мешочек своего отца из кармана дорожного платья. — Смотри, тебе больше не надо искать золото. Но я убежала не из-за этого. Я... я должна была...

Не обращая внимания на мешочек, Рубен взял ее за руку.

— Расскажешь мне все позже. А сейчас я покажу тебе нашу стоянку. Здесь просто замечательно, не то, что на этой старой овечьей ферме, где мы сперва поселились. Идем, Флёр...

Он потянул ее по направлению к лесу, но Флёр покачала головой.

— Сначала нужно привязать лошадь, Рубен! И как тебе только удалось не потерять Минетту за все это время?

Рубен ухмыльнулся.

— Она следила за мной, чтобы я не потерялся. Это ведь и было ее заданием, признайся, Флёр! Ты тогда сказала ей, чтобы она следила за мной! — Он погладил Грейси, которая прыгала вокруг, виляя хвостом.

Наконец Ниниана, Минетта, мул и сама девушка послушно последовали за Рубеном.

— Здесь мы спим... ничего особенного, но чисто. Ты даже не представляешь, какой бардак творился на той ферме... А вот и ручей. В нем есть золото! — Он показал на узкий приток Шотовер с довольно сильным течением.

— А как можно узнать, есть в нем золото или нет? — поинтересовалась Флёр.

— Это нужно просто знать! — поучал ее Рубен. — Нужно промывать песок. Я покажу тебе потом, как это делается. Мы все равно строим сейчас желобок. Вот... смотри, это Стьюи!

Партнер Рубена тоже покинул рабочее место и теперь направлялся навстречу влюбленным. Флёретта сразу же почувствовала симпатию к парню. Мускулистый светловолосый великан с широким дружелюбным лицом и веселыми голубыми глазами.

— Стюарт Питерс, к вашим услугам, мэм! — Он протянул ей огромную лапу, в которой нежная ладошка Флёр полностью исчезла. — Вы действительно так же красивы, как и говорил мне Рубен, если позволите высказать свое мнение!

— Да вы льстец, Стьюи!

Флёретта засмеялась и посмотрела на сооружение, над которым как раз работал Стюарт. Это был плоский деревянный желобок с деревянными ножками, куда постоянно стекала вода с маленького водопада.

— Это промывочный желобок! — гордо заявил Рубен. — Сюда кладут землю, а затем льют на нее воду. Песок при этом вымывается, а золото остается на подставке...

— На рифле, — поправил его Стюарт.

Флёретта была впечатлена.

— Вы разбираетесь в добыче золота, мистер Питерс? — спросила она.

— Стьюи. Называйте меня просто Стьюи. Ну да, но, вообще-то, я кузнец, — ответил он. — Однажды я уже помогал строить такую штуку. Все довольно просто. Хотя старые мастера хотят сделать из этого целую

науку. С учетом скорости течения воды в реке и так далее...

— Но это же бесполезно! — согласился с ним Рубен. — Если что-то тяжелее, чем песок, то оно рано или поздно попадет на лоток. Логично? И неважно, с какой скоростью течет вода. Золото останется здесь!

Флёретта так не считала. При таком течении, как в этом ручье, по крайней мере мелкие крупинки золота должны были вымываться вместе с песком. Но все зависело, конечно же, от того, какого размера самородки ожидали увидеть там парни. Возможно, в этом месте они могли позволить себе отсеивать только крупные самородки. Поэтому она просто кивнула и последовала за ними обратно на стоянку. Вскоре Стьюи и Рубен решили устроить перерыв. В примитивном котелке над костром Стьюи приготовил кофе. При этом Флёретта заметила, насколько скромно жили оба золотоискателя. У них были только одна кастрюля, две тарелки, свою чашку кофе ей тоже пришлось делить с Рубеном. Но после обнаружения золота все эти проблемы показались бы слишком мелкими.

— Ну, мы ведь только начали, — защищался Рубен, когда Флёр осторожно высказалась по этому поводу. — Мы только две недели назад пришли на этот участок и вот сейчас строим свой собственный желобок.

— Наши дела продвигались бы намного быстрее, если бы этот Итан, головорез из Квинстауна, не продавал нам всякую дрянь вместо нормальных инструментов! — ругался Стюарт. — Seriously, Флёр, за три дня нам пришлось поменять три ножовочных полотна. А позавчера сломалась лопата. Лопата! Инструменты должны служить человеку всю жизнь. А черенки на лопате мне приходится менять каждые два дня, так как они или ломаются, или не держатся. Не знаю, откуда уж Итан получает свой товар, но все инструменты дорогие, хотя и ужасно непрочные.

— Зато местность здесь красивая, правда? — спросил Рубен и мечтательно посмотрел по сторонам. Флёр вынуждена была согласиться с ним. Но это место показалось бы ей еще прекраснее, если бы она увидела хотя бы крупинку золота.

— Кто... эээ... посоветовал вам выбрать этот участок? — поинтересовалась она. — Я имею в виду, вы ведь пока что одни здесь. Это был тайный совет?

— Это было вдохновение! — гордо заявил Стюарт. — Мы увидели место и — бум! Решили, что это будет наш участок. Здесь мы сделаем настоящее состояние!

Флёретта наморщила лоб.

— То есть... до вас здесь никто еще не находил золота?

— Ну да, — сказал Рубен. — Но никто ведь и не пытался!

Оба парня посмотрели на Флёр, ожидая одобрения. Девушка неестественно засмеялась и решила взять дело в свои руки.

— Вы уже пробовали промывать песок? — спросила она. — Из ручья, я имею в виду. Рубен, ты же хотел показать, как это делается.

Рубен и Стюарт одновременно кивнули.

— Мы уже немного нашли там, — заверили они Флёретту и протянули ей лоток.

— Мы покажем тебе сейчас, как это делается, и ты сама попробуешь промывать песок, пока мы продолжим строить желобок! — сказал Рубен. — Ты точно станешь нашим талисманом!

Так как Флёретта не нуждалась в двух учителях сразу, а сам Стюарт понимал, что влюбленные должны побыть наедине, парень решил отправиться вверх по течению уже сейчас. В следующие несколько часов они не слышали от него ничего, кроме нескольких проклятий, которые раздавались каждый раз, когда ломался очередной инструмент.

Флёретта и Рубен использовали уединенность стоянки для того, чтобы по-настоящему поприветствовать друг друга. Они снова ощутили сладость поцелуев и естественное притяжение своих тел.

— Ты по-прежнему хочешь на мне жениться? — наконец-то спросила сонная Флёретта. — Я имею в виду... я не могу жить с тобой здесь, если мы не поженимся.

Рубен серьезно кивнул.

— Конечно, так не годится. Но вот золото... Флёр, я должен быть честным. Пока что я ничего не смог отложить. То, что я успел заработать на золотых полях в Квинстауне, пришлось потратить на оборудование. А то, что мы обнаружили здесь, тоже пошло на покупку новых инструментов. Стюарт прав, старик Итан продает нам всякий хлам. Пара пожилых золотоискателей пользуется лотками, лопатами и кирками, которые они привезли еще из Австралии. Что бы мы ни купили здесь, все это выдерживает лишь пару дней и стоит целое состояние!

Флёр засмеялась.

— Тогда мы отдадим их за что-то другое, — сказала она и во второй раз за день достала мешочек своего отца. На этот раз Рубен все увидел, и золотые доллары вызвали у него неподдельное восхищение.

— Флёр! Это же просто замечательно! Откуда у тебя столько? Не говори, что ты обокрала своего деда! Боже, сколько золота! На него мы можем построить лоток, домик, возможно, даже нанять пару помощников! Флёр, да с помощью этих денег мы достанем золото даже из-под земли!

Флёр предпочла не высказывать своего мнения по поводу его плана, а

вместо этого рассказала Рубену историю своего побега.

— Я не могу поверить! Джеймс МакКензи — твой отец!

Флёретта внезапно заподозрила, что, возможно, Рубен и раньше обо всем знал. В конце концов, у их матерей практически не было секретов друг от друга и все, что знала Хелен, рано или поздно выводывал и Рубен. Но юноша действительно не имел ни малейшего представления о настоящем отце Флёретты и предположил, что Хелен тоже не была посвящена в тайну ее рождения.

— Я всегда знал, что с Полом что-то не так, — сказал он внезапно. — Кажется, моя мать все это время что-то знала. Но я не смог выяснить, что именно.

Спустя какое-то время они начали работать у ручья, и Флёретта научилась обращаться с лотком для промывания золота. Раньше она думала, что золото действительно отсеивают, но этот процесс скорее включал вымывание тяжелого металла при помощи струи воды. Требовались определенные навыки для раскачивания лотка таким образом, чтобы мельчайшие частички земли вымывались и в конце оставалась лишь черная масса, так называемый черный песок, в котором и можно было найти золото. Рубену этот процесс давался с трудом, но Флёретта вскоре научилась управлять лотком. Как Рубен, так и Стюарт восхищались ее природным талантом, Флёр же не спешила радоваться. Как бы искусно она ни обращалась с лотком, слишком уж редко ей удавалось задержать крохотные частички золота на дне. Наступил вечер, позади были шесть часов интенсивной работы, а мужчины только сломали еще два полотна на пиле, так и не доделав желобок. Флёретта не расстроилась из-за их неудачи. Добыча золота при помощи желобка была еще более бесполезной, чем обычное промывание. Мельчайшие следы золота, которые ей удалось сегодня собрать, стали бы жертвой сильного течения в ручье, если бы мужчины вдруг решили воспользоваться желобком. И стоило ли это таких усилий? Стюарт оценил стоимость их добычи менее чем в один доллар.

Тем не менее мужчины продолжали мечтать о большом месторождении, пока жарили рыбу, которую Флёр выловила в ручье. Девушка горько подумала, что продажа рыбы принесла бы им большую прибыль.

— Завтра нам снова нужно съездить в Квинстаун и купить новые полотна для пилы, — вздохнул Стюарт, наконец поняв, что влюбленные опять хотели остаться наедине. Он заверил их, что под деревьями, рядом с лошадьми, спать было так же удобно, как и в палатке.

— Завтра же поженимся! — серьезно сказал Рубен и крепко обнял

Флёретту. — Как ты думаешь, ничего, если мы устроим себе брачную ночь уже сегодня?

Флёр покачала головой и прижалась к нему.

— Мы просто никому не расскажем!

Восход над горами был словно создан для свадьбы. Альпы переливались золотом и багрянцем в первых лучах солнца, воздух пах лесом и зеленью лугов, а журчание ручья, смешиваясь с шумом реки, походило на слова поздравления для молодоженов. Флёретта почувствовала себя очень счастливой, проснувшись в объятиях Рубена. Когда она высунула голову из палатки, Грейси радостно лизнула ей руку.

Флёр погладила собаку.

— Плохие новости для тебя, Грейс, я нашла кое-кого, кто целуется лучше, чем ты! — Она засмеялась. — А теперь иди, буди Стюарта, а я приготовлю завтрак. Нам сегодня многое предстоит сделать, Грейси! Не дай мужчинам проспать важный день!

Стюарт делал вид, будто не замечает, что Рубен и Флёретта не сводят друг с друга глаз, подготавливая лошадь для поездки в город. И он очень удивился, когда Флёр настояла на том, чтобы они взяли с собой чуть ли не половину своих принадлежностей.

— Мы же вернемся сюда самое позднее завтра! — сказал ей Стюарт. — Конечно, если мы позволим себе отдохнуть в городе, а также купим новые инструменты, то, возможно, нам понадобится немного больше времени, но...

Флёр покачала головой. Этой ночью она не только познала блаженство любви, но и хорошенько обдумала сложившуюся ситуацию. Она ни в коем случае не собиралась вкладывать деньги своего отца в безнадежное предприятие по поиску золота. И ей хотелось донести эту мысль до Рубена как можно более тактично.

— Послушайте, ребята, от добычи золота здесь все равно не будет никакого толку, — после паузы осторожно начала она. — Вы же сами говорили, что материальное положение неудовлетворительное. Вы и вправду верите, что что-то изменится, если мы сейчас потратим кучу денег?

Стюарт фыркнул:

— Точно уж нет. Старик Итан и впредь будет продавать нам всякий ненужный хлам.

Флёр кивнула.

— Тогда давайте поступать не во вред себе. Ты ведь кузнец. Ты можешь отличить хорошие орудия от плохих? Не тогда, когда уже

работаешь ими, а сразу же, при покупке?

Стюарт кивнул.

— В том-то и дело. Если бы у меня был выбор...

— Хорошо, — произнесла Флёр. — Значит, мы снимем или же купим в Квинстауне карету. Мы можем запрячь в нее кобов, уж они-то с такой задачей справятся! Потом мы поедем... какой ближайший крупный город? Данидин? Поедем в Данидин. И там купим инструменты и материалы, необходимые здешним золотоискателям.

Рубен удивленно кивнул.

— Очень хорошая идея. До города не так уж и далеко ехать. Вот только зачем нам покупать карету? Мы могли бы просто нагрузить мула.

Флёретта покачала головой.

— Мы купим самую большую повозку, какую только смогут тащить кобы, и нагрузим ее как можно большим количеством товара. Все это мы привезем обратно в Квинстаун и продадим золотоискателям. Если магазином Итана и его товаром и вправду все недовольны, то мы сможем заработать приличные деньги!

В этот же день после обеда квинстаунский судья обвинил Флёретту МакКензи и Рубена Кея, который вновь вспомнил о своей настоящей фамилии — О'Киф. На Флёретте было кремовое платье, которое даже не помялось за время поездки. Но Мэри и Лори все равно настояли на том, чтобы погладить его перед свадьбой. Близняшки украсили волосы невесты цветами, а Ниниане и Минетте на гриву прицепили венки. За отсутствием церкви или какого-либо другого места для собрания церемонию пришлось провести в пабе. Стюарт был свидетелем Рубена, а Дафна — Флёретты, Мэри и Лори же не переставали плакать от восторга.

Итан передал Рубену всю его почту за последний год в качестве свадебного подарка. Рон, надувшись от гордости, бегал вокруг, так как Флёретта всем рассказывала, что встретила со своим женихом лишь благодаря его исключительным познаниям о лошадях. Флёретта расщедрилась и пригласила весь город на празднование своей свадьбы — при этом она не только познакомилась со всеми жителями, но и узнала об их потребностях и желаниях. Кроме того, она выяснила, что на участке Рубена и Стюарта еще никто не находил золота; эту информацию подтвердил парикмахер, который жил в Квинстауне со времени его основания и приехал сюда, чтобы заниматься добычей золота.

— Но оно того не стоит, мисс Флёр, — объяснял он. — Слишком много людей, слишком мало золота. Конечно, кто-то, может, и найдет один

большой самородок. Но даже в этом случае заработаешь от силы двести-триста долларов, не более. Этого не хватит даже на ферму и пару голов скота, не говоря уже о том, что парни тогда сходят с ума и тратят все деньги на новые участки, новые желобки и новых помощников из маори. Затем деньги заканчиваются и все начинается заново. Но вот парикмахеры и цирюльники — в окрестностях Квинстауна обитает около тысячи мужчин, и всем им рано или поздно необходимо подстричься — зарабатывают неплохо. К тому же любой из золотоискателей может загнать кирку в ногу или заболеть, и тогда на помощь снова приходим мы...

Флёретта смотрела на происходящее почти так же. Золотоискатели, которых она встретила в «Отеле Дафны» и которым щедро подливала виски, готовы были поднять восстание против Итана, одно упоминание о котором доводило всех до белого каления. В конце концов Флёр убедилась в том, что собственный магазин по продаже инструментов не только принес бы ей пользу, но и помог бы сэкономить деньги золотоискателей, а возможно, даже спас некоторым из них жизнь. Если бы скоро не случилось какое-нибудь чудо, Итан покончил бы жизнь с веревкой на шее.

Пока Флёретта разведывала обстановку в Квинстауне, Рубен беседовал с мировым судьей. Мужчина не был юристом, зато работал гробовщиком и устраивал похороны.

— Кто-то должен выполнять мою работу, — сказал он, пожав плечами, когда Рубен спросил о причине выбора такой профессии. — Так что не в моих интересах пытаться уладить проблемы между парнями, иначе у меня не будет работы...

Флёр благосклонно наблюдала за разговором мужчин. Если бы Рубену удалось воплотить в жизнь свою мечту, став юристом, то даже после возвращения из Данидина он не поспешил бы обратно на свой участок, чтобы снова промывать песок в поисках крупниц золота.

Флёретта и Рубен провели свою вторую брачную ночь в роскошной двуспальной кровати первого номера в «Отеле Дафны».

— В будущем мы назовем эту комнату «номером для молодоженов», — сказала Дафна.

— В любом случае здесь нечасто кого-то лишают девственности, — захихикал Рон.

Стюарт, который уже успел хорошенько выпить, загадочно ухмыльнулся:

— И все же такое бывает.

Флёретта продолжила беседовать с более порядочными женщинами

Квинстауна: с женами мирового судьи и парикмахера. В конце концов у нее в руках оказался большой список необходимых покупок, которые она должна была привезти из Данидина.

На следующий день, ближе к обеду, друзья отправились в Данидин. Рубен приобрел у своего нового друга повозку.

— Будь осторожнее, малыш, а уж пару гробов я смогу отвезти на кладбище и на тележке!

Когда Флёр, Рубен и Стюарт вернулись в Квинстаун через две недели с нагруженной повозкой, у них все еще не было места, где можно было бы продавать свои товары. Касательно этого Флёретта не беспокоилась, она рассчитывала скорее на хорошую погоду. Правда, осень в Квинстауне была дождливой, а зимой выпадало большое количество снега. Но за последнее время в городе не было случаев смерти жителей или золотоискателей. Поэтому мировой судья решил продать свою мастерскую по изготовлению гробов. Он был единственным, кого не интересовали новые инструменты, зато он попросил Рубена объяснить ему кое-что из книг по праву, которые недешево обошлись друзьям.

Но продажа инструментов вскоре позволила вернуть деньги, да еще и получить прибыль. Золотоискатели штурмовали лавочку Рубена и Стюарта; уже на второй день после открытия они раскупили почти все товары. Дамам же потребовалось немного больше времени, чтобы сделать выбор, — жена мирового судьи сначала не хотела отдавать свой салон, чтобы сделать из него магазин для дам Квинстауна.

— Вы же можете использовать подсобное помещение мастерской, — сказала она, недоверчиво посмотрев на Дафну и ее девушек, которые сгорали от нетерпения, желая примерить платья и белье, которые Флёр купила в Данидине. — Там, где Фрэнк обычно ставил гробы.

Дафна пожала плечами.

— Если подсобка свободна, то я ничего не имею против. И даже если там стоит пара гробов, то готова поспорить, что ни у одного из золотоискателей не было еще такого шикарного прощания с миром.

Флёр легко уговорила Стюарта и Рубена на вторую поездку в Данидин, и уже после второго завоза товаров Стюарт по уши влюбился в дочь парикмахера и даже слышать не хотел о возвращении в горы. Рубен взял на себя бухгалтерию маленького предприятия и, к своему удивлению, осознал то, о чем Флёретта уже давно знала: каждая поездка в Данидин приносила больше прибыли, чем год работы золотоискателем. Не говоря уже о том, что он больше был расположен к тому, чтобы быть торговцем, нежели

лазать по горам. Когда последние мозоли и порезы на его ладонях зажили, Рубен, уже шесть недель не державший в руках ничего, кроме пера, окончательно привык к новому образу жизни.

— Нам нужно построить сарай... или что-то вроде склада. Тогда мы смогли бы увеличить ассортимент товаров.

Флёретта кивнула.

— Товары для дома. Женщинам срочно нужна красивая посуда и даже обычные кастрюли... И не отмахивайся, Рубен.

В будущем спрос на такие товары будет только расти, так как здесь появляется все больше женщин. Квинстаун становится настоящим городом!

Спустя шесть месяцев семья О'Кифов отпраздновала открытие склада «О'Кей» в Квинстауне, Отаго. Название пришло в голову Флёретте, и она очень гордилась этим. Помимо новых помещений для продажи в распоряжении хозяев оказались еще две повозки и шесть лошадей-тяжеловозов. Таким образом, Флёретта опять могла скакать верхом на своих кобах, ну а мертвецов снова отвозили на кладбище не на тачке, а на карете. Стюарт Питерс укрепил торговые связи с Данидином и заявил об уходе с должности главного закупщика. Он хотел жениться и устал от постоянных разъездов. Вместо этого на свою долю от прибыли он открыл кузницу в Квинстауне, которая тут же оказалась гораздо более прибыльной «золотой жилой», чем все рудники вокруг города. Флёретта и Рубен решили взять на должность закупщика пожилого золотоискателя Леонарда МакДанна, спокойного мужчину, который разбирался в лошадях и хорошо относился к людям. Единственной проблемой для Флёретты оставалась закупка товаров для женщин.

— Я же не могу рассчитывать на то, что он станет выбирать женское белье, — жаловалась она Дафне, с которой подружилась, вызвав недовольство пристойных дам Квинстауна. — Он краснеет даже тогда, когда я прошу его привезти каталог нижнего белья. Так что мне приходится ездить вместе с ним как минимум каждые две-три недели...

Дафна пожала плечами.

— Пошли моих близняшек. Они, конечно, не самые умные девочки — переговоры насчет цены и все такое на них оставлять нельзя, — но у них хороший вкус, уж этого я за несколько лет добилась. Они знают, как должны одеваться леди, и, конечно же, осведомлены насчет того, что требуется нам в отеле. Кроме того, у них появилась бы возможность заработать собственные деньги.

Вначале Флёретта была настроена скептически, но вскоре изменила свое мнение. Мэри и Лори привезли прекрасный набор из приличных платьев и вызывающего нижнего белья, которое, к удивлению Флёр, раскупали не только проститутки, но и пристойные дамы. Молодая жена Стюарта, краснея, приобрела черный корсет, а пара золотоискателей решила порадовать своих маорийских жен ярким бельем. Флёр не знала, стоит ли ей поощрять подобного рода покупки, но бизнес есть бизнес. К тому же теперь в распоряжении покупателей были примерочные с большими зеркалами вместо ужасных возвышений для гробов, которые стояли здесь прежде.

Работа в лавке позволяла Рубену довольно много времени проводить за изучением юридической литературы, что доставляло ему удовольствие, даже если он и похоронил свою мечту стать адвокатом. Он был в восторге, когда вскоре смог применить свои знания на практике: мировой судья все чаще спрашивал у него совета и в конце концов решил позвать его с собой на переговоры. Рубен вел себя вежливо и корректно, заслужив похвалу и клиентов, и самого судьи. Когда подошло время избрания нового судьи, старший друг удивил Рубена. Он отказался от участия в выборах и предложил проголосовать за кандидатуру молодого О'Кифа, которого хотел видеть своим преемником.

— Люди, послушайте! — объяснял старый гробовщик, обращаясь к жителям Квинстауна. — У меня постоянно возникает конфликт интересов. Если мне удастся избежать того, чтобы двое людей поубивали друг друга, то не возникает надобности в гробах. Таким образом, из-за занимаемой мною должности я вскоре погублю свое предприятие. С молодым О'Кифом же дела обстоят иначе: тому, кто не отправился на тот свет, так или иначе потребуются инструменты. Поэтому в интересах Рубена следить за порядком и соблюдением закона в Квинстауне. Выберите его и оставьте меня в покое!

Горожане последовали его совету, и большинством голосов Рубен был избран на должность нового мирового судьи.

Флёретта радовалась за своего мужа, хотя аргументация гробовщика и не была ей понятна.

— При желании нашими инструментами тоже можно поубивать друг друга, — шептала она Дафне. — И я надеюсь, что Рубен не будет лезть из кожи вон, чтобы попытаться сохранить жизнь каждого преступника.

Единственной ложкой дегтя в бочке меда для Флёретты и Рубена оставалось отсутствие контакта с их семьями. Они оба с удовольствием

написали бы своим матерям о случившемся, но не решались этого сделать.

— Я не хочу, чтобы мой отец узнал, где я нахожусь, — заявил Рубен, когда Флёретта собралась написать письмо Гвинейре. — Для тебя тоже будет лучше, если твой дед не будет знать о твоём местонахождении. Кто знает, что этим двоим взбредет в голову, если они узнают правду. Ты была ещё несовершеннолетней, когда мы поженились. Они могли бы доставить нам много неприятностей. Кроме того, я боюсь, как бы мой отец не выместил свою злобу на маме. Такое бывало уже не раз. Я не хочу даже думать о том, что произошло после моего отъезда.

— Но мы же должны как-то сообщить им о себе? — возразила Флёретта. — Знаешь что, я напишу Дороти. Дороти Кендлер. Она сможет рассказать все моей матери.

Рубен схватился за голову.

— Ты с ума сошла? Если ты напишешь Дороти, то об этом узнает и миссис Кендлер. В таком случае легче было бы приехать в Холдон и на всю рыночную площадь крикнуть: «Мы поженились!» Если уж тебе не терпится, то напиши Элизабет Гринвуд. Ей я больше доверяю.

— Но дядя Джордж и Элизабет ещё в Англии, — напомнила Флёретта.

Рубен пожал плечами.

— Ну и что? Возможно, они уже вернулись. Как бы там ни было, нашим матерям не терпится узнать, что же произошло. И кто знает, может, мисс Гвин знает что-нибудь о судьбе Джеймса МакКензи. Я слышал, он сидит в тюрьме где-то в Кентербери. Вполне вероятно, что она поддерживает с ним связь.

Процесс по делу Джеймса МакКензи проходил в Литтелтоне. Сначала никто не мог решить, где же будут судить знаменитого вора скота, так как Джон Сайдблоссом постоянно говорил, что лучше всего отвезти его в Данидин. Там, как он утверждал, было больше возможностей разыскать помощников Джеймса и таким образом разорвать преступное кольцо.

Однако лорд Баррингтон энергично выступал против такого предложения. По его мнению, Сайдблоссом хотел отвезти свою жертву в Данидин лишь по той причине, что лучше знал здешних судей и почти не сомневался, что в Данидине Джеймса повесят.

Сайдблоссом с большим удовольствием линчевал бы МакКензи прямо на месте сразу после поимки. Этот триумф Джон приписывал себе; в конце концов, ведь это он взял в плен вора. По мнению же остальных мужчин, устраивать побоище в долине реки было неблагоприятно. Напротив, когда Сайдблоссом повалил Джеймса на землю и начал колотить его, «охотники» бросились разнимать мужчин, дав возможность спутнику МакКензи — некоторые полагали, что это была девушка, — уйти безнаказанно.

Другие «овечьи бароны» не одобрили решения Сайдблоссом, когда тот заставил МакКензи бежать за своей лошадью как раба, хотя мул Джеймса был свободен. В результате такие мужчины, как Баррингтон и Бизли, взяли на себя ответственность за МакКензи и ругали Сайдблоссом за недостойное поведение. Поскольку МакКензи совершил большую часть своих преступлений в окрестностях Кентербери, то было решено, что он должен ответить за свои поступки именно там. Несмотря на возражения Сайдблоссом, уже на следующий день мужчины под руководством Баррингтона освободили вора скота, взяв с него слово не убегать, и привели его в Литтелтон, где он оставался за решеткой, дожидаясь суда. Сайдблоссом настоял на том, чтобы забрать себе собаку, что, казалось, причиняло МакКензи больше страданий, чем избиение и веревки на руках и ногах, которые Сайдблоссом не снимал даже ночью. Джеймс просил мужчин охрипшим голосом, чтобы они позволили собаке быть с ним.

Но Сайдблоссом был непоколебим.

— Теперь животное будет работать на меня, — заявил он. — Надо же кому-то контролировать собаку. А такая первоклассная овчарка дорого стоит. Я заберу ее себе в качестве небольшого возмещения за все убытки, которые принес мне этот вор.

Когда ее хозяина выводили со двора, Пятница душераздирающе скулила.

— Радости этот поступок Джону не принесет, — сказал Джеральд. — Эти собаки обычно привыкают к одному хозяину.

Во время споров о судьбе МакКензи Джеральд попал в очень неловкое положение. С одной стороны, Сайдблоссом был одним из его старейших друзей, с другой — Уорден должен был поддерживать кентерберийских овцеводов. Как и почти все присутствующие, он, несмотря ни на что, чувствовал уважение по отношению к гениальному вору. Конечно же, Джеральд был разъярен из-за убытков, но, будучи по натуре игроком, он мог понять, почему иногда человек выбирает не самый благородный образ жизни и рискует всем. И если кому-то удавалось не попадаться в руки закона больше десяти лет, это вызывало у Джеральда невольное уважение.

После утраты Пятницы МакКензи погрузился в угрюмое молчание и не обмолвился ни словом до тех пор, пока за ним не закрылись двери литтелтонской тюрьмы.

Жители окрестностей Кентербери были разочарованы; они с удовольствием послушали бы самого вора, как ему удавалось мастерски проворачивать кражу скота, как звали его укрывателей и кто был таинственным сбежавшим спутником МакКензи. В любом случае им недолго оставалось ждать суда. Процесс под председательством почтенного судьи Стивена должен был начаться уже в следующем месяце.

На тот момент в Литтелтоне уже был собственный зал для судебных заседаний — людям больше не приходилось вести дела под открытым небом или же в пабе, как в первые годы после основания поселения. Но во время процесса над Джеймсом МакКензи выяснилось, что помещение было слишком маленьким, чтобы вместить всех жителей Кентербери, желавших хоть одним глазком взглянуть на знаменитого вора. Даже пострадавшим «овечьим баронам» и членам их семей приходилось приезжать пораньше, чтобы занять хорошие места. Поэтому уже за день до заседания Гвинейра, Джеральд и возбужденный Пол сняли номер в отеле «Уайт Харт» в Крайстчерче, чтобы иметь возможность быстро добраться до Литтелтона через перевал Брайдл.

— Ты имеешь в виду, что мы поскачем туда? — спросила удивленная Гвинейра, когда Джеральд рассказал ей о своих планах. — В конце концов, это же Брайдл!

Джеральд довольно усмехнулся.

— Вот увидишь, насколько изменился этот участок дороги, — сказал

он. — Там построили хорошую дорогу, и теперь ездить на карете не составляет никаких трудностей. Так что можешь поприличнее одеться, ты вряд ли выпачкаешься.

В день судебного заседания сам Джеральд надел один из лучших костюмов. Пол, впервые в жизни облачившийся в костюмчик-тройку, выглядел очень повзрослевшим.

Гвинейра, напротив, мучилась вопросом, что же действительно было приличным для суда? Если честно, то уже много лет подобные мысли не посещали ее. И хотя она уговаривала себя, что никто не обратит внимания на то, во что будет одета присутствующая на судебном заседании дама средних лет, сердце Гвинейры начинало бешено колотиться, как только она вспоминала о том, что вскоре увидит Джеймса МакКензи. Но что он почувствует, увидев ее? Увлажнятся ли снова его глаза, как когда-то, когда она еще не ценила его любовь? Или он скорее испытает сожаление, обнаружив, что она постарела и на ее лице появились первые морщинки? Может, он заметит следы переживаний, изменившие ее внешность. А может, вообще ничего не почувствует и будет смотреть на нее совершенно равнодушно. Гвинейра допускала, что она могла стать для него всего лишь далеким бледным воспоминанием, любовью, угасшей за десять лет. Что, если таинственный спутник Джеймса действительно был женщиной? Возможно, даже его женой...

Гвинейра ругала себя за подобного рода мысли, которые иногда возвращали ее к девичьим мечтам о совместной жизни с Джеймсом. Мог ли он забыть дни, проведенные с ней на берегу озера? Волшебные часы у каменного круга? Наверное, он никогда не простит ее, ведь они, даже расставаясь, умудрились поссориться. Он никогда не простит ей рождения Пола, мальчика, чье появление на свет приносило одни разрушения...

В конце концов Гвинейра выбрала скромное темно-синее платье с накидкой, которое застегивалось спереди, при этом каждая пуговичка представляла собой маленький шедевр из панциря черепахи. Кири подняла ей волосы, сделав строгую прическу. В довершение Гвинейра надела кокетливую шляпку синего цвета. Ей казалось, что она уже несколько часов сидит перед зеркалом, стараясь привести непослушные пряди в идеальный порядок, то и дело поправляя шляпку и рукава платья так, чтобы все пуговички было видно. От смешанного чувства страха, радости и ожидания скорой встречи с любимым Гвин была белой как мел. Если все пойдет и дальше так, то ей придется смазать щеки кровью, чтобы не выглядеть настолько бледной в зале суда. Но затем она решила, что быть бледной — это лучше, чем покраснеть под взглядом Джеймса. Гвинейру знобило, но

она убеждала себя, что это из-за прохлады осеннего дня. Ее руки заметно дрожали, и она с силой вцепилась в занавески кареты.

— Что случилось, мама? — спросил заметивший ее состояние Пол, и Гвин вздрогнула. Пол отлично чувствовал человеческие слабости. Он ни в коем случае не должен был узнать, что между ней и Джеймсом МакКензи что-то было.

— Ты нервничаешь из-за мистера МакКензи? — продолжал он донимать Гвинейру. — Дедушка говорил, что ты была с ним хорошо знакома. Он был управляющим в Киворд-Стейшн. Мама, правда странно, что он внезапно сбежал и начал красть овец?

— Да, очень странно, — процедила сквозь зубы Гвинейра. — Мне... нам не надо было ему доверять.

— А теперь его, скорее всего, повесят, — с удовлетворением произнес Пол. — Дедушка, мы же сможем посмотреть, как его будут вешать?

Джеральд фыркнул.

— Этого негодяя никто не повесит, ему повезло с судьей. Стивен не овцевод, поэтому он не понимает, что МакКензи чуть не разорил многих жителей Кентербери...

Гвинейра еле смогла сдержать смех. Насколько ей было известно, украденный МакКензи скот был для большинства «пострадавших» не более чем укусом комара.

— Но уж пару лет за решеткой он получит. И кто знает, возможно, Джеймс расскажет нам сегодня о своих помощниках. Не мог же он все это провернуть в одиночку... — Джеральд не верил в историю о женщине-спутнице МакКензи. Ему казалось, что речь скорее могла идти о молодом сообщнике, да и то старик Уорден не был уверен даже в этом.

— Хотя вариант с сообщником выглядит интереснее. В этом случае у нас было бы больше шансов, ведь тогда МакКензи предстал бы перед судом в Данидине. Насчет этого Сайдблоссом прав. А вот и он! Смотрите-ка! Я знал, что он обязательно придет на заседание суда.

Джон Сайдблоссом проскакал на своем черном жеребце мимо кареты Уорденов и вежливо поздоровался с ними. Гвинейра вздохнула. От свидания с «овечьим бароном» из Отаго она с удовольствием отказалась бы!

Впрочем, Сайдблоссом не держал зла на Джеральда за то, что тот во время поимки МакКензи не принял его сторону, и даже зарезервировал места в зале для семьи Уорденов. Он сердечно поприветствовал Джеральда, слегка снисходительно поздоровался с Полом, а на Гвинейру лишь бросил ледяной взгляд.

— Ваша прелестная дочь вернулась домой? — спросил он насмешливо, когда она усаживалась в зале — как можно дальше от Сайдблоссома.

Гвинейра промолчала. Но Пол поспешил заверить своего кумира, что никто ничего не слышал о Флёретте.

— В Холдоне поговаривают, что она, должно быть, оказалась в каком-нибудь очаге разврата! — объявил Пол, после чего Джеральд строго одернул мальчишку.

Гвинейра никак не отреагировала. В последние недели она все меньше и меньше внимания обращала на выходки Пола. Мальчик давно вышел из-под ее влияния — если он вообще когда-то слушался ее. Теперь Пол ориентировался только на Джеральда; в школу к Хелен он тоже практически перестал ездить. Джеральд постоянно говорил о том, что нужно нанять домашнего учителя, но Пол считал, что для фермера и скотовода он выучился достаточно. Во время работы на ферме он как губка впитывал знания пастухов и стригалей. Несомненно, Пол был наследником, которого так хотел Джеральд, но при этом не стал подходящим партнером, на которого мог бы рассчитывать Джордж Гринвуд. Молодой маори Рети, управляющий делами Джорджа, пока тот находился в Англии, жаловался Гвинейре на ее свекра. По его мнению, Джеральд воспитывал второго невежду, такого же, как Говард О'Киф, но в любом случае у Пола было меньше опыта и власти, чем у его деда.

— Мальчику ничего нельзя сказать, — продолжал Рети. — Работники на ферме его не любят, а маори в открытую ненавидят. Но мистер Джеральд не обращает на это никакого внимания. Контроль над стрижкой овец! В двенадцать лет!

Гвинейра слышала то же самое от стригалей, которых возмущало несправедливое обращение. В стремлении показать свою важность и выиграть традиционную борьбу между сараями для стрижки Пол насчитывал большее количество постриженных овец, чем это было в действительности. Вначале стригали не обращали на его «просчеты» внимания и даже радовались, так как им платили за количество постриженных животных. Но когда выяснялось, что количество шерсти не соответствует записям Пола, Джеральд приходил в ярость и вымещал злобу на работниках. Другие же стригали жаловались на то, что соревнование подвергалось открытому манипулированию, из-за чего премии распределялись несправедливо. Все это превращалось в ужасную неразбериху, и в конце концов Гвин пришлось заплатить работникам намного большую зарплату, чтобы в следующем году хотя бы кто-то

согласился вернуться к стрижке овец.

Гвинейра была сыта по горло выходками Пола. Больше всего ей хотелось отправить его на пару лет в Англию или хотя бы отослать в интернат в Данидине. Но Джеральд ничего не хотел об этом слышать, и поэтому Гвинейра поступала так, как привыкла поступать еще с момента рождения сына: она просто игнорировала его.

Теперь, оказавшись в зале суда, Пол, слава богу, вел себя тихо. Он подслушивал беседу между Джеральдом и Сайдблоссомом, а также ловил холодные замечания других «овечьих баронов» из Отаго. Зал быстро наполнился людьми, и Гвин жестом позвала к себе Рети, который одним из последних втиснулся в помещение. По пути у него возникло несколько преград — некоторые *rakehane* хотели уступать место маори, — но упоминание имени Гринвуд, как всегда, срабатывало для Рети положительно.

Наконец часы пробили десять раз, и с точностью до минуты почтенный судья сэр Джастин Стивен вошел в зал и объявил заседание открытым. Большинство присутствующих заинтересовались происходящим только после того, когда в помещение завели обвиняемого. Появление Джеймса МакКензи вызвало настоящую бурю проклятий и радостных возгласов. Сам же Джеймс ни на что не реагировал, держал голову опущенной и, казалось, оживился лишь тогда, когда заметил, что судья разрешил присутствовать в зале простым людям.

Гвинейра следила за Джеймсом, поглядывая на него из-за спины крупного фермера, который уселся перед ней. К сожалению, в отличие от Джеральда и Пола, она оказалась не на самом удачном месте, поскольку ей пришлось сесть как можно дальше от Сайдблоссом. Джеймс МакКензи увидел ее, когда уселся рядом со своим унылым государственным защитником.

Гвинейра уже много дней задавалась вопросом, что она почувствует при этой встрече с Джеймсом? Сможет ли она вообще узнать его и увидеть в МакКензи то, что... Да, а что именно?.. Впечатлила бы ее эта встреча? Поразила? Что бы там ни было, прошло двенадцать лет. Возможно, ее волнение было излишним. Возможно, он окажется для нее совершенно чужим человеком, которого она даже не сможет узнать, встретив на улице.

Но уже первый взгляд на высокого мужчину на скамье подсудимых принес ей облегчение. Джеймс МакКензи едва ли изменился за прошедшие годы. По крайней мере Гвинейре он показался тем же Джеймсом. После рисунков, увиденных в газете, в которой сообщалось о его поимке, Гвин рассчитывала увидеть бородатого дикаря, но МакКензи был гладко выбрит

и прилично одет. Как и прежде, он был высоким и стройным, а игра мускулов под слегка изношенной белой рубашкой выдавала его настоящую силу. Лицо Джеймса загорело, кроме тех мест, которые раньше были прикрыты бородой. Его губы были плотно сжаты — Гвинейра решила, что он переживает, ожидая результатов судебного процесса. Она и раньше довольно часто видела то же самое выражение лица, такой же взгляд... Ничего, абсолютно ничего не поменялось в его смелом взгляде. Конечно, Джеймс смотрел теперь не с легкой насмешкой, а с напряжением и, может быть, страхом, но морщинки в уголках его глаз по-прежнему свидетельствовали о том, что он любил посмеяться. В целом МакКензи производил впечатление более серьезного и зрелого мужчины. Гвинейра узнала его с первого взгляда. О да, конечно, она узнала бы его среди всех мужчин Южного острова, если не всего мира.

— Джеймс МакКензи!

— Ваша честь?

Гвинейра узнала также его голос. Этот теплый голос, который мог звучать очень нежно, но и уверенно, даже сурово, когда Джеймс отдавал приказы своим работникам или овчаркам.

— Мистер МакКензи, вы обвиняетесь в том, что в окрестностях Кентербери, а также вокруг Отаго многократно крали скот в больших количествах. Вы признаете себя виновным?

МакКензи пожал плечами.

— В окрестностях много чего крадут. Я не знаю, что касается меня...

Судья вздохнул.

— Почтенные джентльмены говорят, что вас встретили в верховьях озера Варнака с отарой краденых овец. Вы признаетесь хотя бы в этом?

Джеймс МакКензи снова повел плечом.

— На свете много МакКензи. На свете много овец!

Гвинейра чуть не засмеялась, но затем подумала, что своим поведением Джеймс мог довести почтенного судью Стивена до белого каления. При этом врать было совершенно бессмысленно. На лице МакКензи все еще имелись следы недавней драки с Сайдблоссомом. Впрочем, Джон, в свою очередь, тоже не остался без синяков. Гвин ощутила своеобразное удовлетворение от осознания того факта, что Сайдблоссому досталось намного больше.

— Может ли кто-нибудь в зале свидетельствовать, что в данном случае речь идет о воре скота МакКензи, а не о ком-то еще с той же фамилией? — спросил судья, снова вздохнув.

Сайдблоссом встал.

— Я могу доказать это. К тому же у нас в распоряжении имеется еще кое-что, что поможет опровергнуть любые сомнения. — Он повернулся ко входу в зал суда, где стоял его помощник. — Выпустите собаку!

— Пятница!

Маленькая черная тень со скоростью ветра пролетела через все помещение прямо к Джеймсу МакКензи. Казалось, он тут же забыл, какую роль собирался играть перед собравшимися. Он наклонился, схватил собаку и погладил ее.

— Пятница!

Судья закатил глаза.

— Можно было бы обойтись и без драматизма, но и так сойдет. Запишите в протокол, что подсудимый конфронтровал с собакой, которая следила за передвижением украденной отары, и признал животное своим. Мистер МакКензи, надеюсь, вы не станете сейчас рассказывать, что у животного есть двойник?

Джеймс улыбнулся, и глаза его засветились от счастья.

— Нет, — ответил он. — Эта собака единственная в своем роде! — Он погладил Пятницу, и та лизнула руку Джеймса. — Ваша честь, мы... мы могли бы сократить это слушание до минимума. Я все расскажу и во всем признаюсь, если вы разрешите мне оставить Пятницу у себя. Даже в тюрьме. Посмотрите на животное, собачка, очевидно, даже не ела с тех пор, как ее отняли у меня. Она ему... мистеру Сайдблоссому ни к чему, Пятница никому, кроме меня, не подчиняется...

— Мистер МакКензи, мы не слушаем дело вашей собаки! — строго заметил судья. — Но вам бы стоило признаться. Кража скота в Лайонел-Стейшн, Киворд-Стейшн, ферме Бизли, Баррингтон-Стейшн... все это ваших рук дело?

МакКензи отреагировал уже известным пожатием плеч.

— Происходит много краж. Я же говорил. Может, я когда и украл одну или две овцы... такой собаке нужна тренировка. — Он указал на Пятницу, и в зале разразился дикий смех. — Но тысяча овец...

Судья снова вздохнул.

— Ладно. Раз вы не хотите по-другому, значит, мы вызовем свидетеля. Первым в списке числится Рендоф Нильсон, управляющий на ферме Бизли...

Появление Нильсона было лишь началом, после него выступила целая группа работников и овцеводов, которые утверждали, что на вышеупомянутых фермах были украдены сотни овец. Многих животных позже снова обнаружили в отаре МакКензи. Все это было изнурительно, и

Джеймс мог бы сократить время пребывания в зале, но он теперь вел себя упрямо и врал по поводу каждого животного, которое когда-либо украл.

Пока свидетели называли количество и даты, Джеймс, поглаживая мягкую спину Пятницы, смотрел в зал. В преддверии процесса существовали вещи, которые интересовали МакКензи больше, чем страх перед повешением. Суд проходил в Литтелтоне, Кентербери, что относительно недалеко от Киворд-Стейшн. Он все время думал о том, придет ли Гвинейра? В течение нескольких ночей перед слушанием Джеймс вспоминал каждое мгновение, проведенное с ней, каждую деталь ее внешности. От момента их первой встречи в конюшне и вплоть до расставания, когда она подарила ему Пятницу. Придет ли она после того, как предала его? С тех пор не прошло и дня, когда Джеймс не задумывался бы о происшедшем. Что же все-таки тогда случилось? Кого она ему предпочла? И почему она казалась такой отчаянной и печальной, когда он не дал ей объясниться? Вообще-то, она должна была быть довольной. Но, очевидно, с другим избранником произошла та же история, что и с Джеймсом...

Джеймс увидел Реджинальда Бизли в первом ряду, рядом с Баррингтонами — МакКензи подозревал и молодого лорда, — но на его осторожные вопросы Флёретта ответила, что лорд Баррингтон едва ли поддерживает связь с Уорденами. Разве не стал бы он интересоваться Гвинейрой и будущим своего сына? Но он относился с одинаковой заботой ко всем детям, сидевшим между ним и его незаметной женой. Джорджа Гринвуда в зале не было. Однако, судя по словам Флёр, его тоже нельзя было считать отцом Пола. Хоть он и поддерживал постоянную связь со всеми фермерами, но помогал скорее сыну Хелен О'Киф, Рубену.

А вот и она. В третьем ряду, наполовину прикрытая парой местных скотоводов, которые, возможно, тоже были свидетелями по делу МакКензи. Она пыталась следить за ним, но из-за фермеров, сидящих впереди, ей все время приходилось принимать неудобные позы, чтобы не потерять Джеймса из виду. Гвинейра, как и прежде, была стройной и подвижной, поэтому ей это удавалось без труда. О, как же она была прекрасна! Настолько же прекрасна, свежа и внимательна, как и прежде. Ее локоны снова выбились из строгой прически, лицо было бледным, а губы слегка приоткрылись. Джеймс не пытался поймать ее взгляд, это было бы слишком мучительно. Возможно, он попробовал бы перегляднуться с ней попозже, когда его сердце перестало бы так бешено колотиться и когда он больше не боялся бы, что в его глазах любой сможет прочесть его чувства... Прежде всего он заставил себя оторвать взгляд от Гвинейры и

снова посмотреть на других «зрителей». Возле Гвинейры МакКензи ожидал увидеть Джеральда, но вместо старика увидел мальчика лет двенадцати. Джеймс затаил дыхание. Конечно же, это наверняка ее сын, Пол. Мальчик наконец-то достиг того возраста, когда мог сопровождать мать и деда на заседание суда. Возможно, в его чертах МакКензи смог бы разглядеть что-то знакомое, что помогло бы ему узнать имя настоящего отца ребенка... На Флёретту Пол совсем не походил, а вот... Да, этот мальчишка...

МакКензи оцепенел, когда внимательнее рассмотрел лицо мальчика. Этого не могло быть! Но все сходилось... Мужчина, с которым Пол был похож как две капли воды, сидел рядом с ним: Джеральд Уорден.

У обоих были близко сидящие карие глаза, угловатый подбородок, большой нос... То же решительное выражение присутствовало как на старом, так и на юном лице. В данном случае никто бы не усомнился в том, что ребенок был Уорденом. Джеймс лихорадочно думал. Если бы Пол был сыном Лукаса, то почему его отец сбежал на западное побережье? Или...

От осознания правды у Джеймса перехватило дыхание, как будто его ударили под дых. Сын Джеральда! Иначе и быть не могло, Пол абсолютно не был похож на супруга Гвинейры. И это, скорее всего, и послужило настоящей причиной побега Лукаса. Он застал свою жену не с кем-нибудь, а с собственным отцом... но это невозможно! Флёретта никогда не далась бы Джеральду по своей воле! А даже если бы это и произошло, то она постаралась бы сохранить такую связь в строжайшей тайне. Лукас никогда ни о чем не узнал бы. Так что... оставался лишь один вариант — Джеральд изнасиловал Гвинейру.

Джеймс тут же ощутил приступ сожаления и гнева на самого себя. Теперь ему наконец-то стало понятно, почему Гвинейра ни о чем не сказала, почему она едва не сгорала от стыда, пытаясь уговорить его не бросать ее. Она просто не могла признаться, иначе все стало бы еще хуже. Он убил бы старика.

Вместо этого он, Джеймс, попросту бросил Гвинейру, оставив ее одну с Джеральдом и вынудив растить в одиночку этого несчастного ребенка, по отношению к которому Флёретта чувствовала лишь отвращение. Джеймс испытал сильнейшее отчаяние. Гвинейра никогда не простит ему этого! Он должен был обо всем догадаться или, по крайней мере, принять ее отказ что-либо рассказывать без лишних вопросов. Он должен был доверять ей. Но так...

Джеймс еще раз украдкой взглянул на ее осунувшееся лицо — и испугался, когда она подняла голову и тоже посмотрела на него. И тогда все вокруг словно исчезло... Зал суда растворился перед его глазами и глазами

Гвинейры, а Пола Уордена как будто никогда и не существовало. Внутри магического круга стояли лишь Гвинейра и Джеймс. Он видел перед собой юную девочку, которая так бесстрашно отправилась в новую страну, но при этом была совершенно беспомощной, когда нужно было отыскать тимьян на ужин. Он отчетливо вспомнил, как она улыбнулась ему, когда Джеймс подарил ей букет цветов. А затем этот странный вопрос Гвинейры о том, согласился ли бы он стать отцом ее ребенка... совместные дни у озера и высоко в горах. Невероятное чувство, когда он впервые держал Флёретту в своих руках.

В это мгновение между Джеймсом и Гвинейрой снова установилась невидимая связь, которую влюбленные больше никогда и никому не позволили бы разорвать.

— Гвин...

Губы Джеймса беззвучно произнесли ее имя, и Гвинейра улыбнулась, как будто все поняв. Нет, она не держала на него зла. Она все простила — и освободилась от оков прошлого. Теперь она наконец-то была свободна для него. Если бы только у него появилась возможность поговорить с ней! Им нужно было попробовать еще раз, они принадлежали друг другу. Если бы этот чертов процесс никогда не состоялся! Если бы он был свободен! Хоть бы его, ради всего святого, не повесили...

— Ваша честь, я думаю, мы можем закончить быстрее!

Джеймс МакКензи решил все рассказать как раз в тот момент, когда судья собрался вызвать очередного свидетеля. Судья Стивен с надеждой посмотрел на подсудимого.

— Вы хотите признаться?

МакКензи кивнул. После этого он в течение часа спокойно рассказывал о своих кражах и о том, как отгонял овец в Данидин.

— Но вы должны понять, что я не могу назвать имени торговца, который покупал у меня животных. Он не спрашивал, как меня зовут, а я не спрашивал его.

— Но вы же должны его знать? — нерешительно спросил судья.

МакКензи снова пожал плечами.

— Я знаю одно имя, но зовут ли его так в действительности?.. Кроме того, я не предатель, Ваша честь. Он меня не обманывал, всегда прилично платил — не требуйте от меня того, чтобы я нарушил свое слово.

— А твой сообщник? — загремел чей-то голос из зала. — Кто был тот парниша, который выскользнул у нас из-под носа?

МакКензи старательно изобразил на лице смущение.

— Какой сообщник? Я всегда работал в одиночку, Ваша честь, только с

собакой. Я клянусь вам, да поможет мне Бог.

— А кто же был тот мужчина, который оказался рядом с вами на момент поимки? — осведомился судья. — Некоторые даже предполагают, что это была женщина...

МакКензи кивнул, опустив голову.

— Правильно, Ваша честь.

Гвинейра вздрогнула. Значит, все-таки у него была женщина! Джеймс, вероятно, женился или, по крайней мере, сожительствовал с кем-то. При этом... он так на нее смотрел, что она никогда не подумала бы...

— Что означает «правильно»? — раздраженно спросил сэр Джастин. — Мужчина, женщина, призрак?

— Женщина, Ваша честь. — МакКензи все еще сидел с опущенной головой. — Девушка маори, с которой я жил.

— И ей ты отдал свою лошадь, в то время как сам сидел на муле, после чего она ускакала со скоростью ветра? — выкрикнул кто-то из зала. — Можешь рассказать это своей бабушке!

Судья Стивен призвал присутствующих к тишине.

— Должен признаться, — добавил он затем, — что эта история и мне кажется слегка неправдоподобной.

— Девушка была мне дорога, — спокойно произнес МакКензи. — Самое... самое ценное, что у меня когда-либо было. Я с радостью отдал ей свою лучшую лошадь, я отдал бы ей все. Я пожертвовал бы своей жизнью ради нее. И с чего это вы взяли, что девушка не может быстро скакать?

Гвинейра прикусила губу. Значит, Джеймс действительно нашел новую любовь. И если бы он пережил процесс и тюремное заключение, то вернулся бы к ней...

— Ага, — сухо произнес судья. — Девушка маори. Есть ли у этого прекрасного дитяти имя и какому племени она принадлежит?

МакКензи ненадолго задумался.

— Она не принадлежит ни к какому племени. Она... слишком долго объяснять, но она произошла из союза между мужчиной и женщиной, которые не были связаны узами брака. Тем не менее этот союз был благословенным. Он возник, чтобы... чтобы... — Джеймс пытался поймать взгляд Гвинейры. — Чтобы осушить слезы бога.

Судья наморщил лоб.

— Вообще-то, я не рассчитывал на посвящение в брачный церемониал язычников, в конце концов, в зале есть дети! Значит, девушка была изгнана из своего племени и не имела имени...

— Имя у нее было. Ее звали Пуа... Пакупаку Пуа.

С этими словами МакКензи посмотрел в глаза Гвинейре, и она, надеясь, что никто не заметит ее эмоций, тут же покраснела, а потом снова побледнела. Если Гвинейра все правильно поняла, то...

Когда через несколько минут заседание подошло к концу, она поспешила через толпу, даже не извинившись перед Джеральдом или Сайдблоссом. Ей нужен был человек, который смог бы подтвердить ее догадки, который разговаривал бы на языке маори лучше, чем она. Запыхавшись, она наконец-то нашла Рети.

— Рети! Какое счастье, что вы здесь! Рети, что... что означает имя? И ракираки?

Маори засмеялся.

— Мисс Гвин, вам следовало бы уже знать. *Риа* означает «цветок», а *ракираки*...

— ...«маленький»... — прошептала Гвинейра. От внезапного облегчения ей хотелось кричать, плакать и танцевать одновременно. Но она лишь слабо улыбнулась.

Девушку звали Маленький Цветок. Теперь Гвин поняла, почему МакКензи смотрел на нее так загадочно. Он, должно быть, встретил Флёретту.

Джеймса МакКензи приговорили к пяти годам лишения свободы в тюрьме Литтелтона. Естественно, собаку МакКензи с собой оставить не разрешили. Джон Сайдблоссом должен был позаботиться о животном, как ему и хотелось. Судье Стивену это было совершенно безразлично, и он еще раз повторил, что «суд не занимается вопросами домашних питомцев».

Последующая сцена была ужасной. Работники суда и офицер полиции вынуждены были силой забирать Пятницу у МакКензи. Когда Сайдблоссом хотел взять собаку на поводок, она его укусила. После этого Пол злорадно рассказывал всем, что видел в глазах вора слезы.

Гвинейра совершенно не обращала внимания на слова сына. Она не присутствовала и во время вынесения приговора, ее нервы просто не выдержали бы этого. К тому же Пол, увидев ее реакцию, стал бы задавать лишние вопросы, а она всегда испытывала страх перед его интуицией.

Вместо этого Гвинейра решила подождать снаружи, сославшись на желание подышать свежим воздухом и размять ноги. Чтобы уйти от толпы, ожидавшей вынесения приговора перед зданием суда, Гвинейра обошла вокруг зала и при этом незаметно для всех в последний раз взглянула на Джеймса МакКензи. Осужденный обернулся к ней, в то время как двое верзил выводили его через задний выход к уже ожидавшей тюремной

повозке. До этого он сражался с собой, но при взгляде на Гвин больше не смог сдерживаться.

— Я увижу тебя снова, — прошептал он. — Гвин, я снова тебя увижу!

Со времени процесса над Джеймсом МакКензи прошло около шести месяцев, и Гвинейра, как обычно, работала на ферме. Позади было продуктивное утро, но она уже успела поругаться с Полом. Мальчик оскорбил двух пастухов из племени маори — и это как раз в то время, когда подходила пора стрижки овец и выгона их на горные луга, когда могла пригодиться буквально каждая пара рук. Оба мужчины были незаменимыми работниками, опытными и надежными, да и для выговора не было абсолютно никакой причины. Они использовали зимнее время для того, чтобы со своим племенем исследовать новую территорию, и это было вполне нормально: когда запасы на зиму заканчивались, племя перекочевывало на новое место, чтобы охотиться и ловить рыбу. Тогда дома у озера постепенно опустевали и практически никто из маори не приходил работать, за исключением нескольких преданных Уорденам слуг. Для новичков среди *rakeha* поначалу это было непривычно, но старые фермеры уже давно привыкли к подобным передвижениям племен. К тому же племена переселялись только в тех случаях, когда не могли найти достаточно пропитания вблизи от дома или же зарабатывали недостаточно у *rakeha*. Когда же подходило время посевов на полях, стрижки овец и выпаса животных, в связи с чем предлагалось много работы, туземцы возвращались обратно. Поэтому два работника совершенно не понимали, почему Пол оскорблял их из-за отсутствия зимой.

— Мистер Пол должен знать, что мы всегда возвращаться обратно! — гневно говорил один из мужчин. — Он ведь делить с нами лагерь. Когда быть маленький, то как брат для Марамы. Но теперь... только злоба. Только ссоры с Тонга. Он говорить, мы слушаться не его, а Тонга. А Тонга хотеть отсюда уйти. Но так нельзя. Тонга еще не носить *tokipoutangata*, топор вождя... а мистер Пол еще не хозяин фермы!

Гвинейра вздохнула. Последнее замечание Нгапини дало ей возможность успокоить мужчин. Как Тонга пока не стал вождем племени, так и Пол не владел фермой, а потому не имел права выносить взыскание и тем более увольнять рабочих. В знак примирения Гвинейра щедро одарила маори семенами для посевов, и мужчины согласились продолжать работать на Гвин. Но если бы управление фермой когда-нибудь перешло в руки Пола, то все работники, несомненно, разбежались бы. Возможно, Тонга, получив наконец-то топор вождя, перевел бы целое племя подальше от

Киворд-Стейшн, чтобы больше не видеть Пола.

Гвинейра отыскала своего сына и рассказала ему все, что думала, но Пол лишь пожал плечами.

— Тогда я найму новых переселенцев. Ими все равно легче управлять! К тому же Тонга не решится уйти отсюда. Маори нужны деньги, которые они здесь зарабатывают, и земля, на которой они живут. Кто позволит им поселиться где-то еще? Вся земля принадлежит теперь белым скотоводам. А им вряд ли нужны всякие бунтари!

Разозлившись, Гвин тем не менее вынуждена была признать, что Пол прав. Племя Тонги нигде не ждали с распростертыми объятиями. Но эта мысль не успокоила ее, а наоборот, вызвала чувство страха. Никто не мог предсказать, что произойдет, если Тонга, который, как известно, был «горячей головой», осознает все то, что только что сказал Гвинейре Пол.

Неожиданно в конюшню, где Гвинейра как раз седлала лошадь, пришла маленькая маорийская девочка. Вероятно, еще один запуганный ребенок, который тоже хотел пожаловаться на Пола.

Но девочка не принадлежала к местному племени. Внезапно Гвинейра узнала одну из маленьких учениц Хелен. Девочка робко приблизилась к Гвин и присела перед ней, как настоящая английская школьница.

— Мисс Гвин, меня послала мисс Хелен. Я должна передать, что на ферме О'Кифов вас кто-то ждет. И вам нужно побыстрее туда приехать, до наступления темноты, пока мистер Говард не вернулся домой, — в том случае, если он решит не идти сегодня в паб. — Девочка разговаривала на прекрасном английском.

— И кто же меня может там ожидать, Мара? — в недоумении спросила Гвинейра. — Каждый ведь знает, где я живу...

Девочка серьезно кивнула.

— Да, но это тайна! — важно заявила она. — И я не должна говорить этого никому, кроме вас!

Сердце Гвинейры учащенно заколотилось.

— Флёретта? Это моя дочь? Флёр вернулась домой? — Она едва могла поверить в то, что говорила, но все же надеялась, что ее дочь нашла счастье с Рубеном где-нибудь в Отаго.

Мара покачала головой.

— Нет, мисс, это мужчина... э-э-э... джентльмен. И я должна еще раз напомнить, что вы должны поторопиться. — Произнесла последние слова, она снова присела.

Гвинейра кивнула.

— Хорошо, дитя. Быстренько возьми себе в кухне что-нибудь сладкое.

Моана как раз испекла кексы. Я за это время справлюсь с лошадью, и мы сможем вместе выехать на повозке.

Девочка покачала головой.

— Я хорошо бегаю, мисс Гвин. Езжайте-ка вы лучше сами верхом. Мисс Хелен говорит, что это очень, очень срочно!

Гвинейра уже ничего не понимала, но решила побыстрее оседлать лошадь. Значит, сегодня она отменит осмотр сараев для стрижки овец, ибо вместо этого ей предстоит визит к Хелен. Кем же мог быть таинственный гость? Гвин взяла Рейвен, дочь кобылы Моргэн, и погнала ее в направлении фермы О'Кифов. Лошади нравился быстрый бег и, как только Киворд-Стейшн оказалась позади, она заметно увеличила скорость. За прошедшие годы окольная тропа между двумя фермами была настолько вытоптана, что Гвинейре не нужно было даже держаться за поводья. Рейвен перескочила через ручей одним мощным прыжком. Триумфально улыбаясь, Гвинейра вспомнила последние скачки, которые устроил Реджинальд Бизли. Этот фермер снова женился, теперь его избранницей стала вдова из Крайстчерча, которая больше подходила ему по возрасту. Она предпочитала вести домашнее хозяйство и тщательно ухаживала за розарием. Однако она не производила впечатления страстной женщины, поэтому Бизли, как и прежде, пытался найти удовлетворение в разведении скаковых лошадей. Ему было очень неприятно, что Гвинейра и Рейвен выигрывали каждый раз. В будущем старый фермер планировал построить ипподром. Тогда уж ее кобы не смогут больше обогнать его породистых лошадок!

Приблизившись к ферме Хелен, Гвинейра вынуждена была придержать лошадь, чтобы не сбить детей, которые как раз выходили из школы.

Тонга и еще несколько маори из поселения у озера с угрюмым видом поздоровались с ней. Только Марамба, как всегда, дружелюбно улыбалась.

— Мы читаем новую книгу, мисс Гвин! — весело сообщила она. — Для взрослых! Автор — мистер Бельвер-Литтон. Он очень популярен в Англии! В книге идет речь о римлянах, которые уже давно живут в Англии. Их стоянка находится у вулкана, и вдруг начинается извержение. Это та-а-а-ак грустно, мисс Гвин... я надеюсь только, что девушки будут живы. Ведь Глаукос очень любит Джоун! А вообще, людям следовало бы вести себя поумнее. Нельзя разбивать лагерь в такой близости к вулкану. К тому же такой большой, с палатками и все такое! Как вы думаете, Пол бы тоже захотел прочитать эту книгу или нет? В последнее время он так мало читает, это нехорошо для джентльмена, как говорит мисс Хелен. Я поищу его и дам ему эту книгу!

Марама пошла дальше, и Гвинейра улыбнулась ей вслед.

— Твои дети прекрасно понимают человеческие отношения, — поддразнила она Хелен, которая как раз вышла из дому, услышав стук копыт. Она явно успокоилась, когда увидела, что это была всего лишь Гвин, а не какой-то другой посетитель. — Я даже не знала, что мне не нравится в Бельвер-Литтоне, но Марама помогла мне понять: это все ошибка римлян. Если бы они не построили поселение у подножия Везувия, то Помпеи до сих пор существовали бы, а мистер Бельвер-Литтон смог бы сэкономить целых пятьсот страниц. Ты должна теперь объяснить детям, что действие происходит не в Англии...

Хелен натянуто улыбнулась.

— Марама — умная девочка, — сказала она. — А теперь пошли, Гвин, нам нельзя терять ни минуты. Если Говард застанет его здесь, то убьет на месте. Он все еще не может успокоиться, что Уорден и Сайдблоссом не пригласили его поучаствовать в поисковой экспедиции...

Гвинейра нахмурила лоб.

— Какой поисковой экспедиции? И кого он убьет?

— Да МакКензи! Джеймса! Ах да, Мара ведь не назвала тебе имя гостя — ради безопасности. Но он здесь, Гвин. И он хочет срочно с тобой поговорить!

У Гвинейры подкосились ноги.

— Но... Джеймс ведь в литтелтонской тюрьме. Он не может...

— Он сбежал, Гвин! А теперь отдай мне лошадь. МакКензи в сарае.

Гвинейра тут же полетела в сарай. В голове у нее все перевернулось. Что она должна ему сказать? Что хотел сказать он? Но Джеймс был здесь... он был здесь, они могли...

Джеймс МакКензи обнял Гвинейру, едва она успела переступить порог неказистого строения. У нее не было времени, чтобы оттолкнуть его, да ей этого и не хотелось. Вдохнув, она уткнулась ему в плечо. Прошло тринадцать лет, но ощущение любимого плеча было таким же прекрасным, как и когда-то. Гвинейра чувствовала себя в безопасности. Что бы ни происходило вокруг, в объятиях Джеймса ей ничто не угрожало. Она знала это наверняка.

— Гвин, прошло столько времени... Мне не стоило тебя бросать, — прошептал Джеймс, зарывшись лицом в ее волосы. — Я должен был догадаться, откуда взялся Пол. Вместо этого...

— Мне нужно было набраться храбрости и все рассказать, — перебила его Гвинейра. — Но я не могла даже произнести подобное... Ладно, пора прекращать извиняться, мы ведь всегда знали, чего хотели... — Она

задорно улыбнулась.

МакКензи не мог насмотреться на ее счастливое, разгоряченное от скачки лицо. Но теперь он использовал свой шанс и поцеловал Гвин.

— Тогда перейдем к делу! — произнес он строго, в то время как в его глазах светился тот же юношеский огонек. — Давай выясним все — и я не хочу слышать ничего, кроме правды. Теперь, когда больше нет супруга, которому ты должна хранить верность, а наша дочь все знает, скажи: это действительно было обычным деловым соглашением, Гвин? Речь и в самом деле шла лишь о зачатии ребенка? Или же ты меня все-таки любила? Хотя чуть-чуть?

Гвинейра улыбнулась, но затем наморщила лоб, словно задумалась в поисках ответа.

— Чуть-чуть? Ну, если подумать, то, пожалуй, чуть-чуть я тебя любила.

— Хорошо. — Джеймс оставался совершенно серьезным. — А сейчас? Когда у тебя было так много времени на размышления, а наша дочь выросла? Когда ты свободна и никто больше не может тебе указывать, что делать? Ты меня все еще чуть-чуть любишь?

Гвинейра покачала головой.

— Нет, — медленно произнесла она. — Теперь я люблю тебя очень сильно!

Джеймс снова обнял ее, и они насладились поцелуем.

— Любишь ли ты меня достаточно, чтобы уехать со мной? — спросил он. — Достаточно, чтобы сбежать со мной? В тюрьме ужасно, Гвин, мне нужно было оттуда сбежать!

Гвинейра покачала головой.

— Как ты себе это представляешь? Куда мы отправимся? Снова красть овец? Если они тебя опять поймут, то наверняка повесят! А меня упрячут за решетку.

— Они не могли поймать меня десять лет! — возразил Джеймс.

Гвин вздохнула.

— Потому что ты нашел этот участок земли и проход. Идеальное укрытие. Кстати, его теперь называют высокогорьем МакКензи. Возможно, это имя останется даже тогда, когда о Джеральде Уордене и Джоне Сайдблоссоме уже никто и не вспомнит.

МакКензи ухмыльнулся.

— Но ты ведь не можешь всерьез полагать, что нам снова так же повезет! — продолжала Гвинейра. — Тебе нужно отсидеть в тюрьме пять лет, Джеймс. Если ты после этого будешь действительно свободен, мы

подумаем, что делать дальше. Я не могу просто взять и уехать. Люди, животные, ферма... Джеймс, все это зависит от меня. Я полностью контролирую разведение овец. Джеральд больше пьет, чем работает, а если иногда и бывает трезвый, то в основном заботится о коровах. Но даже это занятие он все чаще передает Полу...

— При этом мальчишку не особо-то любят... — пробурчал Джеймс. — Флёретта мне кое-что рассказала, да и офицер полиции в Литтелтоне. Я знаю все о Кентербери. Тюремному охраннику было скучно, и я был единственным, с кем он мог целыми сутками разговаривать.

Гвин улыбнулась. Она немного знала этого офицера, а также то, что он любил поболтать.

— Да, с Полом тяжело, — согласилась она. — Тем больше я нужна людям. По крайней мере пока что. Через пять лет все изменится. Пол будет совершеннолетним и больше не позволит мне и слова сказать насчет ведения фермы. Я даже не знаю, захочу ли я жить на ферме, которой будет управлять Пол. Возможно, мы смогли бы купить себе клочок земли. После всего, что я сделала для Киворд-Стейшн, мне полагается хотя бы это.

— Клочка земли недостаточно для разведения овец, — с сожалением в голосе сказал Джеймс.

Гвин пожала плечами.

— Возможно, ее хватит для разведения собак или лошадей. Твою Пятницу теперь знает каждый, а моя Клео... она еще жива, но скоро уже умрет. Фермеры будут дорого платить за собак, которых тренировал сам МакКензи.

— Но пять лет, Гвин...

— Только четыре с половиной!

Гвинейра снова прижалась к нему. Пять лет казались ей вечностью, но она не могла представить себе другого выхода. Уж точно нельзя было жить беглецами в горах или отправляться на поиски золота.

МакКензи вздохнул.

— Ладно, Гвин. Но ты должна дать мне шанс уйти! Сейчас я на свободе. Я не собираюсь добровольно возвращаться за решетку. Если меня не поймают, то я отправлюсь на золотые прииски. И поверь мне, Гвин, уж я-то найду золото!

Гвинейра улыбнулась.

— Ты даже Флёретту нашел. Но больше не поступай со мной так, как ты сделал в суде! Все эти истории о маорийской любовнице. Я думала, у меня сердце остановится, пока ты рассказывал о своей большой любви!

Джеймс ухмыльнулся.

— А что мне оставалось? Объявить во всеуслышание, что у меня есть дочь? Маори они искать никогда не станут, всем известно, что это бесполезно. Хотя Сайдблоссом, конечно, подозревает, что эта девушка забрала все мои деньги.

Гвин наморщила лоб.

— Какие деньги, Джеймс?

Лицо МакКензи расплылось в широкой улыбке.

— Ну, как сказали бы Уордены, я позволил себе собрать приличное приданое для своей дочери. Все деньги, которые я заработал за эти годы от продажи овец. Поверь мне, Гвин, я был богатым человеком! И надеюсь, что Флёр разумно распорядится ими.

Гвин улыбнулась.

— Это меня успокаивает. Я так боялась за нее и Рубена! Рубен — хороший парень, но у него руки не из того места растут. Из него такой же золотоискатель, как... ну, представь, если бы ты решил вдруг стать мировым судьей.

МакКензи строго посмотрел на нее.

— О, у меня великолепно развитое чувство справедливости, мисс Гвин! Как ты думаешь, почему все сравнивали меня с Робинотом Гудом? Я крал овец только у богачей и никогда не трогал людей, которые зарабатывают себе на жизнь честным трудом! Хотя, согласен, мой способ слегка необычный...

Гвинейра засмеялась.

— Ну, скажем, ты не джентльмен. Я тоже больше не леди после всего, что мы с тобой делали. Ну и что? Мне все равно!

Они еще раз поцеловались, и Джеймс было мягко потянул Гвинейру на сено, но тут их прервала Хелен:

— Я не хотела тревожить вас, но сюда только что приходили полицейские. Я чуть не умерла со страху, однако они только задавали вопросы и не пытались устроить обыск фермы. Теперь, по всей видимости, все снова бросятся на поиски Джеймса. Мистер МакКензи, «овечьи бароны» уже знают о вашем побеге и даже успели послать на помощь своих людей. Боже, неужели вы не могли подождать еще пару недель? В разгар стрижки овец никто не стал бы устраивать погоню, но сейчас полным-полно работников, которым уже несколько месяцев нечем заняться. Они жаждут приключений! В любом случае вам следует остаться здесь до наступления темноты, а затем как можно быстрее уйти. И лучше всего... обратно в тюрьму. Сдаться самостоятельно было бы самым удачным вариантом, но вы, Джеймс, и без меня все понимаете. А ты, Гвин, как

можно скорее скачи домой, чтобы никто ни о чем не догадался. Я не шучу, мистер МакКензи. Мужчины, которые только что были здесь, предъявили мне ордер, они даже имели право застрелить вас!

Целуя Джеймса на прощание, Гвинейра дрожала от страха. В очередной раз ей приходится переживать из-за него. А ведь они только-только снова оказались вместе.

Конечно, она тоже посоветовала ему возвращаться в Литтелтон, но Джеймс лишь отмахнулся. Сначала он хотел поехать в Отаго, чтобы забрать Пятницу, что, по словам Хелен, было «сущим безумием», а затем на золотые прииски.

— Ты не дашь ему что-нибудь перекусить в дорогу? — жалобно спросила подругу Гвинейра, когда они провожали беглого преступника. — И спасибо тебе, Хелен. Я знаю, на какой риск ты пошла ради меня.

Хелен махнула рукой.

— Если у наших детей все прошло так, как они задумали, то Джеймс стал тестем Рубена... Или ты все еще предпочитаешь врать, что Флёретта не от него?

Гвин улыбнулась.

— Тебе лучше знать, Хелен! Ты ведь сама послала меня тогда к Матахоруа, и мы с тобой слышали, что посоветовала знахарка. Как, хорошего я себе мужчину нашла?

Джеймса МакКензи схватили этой же ночью, при этом ему одновременно повезло и не повезло. Он попался прямо в руки поисковой группе с Киворд-Стейшн под предводительством его старых друзей Энди Мак-Арана и Покера Ливингстона. Если бы они были одни, то отпустили бы Джеймса, но с ними вместе оказались два новых работника, поэтому Энди и Покер не захотели рисковать. Во всяком случае никто даже не пытался стрелять в Джеймса. Однако осторожный МакАран сказал МакКензи то же самое, что до этого говорили ему Гвин и Хелен.

— Если тебя обнаружит кто-то из людей Бизли или Баррингтона, то они пристрелят тебя как собаку! Не говоря уже о Сайдблоссоме! Уорден, между нами говоря, тот еще мошенник. Он в какой-то степени понимает тебя. Но Баррингтон глубоко разочарован, в конце концов, ты ведь дал ему честное слово, что не будешь убегать.

— Но только по пути в Литтелтон! — пытался защищаться Джеймс. — Речь ведь не шла о пяти годах тюремного заключения!

Энди пожал плечами.

— Как бы там ни было, он очень зол. Ну а Бизли до ужаса боится, что

ты снова начнешь красть скот. Двое породистых жеребцов, которых он привез из Англии, стоят целое состояние. Старик не простит тебе кражу, поэтому лучше возвращайся в тюрьму.

Когда МакКензи вернулся в Литтелтон, офицер полиции, казалось, абсолютно не злился.

— Это моя вина, — пробурчал он. — В следующий раз я вас попросту застрелю, МакКензи! Это уж я вам обещаю!

МакКензи храбро провел за решеткой следующие три недели, но затем не выдержал и снова сбежал. На этот раз вполне определенные обстоятельства привели офицера полиции в Киворд-Стейшн.

Гвинейра как раз заканчивала осматривать маток и ягнят перед тем, как выгнать их на пастбище. Внезапно она увидела, что во двор заехал Лоренс Хенсон, начальник полицейского участка в Кентербери. Хенсон медленно двигался вперед, что было связано с тем, что он вел на поводке что-то маленькое и черное. Как оказалось, это была собачка, которая яростно упиралась; полицейскому приходилось останавливаться каждые несколько метров, так как он боялся задушить животное. В конце концов собака упала на землю на все четыре лапы.

Гвин наморщила лоб. Неужели один из ее дворовых псов вырвался на волю? Вообще-то, такого до сих пор никогда не происходило. А если бы что-то подобное и случилось, то этим уж точно не стал бы заниматься начальник полиции. Она быстро попрощалась с двумя маорийскими пастухами и отправила их в горы со стадом.

— Увидимся осенью! — сказала она мужчинам, которые целое лето должны были провести в горной хижине, охраняя овец. — Следите за тем, чтобы мой сын не увидел вас здесь раньше срока!

Было глупо предполагать, что маори провели бы целое лето в горах, не посещая время от времени своих жен. Впрочем, их жены могли бы и сами приезжать на пастбище. Никто не знал точно, что произойдет; племена часто переходили с места на место. Гвинейра лишь знала, что Пол был бы недоволен как одним, так и другим вариантом.

Теперь же она направилась к дому, чтобы поздороваться со вспотевшим от жары офицером полиции, который отправился ей навстречу. Он знал, где находилась конюшня, и, очевидно, хотел поставить свою лошадь. Судя по всему, он никуда не торопился. Гвин вздохнула. Вообще-то, она могла бы найти дела и поважнее, чем сидеть полдня с Хенсоном и болтать. С другой стороны, так она смогла бы узнать все подробности жизни Джеймса в тюрьме.

Когда Гвин подошла к конюшне, Хенсон как раз собирался отпустить собаку, которая до этого была крепко привязана к седлу. Животное точно было колли, но в ужасном состоянии. Шерсть собаки сбилась и потускнела, а сама она была настолько худая, что, несмотря на длинную шерсть, можно было без труда увидеть торчащие ребра. Когда шериф нагнулся, собака оскалилась и зарычала. настолько враждебно овчарки вели себя очень редко, тем не менее Гвинейра тут же узнала собаку.

— Пятница! — нежно произнесла она. — Позвольте мне, шериф, возможно, она вспомнит меня. В конце концов, она была со мной, пока ей не исполнилось пять месяцев.

Вначале Хенсон отнесся скептически к предложению женщины, которая давала Пятнице первые уроки по выпасу овец, но собака отреагировала на нежный голос Гвинейры. По крайней мере она не пыталась вырваться, когда Гвинейра погладила ее по спине и отвязала поводок от седла.

— Откуда она у вас? Это ведь...

Хенсон кивнул.

— Да, это собака МакКензи. Два дня назад прибежала в Литтелтон, совершенно измученная. Вы сами видите, как она выглядит. МакКензи увидел ее из окна и закатил истерику. Но что я должен был делать? Не оставлять же собаку в тюрьме! До чего мы тогда дошли бы? Если одному разрешить держать собаку, то другой захочет себе кошку, а когда та съест канарейку третьего, то в тюрьме начнется бунт.

— Ну, до такого, я уверена, не дошло бы.

Гвин улыбнулась. Чаще всего заключенные в литтелтонской тюрьме проводили не так уж много времени, чтобы успевать завести себе питомцев. Большинство сидели за решеткой до тех пор, пока не отрезвеют, и на следующий день снова оказывались на свободе.

— В любом случае так не положено! — строго произнес шериф. — Я взял собаку к себе домой, но она не хотела оставаться со мной. Как только дверь открывалась, она бежала обратно к тюрьме. На вторую ночь МакКензи снова сбежал из тюрьмы. На этот раз он просто выломал замок и украл мясо у мясника, чтобы покормить животное. К счастью, все обошлось. Мясник утверждает, что это был подарок, поэтому мы не будем возбуждать еще одно дело... а МакКензи удалось поймать уже на следующий день. Но так дальше не может продолжаться. Он рискует всем ради собаки. Поэтому, ну... я подумал... если уж вы дрессировали собаку, а ваша старая как раз умерла...

Гвинейра проглотила комок, подкативший к горлу. Даже сейчас она не

могла спокойно думать о Клео. Она пока что не выбрала себе новую собаку. Рана на душе была слишком свежей. Но теперь перед ней была Пятница, которая очень походила на свою мать.

— Вы все правильно сделали! — спокойно произнесла она. — Пятница может остаться здесь. Скажите МакКензи, что я за ней прослежу. До тех пор, пока он нас... то есть ее не заберет с собой. А сейчас проходите в дом и выпейте со мной чаю. После долгой дороги вы, должно быть, сильно хотите пить.

Почесываясь, Пятница лежала в тени. Она все еще была на поводке, и Гвин осознавала, на какой риск идет, когда отвязывала ее.

— Пятница, идем! — нежно произнесла она.

Собака последовала за ней.

Через год после процесса по делу МакКензи Джордж и Элизабет Гринвуды вернулись из Англии, а Хелен и Гвинейра наконец-то смогли получить весточку от своих детей. Элизабет очень серьезно отнеслась к просьбе Флёр сохранить все в тайне и сама приехала в Холдон на повозке, чтобы лично передать письма. Даже своему мужу она ничего не сказала, отправившись на ферму О'Кифов к Хелен и Гвин. Обе женщины, естественно, тут же набросились на нее с расспросами о путешествии на родину, которое, по всей видимости, явно пошло Элизабет на пользу. Она казалась более спокойной и уверенной в себе, чем когда-либо прежде.

— В Лондоне было замечательно! — воскликнула она, посмотрев на Гвин и Хелен сияющими глазами. — К матери Джорджа, миссис Гринвуд, нужно... как бы это объяснить... привыкнуть. Она не узнала меня и сказала, что я очень хорошо воспитана! — Элизабет светилась от счастья, словно маленькая девочка, ожидавшая от Хелен похвалы. — А мистер Гринвуд очень обаятельный и хорошо отнесся к детям. Брат Джорджа мне все же не понравился. И эта женщина, на которой он женился! Она такая... обычная. — Элизабет самодовольно сморщила нос и тщательно сложила салфетку. Гвинейра заметила, что она сделала это в точности, как учила девочек Хелен когда-то на корабле. — Ах да, у меня же письма для вас. Извините уж, что мы так надолго задержались в Англии, — смущенно произнесла Элизабет. — Вы, должно быть, места себе не находили, мисс Хелен и мисс Гвин. Но, по всей вероятности, у Флёр и Рубена все хорошо.

Хелен и Гвинейра почувствовали явное облегчение, узнав не только новости от Флёр, но и сведения о том, как жилось Дафне и близняшкам.

— «Должно быть, Дафна нашла малышей где-то в Литтелтоне, — читала Гвин в одном из писем Флёр. — Наверное, они жили на улице и перебивались с хлеба на воду, занимаясь мелким воровством. Дафна приняла к себе девочек и хорошо о них заботится. Мисс Хелен может гордиться своей старшей ученицей, хоть она и... это слово, пожалуй, лучше написать по буквам... п-р-о-с-т-и-т-у-т-к-а».

Гвинейра засмеялась.

— Ну, вот ты и нашла своих овечек, Хелен. Но что мы будем делать с письмами? Сожжем? Мне, конечно, жаль это делать, но я не могу допустить, чтобы Джеральд, Пол или Говард обнаружили их!

— Я знаю одно место, — загадочно произнесла Хелен и направилась к

кухонным шкафчикам. Одна из досок на задней стенке не была прибита, и за ней можно было прятать всякие мелочи. Хелен хранила здесь также немного сэкономленных денег и пару вещей, напоминавших ей о детстве Рубена. Она смущенно показала подругам один из его рисунков и локон волос.

— Как мило! — воскликнула Элизабет и призналась старшим подругам, что тоже носит локон волос Джорджа в медальончике.

Гвинейра позавидовала тому, что у девушки было такое осязаемое доказательство любви, но тут взглянула на собачку, которая лежала у камина и печально смотрела на нее. Ничто сейчас не объединяло ее с Джеймсом теснее, чем Пятница.

Прошел еще год. Джеральд и Пол вернулись с собрания скотоводов в Крайстчерче в плохом настроении.

— Губернатор не знает, что делает! — воскликнул Джеральд и налил себе виски. Недолго думая, он наполнил бокал и для четырнадцатилетнего Пола. — Пожизненное заключение! И кто же будет это контролировать? Да если ему что-то не понравится, он вернется следующим же кораблем!

— Кто вернется? — спросила Гвинейра, явно заинтересовавшись.

Как раз накрывали на стол, и Гвинейра с бокалом портвейна решила присоединиться к мужчинам — хотя бы для того, чтобы следить за Джеральдом. Ей совершенно не нравилось, что старик теперь выпивал вместе с Полом. Мальчику было слишком рано привыкать к алкоголю. Кроме того, его темперамент и в трезвом состоянии был взрывным, а под воздействием алкоголя его вообще никто не смог бы контролировать.

— МакКензи! Этот чертов воришка! Губернатор помиловал его!

Гвинейра почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Джеймс был на свободе?

— Во всяком случае, при одном условии — немедленно покинуть остров. Они собираются отправить его в Австралию ближайшим кораблем. Он, конечно, будет довольно далеко от нас, но ему же подарили свободу! Кто помешает МакКензи вернуться в Новую Зеландию? — возмущался Джеральд.

— Но это было бы глупостью с его стороны, — глухо заметила Гвинейра. Если Джеймс действительно навсегда уезжал в Австралию... Она, конечно, была рада, что его помиловали, но такое решение губернатора означало, что он потерян для нее навсегда.

— В следующие три года так точно, — сказал Пол. Отпивая виски маленькими глотками, он внимательно следил за матерью.

Гвинейра попыталась успокоиться.

— Но затем... Его наказание закончится. Еще пара лет, и он сможет снова вернуться на остров. Если у него хватит ума не возвращаться в Литтелтон, а поселиться, скажем, в Данидине... МакКензи может поменять имя, к тому же никого не волнует, что там написано в списках пассажиров. Что случилось, мама? Ты что-то неважно выглядишь...

Гвинейра уцепилась за мысль, высказанную Полом. Мальчишка был прав. Джеймс, конечно, нашел бы возможность вернуться к ней. Но ей нужно было увидеться с ним хотя бы еще разок! Она должна была услышать все из его уст, чтобы не надеяться понапрасну.

Пятница терлась о Гвинейру, которая рассеянно поглаживала собаку. Внезапно у Гвин появилась идея.

Конечно же, собака! Завтра Гвин поскачет в Литтелтон и отдаст офицеру полиции собаку, чтобы тот, в свою очередь, отдал ее Джеймсу во время освобождения из тюрьмы. При этом она попросит у шерифа разрешения поговорить с Джеймсом насчет Пятницы. В конце концов, она уже почти два года заботится о животном. Хенсон точно не откажет ей. Этот добродушный человек совершенно не подозревает, какого рода отношения были между Гвинейрой и Джеймсом.

Если бы только это не означало расставания с Пятницей! От одной мысли об этом сердце Гвинейры обливало кровью. Но делать было нечего, Пятница принадлежала Джеймсу.

Естественно, Джеральд разозлился, когда Гвин объяснила ему, что хочет вернуть собаку прежнему владельцу.

— Чтобы он продолжил воровать в Австралии? — издевательски спросил он. — Ты с ума сошла, Гвинейра!

Гвинейра пожала плечами.

— Возможно, но собака-то его. И для МакКензи было бы легче найти честную работу, если бы он взял с собой овчарку.

Пол фыркнул.

— Да он и не ищет себе честной работы! Авантюрист навсегда остается авантюристом!

Джеральд тут же хотел что-то сказать Полу, но Гвин только улыбнулась.

— Я слышала о профессиональных игроках, которые позднее стали честными «овечьими баронами», — спокойно ответила она.

На следующий день, еще до рассвета, она отправилась в Литтелтон. Гвинейре предстоял долгий путь, и даже верхом на быстроногой Рейвен ей

удалось добраться до перевала Брайдл лишь через пять часов. Пятница, бежавшая сзади, казалась совершенно измученной.

— Ты сможешь отдохнуть в полиции, — дружелюбно произнесла Гвин. — Кто знает, может быть, офицер Хенсон даже пустит тебя к своему хозяину. А я сниму себе номер в «Уайт Харте». Уж один день без меня Джеральд и Пол смогут прожить.

Лоренс Хенсон как раз подметал свой кабинет, когда Гвин открыла дверь полицейского участка, за которым находились камеры для заключенных. Она еще никогда не была здесь, но почему-то чувствовала некое радостное предвкушение. Скоро она увидит Джеймса! Впервые за прошедшие... почти два года!

Хенсон был рад снова увидеть ее.

— Миссис Уорден! Мисс Гвин! Вот так сюрприз! Я надеюсь, что ваш визит не вызван какими-то неприятностями? Вы ведь не хотите сообщить о преступлении? — Он подмигнул ей. Очевидно, ему действительно было приятно видеть ее, но при этом он казался удивленным — обычно приличные женщины присылали в полицию своих мужей или других членов семьи мужского пола. — А в какую замечательную собачку превратилась Пятница! Что, малышка, все еще хочешь укусить меня?

Он наклонился к Пятнице, которая на этот раз доверчиво приблизилась к нему.

— Какая мягкая шерстка! Мисс Гвин, действительно первоклассный уход!

Гвинейра кивнула и быстро ответила на приветствия шерифа.

— Офицер, собака как раз и есть причина моего визита, — перешла она к делу. — Я слышала, что мистера МакКензи помиловали и он скоро выходит на свободу. Я хотела вернуть ему собаку.

Хенсон наморщил лоб. Гвин как раз собиралась попросить его о визите, но, увидев выражение лица полицейского, решила промолчать.

— Это, конечно, весьма похвально с вашей стороны, — сказал офицер. — Но вы опоздали. «Релаенс» уже отплыл сегодня по направлению к заливу Ботани. И, согласно распоряжению губернатора, мы вынуждены были отправить на борту корабля и мистера МакКензи.

Гвинейра поникла.

— Но разве он не он не хотел подождать меня? Он... он ведь не мог без своей собаки...

Что с вами, мисс Гвин? Вам плохо? Присядьте, я быстренько сделаю вам чаю! — Хенсон обеспокоенно придвинул ей стул и лишь после этого ответил на ее вопрос.

— Нет, конечно же, он не хотел уплывать без своей собаки. Он умолял меня разрешить забрать Пятницу, но я не мог этого позволить. МакКензи сказал, что вы точно приехали бы в Литтелтон! Я никогда не думал... такой дальний путь ради мошенника, к тому же вы наверняка успели привыкнуть к животному! Да, МакКензи был уверен. Он чуть не расплакался, умоляя меня отложить отплытие, но приказ есть приказ: высылка следующим кораблем, которым и оказался «Релаенс». И Джеймс не мог ничего поделать. Но подождите-ка, он оставил вам письмо!

Офицер неторопливо принялся искать письмо. Гвин захотелось задушить его на месте. Почему же он сразу ничего не сказал?

— Вот оно, мисс Гвин. Я полагаю, он хотел поблагодарить вас за уход за овчаркой...

Хенсон протянул ей помятое, но, как и прежде, аккуратно запечатанное письмо и с нетерпением ждал, что произойдет дальше. Он наверняка рассчитывал, что женщина прочитает его вслух. Однако Гвинейра не стала этого делать.

— Этот корабль... «Релаенс»... скажите, вы уверены, что он уже отплыл? Не могло бы быть так, что он все еще стоит в порту? — Стараясь скрыть волнение, Гвинейра спрятала письмо в карман своего платья для верховой езды. — Иногда отплытие задерживается...

Хенсон пожал плечами.

— Я не проверял. Но даже если он еще и не отплыл, то стоит на якоре где-нибудь в бухте. Добраться до него вы сможете только на лодке...

Гвинейра поднялась.

— Я попробую узнать сама, офицер, ведь никогда нельзя быть полностью уверенным. Но сперва... Большое вам спасибо! И за... мистера МакКензи тоже. Я думаю, он знает, что вы для него сделали.

Гвинейра захлопнула за собой дверь, прежде чем Хенсон что-либо ответил. Она запрыгнула на Рейвен и позвала с собой собаку.

— Идем, мы должны попробовать. В порт!

Уже при взгляде на пристань Гвинейра поняла, что не успела. В бухте не было ни одного большого корабля, а до залива Ботани было больше тысячи морских миль. Несмотря на это, она спросила одного из рыбаков:

— А «Релаенс» уже отплыл?

Мужчина мельком посмотрел на разгоряченную женщину. Затем он указал на воду.

— Его еще видно, мэм! Как раз отплывает. В Сидней, кажется...

Гвинейра кивнула. Горящими глазами она наблюдала за отплывающим судном. Пятница терлась о ее ноги и жалобно скулила, как будто знала, что

происходит. Гвин погладила собаку и вытащила письмо из кармана.

Моя дорогая Гвинейра,

я знаю, что ты приедешь, чтобы еще раз увидеть меня перед этим злосчастным отплытием, но будет слишком поздно. Поэтому тебе придется и дальше ждать меня. Каждый раз, когда я думаю о тебе, у меня перед глазами стоит твой прекрасный образ, и не проходит и часа, чтобы я не думал о нас. Гвин, в следующие годы нас будет разделять большее расстояние, чем между Холдоном и Литтелтоном, но это не имеет никакого значения. Я пообещал тебе вернуться, и я сдержу свое слово. Поэтому жди меня, не теряй надежды. Я вернусь за тобой, как только появится такая возможность. Я появлюсь, когда ты меньше всего будешь этого ждать! А до того момента пускай напоминанием обо мне будет Пятница. Желаю тебе счастья и благополучия, моя леди, и передавай Флёр, что я ее люблю.

С любовью,

Джеймс

Гвинейра прижала письмо к себе и снова посмотрела на корабль, исчезающий в бесконечности Тасманова моря. Джеймс вернулся бы к ней — если бы пережил это приключение. Но она знала, что он воспримет изгнание как еще один шанс. Джеймс предпочел томлению за решеткой свободу в Австралии.

— И снова нам не удалось увидеться, — вздохнула Гвин и погладила мягкую шерсть Пятницы. — Ладно, пошли домой. Корабль мы уже все равно не догоним, даже если бы умели очень быстро плавать!

Годы в Киворд-Стейшн и ферме О'Кифов проходили незаметно. Как и прежде, Гвинейра находила утешение в работе на ферме, в то время как Хелен по-прежнему ненавидела ручной труд. При этом как раз на Хелен висело больше обязанностей, и, если бы не помощь Джорджа Гринвуда, она не вынесла бы всех тягот.

Говард О'Киф так и не оправился от потери сына. Пока Рубен был дома, Говард ни разу не сказал ему ни одного ласкового слова и все время давал мальчику понять, что тот был совершенно не приспособлен к работе на ферме. Но все же Рубен был его наследником, и Говард не переставал надеяться, что его сын когда-нибудь образумится и начнет серьезно относиться к своим обязанностям овцевода. Кроме того, О'Киф в течение многих лет тешил себя мыслью о том, что его ферма имеет наследника — в

отличие от великолепной Киворд-Стейшн.

Но теперь Джеральд Уорден во всем обошел Говарда. Его внук Пол ревностно относился к своим будущим обязанностям хозяина, в то время как наследник Говарда исчез. О'Киф все время пытался выпытать у Хелен, где находится сын. Он был уверен, что жена что-то знала, поскольку она больше не плакала каждую ночь в подушку, как в первый год после исчезновения Рубена, а наоборот, вела себя гордо и уверенно. Однако Хелен ничего не говорила, что бы ни делал с ней Говард. Особенно сильно он срывал на ней свою ярость, когда возвращался поздно вечером из паба, где часто видел, как Джеральд и Пол сидели за столиком и беседовали с местными торговцами о делах Киворд-Стейшн.

Если бы только Хелен рассказала ему, где все это время находился мальчишка! Он бы поскакал туда и приволок бы сына домой за волосы. Он бы сумел разлучить Рубена с этой маленькой шлюшкой, которая сбежала вскоре после его исчезновения, и вбить ему в голову значение слова «обязанность»! Говард сжимал кулаки лишь при одной мысли об этом.

Между тем О'Киф не заботился о том, чтобы сберечь наследство для Рубена. Если бы тот вернулся, ему пришлось бы отстраивать ферму заново, ставить заборы и чинить крыши сараев. Впрочем, так ему и надо! Основной целью Говарда теперь была быстрая нажива. Вместо того чтобы самому разводить племенной скот, он продавал молодняк, боясь снова потерять животных на горных пастбищах. Жаль только, что Джордж Гринвуд и этот заносчивый маори, чье мнение было таким важным для Джорджа, не понимали действий О'Кифа.

— Говард, результаты последней стрижки совершенно неудовлетворительные! — во время одного из последних визитов укорял своего подопечного Джордж. — Шерсть посредственного качества, к тому же грязная. А мы ведь почти добились высокого качества! Где первоклассные животные, которых вы развели за все эти годы? — Джордж пытался сохранять спокойствие ради сидевшей рядом с ним Хелен, которая выглядела еще более потерянной, чем когда-либо прежде.

— Пару месяцев назад он продал трех лучших баранов в Лайонел-Стейшн, — с горечью сказала она. — Сайдблоссому.

— Правильно! — хвастливо подтвердил Говард и налил себе виски. — Он непременно хотел их купить. По его мнению, они были лучше, чем все животные, которые есть у Уорденов! — В поисках одобрения он посмотрел на своего покровителя.

Джордж Гринвуд вздохнул.

— Конечно же, он так сказал. Потому что Гвинейра Уорден никогда не

позволила бы продать своих лучших животных. Она продает только второсортных овец. А что с коровами, Говард? Вы снова приобрели несколько голов. А ведь мы договорились, что ваша земля для их разведения не подходит...

— Джеральд Уорден хорошо зарабатывает на своих коровах! — упрямо повторил Говард свой старый довод.

Джордж еле сдержался, чтобы не схватить старика, хотя история снова повторялась. Говард просто ничего не понимал: он продавал породистых животных, чтобы купить корм для коров. Их, в свою очередь, он пытался продавать по той же цене, что и Уорден. Только Хелен понимала, насколько бессмысленными были его действия, и ужасалась при мысли о том, что ферма во второй раз за несколько лет оказалась на грани разорения.

Но и деятельность более удачливых партнеров Гринвуда, Уорденов с Киворд-Стейшн, в последнее время заставляла его задуматься. Там, как и прежде, процветало овцеводство, успешно разводили крупный рогатый скот, однако угадывалось некое подспудное брожение. Джордж делал подобные выводы хотя бы потому, что Джеральд и Пол больше не брали с собой на переговоры и сделки Гвинейру. Согласно утверждениям Джеральда, Пола нужно было познакомить с ведением фермы, а его мать при этом только мешала.

— Она не спускает парня с поводка, если вы понимаете, о чем я! — объяснял Джорджу Джеральд, попивая виски. — Как всегда, она считает себя лучше других, даже мне это уже действует на нервы. А что же будет с Полом, когда он начнет самостоятельно управлять Киворд-Стейшн?

Но в разговоре с дедом и внуком Джордж вскоре выяснил, что Джеральд давно потерял контроль над разведением овец. А Полу не хватало понимания и дальновидности, что было неудивительно для шестнадцатилетнего парня. Он развивал прекрасные теории насчет разведения овец, которые, к сожалению, совершенно противоречили действительности. Так, например, Пол предлагал снова начать скрещивать своих животных с мериносами.

— У них качественная шерсть, не то что у других овец. Если бы мы скрестили с мериносами достаточное количество животных, то получили бы совершенно новое, никому не известное сочетание!

Джордж только качал головой, но Джеральд слушал юношу с горящими глазами. У Гвинейры же от одного только упоминания об идеях Пола начинались приступы ярости.

— Если не образумить мальчика, то все полетит к чертям! —

горячилась она, когда Джордж на следующий день нашел ее и, не скрывая своего возмущения, передал разговор с Джеральдом и Полом. — Ладно, скоро он унаследует ферму, и я ему больше ни слова не скажу. Но до того момента пройдет еще пара лет, в течение которых он, возможно, образумится. Если бы Джеральд был более проницательным и оказывал на него соответствующее влияние! Я не понимаю, что с Джеральдом не так. Боже, ведь он когда-то смыслил в овцеводстве!

Джордж пожал плечами.

— Теперь он понимает только виски.

Гвинейра кивнула.

— Он пропивает свои мозги. Простите, что я так говорю, но других слов просто не нахожу. И это при том, что мне сейчас как никогда нужна поддержка. Идея Пола насчет скрещивания — самое малое, с чем мне приходится сталкиваться. Джеральд вполне здоров, и пройдут еще годы, прежде чем мой сын будет руководить фермой. Но конфликты с маори, к сожалению, происходят уже сейчас. Для того чтобы испортить с кем-то отношения, быть совершеннолетним не нужно. В любом случае Тонгу недавно избрали вождем...

— Тонга — это тот мальчик, который учился у Хелен, правильно? — спросил Джордж.

Гвинейра кивнула.

— Очень толковый парень. И заклятый враг Пола. Они уже в песочнице готовы были друг другу волосы повырывать. Мне кажется, все это из-за Марамы. Тонга давно положил на нее глаз, но ей больше нравится Пол, они ведь вместе с колыбели. Сейчас никто из маори не хочет иметь ничего общего с Полом, но Марамы не сдаются. Она разговаривает с ним, пытается успокоить, а Пол даже не замечает, какое сокровище у него прямо под носом! Понятно, что Тонга ненавидит его и, как мне кажется, что-то замышляет. Маори выглядят намного более замкнутыми с тех пор, как Тонга стал носить священный топор. Они все еще приходят работать, но кажутся не такими прилежными, не такими... безвредными. Внутренний голос подсказывает мне, что что-то происходит, но, если я спрашиваю прислугу об этом, все смотрят на меня как на сумасшедшую.

Джордж задумался.

— Я мог бы послать Рети. Возможно, он что-то выяснит. С ним они наверняка будут более разговорчивыми. Но вражда между управляющим Киворд-Стейшн и племенем маори была бы очень опасна. Вам ведь нужны работники!

Гвинейра кивнула.

— Кроме того, они мне нравятся. Кири и Моана, горничные, были моими лучшими подругами, а теперь едва ли словом обмолвятся. «Мисс Гвин, да», «мисс Гвин, нет» — большего от них не добьешься. Я ненавижу все это. Уже и сама хотела с Тонгой поговорить...

Джордж покачал головой.

— Давайте подождем, пока Рети что-нибудь разузнает. Если вы, не предупредив Пола и Джеральда, начнете устраивать какие-то переговоры, то все станет только хуже.

Гринвуд осторожно прощупал ситуацию, и то, что он выяснил, было настолько тревожным, что Джордж решил уже через неделю снова отправиться в Киворд-Стейшн в сопровождении своего помощника Рети.

В этот раз он настоял на том, чтобы в разговоре участвовали не только Джеральд и Пол, но и Гвинейра. Признаться, ему еще больше хотелось бы побеседовать только с Гвинейрой и Джеральдом. Однако старик Уорден решил втянуть в разговор своего внука.

— Тонга подал жалобу. Пока что только губернатору в Крайстчерче, но уверяю вас, она дойдет и до Веллингтона. Он ссылается на договор Вайтанги и говорит, что маори при покупке Киворд-Стейшн были обмануты. Тонга требует, чтобы договор признали недействительным или, по крайней мере, выплатили племени компенсацию.

Джеральд опрокинул рюмку виски.

— Чепуха! Кай Таху тогда даже не подписали договор!

Джордж кивнул.

— Это не отменяет его. Но Тонга будет настаивать, что договор был подписан в то время, когда все сделки оформлялись в пользу *rakeha*. Теперь же он потребует равных прав для маори. Неважно при этом, какое решение принял в 1840 году его дед.

— Ах ублюдок! — начал возмущаться Пол. — Да я его...

— Закрой рот! — сказала Гвинейра. — Если бы ты не начал ту глупую вражду, то этой проблемы у нас сейчас не было бы. У маори есть шансы признать договор недействительным, Джордж?

Джордж пожал плечами.

— Не исключено.

— Существует большая вероятность, — вмешался в разговор Рети. — Губернатор весьма заинтересован в том, чтобы как можно тише разрешать споры между маори и *rakeha*. Власти прекрасно понимают, что допускать развития конфликта нельзя. Поэтому они не станут рисковать из-за одной фермы, чтобы не поднялось восстание.

— Восстание — это громко сказано! Мы возьмем пару ружей и выкурим отсюда этих бандитов! — возмущался Джеральд. — Мы просто вели себя слишком дружелюбно, годами позволяя маори селиться у озера, свободно перемещаться по территории Киворд-Стейшн...

— И работать на вас за гроши, — заступился за свой народ Рети.

Пол выглядел так, как будто собирался накинуться на помощника Гринвуда.

— Такой умный молодой человек, как Тонга, может спокойно поднять восстание, уж не сомневайтесь! — добавил Джордж. — Кстати, он, возможно, будет подстрекать и другие племена — например, маори, живущих на территории фермы О'Кифа; та земля тоже была куплена в 1840 году. А как насчет Бизли? Уже не говоря о Сайдблоссоме — такие люди, как он, уж точно не заморачивались составлением договоров, а просто забирали землю у маори. Если Тонга начнет проверять документы, разгорится настоящая война за землю. Для этого нужен всего лишь один молодой... — он посмотрел на Пола, — или старый сорвиголова, как Сайдблоссом, которого Тонга попросту пристрелит. Губернатор куда охотнее поддержит идею компенсации, вместо того чтобы брать на себя ответственность за последствия восстания.

— Какие тогда будут предложения? — поинтересовалась Гвин. — Вы уже поговорили с Тонгой?

— Он хочет вернуть племени землю, на которой находится их поселение... — начал Рети, что сразу же вызвало протесты со стороны Джеральда и Пола.

— Землю возле фермы? Ни в коем случае!

— Я не собираюсь жить с ним по соседству! От маори вечно одни неприятности!

— В противном случае он охотно согласился бы на денежную компенсацию... — продолжал Рети.

Гвин задумалась.

— Да, с деньгами у нас туговато, так ему и надо сказать. Лучше расплатиться землей и организовать обмен, поскольку врагам жить по соседству не стоит...

— С меня хватит! — взвился Джеральд. — Ты ведь не можешь всерьез считать, что мы согласимся на переговоры с этим мошенником, Гвин! Об этом и речи быть не может. Он не получит ни денег, ни земли. Скорее я ему пулю промеж глаз пуцую!

Обстановка накалилась еще больше, когда на следующий день Пол ударил одного из маорийских работников. Мужчина говорил, что ничего не

сделал; возможно, он выполнял приказ слишком медленно. Пол же решил, что маори потерял совесть и действует по указке Тонги. Пара других маори свидетельствовали в защиту своего соплеменника. В этот вечер Кири отказалась обслуживать Пола за ужином и даже мягкосердечный Вити перестал относиться к нему по-хорошему. Джеральд, снова напившись, в приступе гнева уволил всю основную прислугу. Гвинейра надеялась, что работники не воспримут слова пьяного старика всерьез, но на следующий день ни Кири, ни Моана не пришли на работу. Остальные маорийские слуги не подходили к дому, предпочитая оставаться в конюшнях и садах, и лишь Марама довольно неумело пыталась справляться с обязанностями по кухне.

— Я не умею хорошо готовить, — извинялась она перед Гвинейрой, но, тем не менее, испекла на завтрак любимые блинчики Пола. Однако уже к обеду стало понятно, что ее кулинарные познания позволяют ей приготовить лишь батат с рыбой. Вечером Марама снова приготовила рыбу с бататом, как и на завтрак следующего дня...

Это было одной из причин того, что Джеральд гневно направился к маорийскому поселению у озера. Но еще на полпути к деревне он повстречал стражу с копьями в руках. Оба маорийских юноши серьезно объяснили старику, что не могут пропустить его дальше, так как Тонги не было в деревне, а никто иной не имел права вести переговоры с чужаками.

— Это война! — спокойно произнес один из стражей. — Тонга сказать, теперь война.

— Вам придется искать новых работников в Крайстчерче или Литтелтоне, — с сожалением в голосе сказал Энди МакАран Гвинейре.

Работа на ферме приостановилась, но Джеральд и Пол лишь раздражались, когда кто-то пытался переложить ответственность за проблемы, возникшие в Киворд-Стейшн, на маори.

— Люди из деревни не покажутся сюда до тех пор, пока губернатор не разрешит земельный спор. Вы же, мисс Гвин, пожалуйста, присматривайте за своим сыном! Мистер Пол в любую минуту может взорваться. А в деревне людей подстрекает Тонга. Если кто-то из них поднимет руку друг на друга, нам не избежать смертей!

Говард О'Киф искал деньги. Он уже давно не был так зол. Если сегодня вечером ему не удастся сходить в паб, он просто повесится! Или же убьет Хелен — хотя на этот раз она действительно была ни при чем. Виноват был скорее этот Уорден, который довел маори до белого каления. И сын Говарда Рубен, неудачник, который где-то бродил, вместо того чтобы помогать отцу со стрижкой и выпасом овец!

Говард в спешке обследовал кухню жены. Где-то здесь Хелен прятала накопленные ею деньги — ее «железный запас», как она их называла. Черт знает, как ей удавалось откладывать хотя бы цент при таком скудном семейном бюджете! Тут явно что-то было нечисто! Да и вообще, это были и его деньги тоже. Все здесь принадлежало ему!

Говард начал рыться в очередном шкафчике, попутно проклиная Джорджа Гринвуда. Теперь торговец шерстью приносил только плохие известия. Колонну стригалей, которая обычно работала в этой части Кентербери и сначала приходила в Киворд-Стейшн, а затем появлялась и на ферме О'Кифов, в этом году можно было не ждать. После того как была закончена работа у Бизли, мужчины собирались отправиться в Отаго. Отчасти это объяснялось тем, что большую часть колонны составляли маори, которые отказывались работать на Уорденов. Против Говарда они ничего не имели, хотя в последние годы чувствовали себя на ферме О'Кифов так неуютно и выполняли так много дополнительной работы, что были рады появившемуся в связи с восстанием маори поводу.

— Чертовы неженки! — ругался Говард и при этом в какой-то степени был прав.

«Овечьи бароны» избаловали стригалей, которые теперь считали себя «сливками» среди остальных работников ферм. Крупные овцеводы награждали их премиями за лучшие результаты, следили за обслуживанием мужчин и приглашали их к столу, чтобы отпраздновать окончание работ. Выгон и загон животных с пастбища, как и сбор шерсти, теперь перекладывали на пастухов.

Только О'Киф не мог похвастаться таким же отношением к работникам. У него было мало помощников, в основном молодые неопытные маори из школы Хелен, поэтому стригалям приходилось помогать распределять овец в загоны. При этом Говард оплачивал лишь стрижку овец, но и за эту работу в последние годы платил все меньше, так

как качество шерсти упало, а он считал, что это вина стригалей. Сегодня же ему приходилось расплачиваться за свои действия.

— Попробуйте поискать помощников в Холдоне, — сказал, пожав плечами, Джордж. — В Литтелтоне можно было бы найти дешевую рабочую силу, но больше половины населения происходит из крупных городов, поэтому они никогда в жизни и овцу-то не видели. Пока вы обучите достаточное количество людей, пройдет все лето. А вам следует поторопиться. Уордены тоже будут искать работников в Холдоне. Правда, у них есть и свои работники, которые обучены этому делу и в случае необходимости могут сами постричь овец. Конечно, им придется затратить на стрижку в три-четыре раза больше времени, но мисс Гвин со всем справится.

Хелен попробовала поискать помощников среди маори. Это было замечательной идеей, так как из-за восстания племени Тонги многие опытные работники не были заняты. Говард проворчал, оттого что ему в голову не пришла та же идея, но ничего не сказал, когда Хелен отправилась в деревню к туземцам. Он собирался поехать в Холдон, а для этого требовались деньги!

Тем временем он обыскивал уже третий шкафчик, разбив при этом две чашки и тарелку. Разозлившись, Говард сбросил на пол всю посуду, которая была в последнем кухонном шкафу. Не обращая внимания на разбитые чашки, он настойчиво продолжал искать — и вот! Он что-то обнаружил! О'Киф с нетерпением отодвинул неприбитую доску на задней стенке шкафчика. Три доллара! Довольный собою, Говард засунул деньги в карман. Но что еще Хелен хранила здесь? Какие секреты она скрывала от него?

Говард взглянул на рисунок Рубена и на локон его волос, затем швырнул все это в сторону. Сентиментальные штучки! И тут он увидел письма. Говард засунул руку в тайник и вытащил пачку аккуратно исписанных листов.

Чтобы прочитать написанное, ему нужен был свет... Черт, в этом доме было так темно!

Говард подошел с письмами к столу и зажег керосиновую лампу. Наконец-то он узнал имя отправителя: Рубен О'Киф, склад О'Кей, Мейн-стрит, Квинстаун, Отаго.

Теперь они попались! Он был прав — Хелен уже давно восстановила связь с пропавшим сыном! Уже пять лет она водила его за нос! Ну, теперь ей перепадет!

Но сперва Говардом овладело любопытство. Что Рубен делал в

Квинстауне? О'Киф искренне надеялся, что его сын чуть ли не помирал с голоду, и при этом совершенно не сомневался в своей правоте. Лишь немногие золотоискатели достигали успеха, а Рубен явно не был умелым и удачливым. Говард с нетерпением развернул письмо.

Любимая мама!

Я очень рад сообщить тебе о рождении твоей первой внучки. Малышка Илейн Флоренс увидела свет 12 октября. Роды прошли удачно, и Флёретта чувствует себя хорошо. Малышка была такая крошечная и прелестная, что я сначала не мог поверить, что она жива и здорова. Однако повитуха заверила нас, что все в полном порядке. Теперь, когда в нашем доме постоянно раздаются крики малышки, я не сомневаюсь, что дочка унаследует и хрупкую фигуру, и твердый характер матери. Маленький Стивен очарован сестричкой и постоянно качает ее в колыбели. Флёретта боится, что он при этом перевернет колыбель, но Илейн нравится постоянное раскачивание, и она лишь довольно смеется.

В целом же и в семье, и в магазине у нас все хорошо. Магазин «О'Кей» процветает, как и дамский отдел. Флёретта была права, когда подала тогда идею открытия своей лавочки. Квинстаун постепенно превращается в настоящий город, и женщин в нем становится все больше и больше.

Деятельность в качестве мирового судьи меня полностью удовлетворяет. Скоро у нас откроется и полицейский участок — как видишь, Квинстаун во всех отношениях хорошеет.

Единственное, чего не хватает для нашего полного счастья, это общение с тобой и с семьей Флёретты. Возможно, рождение второго ребенка станет хорошим поводом наконец-то рассказать обо всем отцу. Когда Говард узнает о нашей успешной жизни в Квинстауне, он вынужден будет согласиться с тем, что я поступил правильно, уехав с нашей фермы. Магазин приносит гораздо больше прибыли, чем мы могли бы получить на ферме. Я понимаю, что отец привязан к своей земле, но он должен принять тот факт, что я предпочел другую жизнь. Кроме того, Флёретта с удовольствием посетила бы вас. По ее мнению, Грейси совершенно нечем заняться, так как она только присматривает за детьми и уже давно не следила за овцами.

Тебя и, возможно, отца приветствуют твой любящий сын Рубен, твоя невестка Флёретта и дети.

Говард был вне себя от ярости. Магазин! Значит, Рубен все же взял

пример не со своего отца, а с обожествляемого им дядюшки Джорджа. По-другому и быть не могло! Скорее всего Гринвуд даже предоставил ему стартовый капитал — все в полной тайне от Говарда, хотя остальные обо всем знали! А Уордены точно смеялись над ним! Они-то могли быть довольны зятем из Квинстауна, которого звали О'Киф. Ведь у старика Джеральда был еще один наследник!

Говард схватил письма и вскочил на ноги. Сегодня ночью он покажет Хелен, что он думает о ее «любящем сыне» и его «процветающем магазине»! Но сначала надо съездить в паб! Посмотреть, удастся ли найти пару приличных стригалей, и заодно хорошенько выпить! А если в пабе окажется еще и этот Уорден...

Говард схватил ружье, висевшее у двери. Он должен ответить, они все должны ответить!..

Джеральд и Пол Уорден сидели в уголке холдонского паба, углубившись в переговоры с тремя молодыми людьми, которых как раз наняли в качестве стригалей. Двое из них подходили к делу очень серьезно, один даже работал раньше в колонне стригалей. Почему его там больше не хотели видеть, вскоре стало понятно: мужчина поглощал виски еще в больших количествах, чем Джеральд. Но, учитывая сложившуюся в Киворд-Стейшн ситуацию, даже такой работник был на вес золота; за ним просто нужно было зорко присматривать. Второй мужчина работал на многочисленных фермах пастухом, где и научился стричь овец. Он, конечно, работал не так быстро, но тоже пригодился бы. Что же касалось третьего, то Пол не был уверен. Он много болтал, но не мог предоставить доказательств своего умения. Пол решил заключить с двумя первыми мужчинами постоянный контракт, а третьему предложить пробный срок. Мужчины ударили по рукам, заинтересованно поглядывая при этом на барную стойку.

Говард О'Киф, появившийся в пабе, тоже объявил, что ему требуются стригали. Пол пожал плечами. Если третий работник не хотел заключать временный договор, то он мог спокойно идти к О'Кифу.

Однако О'Киф смотрел на мужчину, которого Уордены выбрали в первую очередь. Джо Трайфлс, известный пьяница. По всей видимости, мужчины были хорошо знакомы. Во всяком случае О'Киф поплелся к их столику и поздоровался с Трайфлсом, не удостоив своим вниманием Пола и Джеральда.

— Привет, Джо! Мне нужна пара стригалей. Заинтересован?

— Я бы с удовольствием, но только что заключил контракт, — ответил

Джо Трайфлс. — Хорошее предложение, четыре недели надежного заработка и премия за каждую постриженную овцу.

Говард, чувствуя, как в нем поднимается волна гнева, подошел поближе.

— Я заплачу тебе больше! — сказал он.

Джо с сожалением покачал головой.

— Говард, уже поздно, я дал слово. Я же не знал, что всем так нужны работники, а то подождал бы твоего появления...

— И оказался бы ни с чем! — Джеральд засмеялся. — О'Киф только болтать умеет, в прошлом году он так и не заплатил своим стригаям! Поэтому в этот раз никто к нему и не хочет. Кроме того, в его сараях протекает крыша.

— Тогда я требую надбавку! — сказал третий мужчина, который еще не успел согласиться на условия Джеральда. — Мне не хочется заработать ревматизм!

Все засмеялись, а Говард вскипел от злости.

— Значит, я не могу заплатить? — закричал он. — Возможно, моя ферма и не настолько успешна, как Киворд-Стейшн, но мне, по крайней мере, не пришлось силой затаскивать в постель наследницу Батлера! Она ведь плакала по мне, Джеральд! И рассказывала тебе, как была счастлива со мной! А тебя это так злило!

Джеральд вскочил на ноги и гневно посмотрел на Говарда.

— Мне эта никчемная плакса, Барбара, была совершенно не нужна! Будь на то моя воля, Говард, я бы с удовольствием вернул ее назад! Но тебе ведь надо было проиграть нашу ферму! Мои деньги, Говард! Мои собственные деньги! Поэтому, вместо того чтобы возвращаться к китобойному промыслу, я решил жениться на Барбаре. Ты даже не представляешь, как она рыдала в нашу первую брачную ночь, но мне было совершенно все равно!

Говард набросился на него.

— Она была обещана мне! — закричал он. — Она была моей!

Джеральд уклонился от удара. Хотя старик и был пьян, ему удалось отвести от себя руки О'Кифа. При этом он заметил цепочку с жадеитом, которую Говард все еще носил на шее. Уорден схватил ее и поднял высоко, чтобы каждый посетитель паба увидел.

— Поэтому ты все еще носишь ее подарок! — с издевкой произнес он. — Как трогательно, Говард! Символ вечной любви! Что насчет этого говорит твоя Хелен?

Мужчины в пабе засмеялись. В беспомощной ярости Говард потянул

цепочку, но Джеральд и не собирался ее отдавать.

— Барбара никому не была обещана, — продолжил Уорден. — И неважно, сколько ты с ней при этом сюсюкался! Ты и правда думаешь, что Батлер отдал бы свою дочь такому нищему проходимцу и игроку, как ты? Да ты должен был оказаться за решеткой за растрату чужих денег! Но благодаря мне и Батлеру ты даже получил ферму, а вместе с ней и шанс на нормальную жизнь! И чего ты добился? Что у тебя есть? Развалившийся дом и пара голодных овец! Ты не заслуживаешь женщины, которая приехала к тебе из Англии! Неудивительно, что твой сын сбежал из дому!

— Значит, ты все уже знаешь! — процедил сквозь зубы О'Киф и ударил Уордена в нос. — Каждый знает о моем чудесном сыне и его прекрасной жене. Может, ты даже их профинансировал, Уорден? Чтобы мне насолить!

Разъярившись, Говард уже не знал, во что верить. Наверное, все так и было! Именно Уорден поддержали брак, который отнял у него сына, и помогли с магазином, который позволил Рубену забыть о Говарде и его ферме...

О'Киф уклонился от кулака Джеральда и с силой ударил соперника головой в живот. Уорден согнулся от боли. Говард использовал этот момент, чтобы нанести точный удар в челюсть, из-за чего Джеральд отлетел в другой угол паба. С ужасным звуком его череп ударился о край стола.

В пабе воцарилось напряженное молчание, когда старик безжизненно рухнул на пол.

Пол увидел, как из уха Джеральда вытекла тонкая струйка крови.

— Дедушка! Дедушка, ты меня слышишь? — Пол стал на колени рядом с тихо стонущим мужчиной.

Джеральд медленно открыл глаза, но, казалось, смотрел сквозь Пола и окружающую обстановку. С трудом старик попытался встать на ноги.

— Гвин... — прошептал он. Затем его глаза остекленели.

— Дедушка!

— Джеральд! Боже мой, я не хотел этого, Пол! Я же не хотел!

Испуганный до смерти Говард О'Киф стоял рядом с трупом Джеральда Уордена.

— Господи, Джеральд...

Остальные посетители паба медленно приходили в себя. Кто-то позвал врача. Но большинство смотрело на Пола, который встал на ноги и устоялся на Говарда.

— Вы убили его! — тихо произнес юноша.

— Но я...

Говард отодвинулся назад. Он практически чувствовал холод и ненависть в глазах Пола. Говард не знал, когда в последний раз испытывал подобный страх. Инстинктивно он попытался схватить ружье, которое висело на спинке стула. Но Пол оказался быстрее. Со времени восстания маори в Киворд-Стейшн он демонстративно носил с собой револьвер. По его словам, для самозащиты, ведь Тонга в любой момент мог на него напасть. До сих пор он не носил оружия. Но это не помешало ему, словно настоящему убийце, вытащить револьвер из кобуры, прицелиться и выстрелить. У Говарда О'Кифа не было шансов. Его взгляд все еще выражал недоверие и страх, когда пуля отбросила его назад. О'Киф умер, не успев даже упасть на пол.

— Пол, ради всего святого, что ты натворил!

Джордж Гринвуд вошел в паб уже после того, как началась потасовка между Джеральдом и Говардом. Теперь он хотел вмешаться, но Пол нацелил револьвер на него. Глаза юноши гневно сверкали.

— Я же... это была самозащита! Вы же все это видели! Он схватил ружье!

— Пол, убери пистолет! — Джордж надеялся лишь, что сможет предотвратить лишнее кровопролитие. — Это ты расскажешь шерифу. Мы пошлем за мистером Хенсоном...

В маленьком мирном Холдоне, как и прежде, не было собственного полицейского участка.

— Зачем мне Хенсон? Это была самозащита, вы ведь все свидетели! И он убил моего дедушку! — Пол упал на колени рядом с телом Джеральда. — Я отомстил за него! Это справедливо. Я отомстил за тебя, дедушка! — Плечи Пола начали содрогаться, когда он разрыдался.

— Может, нам его связать? — тихо спросил Кларк, владелец паба.

Ричард Кендлер испуганно посмотрел на мужчину.

— Ты что? Пока у него в руках револьвер... каждому из нас дорога жизнь! Пускай уж с ним разбирается Хенсон, нам лучше найти доктора.

К счастью, в Холдоне имелся врач, к тому же его успели известить о случившемся, поэтому он пришел довольно быстро. Он установил смерть Говарда О'Кифа, но не решался подойти к телу Джеральда Уордена, пока Пол, рыдая, держал деда в руках.

— Не могли бы вы что-нибудь сделать, чтобы он его отпустил? — повернувшись к Джорджу Гринвуду, спросил хозяин паба Кларк. По всей видимости, он был заинтересован в том, чтобы как можно скорее, еще до закрытия, вынести трупы из заведения: стрельба явно привлекла бы дополнительных посетителей.

Гринвуд пожал плечами.

— Оставьте его в покое. Пока он рыдает, хотя бы стрелять не будет. И не спорьте с ним. Если он считает, что это была самозащита, то пускай продолжает так думать. Что вы скажете завтра Хенсону, это уже совершенно другое дело.

Пол постепенно пришел в себя и позволил врачу осмотреть деда. С последней искоркой надежды в глазах он наблюдал за тем, как доктор Миллер прослушивал сердце старика.

Однако Миллер покачал головой.

— Мне жаль, Пол, но я уже ничего не могу поделать. Перелом черепа. Он ударился о край стола. Но умер все же не от удара в челюсть, а от сотрясения. Фактически это был несчастный случай. Мне жаль, малыш.

Он сочувственно похлопал Пола по плечу. Гринвуд спросил себя, знал ли доктор, что Пол застрелил Говарда.

— Сейчас мы отнесем обоих мертвецов к организатору похорон, а завтра Хенсон сможет осмотреть трупы, — сообщил Миллер. — Сможет ли кто-то отвезти мальчика домой?

Джордж Гринвуд предложил свою помощь, в то время как жители Холдона отреагировали на просьбу довольно сдержанно. К перестрелкам здесь не привыкли, даже обычные драки были редкостью. Обычно драчунов просто разнимали, но в этот раз словесная перепалка между Джеральдом и Говардом оказалась слишком горячей. Вероятно, каждый из присутствующих с нетерпением ждал момента, чтобы рассказать о происшедшем своей жене. Вздыхнув, Джордж подумал, что завтра новость об убийстве станет обычной городской сплетней. Но это не имело никакого значения. Сперва ему нужно было отвезти Пола домой, а уж затем думать, что делать дальше. Уорден, которого судят за убийство? У Джорджа волосы встали дыбом. Нужно было найти возможность замять скандал.

Гвинейра, как обычно, собиралась лечь спать, не дожидаясь возвращения Пола и Джеральда домой. В последние месяцы к вечеру она очень уставала, так как помимо работы на ферме на ней висели теперь еще и обязанности по дому. Джеральд вынужден был одобрить новых белых работников, но не нанял слуг. Поэтому, как и прежде, Гвинейре помогала лишь Марама, да и то весьма неумело. Хотя девочку и приучили быть помощницей своей матери с самого детства, но у Марама не было таланта к ведению хозяйства. Она скорее обладала художественными способностями; в своем племени девушка считалась маленькой *tohunga*, учила других девочек пению и танцу, рассказывала фантастические

истории, а также предания ее собственного народа и сказки *pakeha*. Она могла вести хозяйство маори, разжигать костер и готовить еду на раскаленных камнях или углях. Однако ей не удавалось хорошо полировать мебель, выбивать ковры и красиво накрывать на стол. При этом наиболее требовательным Джеральд был к кухне, поэтому, чтобы не злить его лишний раз, Гвин и Марама теперь тщательно изучали рецепты покойной Барбары Уорден. К счастью, Марама бегло разговаривала по-английски, поэтому им не приходилось пользоваться в качестве посредника Библией, как когда-то Гвинейре.

Сегодня же в любом случае Джеральд и Пол должны были поужинать в Холдоне. Марама и Гвин ограничились хлебом и фруктами. После этого они еще посидели вдвоем перед камином. Гвин спросила, не обижались ли маори на девушку за то, что она отказалась участвовать в их восстании, но она, покачивая головой, ответила певучим голосом:

— Тонга, конечно, злится. Он хочет, чтобы все делалось по его указке. Однако у нас так не принято. Мы самостоятельно принимаем решения, к тому же я ему не жена, хотя он и надеется, что однажды я соглашусь стать ею.

— Разве мнение твоих родителей при этом не учитывается? — Гвинейра все еще не до конца понимала обычаи маори. Она не могла представить, чтобы девушки сами выбирали себе мужчин и по несколько раз меняли партнеров.

Марама покачала головой.

— Нет. Моя мать лишь говорит, что было бы странно, если бы я выбрала Пола, так как мы с ним молочные брат и сестра. Но я считаю, что это было бы неприлично в том случае, если бы он принадлежал к нашему племени, а он *pakeha*, и это совершенно другое...

Гвинейра чуть не захлебнулась своим шерри, услышав, как спокойно Марама рассуждает о возможном сексе с ее семнадцатилетним сыном. Во всяком случае, теперь в ее голову закралось подозрение насчет того, почему Пол так агрессивно реагировал на маори. Он хотел быть изгоем среди них. Чтобы однажды жениться на Мараме? Или просто чтобы считаться среди *pakeha* «другим»?

— Тебе Пол нравится больше, чем Тонга? — осторожно спросила Гвин.

Марама кивнула.

— Я люблю Пола, — спокойно сказала она. — Как *rangī* любил *papa*.

— Почему? — Вопрос сорвался с губ Гвинейры прежде, чем она успела осмыслить его. Затем она покраснела. Гвинейра наконец-то

призналась в том, что не находила в собственном сыне ничего, что было бы достойно любви. — Я имею в виду, — попыталась оправдаться она, — что у Пола тяжелый характер и...

Марама снова кивнула.

— Любовь не проста, — продолжила девушка. — Пол похож на бушующую реку, которую нужно перейти вброд, чтобы найти лучшие рыбные места. Он — поток слез, мисс Гвин. Его нужно усмирить при помощи любви. Только тогда он... он сможет стать человеком...

Гвин долго размышляла над словами девушки. Она стыдилась своего поведения по отношению к сыну, того, что совершенно не любила его. Но у нее и не было причин любить его! Когда Гвинейра в сотый раз переворачивалась в постели, Пятница залаяла. Это было странно. Хотя внизу и были слышны мужские голоса, обычно собака никак не реагировала на Джеральда и Пола. Возможно, они привели с собой гостя?

Гвинейра быстро накинула на себя плащ и вышла на улицу. Было еще довольно рано; возможно, мужчины были трезвыми и она могла бы спросить, нашли ли они стригалей. Если же они привели с собой собутыльника, то она, по крайней мере, будет знать, что ожидать на следующее утро.

Чтобы в случае чего незаметно вернуться в спальню, Гвинейра бесшумно прокралась на лестницу — и очень удивилась, увидев в салоне Джорджа Гринвуда. Он провел в кабинет Джеральда измученного Пола и зажег там лампу. Гвинейра последовала за мужчинами.

— Добрый вечер, Джордж... Пол, — поздоровалась она. — А где Джеральд? Что-то случилось?

Джордж Гринвуд не ответил на ее приветствие. Он лишь открыл окно, взял бутылку бренди, которому обычно предпочитал виски, и наполнил жидкостью три бокала.

— Пол, выпей. И вам, мисс Гвин, тоже не помешает. — Он протянул ей бокал. — Джеральд мертв, Гвинейра. Говард О'Киф убил его. А Пол застрелил Говарда.

Гвинейре потребовалось некоторое время, чтобы осознать происшедшее. Она медленно пила бренди, пока Джордж описывал события в пабе.

— Это была самозащита! — пытался оправдать себя Пол. Он то начинал плакать, то снова упрямо произносил одни и те же слова.

Гвин вопросительно посмотрела на Джорджа.

— Можно и так сказать, — нерешительно произнес Гринвуд. — О'Киф

точно хотел схватить ружье. Но на самом деле прошла бы еще целая вечность, прежде чем он поднял бы его и направил на Пола. Другие мужчины наверняка успели бы обезоружить его. Да и сам Пол мог бы остановить его одним точным ударом или, по крайней мере, выбить из рук ружье. Я боюсь, свидетели так и опишут то, что видели собственными глазами.

— Тогда это была месть! — закричал Пол и одним глотком выпил свой бренди. — Он первым убил!

— Между ударом кулака с непредвиденными последствиями и осознанным выстрелом в грудь существует большая разница! — ответил ему Джордж, слегка разозлившись. Он взял бутылку бренди, прежде чем Пол успел налить себе еще. — О'Кифа обвинили бы в непреднамеренном убийстве. Или вообще оправдали бы. Большинство людей в пабе подтвердило бы, что это был несчастный случай.

— Насколько мне известно, не существует права на месть, — вздохнув, произнесла Гвин. — То, что ты сделал, Пол, называется самосуд — а он подлежит уголовному наказанию.

— Они не могут бросить меня за решетку! — надтреснутым голосом заявил Пол.

Джордж кивнул.

— Или могут. Боюсь, шериф именно так и поступит, когда завтра приедет сюда.

Гвинейра еще раз протянула ему свой бокал. Она не могла припомнить, когда наслаждалась бы более чем глотком бренди, но сегодня ей нужно было больше.

— Итак, Джордж, что же мы можем сделать?

— Я не останусь здесь! — закричал Пол. — Я убегу в горы. Буду жить, как маори! Меня никогда не найдут!

— Прекрати нести чепуху! — набросилась на него Гвинейра.

Джордж Гринвуд повертел бокал в руках.

— Возможно, Пол прав, Гвинейра, — сказал он. — Вряд ли у него есть лучший вариант, кроме как подождать, пока все немного забудут о происшедшем. Через год или два никто об этом и не вспомнит. И, между нами говоря, я не думаю, что Хелен О'Киф будет жаждать справедливого возмездия за смерть мужа. Когда же Пол вернется, то нужно будет решить этот вопрос раз и навсегда. Но тогда ему, вероятно, удастся представить случившееся как самозащиту, причем это будет выглядеть более правдоподобно. Вы же знаете людей, Гвин! Завтра люди начнут говорить, что у одного было старенькое ружье, а у другого — револьвер, а через три

месяца все будут уверены, что они напали друг на друга с пушками...

Гвинейра кивнула.

— По крайней мере мы отложим на время неразберихи с маори еще один скандал. Для Тонги все это было бы желанным зрелищем... налейте мне еще бренди, Джордж. Я не могу поверить собственным ушам. Мы сидим здесь и рассуждаем о том, какая стратегия поведения более выгодна, в то время как где-то лежат два трупа!

Пока Джордж повторно наполнял бокал, Пятница снова залаяла.

— Шериф! — Пол схватился за револьвер, но Джордж придержал его за руку. — Ради Бога, не создавай себе лишних проблем! Если ты еще кого-нибудь застрелишь — или хотя бы будешь угрожать Хенсону, — тебя повесят, Пол Уорден! И никакие деньги, даже твое имя не спасут тебя!

— Вряд ли это шериф, — сказала Гвинейра и поднялась на ноги, слегка покачиваясь. Даже если бы жители Холдона еще ночью послали гонца в Литтелтон, Хенсон смог бы приехать в Киворд-Стейшн лишь на следующий день после обеда.

Вместо этого она увидела дрожащую и промокшую от дождя Хелен О'Киф, которая стояла в дверном проеме. Не веря собственным глазам, она посмотрела на Гвинейру и Джорджа Гринвуда.

— Джордж... Что ты тут делаешь?.. Впрочем, неважно, Гвин, ты должна сегодня приютить меня где-нибудь. Я с удовольствием переночую и в конюшне, только дай мне пару сухих вещей. Я насквозь промокла. Непумук двигается не очень быстро.

— Но почему ты здесь? — Гвинейра положила руку на плечо подруги. Хелен еще никогда не приезжала в Киворд-Стейшн.

— Я... Говард нашел письма Рубена... Он разбросал их по всему дому и побил всю посуду... Гвин, если он сегодня вернется домой пьяным, то мне не жить!

Когда Гвин сообщила подруге о смерти Говарда, та отреагировала очень сдержанно. Слезы, которые текли по лицу Хелен, свидетельствовали скорее о всех страданиях, боли и несправедливости, которые ей пришлось пережить и увидеть. Ее любовь к мужу давно угасла. Гораздо больше ее беспокоило то, что Пола могли привлечь к суду из-за убийства.

Гвинейра собрала все деньги, которые только отыскились в доме, и приказала Полу пойти наверх и сложить свои вещи. Она знала, что он нуждается в помощи; юноша был не в себе и совершенно обессилел. Он точно не мог трезво мыслить. Но когда Пол поднялся по ступенькам, за ним с сумкой через плечо последовала Марама.

— Мне нужна твоя дорожная сумка, Пол, — тихо произнесла она, —

чтобы захватить для нас немного еды в кухне.

— Для нас? — нерешительно спросил Пол.

Марама кивнула.

— Конечно. Я поеду с тобой. Я и ты.

Офицер Хенсон был немало удивлен, застав в Киворд-Стейшн на следующий день не Пола Уордена, а Хелен О'Киф. Естественно, подобная ситуация не вызвала у него восторга.

— Мисс Гвин, в Холдоне есть люди, которые обвиняют вашего сына в убийстве. А теперь он еще и скрылся от расследования. Я не знаю, что и думать, учитывая сложившиеся обстоятельства.

— Я уверена, что он вернется, — сказала Гвин. — Поймите... смерть его деда, а потом еще и внезапное появление Хелен... Ему было ужасно стыдно перед ней. Все это слишком для юноши...

— Ну, будем надеяться на лучшее. Но не стоит относиться к ситуации легкомысленно, мисс Гвин. По всей видимости, он выстрелил мужчине в грудь. А О'Киф, как показывают свидетели, был практически безоружным.

— Но он сам его спровоцировал, — вставила Хелен. — Шериф, вы ведь знаете, мой муж иногда вел себя довольно вызывающе. К тому же юноша был уже не совсем трезвым.

— Возможно, Пол просто не смог оценить ситуацию, — добавил Джордж Гринвуд. — Смерть дедушки совершенно выбила его из колеи. А когда он, потрясенный смертью мистера Джеральда, еще и увидел, что Говард О'Киф схватился за ружье...

— Но вы ведь не хотите сказать, что жертва преступления был сам виноват в случившемся! — строго произнес Хенсон. — Старое охотничье ружье не представляет собой никакой угрозы!

— Это правда, — пошел на уступку Джордж. — Просто хотелось бы заметить, что... это были крайне неудачные обстоятельства. Эта глупая драка... ужасный несчастный случай. Мы все должны были разнять Джеральда и Говарда. И я думаю, что с расследованием можно повременить... до тех пор, пока не вернется Пол.

— Если он вернется! — проворчал Хенсон. — Мне бы не хотелось отправлять на его поиски своих людей.

— Мои работники в вашем распоряжении, — сказала Гвинейра. — Поверьте, я была бы более спокойной, если бы мой сын находился под охраной полиции, нежели один где-то в горах. К тому же от племени маори поддержки и защиты ему ждать не приходится.

В этом она была однозначно права. Несмотря на то, что шериф

отказался от расследования и не стал забирать у «овечьих баронов» работников в разгар сезона стрижки овец, Тонга отнесся к ситуации не так спокойно. У Пола была Марама. Неважно, по своей воле она пошла с ним или нет, но сейчас девушка, которую любил Тонга, была с его соперником. И теперь наконец-то *rakehane* защищали стены своего дома. Больше не существовало богатого скотовода и маорийского юноши, которого никто не хотел воспринимать всерьез. Теперь были только двое мужчин в горах. Для Тонги Пол был вне закона. Но сначала он решил подождать. Он был не таким глупым, как белые, которые бросались за беглецом по горячим следам. Однажды он узнает, где скрываются Пол и Марама. И тогда он расправится со своим смертельным врагом.

Гвинейра и Хелен похоронили Джеральда Урдена и Говарда О'Кифа. После этого жизнь пошла своим ходом, но при этом в жизни Гвинейры изменилось немного. Она занялась организацией стрижки овец, но сначала решила заключить с маори перемирие.

Взяв Рети в качестве переводчика, она отправилась в деревню, чтобы провести переговоры.

— Вы должны владеть землей, на которой находится ваша деревня, — сказала она, заставив себя улыбнуться. Тонга смотрел на нее, опираясь на священный топор, символ его верховенства. —

В остальном нам предстоит немало поразмыслить. У меня есть немного наличных денег, но после стрижки овец ситуация, конечно, будет выглядеть лучше, и тогда, возможно, мы договоримся о выкупе земли. Я пока что не являюсь наследницей мистера Джеральда, так что... Давайте решим, что нам делать с землей между нашими огороженными пастбищами и фермой О'Кифов.

Тонга поднял бровь.

— Мисс Гвин, я ценю ваше беспокойство, но я не дурак. Я знаю, что у вас нет никакого права делать нам подобные предложения. Вы не наследница Киворд-Стейшн — точнее, ферма принадлежит вашему сыну Полу. Вы же не хотите серьезно утверждать, что он предоставил вам право проводить переговоры со мной от своего имени?

Гвинейра потупила взгляд.

— Нет, он этого не сделал. Но, Тонга, мы ведь живем здесь все вместе. И мы всегда жили в мире...

— Ваш сын нарушил этот мир! — сурово произнес Тонга. — Он оскорбил моих людей и меня... К тому же ваш мистер Джеральд обманул мое племя. Прошло уже много времени, я знаю, но могло бы пройти и еще

больше, однако рано или поздно мы все равно узнали бы правду. Извинения за ложь до сих пор не последовало...

— Я прошу прощения! — сказала Гвин.

— У вас нет священного топора! Вы для меня, мисс Гвин, как tohunga. Вы понимаете в разведении скота больше, чем многие мужчины. Но, с правовой точки зрения, вы никто и ничем не обладаете. — Он указал на маленькую девочку, игравшую на краю поляны. — Может ли этот ребенок говорить от имени Кай Таху? Нет. Точно так же и вы, мисс Гвин, не можете выступать от лица семьи Уорденов.

— Но что же нам тогда делать? — отчаявшись, спросила Гвин.

— То же, что и прежде. Мы находимся в состоянии войны. Мы не будем вам помогать, напротив, будем мешать, где только представится такая возможность. Вас не удивляет, что никто не хочет стричь ваших овец? Это наших рук дело. А еще мы перегородим ваши транспортные пути, чтобы не допустить вывоза шерсти, и не оставим Уорденов в покое, пока губернатор не вынесет свой приговор, а ваш сын не будет готов его признать.

— Но я не знаю, как долго не будет Пола, — беспомощно произнесла Гвинейра.

— Тогда мы тоже не знаем, как долго мы будем бороться. Мне жаль, мисс Гвин, — сказал в заключение Тонга и отвернулся.

— Мне тоже, — вздохнула Гвинейра.

В следующие недели Гвинейра мужественно сражалась со стрижкой овец, при этом женщину всячески поддерживали ее работники, а также те двое помощников, которых успели нанять в Холдоне Джеральд с Полом. За Джо Трайфлом постоянно приходилось следить, хотя, когда мужчина оставался трезвым, он успевал сделать в три раза больше, чем обычные пастухи. Хелен, у которой до сих пор не было работников, с завистью смотрела на способного Джо.

— Я бы тебе его уступила, — сказала Гвин. — Но поверь мне, одна ты за ним не уследишь, это возможно только в том случае, когда целая колония стригалей работает одновременно. Однако я пошлю всех работников к тебе, как только они управятся здесь. Правда, в этом году стрижка длится ужасно долго. Твои овцы хотя бы нормально едят?

В это время пастбища вокруг ферм были практически голыми, поэтому животных в течение лета постепенно отгоняли в горы.

— Худо-бедно, — пробормотала Хелен. — Я даю им корм, который предназначался коровам. Джордж продал их в Крайстчерче, иначе мне

нечем было бы даже заплатить за похороны. В будущем мне придется продать и ферму. Я не такая, как ты, Гвин, я не могу со всем справляться в одиночку. И если уж честно, скажу: я не люблю овец. — Она неловко погладила молодую овчарку, которую Гвин недавно ей подарила. Собака уже полностью выросла и оказывала огромную помощь Хелен на ферме. Тем не менее даже за собакой Хелен ухаживала без особого удовольствия. Единственным преимуществом, которое было у нее по сравнению с Гвинейрой, оказались дружественные отношения с маори. Ее ученики, естественно, помогали ей на ферме, поэтому у Хелен были, по крайней мере, овощи из огорода, яйца, молоко, свежее мясо и рыба, так как мальчики сами охотились, а их родители частенько передавали учительнице часть своего улова в знак благодарности.

— Ты уже написала Рубену? — спросила Гвин.

Хелен кивнула.

— Но ты же знаешь, сколько времени это займет. Почта сначала идет в Крайстчерч, а затем в Данидин...

— А там письмо могла бы забрать повозка из магазина «О'Кей», — сказала Гвинейра. — В последнем письме Флёр писала, что ожидает поставку в Литтелтоне. В ближайшее время они должны послать кого-то туда, чтобы забрать ее. Возможно, ее люди уже в пути. А теперь давай поговорим о моей шерсти. Маори угрожают перекрыть дорогу в Крайстчерч, кроме того, я думаю, Тонга не остановится и перед кражей шерсти — в качестве компенсации, которую губернатор обещал местным племенам. Но я лишу его этого удовольствия. Ты ведь не против, если мы всю шерсть привезем к тебе, сложим в твоём коровнике, а затем, после окончания стрижки твоих овец, отвезем все в Холдон? Конечно, мы окажемся на рынке позже, чем другие овцеводы, но тут уж ничего не поделаешь...

Тонга был в ярости, но у Гвин все шло по плану. Пока его люди следили за дорогами, теряя былое воодушевление, Джордж Гринвуд занялся транспортировкой шерсти с Киворд-Стейшн и фермы О'Кифов в Холдон. Люди Тонги, которым вождь пообещал щедрое вознаграждение, стали терять терпение и упрекали его тем, что за это время уже прилично заработали бы у *pakeha*.

— Этих денег хватило бы почти на целый год! — жаловался муж Кири. — Вместо этого нам теперь снова придется переселяться и охотиться. Жена совсем не рада тому, что зиму придется провести в горах.

— Возможно, там она встретится со своей дочерью! — злобно ответил

Тонга. — И ее мужем- *ра а к е h а*. Ему вы и жалуйтесь — в конце концов, это его вина.

Тонга все еще не разузнал о местонахождении Пола и Марамы. Но он был терпеливым. Тонга просто ждал. Тем временем в его «сети» попала другая повозка. Правда, она ехала не с Киворд-Стейшн, а из Крайстчерча и в ней везли не шерсть, а женскую одежду, так что никакой разумной причины ее задерживать совершенно не было. Но люди Тонги постепенно выходили из-под контроля и позволяли себе намного больше, чем предполагал вождь.

Леонард МакДанн вез свою нагруженную повозку по довольно ухабистой сельской дороге из Крайстчерча в Холдон. Это была, конечно, объездная дорога, но его работодатель Рубен О'Киф дал ему поручение забрать в Холдоне пару писем и посмотреть на то, как обстоят дела на одной из местных ферм.

— Но только незаметно, МакДанн, пожалуйста! Если мой отец узнает, что мать поддерживает со мной связь, у нее будут большие проблемы. Моя жена тоже считает, что риск слишком велик, однако у меня какое-то плохое предчувствие... Мне не верится, что ферма действительно процветает, как заверяет моя мать. Возможно, будет достаточно и того, если вы просто порасспрашиваете людей в Холдоне. В этой местности все знают друг друга, к тому же хозяйка магазина в городе очень болтливая...

МакДанн дружелюбно кивнул и улыбнулся, сказав, что постарается применить технику искусного подслушивания. В будущем, подумал Леонард, это ему пригодилось бы. Он последний раз отправился в поездку как поставщик О'Кифов. Население Квинстауна недавно выбрало его констеблем. МакДанн, неуклюжий спокойный мужчина лет пятидесяти, ценил оказанную ему честь и связанные с новой должностью преимущества. Он проработал на О'Кифов четыре года и был сыт по горло постоянными разъездами.

Тем не менее он наслаждался поездкой в Крайстчерч, не в последнюю очередь благодаря приятному обществу дам. Справа от него на козлах сидела Лори, слева — Мэри, а может, наоборот — даже сейчас никто так и не научился различать близняшек.

Девушкам же это было совершенно безразлично. Как одна, так и другая весело разговаривали с МакДанном, задавали серьезные вопросы и с детской наивностью во взгляде смотрели по сторонам. МакДанн знал, что Мэри и Лори выполняли неоценимую работу в качестве закупщиков всей продукции в магазине «О'Кей». Они были вежливыми и хорошо

воспитанными, могли даже читать и писать. Но по натуре сестры были простоватыми; они легко поддавались влиянию со стороны, радовались всяким мелочам и слишком болезненно воспринимали то, что люди иногда относились к ним неподобающим образом. К счастью, это случалось редко; обычно обе девушки были в прекрасном настроении.

— Давайте остановимся, мистер МакДанн! — весело предложила Мэри.

— Мы купили продукты для пикника, мистер МакДанн! Даже жареную ветчину из курицы в этом китайском магазинчике в Крайстчерче... — щебетала Лори.

— Это ведь действительно курица, мистер МакДанн? Не собачатина? В отеле вы говорили, что в Китае люди едят собак.

— Вы можете представить, что кто-то ест Грейси, мистер МакДанн?

МакДанн усмехнулся, при этом у него во рту потекли слюнки. Мистер Лин, китаец, живущий в Крайстчерче, точно уж не продавал своим покупателям собачатину под видом курицы.

— Овчарки вроде Грейси слишком дорогие, чтобы их есть, — ответил он. — Что еще в ваших корзинках? У пекаря вы ведь тоже были?

— О да, мы навестили Розмари! Представляете, мистер МакДанн, она приплыла в Новую Зеландию на том же корабле, что и мы!

— А теперь она замужем за пекарем в Крайстчерче. Разве это не замечательно?

МакДанн считал брак с пекарем не самым большим приключением в жизни девушки, но воздержался от комментариев. Вместо этого он попытался найти подходящее место для остановки. Торопиться им было некуда. МакДанн не прочь был отдохнуть сам и дать пару часов на отдых лошадям, которые смогли бы спокойно поесть.

Но затем произошло нечто странное. Следующий поворот оказался... запертым. Кто-то положил посередине дороги пути бревно, охраняемое двумя воинами маори. Мужчины выглядели враждебно настроенными и нагоняли страх. Их лица были полностью покрыты татуировками и соответствующего цвета краской, обнаженное тело блестело на солнце, а на поясе висело что-то вроде набедренной повязки, доходившей до колен. При этом воины были вооружены копьями и теперь угрожающе подняли их перед МакДанном.

— Пригнитесь, девочки! — крикнул он Мэри и Лори, стараясь не испугать близняшек.

Наконец повозка остановилась.

— Что ты хочешь на Киворд-Стейшн? — угрожающе спросил один из

воинов маори.

МакДанн пожал плечами.

— Разве это не дорога в Холдон? Я везу товары в Квинстаун.

— Ты врать! — закричал воин. — Дорога на Киворд-Стейшн, а не к Вакатипу. Ты еда для Уордены!

МакДанн закатил глаза и попытался продемонстрировать спокойствие.

— Я точно уж не еда для Уорденов, кем бы они ни были. Кроме того, моя повозка нагружена не продуктами, а дамским бельем.

— Дамы?.. — Воин наморщил лоб. — Ты показывать!

Маори ловко вскочил на повозку и попытался сорвать навес.

Мэри и Лори испуганно завизжали. Другие воины радостно вскрикнули.

— Только осторожно! — заругался МакДанн. — Вы ведь все испортите! Я могу сам открыть вам повозку, но...

Тем временем воин достал кинжал и быстро разрезал навес. К удовольствию его друзей, все содержимое повозки теперь предстало их взглядам — вместе с девушками, которые в страхе прижались друг к другу.

Теперь МакДанн действительно встревожился. В повозке не было ничего такого, что можно было бы использовать в качестве оружия. У МакДанна имелся пистолет, но он вряд ли смог бы воспользоваться им — маори наверняка успели бы его обезоружить. Вытаскивать нож тоже было слишком рискованно. Кроме того, парни выглядели не как настоящие разбойники, а как пастухи, решившие поиграть в воинов. На первый взгляд они не представляли собой серьезной угрозы.

Однако под нижним бельем, которое маори с восторгом вытащил из повозки и приложил к своей груди, лежал взрывоопасный груз. Если бы мужчины обнаружили бочки с лучшим бренди и решили попробовать его прямо на месте, то дело приняло бы другой оборот. Тем временем повозка привлекла внимание еще большего количества маори. Очевидно, МакДанн и девушки проезжали возле деревни туземцев. Вскоре к повозке подошли двое юношей и еще несколько мужчин более старшего возраста, которые были одеты на западный манер и не имели татуировок. Один из них взял с повозки ящик лучшего божоле — из частного заказа мистера Рубена.

— Вы идти с нами! — строго сказал один из новоприбывших. — Вино для Уордены. Я когда-то слуга, я знаю! Мы вас привести к вождь! Тонга знать, что делать!

МакДанн не был в восторге от представившейся возможности увидеть вождя племени. Он, как и прежде, не думал, что существует опасность для их жизни, но понимал, что оставлять повозку в лагере туземцев нельзя,

иначе придется распрощаться с ценным грузом.

— Идти за мной! — приказал бывший слуга и отправился вперед.

МакДанн оценивающе посмотрел на окружающую их местность. Земля вокруг была совершенно плоской, а приблизительно через двести метров находилась развилка — предположительно именно там они сделали неправильный поворот. По всей видимости, это была частная дорога, а маори враждовали с владельцем земли. Тот факт, что подъездная дорога к Киворд-Стейшн выглядела лучше, чем путь в Холдон, ввел МакДанна в заблуждение. Если бы ему только удалось вырваться через кустарник налево, то он как раз попал бы на дорогу в Холдон...

К сожалению, перед ним все еще стоял воин маори, на этот раз с бюстгальтером на голове — одна его нога находилась на козлах, а другая — внутри повозки.

— Если переломаешь себе ноги, сам виноват, — пробормотал МакДанн, приводя повозку в движение.

Леонард знал, что для разгона этим лошадям требовалось немного времени, после чего догнать их было практически невозможно. Когда лошади сделали первый шаг, он щелкнул пальцами и одновременно резко повернул налево. Внезапное движение вывело танцующего с нижним бельем воина из равновесия. Он не успел даже взмахнуть своим копьем, когда МакДанн вытолкнул его из повозки. Лори и Мэри закричали. Леонард надеялся, что мужчина не попадет под колеса.

— Девочки, пригнитесь! И держитесь покрепче! — прокричал он, в то время как на ящики с бельем приземлился настоящий град из копий. Но это не имело значения, так как лошади скакали галопом в таком темпе, что под их копытами сотрясалась земля. Верхом на лошади повозку можно было бы догнать, но, к облегчению МакДанна, никто их не преследовал.

— Девочки, все в порядке? — спросил он близняшек, пришпоривая лошадей и умоляя при этом Бога, чтобы земля под их копытами была как можно более ровной. Быстро остановить животных не удалось бы, и единственное, чего Леонард добился бы, были переломанные спицы в колесах. Но местность все еще была очень ровной, и вскоре МакДанн увидел перед собой дорогу. Вообще-то, он не знал, вела ли эта дорога в Холдон или нет; она была слишком узкой и извилистой. Но по ней явно можно было ехать, а следы копыт и колес свидетельствовали о том, что тут хотя бы изредка проезжали повозки. МакДанн снова пришпорил лошадей. Лишь когда деревня маори оказалась в миле позади, он замедлил темп.

Лори и Мэри с облегчением перебрались к нему на козлы.

— Что это было, мистер МакДанн?

- Они хотели что-то нам сделать?
- Обычно туземцы ведут себя более дружелюбно.
- Да, Розмари говорит, что они очень милые!

Мистер МакДанн вздохнул, когда близняшки вновь принялись беспрерывно болтать. Казалось, они легко отделались. Теперь нужно было выяснить, куда вела эта дорога.

После пережитого приключения у Мэри и Лори вновь проснулся голод, но все трое решили, что насладиться хлебом, курицей и великолепными пирожными Розмари лучше было прямо на козлах. МакДанн все еще не отошел после встречи с маори. Он слышал о восстаниях туземцев на Северном острове. Но здесь, посреди мирных кентерберийских равнин?

Как и прежде, дорога шла на запад. Вряд ли это была официальная дорога. Кустарник и деревья в этих местах не вырубали, а предпочитали объезжать. А еще тут протекал ручей...

Присмотревшись, МакДанн вздохнул: переправа через него казалась безопасной, к тому же здесь явно ездили раньше. Но, возможно, не с таким тяжелым грузом, как у него. Чтобы избежать проблем, он приказал девушкам сойти на землю и осторожно проехал через ручей. Затем он опять остановился, чтобы девушки взобрались на повозку, — и испугался, услышав крик Мэри:

— Мистер МакДанн! Там снова маори! У них точно ничего хорошего на уме!

Девушки в паническом страхе забрались под навес, а МакДанн стал осматривать окрестности в поисках воинов. Но он увидел лишь двух детей, которые гнали перед собой корову.

Оба ребенка, заметив повозку, с любопытством подошли поближе.

МакДанн улыбнулся, и дети робко кивнули ему. Затем, к его удивлению, они поздоровались на великолепном английском:

- Добрый день, мистер.
- Вам чем-то помочь, мистер?
- Вы путешествующий торговец, мистер? Мы читали о паяльщиках!
- Девочка с интересом заглянула под навес повозки.

— Ну что ты, Киа, это еще одна повозка с шерстью от Уорденов. Мисс Хелен ведь разрешила им складывать все у нее, — сказал мальчик и преградил корове дорогу.

— Чепуха! Стригали давно уже тут, они все привезли с собой. Это точно медник! Вот только лошади не пятнистые!

МакДанн улыбнулся.

— Мы хоть и торговцы, но не паяльщики, маленькая леди, — ответил он девочке. — Мы везем груз в Холдон, но, кажется, заблудились.

— Не очень, — утешила его девочка.

— Если возле дома вы возьмете правильное направление, то через две мили выедете на дорогу к Холдону, — добавил мальчик и с удивлением посмотрел на близняшек, которые снова решились показаться на глаза. — Почему эти женщины выглядят совершенно одинаково?

— Это хорошие новости, — довольно произнес МакДанн, не обращая внимания на вопрос мальчика. — Не могли бы вы мне сказать, где мы вообще находимся? Это ведь не... как она называется? Киворд-Стейшн?

Дети захихикали, как будто услышали очень смешную шутку.

— Нет, это ферма О'Кифов. Но мистер О'Киф мертв.

— Его застрелил мистер Уорден! — добавила девочка.

МакДанн с удивлением подумал, что он, как будущий полицейский, не мог бы желать более доверчивых людей. В Холдоне все были очень общительными, в этом Рубен был прав.

— А теперь он в горах, а Тонга его ищет.

— Тсс, Киа, ты не должна этого говорить!

— Вы хотите к мисс Хелен, мистер? Нам ее позвать? Она в сарае для стрижки овец или...

— Нет, Матицу, она в доме. Ты разве не знаешь? Она сказала, что должна готовить еду для людей...

— Мисс Хелен? — прочитала Лори.

— Наша мисс Хелен? — повторила, словно эхо, Мэри.

— Они еще и разговаривают одинаково? — удивился мальчик.

— Я думаю, ты можешь привести нас на эту ферму, — спокойно сказал МакДанн. — По всей видимости, мы нашли как раз то, что искали.

«А мистер Говард, — подумал он, расплывшись в кривой улыбке, — больше никому не сможет помешать».

Через полчаса лошади стояли в конюшне Хелен. Сама Хелен — вне себя от счастья и удивления — обнимала давно потерянных близняшек с «Дублина». Она все еще не могла поверить, что полуголодные дети выросли и превратились в миловидных молодых женщин, которые с готовностью принялись помогать ей в кухне.

— Этого должно хватить на целую ораву мужчин, мисс Хелен?

— Нет, мисс Хелен, нам нужно добавить продуктов.

— Это будут пирожки, мисс Хелен? Тогда лучше взять побольше батата и поменьше мяса.

— Да не нужно им столько, а то работать не захотят!

Довольные близняшки весело захихикали.

— Вам даже не придется замешивать тесто, мисс Хелен! Подождите, мы еще сделаем чай!

Мэри и Лори уже много лет готовили еду для клиентов «Отеля Дафны». Прокормить колонну стригалей им не казалось особо трудной задачей. Пока сестры, чирикая, возились в кухне, Хелен и МакДанн, сидя за столом, беседовали. Он рассказал ей о странном происшествии с маори, а Хелен поведала ему об обстоятельствах смерти Говарда.

— Конечно же, я соблюдаю траур по своему мужу, — сказала она и разгладила простое синее платье, которое после смерти Говарда носила почти постоянно. На черное траурное платье у нее не хватило денег. — Но в какой-то степени его смерть принесла мне облегчение... Простите, вы, должно быть, считаете меня совершенно бессердечной...

Мистер МакДанн покачал головой. Он совсем не считал Хелен бессердечной. Напротив, он не мог насмотреться на ее озаренное радостью лицо, когда она обнималась с близняшками. Эта женщина с блестящими каштановыми волосами и спокойными серыми глазами казалась ему очень привлекательной, хотя и выглядела уставшей и даже изможденной. По ней было видно, что она обессилела от такой жизни. Кухня была для нее настолько же чужим местом, как и коровник. Хелен почувствовала настоящее облегчение, когда маорийские дети сказали, что сами подоят корову.

— Ваш сын намекал, что его отец не самый простой человек. Что вы хотите теперь сделать с фермой? Продать?

Хелен пожала плечами.

— Если бы кто-то захотел ее купить... Проще всего было бы присоединить ее к Киворд-Стейшн. Тогда Говард проклял бы нас из могилы, но мне уже все равно. Сама по себе ферма нерентабельна. Хотя здесь много земли, на ней невозможно прокормить животных. Если же кто-то захочет обрабатывать ее, то ему все равно понадобятся специальные знания и стартовый капитал. Ферма пришла в упадок, мистер МакДанн. К сожалению, по-другому и не скажешь.

— А ваша подруга с Киворд-Стейшн... она ведь мать мисс Флёр, не так ли? — спросил Леонард. — Она не заинтересована в приобретении фермы?

— Заинтересована... О, большое спасибо, Лори, вы просто замечательные, что бы я без вас делала! — Хелен протянула Лори, которая как раз подошла с чайником к столу, свою чашку.

Лори наполнила ее горячим чаем очень умело, так же, как когда-то ее

научила на корабле Хелен.

— Как вы догадались, что это Лори? — озадаченно спросил Леонард.
— Я не знаю никого, кто смог бы их различить.

Хелен засмеялась.

— Если дать близняшкам полную свободу, то Мэри предпочтет накрывать на стол, а Лори будет просто помогать ей. Заметьте, Лори более решительная, а Мэри охотнее остается в тени.

Самостоятельно Леонард никогда не обратил бы на это внимания, но слова Хелен оказались верными.

— Что же теперь с вашей подругой?

— Ну, у Гвинейры своих проблем хватает, — сказала Хелен. — Вернее, они только начинаются. Этот Танга, вождь племени маори, пытается поставить ее на колени, а у нее нет возможности что-либо сделать без согласия Пола. Возможно, когда губернатор наконец-то примет решение...

— А почему Пол не вернется и не решит свои проблемы самостоятельно? — спросил Леонард. Ему казалось совершенно несправедливой ситуация, когда обе женщины жили в таком бедственном положении. Правда, он еще не познакомился с Гвинейрой Уорден. Если она была похожа на свою дочь, то наверняка смогла бы сразиться хоть с половиной континента дикарей.

Хелен горько усмехнулась.

— Решение проблем не является сильной стороной мужчин-Уорденов. Что же касается возвращения Пола... то настроение людей в Холдоне постепенно меняется, тут уж Джордж Гринвуд был прав. Сначала Пола хотели повесить, но теперь все скорее сочувствуют Гвин. Они думают, что ей на ферме нужен мужчина, поэтому готовы закрыть глаза на такую мелочь, как убийство.

— А вы циничны, мисс Хелен! — заметил Леонард.

— Я реалистка. Пол выстрелил в грудь невооруженному мужчине без предупреждения. Перед двадцатью свидетелями. Но давайте не будем об этом, я тоже не хотела бы, чтобы его повесили. Что бы это изменило? Во всяком случае, если он вернется, то ситуация с вождем племени только накалится. И тогда его, скорее всего, повесят за очередное убийство.

— По всей видимости, по юноше плачет веревка, — вздохнул Леонард.
— Я...

Он не успел договорить, так как в дверь постучали. Лори открыла. Между ногами девушки протиснулась собачка и прыгнула на Хелен.

— Мэри, иди сюда! Мне кажется, это мисс Гвин приехала! И Клео!

Она еще жива, мисс Гвин?

Но Гвинейра, казалось, не узнала близняшек. Она была настолько рассержена, что не замечала ничего вокруг.

— Хелен, — сказала она, — я убью этого Тонгу! Я не знаю, как сдержалась и не поскакала с револьвером в деревню! Энди говорит, что его люди напали на повозку — один Бог знает, что она здесь делала и где сейчас! Маори развлекаются и бегают по деревне с бюстгальтерами и нижним бельем... Ой, извините, мистер, я... — Гвинейра покраснела, увидев, что у Хелен находится мужчина.

МакДанн засмеялся.

— Ничего страшного, миссис Уорден. Я осведомлен о существовании женского белья, кроме того, могу заявить: это я его потерял. Повозка принадлежит мне. Разрешите представиться, Леонард МакДанн из магазина «О'Кей».

— Почему бы вам просто не поехать с нами в Квинстаун? — спросил через несколько часов МакДанн и посмотрел на Хелен.

Тем временем Гвинейра успокоилась и вместе с Хелен и близняшками пыталась накормить голодных стригалей. Она похвалила всех за хорошее продвижение вперед, хоть и была неприятно удивлена качеством шерсти. Она слышала, что ферма О'Кифов производила много брака, но никогда не представляла себе настоящий масштаб проблемы. Теперь она сидела у камина с Хелен и МакДанном и открывала одну из спасенных бутылок божоле.

— За Рубена и его изысканный вкус! — довольно произнесла Гвинейра. — Откуда у него такое вино, Хелен? В этом доме никогда такого не пили!

— В произведениях Бельвер-Литтона, Гвин, которые я заставляю читать своих учеников, в высших кругах алкоголь поглощают в больших количествах, — с улыбкой ответила Хелен.

МакДанн, сделав глоток, вернулся к предложению поехать в Квинстаун.

— Мисс Хелен, вы ведь хотите увидеть сына и внуков? А теперь у вас появилась возможность. Через пару дней мы вернемся.

— Сейчас, в разгар стрижки овец? — Хелен махнула рукой.

Гвинейра засмеялась.

— Ты ведь не думаешь всерьез, что мои люди постригут на одну овцу больше или меньше, если ты будешь стоять рядом?

К тому же ты не собираешься самостоятельно гнать овец в горы!

— Но... Кто-то ведь должен заботиться о работниках... — Хелен

колебалась. Предложение оказалось слишком неожиданным, и она не могла решиться. Но как же ей хотелось все бросить и уехать!

— У меня они обычно сами о себе заботятся. О’Тул делает лучшее ирландское рагу, которое я когда-либо пробовала, нам с Моаной такое и не снилось. О тебе же вообще речь не идет. Ты моя любимая подруга, но твои кулинарные способности...

Хелен покраснела. Обычно на подобные замечания она не обращала внимания. Но перед МакДанном ей стало неудобно.

— Разрешите мужчинам нарезать пару овец, тогда я дам им один из бочонков со спиртным, которые, между прочим, защищал собственной грудью! Это, конечно, грех, так как бренди для этой шайки слишком хорош, но зато после такой попойки вас полюбят навсегда! — спокойно предложил МакДанн.

Хелен улыбнулась.

— Я не знаю... — продолжала сомневаться она.

— А я знаю! — решительно произнесла Гвин. — Я бы и сама поехала, да не могу бросить Киворд-Стейшн. Так что ты станешь нашим совместным посланцем. Следи за всем в Квинстауне, чтобы Флёретта правильно тренировала собаку! А еще возьми с собой пони для наших внуков. Чтобы они не стали такими же жалкими наездниками, как ты сама!

Хелен полюбила Квинстаун сразу, как только увидела огни маленького городка на берегу огромного озера Вакатипу. Новые опрятные дома отражались на гладкой поверхности озера, а маленькая пристань располагала местом для цветных гребных лодок и парусников. Горы с покрытыми снегом верхушками дополняли картину. К тому же за эти прошедшие полдня Хелен не увидела ни одной овцы!

— Я стала не такой требовательной, — призналась женщина Леонарду МакДанна, которому она по прошествии восьми дней в повозке сообщила о себе больше, чем Говарду за весь период их брака. — Когда я много лет назад прибыла в Крайстчерч, то плакала, увидев, что город был совсем не таким, как Лондон. А теперь меня радует этот городок, потому что я нахожусь среди людей, а не среди жвачных животных.

Леонард рассмеялся.

— О, Квинстаун очень похож на Лондон, вот увидите. Конечно, не размерами, а оживленностью. Здесь много чего происходит, здесь вы почувствуете прогресс, перемены! Крайстчерч — симпатичное местечко, и люди там больше беспокоятся о том, чтобы сохранить старые ценности и чтобы городок казался настолько английским, насколько это возможно. Вспомните на минутку о соборе и университете! И вам покажется, что вы в Оксфорде! А здесь все новое, все переживает подъем. Конечно, золотоискатели — дикий народ, с ними иногда случаются неприятности. Невероятно, что ближайший полицейский участок находится в сорока милях от нас! Но парни приносят деньги и жизнь в этот город. Вам здесь понравится, мисс Хелен, поверьте мне!

Хелен уже нравилось здесь. Когда повозка прогромыхала по частично вымощенной Мейн-стрит, у нее сложилось впечатление, будто они до сих пор находятся в Холдоне, но в Квинстауне улицы были более оживленными. Тут золотоискатель ссорился с держателем почты, потому что он якобы распечатал письмо; там хихикали две девушки и поглядывали в открытую лавку парикмахера, где как раз стригли миловидного молодого человека; в кузнице подковывали лошадей, а два старых кузнеца болтали, обсуждая особенности мула. «Отель Дафны» заново красили. Рыжеволосая женщина в ярком зеленом платке, бросающемся в глаза, наблюдала за работой маляров и ругалась при этом, как сапожник.

— Дафна! — Близняшки одновременно защебетали и чуть не упали с

повозки. — Дафна, мы привезли мисс Хелен!

Дафна О'Рурк обернулась. Хелен взглянула на знакомое кошачье лицо. Дафна, сильно накрашенная, выглядела старше и, возможно, казалась немного измотанной. Когда она увидела Хелен на козлах, их взгляды встретились. Хелен с умилением заметила, что Дафна покраснела.

— Добрый... добрый день, мисс Хелен!

МакДанн не мог в это поверить, но уверенная в себе Дафна сделала реверанс, словно маленькая девочка перед своей учительницей.

— Остановитесь, Леонард! — вскричала Хелен. Она не стала ждать, пока МакДанн придержит лошадей, а спрыгнула с козел и обняла Дафну.

— Не нужно, мисс Хелен, если кто-то увидит... — пробормотала Дафна. — Вы — леди. Вас не должны видеть с кем-то вроде меня. — Она опустила взгляд. — Мне жаль, мисс Хелен, из-за того, кем я стала.

Хелен рассмеялась и еще раз ее обняла.

— Чем же ты таким ужасным стала, Дафна? Деловой женщиной! Прекрасной приемной матерью для близняшек. Лучшей ученицы и пожелать нельзя.

Дафна снова покраснела.

— Возможно, вам еще никто не разъяснил, какими именно... делами я занимаюсь, — тихо произнесла она.

Хелен прижалась к ней.

— Дела руководствуются предложением и спросом. Этому я научилась от одного из других моих детей, Джорджа Гринвуда. А что касается тебя... если бы был спрос на библии, ты бы точно торговала библиями.

Дафна захихикала.

— С большим удовольствием, мисс Хелен.

Пока она здоровалась с близняшками, МакДанн отвел Хелен в магазин «О'Кей». Как бы Хелен ни наслаждалась встречей с Дафной и близняшками, ей не терпелось обнять собственного сына, Флёретту и своих внуков.

Маленький Стивен сразу повис на складках ее юбки, а Илейн больше обрадовалась, увидев пони.

Хелен бросила взгляд на ее рыжие волосы и живые голубые глаза, которые уже сейчас были более яркими, чем у большинства малышей.

— Сразу видно, что это внучка Гвин, — сказала Хелен. — От меня у нее ничего нет. На третий день рождения она захочет получить пару овец, вот увидите!

Леонард МакДанн рассчитался с Рубеном О'Кифом за свою последнюю поездку и, перед тем как приступить к новым обязанностям,

взялся за наведение порядка в полицейском участке. Помещение надо было покрасить, а в тюрьме с помощью Стюарта Петерса поставить решетки. Хелен и Флёр принесли в камеры матрасы и простыни.

— Не хватало еще, чтобы вы поставили сюда цветы, — ворчал МакДанн.

— Отмычку я оставлю у себя! — пошутил впечатленный Стюарт. — На случай, если мне надо будет где-то поселить гостей.

— Ты можешь и сам попробовать отсидеть, — пригрозил МакДанн. — А если серьезно, то, боюсь, у нас сегодня уже не останется свободных мест. Мисс Дафна планирует ирландский вечер. Я готов поспорить, что к концу праздника половина клиентов передерется.

Хелен наморщила лоб.

— Но это же не опасно, правда, Леонард? Просто берегите себя! Я... мы... наш констебль нужен нам невредимым!

МакДанн просиял. Ему невероятно нравилось, что Хелен беспокоилась о нем.

Не прошло и трех недель, как он вынужден был заняться проблемами посерьезнее, чем обычные ссоры между золотоискателями.

Ища помощи, МакДанн отправился в лавку «О'Кей» и ждал теперь, когда Рубен сможет уделить ему время. Из задних комнат склада были слышны голоса и смех, но Леонард не хотел докучать. В частности, из-за того, что был при исполнении служебных обязанностей. В конце концов, не Леонард ждал здесь своего друга, а офицер полиции — мирового судью. Тем не менее он выдохнул с облегчением, когда Рубен наконец вышел к нему.

— Леонард! Извини, что заставил тебя ждать! — О'Киф выглядел окрыленным. — Но у нас есть повод для радости. Кажется, я в третий раз стану отцом! Но скажи мне сначала, в чем дело. Могу ли я тебе помочь?

— Служебная проблема. И что-то вроде правовой дилеммы. Не так давно в моем бюро появился некий Джон Сайдблоссом, зажиточный фермер, который хочет сделать вклад в золотые прииски. Он был очень возбужден. Ему нужно было обязательно схватить мужчину, которого он видел в лагере золотоискателей. Какого-то Джеймса МакКензи.

— Джеймса МакКензи? — спросил Рубен. — Вора скота?

МакДанн кивнул.

— Имя мне сразу показалось знакомым. Помнится, пару лет назад он был схвачен в горах и осужден в Литтелтоне. Его, если не ошибаюсь, приговорили к тюремному заключению.

Рубен кивнул.

— Я знаю.

— У тебя всегда была хорошая память, господин судья! — с одобрением сказал Леонард. — Но известно ли тебе, что МакКензи помиловали? Сайдблоссом говорит, что его отправили в Австралию.

— Его выдворили, — поправил друга Рубен. — Австралия была ближе всего. «Овечьи бароны» предпочли бы, чтобы он находился в Индии или еще где-нибудь подальше. А лучше всего — в желудке у тигра.

МакДанн рассмеялся.

— Именно такое впечатление у меня сложилось после разговора с этим Сайдблоссом. Н-да, если он прав, МакКензи вернулся, хотя до конца своих дней должен оставаться в Австралии. Поэтому я обязан задержать его — так говорит этот фермер. Но что мне делать с МакКензи? Я же не могу посадить его в тюрьму пожизненно. А пять лет тюрьмы тоже ничего не принесут, ведь он уже отсидел. Не говоря уже о том, что у меня нет места. Что вы об этом думаете, господин судья?

Рубен попытался напустить на себя задумчивый вид. Но МакДанн прочел на его лице скорее радость. Несмотря на этого МакКензи. Или из-за него?

— Думаю, что тебе, Леонард, — сказал наконец Рубен, — сначала нужно выяснить, на самом ли деле речь идет о том самом МакКензи, которого имел в виду Сайдблоссом. А потом посади его в тюрьму ровно настолько, сколько пробудет в городе фермер. Скажи МакКензи, что ты берешь его под превентивное заключение, потому что Сайдблоссом угрожал ему, а ты не хотел проблем.

МакДанн ухмыльнулся.

— Но не говори об этом моей жене! — предупредил Рубен. — Это должно быть сюрпризом. Ах да, и предоставь мистеру МакКензи перед заключением возможность побриться и постричься, если это необходимо. К нему придет дама — сразу после переезда в твой гранд-отель!

В первые месяцы беременности у Флёретты постоянно были глаза на мокром месте, и теперь она выплакала все слезы, когда Рубен привел ее в тюрьму на встречу с МакКензи. Непонятно, от радости или от отчаяния из-за его повторного заключения.

Сам же Джеймс МакКензи, напротив, выглядел лишь немного обеспокоенным. Собственно говоря, он был в наилучшем настроении, пока Флёретта не расплакалась. Теперь он обнимал ее и неторопливо поглаживал по спине.

— Ну, не плачь, детка, со мной же ничего не случится! На воле было бы намного опаснее. С этим Сайдблоссом мне еще есть что выяснять!

— И надо было тебе снова попасться ему на глаза? — всхлипывала Флёретта. — Что ты вообще делал на золотых полях? Неужели собирался заняться добычей золота?

МакКензи покачал головой. Он совсем не выглядел как один из тех искателей счастья, что стояли лагерем на старых овцеводческих фермах поблизости от месторождений золота, и МакДанну не понадобилось давать ему денег ни на мытье, ни на бритье. МакКензи выглядел скорее как путешествующий владелец ранчо, который вполне располагал к себе окружающих людей. По одежде и опрятности его было не отличить от его старого врага Сайдблоссома.

— Я в своей жизни довольно часто занимался добычей золота и однажды в Австралии даже очень хорошо на этом заработал. Секрет в том, чтобы не отмечать обнаружение золота сразу в заведении вроде того, которое держит мисс Дафна. — Он рассмеялся. — Здесь, на золотых полях, я, естественно, искал твоего супруга. Кто бы мог подумать, что он теперь обитает на Мейн-стрит и сажает за решетку невиновных путешественников. — Он подмигнул Флёретте. Джеймс познакомился с Рубеном еще до встречи с ней и остался очень доволен своим зятем.

— И что теперь будет? — спросила Флёретта. — Они отправят тебя обратно в Австралию?

МакКензи вздохнул и бросил взгляд на Рубена.

— Надеюсь, нет. Хотя я и могу позволить себе переезд... не смотри на меня так, Рубен, я все это честно заработал! Я клянусь, что не украл там ни одной овцы! Но это было бы очередной потерей времени. Конечно, я бы вернулся, однако на этот раз с новыми документами. Такое, как с этим Сайдблоссом, больше со мной не случится. Но Гвин пришлось бы тогда снова ждать. А я уверен, что она устала ждать, — как и я!

— Поддельные документы не выход, — сказал Рубен. — Это помогло бы, если бы вы хотели жить в Квинстауне, на западном побережье или еще где-нибудь на Северном острове. Но если я вас правильно понял, вы хотите вернуться в Кентербери и жениться на Гвинейре Уорден. Вот только там вас знают даже дети!

МакКензи пожал плечами.

— И то правда. Мне пришлось бы похитить Гвин. Но теперь у меня не будет никаких угрызений совести!

— Было бы лучше легализоваться, — строго заметил Рубен. — Я напишу губернатору.

— Но Сайдблоссом уже занялся этим! — Кажется, Флёретта готова была снова расплакаться. — Мистер МакДанн рассказывал, что он был взбешен, узнав, что к моему отцу относятся здесь как к князю...

Сайдблоссом был сегодня в обед в полицейском участке, когда близняшки подавали охраннику и заключенному изысканное блюдо. Он не очень-то восторженно на это отреагировал.

— Сайдблоссом — скотовод и старый плут. Если его слово будет против моего, губернатор поступит по справедливости, — заверил Рубен. — А я обрисую ему всю ситуацию в деталях, включая устойчивое материальное положение МакКензи, его семейные связи и планы относительно женитьбы. При этом я подчеркну его умения и заслуги. Ладно, он украл пару овец. Но он также открыл горы МакКензи, где Сайдблоссом устроил пастбища для своего скота. Он должен быть вам благодарен, Джеймс, вместо того чтобы вынашивать план убийства! А вы — опытный пастух и скотовод, исключительная находка для Киворд-Стейшн, особенно теперь, после смерти Джеральда Уордена.

— Мы могли бы принять его на работу! — вмешалась Хелен. — Может, ты станешь управляющим на ферме О'Кифов, Джеймс? Это было бы выходом, если любимый Пол в ближайшем будущем выставит Гвинейру на улицу.

— Или Тонга, — добавил Рубен. Он изучил правовую ситуацию Гвинейры в споре с маори и не был настроен оптимистически. По сути, обвинения Тонги были справедливыми.

Джеймс МакКензи пожал плечами.

— Ферма О'Кифов подходит мне так же, как и Киворд-Стейшн. Я только хочу быть вместе с Гвинейрой. К тому же, как мне кажется, Пятнице нужна пара овец.

Письмо Рубена к губернатору было отправлено на следующий же день, но, конечно, на скорый ответ никто не рассчитывал. Поэтому Джеймс МакКензи тосковал в заключении, в то время как Хелен замечательно проводила время в Квинстауне. Она играла со своими внуками, с замиранием сердца смотрела, как Флёретта в первый раз сажала маленького Стивена на пони, и пыталась успокоить Илейн, которая при этом протестующе плакала. С тоской в глазах она посетила недавно открывшуюся в городе школу и подумала о том, что, возможно, ей стоило бы предложить свои услуги и навсегда остаться в Квинстауне. Но пока что там было всего десять учеников, и с ними достаточно успешно справлялась молодая учительница, симпатичная девушка из Данидина. В лавке Рубена и

Флёретты для Хелен тоже едва ли находилась какая-то работа: здесь близняшки боролись друг с другом за право помочь почитаемой мисс Хелен. Теперь Хелен узнала также наконец всю историю Дафны. Она пригласила молодую женщину на чай, несмотря на то что дамы Квинстауна, вероятно, сплетничали по этому поводу.

— Когда я решила вопрос с парнем, то отправилась сначала в Литтелтон, — рассказывала Дафна о своем побеге от похотливого Моррисона. — Больше всего мне хотелось сесть на ближайший корабль и вернуться обратно в Лондон, но это, конечно, было невозможно. Никто бы не взял на борт девушку вроде меня. Я также подумывала об Австралии. Но у них там и так достаточно... девушек легкого поведения, которые не могут устроиться на работу продавщицами библий. И тут я нашла сестричек. У них были такие же намерения, как и у меня. Они мечтали выбраться отсюда, а «выбраться» означало «корабль».

— Но как они снова нашли друг друга? — осведомилась Хелен. — Они ведь были в совершенно разных местах.

Дафна пожала плечами.

— Они же близняшки. То, что приходит в голову одной, тут же заставляет задуматься другую. Поверьте, мы с ними более двадцати лет вместе, и они меня до сих пор поражают. Если я их тогда правильно поняла, они встретились на перевале Брайдл. Как они добрались туда, я не представляю. В любом случае они болтались по пристани, воровали еду и хотели прокрасться на корабль. Полная бессмыслица, их бы сразу обнаружили. Что же мне оставалось делать? Я оставила их у себя. Я была мила с одним матросом, и он обеспечил меня документами девушки, которая умерла по пути из Дублина в Литтелтон. Официально меня зовут Брайди О'Рурк. В это все поверили, с моими-то рыжими волосами. Но близняшки называли меня, конечно, Дафной, и я оставила это имя. Это же хорошее имя для... То есть это библейское имя, его не хотелось менять.

Хелен рассмеялась.

— Когда-нибудь тебя причислят к святым.

Дафна захихикала и при этом напомнила Хелен ту маленькую девочку, которой когда-то была.

— Потом мы отправились на западное побережье, — продолжила она. — Нам пришлось немного попутешествовать, и в конце концов мы очутились в борделе... в заведении мадам Иоланды, где и осели. Сначала я убирала помещение и обеспечивала хозяйке хороший доход. Там я повстречала и вашего мистера Гринвуда. Но в любом случае я уехала не из-за него. А скорее из-за того, что Иоланда вечно была всем недовольна.

Однажды она сообщила, что в следующую субботу собирается продать с аукциона моих близняшек! Она сказала, что пришло время объездить их... ну, чтобы им кто-то показал, что написано в Библии.

Хелен рассмеялась.

— Библию ты действительно усвоила, Дафна, — сказала она. — Надо будет проверить твои знания «Дэвида Копперфильда».

— Короче говоря, в пятницу я еще раз хорошенько принарядилась, а потом мы скрылись с деньгами. Конечно, леди не поступают подобным образом, но...

— Скажем так: око за око, зуб за зуб, — заметила Хелен.

— Ну да, а потом мы действовали по «зову золота». — Дафна ухмыльнулась. — Очень успешно! Я бы сказала, семьдесят процентов добычи с золотых приисков оказываются у меня.

Рубен был в замешательстве, почти обеспокоен, когда по прошествии шести месяцев после написания письма губернатору получил официальный на вид конверт. Держатель почты прямо-таки торжественно передал ему послание.

— Из Веллингтона! — важно объявил он. — От правительства! Тебя теперь признают дворянином, Рубен? Нас посетит королева?

Рубен рассмеялся.

— Маловероятно, Итан, очень маловероятно. — Он обуздал свое желание сразу же разорвать конверт, потому что Итан слишком уж любопытно заглядывал ему через плечо, да и Рон из конюшни снова околачивался в магазине.

— Ну, увидимся позже! — с напускным спокойствием попрощался Рубен, но уже по пути в лавку нетерпеливо вертел конверт в руках, желая как можно скорее вскрыть его. Проходя мимо полицейского участка, он сменил маршрут, решив, что это, несомненно, касалось МакКензи. А значит, он должен из первых рук узнать о том, что решил губернатор.

Через пару минут Рубен, МакДанн и МакКензи склонились над посланием. Все тяжело вздыхали, читая долгое вступление губернатора, в котором он подчеркивал все заслуги Рубена для развития молодого города Квинстаун. Наконец губернатор перешел к делу:

...мы рады сообщить Вам, что приняли позитивное решение по просьбе о помиловании вора скота Джеймса МакКензи, чей случай Вы так подробно описали. Мы также придерживаемся мнения, что МакКензи может быть полезен для молодой общины Южного острова, если только

он ограничится легальным применением бесспорно присутствующих у него дарований. Мы надеемся, что это хороший обмен в отношении миссис Гвинейры Уорден, которую нам только что, к сожалению, пришлось разочаровать в другом деле, также представленном нам на рассмотрение. Пожалуйста, сохраните в тайне информацию о вышеупомянутом случае, приговор еще не был оглашен другой стороне процесса...

— Черт побери, это дело с маори! — вздохнул Джеймс. — Бедная Гвин... По всей видимости, она вынуждена справляться со всем этим одна. Я должен был немедленно поехать в Кентербери.

МакДанн кивнул.

— На мой взгляд, этому теперь ничто не препятствует, — сказал он с ухмылкой. — Напротив, наконец-то в моем «отеле» освободится комната!

— Мне бы следовало, вообще-то, присоединиться к вам, Джеймс, — с легким сожалением произнесла Хелен.

Старательные близняшки как раз ставили на стол последнее блюдо прощального обеда — Флёретта настояла на том, чтобы по меньшей мере еще раз принять у себя отца перед тем, как он, скорее всего, исчезнет в Кентербери еще на несколько лет. Конечно, он поклялся провести ее в ближайшее время вместе с Гвинейрой, но Флёр знала, как обстояли дела на больших овцеводческих фермах: вечные заботы делали предпринимателей незаменимыми.

— Здесь было замечательно, но мне снова пора приниматься за ферму. И я не хочу быть обузой для вас. — Хелен сложила свою салфетку.

— Ты совсем нам не мешаешь! — воскликнула Флёретта. — Напротив, я не знаю, что бы мы без тебя делали, Хелен!

Хелен рассмеялась.

— Не ври, Флёр, ты этого никогда не умела делать. Seriously, милая, как бы мне ни нравилось здесь, придется снова чем-то заняться! Я всю свою жизнь преподавала. А сидеть просто так и понемногу играть с детьми кажется мне пустой тратой времени.

Рубен и Флёретта переглянулись. Казалось, они не знали, как поступить. В конце концов Рубен взял слово.

— Хорошо, мы, собственно, хотели спросить тебя позже, когда все будет решено и закреплено печатью, — сказал он, посмотрев на свою мать. — Но перед тем, как ты поспешишь скрыться, мы лучше сразу скажем об этом. Флёретта и я, а также Леонард МакДанн подумывали о том, чем бы ты могла заняться здесь.

Хелен покачала головой.

— Если ты имеешь в виду школу, Рубен, то там...

— Забудь наконец о школе, Хелен! — нетерпеливо воскликнула Флёр.
— Ты уже достаточно долго проработала. Мы подумали... в общем, мы планируем в ближайшее время выкупить у города ферму. Или, вернее, дом, о фермерстве мы думали меньше. Но здесь, на Мейн-стрит, слишком суетно. Слишком громко, слишком много транспорта... Мне бы хотелось побольше свободы для детей. Ты можешь себе представить, Хелен, что Стивен еще никогда не видел уэту?

Хелен считала, что ее внук мог бы вполне повзрослеть и без подобного опыта.

— В любом случае мы все переедем из этого дома, — объяснил Рубен и обвел милый двухэтажный дом широким взмахом руки. Стройка закончилась только в прошлом году, и на отделке не сэкономили. — Конечно, мы могли бы его продать. Но потом Флёретта подумала, что этот дом идеально подходит для отеля.

— Для отеля? — в замешательстве повторила Хелен.

— Да! — вскричала Флёретта. — Посмотри, в нем столько комнат, мы ведь рассчитывали на большую семью. Если ты будешь жить на первом этаже, а комнаты наверху сдавать в аренду...

— Я должна управлять отелем? — спросила Хелен. — Ты в своем уме?

— Может, скорее пансионом, — помог выйти из положения МакДанн и подбадривающе посмотрел на Хелен.

Флёретта кивнула.

— Пойми меня правильно, — поспешно сказала она. — Это должен быть почитаемый дом. Не то что притон Дафны, где все время ошиваются бандиты и девушки легкого поведения. Нет, я подумала, что если сюда переедут приличные новые люди, врач или работник банка, то им же нужно где-то жить. А еще... молодые женщины... — Флёретта вертела в руках газету, которая как бы случайно оказалась на столе и в которой были напечатаны объявления англиканской церковной общины города Крайстчерч.

— Это же не то, о чем я думаю, не так ли? — спросила Хелен и увереннохватила тонкую газету у нее из рук. Она была открыта на странице с частными объявлениями.

Квинстаун, Отаго. Если христианская девушка, твердая в вере и проникшаяся духом первооткрывательства, заинтересованная в заключении брачного союза с честным, занимающим хорошее положение членом общин, желает...

Хелен покачала головой. Она не знала, плакать ей или смеяться.

— Тогда это были китобои, сегодня — золотоискатели! Знают ли эти жены священников и основатели общины, что они делают с девушками?

— Но, мама, это Крайстчерч, не Лондон. Если девушкам не нравится, они в течение трех дней могут вернуться обратно домой, — успокоил ее Рубен.

— И при этом им тут же поверят на слово, что они все так же благонравны и невинны, как при отправлении! — с иронией произнесла Хелен.

— Только если они не ютились у Дафны, — сказала Флёретта. — Я не имею ничего против Дафны — она бы меня сразу завербовала, как только я появилась бы здесь! — Она рассмеялась. — Но если девушки будут жить в чистом, опрятном пансионе под управлением Хелен О'Киф, почитаемой в городе?.. Новости, дорогая Хелен, распространяются довольно быстро. Девушкам и, возможно, даже их родителям будут рассказывать об этом уже в Крайстчерче.

— И у вас, Хелен, будет шанс наставить молодых на правильный путь, — заметил Леонард МакДанн, который, как и Хелен, не одобрял идею вербовки невест. — Они же видят только золотые самородки, которые какой-нибудь сорвиголова с огнем в глазах держит в кармане, а не ветхую избушку, в которой им придется жить, когда он отправится на следующее золотое поле.

Хелен вспыхнула.

— Вы можете рассчитывать только на то, что я не стану свидетельницей ни для одной пары, знакомой три дня!

— Значит, ты берешь на себя управление отелем? — оживившись, спросила Флёретта. — Ты думаешь, что справишься?

Хелен бросила на нее почти обиженный взгляд.

— Моя дорогая Флёретта, в этой жизни я научилась читать Библию на языке маори, доить коров, забивать кур и даже полюбила мула. Естественно, я справлюсь с управлением небольшим пансионом.

Остальные рассмеялись, но потом МакДанн призывно забренчал ключами, дав знак к отбытию. Пока отеля не существовало, он разрешил своему бывшему заключенному еще раз переночевать в камере. Пока что ни один «исправившийся грешник», сказал МакДанн, не мог провести ночь у Дафны без рецидива.

Обычно Хелен провожала Леонарда, чтобы еще немного поболтать на террасе, но в этот раз МакДанн искал скорее общества Флёретты. Почти

пристыженно он обратился к молодой женщине, пока Джеймс прощался с Хелен и Рубеном:

— Я... э-э-э... не хочу быть нескромным, мисс Флёр, но... вы знаете, что мисс Хелен интересуется меня...

Флёр слушала это бормотание с наморщенным лбом. Господи, чего же хотел МакДанн? Если это предложение руки и сердца, то было бы лучше сразу обратиться к Хелен.

В конце концов Леонард собрался с духом и задал свой вопрос:

— В общем... мисс Флёр, что, черт возьми, подразумевала мисс Хелен, когда сказала, что полюбила мула?

Пол Уорден еще никогда не чувствовал себя таким счастливым.

Собственно говоря, он и сам не понимал, что именно произошло. В конце концов, он знал Мараму с детства; она была неотъемлемой составляющей его жизни и часто просто надоедала ему. В этот раз он со смешанным чувством позволил ей присоединиться к нему, и уже в первый день их побега в горы Марама довела Пола до бешенства: ее мул безнадежно медленно плелся за его лошадью. Марама была для него обузой, он в ней совершенно не нуждался.

Теперь же Полу было стыдно за все то, что он наговорил девушке. Однако Марама не слушала его; как и всегда, она отказывалась слушать его злобные слова. Марама видела в нем только хорошие стороны. Она улыбалась, когда Пол вел себя дружелюбно, и молчала, когда он в очередной раз выходил из себя. Выплескивать собственный гнев на Мараму не доставляло Полу никакого удовольствия. Пол знал ее еще с детства, поэтому она никогда не была настоящей причиной для его ссор с окружающими. А сейчас... В какой-то момент за последние месяцы он осознал, что любит Мараму. Наконец-то он понял, что она не опекает, не критикует его, не испытывает к нему отвращения. Марама просто помогает найти хорошее место для стоянки. Довольно далеко от Кентербери, на участке гор, который она называла плоскогорьем МакКензи. Для маори, объясняла она, этот участок земли давно не был новым. Она была здесь однажды со своим племенем — еще в детстве.

— Ты не помнишь уже, как ты плакал, Пол? — спросила его Марама все тем же певучим голосом. — Тогда мы все время были вместе и ты называл Кири «мамой», как и я. Но затем последовал плохой урожай, а мистер Уорден стал все чаще выпивать и злиться на всех. Многие работники хотели от него уйти, а до сезона стрижки овец оставалось совсем немного...

Пол кивнул. В такие годы Гвинейра давала маори аванс, чтобы удержать работников у себя до того момента, когда появится много работы. Однако при этом всегда существовал риск: часть мужчин оставалась, помня об авансе, но некоторые из них брали деньги и исчезали. Кое-кто забывал о полученном авансе и после окончания стрижки требовал полную зарплату. Поэтому Джеральд и Пол в последние годы поступали иначе. Они позволяли маори спокойно бродить по территории Киворд-Стейшн в

зимние месяцы. До наступления сезона стрижки работники обычно возвращались, а даже если и нет, можно было легко найти подмогу. Пол уже не помнил, что сам стал жертвой подобной политики.

— Кири дала твоей маме поддержать тебя на руках, но ты только плакал и кричал. И твоя мама сказала, что она была бы не против, если бы Кири все время за тобой ухаживала, однако мистера Джеральда такое решение разозлило. Я тоже немного помню, Пол, но Кири мне кое-что рассказала. Она говорит, что ты навсегда обиделся на нас за то, что мы тебя отпустили. Но что Кири могла поделать? Мисс Гвин ведь не виновата, она тебя любила.

— Она меня никогда не любила, — жестко произнес Пол.
Марама покачала головой.

— Нет, вы просто похожи на два ручья, которые не пересекаются. Возможно, когда-нибудь вы встретитесь. Все ручьи впадают в море.

Пол хотел разбить обычную стоянку, но Марама настояла на строительстве дома.

— Нам все равно нечем больше заняться, — спокойно сказала она. — А тебе тут еще долго находиться. Так почему же мы должны мерзнуть?

Поэтому Пол срубил пару деревьев — топор он обнаружил в тяжелой сумке, которую тащил мул Марама. При помощи выносливого животного Пол приволок стволы к равнине у ручья. Марама выбрала это место, так как прямо там из-под земли возвышалось множество отвесных скал. Она заверяла, что духи здесь были более счастливыми. А счастливые духи могли бы благословить новопоселенцев. Марама попросила Пола вырезать пару орнаментов на стенах их дома, чтобы он был красивым, а рара не гневался. Когда все наконец-то соответствовало ее представлениям, Пол завел ее в относительно просторное пустое помещение.

— А теперь я возьму тебя в мужья! — серьезно провозгласила она. — Я лягу с тобой в этом доме, хотя мое племя и не может присутствовать здесь сейчас. Пара наших предков точно будут тут, чтобы засвидетельствовать нашу свадьбу. Я, Марама, потомок тех, кто прибыл в Аотеароа на *иуиао*, беру тебя, Пол Уорден! Так ведь говорят у вас, не правда ли?

— Все немного сложнее... — сказал Пол.

Он не знал, что думать о происходящем, но Марама в этот день была воистину прекрасна. На лбу у девушки была яркая повязка, на талии — ниспадающая накидка, а грудь осталась обнаженной. Пол еще никогда не видел ее такой; в доме Уорденов и в школе она всегда носила пристойную западную одежду. Но теперь она стояла перед ним полуобнаженная, с

блестящей загорелой кожей, мягким сиянием во взгляде — и смотрела на него так, как, должно быть, смотрели когда-то друг на друга *raraи rangi*. Она любила его. Безоговорочно, не раздумывая над тем, кем он был и что сделал.

Пол обнял ее. Он не знал точно, должны ли были в этом случае целоваться маори, поэтому он просто потерся своим носом о ее нос. Марама захихикала, так как сразу же захотела чихнуть. Затем он снял ее накидку. У Пола перехватило дыхание, когда она предстала перед ним совершенно обнаженной. Фигура девушки была более изящной, чем у большинства женщин его расы, хотя ее бедра были широкими, груди — полными, а ягодицы — пышными. Пол нервно сглотнул, но Марама спокойно расстелила на земле свою накидку и поманила его за собой.

— Ты ведь тоже хочешь быть моим мужем? — спросила она.

Пол еще никогда не задумывался над этим вопросом. До этого момента он практически не думал о браке, а даже если у него и появлялись подобные мысли, то он чаще всего представлял себя с белой девушкой, возможно с дочерью Гринвудов или Баррингтонов, ибо эти кандидатуры были подходящими для его статуса. Но что бы он увидел в глазах этой девушки? Наверняка она стала бы презирать Пола, как и его собственная мать. По крайней мере у нее на то были бы все причины, особенно после убийства им Говарда. И смог бы он полюбить ее? Не стал бы он снова настороженным и подозрительным, как прежде?

Любить Мараму оказалось очень просто. Она была с ним, нежная и готовая полностью ему отдаться... Нет, даже не так, она была самобытной. Он никогда не смог бы ее к чему-нибудь вынудить, но у него и не возникало подобного желания. Вероятно, в этом и заключалась суть любви: ее нужно было дарить от чистого сердца. Вынужденная любовь, как у его матери, ничего не стоила.

Поэтому Пол кивнул в ответ на вопрос Марама. Но затем ему показалось, что этого недостаточно. Было несправедливо лишь выслушивать ее признание, и Пол попытался сформулировать в голове брачную клятву.

— Я, Пол, беру тебя, Марама, перед Богом и людьми... и перед предками... в жены...

Отныне Пол стал счастливым человеком. Он и Марама жили как обычная маорийская пара. Он охотился и ловил рыбу, пока она готовила еду и пыталась разбить огород. Немного семян девушка захватила с собой — не зря ведь ее мул так тяжело шагал за лошадей Пола — и обрадовалась, словно ребенок, увидев первые всходы. По вечерам она развлекала Пола

историями и песнями. Она рассказывала ему о своих предках, которые в незапамятные времена приплыли из Полинезии в Аотеароа на каноэ *urua*. Каждый маори, поведала она ему, гордился каноэ, на котором путешествовали его прародители. Если дело касалось официального повода, они даже называли это каноэ в качестве составляющей своего имени. Естественно, все ее соплеменники знали историю открытия новой земли.

— Мы пришли из страны под названием Хаваики, — рассказывала Марама, и при этом ее слова лились, словно песня. — Тогда был мужчина по имени Купе, который любил девушку по имени Кура-маро-тини. Но он не мог на ней жениться, так как она уже легла с его двоюродным братом Хотурапой.

Пол узнал, что Купе утопил Хотурапу и поэтому был вынужден бежать из страны. А Кура-маро-тини, которая отправилась вместе с ним, увидела над морем прекрасное белое облако, которое потом оказалось островом Аотеароа. Марама пела об опасных битвах с кракенами и духами во время высадки на берег, а также о возвращении Купе на Хаваики.

— Он поведал людям об Аотеароа, но сам никогда туда не вернулся. Он никогда не поплыл обратно...

— А Кура-маро-тини? — спросил Пол. — Купе просто бросил ее? Марама печально кивнула.

— Да. Она осталась одна... но у нее было две дочери. Они стали ее утешением. Но Купе был нехорошим парнем!

Последние слова прозвучали настолько по-хеленовски, что Пол невольно засмеялся. Он обнял девушку.

— Я никогда не брошу тебя, Марама. Даже если я тоже нехороший парень!

О местонахождении Пола и Марама Тонга узнал от одного мальчика, сбежавшего с Лайонел-Стейшн из-за сурового обращения Джона Сайдблоссома. Тот услышал о «восстании» Тонги против Уорденов и загорелся идеей присоединиться к мнимому отряду партизан в их борьбе против *rakeha*.

— В горах живет еще один из них, — возбужденно сообщил он. — С маорийской женой. У них все хорошо. Мужчина очень гостеприимный. Он делит с нами еду, когда мы приходим к ним. А девушка хорошо поет. *Tohunga!* Но все равно *rakeha* плохие! И наши девушки не должны с ними жить!

Тонга кивнул.

— Ты прав, — серьезно произнес он. — Ни один *rakehane* должен позорить честь наших девушек. Ты станешь моим проводником, и священный топор отправится в горы, чтобы отомстить за причиненную нам несправедливость!

Юноша просиял. Уже на следующий день он повел Тонгу в горы.

Тонга и его спутник повстречали Пола перед его домом. Парень собирал хворост и помогал Мараме устанавливать котелок. В ее деревне такой способ приготовления не был распространен, но они оба слышали об этом от других племен и решили попробовать. Марама с удовольствием искала подходящие камни, а Пол воткнул лопату во все еще влажную после дождя землю.

Тонга вышел из-за скалы, которая, согласно поверьям Марамы, была счастливой.

— Уорден, кому ты копаешь могилу? Еще кого-то застрелил?

Пол резко обернулся и держал теперь лопату перед собой.

Марама издала тихий испуганный крик. Она была прекрасна в этот день, снова в одной лишь накидке и с повязкой на лбу. Ее кожа блестела от напряжения, но она все же рассмеялась. Пол закрыл ее тело собой. Возможно, это было по-детски с его стороны, но он не хотел, чтобы кто-то другой увидел ее полуобнаженной, — даже если маори и не стали бы причинять ей никакого вреда.

— В чем дело, Тонга? Ты испугал мою жену. Исчезни отсюда, это не твоя земля!

— Скорее уж моя, чем твоя, *rakeha*. Но если тебе интересно, Киворд-Стейшн тебе тоже больше не принадлежит. Ваш губернатор решил дело в мою пользу. Если ты не сможешь выплатить мне стоимость земли, то придется делиться. — Тонга оперся на священный топор, который взял с собой, чтобы выглядеть более достойным в глазах противника.

Марама встала между мужчинами. Она увидела, что на теле Тонги появился воинский орнамент, при этом он был не просто нарисован на его теле — за последние месяцы юный вождь сделал себе традиционные татуировки.

— Тонга, мы поступим справедливо, — мягко произнесла она. — Киворд-Стейшн большая, каждому достанется свой участок. А Пол тебе больше не враг. Он мой муж, он теперь принадлежит мне и моему народу. Так что он и твой брат. Заключи с ним мир, Тонга!

Тонга засмеялся.

— Он мой брат? Тогда он должен и жить, как мой брат! Мы заберем

его землю и снесем его дом. Боги получают обратно землю, на которой он стоит. Вы двое, конечно же, можете жить у нас в деревне... — Тонга подошел к Мараме. Его взгляд скользил по ее обнаженной груди. — Но, возможно, тебе захочется разделить ложе с кем-то другим. Пока еще ничего не решено...

— Ах ты, чертов негодяй!

Когда Тонга протянул руку к Мараме, Пол набросился на него. В следующее мгновение они уже катались по земле, нанося удары и выкрикивая проклятия в адрес друг друга. Они бились, боролись, царапались и кусались, лишь бы нанести как можно больший вред противнику. Марама равнодушно следила за схваткой. Она не раз видела подобные сцены в прошлом. Оба мужчины вели себя как дети!

— Прекратите! — наконец-то крикнула она. — Тонга, ты ведь вождь! Подумай о своем достоинстве. А ты, Пол...

Но они не слушали ее, продолжая озлобленно наносить друг другу удары кулаками. Марама знала, что ей придется ждать до тех пор, пока один из них не окажется на спине. Однако оба парня были одинаково сильными. Марама понимала, что все будет зависеть от удачи, — но при этом она до конца жизни вынуждена будет вспоминать их бой и размышлять над тем, что было бы, если бы удача сопутствовала другому мужчине. Тонга наконец оказался на земле. Пол склонился над врагом и торжествующе занес кулак. Задыхающийся, с расцарапанным лицом и кровавыми подтеками по всему телу, он прохрипел:

— Подонок, ты все еще сомневаешься в том, что Марама моя жена? Признай свое поражение! — Он начал трясти Тонгу.

В отличие от Марамы мальчик наблюдал за битвой своего вождя и белого с гневом и решительностью. Для него это была не просто потасовка, а бой насмерть между маори и *rakeha*— коренным племенем и поработителями. И девушка была права: такой способ ведения войны был не к лицу вождю! Тонга не должен был вести себя как мальчишка, да еще и сдаваться! Он не мог потерять остатки своего достоинства... Мальчик не мог этого допустить. Он поднял копье.

— Нет! Нет, мальчик, нет! Пол! — Марама закричала и хотела схватить мальчика за руку, но было уже слишком поздно. Пол Уорден, который гордо возвышался над своим противником, упал на землю, пронзенный копьем.

Джеймс МакКензи довольно посвистывал. Хотя предстоящая миссия и была трудной, сегодня ничто не могло испортить ему хорошего настроения. Он уже два дня как снова вернулся на кентерберийские равнины, и воссоединение с Гвинейрой, предел его мечтаний, наконец-то состоялось. Все было так, как будто этих недоразумений и многих лет, прошедших со времен их юной любви, не существовало. Джеймс ухмыльнулся, подумав о том, как Гвин тогда старательно избегала разговоров о любви! Теперь же она делала это открыто, да и в остальном от жеманности уэльской принцессы не осталось и следа.

И кого Гвин стесняться? Большой дом Уорденов принадлежал теперь ей и ему — было странно входить в дом не как управляющему, которого едва терпели, а иметь его в своем владении. Кресла в большой гостиной, хрустальные бокалы, виски и благородные сигары Джеральда Уордена. Джеймс все еще чувствовал себя наиболее уютно в кухне и конюшнях — в конце концов, и Гвинейра проводила здесь большую часть времени. Как и ранее, тут не было прислуги из маорийского племени, а белые пастухи обходились слишком дорого и были слишком гордыми, чтобы выполнять простые поручения. Следовательно, Гвинейра сама носила воду, собирала овощи в огороде и искала яйца в курятнике. У нее почти не бывало свежей рыбы и мяса: на рыбалку у Гвин не хватало времени, а скручивать курам шеи она не могла. Поэтому, когда в ее жизни появился Джеймс, меню стало более разнообразным. Он радовался, что облегчает ей жизнь, несмотря на то что в ее казавшейся девической спальне все еще чувствовал себя гостем. Гвинейра рассказывала ему, что комнату для нее обустроивал Лукас. Хотя игривые кружевные занавески и изысканная мебель не были ее стилем, она сохранила все в память о своем муже.

Этот Лукас Уорден был, наверное, странным человеком! Только теперь Джеймс заметил, как мало он знал его и как близки к истине были коварные замечания пастухов. Но что-то в Гвинейре все же принадлежало Лукасу, чувствовалось, что она уважала его. И воспоминания Флёретты о ее предполагаемом отце были полны тепла. Джеймс начал испытывать сожаление и сострадание к Лукасу. Хороший, хоть и слабый человек, родившийся не в то время и не в том месте.

Джеймс направил коня к деревне маори у озера. Вообще-то, он мог пойти туда и пешком, но, учитывая, что это была официальная миссия, а

Джеймс выступал в качестве посредника Гвинейры, он решил поехать верхом. К тому же он чувствовал себя увереннее и был преисполнен важности, когда восседал на коне — четвероногом символе положения в обществе *pakeha*. Ему очень нравился этот конь. Это был подарок Флёретты — сын ее кобылы Нинианы и скакового жеребца арабской крови.

МакКензи ожидал, что наткнется на баррикаду между Киворд-Стейшн и деревней маори. МакДанн что-то говорил об этом, да и Гвин тоже возмущалась по поводу того, что ее пытаются отрезать от пути в Холдон.

На самом деле Джеймс беспрепятственно добрался до деревни. Он как раз миновал первые хижины и увидел большой дом для собраний. Но настроение в поселении было странным.

МакКензи не почувствовал открытого вызывающего противостояния и упрямства, о котором говорили Гвинейра, Энди МакАран и Покер Ливингстон. И, прежде всего, никакого триумфа по поводу решения губернатора. Джеймсу показалось, что маори скорее пребывали в напряженном ожидании. Люди, окружившие МакКензи, бросали на гостя недружелюбные взгляды, как и во время более ранних визитов в деревню, но, казалось, угрозы не представляли. Он увидел нескольких мужчин с татуировками воинов, однако они были в штанах и рубашках, а не в традиционной одежде, копий у них также не было. Женщины занимались ежедневной работой и при этом старались не смотреть на посетителя.

В конце концов из одного домика вышла Кири.

— Мистер Джеймс! Я слышала, что вы снова здесь, — церемонно произнесла она. — Это большая радость для мисс Гвин.

Джеймс улыбнулся. Он всегда догадывался, что Кири и Моана были в курсе событий, происходящих в Киворд-Стейшн.

Но Кири не ответила на улыбку Джеймса, а серьезно посмотрела на него. Продолжая разговор, она вдумчиво, почти осторожно подбирала слова.

— И я хочу сказать... Мне очень жаль. Моане и Вити тоже жаль. Если теперь мир, мы с удовольствием прийти снова в дом. И мы прощаем мистера Пола. Он изменился, говорит Марама. Хороший человек. Для меня хороший сын.

Джеймс кивнул.

— Отлично, Кири. И для мистера Пола тоже. Мисс Гвин надеется, что он скоро вернется. — Он удивился, когда Кири после этого отвернулась.

Больше никто не разговаривал с ним, пока он не оказался перед домом вождя. Он слез с коня. МакКензи был уверен, что Тонга знает о его прибытии, но молодой вождь, очевидно, хотел, чтобы его попросили о

встрече.

Джеймс повысил голос:

— Тонга! Мы должны поговорить! Мисс Гвин получила указ губернатора. Она хочет вести переговоры.

Тонга медленно вышел из дома. На нем была традиционная одежда и татуировки воина, а вместо копья священный топор вождя. На его лице Джеймс обнаружил следы побоев. Хотел ли кто-то оспорить власть молодого вождя? Были ли у него конкуренты в собственном племени?

Джеймс протянул ему руку, но Тонга не пожал ее.

Джеймс усмехнулся. Нет так нет. В его глазах поведение Тонги было незрелым, но чего еще он мог ожидать от столь юного человека? Джеймс решил не играть в его игры, а оставаться выдержанным при любых обстоятельствах. Возможно, имело смысл воззвать к чести мужчины.

— Тонга, ты так молод, а уже вождь. Значит, твои люди считают тебя благоразумным человеком. Хелен также высокого о тебе мнения, и то, чего ты добился от губернатора, поразительно. Ты доказал свое мужество и выносливость. Но теперь нам нужно прийти к соглашению. Мистер Пол не здесь, но мисс Гвин будет вести за него переговоры. И она гарантирует, что ее сын будет придерживаться всех заключенных договоренностей. Ему придется это сделать, в конце концов, его обязывает указ губернатора. Окончи же эту войну, Тонга! Хотя бы ради твоих же людей. — Джеймс держал руки вытянутыми, он не был вооружен. Тонга должен был понять, что он пришел с миром.

Молодой вождь выпрямился, но все равно был ниже Джеймса. Он был даже ниже Пола, что беспокоило его на протяжении всего детства. Но теперь он обладал достоинством вождя, и ему не нужно было стыдиться! Даже убийства Пола...

— Передай Гвинейре Уорден, что мы готовы к переговорам, — холодно сказал он. — Мы не сомневаемся, что решение суда будет исполнено. Мисс Гвин с последнего полнолуния является наследницей Уорденов. Пол Уорден мертв.

— Это был не Тонга... — Джеймс обнимал Гвинейру, рассказывая ей о смерти сына. Гвинейра сухо всхлипывала. У нее не было слез, и она ненавидела себя за это. Пол был ее сыном, но она не могла о нем плакать.

Кири молча поставила заварник на стол перед ними. Она и Моана пришли на ферму Уорденов вместе с Джеймсом. Обе женщины снова принялись хозяйничать в кухне и в складских помещениях, как будто ничего не случилось.

— Ты не можешь предъявлять претензии Тонга, не то еще, чего доброго, сорвутся переговоры. Я думаю, он и сам себе предъявляет претензии. Насколько я понял, кто-то из его воинов потерял самообладание. Ему показалось, что честь вождя задета, и он нанес удар копьем — в спину! Тонге, без сомнений, очень стыдно. При этом убийца даже не принадлежал к его племени. Соответственно, Тонга не имел над ним власти. Поэтому его и не наказали. Тонга только отправил его обратно к своим людям. Если хочешь, можешь организовать официальное расследование. Тонга и Марама были свидетелями и не станут врать на суде. — Джеймс наполнил одну из чашек чаем, положил в нее побольше сахара и протянул Гвинейре.

Женщина покачала головой.

— Что это изменит? — тихо спросила она. — Воин увидел угрозу чести вождя, Пол увидел угрозу своей жене, Говард почувствовал себя обиженным... Джеральд женился на девушке, которую не любил... Одно приводит к другому, и это никогда не кончится. Я очень устала, Джеймс. — Она дрожала всем телом. — А мне так хотелось бы сказать Полу, что я его люблю.

Джеймс прижал женщину к себе.

— Он бы понял, что ты обманываешь его, — тихо произнес он. — Ты не можешь этого изменить, Гвин.

Она кивнула.

— Мне придется с этим жить, и я буду каждый день ненавидеть себя за это. Любовь — странная штука. Я ничего не чувствовала к Полу, но Марама любила его... так естественно, как дышала, и беспрекословно, что бы Пол ни сделал. Говоришь, она была его женой? Где она? Тонга что-то с ней сделал?

— Предполагаю, что она была женой Пола официально. В любом случае Тонга и Пол дрались друг с другом за нее. Значит, для Пола все было серьезно. Где она сейчас, я не знаю. Возможно, она похоронила Пола и скрылась. Нам придется спросить Тонгу или Кири.

Гвинейра выпрямилась. У нее все еще дрожали руки, но ей удалось согреть пальцы о чашку и поднести ее ко рту.

— Мы должны это выяснить. Нельзя, чтобы с девушкой тоже что-то случилось. Мне все равно нужно в деревню, причем как можно быстрее... Я хочу это уладить. Но, конечно, не сегодня. Не этой ночью. Эта ночь нужна мне для себя. Я хочу побыть одна, Джеймс... мне нужно подумать. Завтра, когда взойдет солнце, я поговорю с Тонгой. Я буду бороться за Киворд-Стейшн, Джеймс! Тонга не получит ее!

Джеймс взял Гвинейру на руки и бережно понес ее в спальню.

— Все, что пожелаешь, Гвин. Но я не оставлю тебя одну. Я буду рядом, и этой ночью тоже. Ты можешь плакать или рассказывать о Поле... должны же быть и хорошие воспоминания. Иногда же ты, наверное, гордилась им! Расскажи мне о нем и о Мараме. Или позволь просто обнимать тебя. Ты не должна говорить, если тебе не хочется. Но ты не одна.

На Гвинейре было черное платье, когда она встретилась с Тонгой на берегу озера Киворд-Стейшн и деревней маори. Переговоры не проводились в закрытых помещениях — боги, духи и предки должны были быть свидетелями. За спиной Гвинейры стояли Джеймс, Энди, Покер, Кири и Моана. За Тонгой — примерно двадцать воинов, свирепо поглядывающих на переговорщиков.

После обмена формальными приветствиями вождь еще раз выразил Гвин сожаление в связи со смертью ее сына — подобающими словами и на идеальном английском. Гвинейра узнала школу Хелен. Тонга был странной помесью дикаря и джентльмена.

— Губернатор решил, — твердым голосом сказала Гвинейра, — что продажа земли, называемой сегодня Киворд-Стейшн, не во всех отношениях соответствовала правовым нормам договора Вайтанги...

Тонга язвительно рассмеялся.

— Не во всех отношениях? Продажа была незаконной!

Гвинейра покачала головой.

— Нет, она не была таковой. Она была произведена перед заключением договора, который гарантировал маори минимальную цену их земли. Нельзя пойти против договора, который еще не был действительным — и который Каи Таху никогда не подписывали. Тем не менее губернатор считал, что Джеральд Уорден при покупке обделил вас. — Она глубоко вздохнула. — И после подробной проверки документов я должна признать его правоту. Джеральд Уорден скормил вам деньги на карманные расходы. Вы получили всего лишь две трети минимальной суммы, которая вам полагалась. Губернатор теперь постановил, что мы должны выплатить эту сумму или отдать вам соответствующий участок земли. Последнее кажется мне более справедливым, потому что земля сейчас стоит дороже.

Тонга изучал ее с язвительной ухмылкой.

— Какая нам выпала честь, мисс Гвин! — заметил он и собрался сделать поклон. — Значит, вы действительно хотите поделиться с нами вашей бесценной Киворд-Стейшн?

Гвинейра с удовольствием указала бы этому молодому надменному наглецу на его место, но время для этого было неподходящее. Выдержав

паузу, женщина взяла себя в руки и продолжила переговоры с таким же достоинством, как и начала.

— В качестве компенсации я хочу предложить вам ферму О'Кифов. Я знаю, что вы часто ходите туда, а горная местность богаче рыбой и дичью, чем Киворд-Стейшн. Но зато она менее подходит для разведения овец. Нам всем бы это подошло. По площади ферма О'Кифов вполтину меньше Киворд-Стейшн. Значит, вы получите больше земли, чем вам предписано губернатором.

Гвинейра обдумала этот план, не узнав даже еще решения губернатора. Хелен хотела продать ферму и остаться в Квинстауне, так что Гвинейра могла бы выплачивать ей деньги частями. Это не обременило бы Киворд-Стейшн и, конечно же, с точки зрения покойного Говарда О'Кифа, было бы лучше, поскольку его земля досталась бы маори, а не Уорденам, которых он ненавидел.

Мужчины за спиной Тонги начали перешептываться. Очевидно, предложение вызвало у них большой интерес. Тем не менее Тонга покачал головой.

— Какая щедрость, мисс Гвин! Участок менее ценной земли, захудалая ферма — и глупые маори уже счастливы, да? — Он снова рассмеялся. — Нет, я себе все это представлял немного иначе.

Гвинейра вздохнула.

— Чего ты хочешь? — спросила она.

— Чего я хочу... чего мне, собственно, хотелось... так это земли, на которой мы стоим. От дороги, ведущей в Холдон, до танцующих камней... — Так маори называли каменный круг на пути между фермой и горной местностью.

Гвинейра наморщила лоб.

— На этой земле стоит наш дом! Это невозможно!

Тонга ухмыльнулся.

— Я же сказал, что хотел этого... Но мы перед вами в долгу за пролитие крови, мисс Гвин. По моей вине погиб ваш сын, даже если это сделал не я лично. Мне этого не хотелось, мисс Гвин. Я хотел видеть, как он прольет кровь, а не умрет. Я хотел, чтобы он смотрел, как я сровняю с землей его дом — или вообще там поселюсь! С Марамой, моей женой. Это причинило бы ему больше страданий, чем любое копье. Но это уже позади. Я решил пожалеть вас. Оставьте себе свой дом, мисс Гвин. Но я хочу всю землю от танцующих камней до ручья, отделяющего Киворд-Стейшн от фермы О'Кифов. — Он вызывающе посмотрел на нее.

Гвинейре показалось, будто земля уходит у нее из-под ног. Она отвела

взгляд от Тонги и посмотрела на Джеймса. В ее глазах отражались замешательство и отчаяние.

— Это наши лучшие пастбища, — сказала она. — Кроме того, два из трех сараев для стрижки овец! Почти все огорожено!

Джеймс обнял ее и строго посмотрел на Тонгу.

— Возможно, вам двоим стоит это обдумать... — спокойно произнес он.

Гвинейра выпрямилась. Ее глаза сверкали.

— Если мы дадим вам то, чего вы требуете, — гневно выпалила она, — тогда мы можем передать вам сразу всю Киворд-Стейшн! Может, нам и правда стоит это сделать! Наследников-то у нас уже не будет! А мы с тобой, Джеймс, могли бы обосноваться на ферме Хелен...

Гвинейра глубоко вдохнула и окинула взглядом землю, которую берегла и возделывала двадцать лет.

— Все будет разрушено, — продолжала она, — разведение скота, овцеводческая ферма, а теперь и лонгхорны... А ведь в это вложено столько труда! У нас были лучшие животные в Кентербери, если не на всем острове. Черт побери, Джеральд Уорден совершал ошибки, но такого он не заслужил! — Она прикусила губу, чтобы не заплакать. В первый раз она пребывала в состоянии, которое вызвало у нее желание оплакивать Джеральда. Джеральда, Лукаса и Пола.

— Нет! — Голос прозвучал тихо, но пронзительно. Поющий голос, голос прирожденной рассказчицы и певицы.

Воины за спиной Тонги расступились, чтобы пропустить Мараму. Девушка спокойно пробиравлась между ними.

У Марама не было татуировок, но сегодня она нарисовала на коже знаки своего племени: они украшали ее подбородок и место между ртом и носом, делая ее узкое лицо похожим на одну из масок богов, которые Гвин видела в доме Матахоруа. Волосы Марама были собраны кверху, как это делали взрослые женщины племени, когда наряжались к празднику. Верхняя часть ее тела была обнажена, но прикрыта платком; кроме того, на ней была белая широкая юбка, подаренная когда-то Гвин.

— Не смей называть меня своей женой, Тонга! Я никогда с тобой не сочеталась браком и никогда этого не сделаю! Я — жена Пола Уордена. А эта земля была и остается землей Пола Уордена! — До этого момента Марама говорила по-английски; теперь она перешла на свой родной язык: соплеменники должны были понять ее правильно. Но в то же время она говорила достаточно медленно, чтобы Гвинейра и Джеймс по возможности не упустили ни одного слова. Каждый в Киворд-Стейшн должен был знать,

что хотела сказать Марама Уорден.

— Это земля Уорденов, но также и Каи Таху. А теперь родится ребенок от матери из племени тех, которые прибыли в Аотеароа на каноэ игиао. И от отца семейства Уорденов. Пол мне никогда не говорил, на каком каноэ прибыли предки его отца, но наш союз благословлен предками Каи Таху. Матери и отцы из игиао будут приветствовать ребенка. И это будет его земля.

Молодая женщина положила руки на свой живот, а потом подняла руки во всеохватывающем жесте, как будто ей хотелось обнять землю и горы.

В рядах воинов Тонги слышались голоса. Никто не хотел оспаривать права ребенка Марама на ферму, тем более если вся земля фермы О'Кифов переходила во владение племени маори.

Гвинейра улыбнулась и собралась с духом, чтобы дать ответ. У нее немного кружилась голова, но она чувствовала явное облегчение; теперь ей нужно подобрать правильные слова и убедительно произнести их. Это была ее первая речь на языке маори, выходящая за пределы повседневных проблем, и ей хотелось, чтобы каждый ее понял:

— Твой ребенок из рода тех, кто прибыл на Аотеароа на «Дублине». Семья его отца также примет этого ребенка. Как наследника этой фермы, называемой Киворд-Стейшн и находящейся на земле Каи Таху.

Гвинейра попыталась повторить недавний жест Марама, но теперь уже Марама и ее неродившийся внук заключили ее в объятия.

Благодарности

Большое спасибо моему редактору Мелани Бланк-Шрёдер, которая с самого начала верила в успех этого романа, а также моему гениальному агенту Бастиану Шлюку.

Спасибо Хайке, которая обеспечила мне контакт с Павгири, и Павгири с Зигридом, которые ответили на невероятно огромное количество вопросов о культуре маори. Если в мои описания тем не менее вкрались ошибки, их стоит записывать только на мой счет.

Огромное спасибо Кларе за большое количество специальной информации о качестве шерсти овец и их породах, за помощь в интернет-исследованиях, касающихся темы эмигрантов из Новой Зеландии в XIX веке, и квалифицированное «тестовое чтение».

Еще я, конечно же, благодарю кобов, которые снова и снова «скакали галопом в моей голове», и Клео за тысячи почтительных собачьих улыбок.

Сара Ларк

notes

Примечания

Мэри Уолстонкрафт — британская писательница, философ и феминистка XVIII века. Автор романов, трактатов, сборника писем, книги об истории Великой французской революции, книги о воспитании и детской книги. Уолстонкрафт известна своим эссе «Защита прав женщины» (1792), в котором она утверждает, что женщины не являются существами, стоящими на более низкой ступени развития по отношению к мужчинам. (Примеч. ред.)

**Ромни-марш, шевииот, уэльская горная — породы овец. {Примеч.
пер.)**

Особый вид верховой езды с преодолением препятствий, исполнением сложных заданий, фигур и т. п. (Примеч. пер.)

Особый вид вышивки полукрестом. (Примеч. пер.)

Эдвард Бельвер-Литтон (1803—1873) — британский романист, драматург и политический деятель. (Примеч. пер.)

Высший титул владетельного князя в Индии. (Примеч. пер.)

Носильщик, грузчик, чернорабочий в Китае, Японии и в некоторых других странах Азии. (Примеч. пер.)

8

Место, отведенное для конского бега или скачек.

Фукус («морской дуб», «царь водоросль», «морской виноград») — род циклоспоровых водорослей. Имеют бурый цвет, употребляются как добавка к пище. Эти водоросли обеспечивают организм человека витаминами и аминокислотами.

Траппер (англ. trap — ловушка) — охотник на пушных зверей в Северной Америке.